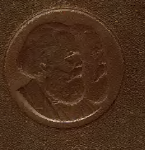
К. МАРКС
и
Ф. ЭНГЕЛЬС

ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА при ЦК КПСС

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

СОЧИНЕНИЯ

Издание второе

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1973

К. МАРКС
и
Ф. ЭНГЕЛЬС

ТОМ
47

3К1

М $\frac{0111-104}{079(02)-73}$ Подписное

ПРЕДИСЛОВИЕ

Содержание сорок седьмого, так же как и следующего, сорок восьмого, тома Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса составляет впервые публикуемая экономическая рукопись К. Маркса 1861—1863 гг., за исключением опубликованной ранее (см. настоящее издание, т. 26, ч. I—III) составной части этой рукописи — «Теорий прибавочной стоимости» (IV тома «Капитала»).

Рукопись 1861—1863 гг., озаглавленная Марксом «К критике политической экономии», первоначально создавалась им в процессе работы над вторым выпуском «К критике политической экономии». В предисловии к первому выпуску этой работы, вышедшему в свет в 1859 г., Маркс писал: «Я рассматриваю систему буржуазной экономики в следующем порядке: *капитал, земельная собственность, наемный труд, государство, внешняя торговля, мировой рынок*... Первый отдел первой книги, трактующей о капитале, состоит из следующих глав: 1) товар, 2) деньги, или простое обращение, 3) капитал вообще. Первые две главы составляют содержание настоящего выпуска» (настоящее издание, т. 13, стр. 5). В соответствии с этим рукопись 1861—1863 гг. имеет подзаголовок: «Глава третья. Капитал вообще».

Впервые категория «Капитал вообще» (das Kapital im Allgemeinen) была введена и исследована Марксом в рукописи 1857—1858 гг. По характеристике Маркса, эта категория представляет собой абстракцию, выражающую специфическую особенность капитала в отличие от других форм производства. В то же время «капитал вообще» и сам обладает реальным существованием

наряду с отдельными реальными капиталами — в качестве совокупного общественного капитала, в качестве всеобщего экономического базиса буржуазного общества.

В ходе работы над рукописью 1857—1858 гг. Маркс пришел к тому трехчленному делению раздела о «капитале вообще» — 1) процесс производства капитала, 2) процесс обращения капитала, 3) единство того и другого, или капитал и прибыль, — которое впоследствии легло в основу расчленения всей теоретической части труда Маркса. Указанная трехчленная структура принята также и в наброске плана третьей главы «К критике политической экономии», составленного Марксом после выхода в свет первого выпуска и резюмирующего содержание «Главы о капитале» рукописи 1857—1858 гг. (см. настоящее издание, т. 46, ч. II, стр. 513—521). Этим планом Маркс руководствовался в своей работе над рукописью 1861—1863 гг.

Данная рукопись, включая «Теории прибавочной стоимости», состоит из 23-х тетрадей общим объемом около 200 печатных листов и имеет сквозную нумерацию страниц. В первых пяти тетрадях, написанных с августа 1861 приблизительно по январь 1862 г., рассматриваются вопросы, которые позже получили дальнейшую разработку в I томе «Капитала»: «Превращение денег в капитал» (тетради I, II и начало III), «Абсолютная прибавочная стоимость» (тетрадь III), «Относительная прибавочная стоимость» (тетради III—V).

Приступив (в V тетради рукописи) к разделу о капиталистическом применении машин, Маркс в январе 1862 г. прервал изложение этого раздела и перешел к подробному критическому исследованию истории буржуазной политической экономии — к «Теориям прибавочной стоимости», которые занимают тетради VI—XV.

В ноябре 1862 г., в процессе разработки (в XV тетради) заключительной темы «Теорий прибавочной стоимости» — «Доход и его источники. Вульгарная политическая экономия» — Маркс постепенно перешел к проблематике будущего III тома «Капитала», к анализу ссудного и торгового капитала, который продолжается до самого конца XV тетради. В тетради XVI и в значительной части тетради XVII, написанных в декабре 1862 г., Маркс рассмотрел вопросы: «Прибавочная стоимость и прибыль», «Падение нормы прибыли» и продолжил анализ торгового капитала, начатый в заключительной части XV тетради.

В самом конце 1862 г. Маркс принял решение опубликовать свой труд не в виде второго выпуска «К критике политической экономии», а как самостоятельное произведение под заглавием

«Капитал», с подзаголовком «К критике политической экономии» (см. письмо Л. Кугельману от 28 декабря 1862 г.; настоящее издание, т. 30, стр. 527).

В конце XVII и в начале XVIII тетради содержится раздел «Возвратные движения денег в процессе капиталистического воспроизводства», относящийся к проблематике будущего II тома «Капитала». В XVIII тетради, написанной в январе 1863 г., Маркс вновь возвращается к исследованию торгового капитала, а затем — к «Теориям прибавочной стоимости». В этой же тетради имеются наброски планов I и III частей «Капитала» (см. настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 424—426).

В конце V тетради, а также в XIX и XX тетрадях, написанных в ноябре 1862 — мае 1863 г., Маркс вернулся к разделу о машинах и завершил его, после чего рассмотрел вопрос об относительной и абсолютной прибавочной стоимости в их сочетании. Самый конец XX тетради посвящен «Теориям прибавочной стоимости».

В тетрадях XXI—XXIII, написанных в мае — июле 1863 г., наряду с отдельными заметками, примыкающими к «Теориям прибавочной стоимости», содержатся разделы о «формальном и реальном подчинении труда капиталу», об «обратном превращении прибавочной стоимости в капитал», о «так называемом первоначальном накоплении», — относящиеся к проблематике I тома «Капитала», и раздел о «процессе простого воспроизводства», относящийся к проблематике II тома.

В основу расположения текста рукописи 1861—1863 гг. при подготовке ее к настоящей публикации был положен хронологический принцип. Некоторые отступления от этого принципа, обусловившие известную перегруппировку материала, были произведены в строгом соответствии с указаниями Маркса в самом тексте рукописи, на обложках отдельных тетрадей, в набросках планов и т. д. Согласно этим указаниям, весь публикуемый текст рукописи сгруппирован по трем основным отделам — «Процесс производства капитала», «Процесс обращения капитала» и «Капитал и прибыль». Поэтому вслед за текстом первых пяти тетрадей рукописи помещен текст XIX и XX тетрадей, являющийся непосредственным продолжением текста V тетради. Далее, второй отдел — «Процесс обращения капитала» помещен перед третьим отделом — «Капитал и прибыль», хотя он был написан в основном после третьего отдела. Наконец, отдел «Капитал и прибыль» открывается текстом, который содержится в XVI и XVII тетрадях и служит началом этого отдела, а уже после этого идет текст, содержащийся в XV тетради.

Таким образом, в состав сорок седьмого тома включается отдел «Процесс производства капитала» (тетради I—V, XIX и XX). В следующем, сорок восьмом томе будут воспроизведены отделы «Процесс обращения капитала» и «Капитал и прибыль», а также добавления к отделу о процессе производства капитала (тетради XV—XVIII, XXI—XXIII).

* * *

Рукопись 1861—1863 гг. представляет собой дальнейший крупный шаг в развитии экономической теории Маркса. Во-первых, опираясь на уже разработанные им в рукописи 1857—1858 гг. теорию стоимости и теорию прибавочной стоимости, Маркс продолжил свой анализ отношений между трудом и капиталом и рассмотрел обширный круг вопросов, связанных с антагонистическими противоречиями капитализма, с положением и борьбой рабочего класса в буржуазном обществе. Во-вторых, Маркс дал целостный анализ процесса капиталистического производства, проследил его в его историческом развитии, выделив этапы формального и реального подчинения труда капиталу. Впервые были детально рассмотрены последовательные стадии повышения производительности труда на основе капиталистического способа производства, развития реального подчинения труда капиталу. Особое значение в этой связи имеет данный Марксом анализ научно-технического прогресса при капитализме, его социально-экономических последствий. В-третьих, предпринятое в историко-критической части рукописи 1861—1863 гг. — в «Теориях прибавочной стоимости» — всестороннее исследование истории буржуазной политической экономии сопровождалось интенсивной разработкой ряда важнейших сторон экономического учения Маркса: теорий прибыли, средней прибыли и цены производства, земельной ренты, закономерностей капиталистического воспроизводства, экономических кризисов, специфики и критериев производительного труда при капитализме.

Хотя основное содержание той части рукописи, которая публикуется в настоящем томе, впоследствии нашло свое воплощение в I томе «Капитала», вышедшем в свет в 1867 г., тем не менее она занимает важное место в экономическом наследии Маркса, представляет большой теоретический и исторический интерес. Наряду с его другими экономическими рукописями, данная рукопись раскрывает самый процесс создания Марксова экономического учения, позволяет увидеть результат вместе с его становлением. Кроме того, она образует ценный комментарий

к окончательному тексту «Капитала», так как содержит ряд разделов, не получивших впоследствии столь подробной разработки.

Рассматривая в рукописи 1861—1863 гг. процесс создания прибавочной стоимости, Маркс дает подробное обоснование того соответствия, которое существует между процессом капиталистической эксплуатации, процессом производства прибавочной стоимости и законом стоимости, законом обмена эквивалентов. Это обоснование составляет центральный пункт Марксовой теории прибавочной стоимости, кардинально отличающий ее как от теорий буржуазных экономистов, так и от различных концепций мелкобуржуазного социализма. «Экономисты, — замечает Маркс, — никогда не могли примирить прибавочную стоимость с установленным ими самими законом эквивалентности. Социалисты всегда цеплялись за это противоречие и постоянно к нему возвращались, вместо того чтобы разобраться в специфической природе этого товара, рабочей силы, потребительная стоимость которого сама представляет собой деятельность, создающую меновую стоимость» (настоящий том, стр. 94). Поэтому Маркс уделяет большое внимание всестороннему исследованию товара рабочая сила.

Прежде всего он раскрывает специфический характер этого товара, неразрывно связанный с природой капиталистического способа производства, качественно отличающегося от простого товарного хозяйства. Те буржуазные экономисты, которые отождествляли капиталистические отношения с отношениями простых товаровладельцев, видели в прибавочной стоимости род торгового надувательства, нарушение эквивалентного обмена между производителями и потребителями. Некоторые из них понимали, что обмен не может служить источником прибавочной стоимости (они рассматривали ее в форме прибыли), однако все усилия вывести ее из простого процесса труда оказывались безрезультатными.

Маркс показывает, что товарное производство и обращение в своей развитой — денежно-стоимостной — форме действительно является при определенных условиях исходным пунктом капиталистического производства, однако последнее отнюдь не сводится к товарно-денежным отношениям, а представляет собой существенно новый этап развития этих отношений. «Капитал с самого начала, — пишет Маркс, — выступает как такое отношение, которое может быть лишь результатом определенного исторического процесса и основой определенной эпохи в общественном способе производства» (там же, стр. 37). Только на определенной ступени экономического развития общества владелец

денег находит на рынке свободного от средств труда рабочего, имеющего для продажи одну только свою рабочую силу — единственный товар, потребление которого равнозначно созиданию новой стоимости. Не проводя различия между рабочей силой и трудом, представляющим собой потребление этой рабочей силы, невозможно было выяснить и источник прибавочной стоимости. (Именно так получилось, например, в теории Рикардо.) Поэтому Маркс характеризует рабочую силу как всего лишь потенциальную возможность труда, отделенную как от самого труда, так и от условий его осуществления.

Потребительной стоимостью рабочей силы является самый процесс труда. В этой связи Маркс отмечает, что необходимость рассмотрения этого процесса вытекает из того, что «особая потребительная стоимость указанного товара и ее реализация как потребительной стоимости касаются самого̀ экономического отношения, само̀й экономической определенности формы» (там же, стр. 53). В процессе труда рабочий выступает лишь как персонифицированная рабочая сила. «Характерно, что в Англии, — пишет Маркс, — рабочих называют по главному органу, посредством которого действует их рабочая сила, а именно — по их собственным рукам — «*руки*»» (там же, стр. 54). Среди вещественных факторов процесса труда Маркс особо выделяет орудия производства, развитие которых «показывает, в какой степени человек усилил воздействие своего непосредственного труда на природу» (там же, стр. 56).

В самом процессе труда, отмечает Маркс, не выражено никакого определенного производственного отношения, поэтому характеристики этого процесса одинаково пригодны для всех общественных способов производства. Отсюда становятся ясными мотивы тех буржуазных экономистов, которые «в целях апологии капитала его смешивают или отождествляют с одним из моментов простого процесса труда вообще» (там же, стр. 66). Однако процесс капиталистического производства представляет собой не только процесс труда, но одновременно и процесс самовозрастания стоимости. Двойственный же характер труда в процессе капиталистического производства обнаруживается в том, что создание новой стоимости сопровождается сохранением стоимостей материала и средства труда в стоимости продукта. Эту особенность живого труда Маркс характеризует как его «природный», «бесплатный дар» капиталисту.

Исключительно важное значение в Марксовом анализе отношения между трудом и капиталом имеет определение величины стоимости рабочей силы, так же как и ее денежного выражения — заработной платы. Буржуазные экономисты, начиная от физио-

кратов, рассматривали стоимость рабочей силы (они говорили, правда, о «стоимости труда») как некую неизменную величину, не зависящую от ступени исторического развития, развивали концепцию «минимума заработной платы», согласно которой величина заработной платы определяется стоимостью раз и навсегда данного набора жизненных средств, физически необходимых для существования рабочего. Опровержение этой концепции позволило Марксу обосновать необходимость борьбы рабочего класса за повышение заработной платы и сокращение рабочего дня. Характеризуя величину стоимости рабочей силы, Маркс показывает, что «объем так называемых первых жизненных потребностей и способ их удовлетворения в значительной мере зависят от состояния культуры общества,... являются продуктом истории» (там же, стр. 42). Следовательно, при определении величины заработной платы, так же как и стоимости рабочей силы, речь отнюдь не идет о «крайней границе физической необходимости», хотя капитализм действительно стремится свести стоимость и цену рабочей силы к ее минимальному пределу.

На большом количестве примеров, заимствованных из статистических источников, в первую очередь из отчетов английских фабричных инспекторов, Маркс раскрывает присущую капиталу тенденцию к безграничному увеличению прибавочного труда, рисует ужасающую картину капиталистической эксплуатации.

Чрезмерный труд приводит к сокращению нормального срока функционирования рабочей силы, к «разрушению» ее стоимости, что является нарушением нормальных условий продажи рабочим своей рабочей силы. В этой связи Маркс пишет: «Капиталистическое производство выступает как наиболее экономичное... по отношению к *овеществленному труду*... И в то же время капиталистическое производство в большей мере, чем какой-либо другой способ производства, является расточительным по отношению к человеку, к живому труду, оно расточает не только плоть и кровь человека, его физическую силу, но и его умственную и нервную энергию. Действительно, только ценой величайшего ущерба, наносимого развитию каждого индивида в отдельности, достигается их общее развитие в те исторические эпохи, которые являются прелюдией к социалистической организации человеческого общества» (там же, стр. 186).

Капиталистическое производство прямо заинтересовано в этом «непредумышленном убийстве» — в чрезмерной эксплуатации рабочего класса. Только сопротивление рабочего класса способно помешать реализации безмерных притязаний капитала.

«Разрозненными усилиями рабочих» обуздать эти притязания невозможно, здесь необходимо сопротивление всего рабочего класса. Маркс анализирует борьбу рабочего класса, которая привела к законодательному ограничению рабочего дня не только в Англии, но и на европейском континенте (во Франции, Пруссии, Австрии). Английские фабричные инспектора в своих отчетах вскрыли целую систему обхода фабричных законов, принятых в конце концов парламентом и направленных на некоторое ограничение эксплуатации. Хотя нередко эти законы и превращались в мертвую букву, все же Маркс отмечал то «чрезвычайно благотворное влияние», которое они — не в последнюю очередь благодаря деятельности фабричных инспекторов — оказали «на улучшение физического, морального и интеллектуального состояния рабочего класса в Англии» (там же, стр. 400). Впоследствии Маркс специально подчеркнул этот факт в Учредительном Манифесте Международного Товарищества Рабочих (см. настоящее издание, т. 16, стр. 8).

Охарактеризовав капиталистический процесс производства как единство процесса труда и процесса увеличения стоимости, Маркс рассматривает его в его историческом развитии, выделяя этапы формального и реального подчинения труда капиталу. (Впоследствии, в XXI тетради рукописи 1861—1863 гг. Маркс еще раз вернулся к этому вопросу и исследовал его более подробно.) Формальное подчинение труда капиталу Маркс характеризует как осуществляемое пока еще в условиях прежнего способа производства командование капитала над процессом труда, контроль за расходованием материала и средств труда, рабочего времени и т. д. «Только в ходе своего развития, — пишет Маркс, — капитал подчиняет себе процесс труда не только формально, но и преобразует его, придает новую форму самому способу производства и таким образом впервые создает свойственный ему способ производства» (настоящий том, стр. 98). Указанным двум этапам в историческом развитии капитализма соответствуют абсолютная и относительная формы прибавочной стоимости. Как отмечает Маркс, «тенденция капитала заключается в том, чтобы одновременно развивать прибавочную стоимость в ее обеих формах» (там же, стр. 584).

Сопротивление рабочего класса ставит определенные пределы росту абсолютной прибавочной стоимости, увеличению прибавочного рабочего времени посредством удлинения рабочего дня. Помимо этого существуют и чисто физические границы такого удлинения. Класс капиталистов стремится возместить свои «потери» путем дальнейшего развития производительных сил, повышения производительности труда, в результате чего возни-

кает возможность за меньшее количество рабочего времени производить всю сумму жизненных средств, необходимых для рабочего класса. Тем самым часть необходимого труда рабочего превращается в прибавочный труд, что ведет к возрастанию относительной прибавочной стоимости. В повышении производительности труда, как показывает Маркс, заинтересованы и те капиталисты, которые не создают жизненные средства для рабочих, так как такое повышение, до тех пор пока оно не стало всеобщим, дает возможность капиталисту, оплачивающему более производительный труд в прежнем размере, продавать продукт этого труда по более высокой общественной стоимости, превышающей его индивидуальную стоимость. Во всех случаях увеличение относительной прибавочной стоимости является результатом сокращения необходимого рабочего времени, вследствие чего «повышается вес капитала по отношению к труду» (там же, стр. 268).

При этом круг потребляемых рабочим жизненных средств может и расширяться, хотя стоимость этих жизненных средств уменьшается. Маркс отмечает, что возможное улучшение жизненного положения рабочего «ничего не меняет в *природе* и *законе относительной прибавочной стоимости,* ничего не меняет в том, что в результате повышения производительности труда все более значительная часть рабочего дня присваивается капиталом. Отсюда видна вся вздорность попыток опровергнуть этот закон путем подбора статистических выкладок в доказательство того, будто материальное положение рабочего в том или ином месте, в том или ином отношении улучшилось вследствие развития производительной силы труда» (там же, стр. 279). Сформулированная в этом высказывании действительная диалектика обнищания рабочего класса в буржуазном обществе ничего общего не имеет с той убогой схемой непрерывного автоматического процесса ухудшения положения рабочих при капитализме, которая приписывается Марксу его буржуазными и реформистскими критиками. Из теории Маркса следует, что система наемного труда вовсе не является для капитализма чем-то случайным, несущественным, как это нередко утверждают буржуазные экономисты. Это — необходимая общественная форма, закономерным следствием которой является то, что отношение между трудом и капиталом каждый раз все снова и снова воспроизводится — наряду с товаром и прибавочной стоимостью — как итог капиталистического процесса производства. В буржуазном обществе «рабочий всегда работает лишь для своего потребления; различие бывает лишь между большей или меньшей величиной издержек его потребления» (там же,

стр. 126). Маркс отмечает яростное сопротивление капитала всяким попыткам рабочих добиться повышения заработной платы вслед за ростом производительности труда и относительной прибавочной стоимости.

В рукописи 1861—1863 гг. Маркс впервые подробно рассматривает три последовательные стадии повышения производительной силы труда на основе капиталистического способа производства: «кооперацию», мануфактурное «разделение труда» и «машины, или применение сил науки». Форма кооперации, взаимодействия многих рабочих для достижения одного и того же результата, составляя исторически особый этап в развитии капитализма, вместе с тем «представляет собой *всеобщую форму,* которая лежит в основе всех общественных устройств, направленных на увеличение производительности общественного труда» (там же, стр. 285). Всеобъемлющий характер понятия кооперации Маркс иллюстрирует примером кооперации в науке, когда «10 астрономов в обсерваториях различных стран ведут одни и те же наблюдения» (там же, стр. 289). Результатом кооперации является повышение эффективности труда: расширение сферы его действия, сокращение времени, в течение которого достигается определенный результат, и такое развитие производительных сил, на которое изолированный работник вообще не был способен. В той мере, в какой применение кооперации рабочих уменьшает необходимое рабочее время, оно увеличивает размеры относительной прибавочной стоимости, безвозмездно присваиваемой капиталистом. В этом смысле «кооперация, эта общественная производительная сила общественного труда, выступает как производительная сила капитала, а не труда» (там же, стр. 291). Маркс отмечает, что такого рода «перестановка» имеет место в отношении всех производительных сил буржуазного общества; здесь происходит «процесс отчуждения труда, ... превращение его собственных общественных форм в чуждые труду силы» (там же, стр. 343).

В условиях капиталистической кооперации, когда взаимосвязь между работниками является чуждым для них отношением, возникает специфический вид труда по надзору. Функция руководства трудом объективно необходима в условиях крупного производства, но, как показывает Маркс, та форма, которую это руководство процессом труда приняло бы «в условиях ассоциации», не имела бы ничего общего с тем командованием над трудом, которое осуществляется капиталом.

Разделение труда в условиях капиталистической мануфактуры Маркс характеризует как развитую далее форму кооперации, как мощное средство повышения производительности

труда и увеличения относительной прибавочной стоимости. Мануфактурное разделение труда развивается на основе общественного разделения труда, результатом которого является товарный обмен, — и представляет собой сотрудничество особых, частичных видов труда для создания одной и той же потребительной стоимости. В рукописи 1861—1863 гг. Маркс подробно исследует взаимодействие обоих типов разделения труда, отмечая в этой связи, что разделение труда «в известном отношении является категорией всех категорий политической экономии» (там же, стр. 298). Если разделение труда внутри общества соответствует товарным отношениям вообще, то внутрипроизводственное разделение труда представляет специфически капиталистическую форму. Раскрытая Марксом взаимообусловленность этих двух основных типов разделения труда означала, что «только с развитием капитала... впервые осуществляются также и общие законы, сформулированные относительно товара... товар действительно становится всеобщей элементарной формой богатства» (там же, стр. 345).

Исторически разделению труда в самом процессе капиталистического производства «соответствует *мануфактура* как особый *способ производства*» (там же, стр. 299). Мануфактура, первоначально представлявшая собой скопление рабочих, производивших один и тот же товар, и концентрацию средств труда в одной мастерской под руководством капиталиста, имела все предпосылки для развития в ней разделения труда, а следовательно, для роста его производительности; именно это дало ей решающие преимущества над патриархальным цеховым производством. Маркс показывает, что капиталистическая мануфактура характеризуется не распределением различных видов труда между рабочими, как это утверждали буржуазные экономисты, а наоборот — распределением рабочих между различными процессами труда, «каждый из которых становится их исключительным жизненным процессом» (там же, стр. 310). Оборотной стороной этого распределения является комбинация труда в мануфактуре, рассматриваемой как целое. Рабочие образуют простые «кирпичики» этой комбинации и полностью зависят от совокупного механизма.

Маркс прослеживает генезис машинного производства в недрах мануфактурного периода. В этой связи он делает важное методологическое замечание: «Так же как и при последовательной смене различных геологических формаций, при образовании различных экономических общественных формаций не следует верить во внезапно появившиеся, резко отделенные друг от друга периоды» (там же, стр. 460). Маркс обращает

внимание на тот факт, что «величайшие открытия», «предваряющие буржуазное общество», — порох, компас и книгопечатание, так же как и революционные открытия Коперника и Кеплера в астрономии — принадлежали ремесленному периоду в развитии буржуазного общества. «*Всеобщий ... закон,* который здесь действует, — отмечает Маркс, — состоит в том, что материальная возможность последующей формы [производства] — как технологические условия, так и соответствующая им экономическая структура предприятия — создается в рамках предшествующей формы» (там же, стр. 461). В этой связи Маркс подчеркивает ошибочность односторонней трактовки «несвободного» характера средневековых корпораций и цехов. «Это была та форма, в которой труд освобождался от земельной собственности, и, безусловно, тот период, когда труд в социальном и политическом отношениях находился на самом высоком уровне» (там же, стр. 463).

Впервые детальное изучение капиталистического применения машин Маркс предпринял еще в 1851 году. «В последнее время, работая в библиотеке, — сообщал он Энгельсу 13 октября, — ... я усиленно изучал главным образом технологию, ее историю...» (настоящее издание, т. 27, стр. 321). В это время Маркс сделал обширные выписки по истории технологии, в том числе из книги И. Поппе «История технологии со времени возрождения наук до конца восемнадцатого столетия» (три тома, 1807—1811), из трехтомного «Технического словаря» Э. Юра (1843—1844), из пятитомной работы И. Бекмана «К истории изобретений» (1782—1805). На основе этих материалов Марксом — в V тетради рукописи 1861—1863 гг. — была написана первая часть раздела о машинах. В январе 1863 года Маркс провел дополнительные исследования по указанной проблеме. «Я вношу некоторые добавления в раздел о машинах, — писал он Энгельсу 28 января. — Там есть ряд любопытных вопросов, которые я обошел при первой обработке. Для того чтобы уяснить себе все это, я перечитал целиком свои тетради (выписки) по технологии и слушаю практический (чисто экспериментальный) курс для рабочих профессора Уиллиса... в Геологическом институте» (настоящее издание, т. 30, стр. 261). Еще в 1851 г. Маркс проявил большой интерес к первой всемирной торгово-промышленной выставке, происходившей в то время в Лондоне. Теперь он внимательно штудирует вышедший в свет в 1855 г. второй том работы «Промышленность народов», содержавший «Обзор существующего уровня искусств и ремесел, машин и промышленного производства». Этот обзор был составлен на основе экспозиции выставки 1851 г. и, следовательно, включал

в себя самые новейшие технические достижения того времени.

Из работы Поппе Маркс заимствовал, в частности, подробные сведения по истории мельниц. Маркс отмечал, что «*мельницу*... можно рассматривать как первое такое *орудие труда*, в котором применен принцип машин», что «на истории мельницы можно изучать всю историю механики» (настоящий том, стр. 409).

В качестве технологических предпосылок машинного производства Маркс рассматривает дифференциацию, специализацию и упрощение орудий труда. Он высмеивает схоластические споры о различии между орудием и машиной и показывает, что речь здесь идет «о такой революции в применяемых средствах труда, которая преобразует способ производства, а потому и производственные отношения» (там же, стр. 403). Маркс приходит к выводу, что промышленная революция в первую очередь охватывает рабочую часть машины. Применение парового двигателя в качестве машины, производящей движение, Маркс характеризует как «вторую революцию» (там же, стр. 406).

Характерным для крупного машинного производства является широкое применение капиталом сил природы и науки. Уже в рукописи 1857—1858 гг. Маркс отметил тенденцию к превращению науки в непосредственную производительную силу. Теперь он конкретизирует это важнейшее положение, отмечает, что «капиталистическое производство впервые превращает материальный процесс производства в применение *науки к производству* — в науку, внедренную в практику» (там же, стр. 559). Капитал единолично использует достижения науки. «Имеет место *эксплуатация науки*, теоретического прогресса человечества» (там же, стр. 554). Но капитал не только эксплуатирует науку, он обращает ее достижения против трудящихся. «Наука выступает как *чуждая, враждебная* по отношению к труду и *господствующая* над ним *сила*» (там же, стр. 555). Маркс отмечает, что изобретение машин нередко было прямо вызвано забастовками рабочих. «Здесь машины также и *по своему замыслу вступают в игру как враждебная труду форма капитала*» (там же, стр. 377).

Свое классическое выражение способ производства, основанный на применении машин, находит в условиях «автоматической фабрики», где имеет место «применение взаимосвязанной системы машин». «*Автоматическая... фабрика*, — отмечает Маркс, — представляет собой завершенный способ производства, соответствующий системе машин, и она является тем более завершенной, чем более совершенную систему механизмов она образует, чем меньше выполнение отдельных процессов...

еще нуждается в опосредствовании человеческим трудом» (там же, стр. 504). Важное место в анализе Маркса занимает также категория фабричной системы, которую он характеризует как развитую организацию труда, соответствующую машинному производству на капиталистической основе. В своем исследовании фабричной системы капитализма Маркс широко использовал опубликованную в 1845 г. книгу Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». «Что касается главного в твоей книге, — писал Маркс Энгельсу 9 апреля 1863 г., — то все это до мельчайших подробностей подтвердилось дальнейшим развитием после 1844 года» (настоящее издание, т. 30, стр. 280).

Большое место в разделе о машинах занимает вопрос о предпосылках и последствиях капиталистического применения машин. Как и при всяком развитии производительных сил на капиталистической основе, главной целью введения машин является сокращение оплаченной части рабочего дня и удлинение его неоплаченной части, увеличение прибавочного рабочего времени. Поэтому важнейшей предпосылкой введения новых машин, как показывает Маркс, является концентрация условий труда и совместное, стало быть, более экономное применение их кооперированными рабочими. «Только благодаря этому они могут использоваться так, что их более высокая эффективность в процессе труда сопровождается меньшими издержками на них» (настоящий том, стр. 500). В этой связи Маркс исследует тенденцию машинного производства, направленную на комбинирование прежде независимых отраслей (прядения и ткачества), превращение их в непрерывную систему производства. Предпринятый Марксом на основе фабричных отчетов детальный статистический анализ указанных отраслей производства привел его к выводу, что на комбинированных предприятиях имеет место рост концентрации производства, более интенсивное использование энергии, более экономное применение рабочей силы.

Объективной тенденцией машинного производства является абсолютное или относительное удлинение рабочего времени. С этой тенденцией, со стремлением капиталиста ускорить возмещение основного капитала, обеспечить его непрерывное функционирование, связано введение ночных смен, а также интенсификация, или «уплотнение», труда. В рукописи 1861—1863 гг. этому последнему вопросу уделено большое внимание. Маркс констатирует наличие связи между законодательным установлением 10-часового рабочего дня в Англии и дальнейшим техническим прогрессом, направленным на повышение интенсивности труда. Переворот в промышленном производстве «был *вынужден-*

ным результатом установления в законодательном порядке крайнего предела эксплуатации рабочего» (там же, стр. 397). Этот свой вывод Маркс подтверждает тем, что «закон о десятичасовом рабочем дне не уменьшил прибыли английских фабрикантов» (там же, стр. 374). Однако рост интенсификации производства имеет объективные пределы. Маркс отмечает, что «вскоре была бы достигнута та ступень, на которой совокупный рабочий день должен был бы снова сократиться» (там же, стр. 399).

Маркс отмечает, вместе с тем, что рост интенсивности труда «является определенным условием общественного прогресса», так как он создает «свободное время также и для рабочих» и тем самым — возможность такой деятельности, которая «может действовать как отдых» (там же).

Одним из самых существенных результатов технического прогресса при капитализме является замена машинами живого труда. В этой связи Маркс констатирует тенденцию к относительному сокращению рабочего класса, указывая в то же время на его абсолютный рост: «Хотя численность рабочих абсолютно растет, но относительно она убывает, не только по отношению к постоянному капиталу, поглощающему труд рабочих, но также и по отношению к той части общества, которая не имеет непосредственного отношения к материальному производству или вообще не занята ни в каком производстве» (там же, стр. 338). Таким образом, объективным результатом капиталистического применения машин является новая ступень в развитии реального подчинения труда капиталу. Маркс отмечает, что только на этой ступени «*образование избытка рабочих*» происходит «как *явно выраженная и сознательная... тенденция, действующая в крупном масштабе*» (там же, стр. 545). Антагонистическое противоречие между капиталом и трудом достигает здесь своего наивысшего выражения, так как капитал выступает теперь уже «не только как средство обесценения живой рабочей силы, но также и как средство превращения ее в *излишнюю*» (там же, стр. 548). Наряду с этим Маркс отмечает и противоположную тенденцию машинного производства — к постоянному привлечению новых рабочих, к расширению сферы эксплуатации. Поэтому для капитализма характерны «постоянные *колебания*» в положении рабочего класса.

* * *

Публикуемый в настоящем томе текст рукописи 1861—1863 гг. был разделен на главы и параграфы самим автором. Подавляющее большинство заголовков к отдельным разделам рукописи

также дано Марксом. Редакционные заголовки и необходимые пояснения текста рукописи даются в квадратных скобках. В квадратных же скобках даны цифры, обозначающие тетради рукописи Маркса (римские цифры) и страницы каждой тетради (арабские цифры). В связи с этим те квадратные скобки, которые имеются в рукописи, заменены фигурными. Если текст рукописи дается без всяких перестановок, то номер тетради и страницы ставится только один раз, в самом начале каждой страницы рукописи. Если же текст печатается не подряд, а с теми или иными перестановками, то номер тетради и страницы рукописи ставится как в начале отрывка, так и в конце его.

Явные описки, попадающиеся в рукописи, исправлены при переводе текста на русский язык, как правило, без специальных упоминаний об этом в примечаниях. Кое-где редакцией введено разделение текста на абзацы в дополнение к абзацам, имеющимся в рукописи.

Приводимые Марксом цитаты из сочинений, переведенных на русский язык, даются в заново проверенных и уточненных переводах. В квадратных скобках указываются страницы наиболее распространенных русских изданий соответствующих произведений. Если Маркс ту или иную цитату приводит в сокращенном виде или в виде перифраза, то перевод этой цитаты дается в соответствии с формулировкой ее у Маркса.

Том снабжен научно-справочным аппаратом, состоящим из примечаний, аннотированного указателя имен, указателя цитируемой и упоминаемой литературы, указателя русских переводов цитируемых Марксом книг. Кроме того, в конце 48 тома будет дан предметный указатель к обоим томам.

Институт марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС

К. МАРКС

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РУКОПИСЬ 1861—1863 годов

ПРОЦЕСС ПРОИЗВОДСТВА КАПИТАЛА

ОТДЕЛ I
ПРОЦЕСС ПРОИЗВОДСТВА КАПИТАЛА[1]

ГЛАВА 1
ПРЕВРАЩЕНИЕ ДЕНЕГ В КАПИТАЛ

а) Д — Т — Д. НАИБОЛЕЕ ОБЩАЯ ФОРМА КАПИТАЛА

[I—1] Как деньги становятся капиталом? Иными словами — как владелец денег (т. е. *товаровладелец*) становится капиталистом?

Рассмотрим прежде всего форму *Д — Т — Д* — обмен денег на товары, т. е. *куплю*, производимую ради того, чтобы товар снова обменять на деньги, т. е. ради *продажи*. Раньше уже отмечалось [2], что в форме обращения *Т — Д — Т* крайние члены этой формы *(Т, Т)*, хотя они и представляют собой одинаковые величины стоимости, качественно различны; следовательно, в этой форме имеет место действительный обмен веществ (друг на друга обмениваются различные потребительные стоимости); стало быть, результат *Т — Т* — обмен товара на товар, фактически обмен друг на друга потребительных стоимостей — содержит в себе само собой разумеющуюся цель. В форме же *Д — Т — Д* (купля ради продажи), напротив, оба крайних пункта качественно *одинаковы:* деньги. Ведь если я обмениваю *Д* (деньги) на *Т* (товар), для того чтобы снова *Т* (товар) обменять на *Д* (деньги), т. е. покупаю, для того чтобы продать, то результатом является то, что я обменял деньги на деньги. В самом деле, обращение *Д — Т — Д* (купля ради продажи) распадается на следующие акты: во-первых, *Д — Т*, обмен денег на товар, купля; во-вторых, *Т — Д*, обмен товара на деньги, продажа; и, наконец, единство обоих этих актов, т. е. прохождение обеих стадий: *Д — Т — Д*, обмен денег на товар с тем, чтобы обменять товар на деньги, купить, для того чтобы продать. Результатом же всего процесса является *Д — Д*, обмен денег на деньги. Если я куплю на 100 талеров хлопка и снова продам этот хлопок за сто талеров, то в конце этого процесса, так же как и в его начале, у меня окажется 100 талеров; все движение состоит в том, что в результате покупки я расходую

100 талеров, а в результате продажи снова получаю 100 талеров. Результатом, следовательно, является *Д — Д,* т. е. то, что я фактически обменял 100 талеров на 100 талеров. Однако подобного рода операция представляется бесцельной и поэтому нелепой *. В конце процесса, так же как и в его начале, я обладаю деньгами, качественно — тем же самым товаром, количественно — той же самой величиной стоимости. Исходным и конечным пунктом процесса (движения) являются деньги. Одно и то же лицо расходует деньги как *покупатель* с тем, чтобы вернуть их себе в качестве *продавца. Пункт, из которого при этом движении деньги выходят, одинаков с тем, к которому они возвращаются.* Так как в форме *Д — Т — Д,* в процессе купли ради продажи, крайние члены *(Д, Д) качественно* одинаковы, процесс этот может обрести содержание и смысл только в том случае, если эти члены различаются *количественно.* Если я куплю на 100 талеров хлопка и продам этот же самый хлопок за 110 талеров, то фактически я обменял 100 талеров на *110* талеров, т. е. за 100 талеров купил 110 талеров. Таким образом, форма обращения [I—2] *Д — Т — Д,* купля ради продажи, приобретает содержание в результате того, что крайние члены *Д, Д,* хотя качественно они, как деньги, одинаковы — количественно различны, так как второе *Д* представляет собой более высокую величину стоимости, бо̀льшую сумму стоимости, чем первое. Товар покупают для того, чтобы продать его дороже, т. е. его покупают дешевле, чем продают.

Рассмотрим сначала форму *Д — Т — Д* (купля ради продажи) и сравним ее с рассмотренной ранее формой обращения *Т — Д — Т* (продажа ради купли). Прежде всего, обращение *Д — Т — Д,* так же как и обращение *Т — Д — Т,* распадается на два различных акта обмена, единством которых оно является. А именно: *Д — Т,* обмен денег на товар, или купля. В этом акте обмена друг другу противостоят покупатель и продавец. Далее, *Т — Д,* продажа, обмен товара на деньги. В этом акте друг другу также противостоят два лица, покупатель и продавец. Покупатель покупает у одного, а продает другому. Тот покупатель, от которого исходит движение, проделывает оба акта. Сначала он покупает, а затем продает. Иными словами, его деньги проходят обе стадии. Они выступают как исходный пункт на первой стадии и как результат на второй.

* Это совершенно правильно. Но тем не менее, такая форма обмена встречается (цель ее при этом безразлична); например, купивший может быть не в состоянии продать товар дороже, чем он его купил. Он может даже быть вынужден продать его дешевле, чем он его купил. В обоих случаях результат подобного рода операции противоречит ее цели. Однако это не препятствует тому, что она имеет общую форму с отвечающей своей цели операцией — форму *Д — Т — Д.*

Напротив, каждое из двух лиц, с которыми обменивается их владелец, проделывает только один акт обмена. Одно из них продает товар — то лицо, с которым он обменивается вначале. Другое покупает товар — то лицо, с которым он обменивается под конец. Тот товар, который одно лицо продает, и те деньги, на которые другое лицо покупает, не проходят, следовательно, обе противоположные фазы обращения, каждое из этих лиц проделывает только один акт. Оба этих односторонних акта продажи и купли, проделываемых обоими этими лицами, не представляют для нас какого-либо нового феномена; таковым, однако, является совокупный процесс, проделываемый тем покупателем, от которого этот процесс исходит. Рассмотрим поэтому совокупное движение, проделываемое тѐм покупателем, который затем снова продает, или теми деньгами, которыми он начинает всю операцию.

Д — Т — Д. Исходным пунктом здесь являются деньги, превращенная форма товара, форма, в которой товар всегда может быть обменен, в которой содержащийся в нем труд обладает формой всеобщего общественного труда, иными словами — форма, в которой товар представляет собой *обособившуюся меновую стоимость*. Стало быть, исходный пункт этой формы обращения, этого движения уже сам является продуктом товарного обращения, т. е. происходит из обращения, так как только в обращении и посредством обращения товар получает форму денег, превращается в деньги, иными словами — развивает свою меновую стоимость, развивает определенные самостоятельные формы, выступающие как различные определения денег. Далее, происходящая таким образом из обращения и обособившаяся в форме денег стоимость снова входит в обращение, становится товаром, однако из формы товара снова возвращается к своей денежной форме; но при этом одновременно возрастает величина ее стоимости.

Деньги, осуществляющие это движение, представляют собой *капитал;* иными словами, стоимость, обособившаяся в виде денег и осуществляющая этот процесс, является той формой, в которой прежде всего представляется или выступает капитал.

Форму *Д — Т — Д* мы можем раскрыть следующим образом: это есть такая обособившаяся в виде денег стоимость (если слово «*стоимость*» мы употребляем без поясняющего определения, то подразумеваем под ним только «*меновую стоимость*» [3]), т. е. такая происходящая из обращения стоимость, которая снова входит в обращение, сохраняется в нем и, увеличившись, снова из него возвращается (возвращается в виде возросшей величины стоимости). В той мере, в какой деньги

все снова и снова описывают этот кругооборот, они представляют собой стоимость, происходящую из обращения, снова входящую в обращение, увековечивающую (сохраняющую) и увеличивающую себя в нем.

[I—3] На первой стадии процесса деньги становятся товаром, на второй стадии товар снова становится деньгами. Крайний пункт, из которого исходит процесс, деньги (уже сами являющиеся происшедшей из обращения формой товара, в которой товар обособлен в своем определении в качестве меновой стоимости) являются одновременно исходным пунктом и пунктом возвращения. Стоимость, следовательно, сохраняется в том процессе, который она совершает, а в конце его снова возвращается к своей самостоятельной форме. Но в то же время результатом этого движения, ничего не изменившего в денежной форме стоимости, является то, что величина стоимости возросла. Стоимость не только сохраняет себя в качестве стоимости, но одновременно возрастает, умножается, увеличивается в этом движении как величина стоимости.

«Капитал... представляет собой постоянно сохраняющуюся, умножающую себя стоимость» (*Sismondi*. Nouveaux Principes d'Economie politique. Seconde édition. Tome I, Paris, 1827, стр. 89) [Русский перевод, том I, стр. 185].

В форме *Д* — *Т* — *Д* меновая стоимость выступает в равной степени как предпосылка и как результат обращения.

Капитал представляет собой такую стоимость *(деньги)*, которая в качестве адекватной меновой стоимости (в качестве денег) является результатом обращения, стоимость, обособившуюся в обращении, но снова входящую в обращение, в нем и посредством него сохраняющую и умножающую (увеличивающую) себя.

В форме *Д* — *Т* — *Д* меновая стоимость становится содержанием и самоцелью обращения. Продажа ради купли имеет своей целью потребительную стоимость; купля ради продажи — саму стоимость.

Здесь следует подчеркнуть два момента. *Во-первых*, форма *Д* — *Т* — *Д* является *совершающей процесс стоимостью*, меновой стоимостью в виде процесса, проходящего через различные акты обмена или стадии обращения и вместе с тем господствующего над ними. *Во-вторых*, в этом процессе стоимость не только сохраняется, но и увеличивает свои размеры, умножается, увеличивается; иными словами, стоимость в этом движении создает *прибавочную стоимость*. Она, следовательно, является не только сохраняющей, но и *увеличивающей* себя стоимостью, *стоимостью, которая полагает стоимость*.

Во-первых:

Рассмотрим прежде всего форму *Д — Т — Д* как таковую, оставляя в стороне то обстоятельство, что второе *Д* представляет собой бо̀льшую величину стоимости, чем первое *Д*. Сначала стоимость существует как деньги, потом как товар, затем снова как деньги. Она сохраняется в смене этих форм и возвращается после этого к своей первоначальной форме. Она претерпевает изменения формы, в процессе которых, однако, сохраняет себя и поэтому выступает их субъектом. Смена этих форм предстает поэтому как ее собственный процесс, иными словами, стоимость, как она здесь представляется, является стоимостью, совершающей процесс, субъектом процесса. Деньги и товар выступают только как особые формы бытия стоимости, которая сохраняет себя тем, что переходит из одной формы в другую и постоянно возвращается к самой себе в своей обособившейся форме денег. Таким образом, деньги и товар выступают как формы бытия совершающей процесс стоимости или капитала. Отсюда проистекают различные определения капитала. С одной стороны, приведенное выше определение, данное Сисмонди. Капитал — это сохраняющая себя стоимость.

«Не материя составляет капитал, а стоимость этой материи» (*J. B. Say.* Traité d'économie politique. Troisième édition. Tome second. Paris, 1817, стр. 429).

С другой стороны, если капитал рассматривается не как движение в целом, а в каждой из своих форм бытия, в которых он существует в каждом отдельном случае, то это порождает определения: капитал — это деньги, капитал — это товар.

«Капитал *есть* товары» (*James Mill.* Elements of Political Economy. London, 1821, стр. 74).

«*Обращающиеся деньги*, употребленные с производительной целью, суть *капитал*» (*Macleod.* The Theory and Practice of Banking. Vol. I., ch. 1. London, 1855, стр. 55).

В форме обращения *Т — Д — Т* товар совершает два метаморфоза, результатом которых является то, что товар остается в качестве потребительной стоимости. Товар, совершающий этот процесс, представляет собой единство потребительной стоимости и меновой стоимости или является потребительной стоимостью, для которой меновая стоимость есть всего лишь форма, исчезающая форма. В форме же *Д — Т — Д* деньги и товар выступают только как различные формы бытия меновой стоимости, которая один раз выступает в своей общей форме в качестве денег, другой раз — в своей особой форме в качестве товара и

одновременно оказывается господствующим и самоутверждающим началом в обеих формах. [I—4] Деньги сами по себе являются обособившейся формой бытия меновой стоимости, но и товар также выступает здесь только как носитель или воплощение меновой стоимости. [I—4]

* * *

[I—16] {*Дополнение к I, 1, а, стр. 4, строка 2.* Легко понять, что если существуют такие классы, которые не принимают участия в производстве товаров и тем не менее обладают товаром или деньгами, являющимися лишь формой товара, то это означает, что они владеют определенной долей товаров без обмена, посредством не подлежащих здесь дальнейшему объяснению юридических или же насильственных актов. Товаровладелец или производитель — до поры до времени мы можем рассматривать товаровладельца как производителя товаров — должен отдавать им некоторую часть своих товаров или же определенную часть денег, которые он получает за продажу своих товаров. Посредством этих денег, за которые они не дали никакого эквивалента, они тогда стали бы потребителями, покупателями, никогда не быв продавцами. Однако этих потребителей следует охарактеризовать не иначе как получателей (совладельцев) определенной части товаров продавца, которую они получают в результате еще необъяснимого здесь процесса. Если, следовательно, они покупают товары, то они возвращают товаровладельцам и производителям лишь часть товаров в обмен на другие товары, на товары, которые они получили от товаровладельцев без обмена.

Легко понять, что если все производители товаров продают свои товары выше их стоимости, то от этих покупателей они получают обратно больше, чем дают им, но получают они только лишь из первоначально принадлежавшей им суммы стоимостей. Если некто крадет у меня 100 талеров, а я продаю ему за 100 талеров товар, который стоит всего 90 талеров, то я извлекаю у моего покупателя 10 талеров прибыли. Этот способ служит для того, чтобы посредством торговли отобрать у этого покупателя, который является потребителем, не будучи производителем, часть первоначально принадлежавшей мне суммы стоимости в 100 талеров. Если ежегодно он забирает у меня 100 талеров, а я ему также ежегодно продаю товары стоимостью в 90 талеров за 100 талеров, то хотя я и выигрываю у него ежегодно 10 талеров, но только потому, что ежегодно я ему 100 талеров проигрываю. Если это изъятие им у меня 100 талеров пред-

ставляет собой систему, то последующая торговая операция является средством частично, в данном случае на $^{1}/_{10}$ часть, снова аннулировать эту систему. Однако таким образом не возникает никакой прибавочной стоимости, и тот объем, в котором этот покупатель может подвергнуться с моей стороны надувательству, т. е. то количество сделок, посредством которых я могу продавать товары стоимостью в 90 талеров за 100 талеров, в точности зависит от того количества актов, посредством которых он забирает у меня 100 талеров, не давая взамен никакого эквивалента. Это, следовательно, такого рода сделка, из которой не может быть объяснен капитал, стоимость, сохраняющая и умножающая себя в обращении, и тем более не может быть объяснена прибавочная стоимость капитала. Однако то обстоятельство, что не только Торренс, но даже *Мальтус* совершает скачок подобного рода, вызвало по отношению к нему упреки со стороны нравственно негодующих рикардианцев [4]. Мальтус, в частности, считает (и при определенных предпосылках это верно), что доходы чистых потребителей, чистых покупателей должны быть увеличены для того, чтобы производители могли извлекать из них прибыль, для того, чтобы поощрять производство.

«Рвение к «поощрению потребления», необходимому, как полагают, для торговли вообще, объясняется его действительной выгодой для розничных торговцев» («An Inquiry into those Principles, respecting the Nature of Demand and the Necessity of Consumption, lately advocated by Mr. Malthus». London, 1821, стр. 60). ««Кто нам нужен, так это люди, покупающие наши товары»... Но у них нет решительно ничего, что бы они могли дать вам за ваши товары, кроме того, что вы им дали первыми. В их руках собственность возникнуть не может: она должна прийти к ним из ваших рук. Кто бы это ни был: лендлорды, чиновники, акционеры, слуги — все их средства, которые они могут отдать для приобретения ваших товаров, были некогда вашими средствами, это вы их им предоставили» (стр. 61—62). «Продавая свои товары, вы ставите себе целью получить определенную сумму денег; нет никакого смысла в том, чтобы отдать кому-нибудь даром эту сумму денег с тем, чтобы он затем мог вернуть вам эти деньги, купив на них ваши товары. С таким же успехом вы могли бы сразу сжечь свои товары, и вы оказались бы тогда в таком же положении» (стр. 63).} [I—16]

[I—17] {«Г-н Мальтус говорит иногда так, как будто имеются два различных фонда, капитал и доход, предложение и спрос, производство и потребление, которые должны следить за тем, чтобы идти в ногу друг с другом и не опережать друг друга. Как будто помимо всей массы произведенных товаров требуется еще другая масса, падающая, надо думать, с неба, для того чтобы купить эти произведенные товары... Такой фонд потребления, которого требует г-н Мальтус, может быть получен лишь за счет производства» (там же, стр. 49—50). «Когда человек нуждается в *спросе*, неужели г-н Мальтус будет рекомендовать этому человеку дать кому-нибудь денег, чтобы тот купил его товары?» (стр. 55).} [I—17]

* * *

[I—4] Хотя в форме обращения *Т — Д — Т*, рассматриваемой в качестве совокупного метаморфоза товара, существует также и стоимость: сначала как цена товара, затем в деньгах как реализованная цена, наконец, опять в цене товара (или вообще в его меновой стоимости), однако она выступает в этой форме лишь мимолетно. Товар, обмененный посредством денег, становится потребительной стоимостью; меновая стоимость исчезает как безразличная для товара форма и вообще выпадает из обращения.

В простом товарном обращении — *Т — Д — Т* — деньги во всех своих формах всегда выступают только как результат обращения. В форме *Д — Т — Д* они выступают и как исходный пункт, и как результат обращения, так что меновая стоимость представляет собой не всего лишь мимолетную форму товарного обращения (образующуюся внутри товарного обращения и снова исчезающую форму самого товара), как это имеет место в первой форме обращения [*Т — Д — Т*], а является целью, содержанием и живой душою обращения.

Деньги представляют собой исходный пункт этого обращения, обособившуюся меновую стоимость. Также и исторически образование капитала всюду исходит из денежного имущества, и первое понимание капитала заключается в том, что он представляет собой деньги, однако деньги, совершающие определенные процессы.

Форма обращения *Д — Т — Д* — т. е. деньги, совершающие процесс, самовозрастающая стоимость, — исходит из денег, продукта простого обращения *Т — Д — Т*. Поэтому деньги предполагают не просто товарное обращение, а такое товарное обращение, которое уже развило все денежные формы. Поэтому образование капитала возможно только там, где товарное обращение — обмен продуктов как товаров — уже развилось в обособление меновой стоимости в деньгах и их различных формах. Чтобы совершить процесс, в котором меновая стоимость выступает как исходный пункт и результат, она уже до этого должна приобрести в деньгах свою самостоятельную абстрактную форму.

Первый акт формы *Д — Т — Д*, а именно *Д — Т*, купля, является последним актом формы *Т — Д — Т*, который также есть *Д — Т*. Однако в последнем акте товар покупается, деньги превращаются в товар для того, чтобы потребить его как потребительную стоимость. Деньги *затрачиваются*. Напротив, в *Д — Т* как первой стадии формы *Д — Т — Д* деньги превра-

щаются в товар, обмениваются на товар только для того, чтобы снова превратить товар в деньги, чтобы получить деньги обратно, снова изъять их из обращения посредством товара. Поэтому деньги затрачиваются здесь лишь для того, чтобы вернуться обратно, они брошены в обращение лишь с той целью, чтобы снова быть извлеченными из него посредством товара. Поэтому деньги здесь только *авансированы*.

«Когда покупают какую-либо вещь с целью перепродажи, то употребленная при этом сумма называется *авансированными* деньгами; если же вещь покупается не для перепродажи, то можно сказать, что деньги были *истрачены*» (*James Steuart*. «Works» etc., ed. by General Sir James Steuart, his son etc. London, 1805, v. I, стр. 274) [5].

Когда мы рассматриваем форму *Т — Д — Т*, то в первом ее акте *Т — Д* товар выступает для продавца просто как материализация меновой стоимости, следовательно, всего лишь как средство обмена. Потребительная стоимость товара является потребительной стоимостью как таковой не для него самого, не для продавца, а для третьего лица, для покупателя. Поэтому продавец его и продает, он превращает свой товар в деньги, для того чтобы купить на эти деньги тот товар, который является потребительной стоимостью для него самого. Цена товара, который он покупает, обладает для него стоимостью лишь постольку, поскольку этот товар выступает как мера — мера тех потребительных стоимостей, которые он получает за свои деньги. Поэтому в *купле* меновая стоимость — так же как и обособление этой меновой стоимости в виде денег — выступает только как мимолетная форма товара. [I—5] Напротив, в форме *Д — Т — Д*, где купля представляет собой не второй, а первый акт обращения или процессов обмена, тот товар, в который превращаются деньги, также является лишь материализацией меновой стоимости для покупателя, так сказать, лишь замаскированной формой денег. Здесь как деньги, так и товар выступают только как особые формы, как способы существования меновой стоимости, которые она поочередно принимает; деньги выступают как всеобщая, товар — как особая форма меновой стоимости. Меновая стоимость не утрачивается при переходе от одного способа существования к другому, а меняет лишь свою форму и поэтому постоянно возвращается к самой себе в своей всеобщей форме. Меновая стоимость выступает как охватывающая оба своих способа существования, деньги и товар, и именно поэтому выступает как субъект того процесса, в котором она представляет собой то одно, то другое; именно поэтому она выступает как *совершающие процесс деньги* или как *совершающая процесс стоимость*.

Во-вторых *:

Форма *Д — Т — Д* была бы, однако, как уже отмечалось, бессодержательным движением, если бы ее крайние пункты *Д* и *Д*, качественно одинаковые, не отличались друг от друга количественно, т. е. если бы в этом процессе в обращение была брошена определенная сумма стоимости в виде денег с тем, чтобы эту же самую сумму стоимости в форме денег снова извлечь из обращения и, таким образом, с помощью двойного, состоящего из противоположно направленных движений, акта обмена оставить все по-старому, как было в исходном пункте движения. Специфика рассматриваемого процесса заключается, напротив, в том, что хотя крайние пункты *Д* и *Д* качественно одинаковы, количественно они различны, причем количественное различие является вообще единственным различием, на которое меновая стоимость как таковая — а в деньгах она существует как таковая — способна по своей природе. Посредством обоих актов купли и продажи, путем превращения денег в товар и обратного превращения товара в деньги, — в конце этого движения из обращения выходит больше денег, возросшая денежная сумма, стало быть, умноженная стоимость по сравнению с той, которая была брошена в обращение сначала.

Если первоначально, в начале движения, денег было, например, на сумму в 100 талеров, то в конце движения получилось 110 талеров. Стоимость, следовательно, не только сохранилась, но еще и создала внутри обращения новую стоимость или, как мы ее будем называть, *прибавочную стоимость* (surplus value). Стоимость произвела стоимость. Или, иначе говоря, стоимость впервые выступает здесь перед нами как *самовозрастающая* стоимость. Так что стоимость в том виде, в каком она выступает в движении *Д — Т — Д*, представляет собой стоимость, возникающую из обращения, вступающую в него, сохраняющую себя в нем и *самовозрастающую*, представляет собой стоимость, полагающую прибавочную стоимость. Как таковая эта стоимость есть *капитал*.

В процессе образования сокровищ, о котором можно было бы здесь вспомнить, стоимость не возрастает. Товар превращается в деньги, продается и в этой форме извлекается из обращения, откладывается в сторону. Та же самая величина стоимости, которая раньше существовала в форме товара, теперь существует в форме денег. Товар не увеличил величины своей стоимости; он лишь принял всеобщую форму меновой стои-

---

* См. настоящий том, стр. 7. *Ред.*

мости, денежную форму. Это было всего лишь качественное, а не количественное изменение.

Но здесь [в форме *Д — Т — Д*] товар в форме денег уже предпослан как исходный пункт процесса. Временно он даже оставляет эту форму, чтобы в конце концов снова принять ее как возросшую величину стоимости. Деньги же, которые в качестве сокровища удерживаются в их форме обособленной меновой стоимости, *используются* в столь малой степени, что они, скорее, отстраняются от обращения. Сила их воздействия в качестве меновой стоимости хранится для будущего in petto *, пока же это воздействие прекращается. Дело не только в том, что величина их стоимости остается неизменной, они утрачивают свою функцию, свое качество меновой стоимости — пока остаются сокровищем — потому что не функционируют как деньги, ни как покупательное средство, ни как средство платежа. Кроме того, поскольку теперь они в качестве денег не имеют непосредственной потребительной стоимости, они, к тому же, утратили ту потребительную стоимость, которой обладали в качестве товара и которую они могут вернуть себе снова только тогда, [I—6] когда будут действовать как деньги, когда будут брошены в обращение и тем самым оставят свою форму бытия меновой стоимости. Единственное, что происходит при образовании сокровищ, это то, что товару придается форма денег, адекватная форма меновой стоимости — в результате того, что товар был продан по своей цене. Однако вместо реализации — т. е. увеличения первоначальной стоимости — вообще не происходит никакого применения застывших в виде сокровища денег, которые обладают стоимостью лишь в возможности, а в действительности лишены ее. Таким образом, отношение самовозрастающей стоимости, или капитала, не имеет ничего общего с образованием сокровищ, за исключением того, что оба они заинтересованы в меновой стоимости, хотя образование сокровищ применяет иллюзорное средство, чтобы ее увеличить.

В форме *Т — Д — Т* (продажа ради купли), в которой потребительная стоимость и, следовательно, удовлетворение потребностей являются конечной целью, в самой этой форме непосредственно не содержится условие ее обновления, после того как процесс закончен. Товар посредством денег обменен на другой товар, который теперь в качестве потребительной стоимости выпадает из обращения. Тем самым движение пришло к концу. Что же касается формы *Д — Т — Д*, уже в одной

* — буквально: «в груди»; в переносном смысле: «в скрытом виде», «в тайнике», «в запасе». *Ред.*

лишь форме ее движения заложено то, что этому движению нет конца, что его конец уже содержит в себе принцип и мотив его возобновления. Ибо поскольку деньги, абстрактное богатство, меновая стоимость являются исходным пунктом движения, а увеличение меновой стоимости — целью; поскольку результат и исходный пункт качественно представляют собой одно и то же: определенную сумму денег или сумму стоимости, у которой, так же как и в начале процесса, ее количественная граница снова выступает как предел ее общего понятия, так как меновая стоимость или деньги соответствуют своему понятию в тем большей степени, чем более возрастает их количество (деньги как таковые могут быть обменены на любое богатство, на любые товары, однако та мера, в которой они могут быть обменены, зависит от их собственного количества, или от величины их стоимости), — постольку самовозрастание остается столь же необходимой деятельностью для тех денег, которые выходят из процесса, как и для тех денег, которые открыли его; таким образом, вместе с окончанием движения уже дан принцип его возобновления. В конце движения снова обнаруживается то, что уже было в его начале в качестве предпосылки этого движения в этой форме. Это абсолютное стремление к обогащению, стремление завладеть богатством в его общей форме — и является именно тем, что̀ это движение и образование сокровищ имеют между собой общего.

{В этом месте надо будет подробнее остановиться на взглядах Аристотеля, изложенных в его «Политике», кн. I, гл. 9 [6].}

Именно владелец денег (или товаровладелец, так как деньги — это ведь только превращенная форма товара) заставляет свои деньги или стоимость, которой он владеет в форме денег, совершать процесс *Д — Т — Д*. Это движение является содержанием его деятельности, и он выступает поэтому только как персонификация определенного таким образом капитала, как *капиталист*. Его личность (или скорее его карман) представляет собой исходный пункт для *Д* и она же является пунктом возвращения. Капиталист является сознательным носителем этого процесса. Подобно тому как результатом процесса является сохранение и увеличение стоимости — самовозрастание стоимости, — то, что является только содержанием движения, выступает у капиталиста как сознательная цель. *Увеличение стоимости, которой он владеет,* выступает, следовательно, как его единственная цель, как постоянно растущее присвоение богатства в его общей форме, в форме *меновой стоимости,* и лишь в той мере, в какой это есть его единственный движущий мотив, он является капиталистом или

сознательным субъектом движения *Д — Т — Д*. В качестве его непосредственной цели, таким образом, следует рассматривать не потребительную стоимость, а только меновую стоимость. Потребностью, которую он удовлетворяет, является потребность в обогащении как таковом. Тем самым, впрочем, само собой разумеется, что капиталист постоянно расширяет свое господство над реальным богатством, над миром потребительных стоимостей. Ведь какова бы ни была производительность труда, бо́льшая меновая стоимость на данной ступени производства всегда воплощается в большем количестве потребительных стоимостей, чем меньшая меновая стоимость. [I—6]

* * *

[I—14] *Добавление к разделу а.* Для того чтобы развить понятие капитала, нужно исходить не из труда, а из *стоимости,* и притом из меновой стоимости, уже развитой в движении обращения. Перейти от труда прямо к капиталу столь же невозможно, сколь невозможно от различия человеческих рас перейти прямо к банкиру или от природы — к паровой машине [7].

Когда деньги выступают как такая меновая стоимость, которая не только приобретает самостоятельность по отношению к обращению (как это имеет место при образовании сокровищ), но и сохраняет себя в нем, то это уже не деньги — ибо деньги как таковые не выходят за пределы отрицательного определения, — а *капитал.* Поэтому деньги и являются первой формой, в которой меновая стоимость доходит до определения капитала; являясь исторически первой *формой проявления* капитала, деньги поэтому также исторически смешиваются с самим капиталом. Для капитала обращение выступает не только, как это имеет место с деньгами, как такое движение, в котором меновая стоимость исчезает, но и как такое движение, в котором она себя сохраняет и сама представляет собой чередование обоих определений: денег и товара. Напротив, в простом обращении меновая стоимость как таковая не реализуется. Она всегда реализуется лишь в момент своего исчезновения. Если товар становится деньгами, а деньги снова товаром, то определение меновой стоимости товара исчезает, послуживши лишь тому, чтобы для первого товара приобрести соответствующее количество второго товара (второй товар в соответствующем количестве), в результате чего последний в качестве потребительной стоимости достается потреблению. Товар становится безразличным по отношению к этой форме и оказывается только прямым объектом потребности. Если товар обменивается на деньги, то

форма меновой стоимости, деньги сохраняются лишь в течение того времени, пока они находятся *вне* обмена, занимают отрицательную позицию по отношению к обращению. Того непреходящего состояния, которого деньги добивались, становясь в отрицательную позицию по отношению к обращению, капитал достигает тем, что он сохраняет себя как раз посредством вручения своей судьбы обращению. [I—14]

b) ТРУДНОСТИ, ВЫТЕКАЮЩИЕ ИЗ ПРИРОДЫ СТОИМОСТИ, и т. д.

[I—7] Прежде всего мы рассмотрели капитал в той форме, в которой он выступает и непосредственно доступен наблюдению. Однако можно легко обнаружить, что форма *Д* — *Т* — *Д* — форма стоимости, снова вступающей в обращение, сохраняющейся и увеличивающейся в нем — кажется совершенно несовместимой с природой денег, товара, стоимости и самого обращения.

Процесс обращения, в котором товар представлен то как товар, то как деньги, обнаруживает смену его форм; тот образ, в котором выступает его меновая стоимость, меняется, но сама эта меновая стоимость остается неизменной. Величина стоимости товара не меняется, не затрагивается этой сменой форм. Меновая стоимость товара, например тонны железа, содержащееся в нем и выраженное (представленное) в его цене рабочее время составляет, скажем, 3 ф. ст. Если теперь его продать, он превратится в 3 ф. ст., в указанное его ценой количество денег, содержащее такое же количество рабочего времени. Теперь он больше не существует как товар, а существует как деньги, как самостоятельная меновая стоимость. Как в одной, так и в другой форме величина стоимости остается неизменной. Изменилась лишь форма, в которой существует та же самая меновая стоимость. Смена форм товара, образующая процесс обращения, купля и продажа сами по себе не имеют никакого отношения к величине стоимости товара, которая, скорее, как данная величина предпослана обращению. Денежная форма представляет собой лишь другую форму самого товара, где в его меновой стоимости меняется лишь то, что теперь она выступает в своей самостоятельной форме.

В обращении *Т* — *Д* — *Т* (продажа ради купли), однако, друг другу противостоят только товаровладельцы, из которых один владеет товаром в его первоначальной форме, другой — в его превращенной форме в качестве денег. Так же как и обращение *Т* — *Д* — *Т*, обращение *Д* — *Т* — *Д* содержит в себе

лишь оба этих акта продажи и купли. Одно обращение начинается продажей и кончается куплей, другое начинается куплей и кончается продажей. Достаточно лишь рассмотреть в отдельности каждый из этих двух актов обмена, чтобы увидеть, что очередность ничего не может изменить в природе каждого из них. В первом акте *Д — Т* то, что мы назвали капиталом, существует только как деньги, во втором — *Т — Д* — только как товар и, следовательно, в обоих актах может действовать только как деньги и как товар. В одном акте капитал противостоит другому товаровладельцу как покупатель, владелец денег, в другом — как продавец, товаровладелец. Если допустить, что в результате какого-либо необъяснимого обстоятельства покупателям дается возможность покупать дешевле, т. е. покупать товар ниже его стоимости, а продавать по его стоимости или выше его стоимости, то хотя наш капиталист и является в первом акте *(Д — Т)* покупателем и поэтому покупал бы товар ниже его стоимости, однако во втором акте *(Т — Д)* он является продавцом и другой товаровладелец противостоит ему как покупатель, в свою очередь обладающий привилегией приобрести у него товар ниже его стоимости. То, что капиталист выиграл бы одной рукой, он проиграл бы другой. С другой стороны, если допустить, что капиталист продает товар выше его стоимости, так как, скажем, существует такая привилегия для продажи, то в первом акте, до того как он сам приобрел товар, чтобы снова его продать, ему противостоял некий другой продавец, продавший ему товар слишком дорого. Если все будут продавать товар, например, на 10% дороже, т. е. на 10% выше его стоимости, — а в нашем случае друг другу противостоят только товаровладельцы, независимо от того, владеют ли они своим товаром в форме товара или в форме денег; скорее всего они владеют им попеременно в той и другой форме, — то это совершенно то же самое, как если бы они продавали друг другу этот товар по его действительной стоимости. То же самое имело бы место и в том случае, если бы все покупали товары, например, на 10% ниже их стоимости.

Ясно, что до тех пор пока рассматривается только лишь потребительная стоимость товаров, в результате обмена могут выиграть обе стороны. [I—8] В этом смысле может быть сказано, что обмен является сделкой, в которой обе стороны

«только выигрывают» (см. *Destutt de Tracy*. Élémens d'Idéologie. Traité de la volonté et de ses effets (образует IV и V части), Paris, 1826, стр. 68, где говорится: «Обмен есть чудесная сделка, в которой оба контрагента *выигрывают всегда*»),

Коль скоро все обращение представляет собой лишь посредствующее движение, для того чтобы обменять товар на товар, — каждый отчуждает тот товар, в котором он не нуждается как в потребительной стоимости, и присваивает себе тот товар, в котором он нуждается как в потребительной стоимости. Следовательно, обе стороны выигрывают в этом процессе и вступают в него только потому, что обе они выигрывают в нем. И другое: *A*, производящий и продающий железо и покупающий хлеб, возможно, производит в течение данного рабочего времени больше железа, чем мог бы произвести его в течение того же самого времени хлебороб *B*, а этот, в свою очередь, производит в течение того же самого рабочего времени больше хлеба, чем его мог бы произвести *A*. Таким образом, в результате обмена, независимо от того, произведен он с помощью или без помощи денег, *A* за ту же самую меновую стоимость получает больше хлеба, а *B* за ту же самую меновую стоимость получает больше железа, чем получил бы каждый из них, если бы обмен не имел места. Коль скоро, следовательно, железо и хлеб принимаются в расчет как потребительные стоимости, в результате обмена выигрывают обе стороны. И в том случае, когда каждый из обоих актов обмена, купля и продажа, рассматривается в отдельности, обе стороны выигрывают, коль скоро речь идет о потребительной стоимости. Продавец, превращающий свой товар в деньги, выигрывает в результате того, что он только теперь владеет им в единственно обмениваемой форме и поэтому только теперь его товар становится для него всеобщим средством обмена. Покупатель, превращающий свои деньги в товар, выигрывает в результате того, что он из этой, необходимой только для обращения, а в остальном бесполезной формы превратил их в потребительную стоимость для себя. Следовательно, ни малейшей трудности не представляет понимание того, что при обмене выигрывает каждая из обеих сторон, коль скоро речь идет о потребительной стоимости.

Но совершенно иначе обстоит дело с меновой стоимостью. Здесь наоборот:

«Где равенство, там нет выгоды» («Dove è eguaglità, non è lucro») (*Galiani*. Della Moneta, т. IV издания Кустоди, Parte Moderna, Milano, 1803, стр. 244).

Ясно, что если *A* и *B* обменивают эквиваленты, равновеликие количества меновой стоимости или овеществленного рабочего времени, будь то в форме денег или в форме товара, оба они извлекают из обращения ту же самую меновую стоимость, которую они в нее бросили. Если *A* продает свой товар по его

стоимости, то теперь он обладает в форме денег тем же самым количеством (или чеком на то же самое количество, что для него практически одно и то же) овеществленного рабочего времени, которым он раньше обладал в форме товара, стало быть, он обладает той же самой меновой стоимостью. То же самое происходит и в противоположном случае, с *B*, который купил за свои деньги товар. Он обладает теперь той же самой меновой стоимостью в форме товара, которой раньше он обладал в форме денег. Сумма обеих меновых стоимостей осталась той же самой, так же как и меновая стоимость, которой владеет каждый из них. Невозможно, чтобы *A* одновременно купил у *B* товар ниже его стоимости и тем самым получил обратно в виде товара более высокую стоимость, чем он дал *B* в виде денег, и чтобы *B* одновременно продал товар выше его [стоимости] и таким образом получил от *A* в форме денег больше меновой стоимости, чем он ему дал в форме товара.

(«*A* не может получить от *B* больше хлеба за то же самое количество холста, в то время как *B* получает от *A* больше холста за то же самое количество хлеба» («A Critical Dissertation on the Nature, Measures, and Causes of Value» etc., London, 1825, [стр. 65]).

Автором этой анонимной работы является Бейли.) *

Возможно, разумеется, что один теряет то, что выигрывает другой, так что оба обменивающихся обменивают *неэквиваленты;* следовательно, один извлекает из обмена более высокую меновую стоимость, чем та, которую он в него бросил, причем точно в той пропорции, в какой другой извлекает из обмена более низкую меновую стоимость, чем та, которую он в него бросил. Предположим, что стоимость 100 фунтов хлопка составляет 100 шиллингов. Если теперь *A* продает *B* 150 фунтов хлопка за 100 шилл., то *B* выиграл 50 шилл., но только потому, что *A* потерял 50 шилл.

[I—9] Если 150 фунтов хлопка ценою в 150 шилл. (цена является здесь лишь стоимостью хлопка, выраженной, измеренной в деньгах) продаются за 100 шилл., то сумма обеих стоимостей как после, так и до продажи составляет 250 шилл. Общая сумма находящейся в обращении стоимости поэтому не умножилась, *не увеличилась,* не произвела прибавочной

* То обстоятельство, что товары обмениваются или, — учитывая особую форму обмена, имеющую место в процессе обращения, — продаются и покупаются *в соответствии с их стоимостью,* означает вообще лишь то, что обмениваются, замещают друг друга *эквиваленты,* одинаковые величины стоимости, т. е. что товары обмениваются в том отношении, в котором их потребительные стоимости содержат в себе равновеликое израсходованное рабочее время, представляют собой бытие равновеликих количеств труда.

стоимости, а осталась неизменной. Внутри обмена, или посредством продажи, произошло лишь изменение в распределении *предпосланной* обмену, существовавшей уже до него и существующей независимо от него стоимости. 50 шилл. перешли с одной стороны на другую. Поэтому ясно, что обман, имеющий место с той или другой стороны, будь то со стороны покупателя, будь то со стороны продавца, — не увеличивает суммы находящихся в обращении меновых стоимостей (все равно, существуют ли они в форме товара или в форме денег), а только лишь альтерирует (изменяет) их распределение между различными товаровладельцами. Предположим в приведенном выше примере, что *A* продает *B* 150 фунтов хлопка стоимостью в 150 шилл. за 100 шилл., а *B* этот хлопок продает *C* за 150 шилл.; в результате *B* выигрывает 50 шилл., или создается видимость, что принадлежавшая ему стоимость в 100 шилл. создала стоимость в 150 шилл. На самом же деле как до сделки, так и после нее имеются: 100 шилл. во владении *A*, 150 шилл. во владении *B*, товар стоимостью в 150 шилл. во владении *C*. *Summa summarum* *: 400 шилл. Первоначально было: товар стоимостью в 150 шилл. во владении *A*, 100 шилл. во владении *B*, 150 шилл. во владении *C*. *Summa summarum:* 400 шилл. Единственное изменение, которое произошло, это изменение в распределении 400 шилл. между *A*, *B* и *C*. 50 шилл. перекочевали из кармана *A* в карман *B*, и *A* обеднел ровно настолько, насколько обогатился *B*. Что действительно по отношению к одной продаже и к одной покупке, то действительно и по отношению к общей сумме всех продаж и покупок, короче — по отношению к совокупному обращению всех товаров, имеющему место в какой-либо определенный промежуток времени между всеми товаровладельцами. Та прибавочная стоимость, которую один из товаровладельцев или их часть извлекает из обращения путем обмана другой части, точно измеряется посредством пониженной стоимости, которую извлекают из обращения другие. Одни извлекают из обращения больше стоимости, чем они туда бросили, только потому и в той мере, в какой другие извлекают меньше стоимости, т. е. теряют часть первоначально вложенной ими стоимости. Общая сумма имеющихся стоимостей в результате этого не изменяется, изменяется лишь их распределение.

(«Обмен двух равных стоимостей не увеличивает и не уменьшает общей массы стоимостей, имеющихся в обществе. Обмен неравных стоимостей... также ничуть не изменяет суммы общественных стоимостей, а лишь при-

---

* — общий итог. *Ред.*

бавляет к имуществу одного то, что берет из имущества другого» (*J. B. Say*. Traité d'économie politique. Troisième édition. Tome II. Paris, 1817, стр. 443—444).)

Если, например, мы возьмем всех капиталистов какой-либо одной страны и общую сумму покупок и продаж, совершаемых ими, скажем, в течение одного года, то хотя кто-то из них и может кого-то другого обмануть и в результате извлечь из обращения больше стоимости, чем он сам туда бросил, однако общая сумма обращающейся стоимости капитала путем такой операции не увеличилась бы ни на йоту. Другими словами: весь класс капиталистов не может обогатиться как класс, не может увеличить свой совокупный капитал или произвести прибавочную стоимость тем путем, что один выигрывает то, что теряет другой. Класс в целом не может обманывать самого себя. Сумма обращающегося капитала не может возрасти в результате того, что отдельные его составные части по-разному распределились между его владельцами. Следовательно, в результате подобного рода операций, как бы ни было велико их предполагаемое число, не получилось бы никакого увеличения общей суммы стоимостей, никакой новой, или прибавочной стоимости, т. е. никакой прибыли на находящийся в обращении совокупный капитал.

То обстоятельство, что обмениваются *эквиваленты*, не означает на самом деле ничего другого, как то, что товары обмениваются по их меновой стоимости, по их меновой стоимости покупаются, продаются и снова покупаются.

«Эквивалент есть в сущности меновая стоимость одного товара, выраженная в потребительной стоимости какого-нибудь другого товара» (I, стр. 15) [8].

Но как только обмен развился в форму обращения, товар в цене представляет свою меновую стоимость, выраженную в деньгах (в материале товара, служащего мерой стоимостей и поэтому деньгами). Цена товара — это его меновая стоимость, выраженная в деньгах. Следовательно, то, что товар продается за некий эквивалент в виде денег, означает лишь то, что он продается по своей цене, т. е. по своей стоимости. То же самое имеет место и при купле, когда деньги покупают товар по его цене, т. е. за соответствующую сумму денег.

[I—10] *Предпосылка*, что товары обмениваются на *эквиваленты*, означает то же самое, что они обмениваются по своей стоимости, по своей стоимости покупаются и продаются.

Отсюда следует двоякий вывод:

Во-первых: если товары покупаются и продаются *по своей стоимости*, то это означает, что обмениваются *эквиваленты*.

Стоимость, любой рукой бросаемая в обращение, возвращается из обращения в ту же самую руку. Она, следовательно, не умножается, вообще не затрагивается актом обмена. Капитал — стоимость, реализующая, т. е. умножающая себя в обращении и через посредство обращения, стоимость, производящая прибавочную стоимость, — был бы тем самым невозможен, если бы товары покупались и продавались по своей стоимости.

Во-вторых: если же товары продаются или покупаются не по своей стоимости, то это возможно только тогда — неэквиваленты могут вообще обмениваться только в том случае, — когда одна сторона обманывает другую, т. е. когда при обмене один получает ровно настолько больше вложенной им стоимости, насколько меньше вложенной им стоимости получает другой. Тем самым, однако, сумма обмененных стоимостей остается неизменной, и в результате обмена не возникает никакой новой стоимости. *A* имеет 100 фунтов хлопка стоимостью в 100 шилл. *B* покупает этот хлопок за 50 шилл. *B* выиграл 50 шилл., потому что *A* 50 шилл. потерял. Сумма стоимостей составляла перед обменом 150 шилл. Столько же она составляет после обмена. Только *B* владел до обмена $^1/_3$ этой суммы; после обмена он владеет $^2/_3$. Однако *A*, владевший до обмена $^2/_3$, обладает после обмена всего лишь $^1/_3$. Следовательно, произошло изменение лишь в распределении суммы стоимостей в 150 шилл. Сама же сумма осталась неизменной.

Таким образом, в соответствии со сказанным капитал, возрастающая стоимость, в качестве всеобщей формы богатства опять-таки был бы столь же невозможным, как и в первом случае, потому что возрастающей стоимости на одной стороне соответствовала бы уменьшающаяся стоимость на другой, отчего стоимость как таковая не увеличилась бы. Одна стоимость возросла бы в обращении только потому, что другая в обращении уменьшается, даже, следовательно, не сохраняет себя в нем.

Ясно, стало быть, что обмен сам по себе, будь то в форме непосредственной меновой торговли, будь то в форме обращения, оставляет брошенные в него стоимости неизменными, не прибавляет к ним никакой новой стоимости.

«Обмен вообще не придает никакой стоимости продуктам» (*F. Wayland*. The Elements of Political Economy. Boston, 1843, стр. 169).

И все-таки даже у известных современных экономистов встречаются нелепые попытки объяснять прибавочную стоимость вообще тем, что продают дороже, чем покупают. Так, например, господин Торренс говорит:

«Действительный спрос состоит в способности и склонности потребителей, путем ли непосредственного или опосредствованного обмена, давать за товар некоторое большее количество всех составных частей капитала, чем стоило его производство» (*Torrens.* An Essay on the Production of Wealth. London, 1821, стр. 349).

Здесь перед нами только продавцы и покупатели. То обстоятельство, что только товаровладелец (продающий) произвел товар, а другой, покупатель (однако его деньги также должны возникнуть из продажи товара, они являются лишь превращенной формой товара), желает приобрести этот товар для потребления, приобрести его как потребитель, в этом отношении ничего не меняет. Покупатель всегда представляет потребительную стоимость. Эта фраза, если ее свести к ее главному содержанию и отбросить ее случайное облачение, не означает ничего другого, как то, что все покупатели покупают свой товар выше стоимости, стало быть, что продавец вообще продает свой товар выше стоимости, а покупатель всегда покупает ниже стоимости своих денег. Привнесение сюда производителя и потребителя ничего не меняет в существе дела, так как в акте обмена они противостоят друг другу не как потребитель и производитель, а как продавец и покупатель. Но там, где индивиды вообще обмениваются только как товаровладельцы, каждый должен быть как производителем, так и потребителем и может быть одним лишь в той мере, в какой он является другим. Каждый в качестве покупателя потерял бы то, что он выгадывает как продавец.

Таким образом, если, с одной стороны, *прибавочная стоимость,* как мы здесь еще можем называть любую форму барыша, должна выходить из обмена, то, с другой стороны, в результате какого-то акта, который, однако, не может быть обнаружен в формуле *Д — Т — Д,* она должна быть налицо уже до обмена.

«*Прибыль*» (это особая форма прибавочной стоимости) «при обычных условиях рынка *не создается обменом. Если бы она не существовала раньше,* она не могла бы существовать и после этой сделки» (*G. Ramsay.* An Essay on the Distribution of Wealth. Edinburgh, 1836, стр. 184).

Рамсей говорит там же:

«Мысль о том, что прибыль выплачивается потребителями, без сомнения, совершенно абсурдна. Кто такие эти потребители?» и т. д. (стр. 183).

Друг другу противостоят только товаровладельцы, каждый из которых является как потребителем, так и производителем, и одним из них он может быть лишь в той мере, в какой он является другим. Но если, забегая вперед, подумать о тех классах, которые потребляют, [I—11] не производя, то их богатство

может состоять только из некоторой доли товаров производителей, и увеличение стоимости не может быть объяснено тем, что классы, которым стоимости были отданы даром, при обратном обмене этих стоимостей подвергаются надувательству (смотри у *Мальтуса*) [9]. Прибавочная стоимость или самовозрастание стоимости не может возникнуть из обмена, из обращения. С другой стороны, стоимость, которая как таковая производит стоимость, может быть только продуктом обмена, обращения, ибо только в обмене она может функционировать как меновая стоимость. Сама по себе, изолированная, она была бы сокровищем, а в качестве такового она точно так же не возрастает, как и не служит потребительной стоимостью.

Или же могли бы сказать примерно так: владелец денег покупает товар, который он, однако, обрабатывает, применяет производительно и тем самым присоединяет к нему стоимость, а затем снова продает. В этом случае прибавочная стоимость всецело возникала бы из его труда; стоимость как таковая не действовала бы, не увеличивалась бы. Владелец денег получает большее количество стоимости не потому, что он имеет *стоимость;* увеличение стоимости происходит благодаря прибавлению его труда.

Исследование того, как возникает прибавочная стоимость, являлось поэтому от физиократов до новейшего времени важнейшим вопросом политической экономии. В действительности это вопрос о том, как деньги (или товар, так как деньги являются лишь превращенной формой товара), вообще как некоторая сумма стоимостей превращается в капитал, как возникает капитал.

Во всяком случае, если капитал представляет собой специфическую форму богатства, определенную потенцию стоимости, то эта форма должна развиваться на той основе, что товары обмениваются как эквиваленты, иными словами, что товары продаются по их стоимости, т. е. пропорционально содержащемуся в них рабочему времени. С другой стороны, это представляется невозможным. Если в процессе *Д — Т — Д,* как в акте *Д — Т,* так и в акте *Т — Д,* друг на друга обмениваются эквиваленты, то каким образом из процесса должно выйти больше денег, чем вошло в него?

Очевидные противоречия, которые заключены в этой проблеме, в условиях задачи, побудили Франклина высказаться следующим образом:

«Существуют всего три способа увеличения богатства страны. Первый заключается в войне: это грабеж. Второй заключается в торговле: это надувательство; а третий заключается в земледелии: это единственно

порядочный, благопристойный способ» («The Works of B. Franklin, edited by Sparks». Volume II. «Positions to be examined, concerning National Wealth». Boston, 1836, стр. 376) [10].

Уже здесь можно видеть, почему две формы капитала * — капитал в двух его функциях; смотря по тому, в какой из этих форм он функционирует, он выступает как особый вид капитала, — ближе всего отвечающие обычному представлению о капитале и в действительности являющиеся исторически древнейшими формами существования капитала, здесь, где речь идет о капитале как таковом, совершенно не принимаются в расчет, а должны быть исследованы позднее как производные, вторичные формы капитала.

В собственно торговом капитале движение *Д — Т — Д* выступает в наиболее явном виде. Поэтому с давних пор бросалось в глаза, что его целью является увеличение брошенной в обращение стоимости или денег и что той формой, в которой он этого достигает, является форма «покупать, чтобы снова продавать».

«Все купцы имеют то общее свойство, что они *покупают, чтобы перепродать*» («Réflexions sur la Formation et la Distribution des Richesses», написаны в 1766 г. Опубликованы в «Oeuvres de Turgot». Nouvelle édition par E. Daire. Tome I, Paris, 1844, стр. 43) [Русский перевод, стр. 134].

С другой стороны, прибавочная стоимость выступает здесь как целиком возникающая в обращении — то ли посредством того, что купец дороже продает, чем покупает, то ли дешевле покупает, чем продает (покупает товар ниже его стоимости, а продает его по его стоимости или же покупает его по его стоимости, а продает выше его стоимости). Купец покупает товар у одного, продает другому, по отношению к одному он представляет деньги, по отношению к другому — товар; и начиная движение снова, он точно так же продает для того, чтобы покупать, но таким образом, что товар как таковой никогда не является его целью, поэтому последнее движение служит ему лишь как [I—12] опосредствование первого. Купец представляет различные стороны (фазы) обращения попеременно перед покупателем и продавцом, и все его движение происходит внутри обращения, иными словами, он скорее выступает как носитель этого движения, как представитель денег, совершенно так же как в простом товарном обращении все движение кажется выходящим из средства обращения, из денег как средства обращения. Купец выступает лишь как посредник между различными фазами, которые товар должен пробежать в процессе обращения, и поэтому также посредничает лишь между имеющимися в наличии крайними пунктами,

* Торговый капитал и капитал, приносящий проценты. *Ред.*

между наличными продавцами и покупателями, которые являются представителями наличного товара и наличных денег. Так как здесь к процессу обращения не присоединяется никакой другой процесс, то, следовательно, кажется, что прибавочная стоимость (прибыль), которую купец приобретает путем попеременной продажи и купли (ведь все его операции сводятся к продаже и купле), увеличение брошенных им в обращение денег или стоимости вообще могут быть объяснены одним только обманом сторон, с которыми купец попеременно имеет дело, одним только обменом неэквивалентов, так что в результате этого он постоянно извлекает из обращения бо́льшую стоимость, чем бросает в него. Таким образом, его прибыль — прибавочная стоимость, которую ему производит его стоимость, брошенная в обращение, — представляется происходящей исключительно из обращения и поэтому состоящей только из убытков ведущего с ним дела контрагента.

Действительно, купеческое имущество может возникнуть всецело этим способом, и обогащение торговых народов, занимающихся промежуточной торговлей между промышленно слаборазвитыми нациями, в значительной степени происходило этим путем. Купеческий капитал может действовать между нациями, находящимися на самых различных ступенях производства и вообще экономической структуры общества. Так, он может действовать между нациями, у которых нет капиталистического способа производства, стало быть — задолго до того, как капитал развился в своей главной форме. Но если ту прибыль, которую выручает купец, или самовозрастание купеческого имущества, объяснять не просто обманом товаровладельцев, стало быть, если здесь имеет место нечто большее, чем всего лишь иное распределение ранее существовавших сумм стоимостей, то это самовозрастание, очевидно, должно быть объяснено лишь из таких предпосылок, которые не проявляются в его движении, в его специфической функции, и его прибыль, его самовозрастание выступает как всего лишь производная, вторичная форма, чье происхождение следует искать в ином месте. Напротив, когда специфическая форма купеческого капитала рассматривается в изолированном виде, тогда торговля, как говорит Франклин, должна представляться простым надувательством, вообще представляться невозможной, если обмениваются эквиваленты, т. е. если товары продаются и покупаются по их меновой стоимости.

«При господстве неизменных эквивалентов торговля была бы невозможна» (*G. Opdyke*. A Treatise on Political Economy. New York, 1851, стр. 67).

(По этой же причине Энгельс в своих «Набросках к критике политической экономии», опубликованных в «Deutsch-Französische Jahrbücher», Paris, 1844, аналогичным образом пытается объяснить различие между меновой стоимостью и ценой из того, что торговля невозможна, коль скоро товары будут обмениваться по их стоимости [11].)

Другая форма капитала, столь же древняя, из которой также образовалось общепринятое представление о капитале, — это форма денег, ссужаемых за проценты, форма приносящего проценты денежного капитала. Здесь перед нами не движение *Д — Т — Д*, когда деньги обмениваются сначала на товар, а затем товар на большее количество денег, но лишь результат движения: *Д — Д*. Деньги обмениваются на большее количество денег. Они возвращаются к их исходному пункту, однако в большем количестве. Если первоначально имелось 100 талеров, то теперь налицо 110 талеров. Стоимость, представленная в 100 талерах, сохранилась и возросла, т. е. создала прибавочную стоимость в 10 талеров. Почти во всех странах и во все исторические эпохи, каким бы низким ни был общественный способ производства и какой бы неразвитой ни была экономическая структура общества, мы встречаем деньги, приносящие проценты, деньги, которые создают деньги, т. е. формально — *капитал*.

Одна из сторон капитала выступает здесь еще нагляднее для представления, чем в купеческом имуществе. [I—13] (Κεφάλαιον у греков также и этимологически является нашим капиталом [12].) А именно, в том смысле, что *стоимость как таковая потому самовозрастает,* создает прибавочную стоимость, что она уже до этого существует (вступает в обращение) как стоимость, как самостоятельная стоимость (деньги), и что стоимость создается, происходит сохранение и увеличение стоимости только потому, что стоимость была предпослана, что стоимость действует как стоимость, как самовозрастающая стоимость. Здесь достаточно заметить следующее *(к этому нужно будет вернуться в другом месте)* [13].

Во-первых. Если деньги в качестве капитала даются взаймы в современном смысле слова, то этим уже предполагается, что деньги — определенная сумма стоимости — an sich * являются капиталом; т. е. что тот, кому деньги даются взаймы, может их употребить или употребит их как производительный капитал, как самовозрастающую стоимость и обязан выплатить часть созданной таким путем прибавочной стоимости тому, кто дал

* — «в себе», в возможности, в скрытом виде, потенциально. *Ред.*

ему взаймы деньги в качестве капитала. Здесь, следовательно, приносящий проценты денежный капитал явно представляет собой не только производную форму капитала, капитал в его особой функции, но предполагается, что он уже полностью развит, так что теперь определенная сумма стоимости — будь то в форме денег или в форме товара — может быть дана взаймы не в качестве денег или товара, а в качестве капитала, в результате чего *капитал* сам может быть брошен в обращение как товар sui generis *. Здесь капитал уже предпослан и вполне созрел в качестве определенной потенции денег или товара, вообще стоимости, так что он может быть брошен в обращение в виде стоимости, обладающей такого рода потенцией. В этом смысле приносящий проценты денежный капитал уже предполагает, следовательно, развитие капитала. Капиталистическое отношение должно быть уже вполне созревшим, прежде чем капитал сможет выступать в этой его особой форме. Самовозрастающая природа стоимости здесь уже предпослана как сросшаяся со стоимостью, так что определенная сумма стоимости может быть продана, отдана на известных условиях третьему лицу в качестве самовозрастающей стоимости. Точно так же и процент тогда выступает лишь как особая форма и ответвление прибавочной стоимости, которая позднее вообще расчленяется на различные формы, образующие различные виды доходов, таких как прибыль, земельная рента, процент. Все вопросы, связанные с величиной процента и т. д., выступают поэтому также и как вопросы о том, каким образом имеющаяся в наличии прибавочная стоимость распределяется между различными группами капиталистов. Существование прибавочной стоимости в ее общей форме является здесь *предпосылкой*.

Для того чтобы деньги или товар, вообще какая-либо сумма стоимости, могли в качестве *капитала* отдаваться взаймы, капитал как особая, обладающая определенной потенцией форма стоимости должен быть предпослан уже в такой степени, чтобы здесь, — так же как деньги и товар выступают как вещественные элементы по отношению к капиталу вообще, — стоимость в форме капитала была предпослана как вещное неотделимое свойство денег и товара, так что деньги или товар могли бы передаваться третьему лицу в качестве капитала, так как товар или деньги в качестве капитала не развиваются в обращении, а могут быть брошены в обращение как готовый капитал, *капитал an sich*, как *особый товар*, имеющий также и свою особую форму отчуждения.

* — особого рода. *Ред.*

Поэтому на основе собственно капиталистического производства приносящий проценты капитал выступает как производная, вторичная форма.

Во-вторых. Приносящие проценты деньги выступают как первая форма приносящего проценты капитала, подобно тому как деньги вообще являются исходным пунктом образования капитала, так как в деньгах стоимость впервые получает свое самостоятельное существование, стало быть, увеличение количества денег выступает прежде всего как увеличение стоимости самой по себе, деньги же представляют собой меру, которой сначала измеряется стоимость всех товаров, а затем самовозрастание стоимости. Деньги могут теперь отдаваться взаймы для производительных целей, т. е. формально отдаваться взаймы как *капитал,* хотя капитал еще не овладел производством, еще не существует капиталистическое производство, т. е. не существует капитал в полном смысле этого слова, — а имеет место либо производство на основе рабства, либо же прибавочный продукт принадлежит лендлорду (как в Азии или в феодальные времена), либо же имеет место ремесленное производство или крестьянское хозяйство и т. п. Следовательно, форма приносящего проценты денежного капитала столь же независима от развития ступеней производства (если только предположить, что товарное обращение развилось до образования денег), как и купеческое имущество, и поэтому исторически она появляется до развития капиталистического производства, на основе которого она образует лишь вторичную форму. Как и купеческому имуществу, ей достаточно быть капиталом лишь *формально,* капиталом в той его функции, в которой он может существовать до того, как он овладел производством, а только овладевший производством капитал является основой специфически особого исторического способа общественного производства.

[I—14] *В-третьих.* Деньги могут быть даны взаймы (точно так же как и товар) для того, чтобы *покупать;* не для того, чтобы их использовать производительно, а для того, чтобы потребить, израсходовать. При этом прибавочная стоимость не образуется, происходит лишь перераспределение, перемещение имеющихся в наличии стоимостей.

В-четвертых. Деньги могут быть даны взаймы для того, чтобы *заплатить.* Деньги могут быть даны взаймы в качестве средства платежа. Если это происходит с тем, чтобы покрыть долги потребления, то это то же самое, о чем говорилось в пункте 3, с той лишь разницей, что там деньги берутся взаймы для того, чтобы купить потребительные стоимости, а здесь —

для того, чтобы оплатить потребленные потребительные стоимости.

Но платеж может потребоваться также и в качестве акта процесса обращения капитала. *Дисконт* *. Рассмотрение этого случая относится к учению о кредите.

После этого отступления вернемся к нашей теме.

При исследовании капитала важно твердо помнить, что единственной предпосылкой, единственным материалом, из которого мы исходим, являются товарное обращение и денежное обращение, товар и деньги, и что индивиды противостоят друг другу только как товаровладельцы. Второй предпосылкой является то, что та смена форм, которую товар претерпевает в обращении, является всего лишь формальной, иными словами, что стоимость в любой из этих форм остается неизменной, что товар один раз существует как потребительная стоимость, другой раз как деньги, не изменяя, однако, величины своей стоимости; стало быть, что товары покупаются и продаются по их *стоимости,* в соответствии с содержащимся в них рабочим временем, т. е. что между собой обмениваются только эквиваленты.

Правда, если рассматривать форму *Т — Д — Т*, то стоимость сохраняется также и в ней. Сначала она существует в форме товара, затем в форме денег, затем снова в форме товара. Например, одна тонна чугуна ценой в 3 ф. ст.; эти же самые 3 ф. ст. потом существуют как деньги, потом как пшеница ценой в 3 ф. ст. Следовательно, величина стоимости в 3 ф. ст. в этом процессе сохранилась, однако хлеб как потребительная стоимость теперь из обращения выпадает в потребление, и тем самым стоимость уничтожается. Хотя стоимость здесь сохраняется до тех пор, пока товар находится в обращении, это сохранение представляется чисто формальным. [I—14]

с) ОБМЕН МЕЖДУ КАПИТАЛОМ И РАБОЧЕЙ СИЛОЙ[14]

[I—15] В процессе *Д — Т — Д* стоимость (некоторая определенная сумма стоимости) должна сохранить себя и увеличиться в течение того времени, когда она находится в обращении, т. е. попеременно принимает формы товара и денег. Обращение не должно быть всего лишь сменой форм, а должно повышать величину стоимости, к имеющейся налицо стоимости добавлять новую стоимость или прибавочную стоимость. Стоимость в качестве капитала должна быть как бы стоимостью во второй степени, стоимостью, обладающей потенцией.

* — учет (оплата) векселей. *Ред.*

Меновая стоимость товара представляет собой овеществленное в его потребительной стоимости количество одинакового общественного труда, т. е. такое количество труда, которое воплощено в товаре, израсходовано на него. Величина этого количества труда измеряется временем, тем рабочим временем, которое требуется для того, чтобы произвести потребительную стоимость, и которое поэтому овеществлено в ней.

Деньги и товар отличаются друг от друга только той формой, в которой выражен этот овеществленный труд. В деньгах овеществленный труд выражен как общественный (всеобщий) труд, который поэтому может быть непосредственно обменен на любые товары в таком количестве, в котором содержится столько же труда. Содержащаяся в товаре меновая стоимость или овеществленный в нем труд лишь выражены в *цене* товара, т. е. в его соотношении с деньгами; лишь идеально выражены в золоте (в материале денег и мере стоимостей). Обе формы, однако, являются формами одной и той же величины стоимости, а по своей субстанции — формами одного и того же количества овеществленного труда, т. е. вообще представляют собой овеществленный труд. (Деньги, как мы видели [15], могут быть замещены как в качестве покупательного средства, так и в качестве средства платежа во внутреннем обращении знаками стоимости, знаками самих себя. Это ничего не меняет в существе дела, так как этот знак представляет собой ту же самую стоимость, то же самое количество рабочего времени, которое содержится в деньгах.)

То обстоятельство, что в движении *Д — Т — Д*, вообще в определении капитала исходят из денег, не означает ничего другого, как то, что исходят из той самостоятельной формы, которую принимает содержащаяся в товаре стоимость или содержащийся в нем труд; из той формы, которая представляет собой бытие рабочего времени как всеобщего рабочего времени — независимо от той потребительной стоимости, в которой оно первоначально воплощено. Стоимость как в форме денег, так и в форме товара представляет собой *овеществленное* количество труда. Когда деньги превращаются в товар или товар превращается в деньги, стоимость меняет только свою форму, но не меняет ни своей субстанции, согласно которой она является овеществленным трудом, ни своей величины, в соответствии с которой она представляет собой определенное количество овеществленного труда. Стало быть, все товары отличаются от денег только формально; деньги являются лишь особой формой существования товаров, которую товары принимают в обращении и для обращения. В качестве овеществленного

труда деньги и товары являются одним и тем же, стоимостью, и смена форм, — то обстоятельство, что эта стоимость существует то как деньги, то как товар, — должна быть по предположению безразличной для капитала; по предположению, согласно которому капитал представляет собой в каждой из этих форм сохраняющую себя стоимость и без которого деньги и стоимость вообще не могут стать капиталом. Это должно быть лишь сменой форм с тем же самым содержанием.

Единственную противоположность овеществленному труду образует не-овеществленный, *живой труд*. Первый является трудом, существующим в пространстве, второй — во времени, первый является прошлым трудом, второй — настоящим, первый воплощен в потребительной стоимости, второй совершает процесс в качестве человеческой деятельности и только еще находится в процессе своего овеществления, первый представляет собой стоимость, второй стоимость создает. Если имеющаяся в наличии стоимость обменивается с создающей стоимость деятельностью, овеществленный труд — с живым, короче, деньги — с трудом, то, по-видимому, существует возможность того, что посредством этого процесса обмена имеющаяся в наличии стоимость сохраняется или возрастает. Предположим, следовательно, что владелец денег покупает труд, т. е. что продавец продает не товар, а труд. Из предыдущего анализа отношения товарного обращения, в котором друг другу противостоят только товаровладельцы, нельзя объяснить [I—16] отношение между живым и овеществленным трудом. Мы здесь пока что не задаемся вопросом об условиях существования этого отношения, а предполагаем это существование просто как факт. Покупкой труда наш владелец денег ставит перед собой только лишь цель увеличить принадлежащую ему стоимость. Для него, стало быть, безразлично, какой особый вид труда он покупает, он должен лишь купить полезный труд, создающий какую-нибудь особую потребительную стоимость, т. е. какой-нибудь особый вид труда, например, труд ткача. О стоимости этого труда, или о том, как вообще определяется стоимость труда, мы пока еще ничего не знаем. [I—16]

[I—17] Итак, ясно, что данное количество труда не может изменить величину своей стоимости, а тем более ее *умножить*, в результате того, что оно существует один раз в форме денег: товара, в котором измеряют свою стоимость все другие товары, а другой раз — в какой-нибудь (любой) другой потребительной стоимости; иными словами, что один раз это количество труда существует в форме денег, а другой раз — в форме товара. Невозможно даже предвидеть, каким образом в результате такой

смены форм может *сохраниться* как таковая данная сумма стоимости, определенное количество овеществленного труда. В форме денег стоимость товара или же сам товар, коль скоро он является меновой стоимостью, определенным количеством овеществленного труда, существует в своей неизменной форме. Денежная форма является именно той формой, в которой стоимость товара сохраняется, консервируется как стоимость или как определенное количество овеществленного труда. Если я превращаю деньги в товар, то я превращаю стоимость из формы, в которой она сохраняется, в форму, в которой она не сохраняется, и в движении купли ради продажи стоимость из своей неизменной формы превратилась бы сначала в форму, в которой она не сохраняется, чтобы затем снова превратиться в деньги, в неизменную форму — превращение, которое в обращении может удаться или может не удаться. Результатом, однако, было бы то, что я как после этого процесса, так и до него обладал бы суммой стоимости, овеществленным трудом в его неизменной форме как определенной денежной суммой. Это совершенно бесполезная и даже бессмысленная операция. Если же я удерживаю деньги как таковые, то они представляют собой сокровище, не имеют потребительной стоимости и лишь потому сохраняются как меновая стоимость, что не действуют в качестве таковой, являясь как бы окаменевшей меновой стоимостью; это происходит в результате того, что меновая стоимость сохраняется вне обращения, занимает по отношению к нему отрицательную позицию. С другой стороны, в форме товара стоимость исчезает вместе с потребительной стоимостью, в которой она заключена и которая является преходящей вещью и как таковая подвергалась бы уничтожению в результате одного лишь естественного обмена веществ. Если же она действительно используется как потребительная стоимость, т. е. потребляется, то вместе с потребительной стоимостью исчезает также и содержащаяся в ней меновая стоимость.

Умножение стоимости означает не что иное, как умножение овеществленного труда; однако овеществленный труд может быть сохранен или умножен только через посредство живого труда. [I—17]

[I—18] Стоимость — существующий в форме денег *овеществленный* труд — могла бы возрасти только посредством обмена на такой товар, *потребительная стоимость* которого сама состояла бы в том, чтобы умножать меновую стоимость, потребление которого было бы равнозначно созиданию стоимости или овеществлению труда. (Вообще для стоимости, которая должна возрасти, *ни один* товар не имеет непосредст-

венной потребительной стоимости, если только его потребление само не является созиданием стоимости, если только он не пригоден для умножения стоимости.) Такую потребительную стоимость имеет, однако, только *живая рабочая сила*. Стоимость, деньги могут поэтому превратиться в капитал только посредством обмена на живую рабочую силу. Их превращение в капитал требует обмена, с одной стороны, на рабочую силу, а с другой стороны, на вещественные условия, являющиеся предпосылкой для овеществления рабочей силы.

Мы здесь исходим из основы товарного обращения, согласно которой между обменивающимися, которые друг от друга отличаются только как покупатели и продавцы, не предполагается решительно никаких отношений зависимости, за исключением тех, которые даны самим процессом обращения. Соответственно этому деньги могут купить *рабочую силу* только в том случае, если последняя сама предлагается в качестве товара, продается своим владельцем, живым владельцем рабочей силы. Условием является то, чтобы владелец рабочей силы, во-первых, мог распоряжаться своей собственной рабочей силой, распоряжаться ею как товаром. Для этого он должен быть ее свободным собственником. В противном случае он не мог бы *продавать* ее как товар. Вторым условием, уже содержащимся в первом, является, однако, то, что свою рабочую силу он *сам* должен вынести на рынок в качестве товара, продать, потому что свой труд он должен обменять уже не в форме того или иного товара, обычной потребительной стоимости *овеществленного* (существующего вне его субъективности) труда; единственным товаром, который он должен предложить для продажи, является сама его живая, существующая в его живом организме рабочая сила [Arbeitsvermögen]. (Слово «*Vermögen*» здесь отнюдь не следует понимать как «имущественное состояние», а как «потенцию», δύναμις *.)

Для того чтобы владелец рабочей силы был вынужден продавать свою рабочую силу — этот специфический товар, отличный от всех других товаров, существуют ли они в форме товара или в форме денег — вместо какого-нибудь товара, в котором овеществляется его труд, предпосылкой для этого является то, что у него отсутствуют, им утрачены вещественные условия реализации его рабочей силы, условия овеществления его труда; напротив, эти условия в качестве мира богатства, вещественного богатства подчинены чужой воле, отчужденно противостоят владельцу рабочей силы в обращении как собст-

* — возможность. *Ред.*

венность товаровладельцев, как чужая собственность. Каковы условия реализации его рабочей силы, или каковы вещественные условия труда, процесса труда как деятельности, реализующей себя в потребительной стоимости, — это подробнее выяснится ниже.

Если, следовательно, условием превращения денег в капитал является их обмен на живую рабочую силу, или покупка живой рабочей силы у ее владельца, то деньги вообще могут превратиться в капитал или владелец денег — в капиталиста лишь в том случае, если на товарном рынке, внутри обращения он *найдет* свободного рабочего, свободного, с одной стороны, в том смысле, что он распоряжается своей собственной рабочей силой как товаром, с другой стороны, в том смысле, что он не распоряжается никаким другим товаром, гол как сокол, свободен от всех вещественных условий функционирования своей рабочей силы; поэтому так же как владелец денег в качестве субъекта и носителя овеществленного труда, самосохраняющейся стоимости, является *капиталистом,* — точно так же *рабочий* является всего лишь субъектом, всего лишь персонификацией своей собственной рабочей силы.

Однако сам этот свободный рабочий — а потому также и обмен между владельцем денег и владельцем рабочей силы, между капиталом и трудом, между капиталистом и рабочим, — очевидно, является продуктом, результатом предшествующего исторического развития, итогом многих экономических переворотов и предполагает гибель других общественных производственных отношений и определенное развитие производительных сил общественного труда. Определенные исторические условия, которые даны вместе с [I—19] предпосылкой существования этого отношения, выяснятся сами собой при его последующем анализе. Капиталистическое же производство исходит из той *предпосылки,* что внутри обращения, на рынке *находят* свободных рабочих, или продавцов, которые имеют для продажи лишь свою собственную рабочую силу. Следовательно, в процессе создания капиталистического отношения с самого начала обнаруживается, что оно может возникнуть лишь на определенной ступени экономического развития общества — общественных производственных отношений и производительных сил. Оно появляется с самого начала как исторически определенное экономическое отношение, как отношение, принадлежащее определенному историческому периоду экономического развития, общественного производства.

Мы исходили из товара в том виде, в каком он выступает на поверхности буржуазного общества, выступает как простейшее

экономическое отношение, как элемент буржуазного богатства. Анализ товара обнаружил также определенные исторические условия, заключенные в его бытии. Например, если продукты создаются производителями только как потребительные стоимости, то потребительная стоимость не становится товаром. Это предполагает исторически определенные отношения между членами общества. Если бы мы теперь пошли дальше и спросили себя: при каких условиях продукты вообще производятся как товары, или при каких условиях бытие продукта выступает как товар, как всеобщая и необходимая форма всех продуктов, — то мы нашли бы, что это имеет место лишь на основе совершенно определенного исторического способа производства, а именно: капиталистического. Но такое исследование лежало бы за пределами анализа товара как такового, так как при этом анализе мы имели дело только с теми продуктами, с теми потребительными стоимостями, которые выступают в форме товара, но не исследовали вопрос о том, на какой общественно экономической основе каждый продукт должен выступать как товар. Мы исходили, скорее, из того факта, что в условиях буржуазного производства товар существует именно как такая всеобщая элементарная форма богатства. Однако товарное производство и, следовательно, товарное обращение может иметь место между различными сообществами [Gemeinwesen] или между различными органами одного и того же сообщества, несмотря на то, что наибольшая часть продуктов непосредственно производится для собственного потребления, производится в качестве потребительной стоимости и поэтому никогда не принимает форму товара. С другой стороны, денежное обращение и, следовательно, развитие денег в их различных элементарных функциях и формах, в свою очередь, не предполагает ничего, кроме товарного обращения как такового, пусть даже и в слаборазвитом состоянии. Это, конечно, также является исторической предпосылкой, которая, однако, в силу самой природы товара может существовать на самых различных ступенях общественного процесса производства. Более подробное рассмотрение отдельных форм денег, например развития денег как сокровища и денег как средства платежа, указывает на весьма различные исторические ступени общественного процесса производства, на исторические различия, вытекающие из одной лишь формы этих различных функций денег; уже одно только бытие денег в форме сокровища или средства платежа точно так же обнаружило свою принадлежность каждой мало-мальски развитой ступени товарного обращения и, стало быть, оказалось, что оно не ограничено каким-то опре-

деленным периодом производства, а свойственно как добуржуазным ступеням процесса производства, так и буржуазному производству. Но капитал с самого начала выступает как такое отношение, которое может быть лишь результатом определенного исторического процесса и основой определенной эпохи в общественном способе производства.

Рассмотрим теперь саму рабочую силу в ее противоположности к товару, противостоящему ей в форме денег, или в противоположности к овеществленному труду, к стоимости, которая персонифицирована во владельце денег, или капиталисте, и в этой личности стала собственной волей, для-себя-бытием [16], сознающей себя самоцелью.

С одной стороны, рабочая сила выступает как *абсолютная бедность,* ибо и весь мир вещественного богатства, и его всеобщая форма, меновая стоимость, противостоят ей как чужой товар и чужие деньги, сама же рабочая сила представляет собой всего лишь имеющуюся в наличии и заключенную в живом организме субъекта, рабочего, возможность работать, возможность, которая, однако, абсолютно отделена от всех вещественных условий своего осуществления, т. е. от своей собственной действительности, и существует в отрыве от них, будучи их лишена. Поскольку все вещественные условия для пробуждения труда к жизни, для действительного процесса труда, для его действительного осуществления, т. е. поскольку все условия для овеществления труда образуют опосредствование между способностью к труду и действительным трудом — постольку все они могут быть обозначены как *средства труда.* Для того чтобы рабочая сила могла противостоять в качестве особого фактора [I—20] представляемому владельцем денег и товаровладельцем овеществленному труду, стоимости, противостоящей ей в образе капиталиста, для того чтобы рабочая сила могла противостоять овеществленному труду в своем самостоятельном облике рабочего, вынужденного предлагать для продажи свою рабочую силу как таковую в виде товара, — она должна быть рабочей силой, лишенной своих средств труда. Коль скоро *действительный* труд представляет собой овладение природным фактором для удовлетворения человеческих потребностей, является деятельностью, опосредствующей обмен веществ между человеком и природой, то рабочая сила, лишенная средств труда, вещественных условий присвоения природного фактора посредством труда, лишена также и *жизненных средств,* ибо, как мы это уже видели ранее [17], потребительная стоимость товаров вообще может быть охарактеризована как *жизненные средства.* Лишенная средств труда и жизненных

средств рабочая сила является, следовательно, абсолютной бедностью как таковой, и рабочий, имеющий в качестве всего лишь персонификации рабочей силы свои реальные потребности, — в то же время деятельностью для их удовлетворения обладает только как лишенной предметности, заключенной лишь в его собственной субъективности способностью (возможностью). Рабочий как таковой по своему определению является паупером, персонификацией и носителем этой способности, существующей отдельно, изолированно от своей предметности.

С другой стороны, так как вещественное богатство, мир потребительных стоимостей состоит только из природного материала, который видоизменен трудом, т. е. присваивается лишь посредством труда, а общественная форма этого богатства, меновая стоимость, есть не что иное, как определенная общественная форма содержащегося в потребительных стоимостях овеществленного труда; так как, однако, потребительная стоимость рабочей силы, ее действительное потребление есть сам труд, т. е. деятельность, опосредствующая потребительные стоимости и создающая меновую стоимость, — то рабочая сила является также и всеобщей возможностью вещественного богатства и его единственным источником в той определенной общественной форме, которую это богатство принимает в качестве меновой стоимости. Стоимость как овеществленный труд как раз и представляет собой лишь овеществленную деятельность рабочей силы. Если, следовательно, исходной предпосылкой капиталистического отношения является то, что овеществленный труд сохраняется и увеличивается — что стоимость сохраняется и увеличивается — в результате того, что владелец денег или товаровладелец постоянно находит себе в обращении определенную часть населения, представляющую собой всего лишь персонификацию рабочей силы, всего лишь рабочих и поэтому продающую свою рабочую силу как товар, постоянно предлагающую ее на рынке для продажи, — то тот парадокс, из которого, по-видимому, исходит современная политическая экономия, вытекает из природы вещей. В то время как, с одной стороны, она провозглашает труд источником богатства как в его вещественном содержании, так и в его общественной форме, как в виде потребительных стоимостей, так и в виде меновых стоимостей, с другой стороны, она точно так же провозглашает необходимость абсолютной бедности рабочего, бедности, которая не означает ничего иного, как то, что его рабочая сила представляет собой единственный товар, который рабочий имеет для продажи, что рабочий противостоит вещественному действительному богатству всего лишь как рабочая сила. Это про-

тиворечие обусловлено тем, что стоимости, выступает ли она в форме товара или в форме денег, противостоит рабочая сила как таковая, как особый товар.

Еще одна противоположность заключается в следующем. В противоположность к деньгам (или вообще к стоимости) как *овеществленному труду* рабочая сила выступает как способность живого субъекта, одно представляет собой прошлый, предшествующий труд, другое — будущий труд, существованием которого может быть как раз лишь живая деятельность, имеющаяся налицо в течение определенного времени деятельность само̀го живого субъекта.

Так же как со стороны капиталиста стоимость предстает как таковая, как стоимость, которая в качестве овеществленного труда обладает в деньгах своим общественным, общеобязательным, всеобщим бытием и для которой каждая особая форма бытия, бытие в потребительной стоимости каждого особого товара действительно лишь как особое и само по себе безразличное воплощение, которая, стало быть, предстает в качестве абстрактного богатства, — точно так же в лице рабочего как всего лишь персонификации рабочей силы капиталисту противостоит труд вообще, всеобщая возможность богатства, созидающая стоимость деятельность вообще (как способность), и какой бы особый вид действительного труда ни покупал капитал, этот особый вид рабочей силы действителен лишь в том случае, если его потребительная стоимость является овеществлением труда вообще, т. е. является созидающей стоимость деятельностью вообще. Капиталисту, представляющему стоимость как таковую, рабочий противостоит как всего лишь рабочая сила, просто как рабочий, так что противоположность между [I—21] самовозрастающей стоимостью, самовозрастающим овеществленным трудом и живой, созидающей стоимость рабочей силой образует суть и подлинное содержание этого отношения. Они противостоят друг другу как капитал и труд, как капиталист и рабочий. Эта абстрактная противоположность встречается, например, в цеховой промышленности, где отношение между мастером и подмастерьем определяется совершенно иначе. {Этот пункт, а возможно, и все это место следует рассмотреть лишь в разделе «Капитал и наемный рабочий».}

d) СТОИМОСТЬ РАБОЧЕЙ СИЛЫ. МИНИМУМ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ ИЛИ СРЕДНЯЯ ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА

Рабочая сила в качестве *потребительной стоимости* специфически отличается от потребительных стоимостей всех других товаров. Во-первых, тем, что она существует как всего лишь

способность в живом организме продавца-рабочего; во-вторых, тем, что накладывает на нее отпечаток в высшей степени характерного отличия от всех других потребительных стоимостей, а именно, тем, что ее потребительная стоимость — ее подлинная реализация как потребительной стоимости, т. е. ее потребление — это сам труд, т. е. субстанция меновой стоимости; тем, что рабочая сила является творческой субстанцией самой меновой стоимости. Ее действительное использование, потребление представляет собой полагание меновой стоимости. Создавать меновую стоимость — в этом ее специфическая потребительная стоимость.

Однако в качестве товара рабочая сила сама обладает *меновой стоимостью*. Спрашивается, как определить эту стоимость? Если товар рассматривается с точки зрения меновой стоимости, он всегда рассматривается как результат производительной деятельности, требуемой для создания его потребительной стоимости. Его меновая стоимость равна тому количеству содержащегося в нем отработанного, овеществленного труда, мерой которого является само рабочее время. В качестве меновой стоимости каждый товар отличается от другого лишь количественно, по своей же субстанции он представляет собой определенное количество общественного среднего труда, необходимого рабочего времени, которое требуется для того, чтобы при данных всеобщих условиях производства произвести, а следовательно, и воспроизвести эту определенную потребительную стоимость. Стоимость рабочей силы, как и всякой другой потребительной стоимости, равна, следовательно, тому количеству содержащегося в ней отработанного труда, тому рабочему времени, которое требуется, чтобы произвести (при данных всеобщих условиях производства) рабочую силу. Рабочая сила существует только как способность живого организма рабочего. Производство рабочей силы, коль скоро она предпослана как данная, сводится, так же как производство всего живого, к воспроизводству, к сохранению.

Стоимость рабочей силы сводится, таким образом, прежде всего к стоимости тех жизненных средств, которые необходимы для ее сохранения, т. е. для того, чтобы поддерживать жизнь рабочего как рабочего, так что если он сегодня трудился, то он способен завтра повторить тот же самый процесс при тех же самых условиях.

Во-вторых: Прежде чем рабочий развил свою рабочую силу, прежде чем он становится способным работать, он должен жить. Если, следовательно, — в соответствии с предположением, что деньги развиваются в капитал, что имеет место капиталистиче-

ское отношение, — если, следовательно, капитал должен постоянно находить на рынке, внутри обращения, продавцов своей собственной рабочей силы, то необходимо, чтобы рабочий, так как он смертен, кроме своих собственных жизненных средств, получал бы достаточно жизненных средств для того, чтобы размножать, увеличивать или по меньшей мере сохранять на данном уровне рабочую расу, в результате чего рабочая сила, исчезающая с рынка вследствие непригодности или смерти, замещалась бы свежей рабочей силой. Другими словами, рабочий должен получать достаточно жизненных средств, для того чтобы кормить детей до тех пор, пока они сами не смогут жить как рабочие. Для того чтобы развить определенную рабочую силу, для того чтобы так преобразовать свою всеобщую природу, чтобы она стала способной к выполнению определенного труда, рабочий нуждается в тренировке или в обучении, нуждается в воспитании, которое, в зависимости от особого вида изучаемого им производительного труда, само должно в большей или меньшей мере оплачиваться, стало быть, также входит в издержки производства рабочей силы. Насколько важным является такого рода рассмотрение, когда речь идет о том, [I—22] чтобы исследовать различия в стоимости [рабочей силы] в особых отраслях труда, настолько безразлично оно здесь, где мы имеем дело лишь со всеобщим отношением между капиталом и трудом и, следовательно, имеем перед собой обычный средний труд; иными словами, всякий труд мы рассматриваем лишь как ту или иную степень этого среднего труда, издержки обучения которому ничтожно малы. Впрочем, как бы то ни было, издержки обучения — расходы, необходимые для того, чтобы развить природу рабочего в виде способностей и навыков к работе в определенной отрасли труда, — во всяком случае включены в те жизненные средства, которые требуются рабочему для того, чтобы вырастить своих детей, замещающих его в качестве новой рабочей силы. Эти издержки входят в состав жизненных средств, необходимых для того, чтобы рабочий размножался в качестве рабочего.

Таким образом, стоимость рабочей силы сводится к стоимостям жизненных средств, необходимых для того, чтобы рабочий сохранял себя в качестве рабочего, чтобы он жил и размножался как рабочий. Эти стоимости, в свою очередь, сводятся к определенному рабочему времени, которое необходимо, к количеству труда, которое должно быть израсходовано, — для того чтобы произвести жизненные средства, или потребительные стоимости, необходимые для сохранения и размножения рабочей силы.

Все жизненные средства, необходимые для сохранения или воспроизводства рабочей силы, сводятся к товарам, которые, в зависимости от меняющейся производительности труда, обладают большей или меньшей стоимостью, т. е. требуют для своего производства более короткого или более длительного рабочего времени, так что одни и те же потребительные стоимости содержат больше или меньше овеществленного рабочего времени. Поэтому стоимость жизненных средств, необходимых для сохранения рабочей силы, меняется, однако она всегда в точности измеряется количеством труда, которое необходимо для того, чтобы произвести жизненные средства, требующиеся для сохранения и воспроизводства рабочей силы, или необходимо для того, чтобы сохранить или воспроизвести саму рабочую силу. Величина необходимого для этой цели рабочего времени изменяется, но в наличии всегда имеется определенное — большее или меньшее — количество рабочего времени, которое должно быть затрачено для воспроизводства рабочей силы и как овеществление которого следует рассматривать само живое бытие последней.

Жизненные средства, которые необходимы рабочему, для того чтобы он жил как рабочий, естественно, различны в различных странах и при различных состояниях культуры. Сами естественные потребности, например пища, одежда, жилье, отопление, увеличиваются или уменьшаются в зависимости от климатических различий. Равным образом — так как объем так называемых первых жизненных потребностей и способ их удовлетворения в значительной мере зависят от состояния культуры общества, т. е. так как сами они являются продуктом истории, — в той или иной стране или в ту или иную эпоху к необходимым жизненным средствам относится то, что в другой стране или в другую эпоху к ним не относится. Все же в определенной стране, в определенный период это — я имею в виду круг этих необходимых жизненных средств — есть величина данная.

Уровень *стоимости* труда поднимается или падает, даже если сравнивать различные эпохи буржуазного периода в той же самой стране. Да и рыночная цена рабочей силы то поднимается выше, то падает ниже уровня ее *стоимости*. Это относится и ко всем другим товарам, и здесь, где мы исходим из предпосылки, что товары обмениваются как эквиваленты, т. е. реализуют в обращении свою стоимость, является безразличным обстоятельством. (Эта стоимость товаров вообще, совершенно так же как и стоимость рабочей силы, в действительности выступает как их средняя цена, в которой выравниваются попере-

менно падающие или поднимающиеся рыночные цены, так что, следовательно, стоимость товаров реализуется, устанавливается в этих колебаниях самих рыночных цен.) Вопрос о движениях уровня потребностей в труде, равно как и о колебаниях рыночных цен рабочей силы вверх и вниз по отношению к этому уровню, относится к учению о заработной плате, а не сюда, где нужно исследовать всеобщее капиталистическое отношение. В дальнейшем ходе этого исследования будет показано, что для его результатов совершенно безразлично, считать ли уровень потребностей в труде более высоким или более низким. Единственное, что важно — это то, что этот уровень рассматривается как данный, как определенный. Все вопросы, которые связаны с ним не как с данной, а как с переменной величиной, относятся в первую очередь к исследованиям о [I—23] наемном труде и не затрагивают его общего отношения к капиталу. Впрочем, каждый капиталист, который, например, сооружает фабрику и основывает собственное дело, по необходимости рассматривает заработную плату как данную — в том месте и в то время, где и когда он открывает свое дело.

{«Уменьшите издержки производства необходимых для людей средств существования путем понижения естественной цены пищи и одежды, служащих для поддержания жизни, и заработная плата в конце концов упадет, несмотря на то, что спрос на рабочих может очень сильно возрасти» (*D. Ricardo*. On the Principles of Political Economy, and Taxation. 3rd edition. London, 1821, стр. 460) [Русский перевод, том I, стр. 314].}

{«*Естественная цена труда* — это та цена, которая необходима, чтобы рабочие имели, в среднем, возможность существовать и продолжать свой род без увеличения или уменьшения их числа. Способность рабочего содержать себя самого и свою семью... зависит не от количества денег, которые он получает в виде заработной платы, а от количества пищи, предметов необходимости и удобства, которые можно на эти деньги купить. Нормальная цена труда зависит поэтому от цен на пищу, на предметы необходимости и удобства... С повышением цен на пищу и предметы необходимости повысится также и естественная цена труда; с падением их цен естественная цена труда упадет» (*Ricardo*. Цит. соч., стр. 86) [Русский перевод, том I, стр. 85].}

{Английский пек (мера зерна) равен $^1/_4$ бушеля. 8 бушелей составляют 1 квартер. Объем стандартного бушеля равен $2218^1/_5$ куб. дюйма, его размеры: диаметр — $19^1/_2$ дюйма, высота — $8^1/_4$ дюйма. Мальтус говорит:

«Из сравнительного обзора цен на хлеб и заработных плат, начиная со времен царствования Эдуарда III, т. е. за 500 лет, следует, что заработки за один день работы в Англии чаще были ниже, чем выше одного пека пшеницы; что 1 пек пшеницы представляет собой своего рода среднюю точку, находящуюся, однако, несколько выше той середины, вокруг которой колебались выраженные в пшенице заработные платы, меняясь в соответствии со спросом и предложением» (*Malthus*. Principles of Political Economy, 2nd edition, London, 1836, стр. 240, 254).}

Если вместо более высококачественного, дорогого и ценного товара, составлявшего главное жизненное средство рабочего, дается товар более низкого качества, например вместо мяса — зерно, пшеница или же вместо пшеницы и ржи — картофель, то уровень *стоимости* рабочей силы, естественно, падает, так как снизился уровень ее потребностей. Однако в нашем исследовании мы будем всюду предполагать, что количество и качество жизненных средств, а стало быть, и объем потребностей никогда не снижаются на каждой данной ступени культуры, так как рассмотрение такого повышения и падения самого уровня стоимости рабочей силы (в особенности его искусственного понижения) ничего не меняет в исследовании всеобщего отношения.

Например, у шотландцев есть много семейств, которые вместо пшеницы и ржи целыми месяцами питаются овсяной кашицей (овсяной мукой) и ячменной мукой, смешанными лишь с солью и водой, и живут «весьма комфортабельно» («and that very comfortably»), — говорит Иден в своей работе «The State of the Poor: or, an History of the Labouring Classes in England, from the Conquest to the Present Period». 3 vols. London, 1797, т. I, кн. II, гл. II, [стр. 503].

Для того чтобы искусственно создать низкий уровень стоимости рабочей силы, в конце прошлого века основательно напряг свои ограниченные мозги потешный филантроп, возведенный в баронское звание янки граф Румфорд. Его «Essays» [18] — бесподобная поваренная книга со всевозможного рода рецептами жратвы самых дешевых сортов, рассчитанными на то, чтобы вместо существовавших дорогостоящих нормальных блюд дать рабочим суррогаты. Самое дешевое блюдо, которое предлагает приготовлять этот «философ», представляет собой суп из ячменя, кукурузы, перца, соли, уксуса, зелени и 4 селедок на 8 галлонов воды. Иден в цитированной выше работе рекомендует этот бесподобный корм начальникам работных домов: 5 фунтов ячменя, 5 фунтов кукурузы, на 3 пенса селедок, на 1 пенс соли, на 1 пенс уксуса, на 2 пенса перцу и зелени, итого на сумму в $20^3/_4$ пенса получается суп на 64 человека, да еще, при средних ценах на зерно, его стоимость может быть понижена до $^1/_4$ пенса за одну порцию.

{«Простой рабочий, у которого нет ничего кроме рук и умения работать, имеет лишь столько, сколько ему удается получить от продажи своего труда другим... Во всех отраслях труда должен иметь место и действительно имеет место тот факт, что заработная плата рабочего ограничивается тем, что ему безусловно необходимо для поддержания жизни» (*Turgot*. Réflexions sur la Formation et la Distribution des Richesses. Работа

написана в 1766 г. Опубликована в «Oeuvres de Turgot». Nouvelle édition par E. Daire. Tome I, Paris, 1844, стр. 10) [Русский перевод, стр. 97—98].} [I—23]

•

[I—26] {*Дополнение к стр. 23.* С одной стороны, уровень стоимости рабочей силы можно снизить таким образом, что доброкачественные жизненные средства заменяются более дешевыми и худшего качества или же ухудшается способ удовлетворения потребностей в этих жизненных средствах или вообще уменьшается круг жизненных средств, их объем. Но, с другой стороны, этот средний уровень можно также понизить и вследствие того, что в него входит содержание детей и женщин, — понизить таким образом, что этих последних самих заставляют работать, и в том возрасте, когда должно происходить развитие детей, они уже привлекаются к труду. Этот случай, подобно всем другим, относящимся к уровню стоимости труда, мы также оставляем без внимания. Мы, таким образом, предоставляем капиталу возможность честной игры, предполагая несуществующими его самые большие мерзости.} [I—26]

[I—26] {Уровень стоимости рабочей силы может быть снижен также и в том случае, если путем упрощения труда время обучения будет по возможности сведено к нулю или же будут сокращены издержки обучения.}

{Здесь можно привести — в связи с ранней эксплуатацией детей в качестве рабочих — одно место из вига-сикофанта Маколея [19]. Оно характерно для той особой манеры писания истории (а также и для определенных взглядов в экономической области), которая, правда, не есть «laudator temporis acti» *, но обращает свою смелость только назад, в далекое прошлое. Аналогичные высказывания — о детском труде на фабриках в XVII веке. Все же лучше то место из Маколея привести там, где говорится об историческом процессе или о машине и т. д. См. фабричные отчеты за 1856 год.} [I—26]

[I—24] Определение *стоимости рабочей силы* было, естественно, исключительно важным для понимания капиталистического отношения, которое покоится на продаже рабочей силы. Следовательно, прежде всего нужно было установить, как определяется стоимость этого товара, так как существенное в этом отношении заключается в том, что рабочая сила предлагается как товар, определение же ее как товара является решающим. Так как меновая стоимость рабочей силы определяется стоимостями или ценами жизненных средств, теми потребительными стоимостями, которые необходимы для ее сохране-

* — «хвалитель минувшего времени» (Гораций, «Наука поэзии»). *Ред.*

ния и воспроизводства, то физиократы, как бы мало ни понимали они природу стоимости вообще, в целом правильно трактовали стоимость рабочей силы. Поэтому у физиократов, вообще установивших первые разумные понятия о капитале, эта заработная плата, определяемая средними жизненными потребностями, играет главную роль.

{Бейли в своей анонимно изданной работе «A Critical Dissertation on the Nature, Measures, and Causes of Value» etc., London, 1825, которая вообще направлена против теории стоимости Рикардо, замечает о рикардовском определении *стоимости* рабочей силы:

«Г-н Рикардо довольно искусно обходит ту трудность, которая на первый взгляд грозит опрокинуть его учение о том, что стоимость зависит от количества труда, употребленного в производстве. Если проводить этот принцип со всей строгостью, то из него вытекает, что *стоимость труда* зависит от количества труда, *употребленного в процессе его производства,* — что, очевидно, нелепо. Поэтому г-н Рикардо ловким маневром ставит стоимость труда в зависимость от количества труда, требующегося для производства заработной платы, или, говоря его собственными словами, он утверждает, что стоимость труда *надо определять* количеством труда, требующимся для того, чтобы произвести заработную плату; а под этим он подразумевает количество труда, требующееся для производства денег или товаров, получаемых рабочим. Это то же, как если бы мы сказали, что стоимость ткани надо определять не тем количеством труда, какое затрачено на ее производство, а тем, какое затрачено на производство того серебра, на которое обменивается ткань» (стр. 50—51).

Единственное, что в этой полемике правильно, это то, что, согласно Рикардо, капиталист за свои деньги покупает непосредственно *труд,* а не распоряжение рабочей силой. Труд как таковой не является непосредственно товаром, с необходимостью представляющим собой овеществленный, израсходованный на потребительную стоимость труд. Рикардо, который не делает различия между рабочей силой как товаром, продаваемым рабочим, как потребительной стоимостью, имеющей определенную меновую стоимость, и трудом, являющимся всего лишь потреблением этой силы in actu *, не способен поэтому (не говоря уже об указанном Бейли противоречии — что живой труд не может быть оценен количеством труда, затраченного на его производство) показать, как может получаться прибавочная стоимость, как и вообще он не способен разъяснить неравенство между тем количеством труда, которое капиталист отдает рабочему в виде заработной платы, и тем количеством живого труда, которое капиталист покупает за это количество овеществленного труда. В остальном замечание Бейли глупо.

---

* — в действии. *Ред.*

Ведь в цену ткани точно так же входит цена употребленной на нее хлопчатобумажной пряжи, как и в цену рабочей силы входит цена тех жизненных средств, которые посредством обмена веществ входят в рабочую силу. Впрочем, на то обстоятельство, что воспроизводство живого, органического вещества зависит не от непосредственно примененного к нему, затраченного на него труда, а от цены тех жизненных средств, которые оно потребляет (а это и есть способ его воспроизводства), Бейли мог бы обратить внимание также и при определении стоимости животных, мог бы увидеть это даже на примере машины, коль скоро в ее стоимость входит стоимость угля, смазочных масел и других вспомогательных материалов, которые она потребляет. Так как труд не ограничивается лишь сохранением живого организма, а необходим еще особый труд, непосредственно модифицирующий саму рабочую силу, развивающий ее до способности заниматься какой-либо определенной профессией, — то этот особый труд, так же как и при сложном труде, входит в стоимость труда, и в этом случае он представляет собой затраченный непосредственно на рабочего, израсходованный на его производство труд. В остальном острота Бейли сводится лишь к тому, что тот труд, который затрачивается на воспроизводство органического вещества, затрачивается на жизненные средства для него, а не непосредственно на него самого, ибо усвоение этих жизненных средств посредством потребления представляет собой не труд, а скорее наслаждение.}

[I—25] Насущные жизненные потребности возобновляются ежедневно. Возьмем, например, массу жизненных средств, которые требуются в течение одного года, для того чтобы рабочий мог жить в качестве рабочего и сохранять себя как рабочую силу, и возьмем меновую стоимость этой массы, — т. е. то количество рабочего времени, которое затрачено, овеществлено, содержится в этих жизненных средствах, — тогда, подсчитав количество дней в году, можно определить сумму жизненных средств, необходимую рабочему в среднем в течение одного дня, а также и ее стоимость; необходимую для того, чтобы он мог прожить целый год, а также для того, чтобы установить ежедневную стоимость его рабочей силы, т. е. то количество жизненных средств, которое необходимо в течение одного дня и с помощью которого на следующий день рабочая сила продолжала бы свое существование, была бы воспроизведена как живая рабочая сила.

Потребление жизненных средств может происходить медленнее или быстрее. Например, потребительные стоимости, являющиеся ежедневными продуктами питания, ежедневно же

и съедаются, точно так же как уничтожаются, например, и такие потребительные стоимости, которые служат для отопления, освещения, поддержания чистоты (мыло). Другие же необходимые для жизни средства, такие, как одежда или жилище, изнашиваются медленнее, хотя они ежедневно используются и потребляются. Некоторые жизненные средства должны ежедневно покупаться вновь, должны ежедневно возобновляться *(возмещаться)*, другие, как, например, платье, так как они продолжают служить в качестве потребительных стоимостей в течение долгих промежутков времени и лишь в конце такого промежутка времени изнашиваются окончательно, становятся непригодными, — такого рода жизненные средства нуждаются в возмещении или возобновлении только через более или менее продолжительные промежутки времени, хотя и приходится пользоваться ими ежедневно.

Если сумма жизненных средств, которые рабочий должен потреблять ежедневно, для того чтобы жить в качестве рабочего, равна A, то за 365 дней она составит 365 A. Если же сумма всех остальных жизненных средств, которые необходимы рабочему и которые требуется возобновлять, т. е. заново покупать всего три раза в год, равна B, то в течение целого года ему понадобилось бы лишь 3 B. Всего, таким образом, за год рабочему понадобилось бы 365 A + 3 B, а ежедневно $\frac{365\,A+3\,B}{365}$. Это была бы средняя сумма жизненных средств, в которой рабочий нуждается ежедневно, а стоимость этой суммы составила бы дневную стоимость его рабочей силы, т. е. ту стоимость, которая изо дня в день, в течение всего количества дней в году, была необходима рабочему, для того чтобы покупать жизненные средства, необходимые для сохранения своей рабочей силы.

(Если год считать равным 365 дням, то на это количество дней приходится 52 воскресенья, остается 313 рабочих дней, в среднем можно считать 310 рабочих дней.) Если теперь стоимость необходимых рабочему жизненных средств, т. е. $\frac{365\,A+3\,B}{365}$ равнялась бы 1 талеру, то ежедневная стоимость его рабочей силы составила бы 1 талер. Ее владелец должен ежедневно зарабатывать эту сумму, для того чтобы он мог день за днем жить в течение всего года, и здесь ничего не меняется от того, что потребительная стоимость некоторых товаров не возобновляется ежедневно. Итак: сначала дается годовая сумма насущных жизненных потребностей; затем мы берем ее стоимость или цену; отсюда мы вычисляем среднюю ежедневную величину, т. е. делим всю эту стоимость или цену на 365 и

таким образом получаем стоимость средних жизненных потребностей рабочего или среднюю ежедневную стоимость его рабочей силы. (Цена необходимых рабочему в течение года жизненных средств, т. е. $365\,A + 3\,B$ равна 365 талерам, так что цена ежедневных насущных жизненных потребностей рабочего составляет $\frac{365A+3B}{365} = \frac{365}{365} = 1$ талеру.)

Обмен между деньгами и рабочей силой. Несмотря на то, что рабочая сила имеет специфический характер и поэтому представляет собой специфический товар, — точно так же как и деньги являются товаром вообще, однако специфическим товаром (только в случае денег их специфический характер порожден отношением всех товаров к какому-то исключительному товару; в случае рабочей силы ее специфический характер порожден природой потребительной стоимости этого товара), — рабочая сила, следовательно, как и любой другой товар, является 1) *потребительной стоимостью,* определенным предметом, потребление которого удовлетворяет особые потребности; 2) обладает *меновой стоимостью,* т. е. в ней как в предмете, как в потребительной стоимости содержится, овеществлено определенное количество труда. Как овеществление рабочего времени вообще рабочая сила является стоимостью. Величина ее стоимости определяется количеством затраченного на нее труда. Эта стоимость, выраженная в деньгах, представляет собой цену рабочей силы. Так как мы исходим здесь из предпосылки, [I—26] что все товары продаются в соответствии с их стоимостью, то цена вообще отличается от стоимости только тем, что она представляет собой стоимость, оцененную, или измеренную, или выраженную в материале денег. Товар поэтому продается по своей стоимости, если он продается по своей цене. Точно так же и под ценой рабочей силы здесь не следует понимать ничего другого, как ее стоимость, выраженную в деньгах. Стоимость рабочей силы за один день или за одну неделю поэтому уплачивается в том случае, если оплачивается цена жизненных средств, необходимых для сохранения рабочей силы в течение одного дня или одной недели. Однако эта цена или стоимость рабочей силы определяется не одними только жизненными средствами, которые рабочий ежедневно потребляет полностью, но также и теми жизненными средствами, которыми он пользуется ежедневно, как например одеждой, но не расходует их полностью, что потребовало бы их ежедневного обновления, теми жизненными средствами, которые нуждаются не в ежедневном обновлении, или возмещении, а лишь через определенные промежутки времени. Хотя все относящиеся к одежде

предметы и изнашиваются только один раз в течение года (посуда для еды и питья, например, не требует столь же быстрого возмещения, как одежда, так как она не так быстро изнашивается, еще медленнее изнашивается мебель, кровати, столы, стулья и т. д.), все же в течение целого года стоимость этих предметов одежды была бы израсходована на сохранение рабочей силы и по истечении года рабочий должен был бы быть в состоянии возместить их. Следовательно, рабочий должен в среднем получать ежедневно столько, чтобы после вычета ежедневных расходов на ежедневное потребление у него оставалось достаточно для того, чтобы по истечении года заменить изношенную одежду новой, т. е. если и не возмещать ежедневно какую-то определенную часть пиджака, то все же ежедневно возмещать соответственную часть его стоимости. Таким образом, если сохранение рабочей силы должно быть непрерывным, а это является предпосылкой в условиях капиталистического отношения, оно должно определяться не одной лишь ценой ежедневно потребляемых и поэтому на следующий день возобновляемых, подлежащих возмещению жизненных средств; но к этому еще присоединяется средняя ежедневная цена тех жизненных средств, которые должны быть возмещены через более или менее продолжительный промежуток времени, но потребляются ежедневно. Дело сводится к различию в оплате этих жизненных средств. Такая потребительная стоимость, как например пиджак, должна быть куплена целиком и как целое потреблена. Она оплачивается таким образом, что ежедневно сохраняется в резерве $\frac{1}{x}$ часть цены труда. [I—26]

[I—26] Так как рабочая сила существует лишь как заключенные в живом организме рабочего его умение, способности, потенции, то сохранение рабочей силы не означает ничего иного, как сохранение самого рабочего, его силы, здоровья, вообще жизнеспособности — в той степени, в какой это необходимо для реализации этой его рабочей силы. [I—26]

[I—27] Необходимо, следовательно, констатировать следующее:

Тот товар, который рабочий предлагает для продажи в сфере обращения, на рынке, который он вынужден продавать, — представляет собой его *собственную рабочую силу,* которая, как и всякий другой товар, коль скоро он является потребительной стоимостью, обладает предметным существованием, хотя бы в данном случае и всего лишь в виде способности, потенции в живом теле самого индивида (здесь, очевидно, не стоит упоминать о том, что к телу относятся не только руки, но и

голова). Однако функционирование этого товара в качестве потребительной стоимости, его потребление, его использование как потребительной стоимости заключается в самом труде, совершенно так же как пшеница только тогда действительно функционирует в качестве потребительной стоимости, когда она потребляется в процессе питания, когда она действует как питательное вещество.

Потребительная стоимость рабочей силы, как и всякого другого товара, реализуется лишь в процессе потребления, т. е. только после того как этот товар перешел из рук продавца в руки покупателя, с самим же процессом продажи его потребительная стоимость не имеет ничего общего, кроме того, что она является для покупателя побудительным мотивом. Далее, эта потребительная стоимость, до своего потребления существующая в качестве рабочей силы, обладает *меновой стоимостью,* которая, как и меновая стоимость всякого другого товара, равна количеству содержащегося в ней и, следовательно, необходимого для ее воспроизводства труда и, как мы видели, в точности измеряется рабочим временем, требующимся для того, чтобы создать жизненные средства, необходимые для сохранения рабочего. Так как мерой самой жизни является время, подобно тому как, например, вес является мерой для металлов, то ежедневной стоимостью рабочей силы рабочего является рабочее время, требующееся в среднем для сохранения жизни рабочего в течение одного дня, рабочее время, требующееся для того, чтобы рабочая сила воспроизводила себя день за днем, или, что в данном случае одно и то же, сохраняла себя в тех же самых условиях, которые, как отмечалось, определяются не просто естественной потребностью, а такой естественной потребностью, которая исторически модифицирована определенным уровнем развития культуры.

Эта, выраженная в деньгах, *стоимость* рабочей силы является ее *ценой,* в отношении которой мы предполагаем, что она уплачивается, так как мы вообще подразумеваем, что имеет место обмен эквивалентов, т. е. что продажа товаров совершается по их стоимости. Эта цена труда называется *заработной платой.* Заработная плата, соответствующая стоимости рабочей силы, представляет собой ее среднюю цену — в том виде, в каком мы ее изобразили, — представляет собой *среднюю заработную плату,* которая также называется *минимумом заработной платы, или вознаграждения за труд,* причем, однако, под минимумом следует понимать не крайнюю границу физической необходимости, а ежедневную среднюю заработную плату, например за один год, в течение которого цены на

рабочую силу, то поднимающиеся выше своей стоимости, то опускающиеся ниже ее, выравниваются.

В самой природе этого особого товара, рабочей силы, заложено то, что его действительная потребительная стоимость лишь после его потребления действительно переходит из одних рук в другие, из рук продавца в руки покупателя. Действительным потреблением рабочей силы является труд. Продается же она как способность, как всего лишь возможность, продается до того, как выполнен труд, продается как всего лишь сила, действительное проявление которой происходит лишь после ее отчуждения покупателю. Так как здесь, стало быть, формальное отчуждение потребительной стоимости и ее действительная передача покупателю отделяются друг от друга во времени, то деньги покупателя функционируют в этом обмене в большинстве случаев как *средство платежа*. Рабочая сила оплачивается ежедневно, еженедельно и т. д., но не в тот момент, когда она покупается, а после того как она действительно была потреблена в течение дня, недели и т. д. Во всех странах, где развито капиталистическое отношение, рабочая сила оплачивается рабочему лишь после того как она функционировала в качестве таковой. В этой связи можно сказать, что рабочий всюду ежедневно или еженедельно кредитует капиталиста (это, однако, зависит от особой природы продаваемого им товара), предоставляет капиталисту потреблять проданный им товар и только после потребления этого товара получает его меновую стоимость или цену. {В периоды кризисов и даже при отдельных банкротствах обнаруживается, что этот кредит со стороны рабочих не пустая фраза, так как в этом случае рабочие не оплачиваются.} Однако в самом процессе обмена это обстоятельство на первых порах не изменяет ничего. Процесс обмена скрепляется контрактом; следовательно, стоимость рабочей силы оценивается в деньгах, хотя она и будет реализована, оплачена лишь впоследствии. Поэтому и определение цены относится к стоимости рабочей силы, а не к стоимости продукта, возникшей для покупателя рабочей силы в результате ее потребления, ее действительного расходования, а также и не к стоимости труда, который как таковой не является товаром.

[I—28] Итак, теперь мы действительно знаем, что̀ оплачивает рабочему владелец денег, который хочет превратить свои деньги в капитал и поэтому покупает рабочую силу; он действительно оплачивает рабочему, например, ежедневную *стоимость* его рабочей силы, оплачивает соответствующую ее ежедневной стоимости цену, или ежедневную заработную плату, — тем, что выплачивает рабочему сумму денег, равную стоимости

необходимых для ежедневного сохранения его рабочей силы жизненных средств, выплачивает денежную сумму, представляющую собой ровно столько рабочего времени, сколько требуется для производства этих жизненных средств, т. е. для ежедневного воспроизводства рабочей силы.

Мы еще не знаем, что̀, со своей стороны, получает покупатель рабочей силы. От специфической природы этого товара, рабочей силы, так же как и от той специфической цели, для которой покупатель рабочей силы покупает этот товар, — а именно, для того, чтобы проявить себя в качестве представителя самовозрастающей стоимости, — зависит то, что операции, происходящие вслед за продажей рабочей силы, имеют специфическую природу и поэтому должны быть рассмотрены особо. К этому присоединяется то, — и именно это является существенным, — что особая потребительная стоимость указанного товара и ее реализация как потребительной стоимости касаются самого̀ экономического отношения, само̀й экономической определенности формы и поэтому относятся к сфере нашего рассмотрения. Попутно следует обратить внимание на то, что первоначально потребительная стоимость выступает как безразличная, какая угодно вещественная предпосылка. Действительная потребительная стоимость единичного товара, а стало быть, и вообще особенность того или иного товара, при анализе товара совершенно безразлична. Здесь важно лишь общее различие между потребительной стоимостью и меновой стоимостью, из которого развиваются деньги и т. д. (см. выше [20]). То, что рабочий в действительности продал владельцу денег, представляет собой распоряжение его рабочей силой, однако дело обстоит так, что владелец денег должен ее применять в соответствии с ее природой, с ее характером. В каких границах, — это выяснится впоследствии. [I—28]

е) ПРОЦЕСС ТРУДА

[I—A] * При обмене между капиталом и трудом следует различать два акта:

1) *Продажа рабочей силы.* Это простая купля и продажа, простое отношение обращения, как и при всякой другой купле или продаже. При рассмотрении этого отношения безразлично, как используется или потребляется купленный товар.

К этому первому акту проповедники *гармонии* пытаются свести отношение между капиталом и трудом, так как здесь

* Буквою «*А*» Маркс обозначил оборотную сторону обложки I тетради своей рукописи. *Ред.*

покупатель и продавец противостоят друг другу лишь как владельцы товаров, а специфический, отличительный характер сделки не проявляется.

2) *Потребление полученного в обмен на капитал товара* (рабочей силы), использование его потребительной стоимости, образует здесь некое специфическое экономическое отношение, в то время как при простой купле и продаже товара потребительная стоимость товара, точно так же как и реализация этой потребительной стоимости — потребление — безразличны для самого̀ экономического отношения.

В обмене между капиталом и трудом первый акт — обмен (купля или продажа) — полностью относится к сфере простого обращения. Обменивающиеся стороны противостоят друг другу лишь как покупатели и продавцы. Второй акт представляет собой процесс, качественно отличающийся от обмена. Это — существенно иная категория. [I—A]

[I—28] После того как владелец денег купил рабочую силу, совершил обмен на рабочую силу (покупка считается совершенной при взаимной договоренности, даже если она будет оплачена лишь впоследствии), он применяет ее как потребительную стоимость, потребляет ее. Реализация рабочей силы, ее действительное потребление — это, однако, сам живой труд. *Процесс потребления* этого специфического товара, продаваемого рабочим, совпадает, следовательно, с самим *процессом труда* или, вернее, является таковым. Так как труд является деятельностью самого рабочего, реализацией его собственной рабочей силы, то рабочий, стало быть, вступает в этот процесс как работающая личность, как рабочий и в этом процессе он не имеет для покупателя никакого другого бытия, кроме бытия действующей рабочей силы. Поэтому он является не личностью, которая работает, а активной персонифицированной рабочей силой — рабочим. Характерно, что в Англии рабочих называют по главному органу, посредством которого действует их рабочая сила, а именно — по их собственным рукам — *«руки»*.

Реальный труд — это целесообразная деятельность, направленная на создание какой-либо потребительной стоимости, на присвоение какого-либо природного вещества способом, соответствующим определенным потребностям. При этом безразлично, чего во время этой деятельности расходуется больше — мускулов или нервов, как безразлично и то, в большей или меньшей степени уже идеализировано природное вещество.

Всякий реальный труд есть *особый* труд, занятие какой-либо особой, отличающейся от других отраслью труда. Как один товар отличается от другого своей потребительной стоимостью,

так отличаются друг от друга и воплощенные в них особые виды деятельности, труда. Так как превращение денег в капитал, или образование капитала, предполагает развитое товарное обращение, то оно предполагает развитое разделение труда, — разделение труда, понимаемое здесь в том виде, в каком оно обнаруживается (выступает) в разнообразии обращающихся товаров, стало быть, как разделение совокупной целостности общественного труда на разнообразные виды труда, как совокупность особых видов труда. Следовательно, выполняемый рабочим труд весь без исключения принадлежит к особой отрасли труда, так же как и его рабочая сила сама является особой рабочей силой. Определенное содержание (или цель), а потому и определенный вид труда касаются нас здесь так же мало, как мало при анализе товара нас касались его определенное вещество или его определенная потребительная стоимость. Безразлично, в какой особой отрасли труда работает рабочий, хотя покупатель, естественно, всегда может купить только лишь особый вид труда. Единственный момент, который при этом необходимо фиксировать, — это та определенность труда, в которой он выступает в качестве действительного процесса. В дальнейшем будет ясно, что это безразличие по отношению к особому содержанию труда является не только такой абстракцией, которую устанавливаем мы, но и такой абстракцией, которую осуществляет капитал и которая существенным образом [I—29] относится к характеристике капитала. {Подобно тому как рассмотрение *потребительных стоимостей* товаров как таковых относится к *товароведению,* так рассмотрение процесса труда в его реальности относится к *технологии.*}

Что нас интересует в процессе труда, так это всего лишь моменты совершенно общего характера, на которые он распадается и которые присущи ему как процессу труда. Эти общие моменты должны вытекать из природы самого труда. До того, как рабочий продал распоряжение своей рабочей силой, он не мог привести ее в действие в качестве труда, не мог ее реализовать, так как рабочая сила была отделена от *вещественных условий* ее деятельности. В реальном процессе труда это разделение снято. Рабочая сила теперь действует, так как она естественным образом присваивает свои вещественные условия. Она действует потому, что вступает в контакт, в процесс, в связи с вещественными факторами, без которых она не может себя реализовать. Эти факторы в самом общем смысле могут быть обозначены как *средства труда.* Сами средства труда, однако, с необходимостью распадаются на предмет, который обрабатывается и который мы будем называть *материалом*

труда, и на *средство труда* в собственном смысле, — предмет (этот предмет не обязательно должен быть каким-либо орудием, он может быть, например, химическим процессом), который человеческий труд, человеческая деятельность помещает как средство между собой и материалом труда и который таким образом служит в качестве проводника человеческой деятельности.

При тщательном анализе всегда обнаружится, что в процессе любого труда применяются какой-то материал труда и какое-то средство труда. Возможно, что материал труда, тот предмет, который посредством труда должен быть присвоен для удовлетворения особой потребности, существует в природе без участия человеческого труда, как, например, рыба, которую вылавливают из воды, или дерево, которое рубят в девственном лесу, или руда, которую добывают из шахты, так что только само средство труда является продуктом прежнего человеческого труда. Все это относится к тому, что может быть названо добывающей промышленностью, а в отношении земледелия применимо лишь в той мере, в какой, скажем, возделывается девственная почва. Семена здесь, однако, представляют собой как средство труда, так и материал труда, так же как и все органическое, например скот в животноводстве, представляет собой и то, и другое. Напротив, только на самых низших ступенях экономического развития, т. е. в таких условиях, когда нечего и думать об образовании капиталистического отношения, может быть так, что орудие труда нашлось бы в природе без необходимости его дальнейшего опосредствования. Ясно само собой — и это вытекает из природы вещей, — что развитие человеческой рабочей силы в особенности проявляется в развитии *средства труда* или *орудия производства.* Именно это развитие показывает, в какой степени человек усилил воздействие своего непосредственного труда на природу, помещая между нею и собой природу, уже препарированную, приспособленную для его трудовых целей и подчиненную его воле в качестве проводника.

В *средства труда,* в отличие от материала труда, входят не только *орудия производства,* от самого простого инструмента или сосуда до самой развитой системы машин, но также и те *вещественные условия,* без которых процесс труда вообще не может осуществляться, например здание, в котором совершается процесс труда, или же поле, на котором сеют, и т. д. Непосредственно в процесс труда они не входят, но они являются теми условиями, без которых он не может осуществляться, т. е. представляют собой необходимые средства труда. Они высту-

нают как условия осуществления всего процесса, а не как факторы, действующие внутри него. К *средствам труда* относятся также те вещества, которые потребляются для того, чтобы можно было применять средство труда как таковое, такие, как смазочные масла, уголь и т. д., или же химические вещества, которые должны вызывать определенные видоизменения в материале труда, как, например, хлор для отбеливания и т. д. Входить здесь в детали не имеет смысла.

Материал труда, за исключением того, который служит для производства сырья, сам уже всегда является материалом, подвергшимся предшествовавшему процессу труда. То, что в одной отрасли труда является материалом труда, а потому и сырым материалом, выступает как результат труда в другой. Даже громадное большинство того, что рассматривается как продукт природы, например растения и животные, в той форме, в какой они сейчас используются и снова производятся людьми, являются результатом превращения, совершавшегося на протяжении многих поколений под контролем человека, при посредстве человеческого труда, — превращения, в ходе которого произошло изменение их формы и субстанции. Точно так же и то, что служит средством труда в одном процессе труда, является, как уже говорилось, результатом труда в другом.

[I—30] Итак, для потребления рабочей силы недостаточно того, что владелец денег ее покупает {покупает временное — частями — распоряжение ею}, он должен купить также и средства труда, объем которых может быть бо̀льшим или меньшим; должен купить материал труда и средства труда. К этому мы вернемся позднее. Здесь следует лишь заметить, что, для того чтобы владелец денег, купивший рабочую силу, мог перейти к ее потреблению, т. е. к действительному *процессу труда*, он должен был на другую часть своих денег купить вещественные условия труда, которые циркулируют в обращении в качестве товаров и только после соединения с которыми рабочая сила может перейти к действительному процессу труда.

Владелец денег покупает также товар, но такой товар, потребительные стоимости которого должны быть потреблены живым трудом, потреблены в качестве факторов процесса труда, частично — как потребительные стоимости, которые должны служить материалом труда и тем самым элементом потребительной стоимости более высокого порядка, частично — как потребительные стоимости, которые являются проводником воздействия труда на материал труда. Таким образом, потреблять товары — здесь прежде всего потребительные стоимости товаров — в процессе труда означает *потреблять* их *производи-*

тельно, а именно — уничтожать их исключительно как средство и предмет, посредством которых и в которых труд создает потребительную стоимость более высокого порядка. Это — промышленное потребление товаров (потребительных стоимостей).

Вот, что следовало сказать относительно владельца денег, превращающего свои деньги в капитал посредством обмена их на рабочую силу.

Внутри самого̀ действительного процесса труда товары существуют лишь как потребительные стоимости, а не как меновые стоимости, так как они противостоят действительному живому труду лишь как его условия, как средства его реализации, как факторы, определяемые природой самого труда, факторы, в которых труд нуждается для своей реализации в определенной потребительной стоимости. Например, ткач в процессе ткачества относится к пряже, к своему материалу труда, исключительно как к материалу этой определенной деятельности, ткачества, лишь как к элементу изготовления холста, относится к ней не как к пряже, обладающей меновой стоимостью, являющейся результатом предшествующего труда, а как к имеющейся в наличии вещи, свойства которой он использует для ее изменения. Точно так же и ткацкий станок выступает здесь совсем не как товар, не как носитель меновой стоимости, а лишь как средство труда для ткачества. Только как таковое он применяется и потребляется в процессе труда. Если материал труда и средство труда, хотя сами они являются товарами, а следовательно, и потребительными стоимостями, обладающими меновой стоимостью, противостоят действительному труду лишь как моменты, как факторы его процесса, то понятно, что в самом этом процессе они в еще меньшей степени противостоят ему как капитал. Действительный труд использует орудие как свое средство, а материал — как материал для своей деятельности. Он представляет собой процесс присвоения этих предметов как одушевленного тела самого труда, как его органов. Материал выступает здесь как неорганическая природа труда, средство труда — как орган само̀й присваивающей деятельности.

Если здесь говорится о потребительных стоимостях «более высокого порядка», то это следует понимать отнюдь не в моральном смысле, и даже не в том смысле, что новая потребительная стоимость с необходимостью обладает более высоким рангом в системе потребностей. Зерно, перерабатываемое в водку, является потребительной стоимостью более низкого порядка, чем водка. Всякая потребительная стоимость, которая предпослана в качестве элемента для образования новой потребительной стоимости, является по отношению к ней потребитель-

ной стоимостью более низкого порядка, так как она образует ее элементарную предпосылку, порядок же потребительной стоимости тем выше, чем через большее количество процессов труда уже прошли те элементы, из которых она вновь образуется, чем более опосредствованным, стало быть, является ее бытие.

Итак, процесс труда представляет собой такой процесс, в котором со стороны рабочего выполняется определенная целесообразная деятельность; он представляет собой такое движение, которое является одновременно и деятельностью его рабочей силы, его умственных и физических сил, и их расходованием и изнашиванием их; такое движение, посредством которого рабочий придает материалу труда новую форму и которое таким образом материализуется в материале труда как форма — независимо от того, носит ли это изменение формы химический или механический характер, происходит ли оно посредством контроля над самими физиологическими процессами или же заключается лишь в пространственном перемещении предмета (в изменении его пространственного бытия) либо просто состоит в отделении предмета от его связи с землей. Стало быть, труд, материализуясь в предмете труда, формирует его и расходует, потребляет средства труда в качестве своего органа. Из формы деятельности труд переходит в форму бытия, в форму предмета. Изменяя предмет, труд изменяет свою собственную форму. Формообразующая деятельность уничтожает предмет и саму себя; она формирует предмет и материализует себя; она уничтожает саму себя в своей субъективной форме в качестве деятельности и уничтожает предметное в предмете, т. е. снимает его безразличие по отношению к цели труда. Наконец, труд потребляет и средство труда, которое во время процесса труда также превратилось из простой возможности в действительность, став действительным проводником труда, но в результате механического или химического процесса, в который оно входит, средство труда также уничтожено в своей покоящейся [I—31] форме.

Все три момента процесса труда: субъект труда и его факторы — материал труда, на который он воздействует, и средство труда, которым он действует, — объединяются в нейтральный результат, в *продукт*. В продукте труд через посредство средств труда соединился с материалом труда. Продукт — этот нейтральный результат, в котором заканчивается процесс труда, — представляет собой новую *потребительную стоимость*. Потребительная стоимость вообще выступает как продукт процесса труда. Эта потребительная стоимость может

теперь сама достичь той конечной формы, в которой она может служить в качестве жизненного средства для индивидуального потребления, а также снова может стать фактором нового процесса труда; так, например, зерно может идти в пищу не людям, а лошадям, может быть использовано для производства лошадей, т. е. может служить элементом для более высокой, более сложной потребительной стоимости. Или же потребительная стоимость представляет собой готовое средство труда, которое как таковое должно служить в новом процессе труда. Или, наконец, потребительная стоимость является незаконченным продуктом, полуфабрикатом, который в качестве материала труда еще должен снова войти в другие процессы труда, отличающиеся от того процесса труда, из которого он выходит в качестве продукта, — независимо от того, велик или мал ряд этих процессов, — и снова должен претерпеть ряд вещественных изменений. Однако по отношению к тому процессу труда, из которого он выходит в качестве продукта, он выступает как готовый, законченный результат, как новая потребительная стоимость, изготовление которой составляло содержание процесса труда и имманентную цель трудовой деятельности, расходования рабочей силы, ее потребления.

Таким образом, в процессе труда применяются продукты прошлых процессов труда, труд потребляет их для того, чтобы создать новые продукты с более высокой, т. е. более опосредствованной потребительной стоимостью. В пределах определенного процесса труда как такового, где вещественные факторы труда выступают лишь как вещественные условия его реализации, это определение потребительных стоимостей (а именно то, что они уже сами являются продуктами) совершенно безразлично. Однако в этом определении обнаруживается вещественная зависимость различных общественных видов труда друг от друга и их взаимное дополнение, образующее ту или иную совокупность общественных видов труда.

Коль скоро прошлый труд рассматривается с точки зрения его вещественной стороны, иными словами, коль скоро по отношению к потребительной стоимости, которая в процессе труда служит в качестве средства труда или материала труда, имеет место то обстоятельство, что эта потребительная стоимость сама уже является соединением природного материала и труда, — то прошлый, овеществленный в потребительных стоимостях конкретный труд служит в качестве средства для реализации нового труда, или, что то же самое, в качестве средства для создания новых потребительных стоимостей. Однако следует установить, в каком смысле это имеет место в действитель-

ном процессе труда. Например, *ткацкий станок и хлопчатобумажная пряжа используются в ткачестве только в силу тех своих свойств, которыми они обладают для этого процесса как материал и средство для ткачества, только благодаря тем вещественным свойствам, которыми они обладают для этого особого процесса труда.* То обстоятельство, что хлопок, дерево и железо получают эту форму (в одном случае — форму пряжи, в другом — ткацкого станка), в которой они несут свою службу в этом процессе труда, благодаря прошлому труду, т. е. что они уже сами представляют собой комбинацию труда и природного материала, — совершенно так же как и то обстоятельство, что пшеница выполняет определенные функции, реализуя свою потребительную стоимость в процессе питания благодаря воплощенному в ней прошлому труду, — это обстоятельство как таковое безразлично для *данного* определенного процесса труда, в котором они определенным образом служат как потребительные стоимости, получая то или иное специальное практическое применение. Однако все это не имело бы места, если бы хлопок, железо и дерево не приняли посредством прежнего, прошлого процесса труда ту форму, а потому и те особые, могущие быть использованными свойства, которыми они обладают в качестве пряжи и ткацкого станка.

Таким образом, с чисто вещественной точки зрения, с точки зрения действительного процесса труда как такового, определенный прошлый процесс труда выступает как предварительный этап и как условие для вступления в жизнь нового процесса труда. Однако затем этот новый процесс труда сам рассматривается лишь как условие для создания определенной потребительной стоимости, стало быть, сам рассматривается с точки зрения потребительной стоимости. Так же как при потреблении вообще какой-нибудь потребительной стоимости содержащийся в ней труд является безразличным и она выступает только как потребительная стоимость, т. е. в соответствии со своими свойствами удовлетворяет определенные потребности в процессе потребления, стало быть, представляет интерес только теми своими свойствами, которыми она обладает как данный предмет, и теми функциями, которые она выполняет в качестве данного предмета, — так и в процессе труда, который сам является лишь определенным, особым процессом потребления потребительных стоимостей, особым, специфическим способом их использования, представляют интерес лишь те свойства, которыми продукты прежнего труда обладают в этом процессе, лишь их бытие в качестве материализации прошлого труда. Те свойства, которые какой-либо природный материал

приобрел посредством прежнего труда, теперь являются его собственными вещественными свойствами, которыми он действует или служит. То обстоятельство, что эти свойства опосредствованы прежним трудом, само это опосредствование в продукте снято, погашено.

[I—32] То, что раньше выступало как особый способ, побудительная цель, деятельность, — как труд, — выступает теперь в своем результате, в изменении предмета, осуществленном в продукте посредством труда, выступает как предмет с новыми определенными свойствами, которыми он обладает для потребления при удовлетворении потребностей. Если в самом процессе труда мы вспоминаем о том, что материал и средство труда являются продуктом прежнего труда, то это происходит лишь в том случае, если они не обнаруживают необходимых свойств, например, пила, которая не пилит, нож, который не режет, и т. д. Это напоминает нам о несовершенстве того труда, который вошел в теперешний процесс труда как его фактор. Коль скоро продукты прежних процессов труда входят в новый процесс труда как факторы, как материал или средство, то нас интересует лишь качество прошлого труда, интересует, действительно ли его продукт обладает теми целесообразными свойствами, на обладание которыми он претендует, был ли этот труд *хорошим* или *плохим*. Труд интересует нас здесь в его вещественном действии и в его реальности. В остальном же, поскольку средства труда и материал труда как таковые служат потребительными стоимостями в действительном процессе труда и обладают целесообразными свойствами (обладают ли они, однако, этими свойствами как потребительные стоимости более высокого или более низкого порядка, служат ли они своей цели более совершенно или менее совершенно, — это зависит от прошлого труда, продуктами которого они являются), постольку безразлично то, что они представляют собой продукты прежнего труда. Если бы они упали с неба готовыми, то могли бы сослужить ту же самую службу. Коль скоро они интересуют нас как продукты, т. е. как результаты прошлого труда, то лишь от результатов *особого* труда, от качества этого особого труда зависит их качество как потребительных стоимостей, та степень, в которой они действительно служат потребительными стоимостями для этого особого процесса потребления. Совершенно таким же образом в каком-либо данном процессе труда труд представляет интерес лишь постольку, поскольку он действует как данная определенная целесообразная деятельность с данным определенным вещественным содержанием и поскольку та степень, в какой продукт является хоро-

шим или плохим, в какой продукт действительно обладает той потребительной стоимостью, которую он должен получить в процессе труда, зависит от большей или меньшей доброкачественности труда, его совершенства, его соответствия своей цели.

С другой стороны, продукты, предназначенные для того, чтобы в качестве потребительных стоимостей войти в новый процесс труда, стало быть, являющиеся либо средствами труда либо незавершенными продуктами (т. е. продуктами, которые, для того чтобы стать действительными потребительными стоимостями, служить индивидуальному или производительному потреблению, нуждаются в дальнейшей обработке), — эти продукты, являющиеся, стало быть, либо средствами труда либо материалом труда для дальнейшего процесса труда, реализуют себя как таковые только тогда, когда они вступают в контакт с живым трудом, который снимает их мертвую предметность, потребляет их, превращает их из потребительных стоимостей, существующих лишь как возможность, в действительные и действующие потребительные стоимости, расходуя и потребляя их как вещественные факторы своего собственного живого движения. Машина, которая не используется в процессе труда, бесполезна, представляет собой мертвое железо и дерево. Кроме того, она подвергается разрушительному воздействию со стороны стихийных сил, всеобщему обмену веществ: железо ржавеет, дерево гниет. Пряжа, которая не будет использована для ткачества или вязанья и т. д., представляет собой лишь испорченный хлопок, хлопок, который непригоден также и для другого полезного применения, возможностью чего он обладал в своем бытии хлопка, сырого материала для пряжи.

Так как каждая потребительная стоимость может быть использована различным образом, поскольку каждая вещь обладает различными свойствами, которыми она может служить различным потребностям, то эта вещь теряет свою прежнюю потребительную стоимость в результате того, что в прежнем процессе труда она приобрела односторонне направленную потребительную стоимость, получила те свойства, которыми она может быть полезна лишь в одном определенном последующем процессе труда. Следовательно, те продукты, которые могут служить только как средство труда и материал труда, теряют [если они не используются] не только свое качество продуктов, этих определенных потребительных стоимостей, приобретенное ими посредством прежнего труда, но тот сырой материал, из которого они состоят, испорчен, бесцельно

растрачен и вместе с полезной формой, полученной им посредством прежнего труда, достается в удел разрушительной игре сил природы. В процессе труда продукты прежнего процесса труда, материал труда и средство труда, как бы воскрешаются из мертвых. *Действительными* потребительными стоимостями они становятся лишь в результате того, что входят в процесс труда в качестве его факторов, только в нем действуют как потребительные стоимости и только посредством него избегают разрушения во всеобщем обмене веществ, чтобы в новой форме вновь появиться в продукте.

Машина разрушается также и в процессе труда, но как машина. Она живет и действует как машина, ее потребление есть одновременно ее действенность, и в измененной форме материала ее движение реализовано, зафиксировано как свойство нового предмета. Точно так же и материал труда только в самом процессе труда развивает свои потребительные свойства, которыми он обладает в качестве материала труда. Процесс его потребления является процессом преобразования, изменения, из которого он выходит как потребительная стоимость более высокого порядка.

[I—33] Следовательно, если, с одной стороны, имеющиеся в наличии продукты, результаты прежнего труда, опосредствуют реализацию живого труда в качестве его предметных условий, то [с другой стороны] живой труд опосредствует реализацию этих продуктов как потребительных стоимостей, как продуктов, и сохраняет их, изымает их из всеобщего обмена веществ природы, одушевляя их в качестве элементов некоторого «новообразования».

Реальный труд, коль скоро он создает потребительные стоимости, представляет собой присвоение природного фактора для человеческих потребностей, будь то потребности производства или индивидуального потребления, является всеобщим условием обмена веществ между природой и человеком и как такое естественное условие человеческой жизни не зависит от всех ее определенных общественных форм, в одинаковой мере общ им всем. То же самое относится к процессу труда в его всеобщих формах, который ведь вообще является только живым трудом, разложенным на свои особые элементы, в качестве единства которых выступает сам процесс труда, воздействие труда через средство труда на материал труда. Сам процесс труда, с точки зрения его всеобщей формы, еще не выступает, следовательно, *ни в какой* особой *экономической определенности*. В нем не выражено никакого определенного исторического (общественного) производственного отношения, в которое люди вступают в про-

изводстве их общественной жизни, напротив, в нем выражена та всеобщая форма и те всеобщие элементы, на которые во всех общественных способах производства одинаково должен разлагаться труд, чтобы действовать в качестве труда.

Рассмотренная здесь форма процесса труда является лишь его абстрактной формой, которая оторвана от всех определенных исторических характеристик и одинаково подходит ко всем видам процесса труда, в какие бы общественные отношения друг к другу ни вступали люди во время этого процесса. Так же как по вкусу пшеницы невозможно узнать, произведена ли она русским крепостным или французским крестьянином, так и по этому процессу труда в его всеобщих формах, по всеобщим формам этого процесса труда не видно, происходит ли он под плетью надсмотрщика за рабами, под надзором промышленного капиталиста, или же этот процесс совершает дикарь, убивающий из своего лука дичь.

Владелец денег частью своих денег купил распоряжение рабочей силой, другой частью — материал труда и средства труда, с тем чтобы он мог расходовать, потреблять эту рабочую силу как таковую, т. е. заставить ее действовать в качестве действительного труда, короче: с тем чтобы он заставил рабочего действительно работать. Всеобщие определения этого процесса труда, одинаковые для всякого другого способа труда, не изменяются от того, что этот труд выполняется здесь для владельца денег, или выступает как процесс потребления им рабочей силы. Он подчинил процесс труда своей власти, присвоил его, но не изменил тем самым его всеобщий характер. В какой мере изменяется самый характер процесса труда в результате подчинения его капиталу, это вопрос, который не имеет никакого отношения к всеобщей форме этого процесса и будет разбираться позднее.

Пшеница, которую я ем, независимо от того, купил ли я ее или произвел сам, как в том, так и в другом случае действует в процессе питания в соответствии со своей природной определенностью. Равным образом ничто не меняется и в процессе труда в его всеобщей форме, т. е. в отвлеченных моментах труда вообще, работаю ли я на себя с моими собственными материалом труда и орудием труда или же я работаю на владельца денег, которому я продал на определенное время мою рабочую силу. Потребление этой рабочей силы, т. е. ее действительное функционирование как рабочей силы [Arbeitskraft], действительный труд, *сам по себе являющийся таким процессом, в котором деятельность входит в определенные отношения к предметам, — остается, как и прежде, тем же самым* и движется

в тех же самых всеобщих формах. Процесс труда, или действительный труд, как раз и подразумевает, что тот отрыв от предметных условий, в котором рабочий находился до продажи своей рабочей силы, от условий, с помощью которых он только и может приводить в действие свою рабочую силу, может работать, — что этот отрыв ликвидирован, что рабочий вступает теперь в естественное отношение в качестве рабочего к предметным условиям своего труда, вступает в процесс труда. Следовательно, если я рассматриваю всеобщие моменты этого процесса, то я рассматриваю лишь всеобщие моменты действительного труда вообще.

{Практический вывод из этого, — а именно то, что в целях апологии капитала его смешивают или отождествляют с одним из моментов простого процесса труда вообще, в результате чего продукт, предназначенный для производства другого продукта, непременно оказывается капиталом, капиталом оказывается сырой материал и орудие труда, орудие производства, а потому капитал представляет собой фактор процесса труда вообще, фактор производства, независимый от всех отношений распределения и общественных форм производства, — этот пункт лучше изложить после того, как будет рассмотрен процесс увеличения стоимости. Для того чтобы превратиться в капитал (в производительный капитал), деньги должны превратиться в материал труда, орудие труда и рабочую силу, исключительно в продукты прошлого труда, в опосредствованные трудом потребительные стоимости, которые применяются для нового производства. Следовательно, капитал, если его рассматривать с его вещественной стороны, выступает теперь — коль скоро он существует в виде потребительной стоимости — [I—34] как существующий в форме продуктов, служащих для нового производства, выступает как сырой материал, орудие труда (но также и как труд). Из этого, однако, отнюдь не следует обратное, что эти вещи как таковые представляют собой капитал. (Они становятся капиталом лишь при определенных общественных предпосылках.) Иначе с таким же успехом можно было бы сказать, что труд сам по себе является капиталом, т. е. можно было бы из полезности труда продемонстрировать рабочему полезность капитала, потому что труд, так же как и орудие труда, в процессе труда принадлежит капиталисту.}

Моменты процесса труда, рассматриваемые по отношению к самому труду, определены как материал труда, средства труда и сам труд. Если рассматривать эти моменты, обращая внимание на цель всего процесса, на подлежащий изготовлению продукт, то они могут быть обозначены как материал произ-

водства, орудия производства и производительный труд (быть может, следует употребить другое выражение) [21].

Продукт есть результат процесса труда. В такой же мере продукты выступают и как предпосылка этого процесса, который ими не заканчивается, а исходит из их существования как из условия. Продуктом является не только сама рабочая сила, но и те жизненные средства, которые рабочий получает в виде денег от владельца денег за продажу своей рабочей силы, уже являются для индивидуального потребления готовыми продуктами. Материал его труда и средство труда (одно или другое либо то и другое вместе) также уже являются продуктами. Следовательно, производству уже предпосланы продукты — продукты как для индивидуального, так и для производительного потребления. Первоначально сама природа является той кладовой, в которой человек, также являющийся предпосылкой в качестве продукта природы, находит готовые продукты природы для потребления, так же как в органах своего собственного тела он находит первые средства производства для присвоения этих продуктов. Средство труда, средство производства появляется как первый произведенный им продукт, первые формы которого, как например камень и т. д., он также находит в природе.

Как уже отмечалось, процесс труда как таковой не имеет ничего общего с актом купли рабочей силы капиталистом. Он купил рабочую силу. Теперь он должен ее использовать в качестве потребительной стоимости. Потребительная стоимость труда есть сам труд, процесс труда. Таким образом, мы спрашиваем, в чем состоит этот процесс в его всеобщих моментах, т. е. независимо от будущего капиталиста, совершенно так же как если бы мы сказали: кто-то покупает пшеницу, он хочет теперь потребить ее в качестве продукта питания. В чем состоит процесс питания зерном, или, лучше сказать, каковы всеобщие моменты процесса питания вообще?

f) ПРОЦЕСС УВЕЛИЧЕНИЯ СТОИМОСТИ

Результатом процесса труда, коль скоро этот результат рассматривается еще по отношению к нему самому, как кристаллизированный процесс труда, различные факторы которого слились в покоящемся предмете, в соединении субъективной деятельности с ее вещественным содержанием, является *продукт*. Однако этот продукт, рассматриваемый сам по себе, в той самостоятельности, в которой он выступает как результат процесса труда, представляет собой определенную *потреби-*

тельную стоимость. Материал труда получил форму, определенные свойства, создание которых было целью всего процесса труда и в качестве побудительной цели определило особый вид и способ самого труда. Этот продукт, коль скоро он теперь существует как результат, а процесс труда, стало быть, существует как процесс прошлый, находясь позади продукта как история его возникновения, — этот продукт является *потребительной стоимостью.* То, что деньги получили посредством их обмена на рабочую силу, или то, что владелец денег получил посредством потребления купленной им рабочей силы (а это потребление, в соответствии с природой рабочей силы, представляет собой промышленное, производительное потребление, или процесс труда), является *потребительной стоимостью.* Эта потребительная стоимость принадлежит ему, он ее купил, отдав за нее эквивалент; а именно, он купил материал труда, средство труда; но ему также принадлежит и *самый труд,* так как в тот момент, когда владелец денег купил рабочую силу (т. е. *до* начала действительного труда), ему уже принадлежит потребительная стоимость этого товара, которой как раз и является самый труд. Продукт принадлежит владельцу денег совершенно в той же мере, как если бы он потребил свою собственную рабочую силу, т. е. сам обработал сырой материал. Весь процесс труда начинается лишь после того как владелец денег приобрел для себя все элементы этого процесса на основе товарного обмена и соответственно его законам, а именно — путем купли их по их цене, которая представляет собой их стоимость, выраженную, оцененную в деньгах. Так как его деньги превратились в элементы процесса труда, а весь процесс труда сам выступает лишь как потребление купленной на эти деньги рабочей силы, то сам процесс труда выступает как превращение, которое претерпевают деньги, обменявшись не на имеющуюся в наличии потребительную стоимость, а на процесс, являющийся их собственным процессом. Процесс труда в известной мере аннексирован деньгами, подчинен им.

Однако той целью, которая преследовалась обменом между деньгами и рабочей силой, была отнюдь не потребительная стоимость, а превращение денег в капитал. Стоимость, получившая в деньгах самостоятельное существование, должна была в этом обмене себя сохранить, умножить, принять самостоятельную форму, а владелец денег должен был стать капиталистом — как раз тем путем, что он представлял собой стоимость, вторгающуюся в обращение и [I—35] господствующую в нем в качестве субъекта. То, что здесь требовалось, была меновая стоимость, а не потребительная стоимость. Стоимость утверж-

дает себя в качестве меновой стоимости только тем, что созданная в процессе труда потребительная стоимость, продукт реального труда, сама является носителем меновой стоимости, т. е. *товаром*. Поэтому для превращающихся в капитал денег речь шла о производстве товара, а не всего лишь потребительной стоимости; о потребительной стоимости речь шла лишь в той мере, в какой она является необходимым условием, материальным субстратом меновой стоимости. В действительности речь шла о *производстве* меновой стоимости, о ее сохранении и умножении. Следовательно, теперь дело будет заключаться в том, чтобы исчислить сохранившуюся меновую стоимость продукта, новой потребительной стоимости. (Дело заключается в том, чтобы увеличить стоимость. Следовательно, речь идет не только о процессе труда, но и о процессе увеличения стоимости.)

{Прежде чем мы перейдем к этому исчислению, необходимо сделать еще одно замечание. Все предпосылки процесса труда, все, что в него вошло, было не только потребительными стоимостями, но и товарами, потребительными стоимостями, которые обладали ценой, выражавшей их меновую стоимость. Так же как товары были налицо в качестве элементов этого процесса, они должны снова выйти из него, что никак не обнаруживается, если мы рассматриваем всего лишь процесс труда в качестве материального производства. Этот процесс образует, следовательно, только одну сторону, вещественную сторону процесса производства. Так же как сам товар, с одной стороны, представляет собой потребительную стоимость, а с другой — меновую стоимость, точно так же, естественно, товар in actu *, в процессе его возникновения должен быть процессом двусторонним: [с одной стороны] производство товара выступает как производство потребительной стоимости, продукта полезного труда, а с другой стороны — как производство меновой стоимости, и оба эти процесса должны выступать лишь как две различные формы одного и того же процесса, точно так же как товар представляет собой единство потребительной стоимости и меновой стоимости. Товар, из которого мы исходили как из данного, здесь рассматривается в процессе его становления. Процесс производства является процессом производства не потребительной стоимости, а товара, т. е. единства потребительной стоимости и меновой стоимости. Однако это обстоятельство еще не делает способ производства капиталистическим способом производства. Оно лишь требует, чтобы продукт, потребитель-

* — в действии, в движении. *Ред.*

ная стоимость предназначалась не для собственного потребления, а для отчуждения, для продажи. Капиталистическое же производство требует не только того, чтобы товары, брошенные в процесс труда, были реализованы, получили посредством прибавления труда (промышленное потребление есть не что иное, как прибавление нового труда) новую стоимость, но также и того, чтобы брошенные в него стоимости (ибо брошенные в него потребительные стоимости, коль скоро они были товарами, все обладали стоимостью) реализовали себя в качестве стоимостей, производили бы, вследствие того, что они были стоимостями, новую стоимость. Если бы речь шла только о первом, то мы не вышли бы за рамки простого товара.

Мы предполагаем, что для владельца денег элементы процесса труда не являются находящимися в его владении потребительными стоимостями, а приобретены первоначально как товары путем купли и что это образует предпосылку всего процесса труда. Мы видели, что не для каждого вида труда необходимо, чтобы кроме средства труда, также и материал труда был товаром, т. е. сам уже был продуктом, опосредствованным трудом, и в качестве овеществленного труда — меновой стоимостью, товаром. Мы исходим здесь, следовательно, из предпосылки, что все элементы процесса покупаются, как это имеет место в фабричном производстве. Мы берем феномен в той форме, в какой он проявляется наиболее полным образом. Это ничего не меняет в правильности самого рассмотрения, так как для других случаев следует лишь один из факторов принять равным нулю. Так, например, в рыбной ловле материал труда сам еще не является продуктом, стало быть, не находится предварительно в обращении подобно товару, и поэтому один из факторов процесса труда, а именно — материал труда, если его рассматривать как меновую стоимость, как товар, можно считать равным нулю.

Однако предпосылка, что владелец денег покупает не только рабочую силу или что деньги обмениваются не только на рабочую силу, но также и на другие предметные условия процесса труда, на материал труда, на средство труда, в качестве которых, в зависимости от более простого или более сложного характера процесса труда, может фигурировать огромное разнообразие вещей, товаров, — эта предпосылка является *существенной*. Прежде всего, на той стадии исследования, на которой мы здесь находимся, она является методически необходимой. Нам нужно увидеть, как деньги превращаются в капитал. А этот процесс ежедневно проделывает каждый владелец денег, желающий превратить свои деньги в промышленный капитал.

Он должен закупать материалы труда и средства труда, для того чтобы быть в состоянии потреблять чужой труд.

Указанная предпосылка необходима для подлинного понимания природы капиталистического отношения. Это отношение исходит из товарного обращения как из своей основы. Оно предполагает уничтожение такого способа производства, в котором самопотребление [der Selbstkonsum] составляет главную цель производства и только излишек продается как товар. Капиталистическое отношение развивается тем полнее, чем в большей мере все имеющие к нему отношение элементы сами являются товарами, т. е. могут присваиваться лишь путем купли. Чем в большей мере производство само получает свои элементы из обращения, т. е. как товары, так что они уже входят в него как меновая стоимость, тем в большей мере это производство является капиталистическим. Если мы здесь образованию капитала теоретически предпосылаем обращение и поэтому исходим из денег, то это соответствует также и историческому процессу. [I—36] Капитал развивается из денежного имущества и для своего образования предполагает уже весьма развитые торговые отношения, возникшие на предшествующей ему ступени производства. Деньги и товар являются той предпосылкой, из которой мы должны исходить при рассмотрении буржуазной экономики. При дальнейшем исследовании капитала будет показано, что в действительности только на поверхности *капиталистического* производства товар выступает как элементарная форма богатства.

Отсюда ясна вся нелепость той традиции, которую со свойственным ему французским схематизмом установил Ж. Б. Сэй (будучи в целом лишь вульгаризатором А. Смита, он смог лишь добавить к совершенно не переваренному им материалу некую благозвучную аранжировку и унифицировать этот материал), традиции, которой, однако, не следовал никто из экономистов-классиков: рассматривать сначала производство, затем обмен, потом распределение и, наконец, потребление, или же распределять эти четыре рубрики еще как-нибудь иначе [22]. Тот специфический способ производства, который мы должны исследовать, с самого начала предполагает определенный способ обмена в качестве одной из своих форм, производит определенный способ распределения и определенный способ потребления, поскольку рассмотрение последнего вообще относится к области политической экономии. (К этому вопросу следует вернуться позднее.)}

А теперь — ad rem *.

* — к делу, к существу дела. *Ред.*

Меновая стоимость продукта (потребительной стоимости), которая вышла из процесса труда, состоит из совокупной суммы материализованного в нем рабочего времени, из совокупного количества овеществленного труда, заключенного в продукте *. Следовательно, во-первых, она состоит из стоимости содержащегося в продукте сырого материала, или из рабочего времени, требуемого для того, чтобы произвести этот материал труда. Предположим, оно равно 100 рабочим дням. Эта стоимость, однако, уже выражена в той цене, по которой был куплен материал труда, скажем, например, по цене в 100 талеров. Стоимость этой части продукта уже определенно входит в него в качестве цены. Во-вторых, что касается средств труда, орудий и т. д., то орудие может быть изношено лишь частично и может снова продолжать функционировать в новых процессах труда как средство труда. Часть орудия труда может, стало быть, войти в расчет только потому, что она вошла в продукт, — та часть, которая изношена. В этом пункте — позже будет показано более точно, как исчисляется изнашивание средства труда — мы предположим, что средство труда целиком изнашивается в течение одного процесса труда. Это предположение тем менее меняет дело, что в действительности орудие принимается в расчет лишь в той мере, в какой оно потреблено в процессе труда, т. е. перешло в продукт; иными словами, в расчет принимается только изношенное средство труда. Оно также куплено. Содержащееся в нем рабочее время, скажем, 16 рабочих дней, выражено в его цене, составляющей 16 талеров.

Прежде чем мы пойдем дальше, здесь следует разобрать, каким образом стоимость материала труда и средства труда сохраняется в процессе труда и поэтому вновь появляется как готовая, *предпосланная* составная часть стоимости продукта, или, что то же самое, каким образом материал и средство труда потребляются в процессе труда, изменяются либо полностью разрушаются (как, например, средства труда), стоимость же их не разрушается, а вновь появляется в продукте как составная часть, как *предпосланная* составная часть его стоимости.

{Капитал рассматривался с его вещественной стороны как простой процесс производства, как процесс труда. Однако со стороны определения формы этот процесс представляет собой *процесс самовозрастания стоимости*. Самовозрастание стоимости включает в себя как сохранение существовавшей ранее стоимости, так и умножение ее. Труд представляет собой целе-

* На этом *суммировании* [стоимостей] Кенэ и другие [физиократы] строят свое доказательство непроизводительности всех видов труда, кроме земледельческого.

сообразную деятельность, и таким образом с вещественной стороны заранее предполагается, что в процессе производства труд целесообразно применил средства труда, чтобы придать материалу труда задуманную новую потребительную стоимость.}

{Так как процесс труда — ибо труд принадлежит капиталисту — представляет собой процесс потребления рабочей силы капиталистом, то последний потребил в процессе труда свой материал и свое средство труда посредством труда, а труд — посредством своего материала и т. д.}

[I—37] Для процесса труда как такового, или в процессе труда как таковом, действующая рабочая сила, действительный рабочий относится к материалу труда и средству труда лишь как к предметным предпосылкам созидающего движения, каковым является сам труд, относится в действительности лишь как к предметным средствам осуществления труда. Таковыми они являются только благодаря их предметным свойствам, благодаря тем свойствам, которыми они обладают как материал и средства этого определенного труда. То, что они сами являются продуктами прежнего труда, в них как в вещах погашено. Стол, который служит мне для писания, имея свою собственную форму и свои собственные свойства, обладает тем, что раньше выступало как придающее форму качество или как определенность столярного труда. Со столом, в той мере, в какой я им пользуюсь как средством для дальнейшего труда, я имею дело постольку, поскольку он служит как потребительная стоимость, как стол для определенного полезного применения. То обстоятельство, что материал, из которого он сделан, получил эту форму посредством прежнего труда, посредством столярного труда, это обстоятельство исчезло, оно погашено в его вещном бытии. В процессе труда он служит как стол, без какого-либо отношения к труду, сделавшему его столом.

В меновой стоимости, напротив, речь идет только о том количестве труда, материализацией которого является эта определенная потребительная стоимость, или о том количестве рабочего времени, которое требуется для того, чтобы эту потребительную стоимость произвести. В этом труде его собственное качество, то, что он представляет собой, например, столярный труд, погашено, ибо он сведен к определенному количеству одинакового, всеобщего, лишенного различий, общественного, абстрактного труда. Вещественная определенность труда, а следовательно, и потребительной стоимости, в которой он себя фиксирует, при этом погашена, исчезла, безразлична. Заранее предположено, что это был полезный труд, т. е. труд, резуль-

татом которого была потребительная стоимость. Но что за потребительная стоимость это была, какова, следовательно, была определенная полезность труда, это в бытии товара как меновой стоимости погашено, так как в качестве таковой товар представляет собой эквивалент, который может быть выражен во всякой другой потребительной стоимости, стало быть, во всякой другой форме полезного труда, содержащей равновеликое количество общественного труда. Поэтому в отношении стоимости, выступающей как овеществленное количество рабочего времени, материал труда и потребленное средство труда всегда могут быть рассматриваемы таким образом, как если бы они представляли собой моменты того же самого процесса труда. Таким образом, для того чтобы произвести продукт, новую потребительную стоимость, [помимо затрат живого труда] требуется 1) рабочее время, овеществляющееся в материале труда, 2) рабочее время, материализующееся в средстве труда. Правда, в своей первоначальной форме материал труда исчез, хотя с точки зрения своей субстанции он вновь появляется в новой потребительной стоимости. Средство труда исчезло целиком, хотя как действие, как результат оно вновь появляется в форме новой потребительной стоимости. Вещественная определенность, определенная полезность различных видов труда, которая содержалась в материале труда и средстве труда, погашена, точно так же как исчезли или изменились и сами потребительные стоимости, в которых они были выражены. Однако еще до того как войти в этот новый процесс труда, они в качестве меновой стоимости представляли собой всего лишь материализацию всеобщего труда, не что иное, как поглощенное некоторым предметом количество рабочего времени вообще, для которого был безразличен как определенный характер различных видов действительного труда, так и определенный характер той потребительной стоимости, в которой эти виды труда себя реализовали.

После нового процесса труда [стоимостное] отношение остается совершенно тем же самым, каким оно было до этого процесса. Количество рабочего времени, необходимое для того, чтобы произвести, например, хлопок и веретено, представляет собой необходимое количество рабочего времени, требующееся для того, чтобы произвести пряжу, поскольку хлопок и веретено потреблены в пряже. То обстоятельство, что это количество рабочего времени теперь выступает как пряжа, совершенно безразлично, так как оно по-прежнему выступает в виде той потребительной стоимости, для производства которой оно необходимо. Если я обмениваю хлопок и веретено стоимостью,

например, в 100 талеров на такое количество пряжи, которое также имеет стоимость в 100 талеров, то и в этом случае рабочее время, содержащееся в хлопке и веретене, существует как рабочее время, содержащееся в пряже. То обстоятельство, что хлопок и веретено в их действительном вещественном превращении в пряжу также подвергаются вещественным изменениям, — хлопок принимает другую форму, а веретено в его вещественной форме совершенно исчезает в пряже, — здесь ничего не меняет, *потому что* этот процесс касается их только как потребительных стоимостей, т. е. касается их в той форме, к которой они как меновые стоимости сами по себе безразличны. Так как они как меновые стоимости представляют собой лишь определенное количество материализованного общественного рабочего времени, а потому и одинаковые величины, эквиваленты для любой другой потребительной стоимости, которая содержит такое же по величине количество материализованного общественного рабочего времени, то [в результате процесса труда] меняется только то, что теперь они выступают как факторы новой потребительной стоимости. Единственным условием является то, что они 1) выступают как рабочее время, необходимое для того, чтобы произвести новую потребительную стоимость, 2) действительно воплощаются в другой потребительной стоимости, т. е. [I—38] вообще в какой-либо потребительной стоимости.

Материал труда и средство труда потому представляют собой рабочее время, необходимое для того, чтобы создать новую потребительную стоимость, что потребительные стоимости, в которых они первоначально кристаллизованы, являются необходимыми факторами для нового процесса труда. Но, далее, согласно предположению, потребительные стоимости, в том качестве, в каком они существовали до процесса труда, — в качестве хлопка и веретена — на самом деле воплотились в результате нового процесса труда в новой потребительной стоимости, в продукте, в пряже.

(То обстоятельство, что в новый продукт входят лишь такие количества материала и средств труда, которые необходимы для образования этого продукта, т. е. что в продукт входит лишь необходимое рабочее время, которое диктуется этими определенными количествами, другими словами, что тут не расходуются попусту ни материал, ни средства производства, — это обстоятельство является условием, относящимся не к ним как к таковым, а к целесообразности и производительности нового труда, который использует их в процессе труда как свои материал и средства; оно представляет собой такое определение,

которое следует принять во внимание при рассмотрении самого этого [нового] труда. Здесь, однако, предполагается, что они как средство труда и материал труда входят лишь в таких количествах в новый процесс, в каких они действительно требуются как таковые для осуществления нового труда, действительно являются предметными условиями нового процесса труда.)

Итак, два вывода.

Во-первых. Рабочее время, требующееся для создания материала труда и средства труда, потребляемых [при производстве] продукта, есть рабочее время, требующееся для производства этого продукта. Коль скоро предметом рассмотрения является меновая стоимость, то количества рабочего времени, материализованные в материале и средствах труда, могут быть рассматриваемы так, как если бы они были моментами того же самого процесса труда. Всякое рабочее время, заключающееся в продукте, представляет собой прошлый, материализованный в нем труд. То обстоятельство, что прошлое рабочее время, содержащееся в материале и средствах [труда], было затрачено раньше, относится к более раннему периоду по сравнению с рабочим временем, непосредственно функционирующим в самом последнем процессе труда, — дела не меняет. Материал труда и средство труда лишь соответствуют более ранним периодам, в течение которых была отработана [часть] заключающегося в продукте рабочего времени, по сравнению с той его частью, которая представляет входящий в нее непосредственный труд. *Следовательно, стоимость материала и стоимость средства труда вновь появляются в продукте как составные части его стоимости.* Эта стоимость является *предпосланной* стоимостью, так как в цене материала труда и цене средства труда заключающееся в них рабочее время уже было выражено в его всеобщей форме, как общественный труд; это те цены, по которым владелец денег купил материал труда и средство труда как товары, прежде чем он начал процесс труда. Те потребительные стоимости, в которых существовали эти цены, исчезли, но сами эти цены остались неизменными и остаются неизменными в новой потребительной стоимости. Изменение произошло только в том, что они выступают как всего лишь составные части, как факторы ее стоимости, как факторы новой стоимости. Коль скоро товар вообще является меновой стоимостью, то вообще определенная потребительная стоимость, та вещественная определенность, в которой существует эта меновая стоимость, является лишь определенным способом ее проявления; в действительности она представляет собой всеобщий эквивалент и поэтому может обменивать это свое воплощение на любое другое; ведь через

посредство обращения и прежде всего путем своего превращения в деньги меновая стоимость способна придать себе субстанцию любой другой потребительной стоимости.

Во-вторых. Стоимости средства труда и материала труда сохраняются, таким образом, в стоимости продукта, входят в стоимость продукта в качестве ее факторов. *Но они вновь появляются в этой стоимости только потому,* что то действительное изменение, которое получили их потребительные стоимости, вообще не затронуло их субстанцию, а коснулось лишь тех форм потребительной стоимости, в которых материал труда и средство труда существуют до и после процесса; потому, что та определенная форма потребительной стоимости, в которой существует стоимость, или также та определенная полезность труда, которая в этой стоимости сведена к абстрактному труду, по самой природе вещей вообще не затрагивает сущности стоимости.

Однако для того чтобы стоимость материала труда и средства труда вновь появилась в продукте, conditio sine qua non * является то, чтобы процесс труда действительно дошел до своего конца, до продукта, действительно завершился в продукте. Следовательно, если речь идет о потребительных стоимостях, производство которых длится в течение более или менее длительного периода, то видно, каким существенным моментом для процесса увеличения стоимости — даже в той мере, в какой этот процесс касается только сохранения имеющихся потребительных стоимостей — вообще является *постоянство* процесса труда. {Это постоянство, однако, по предположению, означает, что процесс труда происходит на основе присвоения рабочей силы путем ее купли со стороны денег, путем постоянного превращения денег в капитал. Означает, следовательно, что бытие *рабочего класса* является постоянным. Это постоянство само впервые создается капиталом. Спорадически ранний рабочий класс может встречаться также и на более ранних ступенях производства, но не как [I—39] всеобщая предпосылка производства. В колониях (см. Уэйкфилда [23], позднее к этому следует вернуться снова) обнаруживается, что это [капиталистическое] отношение само является продуктом капиталистического производства.}

Что же касается теперь сохранения стоимостей материала труда и средства труда, — предполагая, следовательно, что процесс труда продолжается вплоть до создания продукта, — то оно достигается просто тем, что эти потребительные стоимости

---

* — условием, без которого что-либо невозможно; непременным условием. *Ред.*

как таковые потребляются живым трудом в процессе труда, что они фигурируют как действительные моменты процесса труда, достигается лишь посредством их контакта с живым трудом и посредством их вступления в процесс труда в качестве условий труда как целесообразной деятельности. *Живой труд* лишь постольку *в процессе труда присоединяет стоимость* к той стоимости, которая *существует в материале и средстве труда*, поскольку он сам по себе является новым количеством труда, а не потому, что он является действительным, полезным трудом, не с точки зрения его вещественной определенности. Пряжа лишь потому имеет бо̀льшую стоимость, чем сумма потребленных в ней стоимостей хлопка и веретена, что в процессе труда добавилось новое количество труда, для того чтобы названные потребительные стоимости превратить в новую потребительную стоимость, в пряжу, потому, следовательно, что пряжа, помимо количества труда, содержащегося в хлопке и веретене, получает еще некоторое, вновь добавившееся количество труда. Однако *сохраняются* меновые стоимости хлопка и веретена просто потому, что действительный труд, прядение, превращает их в новую потребительную стоимость, в пряжу, стало быть, целесообразно потребляет их, превращает в *жизненные факторы своего собственного процесса*. Стоимости, вступающие в процесс труда, сохраняются, следовательно, просто благодаря *качеству* живого труда, благодаря характеру его проявления, в результате чего те мертвые предметы, в которых стоимости, предпосланные этому процессу, существуют в их потребительных стоимостях, теперь действительно в качестве потребительных стоимостей захватываются этим новым полезным трудом, прядением, и становятся моментами нового труда. *Они сохраняются как стоимости в результате того, что входят в процесс труда как потребительные стоимости*, т. е. по отношению к действительному, полезному труду играют свои понятийно определенные роли материала труда и средства труда.

Вернемся к нашему примеру. Хлопок и веретено потому используются как потребительные стоимости, что они входят в определенный труд, в прядение, входят как материал и средство, одно из них полагается в действительном процессе прядения в качестве объекта, другое — в качестве органа этой живой целесообразной деятельности. Следовательно, они сохраняются как стоимости в результате того, что как потребительные стоимости они сохраняются для процесса труда. *Они сохраняются вообще как меновые стоимости потому, что используются трудом как потребительные стоимости*. Но труд, который их использует таким образом, как потребительные

стоимости, представляет собой действительный труд, труд, рассматриваемый в его вещественной определенности; это определенный полезный труд, который один только и относится к этим особым потребительным стоимостям как к материалу труда и средству труда, в своем живом проявлении относится к ним как к таковым. Именно этот определенный полезный труд, прядение, сохраняет потребительные стоимости хлопка и веретена в качестве меновых стоимостей и поэтому заставляет их вновь появиться в продукте, в потребительной стоимости пряжи, в качестве составной части меновой стоимости, — вновь появиться потому, что в действительном процессе труда прядение относится к хлопку и веретену как к своим материалу и средству, как к органам своего осуществления, оно одушевляет их как эти свои органы и как таковые заставляет действовать. И таким образом стоимости всех тех товаров, которые по своим потребительным стоимостям не входят в непосредственное индивидуальное потребление, а предназначаются для нового производства, сохраняются лишь тем путем, что из материала труда и средства труда, которыми они являются лишь в возможности, они становятся действительными материалом труда и средством труда, в качестве таковых используются определенным трудом, которому они могут служить материалом или средством труда. Они только потому сохраняются как меновые стоимости, что, в соответствии со своим понятийным определением, потребляются живым трудом в качестве потребительных стоимостей. *Такими потребительными стоимостями — материалом и средством — они, однако, являются только для действительного, определенного, особого труда.* Я могу использовать хлопок и веретено в качестве потребительных стоимостей только в акте прядения, но не в актах помола или тачания сапог. Вообще все товары являются потребительными стоимостями лишь в возможности. Действительными потребительными стоимостями они становятся только в результате их действительного использования — их потребления, а это их потребление представляет собой здесь сам особый, определенный труд, определенный процесс труда.

[I—40] Поэтому материал труда и средство труда только потому сохраняются в качестве меновых стоимостей, что они потребляются в процессе труда как потребительные стоимости, т. е., следовательно, потому, что живой труд actu * относится к ним как к своим потребительным стоимостям, заставляет их играть роль своего материала и своего средства, как полагает,

* — на деле, действительно. *Ред.*

*

так и уничтожает их в своей живой деятельности в качестве средства и материала. Труд, коль скоро он это делает, представляет собой, однако, *действительный* труд, особую целесообразную деятельность, труд в его вещественном определении, как он в качестве особого вида полезного труда выступает в процессе труда. Но не труд в этом его определении, иными словами, не соответственно с этим его определением труд присоединяет *новую* меновую стоимость к продукту или к входящим в процесс труда предметам, к потребительным стоимостям.

Возьмем, например, прядение. Прядение потому сохраняет в пряже стоимости потребленных в ней хлопка и веретена, что этот процесс действительно осуществляет прядение хлопка с помощью веретена, использует их в качестве материала и средства для создания новой потребительной стоимости, пряжи, иными словами, заставляет хлопок и веретено действительно функционировать в процессе прядения как материал и средство этого особого живого труда, прядения. Но коль скоро прядение повышает стоимость продукта, стоимость пряжи, иначе говоря, коль скоро к стоимостям, уже существовавшим ранее и лишь вновь появившимся в пряже, к стоимостям веретена и хлопка оно присоединяет новую стоимость, — то это происходит лишь в той мере, в какой в процессе прядения *новое рабочее время добавляется к рабочему времени, содержащемуся в хлопке и веретене*.

Во-первых, по своей субстанции прядение создает стоимость не потому, что оно является этим конкретным, особым, вещественно определенным трудом — прядением, а поскольку оно является трудом вообще, абстрактным, одинаковым, общественным трудом. Поэтому также оно создает стоимость не постольку, поскольку оно овеществляется в виде пряжи, а поскольку оно является материализацией общественного труда вообще и поэтому овеществлено в некотором всеобщем эквиваленте.

Во-вторых, величина присоединенной стоимости зависит исключительно от количества присоединенного труда, от того рабочего времени, которое присоединено. Если бы в результате какого-либо изобретения прядильщик смог определенное количество хлопка при помощи определенного числа веретен превратить в пряжу не в течение целого, а в течение половины рабочего дня, то по сравнению с предыдущим случаем к пряже была бы *присоединена* лишь *половинная стоимость*. Но как в одном, так и в другом случае в продукте, в пряже, сохранилась бы *вся стоимость* хлопка и веретена, независимо от того, требуется ли для превращения хлопка в пряжу один день или половина дня или один час рабочего времени. Эти стоимости

сохраняются в результате того, что хлопок вообще превращен в пряжу, что хлопок и веретено стали материалом и средством прядения, вошли в процесс прядения, будучи совершенно безразличными по отношению к тому рабочему времени, которого требует этот процесс.

Предположим, что прядильщик присоединяет к хлопку лишь столько рабочего времени, сколько необходимо для того, чтобы произвести свою собственную заработную плату, т. е. столько же рабочего времени, сколько израсходовано капиталистом в цене его труда. В этом случае стоимость продукта была бы в точности равна стоимости авансированного капитала, а именно была бы равна цене материала плюс цена средства труда плюс цена труда. В продукте содержалось бы не больше рабочего времени, чем его было в сумме денег, до того как она превратилась в элементы процесса производства. Не было бы присоединено никакой новой стоимости, но по-прежнему в пряже содержалась бы стоимость хлопка и веретена. Прядение присоединяет к хлопку стоимость в той мере, в какой оно сводится к общественному, одинаковому труду вообще, к этой абстрактной форме труда, и та величина стоимости, которую оно присоединяет, зависит не от его содержания как прядения, а от его продолжительности. *Прядильщику, следовательно, не нужны два рабочих времени, одно для того, чтобы сохранить стоимость хлопка и веретена, другое для того, чтобы присоединить к нему новую стоимость. Напротив,* перерабатывая хлопок в пряжу, делая его овеществлением нового рабочего времени, присоединяя к нему новую стоимость, прядильщик сохраняет и ту стоимость, которую хлопок и потребленное веретено имели до того, как они вошли в процесс труда. *Одним лишь присоединением новой стоимости, нового рабочего времени прядильщик сохраняет те старые стоимости, то рабочее время, которые уже содержатся в материале труда и средстве труда.* Но прядение сохраняет их как прядение, а не как труд вообще и не как рабочее время, оно сохраняет их в своей вещественной определенности, в качестве этого специфического, живого, действительного труда, который как целенаправленная живая деятельность в процессе труда вырывает потребительные стоимости хлопка и веретена из их безразличной предметности, но не предоставляет их как безразличные предметы природному обмену веществ, а делает их действительными моментами процесса труда.

Однако, с другой стороны, какова бы ни была специфическая определенность особого действительного труда, каждый его вид имеет с другим видом то общее, что посредством своего процес-

са, посредством контакта, живого взаимодействия, в которое он вступает со своими предметными условиями, он заставляет их играть соответствующие их природе и их цели роли средства труда и материала, превращает их в понятийно определенные моменты самого процесса труда и, потребляя их в качестве действительных потребительных стоимостей, сохраняет их в результате этого как *меновые стоимости*. [I—41] Таким образом, именно благодаря своему качеству живого труда, который превращает в процессе труда имеющиеся в наличии продукты в материал и средство своей собственной деятельности, своего собственного осуществления, труд сохраняет меновые стоимости этих потребительных стоимостей в новом продукте, в новых потребительных стоимостях. Он потому сохраняет их стоимость, что использует их в качестве потребительных стоимостей. Однако он использует их как потребительные стоимости только потому, что в качестве этого специфического труда он воскрешает их из мертвых и делает их своими материалом и средством труда. Труд, коль скоро он создает меновую стоимость, представляет собой лишь определенную общественную форму труда, которая сводит действительный труд к определенной общественной формуле, а рабочее время в этой форме является единственной мерой стоимостных величин.

Так как, следовательно, сохранение стоимостей материала и средства труда является, так сказать, природным даром живого, действительного труда и так как поэтому прежние стоимости сохраняются в том же самом процессе, в результате которого стоимость увеличивается, то *новая стоимость не может быть присоединена без того, чтобы прежние стоимости не сохранялись*. Так как это действие вытекает из сущности труда как потребительной стоимости, как полезной деятельности, возникает из потребительной стоимости самого труда, то оно ничего не стоит ни рабочему, ни капиталисту. Следовательно, капиталист получает даром сохранение предпосланных стоимостей в новом продукте.

Если теперь его целью является не сохранение, а увеличение предпосланной стоимости, то этот бесплатный дар труда обнаруживает свое решающее значение, например, во время промышленных кризисов, когда действительный процесс труда прерывается. Машина ржавеет, материал портится. Они теряют свои меновые стоимости, которые не сохраняются потому, что они не входят в процесс труда, не вступают в контакт с живым трудом; их стоимости не сохраняются потому, что они не увеличиваются. Увеличиваться они могут лишь в той мере, новое рабочее время может быть присоединено к старому рабочему

времени лишь в той мере, в какой совершается переход к действительному процессу труда.

Таким образом, труд в качестве действительного живого труда лишь в том случае сохраняет стоимости в процессе труда, если он как абстрактный общественный труд, как рабочее время, присоединяет к стоимостям новую стоимость.

Производительное потребление, в качестве которого выступает действительный процесс труда, может быть, следовательно, определено далее в том смысле, что предпосланные стоимости продуктов потому сохраняются в процессе труда, что эти продукты используются, потребляются как потребительные стоимости, как материал труда и средство труда, превращаются в действительные потребительные стоимости для образования какой-либо новой потребительной стоимости.

{Однако стоимости материала труда и средства труда лишь в той мере вновь появляются в процессе труда, в какой они были ему предпосланы как стоимости, лишь в той мере, в какой они были стоимостями до того, как они вошли в этот процесс. Их стоимость равна общественному рабочему времени, которое в них материализовано; равна рабочему времени, необходимому для того, чтобы произвести материал труда и средство труда при данных всеобщих общественных условиях производства. Если бы в дальнейшем в результате какого-либо изменения в производительности того труда, продуктами которого они являются, потребовалось больше или меньше рабочего времени, для того чтобы произвести эти определенные потребительные стоимости, то в первом случае их стоимость возросла бы, во втором — упала; ибо заключающееся в их стоимости рабочее время определяет эту стоимость лишь в той мере, в какой оно является всеобщим, общественным и необходимым рабочим временем. Поэтому, хотя материал труда и средство труда вошли в процесс труда с определенной стоимостью, они могут выйти из него с большей или с меньшей стоимостью, — в том случае, если повсеместно изменилось рабочее время, необходимое обществу для их производства, если произошла революция в издержках их производства, т. е. в величине необходимого для их производства рабочего времени. В этом случае потребовалось бы больше или меньше рабочего времени, чем прежде, для того чтобы их воспроизвести, для того чтобы создать новый экземпляр подобного рода. Но это изменение стоимости материала труда и средства труда решительно ничего не меняет в том обстоятельстве, что в процессе труда, в который они входят как материал и средство, они всегда предпосланы заранее как данные стоимости, как стоимости данной величины. Ведь из

самого этого процесса они выходят как стоимости лишь постольку, поскольку они вошли в него как таковые. Изменение в их стоимости никогда не вытекает из самого данного процесса труда, а наоборот, из условий того процесса труда, продуктами которого они являются или были и которому они поэтому не предпосланы как продукты. Если их всеобщие условия производства изменились, то на них оказывается обратное воздействие. Они теперь оказываются овеществлением большего или меньшего количества рабочего времени, бо̀льшими или меньшими стоимостями, чем они были первоначально, — но лишь потому, что теперь для их производства требуется большее или меньшее, чем первоначально, рабочее время. Обратное воздействие проистекает из того, что как стоимости они являются материализацией общественного рабочего времени, причем они лишь в той мере представляют собой материализацию содержащегося в них самих рабочего времени, в какой оно сведено к всеобщему [I—42] общественному рабочему времени, возведено в степень одинакового общественного рабочего времени. Но эти их стоимостные изменения всегда возникают из изменения в производительности того труда, продуктами которого они являются, однако они не имеют ничего общего с теми процессами труда, в которые они входят как готовые продукты данной стоимости. Если они изменяют эту свою стоимость еще до того как готов новый продукт, элементами [производства] которого они являются, они тем не менее относятся к нему как независимые, данные, ему предпосланные стоимости. Изменение их стоимости проистекает из изменений в их собственных условиях производства, происходящих вне и независимо от того процесса труда, в который они входят как материал и средство, а не вследствие некой операции, происходящей внутри этого процесса. Для последнего они всегда являются данными, предпосланными стоимостными величинами, хотя благодаря внешним, действующим вне этого процесса факторам они теперь предпосланы ему как стоимостные величины, бо̀льшие или меньшие по сравнению с тем, что имело место первоначально.}

Если при рассмотрении процесса труда мы видели, что продукт является его результатом в той же мере, в какой продукты являются его предпосылками, то с тем же основанием теперь следует сказать, что если результатом процесса труда является товар, т. е. единство потребительной стоимости и меновой стоимости, то в такой же степени товары являются его предпосылками. Продукты только потому выходят из процесса увеличения стоимости как товары, что они вошли в него как то-

вары, как продукты с определенной меновой стоимостью. Различие состоит в следующем. Продукты изменяются как потребительные стоимости, для того чтобы образовать новую потребительную стоимость. Их меновые стоимости этим вещественным изменением не затрагиваются, поэтому в новом продукте они вновь появляются в неизменном виде. Если продуктом процесса труда является потребительная стоимость, то продуктом процесса увеличения стоимости следует рассматривать меновую стоимость, и точно таким же образом продуктом обоих процессов, представляющих собой лишь две формы того же самого процесса, следует рассматривать единство меновой стоимости и потребительной стоимости, товар.

Если упустить из вида то обстоятельство, что товары предпосланы производству в качестве его элементов, то в процессе производства речь шла бы только о том, чтобы употреблять продукты для образования новых продуктов, что и может происходить при таких состояниях общества, когда продукт не развит в товар, а товар еще менее — в капитал.

Таким образом, мы знаем две составные части стоимости продукта: 1) стоимость потребленного в нем материала; 2) стоимость потребленного в нем средства производства. Если эти величины равны соответственно A и B, то стоимость продукта (P) прежде всего состоит из суммы стоимостей A и B; $P = A + B + x$. Буквой x мы обозначаем ту еще не определенную часть стоимости, которая присоединяется трудом в процессе труда к материалу A. Итак, мы подходим теперь к тому, чтобы рассмотреть эту третью составную часть.

Мы знаем, что̀ — какую цену или стоимость — владелец денег уплатил за распоряжение рабочей силой, или за покупку рабочей силы на определенное время, однако мы еще не знаем, какой эквивалент он получил взамен этого. Мы исходим, далее, из той предпосылки, что труд, который выполняет рабочий, является обыкновенным средним трудом, трудом, обладающим тем качеством (или, скорее, тем отсутствием определенного качества), в котором он образует субстанцию меновой стоимости. Мы увидим в дальнейшем, что потенция труда, т. е. то, является ли он простым трудом, возведенным в более высокую или в менее высокую степень, совершенно безразлична для того отношения, которое подлежит исследованию. Таким образом, мы исходим из предположения, что какова бы ни была вещественная определенность труда, к какой бы специфической отрасли труда ни относился труд, какую бы особую потребительную стоимость он ни производил, он представляет собой лишь проявление, деятельность средней рабочей силы, так что, действует ли эта

рабочая сила в прядении, или в ткачестве и т. д., или в земледелии, это касается лишь ее собственной потребительной стоимости, способа ее применения, а не расходов на то, чтобы произвести саму рабочую силу, стало быть, не касается ее собственной меновой стоимости. Далее будет также показано, что различная, более высокая или более низкая, заработная плата за различные рабочие дни, неодинаковое *распределение заработной платы* между различными отраслями труда не затрагивает всеобщего отношения между капиталом и наемным трудом.

То, что̀ владелец денег получает обратно в результате купли рабочей силы, может быть обнаружено лишь в действительном процессе труда. Стоимость, которую труд присоединяет в процессе труда к уже имеющейся стоимости материала, в точности равна его продолжительности. Конечно, предполагается, что за определенный отрезок времени, например за один день, на продукт этого дня тратится как раз столько труда, сколько при данном всеобщем производственном уровне труда (при данных всеобщих условиях производства) необходимо для того, чтобы получить этот продукт. Иными словами, предполагается, что рабочее время, затраченное на производство продукта, является *необходимым рабочим временем*, т. е. рабочим временем, которое требуется для того, чтобы определенному количеству материала придать форму новой потребительной стоимости.

Если 6 фунтов хлопка, при заранее данных всеобщих условиях производства, могут быть превращены в пряжу в течение одного 12-часового рабочего дня, то в качестве 12-часового рабочего дня рассматривается только такой день, который превращает в пряжу 6 фунтов хлопка. Так как, с одной стороны, предположено *необходимое* рабочее время, а с другой стороны, предположено, что тот определенный труд, который выполняется в процессе труда, какую бы особую форму он ни имел (прядения, ткачества, копания и т. д.), является обыкновенным *средним трудом* (совершенно таким же, каким является труд, применяемый в производстве благородных металлов), — то, следовательно, количество стоимости, или количество овеществленного всеобщего [I—43] рабочего времени, которое этот труд присоединяет к уже имеющейся стоимости, в точности равно его собственной продолжительности. При данных предпосылках это означает только то, что овеществляется как раз столько труда, сколько времени продолжается процесс, в течение которого овеществляется труд.

Мы имеем в виду следующее. Предположим, что 6 фунтов хлопка могли бы быть переработаны в пряжу, скажем в 5 фун-

тов пряжи, в течение одного 12-часового рабочего дня (5 фунтов пряжи, приходящиеся на 12 часов труда, равны 80 унциям, что составляет в точности $6^2/_3$ унции в час). Во время процесса труда труд постоянно переходит из формы деятельности и движения в предметную форму. Прядение непрерывно переходит в пряжу. Если для того чтобы 8 унций хлопка превратить в пряжу, скажем, в $6\,^2/_3$ унции пряжи, требуется один час, то для того чтобы 6 фунтов хлопка превратить в 5 фунтов пряжи, потребуется 12 часов. Однако нас здесь интересует не то, что один час прядения превращает в пряжу 8 унций хлопка, а 12 часов — 6 фунтов, а то, что в первом случае к стоимости хлопка присоединяется 1 час труда, а во втором случае — 12 часов, иными словами, продукт, рассматриваемый с этой точки зрения, интересует нас лишь в той мере, в какой он является материализацией нового рабочего времени, а это, естественно, зависит от самого̀ рабочего времени. Нас интересует лишь то количество рабочего времени, которое впитано продуктом. Мы рассматриваем здесь прядение не в том его качестве, в котором оно придает хлопку определенную форму, новую потребительную стоимость, а лишь в том, в котором оно представляет собой труд вообще, рабочее время и его материализацию, которая здесь существует в виде пряжи, вообще же является материализацией всеобщего рабочего времени. Совершенно безразлично, используется ли то же самое рабочее время в форме какого-либо другого определенного труда или для производства какой-либо другой определенной меновой стоимости.

Первоначально мы могли, правда, измерять *рабочую силу* деньгами, так как она сама уже является овеществленным трудом и поэтому капиталист мог ее купить (но не непосредственно *самый труд,* который в качестве всего лишь деятельности ускользнул от нашей оценки). Однако теперь, в той мере, в какой рабочая сила в процессе труда переходит к своему действительному проявлению, к труду, этот последний осуществляет себя, сам выступает в продукте как овеществленное рабочее время. Теперь, следовательно, имеется возможность для сравнения того, что̀ капиталист при обмене дает в виде заработной платы, и того, что̀ он посредством потребления рабочей силы получает обратно взамен. К концу некоторого определенного количества рабочего времени, например одного часа, определенное количество рабочего времени овеществилось в какой-либо потребительной стоимости, скажем в пряже, и существует теперь как ее меновая стоимость.

Предположим, что рабочее время, реализованное в рабочей силе прядильщика, составляет 10 часов. Мы говорим здесь

только о том рабочем времени, которое реализуется в его рабочей силе *ежедневно*. В той цене, которую уплатил владелец денег, рабочее время, необходимое для того, чтобы ежедневно производить или воспроизводить рабочую силу прядильщика, уже выражено в виде *среднего труда*. С другой стороны, мы предполагаем, что собственный труд прядильщика является трудом *того же самого* качества, т. е. представляет собой *тот же самый средний труд*, который образует субстанцию стоимости и в котором оценена его собственная рабочая сила.

Итак, прежде всего предположим, что прядильщик работает для владельца денег 10 часов или отдает ему, продал ему десятичасовое распоряжение своей рабочей силой. Это десятичасовое распоряжение рабочей силой прядильщика владелец денег потребляет в процессе труда, т. е., другими словами, просто заставляет прядильщика 10 часов прясть, вообще работать, так как здесь безразлична та определенная форма, в которой он заставляет делать это. Следовательно, прядильщик в продукте прядения, в пряже, присоединил при помощи средства труда к стоимости хлопка 10 часов труда. Если, таким образом, стоимость продукта прядения, пряжи, составляла, *не считая* вновь присоединенного труда, $A + B$, то теперь она составляет $A + B + 10$ часов труда. Если капиталист эти 10 часов труда оплачивает десятью пенсами, то, обозначив эти 10 пенсов величиной C, получим, что теперь продукт пряжи равен $A + B + C$, т. е. равен тому рабочему времени, которое содержится в хлопке, в веретенах (в той степени, в какой они потреблены), плюс, наконец, вновь присоединенное рабочее время.

Пусть эта сумма $A + B + C$ будет равна D. Тогда D равняется той сумме денег, которую владелец денег вложил в материал труда, средство труда и рабочую силу до того, как он начал процесс труда. Это означает, что стоимость продукта — пряжи — равна стоимости тех элементов, из которых пряжа состоит, т. е. равна стоимости материала труда, средства труда (которое, согласно нашему предположению, полностью потреблено в продукте) плюс стоимость вновь присоединенного труда, который в процессе труда в сочетании с материалом труда и средством труда образовал пряжу. Итак, 100 талеров хлопка, 16 талеров орудия, 16 талеров рабочей силы составляют 132 талера. В этом случае авансированные стоимости, правда, сохранились бы, но не увеличились. Единственное изменение, которое произошло бы до того, как деньги [I—44] превратились в капитал, было бы чисто формального характера. Первоначально авансированная стоимость была равна 132 талерам, определенному количеству овеществленного рабочего времени.

Эта же самая величина вновь появляется в продукте как 132 талера, как та же самая величина стоимости, с тою лишь разницей, что теперь она представляет собой сумму составных частей стоимости 100, 16 и 16 талеров, т. е. сумму стоимостей тех факторов, на которые в процессе труда разлагаются первоначально авансированные деньги, купившие каждый из этих факторов в отдельности.

Сам по себе этот результат отнюдь не заключал бы в себе никакой нелепицы. Если я покупаю на 132 талера пряжи посредством простого превращения денег в пряжу, — т. е. посредством простого обращения, — то я оплачиваю материал, средство и труд, содержащиеся в пряже, для того чтобы получить эту определенную потребительную стоимость и потребить ее тем или иным способом. Если владелец денег дает распоряжение построить себе дом, для того чтобы самому в нем жить, то он платит за него эквивалент. Короче говоря, если он проделывает обращение *Т — Д — Т*, то он действительно не делает ничего иного. Деньги, которыми он покупает, равны стоимости товара, первоначально находившегося в его владении. Покупаемый им новый товар равен тем деньгам, в которых стоимость первоначально находившегося в его владении товара приняла самостоятельную форму меновой стоимости.

Однако той целью, ради которой капиталист превращает деньги в товар, является не потребительная стоимость товара, а *умножение* вложенных в товар денег или стоимости, *самовозрастание стоимости*. Он покупает не для своего потребления, а для того чтобы извлечь из обращения более высокую меновую стоимость, чем он бросил в него первоначально.

Если бы пряжу, которая стоит $A + B + C$, он снова продал например за $A + B + C + x$, то мы вернулись бы к тому же самому противоречию. Он продал бы свой товар не как эквивалент, а выше его эквивалента. Однако в обращении никакая прибавочная стоимость, никакая стоимость, превышающая эквивалент, не может возникнуть без того, чтобы одна из обменивающихся сторон не получила стоимость *ниже* своего эквивалента.

Следовательно, превращение денег в элементы процесса труда или — что то же самое — действительное потребление купленной рабочей силы было бы совершенно бессмысленным при предположении, что владелец денег заставляет рабочего отрабатывать то же самое рабочее время, которое он ему оплатил в качестве эквивалента его рабочей силы. Покупает ли он на 132 талера пряжу, для того чтобы снова продать ее за 132 талера, или же превращает 132 талера в 100 талеров хлопка,

в 16 талеров веретена и т. д., в 16 талеров овеществленного труда, т. е. в потребление рабочей силы в течение содержащегося в 16 талерах рабочего времени, для того чтобы таким образом произведенную пряжу стоимостью в 132 талера снова продать за 132 талера, — это, принимая во внимание результат, совершенно тот же самый процесс, с тою лишь разницей, что тавтология, к которой бы он свелся, в одном случае была бы достигнута более обстоятельным путем, чем в другом.

Прибавочная стоимость, т. е. стоимость, образующая избыток сверх стоимостей, первоначально вошедших в процесс труда, может, очевидно, возникнуть только в процессе труда — в том случае, если владелец денег купил право распоряжаться применением рабочей силы в течение большего количества времени, чем то рабочее время, в котором рабочая сила нуждается для своего собственного воспроизводства, т. е. чем то рабочее время, которое потрачено на нее саму, образует ее собственную стоимость и в качестве таковой выражено в ее цене. Например, в приведенном выше случае, если бы хлопок и веретено принадлежали самому прядильщику, то он должен был бы присоединить к ним 10 рабочих часов, для того чтобы жить, т. е. для того чтобы воспроизвести самого себя как прядильщика для следующего рабочего дня. Если бы теперь владелец денег заставил рабочего работать 11 часов вместо 10, то была бы произведена прибавочная стоимость в один час, потому что в труде, овеществленном в процессе труда, заключалось бы рабочего времени на один час больше, чем необходимо для того, чтобы воспроизвести саму рабочую силу, т. е. для того, чтобы изо дня в день поддерживать жизнь рабочего как рабочего, прядильщика как прядильщика. Всякое количество рабочего времени, которое прядильщик отработал бы в процессе труда сверх 10 часов, [I—45] всякий *прибавочный труд,* превышающий то количество труда, которое затрачено на его собственную рабочую силу, образовал бы прибавочную стоимость, так как это был бы прибавочный труд, а стало быть, было бы произведено больше пряжи, было бы выполнено больше овеществленного в пряже труда.

Если рабочий должен работать 10 часов, для того чтобы прожить целый день, состоящий из 24 часов (включая сюда, естественно, те часы, в течение которых он как живой организм может отдыхать от работы, спать и т. д., не работать), то может работать он в течение целого [рабочего] дня, в течение 12, 14 часов, хотя из этих 12, 14 часов ему требуются только 10 часов для воспроизводства самого себя как рабочего, самого себя как живой рабочей силы.

Если мы теперь предположим, что этот процесс соответствует всеобщему закону товарного обмена, что обмениваются лишь одинаковые количества рабочего времени, т. е. что меновая стоимость товара равна такому количеству любой другой потребительной стоимости, которое выражает ту же самую меновую стоимость, т. е. то же самое количество овеществленного труда, — то всеобщая форма капитала, *Д — Т — Д*, потеряла бы свою нелепость и приобрела бы определенное содержание. Так как товар, в данном случае пряжа, на элементы которого владелец денег обменял перед процессом труда свои деньги, будучи *продуктом* процесса труда, новой потребительной стоимостью, пряжей, получил бы приращение сверх первоначального количества овеществленного труда, то этот продукт обладал бы большей стоимостью, чем сумма стоимостей, существовавших в его элементах. Если первоначально он имел стоимость в 132 талера, то теперь его стоимость равняется 143 талерам, — в том случае если бы вместо 16 талеров (1 талер соответствует 1 рабочему дню) в нем содержалось на 11 рабочих дней больше. Стоимость была бы теперь равна 100 + 16 + 16 + 11 талеров, и если бы капиталист продал продукт процесса труда, пряжу, снова по его стоимости, то он получил бы прибыль в 11 талеров на 132 талера. Первоначальная стоимость не только сохранилась бы, но и умножилась бы.

Спрашивается, не противоречит ли этот процесс первоначально предпосланному закону, что товары обмениваются как эквиваленты, т. е. по их меновым стоимостям, стало быть, тому закону, согласно которому обмениваются товары?

Он не противоречит ему по двум причинам. Во-первых, потому, что деньги этот специфический предмет, живую рабочую силу, находят как товар на рынке, в обращении. Во-вторых, из-за специфической природы этого товара. А именно, его своеобразие состоит в том, что, в то время как его меновая стоимость, как и меновая стоимость всякого другого товара, равняется рабочему времени, затраченному на его собственное действительное бытие, на его бытие как рабочей силы, т. е. равняется рабочему времени, необходимому для того, чтобы поддержать жизнь этой живой рабочей силы как таковой или, что то же самое, жизнь рабочего как рабочего, — его *потребительная стоимость* представляет собой самый труд, т. е. как раз субстанцию, полагающую меновую стоимость, представляет собой определенную текучую деятельность, которая фиксирует себя в качестве меновой стоимости и создает ее. Но в товаре оплачивается только его меновая стоимость. При оплате масла, помимо оплаты заключающегося в нем труда, не требуется еще

особой платы за его качество как масла, точно так же как и при оплате вина не платят, помимо оплаты содержащегося в нем труда, за процесс питья или за то наслаждение, которое испытывают во время питья. Точно так же поэтому при оплате рабочей силы оплачивается ее собственная меновая стоимость, рабочее время, заключающееся в ней самой. Но так как ее потребительная стоимость сама в свою очередь представляет собой труд, субстанцию, создающую меновую стоимость, то закону товарного обмена никоим образом не противоречит то обстоятельство, что действительное потребление рабочей силы, ее действительное использование как потребительной стоимости, создает больше труда, воплощается в большем количестве овеществленного труда, чем его содержится в ней самой как в меновой стоимости.

Единственное условие, которое требуется для того, чтобы возникло это отношение, заключается в том, чтобы [I—46] рабочая сила сама, как товар, противостояла деньгам или вообще стоимости. Но это противостояние обусловлено определенным историческим процессом, который ограничивает рабочего исключительно рамками рабочей силы, что опять-таки равнозначно тому, что этот исторический процесс противопоставляет рабочей силе условия ее осуществления, т. е. противопоставляет действительному труду — его предметные элементы как чуждые, отделенные от него силы, как товары, находящиеся во владении других товарохранителей. При этой *исторической* предпосылке рабочая сила является *товаром*, при условии же, что она является товаром, никоим образом не противоречит, а, наоборот, соответствует закону товарного обмена то обстоятельство, что рабочее время, овеществленное в рабочей силе, или ее меновая стоимость, не определяет ее *потребительной стоимости*. Но последняя опять-таки сама представляет собой труд. Следовательно, в действительном потреблении этой потребительной стоимости, т. е. в процессе труда и посредством процесса труда, владелец денег может получить обратно больше овеществленного рабочего времени, чем он заплатил за меновую стоимость рабочей силы. *Таким образом, хотя за этот специфический товар владелец денег заплатил эквивалент,* вследствие специфической природы этого товара — вследствие того, что его потребительная стоимость сама полагает меновую стоимость, сама является творческой субстанцией меновой стоимости, — в результате потребления этого товара он получает обратно бо̀льшую стоимость, чем он авансировал при его купле, покупая же его, он, в соответствии с законом товарного обмена, оплатил лишь его меновую стоимость.

Итак, если предполагается существование такого отношения, при котором рабочая сила выступает всего лишь как рабочая сила, а потому выступает как товар, почему и деньги по отношению к ней выступают как форма всего предметного богатства, — то владелец денег, заинтересованный лишь в стоимости как таковой, купит рабочую силу только при том условии, что он получит право распоряжения ею в течение более продолжительного времени, т. е. что рабочий обязан работать для него более продолжительное рабочее время в течение процесса труда, чем то рабочее время, которое рабочий, если бы материал труда и средство труда принадлежали ему самому, должен был бы отработать для того, чтобы сохранить свою жизнь как рабочего, как живой рабочей силы. Эта разница между тем рабочим временем, которое измеряет меновую стоимость самой рабочей силы, и тем рабочим временем, в течение которого рабочая сила используется в качестве потребительной стоимости, представляет собой такое рабочее время, в течение которого рабочая сила работает сверх рабочего времени, содержащегося в ее меновой стоимости, стало быть, сверх той стоимости, в которую она обошлась первоначально, и в качестве такого рабочего времени эта разница представляет собой прибавочный труд — *прибавочную стоимость*.

Если владелец денег осуществляет этот обмен денег на живую рабочую силу и на предметные условия потребления этой рабочей силы, т. е. на материал труда и средство труда, соответствующие ее особой вещественной определенности, — то он превращает деньги в капитал, т. е. в сохраняющуюся и увеличивающуюся, самовозрастающую стоимость. Ни в одном из моментов он не нарушает закона простого обращения, закона товарного обмена, согласно которому обмениваются эквиваленты, или товары — в среднем — продаются по их меновым стоимостям, т. е. равновеликие меновые стоимости, в каких бы потребительных стоимостях они ни существовали, замещают друг друга как одинаковые величины. Одновременно владелец денег выполняет формулу *Д* — *Т* — *Д*, т. е. осуществляет обмен денег на товар, для того чтобы обменять товар на большее количество денег, и все-таки не нарушает закона эквивалентности, напротив, он поступает в полном соответствии с ним.

Прежде всего: предположим, что обычный рабочий день соответствует 1 талеру, выражается в таком количестве серебра, которое называется талером. Владелец денег расходует 100 талеров на сырой материал, 16 талеров на орудие, 16 талеров на рабочую силу в количестве 16 человек, которую он применяет и которая, по ее меновой стоимости, равна 16 талерам. Таким

образом, он авансирует 132 талера, которые *вновь появляются* в продукте (в результате) процесса труда, [I—47] т. е. в потреблении купленной им рабочей силы, в процессе труда, в производительном потреблении. Но товар, который владелец денег купил по его меновой стоимости, [например] за 15 рабочих дней, приносит как потребительная стоимость, скажем, 30 рабочих дней, т. е. ежедневно за оплаченные 6 часов дает 12, овеществляется в 12 рабочих часах, т. е. как потребительная стоимость создает вдвое бо̀льшую стоимость, чем та, которой он обладает сам в качестве меновой стоимости. Однако потребительная стоимость товара независима от его меновой стоимости и не имеет ничего общего с ценой, по которой он продается и которая определена рабочим временем, овеществленным в нем самом. Следовательно, продукт [в этом случае] равен $A + B + C + 15$ часам рабочего времени, т. е. содержит на 15 часов рабочего времени больше, чем предпосланная процессу труда стоимость. Если A было равно 100, $B = 16$, $C = 16$, то продукт равен [например] 143, т. е. содержит на 11 талеров больше стоимости, чем авансированный капитал. Стало быть, если владелец денег опять продает этот товар по его стоимости, то он выгадывает 11 талеров, хотя ни в одном из моментов всей операции закон товарного обмена не нарушен, напротив, в каждом из моментов обмена товары обменивались по их меновым стоимостям, а значит, как эквиваленты.

Насколько этот процесс прост, настолько мало он до сих пор понят. Экономисты никогда не могли примирить прибавочную стоимость с установленным ими самими законом эквивалентности. Социалисты всегда цеплялись за это противоречие и постоянно к нему возвращались, вместо того чтобы разобраться в специфической природе этого товара, рабочей силы, потребительная стоимость которого сама представляет собой деятельность, создающую меновую стоимость.

Таким образом, посредством этого процесса, посредством обмена денег на рабочую силу и последующего потребления рабочей силы деньги превращаются в *капитал*. Экономисты называют это *превращением денег в производительный капитал*, ссылаясь, с одной стороны, на другие формы капитала, в которых этот основной процесс, правда, существует в качестве предпосылки, но стерт как форма; с другой стороны, они ссылаются на то, что деньги, коль скоро рабочая сила противостоит им как товар, являются *возможностью* этого превращения в капитал, т. е. являются *an sich* * капиталом, хотя они и превращаются в действительный капитал только лишь посредством самого̀ этого

* — «в себе», в возможности, в скрытом виде, потенциально. *Ред.*

процесса. По своей возможности, однако, деньги могут быть превращены в *капитал*.

Ясно, что если должен быть осуществлен прибавочный труд, то необходимо иметь больше материала труда и только в исключительных случаях — больше орудий труда. Если за 10 часов в пряжу могут быть превращены $10a$ фунтов хлопка, то за 12 часов — $10a + 2a$. Следовательно, в этом случае требуется больше хлопка, или необходимо с самого начала предположить, что капиталист закупает достаточное количество хлопка, для того чтобы *поглотить* прибавочный труд. Но возможно также и то, что, например, тот же самый материал лишь наполовину может быть переработан в новую форму в течение половины дня, в течение же целого дня — целиком. Однако также и в этом случае будет потреблено больше труда в виде материала, и если этот процесс будет продолжаться изо дня в день, будет непрерывным процессом производства, то также и в этом случае требуется больше материала труда, чем если бы рабочий в процессе труда возмещал своим трудом лишь то рабочее время, которое овеществлено в его собственной заработной плате. Требуется ли больше средств труда и в каком размере, — а средством труда является не только то, что представляет собой собственно орудие, — это зависит от технологической природы определенного труда, стало быть, от технологической природы средств, применяемых этим трудом.

Во всех случаях в конце процесса труда в материале труда должно быть *впитано* и, следовательно, овеществлено больше нового рабочего времени, чем то рабочее время, которое овеществлено в заработной плате рабочего. Если просто придерживаться примера из области обрабатывающей промышленности, то это *добавочное впитывание* труда выступает как переработка большего количества материала или как переработка того же самого материала до более высокой ступени, чем это может быть достигнуто с меньшим количеством рабочего времени.

[I—48] Если мы сравним процесс увеличения стоимости с процессом труда, то ясно увидим различие между действительным трудом, поскольку он производит потребительную стоимость, и формой этого труда, поскольку он выступает как элемент меновой стоимости, как деятельность, создающая меновую стоимость.

Здесь обнаруживается, что определенный вид труда, его вещественная определенность, не затрагивает его отношения к капиталу, отношения, о котором здесь только и идет речь. Но мы исходили при этом из той предпосылки, что труд рабочего

является обыкновенным средним трудом. Данный случай, однако, не меняется, если предположить, что труд рабочего является трудом более высокого удельного веса, возведенным в более высокую степень средним трудом. Простой труд, или средний труд, труд прядильщика или мельника, полевода или машиностроителя, то, что капиталист получает овеществленным в процессе труда, то, что он присваивает себе посредством него — это определенный труд рабочего, прядение, помол, полевые работы, машиностроение. Прибавочная стоимость, которую производит рабочий, всегда состоит из избытка труда, из того рабочего времени, в течение которого рабочий больше прядет, мелет, работает в поле, строит машины, чем необходимо для того, чтобы произвести его собственную заработную плату. Следовательно, прибавочная стоимость всегда состоит из избытка его собственного труда, труда, который капиталист получает даром, каков бы ни был характер этого труда, является ли он простым или возведенным в более высокую степень. То отношение, в котором, например, возведенный в более высокую степень труд находится к общественному среднему труду, ничего не меняет в отношении этого, возведенного в более высокую степень труда к самому себе, ничего не меняет в том, что один час этого труда создает лишь половину той стоимости, которую создают два часа, т. е. что этот труд осуществляется пропорционально своей продолжительности. Следовательно, коль скоро рассматривается отношение труда и прибавочного труда, или труда, создающего прибавочную стоимость, то речь всегда идет о том же самом виде труда, и здесь правильно то, что было бы неправильным в отношении труда как такового, труда, создающего меновую стоимость:

«Когда указывают на труд как на меру стоимости, то необходимо предполагают *труд определенного рода и данной продолжительности;* соотношение между ним и другими видами труда можно легко определить по соответствующей заработной плате, выплачиваемой каждому из них» ([*Cazenove.*] Outlines of Political Economy. London, 1832, стр. 22—23).

Продукт, который таким образом получил капиталист, представляет собой определенную потребительную стоимость, стоимость которой равна стоимости материала, стоимости средства труда, количеству присоединенного труда, равному тому количеству труда, которое заключено, представлено в заработной плате, плюс неоплачиваемый прибавочный труд; [стало быть, стоимость полученного капиталистом товара] равна $A + B + S + S''$. Следовательно, если он продает свой товар по его стоимости, то он выгадывает как раз столько, сколько составляет прибавочный труд. Он выгадывает не потому, что продает

новый товар *выше* его стоимости, а потому, что продает его *по* его стоимости, превращает всю его стоимость в деньги. Тем самым капиталисту оплачивается часть стоимости, часть содержащегося в продукте труда, которую он не покупал, которая ему ничего не стоила, и эта не оплаченная им часть продаваемой им стоимости его продукта образует его прибыль. Таким образом, в обращении капиталист лишь реализует прибавочную стоимость, которую он получил в процессе труда. Прибавочная стоимость происходит не из самого обращения, не потому, что капиталист *продал* свой товар *выше его стоимости*.

{Стоимость потребленных в процессе труда материала труда и средства труда — овеществленное в них рабочее время — вновь появляется в продукте, в новой потребительной стоимости. Эта стоимость сохраняется, однако нельзя сказать, что она воспроизводится в собственном смысле этого слова, ибо то изменение формы, которое произошло с потребительной стоимостью материала труда и средства труда, то, что теперь она существует в иной потребительной стоимости, чем раньше, ее не затрагивает.

Если рабочий день овеществлен в какой-либо потребительной стоимости, то в этом овеществлении, в количестве фиксированного в этой потребительной стоимости труда ничего не меняется от того, что, например, двенадцатый рабочий час входит в ее состав лишь через 11 часов после первого рабочего часа. И точно так же рабочее время, содержащееся в материале труда и средстве труда, может рассматриваться таким образом, как если бы они вошли в продукт всего лишь на более ранней стадии процесса производства, необходимого для создания всего продукта, т. е. всех его элементов.

Напротив, с рабочей силой, поскольку она входит в процесс увеличения стоимости, дело обстоит иначе. Рабочая сила возмещает содержащуюся в ней самой и поэтому за нее саму заплаченную стоимость, иными словами, возмещает оплаченное, овеществленное в ее цене, в заработной плате рабочее время, присоединяя к материалу труда равновеликое количество нового живого труда. Следовательно, она воспроизводит стоимость, существовавшую в ней самой до процесса труда, не говоря уже о том, что сверх этого количества она еще присоединяет некоторый избыток в виде прибавочного труда. Стоимости материала труда и средства труда лишь вновь появляются в продукте, так как материал труда и средство труда обладали этими стоимостями *до* процесса труда и независимо от него. [I—49] Что же касается стоимости и избытка над стоимостью рабочей силы, то они появляются вновь в продукте (в части продукта) потому, что в процессе труда они возмещаются, т. е. воспроизводятся

бо̀льшим количеством нового живого труда (но здесь, при рассмотрении *этого* различия [между стоимостью материала труда и средства труда и стоимостью рабочей силы], количество прибавочного труда пока безразлично).}

g) ЕДИНСТВО ПРОЦЕССА ТРУДА И ПРОЦЕССА УВЕЛИЧЕНИЯ СТОИМОСТИ (КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС ПРОИЗВОДСТВА)

Действительный процесс производства, который происходит, как только деньги превратились в капитал в результате того, что они обменялись на живую рабочую силу, а также на предметные условия осуществления этой рабочей силы, на материал труда и средство труда, — этот процесс производства представляет собой единство процесса труда и процесса увеличения стоимости. Совершенно так же как результат этого процесса, товар, является единством потребительной стоимости и меновой стоимости.

Прежде всего процесс производства капитала — рассматриваемый с его вещественной стороны, со стороны производства потребительных стоимостей — представляет собой *процесс труда* вообще и в качестве такового он обнаруживает всеобщие факторы, присущие этому процессу как таковому при самых различных общественных формах производства. А именно, эти факторы определены природой труда как труда. Исторически в действительности имеет место то, что капитал в начале своего образования берет под свой контроль (подчиняет себе) не только процесс труда вообще, но и особые действительные процессы труда, в той степени технологической завершенности, в какой он их находит и в какой они развились на основе некапиталистических производственных отношений. Действительный процесс производства, определенный способ производства капитал находит и подчиняет себе вначале только *формально*, ничего не меняя в его технологической определенности. Только в ходе своего развития капитал подчиняет себе процесс труда не только формально, но и преобразует его, придает новую форму самому способу производства и таким образом впервые создает свойственный ему способ производства. Но какова бы ни была измененная форма этого способа производства, — в качестве процесса труда вообще, т. е. в качестве процесса труда, абстрагируемого от его исторической определенности, она всегда содержит в себе всеобщие моменты процесса труда вообще.

Это *формальное* подчинение процесса труда капиталу, взятие его под контроль капитала заключается в том, что рабочий

в качестве рабочего попадает под надзор и, следовательно, под командование капитала или капиталиста. Формальное подчинение труда капиталу становится командованием над трудом не в том смысле, как об этом говорит А. Смит, полагая, что командование над трудом представляет собой богатство вообще [24], а в том смысле, что рабочий поступает под командование капиталиста в качестве рабочего. Ибо как только рабочий продал на определенное время капиталисту свою рабочую силу за заработную плату, он должен тут же сам в качестве рабочего вступить в процесс труда как один из тех факторов, с помощью которых работает капитал.

Если действительный процесс труда представляет собой производительное потребление входящих в него потребительных стоимостей посредством труда, т. е. посредством деятельности самого рабочего, то, с другой стороны, он в такой же мере представляет собой потребление рабочей силы посредством капитала или капиталиста. Капиталист применяет рабочую силу рабочего, заставляя его работать. Все факторы процесса труда, материал труда, средства труда и сам живой труд как деятельность, как использование купленной капиталистом рабочей силы, — принадлежат ему, и тем самым весь процесс труда принадлежит ему в такой же мере, как если бы он сам работал со своим собственным материалом и со своими собственными средствами труда. Но так как труд одновременно является проявлением жизни самого рабочего, деятельным проявлением его собственных личных навыков и способностей — деятельностью, зависящей от воли рабочего и являющейся одновременно проявлением его воли, — то капиталист присматривает за рабочим, контролирует деятельность рабочей силы как принадлежащую ему акцию.

Капиталист следит за тем, чтобы материал труда был использован целесообразно, в качестве такового, чтобы он был потреблен как материал труда. Если материал тратится зря, то он не входит в процесс труда, не потребляется в качестве материала труда. Так же обстоит дело со средствами труда, если рабочий, к примеру, стал бы изнашивать их вещественную субстанцию еще каким-либо иным образом, а не посредством самого процесса труда. Наконец, капиталист будет следить за тем, чтобы рабочий действительно работал, работал в течение всего времени и расходовал *только необходимое рабочее время,* т. е. за определенный промежуток времени отрабатывал бы его нормальное количество. Со всех этих сторон процесс труда, а вместе с тем и труд и сам рабочий поступают под контроль капитала, под его командование. Это я называю *формальным подчинением* процесса труда капиталу.

Во всем дальнейшем исследовании труд, который, быть может, выполняет капиталист, никогда не будет приниматься в расчет в качестве составной части стоимости продукта. Если он представляет собой всего лишь труд, то он не имеет ничего общего с отношением [между трудом и капиталом] как таковым, и капиталист в этом случае действует [I—50] не как капиталист, не как всего лишь персонификация, воплощение капитала. Если же это такой труд, который проистекает из функций, свойственных капиталу как таковому, и, следовательно, из капиталистического способа производства как такового, то впоследствии мы подвергнем его более детальному исследованию в качестве *труда по надзору*.

Это формальное подчинение процесса труда капиталу или командование капиталиста над рабочим не имеет ничего общего, например, с тем отношением, в котором мастер в ремесленной средневековой промышленности находится к подмастерьям и ученикам. Напротив, из формального подчинения труда капиталу непосредственно следует, что производительное потребление, или процесс производства, вместе с тем представляет собой процесс потребления рабочей силы капиталом, что содержанием этого потребления и его определяющей целью является не что иное, как сохранение и умножение стоимости капитала, однако это сохранение и умножение могут быть достигнуты лишь в результате наиболее целесообразного, наиболее точного хода действительного процесса труда, который зависит от воли рабочего, от его усердия и т. д., процесса, который, следовательно, должен быть взят под контроль и надзор капиталистической воли.

{Относительно процесса производства необходимо еще заметить следующее. *Для того чтобы превратиться в капитал, деньги должны быть превращены в факторы процесса труда,* т. е. *в товары, которые могут фигурировать в процессе труда как потребительные стоимости,* следовательно — *в средства потребления для рабочей силы — т. е. в жизненные средства для рабочего — или в материал труда и средства труда.* Таким образом, все товары или все продукты, которые не могут быть использованы указанным образом или не предназначены для такого использования, относятся к фонду потребления общества, но не к капиталу (под капиталом здесь подразумеваются те предметы, в виде которых существует капитал). Тем не менее, все эти продукты, до тех пор пока они остаются *товарами,* сами являются способом существования капитала. Если предположено существование капиталистического производства, то капитал производит вообще все продукты, и совершенно безраз-

лично, предназначены ли эти продукты для производительного потребления или же они не могут войти в это производство, стало быть, не могут сами снова стать плотью капитала. Но и в этом случае они остаются капиталом до тех пор, пока они остаются товарами, т. е. находятся в обращении. Как только они проданы окончательно, они перестают быть капиталом в этом смысле. Коль скоро капитал не находится в стадии процесса труда, он вообще должен быть налицо в форме товара или денег (быть может, хотя бы даже и в форме всего лишь долгового обязательства и т. д.). Однако указанные товары не могут войти в процесс труда или в процесс производства в качестве потребительных стоимостей.}

В той мере, в какой рабочий действует как рабочий, *проявляет* свою рабочую силу, в той же самой мере он ее *отчуждает*, так как ведь она уже в качестве проявляющей себя рабочей силы *продана* владельцу денег, продана еще до того, как начался процесс труда. Труд, осуществляя себя, — с одной стороны, в качестве формы сырого материала (в качестве потребительной стоимости и продукта), а с другой стороны, в качестве меновой стоимости, *овеществленного* общественного труда вообще, — из труда превращается в *капитал*.

Если вообще говорится, что капитал — это продукт, используемый как средство для нового производства, то в этом случае, как уже было замечено выше, капиталистическое отношение подменяется *предметными условиями* всякого процесса труда. С другой стороны, эта путаница легко возникает оттого, — отчасти она имеет место даже у самого Рикардо [25], — что капитал называют накопленным трудом (accumulated labour), используемым для производства еще большего количества накопленного труда. Выражение это двусмысленно, так как под накопленным трудом не следует понимать ничего иного, кроме продуктов, используемых для производства новых потребительных стоимостей. Однако это выражение может быть понято также и в том смысле, что продукт (в качестве меновой стоимости) представляет собой не что иное, как определенное количество *овеществленного* труда вообще, затраченного на то, чтобы заставить это количество возрасти, следовательно, представляет собой *процесс самовозрастания стоимости*. Хотя второй процесс предполагает первый, первый, напротив, не обязательно влечет за собой второй.

Коль скоро *предметные условия* труда, материал и средство труда, непосредственно функционируют в процессе труда, они применяются рабочим. Но не труд применяет капитал, а капитал применяет труд. Это специфическое положение, которое вообще

занимает стоимость по отношению к рабочей силе, овеществленный, прошлый труд по отношению к живому, настоящему труду, условия труда по отношению к нему самому, — как раз и составляет специфическую природу капитала. Несколько подробнее мы это рассмотрим в конце этой первой главы («Превращение денег в капитал») данного отдела I. Здесь пока достаточно заметить, что в процессе производства — коль скоро он является процессом увеличения стоимости и, следовательно, процессом самовозрастания предпосланной стоимости или денег — стоимость (т. е. овеществленный всеобщий общественный труд), прошлый труд, сохраняет и умножает себя, полагает прибавочную стоимость посредством [I—51] обмена, относительного присвоения живого труда, обмена, опосредствованного куплей рабочей силы. Она выступает, таким образом, как совершающая процесс и в этом процессе себя сохраняющая и утверждающая стоимость. Стало быть, как нечто *самостоятельное,* — воплощением этой самостоятельности является капиталист, — как *самостоятельность стоимости.* Труд (живой) выступает лишь как средство, как фактор, при посредстве которого капитал (стоимость) сам себя воспроизводит и умножает.

«Труд есть тот фактор, благодаря которому капитал оказывается способным производить заработную плату, прибыль, т. е. доход» (*John Wade.* History of the Middle and Working Classes. 3rd edition. London, 1835, стр. 161).

(В абстрактно экономической части сочинения Уэйда содержится кое-что оригинальное для своего времени, например, о торговых кризисах и т. д. Зато вся историческая часть представляет собой разительный пример бессовестного плагиаторства, господствующего среди английских экономистов. Она, в частности, почти дословно переписана из работы *сэра Фредерика Мортона Идена* «The State of the Poor, or an History of the Labouring Classes in England from the Conquest to the Present Period». 3 Vols. London, 1797 [26].)

Стоимость, овеществленный труд, приобретает это отношение к живому труду лишь в той мере, в какой ей противостоит *рабочая сила* как таковая, т. е., с другой стороны, опять-таки, следовательно, лишь в той мере, в какой *предметные условия* труда, а стало быть, и условия для осуществления рабочей силы противостоят ей самой в обособленной самостоятельности, под контролем чужой воли. Поэтому несмотря на то, что средство труда и материал как таковые капиталом не являются, они сами выступают в качестве *капитала,* так как их самостоятельность, их эгоистичное существование по отношению к рабочему и, стало быть, по отношению к самому труду срослось с их

бытием. Совершенно так же как золото и серебро выступают в качестве денег, непосредственно связаны в представлении с тем общественным производственным отношением, носителем которого они являются.

Внутри капиталистического производства процесс труда имеет то отношение к процессу увеличения стоимости, что последний выступает как цель, первый — лишь как средство. Поэтому первый процесс останавливается там, где последний уже или еще невозможен. С другой стороны, во время так называемой спекулятивной горячки, во время спекулятивных кризисов (спекуляция акциями и т. д.) обнаруживается, что процесс труда (собственно материальное производство) является всего лишь обременительным условием, и капиталистические нации охватывает всеобщее яростное стремление достичь цели (процесса увеличения стоимости) без применения средства (процесса труда).

Процесс труда как таковой мог бы быть самоцелью лишь в том случае, если бы капиталист был заинтересован в потребительной стоимости продукта. Однако для него речь идет *только* об отчуждении продукта в качестве товара, о его обратном превращении в деньги, и так как этот продукт первоначально уже был деньгами, — об увеличении этой денежной суммы. В этом смысле может быть сказано:

«Именно стоимость образует продукт» (*J. B. Say*. Cours complet d'économie politique pratique. Seconde édition. Tome premier. Paris, 1840, стр. 510).

Фактически это относится ко всякому *товарному* производству. Но, с другой стороны, опять-таки правильным является то, что только капиталистическое производство является *товарным производством* в наиболее широком объеме, т. е. что здесь совершенно исчезает производство для собственного потребления, а элементы производства, даже в земледелии, все в большей и большей мере вступают в процесс производства уже как товары.

Здесь, в разделе о «Превращении денег в капитал», следует лишь в самых общих чертах (так как при рассмотрении обращения мы к этому вернемся) обратить внимание на ту форму, в которой тут выступают деньги. Впрочем, по существу это уже было сделано в параграфе *«а» («Наиболее общая форма капитала»)*.

В отношении процесса увеличения стоимости необходимо заметить еще следующее: то, что предпослано этому процессу, является не только стоимостью, но и суммой стоимости,

стоимостью определенной величины, что впоследствии еще будет рассмотрено более подробно. Эта стоимость (даже когда капиталист является таковым in nuce *) должна быть в состоянии купить по крайней мере одного рабочего и необходимые для него материал и орудие. Короче говоря, сумма стоимости здесь с самого начала определяется меновыми стоимостями товаров, непосредственно входящих в процесс труда.

Так вот, все это вместе мы называем капиталистическим процессом производства на основе капитала. Дело заключается здесь не в том, чтобы произвести продукт, а в том, чтобы произвести товар — продукт, предназначенный для продажи. И дело заключается не просто в том, чтобы производить товары и таким образом, посредством их продажи, завладеть находящимися в обращении потребительными стоимостями, а в том, чтобы производить товары, имея целью сохранение и умножение предпосланной стоимости.

[I—52] {Если процесс труда рассматривается совершенно абстрактно, то можно сказать, что первоначально в дело вступают лишь два фактора — человек и природа (труд и природный материал труда). Первыми орудиями человека являются члены его собственного тела, которыми, однако, он сам еще только должен овладеть. Лишь с первым продуктом, используемым для нового производства, — пусть это будет хотя бы только камень, брошенный в животное, чтобы его убить, — начинается собственно процесс труда. Одним из первых орудий, которым овладевает человек, является животное (домашнее животное). (См. об этом соответствующее место у Тюрго [27].) Поэтому с точки зрения процесса труда Франклин правильно определяет человека как «животное, делающее орудия», или как «инженера» [28]. Таким образом, земля и труд являются как бы первичными факторами производства, а продукты, предназначенные для процесса труда, — произведенный материал труда, средства труда, жизненные средства, — лишь производным фактором.

«Земля *необходима,* капитал *полезен.* А труд на земле производит капитал» (*Colins.* L'Économie Politique. Source des Révolutions et des Utopies prétendues Socialistes. Tome troisième. Paris, 1857, стр. 288).

{Колен полагает, что это обособление стоимости (см. тетрадь VII, стр. 153, 154 [29]), которое содержится в понятии капитала, выдумано экономистами.}

Упомянутая выше двусмысленность имеет место также и у *Джемса Милля:*

* — в зародыше. *Ред.*

«Всякий капитал» {здесь имеется в виду капитал исключительно в вещественном смысле} «действительно состоит из товаров... Первый капитал должен был быть результатом чистого труда. Первые товары не могли быть сделаны при помощи каких-либо товаров, существовавших до них» (*James Mill.* Elements of Political Economy. London, 1821, стр. 72).

Однако указанное расчленение производства на факторы — человек как носитель труда и земля (собственно говоря, природа) как предмет труда — является тоже совершенно абстрактным. Ибо первоначально человек противостоит природе не как рабочий, а как собственник и представляет собой не человека как отдельного индивида, а, если хоть как-то говорить о человеческом бытии этого индивида, то он представляет собой родового человека, племенного человека, семейного человека и т. д.

{У того же самого Милля сказано:

«Труд и капитал... первый — *непосредственный* труд... второй — *накопленный труд,* являющийся результатом прежнего труда» (там же, стр. 75).}

Если, с одной стороны, капитал — расчлененный на его факторы — сводят к одному лишь вещественному способу его существования в процессе труда, *для того чтобы* вообще протащить его в качестве *необходимого* элемента любого производства, то, с другой стороны, опять-таки признают, что капитал имеет чисто идеальную природу, так как он представляет собой стоимость (*Сэй, Сисмонди* и т. д.).

Если говорят, что капитал является *продуктом в противоположность товару* (Прудон, Уэйленд и т. д.), или что он является орудием труда и материалом труда, или же что он состоит из продуктов, получаемых рабочим и т. д., то при этом забывают, что в процессе труда труд уже включен в капитал и принадлежит ему в такой же точно степени, как средство труда и материал труда.

«Так как рабочие получают за свой труд заработную плату..., то капиталист является *собственником* не только капитала» (в этом вещественном смысле), «но *также и труда.* Если то, что выплачивается в качестве заработной платы, включается, как это обычно имеет место, в понятие капитала, тогда абсурдно говорить о труде отдельно от капитала. Слово капитал, употребляемое в таком смысле, включает в себя как труд, так и капитал» (*James Mill,* там же, стр. 70—71).}

Так же как апологетам капитала на руку отождествлять капитал с той потребительной стоимостью, в виде которой он существует, и эту потребительную стоимость как таковую называть капиталом, — для того чтобы представить капитал как

вечный фактор производства, как такое отношение, которое независимо от всех общественных форм, имманентно любому процессу труда, стало быть, процессу труда вообще, — точно так же получается и с господами экономистами, которым, для того чтобы мошеннически отделаться от некоторых феноменов, присущих собственно капиталистическому способу производства, выгодно забывать о самом существенном в капитале, о том, что он представляет собой стоимость, создающую стоимость, и потому является не только себя сохраняющей, но и умножающей себя стоимостью. Об этом выгодно, например, забывать для того, чтобы доказывать невозможность перепроизводства. Капиталист здесь рассматривается как лицо, заинтересованное лишь в потреблении определенных продуктов (в присвоении их посредством продажи своего товара), а не в умножении предпосланной стоимости, покупательной силы как таковой, абстрактного богатства как такового.

Благодаря превращению денег в капитал, осуществленному обменом между деньгами и трудом, всеобщая формула капитала (*Д — Т — Д*) приобрела теперь определенное содержание. Деньги представляют собой самостоятельное бытие меновой стоимости. Рассматриваемые со стороны их качества, они являются материальным представителем абстрактного богатства, *материальным бытием абстрактного богатства*. Однако та степень, [I—53] в которой они этим являются, тот объем, в котором они соответствуют своему понятию, зависит от их собственного количества или массы. В умножении денег умножение стоимости как таковой выступает как самоцель. Делать деньги посредством денег — такова цель капиталистического процесса производства. Умножение богатства в его всеобщей форме, умножение количества общественного овеществленного труда, выраженного в деньгах как вещи. Фигурируют ли имеющиеся налицо стоимости как всего лишь счетные деньги в гроссбухе — в какой бы то ни было форме, как знаки стоимости и т. д., — в настоящий момент это безразлично. Деньги здесь выступают лишь как такая форма самостоятельной стоимости, которую капитал принимает как в своем исходном пункте, так и в пункте своего возвращения, с тем чтобы сбрасывать ее снова и снова. Дальнейшие подробности по этому вопросу относятся к отделу II *(Процесс обращения капитала)*.

Капитал здесь представляет собой совершающие процесс деньги, для которых их формы денег и товара сами являются лишь меняющимися формами. Капитал постоянно оценивается в счетных деньгах и выступает лишь как их материальное существование, также и в то время, когда он существует как товар;

и стоит ему выступить в форме денег, как реализация его стоимости становится возможной лишь в том случае, если он снова покинет эту форму. Заинтересованность капиталиста в деньгах означает лишь то, что он заинтересован только в меновой стоимости, в умножении меновой стоимости, в абстрактном обогащении. Последнее же как таковое выражается исключительно в деньгах.

«Основная цель денежного капиталиста состоит фактически в увеличении *номинальной суммы* его состояния. Если его капитал в данном году составляет в денежном выражении, например, 20 000 ф. ст., то цель капиталиста состоит в том, чтобы в следующем году он составил *в денежном выражении* 24 000 ф. ст. Увеличивать свой капитал *в его денежном выражении,* это — единственный способ, при помощи которого он, как купец, может служить своим интересам. Важность этой цели для него не меняется из-за колебаний денежного обращения или из-за изменения реальной стоимости денег. Например, за год он может увеличить свой капитал с 20 000 до 24 000 ф. ст.; но вследствие падения стоимости денег может не возрасти его распоряжение предметами комфорта и т. д. Тем не менее это увеличение его капитала настолько же в его интересах, как если бы деньги не упали в стоимости; ибо в противном случае его денежное богатство осталось бы стационарным, а его реальное богатство уменьшилось бы в отношении 24 к 20 ... Товары не являются поэтому конечной целью промышленного капиталиста, если не считать расходования им своего дохода на покупку предметов потребления. *При расходовании капитала промышленного капиталиста и при покупках для производства конечная цель промышленного капиталиста — деньги»* (*Thomas Chalmers.* On Political Economy in connexion with the Moral State and Moral Prospects of Society. 2nd edition. London, 1832, стр. 164—166).

{Еще один момент должен быть отмечен в отношении формулы *Д — Т — Д*. Стоимость как капитал, как самовозрастающая стоимость, представляет собой стоимость, *возведенную в квадрат.* Она не только имеет самостоятельное выражение, например в деньгах, но и сравнивает себя с самой собой (или сравнивается капиталистом), сопоставляет себя в одном периоде (ту величину стоимости, которая была предпослана процессу производства) с собой в другом периоде, а именно, после своего возвращения из обращения, после того как товар продан и снова превращен в деньги. Следовательно, стоимость выступает в двух различных периодах как один и тот же субъект, и притом это есть ее собственное движение, движение, характеризующее капитал. Только в этом движении стоимость выступает как капитал. Смотри противоположный взгляд в книге: «A Critical Dissertation on the Nature, Measures, and Causes of Value; chiefly in reference to the Writings of Mr. Ricardo and his Followers. By the Author of Essays on the Formation and Publication of Opinions». {S. Bailey.} London, 1825.}

Вся соль у Бейли, направленная против всего учения об определении стоимости рабочим временем, заключается в следующем: стоимость является всего только *отношением*, в котором обмениваются различные товары. Стоимость — лишь отношение между двумя товарами.

Стоимость не есть «нечто внутреннее и абсолютное» (там же, стр. 23). «Невозможно обозначить или выразить стоимость товара иначе, как определенным количеством какого-нибудь другого товара» (стр. 26). «Вместо того чтобы рассматривать стоимость как отношение между двумя вещами, они» (рикардианцы и сам Рикардо) «смотрят на нее как на положительный результат, произведенный определенным количеством труда» (стр. 30). «Так как стоимости товаров *A* и *B*, согласно их учению, относятся друг к другу как количества труда, которым они произведены, или... определяются количеством труда, которым они произведены, то они, по-видимому, сделали тот вывод, что стоимость товара *A*, взятого вне отношения к чему-либо другому, равняется количеству труда, которым этот товар произведен. В этом последнем утверждении, несомненно, нет никакого смысла» (стр. 31—32). Рикардо и его последователи говорят о «стоимости как о своего рода всеобщем и самостоятельном свойстве» (стр. 35). «Стоимость товара обязательно должна быть его стоимостью в чем-либо» (там же).

В качестве овеществления общественного труда товар выступает как нечто относительное. Ибо [если] * содержащийся [в каком-либо товаре] * труд приравнивается ко всем другим видам труда, то он приравнивается к ним лишь как определенное наличное бытие общественного труда. Но в рамках этого общественного труда отдельный индивид уже не рассматривается изолированно, а, если это угодно Бейли, труд данного индивида полагается как нечто относительное, сам же товар — как наличное бытие этого относительного.

[II—54] Тот же самый Бейли говорит:

«Стоимость есть отношение между *современными* товарами, так как только такие товары могут обмениваться друг на друга; а когда мы сравниваем стоимость товара в одно время с его стоимостью в другое время, то это только сравнивание того отношения, в котором данный товар находился к какому-нибудь другому товару в эти различные моменты времени» (цит. соч., стр. 72).

Бейли возражает против «сравнивания товаров в различные моменты времени», как будто, например, в процессе оборота капитала капиталист не вынужден непрерывно сравнивать стоимость в одно время со стоимостью в другое время.

{Тут можно было бы спросить, как денежное выражение капитала относится к самому капиталу. Когда деньги существуют в форме денег, то те элементы, на которые они обмени-

* Здесь рукопись повреждена. *Ред.*

ваются при своем превращении в производительный капитал, противостоят им в качестве товаров. Следовательно, законы действуют здесь в том виде, как они развились в процессе метаморфоза товара или в простом денежном обращении. Если в обращении находятся знаки стоимости, то, служат ли они в качестве средства обращения или средства платежа, они всего лишь представляют стоимость товаров, оцененную в деньгах, или непосредственно деньги — в тех количествах, которые выражены в ценах товаров. Как таковые, эти знаки стоимости не имеют никакой стоимости. Они, следовательно, еще не капитал в том смысле, в каком он является овеществленным трудом, а представляют теперь всецело цену капитала, подобно тому как прежде они представляли цену товара. Если в обращении находятся действительные деньги,то они сами являются овеществленным трудом — капиталом (так как являются товаром).

Если общую сумму обращающихся денег мы разделим на число совершаемых ими оборотов, то получим количество денег, действительно находящихся в обращении, и это количество является составной частью капитала, основного или оборотного, в зависимости от того, как их будут рассматривать. Теми же самыми 6 талерами, если они оборачиваются 20 раз в день, я могу купить товара на 120 талеров; эти 6 талеров представляют в течение одного дня стоимость 120 талеров. К этому, однако, надо добавить и сами 6 талеров. Таким образом, весь капитал, находящийся в процессе оборота в течение дня, равен 126 талерам.

Если капитал равен 100 талерам и покупает на 100 талеров товары, то эти же самые 100 талеров представляют теперь второй капитал в 100 талеров и т. д. Если эти 100 талеров оборачиваются 6 раз в день, то они поочередно послужили представителями капитала в 600 талеров. Стало быть, насколько велик или мал представляемый ими в течение дня капитал, зависит от скорости их оборота; эта последняя равна скорости метаморфоза товара, который выступает здесь как метаморфоз капитала, попеременно принимающего и покидающего свои формы денег и товара. Когда деньги функционируют в качестве средства платежа, то 600 талеров денег могут оплатить капитал любой величины, если его отрицательные и положительные обязательства балансируются в итог, равный 600 талерам.

В то время как в простом товарном обращении деньги первоначально выступают как промежуточный момент, как метаморфоз товара, превращенный в деньги товар выступает как исходный и конечный пункт движения капитала, а товар в качестве метаморфоза капитала — всего лишь как промежуточный момент.

Единственное отличие, характеризующее деньги, выступающие как форма капитала, как действительные, а не как счетные деньги, заключается в следующем: 1) Деньги возвращаются, и возвращаются умноженными, к тому пункту, из которого они выходят. Деньги же, израсходованные на потребление, не возвращаются к своему исходному пункту; капитал — деньги, авансированные на производство, — возвращается к своему исходному пункту умноженным. 2) Израсходованные [на потребление] деньги остаются в обращении, из которого они извлекают товары; капитал же бросает обратно в обращение больше товаров, чем извлекает из него, и поэтому постоянно снова извлекает из обращения израсходованные им деньги. Чем быстрее совершается это круговое движение, т. е. чем быстрее происходит обращение или метаморфоз капитала, тем быстрее совершается оборот денег, и так как это имеет место в результате не одностороннего, а многостороннего движения капитала, то тем в большей степени деньги будут служить в качестве средства платежа, а долговые обязательства и активы — балансироваться.}

Производительным капиталом называется капитал, превращенный указанным способом в деньги, коль скоро он подчинил себе процесс производства и функционирует как покупатель и потребитель труда. Только там, где капитал подчинил себе само производство, где, следовательно, производит капиталист, только там капитал существует как господствующая, специфическая форма определенной эпохи производства. Формально капитал может еще раньше выступать в других функциях, и в этих же самых функциях он выступает также и в своей собственной эпохе. Но в таком случае это еще всего лишь производные и вторичные формы капитала, такие как купеческий капитал, капитал, приносящий проценты, и т. д. Таким образом, если мы говорим о производительном капитале, то под этим следует понимать все [капиталистическое] отношение целиком, а не так, как если бы одна из тех форм потребительной стоимости, в которых капитал выступает в процессе труда, была бы сама по себе производительной, как если бы стоимость создавали машины или материал труда и т. д.

Из процесса увеличения стоимости, результатом которого являются авансированная стоимость и некоторый избыток, прибавочная стоимость (в самом процессе труда капитал выступает как действительная потребительная стоимость, т. е. как действительное потребление, так как только в потреблении [II—55] потребительная стоимость реализуется в качестве потребительной стоимости; этот осуществляемый капиталом про-

цесс потребления сам образует некое экономическое отношение, обладает определенной экономической формой и не является безразличным к форме, выпадающим из формы, как это имеет место с понятием простого товара; эти потребительные стоимости, из которых состоит капитал, соответственно понятию этого процесса определены деятельностью потребляющей их рабочей силы), следует то, что собственным специфическим продуктом капитала, коль скоро он производит как капитал, является сама *прибавочная стоимость* и *что специфическим* продуктом труда, коль скоро труд включен в капитал, является не тот или иной продукт, а *капитал.* Сам процесс труда выступает лишь как средство процесса увеличения стоимости, точно так же как потребительная стоимость здесь вообще выступает лишь в качестве носителя меновой стоимости. [II—55]

h) ДВЕ СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ, НА КОТОРЫЕ РАСПАДАЕТСЯ ПРОЦЕСС ПРЕВРАЩЕНИЯ ДЕНЕГ В КАПИТАЛ

[II—A] * То, что продает рабочий, представляет собой распоряжение его рабочей силой, определенное по времени распоряжение ею. Система поштучной заработной платы создает, правда, видимость, будто рабочий получает определенную *долю продукта.* Однако это всего лишь дру́гая форма измерения рабочего времени: вместо того чтобы сказать — ты работаешь 12 часов, говорят — ты получаешь столько-то за штуку, т. е. мы измеряем количество часов по продукту, так как опытным путем установлено, какое количество продукта производится в среднем за один час. Рабочий, который не может выполнить этот минимум, увольняется. (Смотри у *Юра* [30].)

Согласно всеобщему отношению между куплей и продажей, *меновая стоимость* предлагаемого рабочим товара не может быть определена тем способом, каким покупатель *потребляет* этот товар; она определяется исключительно количеством овеществленного труда, содержащегося в само́м этом товаре, следовательно, в данном случае — тем количеством труда, в которое обходится производство самого́ рабочего, так как товар, который он предлагает, существует лишь как способность, как потенция, не имеет иного бытия, кроме его телесности, его личности. Рабочее время, необходимое как для того, чтобы сохранить рабочего физически, так и для того, чтобы видоизменить его посредством

* Буквою «*А*» Маркс обозначил оборотную сторону обложки II тетради своей рукописи. *Ред.*

*

развития у него *особой* потенции, и есть рабочее время, необходимое для того, чтобы произвести рабочего как такового.

В этом обмене рабочий в действительности получает деньги лишь в виде *монеты*, т. е. получает всего лишь мимолетную форму тех жизненных средств, на которые он обменивает деньги. Жизненные средства, а не богатство, являются для рабочего целью обмена.

Рабочую силу называют капиталом рабочего в том смысле, что она представляет собой тот фонд, который рабочий не уничтожает в результате какого-либо единичного обмена, а всегда может снова повторить этот обмен в течение своей *жизни в качестве рабочего*. Сообразно этому, капиталом было бы все, что представляет собой фонд повторяемых процессов того же субъекта. Так, например, глаз — это капитал зрения. Пустые фразы. То, что для рабочего, пока он трудоспособен, труд постоянно является источником обмена, — причем не просто обмена, а обмена с капиталом, — это заложено в таком определении понятия, согласно которому рабочий продает лишь *временное распоряжение* своей рабочей силой и, стало быть, может постоянно возобновлять тот же самый акт обмена, как только он вполсыта наестся и наполовину выспится, примет надлежащее количество вещества, чтобы иметь возможность снова воспроизвести свою жизнедеятельность.

Вместо того чтобы выражать по этому поводу свое изумление и как великую заслугу капитала ставить в счет рабочему то, что он вообще живет и, следовательно, в состоянии ежедневно возобновлять определенные жизненные процессы, — все на свете приукрашивающим сикофантам буржуазной политической экономии скорее следовало бы обратить свое внимание на то, что в результате постоянно повторяемого труда рабочему всегда приходится предлагать в акте обмена *только* сам свой живой, непосредственный труд. Само повторение является в действительности лишь видимостью. *То, что рабочий обменивает с капиталом* (пусть даже этот капитал будет по отношению к рабочему последовательно представлен различными капиталистами), есть *вся его рабочая сила*, которую он расходует, скажем, в течение 30 лет. Она оплачивается ему частями, так же как и продает он ее по частям. Это абсолютно ничего не меняет в существе дела и менее всего дает право делать тот вывод, что — так как рабочему, прежде чем он сможет повторить свой труд и свой обмен с капиталом, нужно известное количество часов поспать — труд образует *капитал рабочего*. Фактически то, что здесь рассматривается как капитал, означает лишь предел труда рабочего, перерыв в его труде, означает лишь то, что

рабочий не есть perpetuum mobile *. Борьба за нормированный рабочий день доказывает, что капиталист ничего так сильно не желает, как того, чтобы рабочий *растрачивал дозы своей жизненной силы по возможности без перерывов*[31]. [II—A]

* * *

[II—55] Все движение, которое проделывают деньги, для того чтобы превратиться в капитал, распадается, следовательно, на два совершенно различных процесса. Первый процесс — это акт простого обращения, купля на одной стороне, продажа на другой; второй процесс — это потребление покупателем купленного товара, акт, происходящий вне обращения, за его спиной. Потребление купленного товара, вследствие специфической природы последнего, само образует здесь некое экономическое отношение. Покупатель и продавец вступают в этом процессе потребления в новое отношение друг к другу, являющееся вместе с тем *производственным отношением*.

Оба акта могут быть совершенно разъединены во времени, но продажа, реализуется ли она немедленно или же договор о ней заключается сначала лишь идеально, а реализуется лишь впоследствии, — продажа в качестве особого акта, по крайней мере идеально, как договоренность между покупателем и продавцом, всегда должна предшествовать второму акту, процессу потребления купленных товаров, несмотря на то, что обусловленная договором цена этих товаров будет уплачена лишь впоследствии.

Первый акт полностью отвечает законам товарного обращения, к которому он принадлежит. Эквиваленты обмениваются на эквиваленты. Владелец денег оплачивает, с одной стороны, стоимости материала труда и средств труда, с другой стороны, — *стоимость* рабочей силы. Следовательно, в процессе этой купли он в виде денег дает ровно столько овеществленного труда, сколько извлекает из обращения в форме товаров — рабочей силы, материала труда и средств труда. Если бы этот первый акт не соответствовал законам товарного обмена, он вообще не мог бы выступать в качестве акта такого способа производства, основа которого состоит в том, что то наиболее элементарное отношение, в которое индивиды вступают друг к другу, является отношением товаровладельцев. Тогда для объяснения этого акта пришлось бы предположить некоторую другую основу производства. В нашем же случае как раз наоборот — именно тот способ производства, продукт которого всегда имеет

* — вечный двигатель. *Ред.*

элементарную форму товара, а не потребительной стоимости, является способом производства, покоящимся на капитале, на обмене между деньгами и рабочей силой.

Во втором акте обнаруживается такой феномен, который по своему результату и по своим условиям кажется совершенно чуждым, противоречащим не только законам простого обращения, но и самому обращению. Прежде всего изменяется социальное положение продавца и покупателя в самом процессе производства. Покупатель становится командиром продавца в той мере, в какой последний своей личностью в качестве рабочего входит в самый процесс потребления, совершаемый покупателем. Вне процесса простого обмена это отношение [между покупателем и продавцом] становится отношением господства и подчинения, которое, однако, отличается от всех других существовавших в истории отношений этого рода тем, что оно проистекает исключительно из специфической природы товара, продаваемого продавцом, следовательно, что это отношение возникает здесь лишь из купли и продажи, из положения обеих сторон как товаровладельцев, стало быть, что оно само по себе опять-таки включает в себя политические и т. д. отношения. Покупатель становится начальником, господином (master), продавец становится его рабочим (man, hand). Совершенно так же как отношение между покупателем и продавцом, как только оно переходит в отношение между кредитором и должником, изменяет социальное положение обеих сторон (но только временно), точно так же оно изменяет его и в данном случае, но здесь измененное положение становится постоянным.

Однако если рассматривать самый результат, то он полностью противоречит законам простого обращения, и это становится тем более очевидным в том случае, если платеж, как это большей частью имеет место, происходит лишь после выполненного труда, если, следовательно, купля реализуется фактически только в конце процесса производства. Тут уж рабочая сила как таковая больше не противостоит покупателю. Она воплотилась в товаре, [на создание которого было затрачено,] скажем, 12 часов рабочего времени, или 1 рабочий день. Покупатель, стало быть, получает стоимость, измеряемую 12 рабочими часами. Оплачивает же он стоимость, измеряемую, например, лишь 10 рабочими часами. Фактически здесь были бы обменены друг на друга не эквиваленты, но в действительности здесь и не имеет место обмен. Разве лишь здесь могли бы сказать: предположим, — а это стало излюбленной фразой, — что акт I не имел место указанным выше способом и [II—56] покупатель оплачивает не рабочую силу, а самый выполненный труд. В этом случае

можно вообразить, что продукт теперь готов, но его стоимость существует лишь в форме его цены. Она еще только должна быть реализована в виде денег. Если, следовательно, капиталист, сразу же реализует для рабочего его долю продукта в виде денег, тогда в порядке вещей то, что рабочий удовлетворяется меньшим эквивалентом в виде денег, чем тот эквивалент, который он отдал в виде товара. Вообще говоря, это чепуха. Ибо это свелось бы к утверждению, что продавец всегда должен удовлетворяться меньшим эквивалентом в виде денег, чем тот эквивалент, который он отдает в виде товара. Как только покупатель превращает свои деньги в товар, покупает, его стоимость существует в виде того товара, который он покупает, имманентно существует как цена и уже не существует больше как реализованная стоимость, как деньги. За то, что его товар потерял форму меновой стоимости, форму денег, *покупатель не получает никакой компенсации*. С другой стороны, он даже выиграл от того, что его товар существует теперь в форме товара.

Однако, говорят нам далее, если я покупаю какой-либо товар для собственного потребления, то это нечто иное; в этом случае я заинтересован в его потребительной стоимости. Речь здесь идет лишь о том, чтобы превратить меновую стоимость в жизненные средства. Напротив, в том случае, когда я покупаю товар, для того чтобы снова его продать, я, очевидно, сначала проигрываю, когда обмениваю на него свои деньги. Ибо я заинтересован лишь в меновой стоимости, в результате же купли мои деньги теряют форму денег. Меновая стоимость существует вначале лишь как цена, как еще только подлежащее реализации приравнивание товара к деньгам. Однако та цель, с которой я покупаю товар, не имеет с его стоимостью ничего общего. Тот феномен, что при купле с целью продажи получается прибавочная стоимость, был бы в этом случае объясняем *расчетом* покупателя на то, что эта прибавочная стоимость должна получиться, что является очевидной нелепостью. Когда я продаю какой-либо товар, мне совершенно безразлично то употребление или злоупотребление, которое захочет найти покупатель для этого товара.

Предположим, что товаровладелец не имеет достаточного количества денег, для того чтобы купить труд, но у него их достаточно, для того чтобы купить материал труда и средство труда. Продавцы материала труда и средства труда высмеяли бы его, если бы ему вздумалось сказать: материал труда и средство труда представляют собой незавершенные продукты; первый — по природе вещей, второе также образует лишь составную часть последующего продукта и не имеет стоимости, помимо той, кото-

рую оно образует в качестве этой составной части. В самом деле, предположим, что материал труда стоит 100 талеров, средство труда — 20 талеров, а труд, который я к ним присоединяю, будучи измерен в деньгах, пусть будет равен 30 талерам. Таким образом, продукт имел бы стоимость в 150 талеров, и как только я закончил свой труд, я располагаю товаром стоимостью в 150 талеров, товаром, который, однако, еще только должен быть продан, чтобы он мог существовать в форме меновой стоимости, в виде 150 талеров. Те 100 талеров, которые я дал продавцу материала, и те 20 талеров, которые я дал продавцу средства труда, образуют составные части стоимости моего товара; они составляют 80% его цены. Но эти 80% стоимости моего еще не проданного товара, который я еще только должен превратить снова в деньги, продавцы сырого материала и средства труда уже реализовали в деньгах, продав мне сырой материал и средство труда, реализовали еще до того, как мой продукт был изготовлен и тем более до того, как он был продан. Следовательно, так как я авансирую им эти деньги посредством простого акта купли, то они должны были бы продавать мне свои товары ниже стоимости. Получается тот же самый казус.

В обоих случаях у меня в руках товар стоимостью в 150 талеров, который, однако, еще только должен быть продан, реализован в деньгах. В первом случае я сам присоединил [к стоимости материала труда и средства труда] стоимость труда, однако стоимость материала труда и средства труда оплатил заранее, не только до того, как продукт продан, но и до того, как он готов. Во втором случае стоимость [труда] присоединил рабочий, а я оплатил ее до продажи товара. Дело свелось бы все к той же нелепости, будто покупатель как таковой имеет привилегию покупать дешевле, в результате чего он в своем качестве продавца снова терял бы ровно столько, сколько он выгадывал бы в качестве покупателя.

Например, к концу рабочего дня рабочий присоединил к [стоимости] продукта один рабочий день, и я обладаю этим его трудом в овеществленной форме, в качестве меновой стоимости, которую, стало быть, я ему оплачиваю лишь тогда, когда возвращаю ему ту же самую меновую стоимость в виде денег. Та форма потребительной стоимости, в которой существует стоимость, так же мало изменяет величину стоимости, как мало эта величина меняется от того, существует ли она в форме товара или денег, в качестве реализованной или нереализованной стоимости.

Что при этом еще вкрадывается в представление об этих отношениях — так это воспоминание о плате за дисконт. Если

товары у меня готовы и я беру под них ссуду, не продавая их или же продавая их лишь условно, либо беру ссуду под платежное обязательство за уже проданный товар, который, однако, может быть оплачен лишь позднее и в уплату за который я получил, стало быть, лишь позднѐе реализуемое обязательство, вексель и т. п., — то я оплачиваю дисконт. Я плачу̀ за то, что я получаю деньги, не продавая товар, или же получаю деньги раньше, чем товар может быть оплачен, до действительной реализации продажи, плачу̀ за ту или иную форму денежной ссуды. Я отказываюсь от определенной части [II—57] цены товара и предоставляю эту часть тому, кто мне авансирует деньги под товар, который еще не продан или еще не может быть оплачен. Следовательно, в этом случае я оплачиваю метаморфоз товаров.

Если же я являюсь покупателем труда, — как только труд уже овеществлен в продукте, — то, во-первых, указанное отношение к этому случаю не подходит. Ибо когда авансируются деньги и дисконтируется платежное обязательство, то в обоих этих случаях тем, кто авансирует деньги, является не покупатель товара, а третье лицо, становящееся между покупателем и продавцом. В рассматриваемом же случае капиталист противостоит рабочему, доставившему ему товар (определенное рабочее время, овеществленное в определенной потребительной стоимости), как покупатель и платит рабочему уже после того как он получил эквивалент в виде товара. Во-вторых, во всем этом отношении между промышленным капиталом и капиталистом, ссужающим деньги под проценты, уже предположено отношение капитала. Предположено, что деньги как таковые — вообще стоимость — обладают способностью самовозрастать в течение определенного промежутка времени, создавать определенную прибавочную стоимость и что при этом условии за их использование платят. Здесь, следовательно, предполагают существование производной формы капитала, для того чтобы тем самым объяснить его первоначальную форму, предполагают существование особой формы капитала, для того чтобы объяснить его всеобщую форму.

Впрочем, дело все время сводится к следующему: рабочий не может ждать до того времени, когда будет продан продукт. Другими словами, он не имеет для продажи никакого другого *товара,* кроме самогѐ своего труда. Если бы у него для продажи был *товар,* то в этом предположении уже заложено то, что рабочий, для того чтобы он мог существовать как продавец товара, — ведь он не живет создаваемым им продуктом, этот товар для него самого не является потребительной стоимостью, —

всегда должен иметь запас товара в форме денег, достаточный для того, чтобы жить, покупать жизненные средства до тех пор, пока его новый товар не будет готов и продан. Это снова та же самая предпосылка, которая была в первом акте [отношения между рабочим и капиталистом], а именно, что рабочий как всего лишь рабочая сила противостоит предметным условиям труда, к которым относятся как жизненные средства рабочего — средства, для того чтобы жить в течение того времени, когда он работает, — так и условия для осуществления самого труда. Под видом избавления от этого первого отношения, в котором заключается все дело и которое является решающим, оно таким путем восстанавливается снова.

Столь же нелепа и такая формула: рабочий, получив свою заработную плату, тем самым уже получил свою долю в продукте или в стоимости продукта и, следовательно, не имеет права предъявлять какие-либо другие требования. Капиталист и рабочий являются-де компаньонами, совладельцами продукта или его стоимости, но один из партнеров предоставляет другому выплачивать себе свою долю и тем самым теряет свое право на стоимость, вырученную путем продажи продукта и на реализованную в ней прибыль. От этого опять-таки следует отличать двоякого рода ложные концепции. Если бы рабочий за присоединенный им к сырому материалу труд получил эквивалент, то он и на самом деле не мог бы иметь в дальнейшем никаких претензий. Он получил бы свою долю, выплаченную по ее полной стоимости. Это, конечно, было бы объяснением того, почему рабочий больше не имеет никакого отношения ни к товару, ни к его стоимости, но отнюдь не объяснило бы того, почему он получает в виде денег *меньший* эквивалент, чем тот, который он доставил в виде *труда, овеществленного* в продукте.

Так, в приведенном выше примере лица, которые продали сырой материал за 100 талеров и средство труда за 20 талеров, купленные у них производителем нового товара, не претендуют на новый товар и его стоимость в 150 талеров. Из этого, однако, не следует, что один из продавцов вместо 100 талеров получил только 80, а другой вместо 20 талеров — только 10. Это лишь доказывает, что если рабочий получил свой эквивалент до продажи товаров, — *свой* товар, однако, он продал, — то требовать ему больше нечего. Но это не является доказательством того, что он должен продавать свой товар *ниже эквивалента*. Правда, здесь вкрадывается еще вторая иллюзия. Капиталист продает товар с прибылью. Рабочий, который уже получил свой эквивалент, от прибыли, возникающей из этой последующей операции, уже отказался. Здесь, следовательно, перед нами

снова та старая иллюзия, что прибыль — прибавочная стоимость — возникает из обращения и возникает потому, что товар продается выше его стоимости, а покупателя обсчитывают. Рабочий не принимал никакого участия в этом обмане одним капиталистом другого; но прибыль одного капиталиста была бы равна убытку другого, и, таким образом, для совокупного капитала не существовало бы собственно никакой прибавочной стоимости.

Конечно, существуют определенные формы наемного труда, создающие *видимость* того, будто рабочий продал не свою рабочую силу, а самый свой уже *овеществленный* в товарах *труд*. Например, в случае *поштучной платы*. Однако это [II—58] всего лишь другая форма измерения рабочего времени и контроля за трудом (оплаты только *необходимого* труда).

Если я знаю, что средний труд может, например, доставить 24 штуки какого-то товара за 12 часов, то две штуки соответствуют 1 рабочему часу. Если рабочему оплачиваются 10 часов из проработанных им 12, т. е. если он работает 2 часа прибавочного времени, то это то же самое, как если бы он каждый час доставлял $^1/_6$ часа прибавочного труда (бесплатного труда). (Каждый час он доставлял бы 10 минут прибавочного труда, следовательно, за целый день это составило бы 120 минут, т. е. 2 часа.)

Предположим, что 12 рабочих часов, оцененные в деньгах, равны 6 шилл.; тогда 1 рабочий час соответствует $^6/_{12}$ шилл., т. е. $^1/_2$ шилл., т. е. 6 пенсам. Следовательно, 24 штуки товара стоят 6 шилл., или 1 штука — $^1/_4$ шилл., т. е. 3 пенса. Все равно, добавляет ли рабочий к 10 часам 2 часа, или к 20 штукам продукта 4 штуки. Каждая штука стоимостью в 3 пенса соответствует $^1/_2$ рабочего часа стоимостью в 3 пенса. Однако рабочий [за $^1/_2$ часа труда] получает не 3, а $2^1/_2$ пенса. Если же он доставляет 24 штуки товара, то его оплата составляет 48 пенсов + + 12 пенсов = 60 пенсов = 5 шилл., в то время как капиталист продает товар за 6 шилл.

Следовательно, это лишь иной способ измерять рабочее время (а также контролировать качество труда). Эти различные формы заработной платы не касаются всеобщего отношения. Впрочем, совершенно очевидно, что при поштучной плате возникает тот же самый вопрос: откуда берется прибавочная стоимость? Очевидно, что штука товара оплачивается не полностью; очевидно, что в ней поглощено больше труда, чем оплачено деньгами.

Итак, весь этот феномен может быть объяснен только тем (все другие способы объяснения в конце концов снова предполагают тот же самый феномен), что рабочий в качестве товара продает не свой труд, — товаром же этот труд является только после

того, как он овеществлен в какой бы то ни было потребительной стоимости, следовательно, всегда как результат процесса труда, стало быть, большей частью до того, как труд *оплачивается,* — а свою рабочую силу, продает ее до того, как она поработала и реализовала себя в качестве труда.

Тот результат, что предпосланная стоимость, или денежная сумма, которую покупатель бросил в обращение, не только воспроизведена, но и увеличилась, возросла в определенной пропорции, что к стоимости присоединилась прибавочная стоимость, — этот результат осуществляется лишь в непосредственном процессе производства, так как только здесь рабочая сила становится действительным трудом, а труд овеществляется в каком-либо товаре. Этот результат заключается в том, что покупатель [рабочей силы, сырья и орудия] получает обратно в форме товара больше овеществленного труда, чем он авансировал в форме денег. Эта прибавочная стоимость, — этот избыток овеществленного рабочего времени, которое покупатель впоследствии снова бросает в обращение, продавая новый товар, — возникла исключительно во время самого процесса труда.

Но этот второй акт, в котором действительно возникает прибавочная стоимость, а капитал на самом деле становится производительным капиталом, может наступить только как результат первого акта и является лишь следствием специфической потребительной стоимости того товара, который в первом акте обменивается по *своей стоимости* на деньги. Однако первый акт имеет место лишь при известных исторических условиях. Рабочий должен быть свободным, для того чтобы иметь возможность распоряжаться своей рабочей силой как своей собственностью, следовательно, он не должен быть ни рабом, ни крепостным, ни кабально зависимым. С другой стороны, он точно так же должен быть лишен условий осуществления своей рабочей силы. Следовательно, он не должен быть ни крестьянином, ведущим хозяйство для собственного потребления, ни ремесленником; вообще он должен перестать быть собственником. Предполагается, что рабочий *работает* как *несобственник* и что *условия его труда противостоят ему как чужая собственность.* Следовательно, в этих условиях заложено также и то, что земля противостоит рабочему как чужая собственность; что он отстранен от пользования природой и ее продуктами. Это тот пункт, в котором земельная собственность выступает как необходимая предпосылка наемного труда, а потому и капитала. Впрочем, при рассмотрении капитала как такового нет нужды и дальше принимать во внимание этот пункт, так как соответствующая капиталистической форме производства форма земельной собствен-

ности сама является историческим продуктом капиталистического способа производства. Таким образом, в бытии рабочей силы как товара, предлагаемого самим рабочим, заложен целый круг исторических условий, только при наличии которых труд может стать наемным трудом и, следовательно, деньги — капиталом.

При этом, естественно, речь идет о том, что производство в целом покоится на этой основе, что наемный труд и его применение капиталом выступают не как спорадическое явление на поверхности общества, но что это [II—59] представляет собой господствующее отношение.

Для того чтобы труд выступал как наемный труд, для того чтобы рабочий работал как несобственник, продавал бы не товар, а распоряжение своей собственной рабочей силой, — продавал бы саму свою рабочую силу тем единственным способом, каким она может быть продана, — условия осуществления его труда должны противостоять ему как *отчужденные условия*, как *чуждые силы*, как условия, находящиеся под властью чужой воли, как чужая собственность. *Овеществленный труд*, стоимость как таковая противостоит рабочему как *эгоистическая сущность*, как *капитал*, носителем которого является капиталист, — противостоит ему поэтому также и как капиталист.

То, что рабочий *покупает*, представляет собой некий результат, определенную стоимость, количество рабочего времени, равное тому количеству рабочего времени, которое содержится в его собственной рабочей силе, стало быть — сумму денег, необходимую для того, чтобы сохранять его жизнь в качестве рабочего. Ибо то, что он покупает, является деньгами, т. е. всего лишь иной формой той меновой стоимости, которой он сам как рабочая сила уже обладает и обладает в том же самом количестве.

Напротив, то, что покупает капиталист и продает рабочий, представляет собой потребительную стоимость рабочей силы, т. е., стало быть, самый труд, создающую и умножающую стоимость силу. Следовательно, эта создающая и умножающая стоимость сила принадлежит теперь не рабочему, а капиталу. Присоединяя ее к себе, капитал оживает и начинает работать «как будто под влиянием охватившей его любовной страсти» [32]. Таким путем живой труд становится для овеществленного труда средством его сохранения и умножения. Коль скоро труд создает богатство, он становится силой капитала; точно так же всякое развитие производительных сил труда становится развитием производительных сил капитала. То, что продает сам рабочий, что он постоянно возмещает эквивалентом, это — сама рабочая

сила, определенная стоимость, величина которой может колебаться в более широких или в более узких пределах, однако по самому своему понятию она всегда сводится к определенной сумме жизненных средств, требующихся для того, чтобы рабочая сила могла сохранить себя как таковую, т. е. чтобы рабочий мог продолжать жить в качестве рабочего. Овеществленный прошлый труд становится таким образом властителем живого, теперешнего труда. Отношение между субъектом и объектом выворачивается наизнанку. Если по отношению к рабочему предметные условия осуществления его рабочей силы и, следовательно, предметные условия действительного труда — орудие, материал, жизненные средства — уже в качестве предпосылки выступают как чуждые, самостоятельные силы, относящиеся к живому труду скорее как условия их собственного сохранения и умножения, которые сближаются с трудом только для того, чтобы впитать побольше труда в самих себя, — то в еще большей степени это выворачивание наизнанку [отношения между субъектом и объектом] выступает в качестве результата [процесса производства]. Предметные условия труда сами являются продуктами труда и, если их рассматривать со стороны меновой стоимости, являются не чем иным, как рабочим временем в овеществленной форме.

Следовательно, с обеих сторон предметные условия труда представляют собой результат самого труда, его *собственное овеществление,* и это его собственное овеществление, он сам как свой результат, противостоит ему как *чуждая сила,* как *самостоятельная сила,* а живой труд все снова и снова оказывается в той же самой оторванности от своих предметных условий на противоположной стороне как всего лишь способность к труду.

Если рабочему нужно работать только половину рабочего дня, для того чтобы жить в течение целого дня, т. е. для того чтобы произвести жизненные средства, необходимые для однодневного поддержания своей жизни в качестве рабочего, то однодневная меновая стоимость его рабочей силы равна половине рабочего дня. Потребительная же стоимость этой рабочей силы определяется не тем рабочим временем, которое необходимо для того, чтобы сохранить и произвести или воспроизвести ее саму, а тем, в течение которого сама рабочая сила может работать. Следовательно, ее потребительная стоимость измеряется, к примеру, одним рабочим днем, в то время как ее меновая стоимость составляет только половину рабочего дня. Покупая рабочую силу по ее меновой стоимости, в соответствии с рабочим временем, требующимся для ее сохранения, капиталист, напротив, получает то рабочее время, в течение которого может работать

сама рабочая сила; т. е. в приведенном выше случае капиталист получит целый рабочий день, тогда как оплатил он половину дня. Насколько велика или мала его прибыль, зависит от того, на какое время рабочий вообще предоставляет в его распоряжение свою рабочую силу. Однако при всех обстоятельствах рассматриваемое отношение заключается в том, что рабочий предоставляет свою рабочую силу в распоряжение капиталиста на более продолжительное время по сравнению с рабочим временем, необходимым для ее собственного воспроизводства. Капиталист покупает рабочую силу только потому, что она обладает этой потребительной стоимостью.

Капитал и наемный труд лишь выражают два фактора одного и того же отношения. Деньги не могут стать капиталом, не обмениваясь на рабочую силу как на продаваемый самим рабочим товар, стало быть, не находя этого специфического товара на рынке. С другой стороны, труд может выступать как наемный труд только в том случае, когда его собственные условия (условия его осуществления, его *собственные* предметные условия) противостоят ему как эгоистические силы, как чужая собственность, как для-себя-сущая и прочно обособившаяся [II—60] стоимость, словом, противостоят ему как капитал. Следовательно, если капитал с его вещественной стороны или со стороны той потребительной стоимости, в виде которой он существует, может состоять лишь из предметных условий самого труда, из жизненных средств и средств производства (последние частично представляют собой материал труда, частично — средство труда), то со стороны его формы эти предметные условия должны противостоять труду как *отчужденные, самостоятельные* силы, как стоимость, — овеществленный труд, — которая относится к живому труду как всего лишь к средству для своего собственного сохранения и умножения.

Следовательно, наемный труд, или система наемного труда (заработная плата как цена труда), является для капиталистического производства необходимой общественной формой труда, точно так же как капитал, возведенная в степень стоимость, представляет собой необходимую общественную форму, которую предметные условия труда должны иметь для того, чтобы труд был наемным трудом. Отсюда видно, сколь глубоким пониманием этого общественного производственного отношения обладает, например, какой-нибудь Бастиа, полагающий, что форма наемного труда не виновата в тех недостатках, на которые жалуются социалисты. {Подробнее об этом — позже.} Молодчик полагает, что если бы рабочие имели достаточно денег, для того чтобы прожить до продажи товара, то они могли бы делить

с капиталистом выручку от продажи продукта в более благоприятных условиях. Иными словами, это имело бы место в том случае, если бы они не были наемными рабочими, если бы вместо своей рабочей силы они могли продавать продукт своего труда. То обстоятельство, что они не в состоянии это делать, как раз и превращает их в наемных рабочих, а их покупателей — в капиталистов. Таким образом, существенная форма отношения рассматривается г-ном Бастиа как случайное обстоятельство [33].

Сюда примыкают еще и некоторые другие вопросы, которые должны быть рассмотрены сейчас же. Но предварительно еще одно замечание. Мы видели, что рабочий, в результате того, что в процессе труда он присоединяет новый труд, — а это единственный труд, который он продает капиталисту, — сохраняет стоимость, образуемую тем трудом, который овеществлен в материале труда и средстве труда. Притом делает он это бесплатно. Это происходит благодаря качеству живого труда как такового, а не потому, что для этой цели требовалось бы некоторое новое количество труда.

{Если, например, орудие труда должно быть усовершенствовано и т. д. или если для его сохранения должен быть затрачен новый труд, то это то же самое, как если бы капиталом были куплены и брошены в процесс труда новое орудие или определенная часть нового средства труда.}

Капиталист получает все это даром, точно так же *как рабочий авансирует ему свой труд, а он оплачивает этот труд лишь после его овеществления.* (Это направлено против тех, кто говорит об авансировании цены труда. Труд оплачивается после того, как он выполнен. Продукт как таковой рабочего не касается. Товар, который он продает, уже перешел в распоряжение капиталиста, перешел до того, как он был оплачен.)

Однако налицо еще один результат, который капиталист присваивает безвозмездно как результат всей этой сделки. После того как процесс труда, например в течение рабочего дня, закончился, рабочий превратил деньги, которые он получил от капиталиста, в жизненные средства и тем самым сохранил, воспроизвел свою рабочую силу, так что тот же самый обмен между капиталом и рабочей силой может начаться снова *.

* |II—61| К странице 60: «Материал подвергается изменениям. ...Применяемые орудия или машины... подвергаются изменениям. Отдельные орудия в процессе производства постепенно разрушаются или потребляются... Различные виды продовольствия, одежды и жилища, необходимые для существования и комфорта человека, также претерпевают изменения. Они потребляются [II—62] время от времени, и их стоимость вновь появляется в новой телесной и умственной силе человека, составляющей новый капитал, который можно вновь употребить в производстве» (*F. Wayland*, The Elements of Political Economy. Boston, 1843, стр. 32). [II—62]

Но именно это является условием для реализации капитала, вообще для его дальнейшего существования, условием для того, чтобы капитал был постоянным производственным отношением. Вместе с этим воспроизводством рабочей силы как таковой воспроизведено то условие, при котором товары только и могут превратиться в капитал. Потребление заработной платы рабочим является с точки зрения капиталиста производительным потреблением не только потому, что капиталист получает за это труд, причем большее количество труда, чем представлено в заработной плате, но также и потому, что заработная плата воспроизводит капиталисту условие [капиталистического процесса производства], рабочую силу. Следовательно, результатом капиталистического процесса производства являются не просто товар и прибавочная стоимость, но также и *воспроизводство* самогó *этого отношения* (как будет показано ниже, его воспроизводство происходит во все более широком масштабе).

В той мере, в какой труд овеществляется в процессе производства, рабочая сила овеществляется как *капитал,* как не-труд, а в той мере, в какой капитал в процессе обмена часть самого себя уступает рабочему, капитал превращается лишь в средство для воспроизводства его *рабочей силы.* Таким образом, в конце этого процесса снова оказываются восстановленными его первоначальные условия, его первоначальные факторы и первоначальное отношение между ними. Следовательно, отношение между *капиталом и наемным трудом* воспроизводится этим способом производства совершенно так же, как производятся товар и прибавочная стоимость. В конце процесса [капиталистического производства] из него выходит только то, что в него вошло в начале: на одной стороне — овеществленный труд в качестве капитала, на другой — лишенный предметности труд как всего лишь рабочая сила, так что тот же самый обмен повторяется все снова и снова. В колониях, где господство капитала, или основа капиталистического производства еще недостаточно развиты, так что рабочий получает больше, чем [II—61] требуется для воспроизводства его рабочей силы, и очень скоро становится ведущим самостоятельное хозяйство крестьянином и т. д., — где, следовательно, первоначальное отношение [между трудом и капиталом] не воспроизводится постоянно, — раздаются поэтому вопли капиталистов и предпринимаются попытки искусственно насадить отношение между капиталом и наемным трудом (Уэйкфилд [34]).

С этим воспроизводством общего отношения — с тем, что наемный рабочий выходит из процесса в общем и целом лишь

таким же, каким он в него входит, — связано значение для рабочих того, при каких первоначальных условиях они воспроизводят свою рабочую силу и каковы размеры средней заработной платы, на которую они по традиции вообще должны жить, для того чтобы жить в качестве рабочих. В ходе капиталистического производства рабочая сила более или менее разрушается, но это продолжается долго. Каковы жизненные средства, необходимые для ее сохранения, т. е. какие жизненные средства и в каком объеме вообще считаются необходимыми, — об этом смотри у *Торнтона*[35]. Однако это является убедительным доказательством того, что заработная плата сводится только к жизненным средствам и что рабочий в результате по-прежнему остается только рабочей силой. Различие заключается лишь в том, что мерой его потребностей считается то большее, то меньшее количество жизненных средств. Рабочий всегда работает лишь для своего потребления; различие бывает лишь между большей или меньшей величиной издержек его потребления, или, что то же самое, издержек его производства.

Итак, наемный труд является необходимым условием образования капитала и остается постоянной необходимой предпосылкой капиталистического производства. Поэтому, несмотря на то что первый акт, обмен денег па рабочую силу, или продажа рабочей силы как таковой не входит в непосредственный процесс производства (процесс труда), он тем не менее входит в производство всего [капиталистического] отношения. Без этого акта деньги не становятся капиталом, труд не становится наемным трудом, а потому также и весь процесс труда не ставится под контроль капитала, не подчиняется ему, и, следовательно, производство прибавочной стоимости ранее определенным способом не имеет места. Данный вопрос — принадлежит ли этот первый акт к процессу производства капитала, — собственно говоря, обсуждается экономистами в споре о том, составляет ли часть капитала, затрачиваемая на заработную плату, или, что то же самое, составляют ли те жизненные средства, на которые рабочий обменивает свою заработную плату, часть капитала или нет (смотри об этом у Росси, Милля, Рамсея).

Вопрос о том, *производительна ли заработная плата,* в действительности является таким же недоразумением, как и вопрос: производителен ли капитал?

В последнем случае под капиталом подразумевается не что иное, как потребительные стоимости тех товаров, в виде которых он существует (предметы капитала), но не определенность

формы, не определенное общественное производственное отношение, носителем которого являются товары. В первом же случае ударение делается на том, что заработная плата как таковая не входит в непосредственный процесс труда.

Производительна не цена машины, а сама машина — в той мере, в какой машина как потребительная стоимость функционирует в процессе труда. Коль скоро стоимость машины вновь появляется в стоимости продукта, а цена машины — в цене товара, то это происходит только потому, что она имеет цену. Эта цена ничего не производит, сама себя не сохраняет и уж подавно не увеличивает себя. С одной стороны, заработная плата представляет собой вычет из производительности труда, так как прибавочный труд ограничен тем рабочим временем, которое рабочий использует для своего собственного воспроизводства, для сохранения своей жизни. Точно так же обстоит дело и с прибавочной стоимостью. С другой стороны, заработная плата производительна, поскольку она создает саму рабочую силу, вообще представляющую собой источник увеличения стоимости и основу всего [капиталистического] отношения.

Та часть капитала, которая расходуется на заработную плату, т. е. соответствует цене рабочей силы, непосредственно не входит в процесс труда, хотя отчасти это и имеет место, так как в течение дня рабочий неоднократно должен потреблять жизненные средства, чтобы продолжать работать. Однако этот процесс потребления выходит за рамки собственно процесса труда. (Может быть, [жизненные средства следует рассматривать] как вспомогательный материал для рабочей силы, такой же, каким являются для машины уголь, смазочное масло?) Предпосланные стоимости входят в процесс увеличения стоимости вообще только тогда, когда они имеются в наличии. С заработной платой дело обстоит иначе, так как она воспроизводится, возмещается новым трудом. Во всяком случае, даже если рассматривать заработную плату — превращенную в жизненные средства — только как уголь и смазочное масло, необходимые для того, чтобы поддерживать ход рабочей машины, то эти жизненные средства входят в процесс труда только в качестве потребительных стоимостей, поскольку они потребляются рабочим в качестве жизненных средств, и производительны они лишь в той мере, в какой они не дают останавливаться рабочему как работающей машине. Однако они выполняют эту функцию вследствие того, что являются жизненными средствами, а не потому, что [II—62] обладают ценой. Цена же этих жизненных средств, заработная плата, не входит в процесс труда, так как рабочий должен ее воспроизвести. При потреблении

жизненных средств стоимость, которая в них содержалась, разрушается. Рабочий возмещает эту стоимость посредством нового количества труда. Производителен, следовательно, этот труд, а не его цена.

{Мы видели: та стоимость, которая находится в материале труда и средстве труда, просто сохраняется — в результате того, что они потребляются как материал труда и средство труда, т. е. становятся факторами нового труда, стало быть, в результате того, что к ним присоединяется новый труд.

Предположим теперь, что какой-нибудь процесс производства ведется на определенном уровне, а сам этот уровень определен, так как расходоваться должно только необходимое рабочее время, т. е. только такое количество рабочего времени, которое необходимо на данной общественной ступени развития производительных сил. Однако эта данная ступень развития выражается в некотором данном количестве машин и т. д., в данном количестве продуктов, требующихся для нового производства. Так, нельзя ткать с помощью ручного станка, когда господствует механический ткацкий станок, и т. д. Другими словами, для того чтобы расходовать только необходимое рабочее время, нужно поставить труд в условия, соответствующие данному способу производства. Эти условия сами выступают как известное количество машин и т. д., словом, как средства труда, являющиеся предпосылками для того, чтобы расходовалось только рабочее время, необходимое для изготовления продукта на данной ступени развития.

Так, для изготовления пряжи необходимы как минимум одна фабрика, паровая машина мощностью в столько-то и столько-то лошадиных сил, мюль-машины с таким-то и таким-то количеством веретен, и т. д. Следовательно, для того чтобы стоимость, содержащаяся в этих условиях производства, сохранилась, — а прядению машинами опять-таки соответствует определенное количество хлопка, которое должно потребляться ежедневно, — необходимо не просто присоединять новый труд, но необходимо присоединять *определенное количество* нового труда, дабы определенное самой ступенью производства количество материала использовалось как материал, а определенное время, в течение которого машина должна находиться в движении (должна ежедневно использоваться как орудие), действительно фигурировало бы как время использования машины.

Если в моем распоряжении имеется машина, которая налажена так, что ежедневно должны быть переработаны в пряжу 600 фунтов хлопка, то этими средствами производства должны

быть поглощены 100 рабочих дней (если для переработки в пряжу 6 фунтов хлопка нужен один рабочий день), для того чтобы сохранить стоимость машинного оборудования. Не то чтобы новый труд каким-то образом был занят сохранением этой стоимости; напротив, он лишь присоединяет новую стоимость, старая же стоимость в неизменившемся количестве вновь появляется в продукте. Однако старая стоимость сохраняется только посредством присоединения новой. Для того чтобы она вновь появилась в продукте, она должна превратиться в продукт. Следовательно, если в пряжу должны быть переработаны 600 фунтов хлопка, для того чтобы машины были использованы в качестве машин, то эти 600 фунтов должны быть превращены в продукт, т. е. к ним должно быть присоединено такое количество рабочего времени, которое необходимо для того, чтобы превратить их в продукт. В самом продукте стоимость 600 фунтов хлопка и изношенной соответственной части машин просто появляется вновь; вновь присоединенный труд здесь ничего не меняет, но увеличивает стоимость продукта. Часть его возмещает цену заработной платы (рабочей силы), другая часть создает прибавочную стоимость. Следовательно, если бы этот совокупный труд не был присоединен, то не сохранилась бы также и стоимость сырого материала и машин. Та часть труда, которой рабочий воспроизводит лишь стоимость своей собственной рабочей силы, т. е. лишь ее присоединяет вновь, эта часть труда, стало быть, также сохраняет лишь такую часть стоимости материала и орудия, которая поглотила это количество труда. Другая часть вновь присоединенного труда, которая образует прибавочную стоимость, сохраняет остальную составную часть стоимости материала и машин.

Предположим, что сырой материал (эти 600 фунтов хлопка) стоит 600 пенсов, т. е. 50 шилл., т. е. 2 ф. ст. 10 шилл. Стоимость изношенной части машин составляет 1 ф. ст., а 12 рабочих часов присоединили (возмещение заработной платы и прибавочная стоимость) 1 ф. ст. 10 шилл., так что полная цена товара равна 5 ф. ст. Предположим, что заработная плата составляет 1 ф. ст., так что 10 шилл. представляют собой прибавочный труд. В [стоимости] товара содержится сохранившая себя стоимость, равная 2 ф. ст. 10 шилл., или половине всей стоимости товара. Весь продукт рабочего дня (можно себе представить, что это есть рабочий день, помноженный на 100, т. е. один рабочий день 100 рабочих, каждый из которых работает по 12 часов) равен 5 ф. ст. Это составляет 8 $^{1}/_{3}$ шилл., или 8 шилл. 4 пенса в час. Следовательно, в течение часа стоимость в 4 шилл. 2 пенса возмещает сырой материал и машины,

а стоимость в 4 шилл. 2 пенса присоединена трудом (необходимым и прибавочным трудом).

Продукт, произведенный за 6 рабочих часов, [II—63] равен 50 шилл., т. е. 2 ф. ст. 10 шилл.; в том числе сохранившая себя в [продукте] стоимость сырого материала и машин равна 1 ф. ст. 5 шилл. Но для того чтобы так производительно использовать машину, должны быть отработаны 12 часов, т. е. должно быть потреблено столько сырья, сколько его поглощает двенадцатичасовой труд. Капиталист, следовательно, может рассматривать дело таким образом, как будто в течение первых шести часов ему возмещается только цена сырого материала, которая составляет как раз 2 ф. ст. 10 шилл., т. е. 50 шилл., т. е. равна стоимости продукта 6 рабочих часов. 6 рабочих часов благодаря присоединенному ими труду также могут сохранить лишь стоимость необходимого для 6 рабочих часов материала. Однако капиталист, — так как он, для того чтобы выколотить определенную прибавочную стоимость, использовать свою машину как машину, должен заставить рабочих работать 12 часов и, следовательно, потребить 600 фунтов хлопка, — считает, будто первые 6 часов только лишь сохранили ему стоимость хлопка и машин; на самом же деле *стоимость хлопка* [израсходованного за 6 часов труда] составляла, согласно нашему предположению, *1 ф. ст. 5 шилл., т. е. 25 шилл.*, или $^1/_2$ всей стоимости хлопка.

Чтобы упростить дело, — ибо цифры здесь совершенно безразличны, — возьмем на 2 ф. ст. хлопка (т. е. 80 фунтов хлопка, по 6 пенсов фунт), переработанных за 12 рабочих часов; на 2 ф. ст. машин, изношенных за 12 рабочих часов; наконец, присоединенная новым трудом стоимость пусть будет равна 2 ф. ст., из которых 1 ф. ст. приходится на заработную плату, 1 ф. ст. — на прибавочную стоимость, прибавочный труд. 2 ф. ст., или 40 шилл., разделенные на 12 часов, составили бы $3^1/_3$ шилл. в час (3 шилл. 4 пенса) в качестве стоимости рабочего часа, выраженной в деньгах; точно так же, согласно нашему предположению, в течение каждого часа было бы переработано на $3^1/_3$ шилл., т. е. $6^2/_3$ фунта хлопка. Наконец, в течение каждого часа было бы изношено на $3^1/_3$ шилл. машин. Стоимость произведенного за один час товара равна 10 шилл. Из этих 10 шилл., однако, $6^2/_3$ шилл. (6 шилл. 8 пенсов), или $66^2/_3\%$, являются всего лишь предпосланной стоимостью, которая вновь появляется в товаре только потому, что для поглощения 1 часа труда требуются на $3^1/_3$ шилл. машин и $6^2/_3$ фунта хлопка. Так как они в качестве материала и машин вошли в процесс труда в данном соотношении друг с другом, то содержащаяся

в этом количестве [материала и машин] меновая стоимость перешла в новый товар, к примеру, в пряжу.

Стоимость пряжи, произведенной за 4 часа, составляет 40 шилл., или 2 ф. ст., из которых опять-таки $^1/_3$ (а именно, $13^1/_3$ шилл.) является вновь присоединенным трудом, а $^2/_3$, или $26^2/_3$ шилл. представляют собой лишь сохранение стоимости, содержащейся в переработанном материале и машинах, причем эта стоимость сохраняется только потому, что к материалу присоединяется новая стоимость в $13^1/_3$ шилл., т. е. только потому, что в нем поглощены 4 часа труда. Иными словами, $26^2/_3$ шилл. представляют собой такое количество материала и машин, какое требуется для осуществления 4 часов прядильного труда. За эти 4 часа не было создано никакой другой стоимости, кроме 4 овеществленных рабочих часов, равных $13^1/_3$ шилл. Однако стоимость товара, или продукта этих 4 часов, в котором сохранено $^2/_3$ предпосланной стоимости, равна 2 ф. ст. (или 40 шилл.), в точности равна стоимости хлопка, который должен быть переработан (потреблен) в процессе прядения в течение 12 рабочих часов. Следовательно, если фабрикант продает продукт первых 4 часов, то он возместил стоимость хлопка, который ему нужен в течение 12 часов, т. е. который ему нужен для того, чтобы поглотить 12 часов рабочего времени. Но почему? Потому что, согласно нашему предположению, стоимость хлопка, входящая в продукт 12 часов труда, равна $^1/_3$ стоимости всего продукта. В течение $^1/_3$ рабочего времени фабрикант потребляет только $^1/_3$ хлопка и поэтому сохраняет также только стоимость этой одной третьей части. Если он присоединяет еще $^2/_3$ труда, то он потребляет хлопка на $^2/_3$ больше и за 12 часов сохраняет в продукте всю стоимость хлопка, так как все 80 фунтов хлопка действительно вошли в продукт, в процесс труда. Если фабрикант теперь продал продукт 4 рабочих часов, стоимость которого равна $^1/_3$ стоимости всего продукта, что является также той частью стоимости, которую образует хлопок всего продукта, то он может себе вообразить, что за эти первые 4 часа он воспроизвел стоимость хлопка, воспроизвел ее за 4 рабочих часа, между тем как на самом деле в эти 4 часа входит только $^1/_3$ хлопка, а потому и его стоимости. Фабрикант полагает, что хлопок, потребленный за 12 часов, воспроизведен за 4 часа. Этот расчет получается только потому, что $^1/_3$ [стоимости] орудия и $^1/_3$ [стоимости, созданной вновь присоединенным] трудом (в овеществленном виде), что составляет $^2/_3$ цены продукта 4 часов труда, он всадил в хлопок. Эта часть стоимости продукта равна $26^2/_3$ шилл. и, соответственно цене [хлопка], равна

$53^1/_3$ фунта хлопка. Если бы фабрикант работал лишь 4 часа, то в своем товаре он имел бы только $^1/_3$ стоимости всего продукта 12 часов. Так как хлопок образует $^1/_3$ стоимости всего продукта, то фабрикант может считать таким образом, что в продукте 4 часов он выручает стоимость хлопка, предназначенного для 12 часов труда.

[II—64] Если его фабрика работает еще 4 часа, то это снова равняется $^1/_3$ стоимости всего продукта, а так как и машины равняются $^1/_3$ последней, он может вообразить себе, что в течение второй трети рабочего времени он возмещает стоимость машин, предназначенных для 12 часов труда. В самом деле, если фабрикант продаст продукт этой второй трети, или этих последующих 4 рабочих часов, то стоимость машин, изношенных за 12 часов, будет возмещена. Согласно этому расчету, продукт последних 4 часов не содержит в себе ни сырого материала, ни машин, иначе он включал бы в себя их стоимость, а содержит всего лишь труд, т. е. вновь созданную стоимость, так что 2 рабочих часа равны воспроизведенной заработной плате (1 ф. ст.), а 2 часа составляют прибавочную стоимость, прибавочный труд (тоже 1 ф. ст.). На самом же деле труд, присоединенный за последние 4 часа, присоединяет только стоимость 4 часов, т. е. $13^1/_3$ шилл. Но фабрикант предполагает, что стоимость сырого материала и средства труда, входящих на $66^2/_3\%$ в продукт этих 4 часов, только возмещает присоединенный труд. Стоимость, которую труд присоединяет за 12 часов, рассматривается, следовательно, таким образом, как будто он присоединил ее за 4 часа. Весь этот расчет получается оттого, что предполагается, будто $^1/_3$ рабочего времени создает не только саму себя, но также и предпосланные стоимости, составляющие $^2/_3$ стоимости, содержащейся в продукте, созданном этим рабочим временем.

Таким образом, если предположить, что продукт всей третьей части рабочего времени является только присоединенной трудом стоимостью, — хотя она составляет лишь $^1/_3$ стоимости этого продукта, — то в результате, естественно, получается то же самое, как если бы в течение (3×4) часов действительная третья часть всегда начислялась на труд, а $^2/_3$ — на предпосланные стоимости. Такой расчет может быть вполне практичным для капиталиста, но он извращает все действительное отношение и приводит к величайшему абсурду, если ему придают теоретическое значение. Одна только *предпосланная* стоимость сырого материала и машин составляет $66^2/_3\%$ стоимости нового товара, в то время как вновь присоединенный труд составляет лишь $33^1/_3\%$. Эти $66^2/_3\%$ представляют 24 часа

овеществленного рабочего времени; каким, следовательно, нелепым является предположение, что 12 часов нового труда овеществляют не только самих себя, но, кроме того, еще и 24 часа, т. е. в итоге — 36 часов рабочего времени.

Итак, вся соль заключается в следующем:

Цена продукта 4 рабочих часов, т. е. третьей части всего двенадцатичасового рабочего дня составляет $^1/_3$ цены всего продукта. Следовательно, цена продукта 4 рабочих часов, $^1/_3$ всего рабочего дня, равна цене хлопка, входящего в весь продукт, или перерабатываемого в пряжу за 12 рабочих часов. Первые 4 рабочих часа, говорит поэтому фабрикант, возмещают мне цену хлопка, потребляемого за 12 рабочих часов. На самом же деле цена продукта первых 4 рабочих часов на $^1/_3$, или на $13^1/_3$ шилл. (в нашем примере) состоит из присоединенной в процессе труда стоимости, т. е. из труда, на $13^1/_3$ шилл. — из хлопка и на $13^1/_3$ шилл. — из машин, причем обе последние составные части лишь вновь появляются в цене продукта, так как они потреблены четырехчасовым трудом в качестве потребительных стоимостей; поэтому они опять появляются в новой потребительной стоимости, поэтому они сохранили свою прежнюю меновую стоимость.

То, что за 4 рабочих часа присоединяется к $26^2/_3$ шилл. хлопка и машин (которые обладали этой стоимостью до того, как они вошли в процесс труда, и которые лишь вновь появляются в стоимости нового продукта, потому что через посредство четырехчасового процесса прядения они вошли в новый продукт), есть не что иное, как $13^1/_3$ шилл., т. е. вновь присоединенный труд (определенное количество вновь присоединенного рабочего времени). Поэтому если из цены продукта 4 рабочих часов, из 40 шилл. мы вычтем авансированные [на сырой материал и машины] $26^2/_3$ шилл., то в качестве действительно созданной в процессе труда стоимости остаются только $13^1/_3$ шилл., выраженный в деньгах четырехчасовой труд. Если теперь $^2/_3$ цены продукта, а именно, $^1/_3$, или $13^1/_3$ шилл., представляющую машины, и другую $^1/_3$, или $13^1/_3$ шилл., представляющую труд, оценить в хлопке, то получится цена хлопка, потребляемого за 12 часов.

Другими словами: за четырехчасовое рабочее время к ранее имевшимся стоимостям в действительности присоединяются только 4 часа рабочего времени. Существовавшие же ранее стоимости появляются вновь. Стоимости определенных количеств хлопка и машин [вновь появляются в стоимости продукта], потому что они поглотили это четырехчасовое рабочее время, или потому что они, как факторы прядения, превратились

в составные части пряжи. Цена хлопка, вновь появляющаяся в стоимости продукта 4 рабочих часов, равна поэтому лишь стоимости того количества хлопка, которое действительно вошло как материал в этот четырехчасовой процесс труда, было действительно потреблено; т. е., согласно нашему предположению, равна $13^1/_3$ шилл. Однако *цена* всего продукта 4 рабочих часов равна *цене* хлопка, потребленного за 12 часов, так как продукт четырехчасового рабочего времени равен $^1/_3$ всего продукта 12 часов, а цена хлопка составляет $^1/_3$ цены всего продукта 12 часов.

[II—65] То, что имеет место в отношении двенадцатичасового труда, действительно и в отношении одночасового. Как 4 часа относятся к 12, так $^1/_3$ часа относится к 1. Следовательно, для того чтобы еще больше упростить весь этот случай, сведем его к 1 часу труда. Согласно нашему предположению, стоимость продукта 1 часа равна 10 шилл., из которых $3^1/_3$ шилл. приходятся на хлопок ($6^2/_3$ фунта хлопка), $3^1/_3$ шилл. — на машины, $3^1/_3$ шилл. — на рабочее время. Если присоединен один час рабочего времени, то стоимость всего продукта равна 10 шилл., или равна 3 часам рабочего времени: ибо стоимости потребленного материала и потребленных машин, вновь появляющиеся в новом продукте, в пряже, равны $6^2/_3$ шилл., равны, согласно нашему предположению, 2 рабочим часам. Теперь лишь следует установить различие между тем способом, каким стоимости хлопка и веретена вновь появляются в стоимости пряжи, и тем, каким в эту стоимость входит вновь присоединенный труд.

Во-первых. Стоимость всего продукта равна 3 часам рабочего времени, или равна 10 шилл. Из них 2 часа были рабочим временем, содержавшимся в хлопке и веретене, *предпосланным* процессу труда; т. е. они были стоимостями хлопка и веретена до того, как эти последние вошли в процесс труда. В стоимости всего продукта, $^2/_3$ которой они образуют, они, следовательно, просто появляются вновь, они лишь сохранены. Избыток стоимости нового продукта над стоимостями его материальных составных частей составляет лишь $^1/_3$ [стоимости продукта], равен $3^1/_3$ шилл. Это — единственная новая стоимость, созданная в этом процессе труда. Прежние стоимости, существовавшие независимо от этого процесса труда, были лишь сохранены.

Но, *во-вторых*, спрашивается: каким образом были они сохранены? Они были сохранены в результате того, что они были применены в качестве материала и средства живым трудом, потреблены им как факторы образования новой потребительной

стоимости, пряжи. Труд сохранил их меновые стоимости только потому, что он отнесся к ним как к потребительным стоимостям, т. е. потребил их в качестве элементов для образования некоторой новой потребительной стоимости, пряжи. Следовательно, меновые стоимости хлопка и веретена вновь появляются в меновой стоимости пряжи не потому, что к ним был присоединен труд вообще, абстрактный труд, всего лишь рабочее время — труд, выступающий в качестве элемента меновой стоимости,— а потому, что к ним был присоединен тот определенный, действительный труд, прядение, полезный труд, который осуществляется в определенной потребительной стоимости, в пряже, и который в качестве этой особой целесообразной деятельности потребляет хлопок и веретено как свои потребительные стоимости, использует их как свои факторы, своей собственной целесообразной деятельностью превращает их в элементы, образующие пряжу.

Если бы прядильщик — т. е. прядильный труд — с помощью более совершенной машины, которая, однако, входила бы в стоимость продукта в том же самом стоимостном отношении, мог бы превратить $6^2/_3$ фунта хлопка в пряжу в течение не одного часа, а получаса, то стоимость продукта равнялась бы $3^1/_3$ шилл. (доля хлопка) + $3^1/_3$ шилл. (доля машины) + $1^2/_3$ шилл., представляющих затрату труда, так как половина часа рабочего времени выразилась бы, согласно нашему предположению, в $1^2/_3$ шилл. Стоимость продукта, следовательно, была бы равна $8^1/_3$ шилл., в числе которых стоимость хлопка и машин, как и в первом случае, вновь появилась бы целиком, несмотря на то, что присоединенное к ним рабочее время было бы на 50% меньше, чем в первом случае. Однако стоимости хлопка и машин вновь появляются целиком потому, что потребовалось лишь полчаса прядения, для того чтобы превратить их в пряжу. Они, следовательно, вновь появляются целиком потому, что они целиком вошли в продукт получасового прядения, в новую потребительную стоимость, в пряжу. Труд, в той мере, в какой он сохраняет стоимость хлопка и машин как меновую стоимость, делает это лишь постольку, поскольку он является действительным трудом, особой целесообразной деятельностью, направленной на создание особой потребительной стоимости. Он осуществляет это в качестве прядения, а не в качестве абстрактного общественного рабочего времени, безразличного к его содержанию. Только в качестве *прядения* труд сохраняет здесь стоимости хлопка и веретена в продукте, в пряже.

С другой стороны, в этом процессе, в котором он сохраняет меновые стоимости хлопка и веретена, труд, прядение, относится

к ним не как к меновым стоимостям, а как к потребительным стоимостям, элементам этого определенного труда, прядения. Если прядильщик с помощью определенной машины может превратить $6^2/_3$ фунта хлопка в пряжу, то для этого процесса совершенно безразлично, стоит ли фунт хлопка 6 пенсов или 6 шилл., потому что он потребляет его в процессе прядения как хлопок, как материал прядения. Этого материала требуется столько, сколько нужно, чтобы поглотить 1 час прядильного труда. Цена материала не имеет к этому никакого отношения. То же самое с машинами. Если бы те же самые машины стоили лишь половину цены и оказывали те же самые услуги, то это нисколько не затронуло бы процесс прядения. Единственным условием для прядильщика является то, что он должен обладать материалом (хлопком) и веретеном (машинами) в таком объеме, в таком количестве, которое требуется для прядения в течение одного часа. Стоимости или цѐны хлопка и веретена не касаются процесса прядения как такового. Они представляют собой результат овеществленного в них самих рабочего времени. Поэтому они вновь появляются в продукте лишь постольку, поскольку они были ему предпосланы как данные стоимости, и они появляются вновь только потому, что товары хлопок и веретено как потребительные стоимости, со стороны их вещественной определенности, требуются для изготовления пряжи, входят в процесс прядения в качестве его факторов.

Напротив, прядение присоединяет новую стоимость к стоимости хлопка и веретена лишь в той мере, в какой оно является не этим определенным трудом — прядением, а трудом вообще, рабочее же время прядильщика — всеобщим рабочим временем, которому безразлично, в какой [II—66] потребительной стоимости оно себя овеществляет и каков тот особый полезный характер, та особая целесообразность, тот особый вид или способ существования труда, временем (мерой) которого оно выступает. Один час прядильного труда здесь приравнивается к одному часу рабочего времени вообще (идет ли речь о приравнивании к одному часу или к нескольким, это к делу здесь не относится). Этот час овеществленного рабочего времени присоединяет к комбинации хлопка и веретена, например, $3^1/_3$ шилл., так как они являются тем же самым рабочим временем, овеществленным в деньгах.

Если бы 5 фунтов пряжи (изготовленные из $6^2/_3$ фунта хлопка) могли быть произведены в течение $^1/_2$ часа вместо целого часа, то в конце получаса была бы получена та же самая потребительная стоимость, какая в другом случае была бы получена в конце целого часа. Было бы получено то же самое

количество потребительной стоимости того же самого качества, 5 фунтов пряжи данного качества. Труд, в той мере, в какой он является конкретным трудом, прядением, деятельностью, направленной на создание потребительной стоимости, сделал бы за полчаса столько же, сколько раньше — за целый час, создал бы ту же самую потребительную стоимость. Как прядение, он в обоих случаях совершает то же самое, хотя время, в течение которого продолжается прядение, в одном случае вдвое больше, чем в другом. Поскольку сам он является потребительной стоимостью, трудом, т. е. целесообразной деятельностью, направленной на создание какой-либо потребительной стоимости, постольку совершенно безразличным оказывается то необходимое время, которое требуется, — в течение которого труд должен продолжаться, — для того, чтобы создать эту потребительную стоимость: совершенно безразлично, требуется ли труду для изготовления 5 фунтов пряжи один час или $^1/_2$ часа. Напротив. Чем меньше времени ему нужно для производства той же самой потребительной стоимости, тем более он производителен и полезен. Стоимость же, которую он присоединяет, создает, измеряется исключительно его продолжительностью. За 1 час прядильный труд присоединяет вдвое бо̀льшую стоимость, чем за $^1/_2$ часа, а за 2 часа — вдвое бо̀льшую стоимость, чем за 1 час, и т. д. Стоимость, которую он присоединяет, измеряется его собственной продолжительностью, и в качестве стоимости продукт есть не что иное, как материализация определенного рабочего времени вообще, а не продукт этого особого труда, прядения. Иными словами, прядение принимается в расчет лишь в той мере, в какой оно является трудом вообще, а его продолжительность — рабочим временем вообще. Стоимости хлопка и веретена сохраняются потому, что прядильный труд превратил их в пряжу, т. е. потому, что они потреблены в качестве материала и средства этим особым видом труда. Стоимость $6^2/_3$ фунта хлопка увеличивается только потому, что этот хлопок поглотил 1 час рабочего времени; только потому, что в продукте, в пряже овеществлено на один час больше рабочего времени, чем его содержалось в стоимостных элементах продукта — в хлопке и веретене.

Однако рабочее время может быть присоединено к имеющимся в наличии продуктам или вообще к имеющемуся в наличии материалу труда лишь в той мере, в какой оно является временем некоторого особого труда, который относится к материалу и средству труда как к *своим* материалу и средству. Следовательно, один час рабочего времени присоединен к хлопку и веретену лишь постольку, поскольку к ним присоединен

один час прядильного труда. Тот факт, что стоимости хлопка и веретена сохраняются, объясняется исключительно специфическим характером труда, его вещественной определенностью, тем, что он представляет собой прядение, как раз тот определенный труд, для которого хлопок и веретено служат средством производства пряжи. Указанный факт объясняется, далее, еще и тем, что этот труд является живым трудом вообще, целесообразной деятельностью. То обстоятельство, что к хлопку и веретену присоединяется стоимость, объясняется только тем, что прядильный труд является трудом вообще, общественным абстрактным трудом вообще, а один час прядильного труда приравнивается к одному часу общественного труда вообще, к одному часу общественного рабочего времени. Следовательно, стоимости материала труда и средства труда сохраняются и вновь появляются в совокупной стоимости продукта как ее составные части исключительно в результате процесса увеличения стоимости, — который на самом деле является всего лишь абстрактным выражением для действительного труда, — в результате процесса присоединения нового рабочего времени, так как последнее должно быть присоединено в определенной полезной и целесообразной форме. Однако труд не выполняется дважды: один раз, чтобы присоединить стоимость, другой раз, чтобы сохранить имеющиеся в наличии стоимости; но так как *рабочее время может быть присоединено только в форме полезного труда, особого труда, такого, как прядение, то труд сам собой сохраняет стоимости материала и средства, — сохраняет тем, что присоединяет к ним новую стоимость, т. е. новое рабочее время.*

Далее, однако, ясно, что количество имеющихся в наличии стоимостей, которые сохраняются новым трудом, на́ходится в определенном соотношении с тем количеством стоимости, которое он к ним присоединяет, т. е. что количество уже овеществленного труда, которое сохраняется, находится в определенном соотношении с тем количеством нового рабочего времени, которое присоединяется, еще только овеществляется; одним словом, что имеет место определенное соотношение между непосредственным процессом труда и процессом увеличения стоимости.

Если рабочее время, *необходимое* для того, чтобы переработать в пряжу $6^2/_3$ фунта хлопка, в результате чего изнашивается X машин, при данных всеобщих условиях производства составляет один час, то за один час могут быть превращены в пряжу только $6^2/_3$ фунта хлопка и использованы только X машин, могут быть, следовательно, произведены только 5 фун-

тов пряжи; в результате на тот рабочий час, на который стоимость пряжи превышает стоимость хлопка и X веретен, приходились бы 2 рабочих часа овеществленного рабочего времени, $6^2/_3$ фунта хлопка и X веретен ($3^1/_3$ шилл.), которые сохраняются в пряже. Хлопок может увеличить свою стоимость (т. е. получить добавочную стоимость) на один рабочий час, на $3^1/_3$ шилл., лишь постольку, поскольку используются $6^2/_3$ фунта хлопка и X машин; с другой стороны, эти $6^2/_3$ фунта хлопка и X машин могут быть использованы — и потому их стоимости могут вновь появиться в пряже — лишь постольку, поскольку присоединяется один час рабочего времени. Следовательно, для того чтобы стоимость 80 фунтов хлопка могла [II—67] вновь появиться в продукте как составная часть стоимости пряжи, должны быть присоединены 12 рабочих часов. Определенное количество материала поглощает лишь определенное количество рабочего времени. Стоимость материала сохраняется лишь в той пропорции, в какой он поглощает это рабочее время (при данной производительности труда). Следовательно, стоимость 80 фунтов хлопка не может быть сохранена, если весь он не будет переработан в пряжу. Но, согласно нашему предположению, это требует 12 часов рабочего времени.

Если дана производительность труда, — т. е. то количество потребительной стоимости, которое труд может создать за определенное количество времени, — то количество данных стоимостей, которое он сохраняет, зависит исключительно от его *собственной продолжительности;* другими словами, количество стоимости материала [и] средств, которое сохраняется, зависит исключительно от присоединяемого рабочего времени, т. е. от тех масштабов, в которых создается новая стоимость. Сохранение стоимостей падает и повышается прямо пропорционально падению и повышению присоединения стоимости. Если, с другой стороны, даны материал и средства труда, то сохранение их как стоимостей зависит исключительно от производительности присоединяемого труда, от того, нужно ему больше или меньше времени, чтобы превратить их в новую потребительную стоимость. Следовательно, сохранение данных стоимостей находится здесь в обратном отношении к присоединению стоимости, к производительности труда, т. е. если труд более производителен, то для сохранения данных стоимостей ему требуется меньше рабочего времени; в противоположном случае — наоборот.

{Но вот в результате разделения труда, а еще больше — в результате применения машин здесь возникает своеобразное обстоятельство.

Рабочее время в качестве элемента, субстанции стоимости является *необходимым рабочим временем;* т. е. рабочим временем, требующимся при данных общественных всеобщих условиях производства. Если, например, один час представляет собой рабочее время, необходимое для превращения в пряжу $6^2/_3$ фунта хлопка, то таково время прядильного труда, требующего для своего осуществления определенных условий, стало быть, например, мюль-машины с таким-то количеством веретен, паровой машины во столько-то лошадиных сил, и т. д. Все это оборудование необходимо для того, чтобы в течение одного часа превратить в пряжу $6^2/_3$ фунта хлопка. Однако об этом случае позднее.}

Вернемся теперь к нашему примеру. Итак, мы имеем: $6^2/_3$ фунта хлопка, переработанные в пряжу за один час, стоимость хлопка равна $3^1/_3$ шилл., стоимость использованных веретен и т. д. равна $3^1/_3$ шилл., стоимость, присоединенная [прядильным] трудом, равна $3^1/_3$ шилл. Следовательно, стоимость продукта равна 10 шилл. Так как в хлопке и веретенах воплощены 2 рабочих часа, то каждая из этих стоимостей равна одному рабочему часу. Цена всего продукта в конце часа равна сумме цен, равна 10 шилл., или 3 часам овеществленного рабочего времени, из которых 2 часа, относящиеся к хлопку и веретенам, лишь появляются в продукте вновь, и только один час представляет собой вновь созданную стоимость, или присоединенный труд. В совокупной цене продукта одного рабочего часа цена каждого из факторов составляет $^1/_3$. Следовательно, цена продукта $^1/_3$ рабочего часа равняется цене $^1/_3$ совокупного продукта, т. е. равна цене содержащегося в совокупном продукте труда, или хлопка, или машин, так как каждый из этих трех элементов совокупного продукта конституирует $^1/_3$ его цены. Если, следовательно, труд продолжается $^1/_3$ часа, то продукт равен $1^2/_3$ фунта пряжи * стоимостью в $3^1/_3$ шилл., на которые я мог бы купить хлопок в количестве $6^2/_3$ фунта. Иными словами, цена продукта $^1/_3$ рабочего часа равна цене хлопка, потребленного в течение целого рабочего часа. Цена второй трети равна цене использованных машин. Цена [совокупного] продукта $^1/_3$ рабочего часа равна цене всего присоединенного [в течение одного рабочего часа] труда, как той его части, которая является эквивалентом заработной платы, так и той части, которая конституирует прибавочную стоимость или прибыль.

Фабрикант, следовательно, может считать так: я работаю $^1/_3$ часа, чтобы уплатить цену хлопка, $^1/_3$ часа — чтобы воз-

* При предположении, что из $6^2/_3$ фунта хлопка, перерабатываемых в течение часа, получается 5 фунтов пряжи. *Ред.*

местить цену использованных машин и $^1/_3$ часа, из которой $^1/_6$ возмещает заработную плату, а $^1/_6$ образует прибавочную стоимость. Насколько этот подсчет правилен практически, настолько он абсурден в том случае, если им хотят объяснить действительное образование стоимости (процесс увеличения стоимости) и, следовательно, отношение между необходимым и прибавочным трудом. А именно, здесь вкрадывается нелепое представление, будто $^1/_3$ часа труда создает или возмещает стоимость потребленного хлопка и $^1/_3$ часа труда — стоимость изношенных машин, в то время как $^1/_3$ рабочего часа образует вновь присоединенный труд или вновь созданную стоимость, представляющую собой общий фонд заработной платы и прибыли. На самом же деле это есть лишь тривиальный способ выражать то отношение, в котором данные стоимости хлопка и средств труда вновь появляются в продукте всего рабочего времени (рабочего часа), или то отношение, в котором данные стоимости, овеществленный труд сохраняются в процессе труда путем присоединения одного часа рабочего времени.

Если я говорю: цена продукта $^1/_3$ рабочего часа равна цене хлопка, который перерабатывается в пряжу в течение целого часа, равна, например, цене $6^2/_3$ фунта хлопка, т. е. $3^1/_3$ шилл., то я знаю, что продукт одного рабочего часа равен утроенному продукту $^1/_3$ рабочего часа. Следовательно, если цена продукта $^1/_3$ рабочего часа равна цене хлопка, который перерабатывается в пряжу в течение $^3/_3$, или 1 рабочего часа, то это не означает ничего иного, как то, что цена хлопка равна $^1/_3$ цены совокупного продукта, что в совокупный продукт [одного рабочего часа] входят $6^2/_3$ фунта хлопка, — стало быть, стоимость хлопка появляется вновь и образует $^1/_3$ стоимости совокупного продукта. Так же обстоит дело со стоимостью машин, а также и с [вновь присоединенным] трудом.

Если, следовательно, я говорю: цена продукта $^2/_3$ рабочего времени, в течение которого [II—68] вообще продолжается труд, т. е., к примеру, цена продукта $^2/_3$ рабочего часа равна цене материала и цене машин, израсходованных в течение $^3/_3$, или 1 рабочего часа, то это всего лишь иной способ выражения того, что в цену совокупного продукта рабочего часа на $^2/_3$ входят цены материала труда и средств труда и что, стало быть, присоединенный рабочий час представляет собой лишь $^1/_3$ всей овеществленной в продукте стоимости. Следовательно, то обстоятельство, что *цена продукта* какой-либо части рабочего часа, $^1/_3$ или $^2/_3$ и т. д., равна цене сырого материала, машин и т. д., отнюдь не означает, что в течение $^1/_3$ или $^2/_3$ часа и т. д. цена этого сырого материала, этих машин

производится или же *воспроизводится* в собственном смысле слова, а только то, что цены этих частичных продуктов, т. е. продуктов соответственных частей рабочего времени равны цене сырого материала, [цене машин], и т. д., которые вновь появляются, сохраняются в совокупном продукте.

Нелепость другого представления яснее всего обнаруживается, если рассматривать последнюю третью часть [стоимости совокупного продукта], в которой представлена цена присоединенного труда, присоединенное количество стоимости, т. е. количество вновь овеществленного труда. *Цена продукта* этой последней третьей части [рабочего часа], согласно нашему предположению, равна $1^1/_9$ шилл. в виде хлопка ($^1/_3$ рабочего часа) плюс $1^1/_9$ шилл. в виде машин ($^1/_3$ рабочего часа) плюс $^1/_3$ рабочего часа, которая, однако, присоединена вновь; в целом, следовательно, получается $^3/_3$ рабочего часа, или один рабочий час. Следовательно, эта цена выражает в действительности в виде денег все то рабочее время, которое присоединено к сырому материалу. Согласно же упомянутому путаному представлению, $^1/_3$ рабочего часа была бы представлена в виде $3^1/_3$ шилл., т. е. в виде продукта $^3/_3$ рабочего часа.

Точно так же обстоит дело и с первой третью, где *цена продукта* $^1/_3$ рабочего часа равна цене хлопка. Эта цена состоит из цены $2^2/_9$ фунта хлопка, равной $1^1/_9$ шилл. ($^1/_3$ рабочего часа), цены машин, равной $1^1/_9$ шилл. ($^1/_3$ рабочего часа), и из $^1/_3$ действительно вновь присоединенного труда (то рабочее время, которое как раз и требовалось, чтобы $2^2/_9$ фунта хлопка превратить в пряжу). В целом, следовательно, эта цена равна одному рабочему часу, т. е. $3^1/_3$ шилл. Но такова также и цена хлопка, требующегося для $^3/_3$ рабочего часа. Таким образом, в действительности в этой первой трети, так же как и в каждой последующей трети рабочего часа, стоимость $^2/_3$ рабочего часа (равная $2^2/_9$ шилл.) сохранилась только потому, что X фунтов хлопка было переработано в пряжу, в результате чего стоимость хлопка и использованных машин появляется вновь. В качестве новой стоимости прибавилась лишь $^1/_3$ вновь овеществленного труда.

Но здесь все же создается видимость того, что фабрикант прав, когда он говорит: первые 4 рабочих часа (или первая $^1/_3$ рабочего часа) возмещают мне лишь цену того хлопка, который мне нужен в течение 12 рабочих часов; вторые 4 рабочих часа — лишь цену тех машин, которые я использую в течение 12 рабочих часов; и только последние 4 рабочих часа образуют новую стоимость, одна часть которой возмещает заработную плату, а другая образует прибавочную стоимость, выру-

чаемую мной в результате всего процесса производства. Но фабрикант забывает при этом, что, согласно его предположению, продукт последних 4 часов овеществляет исключительно вновь присоединенное рабочее время, стало быть, 12 рабочих часов, а именно: те 4 рабочих часа, которые воплощены в материале, те 4 рабочих часа, которые воплощены в использованных машинах, наконец, те 4 рабочих часа, которые действительно присоединены вновь; в результате же у него получается, что цена совокупного продукта состоит из 36 рабочих часов, из которых 24 лишь представляют ту стоимость, которой обладали хлопок и машины до того, как они были переработаны в пряжу, а 12 рабочих часов, $^{1}/_{3}$ совокупной цены, представляют вновь присоединенный труд, новую стоимость, в точности равную новому присоединенному труду.}

{То обстоятельство, что, очутившись перед деньгами, рабочий предлагает в качестве товара для продажи свою рабочую силу, предполагает:

1) Что условия труда, предметные условия труда противостоят рабочему как *чужие силы,* как отчужденные условия. Как чужая собственность. Это, в частности, предполагает также землю в качестве земельной собственности, предполагает, что земля противостоит рабочему как чужая собственность. Он — *всего лишь рабочая сила.*

2) Что рабочий относится в качестве [юридического] лица как к отчужденным от него условиям труда, так и к своей собственной рабочей силе; что он, следовательно, распоряжается последней как собственник и не принадлежит сам к предметным условиям труда, т. е. что другие не владеют им самим как орудием труда. Он — *свободный рабочий.*

3) Что предметные условия его труда сами противостоят рабочему всего лишь как *овеществленный труд,* т. е. как стоимость, как деньги и товары; как овеществленный труд, который обменивается с живым трудом только ради того, чтобы себя сохранить и умножить, реализовать свою стоимость, стать бо́льшим количеством денег; как такой овеществленный труд, на который рабочий обменивает свою рабочую силу, чтобы овладеть какой-то частью этого овеществленного труда, коль скоро она состоит из его собственных жизненных средств. Следовательно, предметные условия труда в этом [их] отношении [к труду] выступают только как ставшая *самостоятельной,* прочно обособившаяся и только на свое собственное умножение направленная *стоимость.*

Таким образом, все содержание этого отношения, так же как и способ проявления отчужденных от труда условий труда

*

рабочего существуют [II—69] в их чистой экономической форме, без всякого политического, религиозного и прочего обрамления. Это есть чисто денежное отношение. Отношение между капиталистом и рабочим. Между овеществленным трудом и живой рабочей силой. Не между господином и холопом, священником и мирянином, феодалом и вассалом, мастером и подмастерьем, и т. д. Во всех общественных укладах господствующим классом (или классами) всегда является класс, владеющий предметными условиями труда, носители которых, даже в тех случаях, когда они работают, работают, следовательно, не как рабочие, а как собственники, подчиненным же классом всегда является тот класс, который в качестве рабочей силы сам находится во владении собственников (рабство), или тот, который распоряжается только своей рабочей силой (даже если это происходит, как, например, в Индии, Египте и т. д., таким образом, что они [работники] владеют землей, собственником которой, однако, является король или какая-нибудь каста, и т. д.). Но все эти отношения отличаются от капитала тем, что в них указанное отношение [между трудом и его предметными условиями] вавуалировано, выступает в виде отношения господ к холопам, свободных к рабам, полубогов к простым смертным и т. д. и в качестве такого отношения существует в сознании обеих сторон. Только в капитале с этого отношения сорваны все политические, религиозные и прочие идеальные обрамления. Оно сведено — в сознании обеих сторон — исключительно лишь к отношению купли и продажи. Условия труда противостоят труду как таковые, в обнаженном виде, они противостоят ему как *овеществленный труд, стоимость, деньги,* которые осознают самих себя как всего лишь форму самогó труда и обмениваются с ним только для того, чтобы в качестве *овеществленного труда* сохранить себя и умножить. Следовательно, это отношение в чистом виде выступает исключительно как производственное отношение — как чисто экономическое отношение. А в той мере, в какой отношения господства снова развиваются на этом [капиталистическом] базисе, они, как известно, проистекают исключительно из того отношения, в котором покупатель, представитель условий труда, противостоит продавцу, владельцу рабочей силы.}

Итак, вернемся теперь снова к вопросу о наемном труде.

Мы видели, что в процессе труда — следовательно, в процессе производства, в той мере, в какой он является производством потребительной стоимости, осуществлением труда как целесообразной деятельности, — стоимости материала труда и средства труда существуют отнюдь не для самогó труда.

Они существуют лишь как предметные условия осуществления труда, как предметные факторы труда и как таковые потребляются им. То обстоятельство, что меновые стоимости материала труда и средства труда не входят в процесс труда как таковой, означает, иными словами, только то, что материал труда и средство труда входят в процесс труда не в качестве товаров. Машина служит как машина, хлопок как хлопок, но ни та, ни другой не оказывают здесь свои услуги той своей стороной, с которой они представляют собой определенное количество общественного труда. Напротив, в качестве материализации этого общественного труда их потребительная стоимость в них погашена, они представляют собой деньги. В самом деле, существуют же такие процессы труда, в которых материал ничего не стоит, например рыба в море, уголь в шахте.

Однако было бы ошибочным делать отсюда вывод, будто то свойство материала и машин, в силу которого они суть товары, вообще не имеет никакого отношения к процессу производства, ибо этот последний представляет собой производство не только потребительной стоимости, но также и меновой стоимости, не только продукта, но также и товара; иначе говоря, его продукт является не просто потребительной стоимостью, а потребительной стоимостью определенной меновой стоимости, последняя же частично определена теми меновыми стоимостями, которыми материал труда и средство труда сами обладают как товары. Они входят в процесс производства в качестве товаров; в противном случае, они не смогли бы выйти из него в качестве таковых. Следовательно, если бы кто-нибудь захотел сказать, что стоимости материала труда и средства труда не касаются процесса производства, что они не касаются его в качестве товаров, так как они фигурируют в процессе труда не как товары, а как всего лишь потребительные стоимости, то это было бы то же самое, как если бы кто-нибудь утверждал, что для процесса производства, мол, безразлично, что он является не только процессом труда, но одновременно и процессом увеличения стоимости; а это утверждение опять-таки сводится к тому, что целью процесса производства является, мол, потребление его продуктов самими производителями. Это противоречит предпосылке. Но также и в том случае, если иметь в виду только процесс увеличения стоимости, стоимости материала труда и средства труда не являются производительными, так как они лишь вновь появляются в [стоимости] продукта, лишь сохраняются в ней.

Перейдем теперь к заработной плате или к цене рабочей силы. Цена рабочей силы или заработная плата *не является*

производительной, если под словом «производительная» подразумевать то, что она должна входить в качестве элемента в процесс труда как таковой. То, что производит потребительную стоимость, целесообразно использует материал труда и средство труда, это — сам рабочий, человек, приводящий в действие свою рабочую силу, а не та цена, по которой он продал свою рабочую силу. Иными словами, коль скоро рабочий входит в процесс труда, он входит в него как деятельность, как энергия его рабочей силы — как труд. Но тут могут [II—70] сказать: «Заработная плата сводится к жизненным средствам, которые необходимы для того, чтобы рабочий мог жить в качестве рабочего, чтобы он сохранял себя как живую рабочую силу, короче, чтобы он поддерживал свою жизнь в период труда. Так же как в процесс труда входят уголь, смазочное масло и т. д., потребляемые машиной, таким же образом в процесс труда входят жизненные средства, поддерживающие рабочего как рабочего в движении. Издержки на его содержание в период труда в таком же смысле являются моментом процесса труда, как и потребляемые машиной и т. д. вспомогательные материалы». Однако также и здесь — в случае с машиной — уголь, смазочное масло и т. д., одним словом, вспомогательные материалы входят в процесс труда только как потребительные стоимости. Их цены не имеют с этим процессом ничего общего. Стало быть, не так ли обстоит дело и с ценой жизненных средств рабочего, с заработной платой?

Этот вопрос имеет здесь только такое значение:

Следует ли те жизненные средства, которые потребляет рабочий и которые, следовательно, образуют издержки на его содержание в качестве рабочего, — рассматривать таким образом, что капитал сам потребляет их как момент своего процесса производства (так же как он потребляет вспомогательные материалы)? Фактически это, конечно, имеет место. Однако первый акт всегда остается актом обмена.

Спорным вопросом у экономистов является следующий: образуют ли те жизненные средства, которые потребляет рабочий и которые представлены ценой его труда, заработной платой, часть капитала в таком же смысле, как и средства труда? (Как материал и средства труда.) Прежде всего, надо отметить, что средства труда являются также и жизненными средствами, так как предполагается, что индивиды противостоят друг другу только как товаровладельцы — будь то в форме покупателя или продавца. Следовательно, те, у кого нет средств труда, лишены и товара для обмена (предполагается также, что о производстве для собственного потребления не может быть

и речи; что продукт, о котором вообще идет речь, является товаром), стало быть, лишены и жизненных средств, которые можно было бы получить в обмен. С другой стороны, прямые жизненные средства точно так же являются и средствами труда, так как для того чтобы работать, рабочий должен жить, а для того чтобы жить, он должен ежедневно потреблять столько-то жизненных средств.

Следовательно, рабочая сила, которая беспредметно, как всего лишь рабочая сила, противостоит вещественным условиям своего осуществления, своей действительности, — точно так же противостоит и жизненным средствам как средствам труда, иначе говоря, и те, и другие одинаково противостоят рабочей силе как *капитал.* Правда, капитал представляет собой деньги, самостоятельное бытие меновой стоимости, овеществленный всеобщий общественный труд. Но это лишь форма капитала. Как только ему предстоит осуществить себя в качестве капитала, — а именно, в качестве сохраняющей и умножающей себя стоимости, — он должен превратиться в условия труда, иными словами, эти последние образуют его вещественное бытие, те реальные потребительные стоимости, в которых капитал существует в качестве меновой стоимости. Однако главным условием процесса труда является сам рабочий, т. е. по существу та составная часть капитала, которая покупает рабочую силу. Если бы на рынке не было жизненных средств, то для капитала не было бы никакого смысла оплачивать рабочего деньгами. Деньги представляют собой лишь получаемый рабочим чек на определенное количество находящихся на рынке жизненных средств. Следовательно, капиталист δυνάμει* обладает этими жизненными средствами, и они образуют составную часть его власти. Впрочем, если бы не было никакого капиталистического производства, то средства на содержание работников (первоначально природа доставляет их даром) по-прежнему оставались бы столь же необходимыми условиями процесса труда, как материал труда и средство труда. Однако [в условиях капиталистического производства] все предметные моменты, в которых вообще труд нуждается для своего осуществления, выступают как отчужденные от труда, находящиеся на стороне капитала предметные моменты: жизненные средства не в меньшей степени, чем средства труда.

Росси [36] и другие хотят сказать или говорят в действительности — хотят они этого или нет — собственно только то, что *наемный труд* как таковой не является необходимым условием

---

* — в возможности, потенциально. *Ред.*

процесса труда. Они только забывают при этом, что то же самое тогда следует сказать и о *капитале*.

{Здесь же (в добавлениях *) следует также подробнее остановиться на бессмыслице Сэя по поводу того, что один и тот же капитал — однако в данном случае он имеет в виду стоимость — потребляется *дважды*, производительно — для капиталиста, непроизводительно — для рабочего.}

{*Собственность на орудие труда* характерна для цеховой промышленности, или для средневековой формы труда.}

Итак, *капиталистическим производством* мы называем такой общественный способ производства, при котором процесс производства подчинен капиталу, т. е. который основывается на отношении между капиталом и наемным трудом, и притом так, что это является определяющим, господствующим способом производства.

Рабочий проделывает форму обращения *Т — Д — Т*. Он продает, для того чтобы купить. Он обменивает свою рабочую силу на деньги, чтобы деньги обменять на товары, — коль скоро они представляют собой потребительные стоимости, жизненные средства. Целью является индивидуальное потребление. Сообразно природе простого обращения, рабочий может бережливостью и особым усердием продвинуться самое большее до образования сокровища, но он не может создать богатство. Напротив, капиталист проделывает форму *Д—Т—Д*. Он покупает, для того чтобы продать. Целью этого [II—71] движения является меновая стоимость, т. е. обогащение.

Под наемным трудом мы подразумеваем только тот свободный труд, который обменивает себя на капитал, превращается в капитал и увеличивает его стоимость. Все так называемые *услуги* отсюда исключены. Каков бы ни был вообще их характер, деньги на них расходуются, но не авансируются. Деньги в данном случае всегда представляют собой меновую стоимость лишь в качестве мимолетной формы, предназначенной для того, чтобы завладеть какой-нибудь потребительной стоимостью. Так же как купля товаров для потребления (но не для потребления их посредством труда) не имеет отношения к производительному потреблению (производительному с капиталистической точки зрения), точно так же не имеют к нему отношения и те услуги, которые капиталист потребляет как частное лицо, вне процесса производства товаров. Как бы ни были они полезны и т. д. Их содержание здесь совершенно безразлично. Сами услуги, коль скоро они оцениваются экономически,

* См. ниже, стр. 150—152. *Ред.*

на основе капиталистического производства оцениваются, естественно, иначе, чем при других производственных отношениях. Однако исследование этого вопроса будет возможно только тогда, когда будут выяснены основные факторы самого̀ капиталистического производства.

Во всех видах услуг — пусть даже они сами непосредственно создают товары: например, портной, который мне шьет или изготовляет брюки, или солдат, который меня защищает, точно так же судья и т. д., или музыкант, игру которого я покупаю, чтобы доставить себе эстетическое наслаждение, или врач, которого я покупаю для того, чтобы он мне вправил ногу, — дело всегда идет лишь о вещественном содержании труда, о его полезности, в то время как то обстоятельство, что он является трудом, мне совершенно безразлично. В случае же наемного труда, создающего капитал, мне действительно безразлично содержание этого труда. Любой определенный вид труда имеет для меня значение лишь в той мере, в какой он является общественным трудом вообще, а следовательно, субстанцией меновой стоимости, деньгами. Поэтому названные выше работники, оказывающие услуги, от проститутки до папы, никогда не используются в непосредственном процессе производства. {Впрочем, подробности о «производительном труде» лучше перенести в отдел «Капитал и труд».} Посредством купли одного вида труда я делаю деньги, посредством купли другого я деньги расходую. Один вид труда обогащает, другой делает беднее. Возможно, что последний сам является одним из условий для делания денег, как, например, труд полицейских, судей, солдат, палачей. Но в этом случае он всегда выступает лишь как «отягчающее обстоятельство» и не имеет ничего общего с непосредственным процессом [производства].

Мы исходили из обращения, для того чтобы прийти к капиталистическому производству. Таков также и ход *исторического* развития, и поэтому развитие капиталистического производства в каждой стране уже предполагает развитие торговли на иной, более ранней производственной основе. {Об этом следует сказать несколько подробнее.}

А теперь мы должны перейти к более подробному рассмотрению *прибавочной стоимости*. При этом обнаружится, что когда производство прибавочной стоимости становится истинной целью производства, иными словами, когда производство становится капиталистическим производством, первоначально всего лишь формальное подчинение процесса труда капиталу, подчинение живого труда овеществленному, теперешнего труда прошлому, существенно модифицирует способ самого̀ процесса

труда. Следовательно, капиталистическому отношению, — для того чтобы оно выступило в развитом виде, — соответствуют также определенный способ производства и определенная ступень развития производительных сил.

{При оказании мне услуги я, правда, тоже потребляю рабочую силу лица, оказывающего услугу, но не из-за того, что потребительной стоимостью этой рабочей силы является труд, а из-за того, что этот труд обладает определенной потребительной стоимостью.}

ДОБАВЛЕНИЯ

В «An Inquiry into those Principles, respecting the Nature of Demand and the Necessity of Consumption, lately advocated by Mr. Malthus» etc. London, 1821, относительно высказываний Сэя в его «Lettres à M. Malthus» (Paris-Londres, 1820, стр. 36), говорится следующее:

«Эта аффектированная манера болтовни и составляет большей частью то, что г-н Сэй называет своей *доктриной*... «Если кое-что в этих положениях», — говорит он на стр. 36, обращаясь к Мальтусу, — «покажется вам парадоксальным, вглядитесь в те *вещи*, которые ими выражаются, и я смею думать, что они покажутся чрезвычайно простыми и понятными». Без сомнения; но, вместе с тем, то, что мы увидим в результате этого процесса, отнюдь не покажется нам ни оригинальным, ни значительным. «Ручаюсь, что без этого анализа», [— продолжает Сэй, —] «вы не сможете объяснить всю совокупность *фактов*, например, объяснить, каким образом *один и тот же* [II—72] *капитал потребляется дважды: производительно* — предпринимателем и непроизводительно — его рабочим». Видимо, фантастическую манеру выражаться «во многих местах Европы» условились называть *фактом*» (стр. 110, примечание XI).

Суть дела здесь заключается в том, что процесс обмена, в данном случае куплю, Сэй называет *потреблением* денег, которые продаются.

Если капиталист покупает за 100 талеров труд, то Сэй полагает, что эти 100 талеров потреблены дважды: производительно — капиталистом, непроизводительно — рабочим. Если капиталист обменивает 100 талеров на рабочую силу, то эти 100 талеров он не потребил ни производительно, ни непроизводительно, хотя и израсходовал их с «производительной» целью. Он не сделал ничего иного, кроме того, что превратил их из формы денег в форму товара, и именно этот товар, который он купил за деньги, — рабочую силу — он потребил производительно. Он мог бы потребить ее и непроизводительно, если бы он использовал рабочих для того, чтобы они доставляли ему потребительные стоимости для его собственного потребления, т. е. если бы он использовал их как лиц, оказывающих

услуги. Как раз посредством этого обмена с рабочей силой деньги только и становятся капиталом; *в качестве* капитала деньги не *потребляются,* а, наоборот, производятся, сохраняются, утверждаются.

С другой стороны, и рабочий потребляет не капитал; деньги в его руках как раз перестали быть капиталом и являются для него лишь средством обращения (разумеется, вместе с тем деньги, как всякое средство обращения, на которое обменивается товар, являются также бытием принадлежащего рабочему товара в форме меновой стоимости, которая, однако, является здесь и должна являться лишь мимолетной формой, для того чтобы в обмен на нее можно было получить жизненные средства). Рабочая сила, коль скоро она потребляется, превращается в капитал; деньги капиталиста, коль скоро они потребляются рабочим, превращаются в жизненные средства для него и перестали быть капиталом или составной частью капитала (δυνάμει*), как только они перешли из рук капиталиста в руки рабочего.

Однако в основе сэевского вздора лежит, собственно говоря, следующее: он полагает, что одна и та же стоимость (капитал у него не что иное, как некоторая *сумма стоимости*) потребляется дважды: один раз — капиталистом, другой раз — рабочим. Он забывает о том, что здесь обмениваются два товара одинаковой стоимости, что в сделке участвуют не одна, а две стоимости: на одной стороне — деньги, на другой — товар *(рабочая сила).* То, что рабочий потребляет непроизводительно (т. е. не создавая себе богатства в результате такого потребления), — это его собственная рабочая сила (не деньги капиталиста); то, что потребляет производительно капиталист, — это не его деньги, а рабочая сила рабочего. Процесс потребления опосредствован на обеих сторонах обменом. При каждой купле или продаже, где целью покупателя является индивидуальное потребление товара, а целью продавца — производство, *одна и та же* стоимость потреблялась бы, по Сэю, дважды: производительно — продавцом, превращающим свой товар в деньги (в меновую стоимость), и непроизводительно — покупателем, отдающим свои деньги для удовлетворения преходящих нужд. Однако в сделке здесь участвуют два товара и две стоимости.

Слова Сэя могли бы иметь только тот смысл, которого он им не придает, а именно, что капиталист дважды потребляет производительно одну и ту же стоимость: во-первых, посредством производительного потребления им рабочей силы и,

---

* — в возможности, потенциально. *Ред.*

во-вторых, посредством непроизводительного потребления рабочим его денег, результатом чего является воспроизводство рабочей силы, т. е. воспроизводство того отношения, на котором основывается действие капитала в качестве капитала.

Впрочем, Мальтус правильно нащупывает последний пункт.

{Потребление [производительно], поскольку оно для рабочего вообще является условием того, чтобы он работал, т. е. производил для капиталиста — в этом суть мысли Мальтуса.}

«Он» (рабочий) «является *производительным потребителем для лица, применяющего его,* и для государства, но, строго говоря, не для самого себя» (*Malthus.* Definitions in Political Economy. Edited by John Cazenove. London, 1853, стр. 30).

Рамсей [37] заявляет, что та часть капитала, которая превращается в заработную плату, якобы не представляет собой *необходимой* части капитала, а образует ее лишь *случайно,* из-за «плачевной» бедности рабочих. Дело в том, что под основным капиталом он понимает материал труда и средства труда, а под оборотным капиталом — жизненные средства рабочего. Вот что он говорит об этом:

«Оборотный капитал состоит исключительно из продуктов питания и других предметов необходимости, авансируемых рабочим до завершения продукта их труда» (*George Ramsay.* An Essay on the Distribution of Wealth. Edinburgh, 1836, стр. 23).

«Только основной капитал, а не оборотный, является, строго говоря, источником национального богатства» (там же).

«Если бы мы предположили, что рабочие не оплачиваются до завершения продукта их труда, то не было бы никакой надобности [II—73] в оборотном капитале» [там же, стр. 24].

(Разве это означает что-нибудь иное, кроме того, что одно из предметных условий труда — жизненные средства — не принимает форму капитала? Здесь уже содержится признание того, что эти предметные условия производства *как таковые* не являются капиталом, что они становятся капиталом лишь как выражение некоторого определенного общественного производственного отношения.)

(Жизненные средства не могут перестать быть жизненными средствами; точно так же не могут они перестать быть необходимым условием производства; но они могут перестать быть *капиталом.*)

«Производство велось бы в тех же размерах. Это доказывает, что *оборотный капитал* не является *непосредственным фактором* производства и *даже вообще не имеет для него существенного значения,* а представляет собой *лишь ухищрение, сделавшееся необходимым вследствие плачевной бедности основной массы народа»* (там же).

Иными словами, это означает следующее: наемный труд является не абсолютной, а лишь исторической формой труда. Для производства не является необходимым, чтобы жизненные средства рабочего противостояли ему в отчужденной форме в качестве *капитала.* Но то же самое относится также и к другим элементам капитала, и к капиталу вообще. Наоборот, если бы одна эта часть капитала не приняла форму капитала, то ее не приняла бы и другая часть, так как не имело бы места все то отношение, посредством которого деньги становятся капиталом, или условия труда противостоят труду как самостоятельная сила. Поэтому то, что образует существенную форму капитала, представляется Рамсею как «лишь ухищрение, сделавшееся необходимым вследствие плачевной бедности основной массы народа». Жизненные средства становятся капиталом в результате того, что они «*авансируются* рабочим». Еще более рельефно мысль Рамсея выражена в следующем положении:

«С точки зрения нации один лишь основной капитал» (материал труда и средство труда) «образует *элемент издержек производства*» (там же, стр. 26).

Издержками производства — *авансированными деньгами,* которые авансируются с целью получить большее количество денег и представляют собой всего лишь средство для того, чтобы делать деньги, — является для капиталиста заработная плата, т. е. та цена, которую он платит за рабочую силу. Если бы рабочий был не рабочим, а работающим собственником, то жизненные средства, потребляемые им до завершения продукта своего труда, не представлялись бы ему как *издержки производства* в этом смысле, так как, наоборот, весь процесс производства представлялся бы ему лишь как средство для производства его жизненных средств. Рамсей же полагает, что материал труда и средства труда, те продукты, которые должны быть использованы, потреблены, для того чтобы произвести новые продукты, являются необходимыми условиями процесса производства и всегда должны в него входить не только с точки зрения капиталиста, но и с точки зрения нации, т. е., по его мысли, с такой точки зрения, где речь идет о производстве для общества, а не для определенных классов общества. Следовательно, *капитал* выступает здесь у Рамсея как всего лишь предметные условия процесса труда вообще и не выражает абсолютно никакого общественного отношения, представляет собой лишь иное наименование для тех *вещей,* которые требуются в любом процессе производства, какую бы общественную форму он ни имел; согласно этому взгляду, капитал

является лишь вещью, определенной с технологической точки зрения. Тем самым исчезло как раз то, что делает его капиталом. С таким же успехом Рамсей мог бы сказать: то обстоятельство, что средства производства выступают как самодовлеющая стоимость, как самостоятельные силы, противостоящие труду, представляет собой всего лишь «ухищрение». Если бы они были общественной собственностью рабочих, то не существовало бы никакой надобности в «основном капитале», а производство оставалось бы по-прежнему тем же самым.

{Хотя процесс увеличения стоимости в действительности представляет собой не что иное, как процесс труда в определенной общественной форме, т. е. хотя он является всего лишь определенной общественной формой процесса труда, а не, скажем, двумя различными действительными процессами, является *одним и тем же* процессом, рассматриваемым один раз со стороны его содержания, другой раз со стороны его формы, — тем не менее мы уже видели, что отношение между различными факторами процесса труда приобретает в процессе увеличения стоимости новые определения. Здесь следует отметить еще один момент (который будет важен в дальнейшем, при рассмотрении обращения, при определении основного капитала и т. д.). Средство производства, например орудие, машина, постройка и т. д., применяется в процессе труда целиком, но, за исключением так называемых вспомогательных материалов, оно лишь в исключительных случаях *потребляется* в том же самом (сразу), в одном-единственном (однократном) процессе труда. Оно служит в повторяющихся процессах одного и того же рода. В процесс же увеличения стоимости оно входит [II—74] лишь в той мере, или — что то же самое — оно вновь появляется в качестве составной части стоимости продукта лишь в той мере, в какой оно потреблено в *процессе труда.*}

Подобно Рамсею рассуждает *Росси*. Прежде всего в XXVII лекции своего «Курса политической экономии» [38] он дает общее определение капитала:

«Капитал представляет собой ту часть *произведенного* богатства, которая *предназначена* для воспроизводства» (стр. 364).

Однако это относится к капиталу лишь в той мере, в какой он является потребительной стоимостью, относится к его *вещественному* содержанию, а не к его форме. Поэтому нет ничего удивительного в том, что тот же Росси определяет фонд жизненных средств — ту составную часть капитала, которая обменивается на рабочую силу и которая может быть объяснена только из формы капитала, — как не необходимую, вообще

не *входящую в понятие* капитала составную часть капитала, т. е., с одной стороны, он объявляет *капитал* необходимым фактором производства, а с другой стороны, объявляет *наемный труд* не необходимым фактором производства или производственным отношением. Собственно говоря, под капиталом Росси понимает лишь «*орудие производства*». Правда, по его мнению, можно было бы провести различие между капиталом-орудием и капиталом-материалом, однако он полагает, что экономисты, собственно говоря, неправомерно называют сырые материалы капиталом, так как

«является ли» (сырье) «действительно орудием производства? Не является ли оно скорее тем объектом, на который должны воздействовать орудия производства?» (там же, стр. 367).

После этого он заявляет:

«*Орудие производства,* т. е. такой материал, который воздействует на самого себя, который является одновременно объектом и субъектом, пассивной и активной стороной» (там же, стр. 372).

На этой же 372-й странице Росси без обиняков называет капитал всего лишь «*средством производства*». Что же касается полемики Росси против того, что *фонд жизненных средств* образует часть капитала, то здесь следует различать два момента, или, вернее, он смешивает два момента.

Во-первых, он не рассматривает наемный труд вообще — тот факт, что капиталист авансирует заработную плату — как необходимую форму производства, иными словами, он не рассматривает наемный труд как необходимую форму труда; при этом Росси лишь забывает, что *капитал* не является необходимой, т. е. абсолютной, а, наоборот, является лишь определенной исторической формой условия труда или производства. Другими словами: процесс труда может иметь место, не будучи подчиненным капиталу; он не предполагает с необходимостью эту определенную социальную форму; процесс производства как таковой не обязательно является капиталистическим процессом производства. Здесь Росси, однако, снова совершает ошибку, рассматривая покупку рабочей силы капиталом не как нечто *существенное* для наемного труда, а как нечто случайное. Для производства требуются условия производства, но отнюдь не *капитал,* т. е. не то отношение, которое проистекает из присвоения этих условий производства особым классом и из существования рабочей силы в качестве товара. Глупость Росси заключается в том, что наемный труд или даже самостоятельная форма капитала им признаются, а конституирующее наемный

труд отношение этого труда к капиталу игнорируется. Сказать, что *капитал* не является необходимой формой общественного производства, значит только сказать, что *наемный труд* является лишь преходящей, исторической формой общественного труда.

Капиталистическое производство не только предполагает для своего возникновения исторический процесс отделения работников от условий труда; капиталистическое производство *воспроизводит это отношение во все более широком масштабе* и обостряет его. Этот процесс, обнаруживающийся уже при рассмотрении общего понятия капитала, позднее выявится отчетливее при рассмотрении конкуренции, которая существенным образом способствует этому отделению (концентрация и т. д.). В действительном процессе производства те предметы, из которых состоит капитал, противостоят рабочему не как капитал, а как материал труда и средства труда. Рабочий, разумеется, осознаёт, что они являются чужой собственностью и т. д., являются капиталом. Однако то же самое относится также и к *проданному* рабочим труду, который принадлежит не ему, а капиталисту.

[II—75] *Во-вторых,* однако, в полемике Росси проглядывает еще и другой момент.

(Первым моментом был обмен денег на рабочую силу. Росси прав в том, что эту операцию он объявляет не необходимой для производства вообще. Он неправ в том, что это отношение, без которого вообще не существовало бы капиталистического производства, он рассматривает как несущественный, случайный момент последнего.)

А именно, как мы видели, сначала рабочий продает свою рабочую силу, т. е. временное распоряжение ею. В этом акте содержится то, что рабочий выменивает жизненные средства, необходимые для того, чтобы вообще сохранить его как рабочего и, в особенности, для того, чтобы он имел жизненные средства «во время самого процесса производства». Это предположено для того, чтобы он в качестве рабочего вошел в процесс производства и во время этого процесса приводил в действие, реализовал свою рабочую силу. Как мы видели, Росси понимает под капиталом не что иное, как средства производства (материал, орудие), требующиеся для изготовления нового продукта. Спрашивается, относятся ли сюда жизненные средства рабочего так же, как, скажем, потребляемые машиной уголь, смазочное масло и т. д. или как корм, съедаемый скотом? Словом, как вспомогательные материалы. Относятся ли сюда также и жизненные средства рабочего? Если взять раба, то нет сомнения в том, что его жизненные средства должны быть

причислены к вспомогательным материалам, так как он представляет собой всего лишь орудие производства, а стало быть, то, что он потребляет, является всего лишь вспомогательным материалом. (Этим, как уже было замечено ранее, подтверждается то, что цена труда (заработная плата), так же как и цена материала труда и цена средства труда, не входит в непосредственный процесс труда; хотя все эти три цены, пусть даже и различным образом, входят в процесс увеличения стоимости.)

Чтобы ответить на поставленный вопрос, его, в свою очередь, необходимо расчленить на два вопроса: *во-первых,* необходимо рассмотреть процесс труда как таковой, независимо от капитала, ибо те, кто ставит указанный вопрос, называют при этом капиталом моменты процесса труда как такового; *во-вторых,* необходимо поставить вопрос о том, в какой мере меняется дело, когда процесс труда подчиняется капиталу.

Итак, во-первых. Если мы рассматриваем процесс труда как таковой, то его предметные условия, материал труда и средства труда, являются лишь предметными условиями самого труда как целесообразной деятельности человека, направленной на производство какой-либо потребительной стоимости. Работник относится к предметным условиям своего труда в качестве субъекта. Конечно, для того чтобы он мог пустить в ход свою рабочую силу, он предположен в качестве работника, предположены, следовательно, также и те жизненные средства, которые необходимы для поддержания его существования, для развития его рабочей силы [Arbeitskraft]. Но эти жизненные средства не входят как таковые в процесс производства.

Работник входит в процесс труда как работающий собственник. Если же различные моменты процесса труда рассматриваются по отношению к его результату, к продукту, то отношение меняется. По отношению к продукту все три момента процесса труда выступают как моменты опосредствования продукта, т. е. как средства производства. Материал производства, орудие производства и сама производительная деятельность — все эти моменты являются средствами для создания продукта, т. е. средствами производства. Средства для содержания машины (смазочное масло, уголь и т. д.), совершенно отвлекаясь от их *цены,* образуют здесь часть средств производства, но точно так же являются частью средств производства и средства для содержания работника во время самого процесса производства. Но работающий собственник всегда будет рассматривать продукт как таковой лишь в качестве жизненных средств, а не свои жизненные средства как предпосылки для производства продукта. Однако способ рассмотрения ничего не меняет в существе

дела. Та доля жизненных средств, которую он должен потребить в качестве работника, без которой его рабочая сила вообще не может действовать как таковая, так же необходима для процесса производства, как уголь и смазочное масло, потребляемые машиной. В этом смысле фонд потребления общества составляет некоторую часть его средств производства (при дальнейшем рассмотрении этот момент снова исчезает, коль скоро совокупный процесс производства выступает только как процесс воспроизводства самого̀ общества или самого̀ общественного человека), и потребление работника внутри этих границ экономически не отличается от потребления рабочей лошади или машины.

Таким образом, та часть капитала, которая оплачивает рабочую силу, т. е. образует заработную плату, входит в непосредственный процесс производства в той мере, в какой потребляемые рабочим жизненные средства потребляются и должны потребляться непосредственно в самом процессе производства. Но также и та часть израсходованного таким образом капитала, которая не входит непосредственно в процесс производства, образует часть капитала до того, как она обменена на рабочую силу, и это является необходимой предпосылкой для образования капиталистического отношения.

[II—76] Капиталист оплатил рабочую силу. Наиболее значительная часть тех жизненных средств, которые таким путем получают рабочие, расходуется, и при этом с необходимостью расходуется, во время самого процесса труда. Если бы рабочие были рабами, капиталист должен был бы авансировать им эту часть своего капитала просто в качестве вспомогательных материалов. Здесь [в капиталистическом обществе] эту функцию выполняет за него рабочий. Рабочий для него — всего лишь фактор производства, а потребляемые рабочим жизненные средства — всего лишь уголь и смазочное масло, необходимые для того, чтобы не давать останавливаться этим факторам производства. Такова точка зрения капиталиста, сообразно которой он и действует. Если бык или машина — более дешевый фактор производства, то рабочий заменяется ими. Экономически эта точка зрения ошибочна в той мере, в какой к сущности наемного труда принадлежит различие между двумя процессами: 1) обменом денег на рабочую силу; 2) процессом потребления этой рабочей силы, т. е. процессом труда (процессом производства).

Мы должны теперь несколько детальнее рассмотреть критические замечания Росси, не возвращаясь к рассмотренному выше случаю (обозначенному номером 2).

В связи с этим находится еще следующее высказывание Росси:

«Тот, кто рассматривает *экономическую науку только с точки зрения предпринимателей* и кто принимает во внимание только чистый и годный для обмена продукт, который может обеспечить себе каждый предприниматель, тот действительно не должен усматривать разницы между человеком, быком и паровой машиной; на его взгляд, существует лишь один вопрос, достойный серьезного внимания: это вопрос о себестоимости, вопрос о том, чтобы знать, во сколько обойдется предпринимателю требующийся ему пар, бык или рабочий» (*Rossi*. De la Méthode en Économie Politique etc. В книге: «Économie Politique. Recueil de Monographies» etc. Année 1844. T. I. Bruxelles, 1844, стр. 83).

Отсюда, по-видимому, следует, что «точка зрения предпринимателей», т. е. капиталистов, во всяком случае является существенным моментом при рассмотрении капиталистического производства. Но это касается отношения между капиталом и трудом.

Однако то, на что мы в основном должны обратить внимание у г-на Росси, — это то, как он, с одной стороны, признает, что *наемный труд*, а следовательно, и капиталистическое производство не являются необходимой (абсолютной) формой труда и производства, и как он, [с другой стороны,] снова отрекается от этого признания, а в общем и целом — остается далеким, как небо от земли, от всякого исторического понимания.

Первое возражение Росси заключается в следующем:

«Если рабочий живет на свой доход, если он живет на вознаграждение за свой труд, то как вы хотите, чтобы одна и та же вещь дважды фигурировала в *феномене производства*, в расчете *производительных сил*, один раз как *вознаграждение за труд* и другой раз как *капитал?*» («Cours d'économie politique», стр. 369).

Прежде всего здесь следует заметить, что, будучи выражено в общей форме, высказывание Росси означает следующее. Заработная плата выступает дважды: один раз — как производственное отношение, другой раз — как отношение распределения. Это Росси считает неправильным и в этом смысле справедливо выступает против экономистов, коль скоро две различных формы, в которых выступает *одно и то же*, они рассматривают как два независимых друг от друга отношения, не имеющих между собой ничего общего. Мы к этому предмету вернемся и покажем в общем виде, что производственное отношение является отношением распределения, и vice versa *. Но, далее, заработная плата может входить в «феномен производства», т. е. представлять собой производственное отношение, не входя

* — наоборот. *Ред.*

в *«расчет производительных сил»*, если г-н Росси под «производительной силой» понимает не развитие производительных сил, поскольку оно обусловлено данным производственным отношением, а понимает под этим не что иное, как моменты, принадлежащие процессу труда вообще или процессу производства вообще как таковому — вне зависимости от какой-либо определенной общественной формы.

С другой стороны: фонд жизненных средств до тех пор образует составную часть капитала, пока он еще не *обменен* на рабочую силу. Однако этот обмен не имел бы места, если бы фонд жизненных средств уже *до* обмена не являлся составной частью капитала. Будучи обмененным, он перестает быть капиталом и становится доходом. В самый процесс производства (в непосредственный процесс производства) в действительности входит не заработная плата, а только рабочая сила. Если я произвел зерно, то до тех пор, пока я его не продал, оно образует часть моего капитала. [После продажи] оно образует доход потребителя. (По крайней мере, может образовать этот доход, если покупатель использует зерно для индивидуального потребления, а не для производства.) Однако в действительности фонд жизненных средств, [II—77] также и после того как рабочий получил его в качестве дохода и в качестве дохода потребил, — продолжает быть *«производительной силой капитала»*, так как воспроизводство рабочего представляет собой воспроизводство главной производительной силы капитала.

«Говорят, что оплата рабочего есть капитал, так как капиталист *авансирует* ее рабочему. Если бы существовали только такие рабочие семьи, которым хватало бы средств на то, чтобы прожить год, то *не* существовало бы *заработной платы*. Рабочий мог бы сказать капиталисту: ты авансируешь капитал для общего дела, я вношу труд; мы распределим продукт в определенных пропорциях. Как только продукт будет реализован, каждый возьмет свою часть. Тогда не существовало бы никаких *затрат* на рабочих. Рабочие продолжали бы потреблять даже и в том случае, если бы работа приостановилась. То, что они потребляли бы, относится к фонду потребления, к нему, не к капиталу. Следовательно: затраты на рабочих вовсе не *необходимы*. Стало быть, *заработная плата не является составным элементом производства. Она представляет собой лишь нечто случайное, одну из форм нашего общественного строя*. Напротив, капитал, труд, земля необходимы для производства. *Во-вторых,* заработная плата фигурирует при этом дважды: говорят, что заработная плата — это капитал, но что̀ она представляет? Труд. Кто говорит «заработная плата», говорит «труд» и vice versa *. Стало быть, если авансированная заработная плата есть часть капитала, то следовало бы говорить только о двух орудиях производства: о капитале и о земле» (там же, стр. 369—370).

---

* — наоборот, *Ред.*

Полагая, что «если бы рабочий был обеспечен жизненными средствами на год, то капиталисту незачем было бы ему их авансировать», Росси с таким же успехом мог бы продолжить: «если бы рабочий был обеспечен материалом труда или средствами труда на год, то для [применения] этих условий труда ему не понадобилось бы вмешательство капиталиста. Следовательно, то обстоятельство, что «материал труда и средства труда» выступают как капитал, *не* является *составным элементом производства». «Это обстоятельство представляет собой лишь нечто случайное, одну из форм нашего общественного строя»*, которая превращает материал труда и средства труда в капитал. Они по-прежнему принадлежали бы к «производственному фонду», но отнюдь не к капиталу. Капитала не существовало бы вообще.

Если определенная форма, превращающая труд в *наемный труд,* представляет собой некое случайное социальное явление, исторически определенную социальную форму труда, то такое случайное социальное явление представляет собой также и форма, превращающая предметные условия труда в *капитал* или превращающая в капитал *условия производства.* И именно одно и то же случайное социальное явление превращает труд в *наемный труд,* а условия производства — в *капитал.* Действительно, если бы рабочие владели хотя бы только одним этим условием производства — жизненными средствами на год вперед, — то их труд не был бы наемным трудом, и они владели бы всеми *условиями производства.* Ведь им нужно было бы только продать часть этих избыточных жизненных средств, для того чтобы купить взамен средства производства (материал и орудие) и производить товар самим. Итак, то, что г-н Росси стремится здесь уяснить себе и все же уясняет не вполне, — это то, что хотя определенная общественная форма производства и может быть *исторической* необходимостью, она из-за этого еще не является *абсолютной* необходимостью и, следовательно, не может быть охарактеризована как вечное, неизменное условие производства. Мы принимаем сделанное Росси признание, но не соглашаемся с неверными практическими выводами из него.

Таким образом, для производства не является абсолютно необходимым, чтобы труд был наемным трудом и чтобы вследствие этого жизненные средства среди прочих [условий производства] с самого начала противостояли рабочему как составная часть капитала. Однако Росси продолжает: «напротив, капитал, земля, труд необходимы для производства». Если бы он сказал: «напротив, *земля»* (материал труда, пространство для трудовой деятельности и в первую очередь жизненные

средства), «*средства труда*» (орудия и т. д.), «*труд* необходимы для производства», но для него не необходимы «земельная рента, капитал и наемный труд», то этот тезис был бы верен. А так, [как он преподносится у Росси,] он срывает с труда и земли те определенные социальные формы, в которых они выступают в буржуазной экономике, — их формы наемного труда и земельной собственности. Средствам же труда Росси оставляет их экономический характер капитала. Он [II—78] рассматривает их не только как вещественные условия производства, но и в определенной социальной форме *капитала* и приходит поэтому к абсурдному выводу о том, что капитал возможен без присвоения земли и без наемного труда.

Далее, если авансированная заработная плата составляет часть капитала, говорит Росси, то в этом случае существуют только два орудия производства — земля и капитал, а не три, как полагают, однако, все экономисты, — земля, капитал и труд. В действительности речь здесь идет о простых моментах процесса труда как такового, а в этом процессе фигурируют только материал труда (земля), средства труда (которые Росси неправильно называет капиталом) и труд, — но отнюдь не капитал. Поскольку, однако, весь процесс труда подчинен капиталу и выступающие в нем три элемента присвоены капиталистом, постольку все эти три элемента — материал, средство, труд — выступают как вещественные элементы *капитала;* выступают подчиненными определенному общественному отношению, которое к процессу труда, рассматриваемому *абстрактно,* — т. е. в той мере, в какой он является одинаково общим для всех социальных форм процесса труда, — не имеет абсолютно никакого касательства. Характерным для Росси остается то, что отношение между персонифицированным продуктом труда и живой рабочей силой, отношение, образующее квинтэссенцию отношения между капиталом и наемным трудом, он рассматривает как *несущественную* форму, как всего лишь некое случайное явление самого̀ капиталистического производства. (См. убогого *Бастиа*[39]. Росси по крайней мере догадывается о том, что капитал и наемный труд не являются вечными общественными формами производства.)

Таким образом, теперь мы уже дважды встретились у Росси с выдвигаемым им [против других экономистов] возражением. [Во-первых, он говорит,] что если заработная плата образует часть капитала (первоначально), то одна и та же вещь выступает два раза: в первый раз — как производственное отношение, а в другой раз — как отношение распределения. Во-вторых, [он говорит,] что в таком случае в процессе труда следовало бы

учитывать не три фактора производства (материал, средство, труд), а только два, а именно, материал (который Росси называет здесь *землей*) и средства труда, которые он здесь называет капиталом.

«Что происходит между предпринимателем и рабочим? Если бы изготовление каждого продукта начиналось утром, а завершалось вечером, если бы на рынке всегда имелись покупатели, готовые купить предлагаемые для продажи товары, то *заработной платы в собственном смысле не существовало бы*. Однако дело обстоит не так. Чтобы реализовать продукт, требуются месяцы, годы... *Рабочий, у которого нет ничего, кроме его рук*, не может дожидаться завершения (конца) этой операции. Он говорит предпринимателю, капиталисту, фермеру, фабриканту то, что он мог бы сказать третьему, незаинтересованному лицу. Он мог бы ему (этому третьему лицу) предложить купить право на получение платы за свой труд. Он мог бы ему сказать: я делаю вклад в производство стольких-то штук сукна, хотите купить у меня вознаграждение, на которое я буду иметь право? Предположим, что это третье, незаинтересованное лицо соглашается с таким предложением и платит условленную цену; можно ли сказать, что деньги, которые израсходовало незаинтересованное лицо, составляют часть капитала предпринимателя? Что его контракт с рабочим представляет собой один из феноменов производства? Нет, он совершил хорошую или плохую спекуляцию, которая ничего не прибавляет и ничего не убавляет в общественном богатстве. *Это и есть заработная плата*. Рабочий делает фабриканту предложение, которое он мог бы сделать третьему лицу. *Предприниматель идет на это соглашение, потому что оно может облегчить производство. Но это соглашение есть не что иное, как вторичная операция, операция совсем иного рода, привитая к производительной операции. Она не является необходимым для производства фактором. При иной организации труда она может исчезнуть*. Даже в настоящее время существуют такие виды производства, где этого нет. *Таким образом, заработная плата представляет собой одну из форм распределения богатства, а не элемент производства*. Та часть фондов, которую предприниматель предназначает на выдачу заработной платы, не составляет части капитала, так же как не составляет ее та сумма денег, которую фабрикант израсходовал бы для учета векселей или для игры на бирже. Это есть *совсем особая операция*, которая, несомненно, может содействовать развитию производства, но которую нельзя называть *прямым орудием производства*» (там же, стр. 370).

[II—79] Итак, суть дела выступает здесь с полной ясностью. *Производственное отношение* (что бы ни представляло собой общественное отношение индивидов внутри производства, рассматриваемого как целое) «*не является прямым орудием производства*». Отношение между капиталом и наемным трудом, обусловливающее обмен между рабочей силой и деньгами, не является «прямым орудием производства». Точно так же не является «прямым орудием производства» и стоимость товара, хотя процесс производства существенно меняется в зависимости от того, идет ли речь только о производстве продуктов как таковых или о производстве товаров. «*Стоимость*» машины,

ее существование в качестве основного капитала и т. д. [также] не является «прямым орудием производства». Машина была бы производительной также и в таком обществе, в котором не существовало бы никаких товаров, не существовало бы меновой стоимости. Вопрос заключается отнюдь не в том, может ли это «производственное отношение» «исчезнуть» при «иной организации труда», а в том, чтобы исследовать, что̀ оно означает в условиях капиталистической организации труда. Росси признаёт, что при предположенных им обстоятельствах «заработной платы в собственном смысле» не существовало бы (см. стр. 370). И он, наверное, позволит мне не называть больше заработной платой «заработную плату не в собственном смысле». Он лишь забывает, что тогда не существовало бы и капитала «в собственном смысле».

«Если бы каждый мог дожидаться продуктов своего труда, то *современная форма заработной платы могла бы исчезнуть*. Имело бы место объединение рабочих и капиталистов, подобно тому, как в настоящее время существует объединение капиталистов в собственном смысле слова и капиталистов, в то же время являющихся рабочими» (там же, стр. 371).

Чем при таких обстоятельствах стала бы «современная форма производства», этого Росси себе не уяснил. Разумеется, если он рассматривает производство как всего лишь технологический процесс, независимо от его социальных форм, если, с другой стороны, под капиталом он понимает не что иное, как некий продукт, который используется для производства новых продуктов, то данная проблема может быть для него совершенно безразличной. У него есть по крайней мере то преимущество, что форму заработной платы он не объявляет «необходимым фактором производства».

«Представить себе способность к труду, отвлекаясь при этом от средств существования рабочих во время процесса производства, значит представить себе *нечто фантастическое*. Кто говорит труд, кто говорит способность к труду, тот в то же время говорит: рабочий и средства существования, рабочий и заработная плата... Тот же самый элемент вновь появляется под названием капитала, как будто бы одна и та же вещь могла одновременно входить в состав двух различных орудий производства» (там же, стр. 370, 371).

Одна лишь способность к труду — это действительно *«нечто фантастическое»*. Однако это «нечто фантастическое» существует. Поэтому если рабочий не сможет продать свою способность к труду, то он умрет с голоду. И капиталистическое производство основывается как раз на том, что способность к труду сводится к такого рода «фантазии». Сисмонди правильно говорит по этому поводу:

«*Способность рабочего к труду... — ничто,* если она не продана» (*Sismondi.* Nouveaux Principes d'Economie politique. Seconde édition. Tome I, Paris, 1827, стр. 114) [Русский перевод, том I, стр. 197].

Нелепость у Росси заключается в том, что «наемный труд» он старается представить как «несущественный» для капиталистического производства.

О машине Росси также мог бы сказать:

Машина, а не ее стоимость, составляет часть капитала. Эта *стоимость* машины выплачена фабриканту машин и, возможно, потреблена им в качестве дохода. Следовательно, стоимость машины не может фигурировать в процессе производства дважды: один раз — как выручка фабриканта машин, другой раз — как капитал или составная часть капитала владельца хлопкопрядильной фабрики и т. д.

Впрочем, характерно следующее: Росси утверждает, что заработная плата, т. е. наемный труд, была бы излишней, если бы рабочие были богаты; а г-н Джон Стюарт Милль [формулирует это условие так]: если бы труд можно было получить *даром:*

«Заработная плата *не обладает производительной силой;* это цена одной из производительных сил. Заработная плата не участвует наряду с трудом в производстве товаров» {следовало бы сказать — в производстве продуктов, потребительных стоимостей}, «так же как *цена машин* не участвует в нем наряду с самими машинами. *Если бы труд можно было получить без купли,* заработная плата была бы излишней» (*J. St. Mill.* Essays on some Unsettled Questions of Political Economy. London, 1844, стр. 90—91).

[II—80] Коль скоро в качестве сохраняющей и увеличивающей себя стоимости рассматривается исключительно всеобщая форма капитала, капитал объявляется чем-то нематериальным и поэтому — с точки зрения экономиста, знакомого либо только с осязаемыми вещами, либо с идеями, ибо отношения для него не существуют — всего лишь идеей. В качестве стоимости капитал безразличен к определенным вещественным способам существования, к потребительным стоимостям, из которых он состоит. Эти вещественные элементы не делают капитал капиталом.

«*Капитал всегда есть нематериальная сущность,* ибо не материя составляет капитал, а *стоимость* этой материи, стоимость, в которой нет ничего телесного» (*J. B. Say.* Traité d'économie politique. Troisième édition. Tome second, Paris, 1817, стр. 429).

Или у Сисмонди:

«Капитал есть коммерческая идея» (*J. C. L. Simonde de Sismondi.* Etudes sur l'économie politique. Tome II, Bruxelles, 1838, стр. 273).

Если все капиталы представляют собой стоимости, то стоимости как таковые еще не являются капиталом. И вот экономисты вынуждены снова возвратиться к вещественной форме капитала внутри процесса труда. Поскольку сам процесс труда выступает как процесс производства капитала, подчиняется капиталу, постольку можно сказать — в зависимости от того, какая особая сторона процесса труда (который в качестве такового, как мы видели, отнюдь не предполагает капитал, а присущ всем способам производства) фиксируется тем или иным экономистом, — что капитал становится продуктом или же представляет собой средство производства или сырой материал или орудие труда. Так, Рамсей говорит, что капитал образуют сырой материал и средство труда. Росси говорит, что капиталом, собственно, является только орудие. Элементы процесса труда рассматриваются здесь постольку, поскольку они не даны ни в какой особой экономической определенности. (Позднее обнаружится, что эта *погашенность определения формы* также и внутри процесса труда является лишь видимостью.) Процесс труда (процесс производства капитала), сведенный к своей простой форме, выступает не как процесс производства капитала, а просто как процесс производства, капитал же, в *отличие от труда,* выступает здесь только в вещественной определенности сырья и орудия труда. (В действительности, однако, *труд* и здесь является собственным бытием капитала, включен в него.) Вот эту-то именно сторону — которая представляет собой не только произвольную абстракцию, но и абстракцию, исчезающую в самом процессе производства — экономисты и фиксируют для того, чтобы изобразить капитал как необходимый элемент всякого производства [40]. Конечно, они могут это делать только потому, что произвольно фиксируют один из моментов.

«Труд и капитал... первый — *непосредственный* труд... второй — *накопленный труд,* являющийся результатом прежнего труда» (*James Mill.* Elements of Political Economy. London, 1821, стр. 75).

«*Накопленный* труд... непосредственный труд» (*R. Torrens.* An Essay on the Production of Wealth. London, 1821, гл. I, [стр. 33]).

«Капитал — это та часть богатства страны, которая применяется в производстве и состоит из пищи, одежды, инструментов, сырья, машин и т. д., необходимых для того, чтобы привести в действие труд» (*D. Ricardo.* On the Principles of Political Economy, and Taxation. Third edition. London, 1821, стр. 89) [Русский перевод, том I, стр. 86].

«*Капитал* — это лишь особый вид богатства, а именно, тот, который предназначен не для непосредственного удовлетворения наших нужд, а для добывания других полезных предметов» (*Торренс,* цит. соч., стр. 5).

«В первом камне, который дикарь бросает в преследуемого зверя, в первой палке, которую он берет, чтобы притянуть плоды, которых

не может достать руками, мы видим присвоение одного предмета с той целью, чтобы приобрести другой, и таким образом открываем начало капитала» (там же, стр. 70—71).

Капитал — это *«все предметы, обладающие меновой стоимостью, накопленные результаты прошлого труда»* (*H. C. Carey*. Principles of Political Economy. Part the first. Philadelphia, 1837, стр. 294).

«Когда денежные суммы предназначаются для материального производства, они принимают название *капитала»* (*H. Storch*. Cours d'Economie politique. Avec des notes explicatives et critiques par J. B. Say. Tome I, Paris, 1823, стр. 207).

«Богатства только тогда представляют собой капиталы, когда они служат производству» (там же, стр. 219).

«Элементами национального капитала являются: 1) мелиорация почвы; 2) сооружения; 3) орудия или рабочие инструменты; 4) средства существования; 5) материалы; 6) готовые изделия» (там же, стр. 229—241).

[II—81] «Всякая производительная сила, не являющаяся ни землей, ни трудом, представляет собой *капитал*. Он включает в себя все те силы (полностью или частично произведенные трудом), которые применяются для воспроизводства» (*Росси*. Цит. соч., стр. 271).

«Нет никакой разницы между *капиталом* и любой другой частью богатства. Только благодаря особому *применению* вещь становится *капиталом*, т. е. она становится капиталом тогда, когда она применяется в акте производства в качестве сырья, орудия или фонда жизненных средств» (*Cherbuliez*. Richesse ou pauvreté. Paris, 1841, стр. 18).

Но в капиталистическом производстве речь идет отнюдь не только о том, чтобы произвести продукт или даже товар, а о том, чтобы произвести бо̀льшую стоимость, чем та, которая была брошена в производство. Отсюда следующие пояснения:

«Капитал — это часть богатства, используемая для производства и, как правило, с целью получения прибыли» (*Thomas Chalmers*. On Political Economy in connexion with the Moral State and Moral Prospects of Society. 2nd edition. London, 1832, стр. 75).

В дефиницию капитала это определение включил главным образом Мальтус. (Определение, данное Сисмонди, является более тонким, так как прибыль представляет собой уже более развитую форму прибавочной стоимости *.)

«Капитал. Та часть запасов» (т. е. накопленного богатства) «страны, которую сохраняют или используют в процессе производства и распределения богатства с целью получения прибыли» (*T. R. Malthus*. Definitions in Political Economy. A new edition, with a preface, notes, and supplementary remarks by John Cazenove. London, 1853, стр. 10).

«Прошлый труд (капитал) ... *настоящий труд»* (*E. G. Wakefield*. В издании: *A. Smith*. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. Vol. I. London, 1835, стр. 230—231, примечание).

Итак, мы имеем следующие определения: 1) Капитал — это деньги; капитал — это товар, если рассматривается та первоначальная форма, в которой выступает капитал; 2) [капитал —

---

* См. настоящий том, стр. 6. *Ред.*

это] накопленный (прошлый) труд в противоположность к непосредственному, настоящему труду, коль скоро капитал рассматривается в противоположность к живому труду и вместе с тем стоимость рассматривается как субстанция капитала; 3) [капитал — это] средства труда, материал труда, вообще продукты для создания новых продуктов, поскольку рассматривается процесс труда, материальный процесс производства; [капитал — это] жизненные средства, поскольку та составная часть капитала, которая обменивается на рабочую силу, рассматривается по своей потребительной стоимости.

Коль скоро процесс труда (непосредственный процесс производства) целиком совпадает с продуктом как своим результатом, капитал теперь существует как продукт. Но это — всего лишь бытие капитала как потребительной стоимости, с той лишь разницей, что последняя теперь наличествует как результат процесса труда или процесса производства — того процесса, который проделал капитал. Если фиксируют это обстоятельство и забывают, что процесс труда в то же время является процессом увеличения стоимости, что, следовательно, результатом этого процесса является не только потребительная стоимость (продукт), но одновременно и меновая стоимость, единство потребительной и меновой стоимости, т. е. товар, — то может возникнуть нелепое представление, будто капитал превратился просто в продукт и лишь тогда снова станет капиталом, когда этот продукт будет продан, станет товаром.

То же самое нелепое представление может быть выставлено и с некоторой другой точки зрения. Для самого процесса труда безразлично, в нем исчезает то обстоятельство, что материал и средство труда уже являются продуктами, а стало быть, товарами (ведь в соответствии с нашим предположением всякий продукт представляет собой товар). Товар, да и сам продукт имеют здесь значение лишь в той мере, в какой они представляют собой потребительную стоимость, т. е., к примеру, сырой материал. Следовательно, можно сказать, что то, что ранее было капиталом, теперь превратилось в сырой материал; это может быть выражено таким образом, что то, что является результатом одного процесса производства, представляет собой сырой материал или орудие труда (предпосылку) другого процесса производства. В такой манере рассуждает, например, Прудон:

«Почему *понятие продукта* вдруг превращается в понятие *капитала?* Благодаря *идее стоимости.* Это значит, что продукт, для того чтобы стать капиталом, должен подвергнуться точной оценке, должен быть куплен или продан, его цена должна быть обсуждена и фиксирована

своего рода законным соглашением. Например, шкура, поступающая из мясной лавки, представляет собой *продукт мясника*. Что произойдет, если эту шкуру купит кожевник? Последний тотчас включает ее или ее стоимость в свой производственный фонд. Благодаря труду кожевника этот капитал снова становится продуктом» («Gratuité du Crédit». Discussion entre M. *Fr. Bastiat* et M. *Proudhon*. Paris, 1850, стр. 178—180).

[II—82] Г-н Прудон вообще любит снабжать фальшивым метафизическим аппаратом усваиваемые им элементарные представления и в таком виде воспроизводить их для публики. Неужели он думает, что шкура, до того как она покинет мясную лавку, не фигурирует в качестве стоимости в учетной книге мясника? В действительности г-н Прудон утверждает не что иное, как то, что товар и капитал тождественны, а это неверно, так как хотя каждый капитал существует в виде товара или денег, тем не менее товар или деньги как таковые еще не являются капиталом. Задача как раз заключается в том, чтобы показать, каким образом «идея» денег и товара превращается в «идею» капитала. Прудон видит только процесс труда, но не процесс увеличения стоимости; в результате последнего продукт совокупного процесса производства представляет собой не только потребительную стоимость, но потребительную стоимость, обладающую определенной меновой стоимостью, т. е. товар. Продается ли этот товар выше или ниже своей стоимости, его прохождение через «законное соглашение» не придает ему никакого нового определения формы, не делает ни продукт товаром, ни — тем более — товар капиталом. Процесс производства капитала фиксируется здесь односторонне, в той мере, в какой он является процессом труда, а его результат — потребительной стоимостью. Капитал рассматривается здесь как вещь, просто как вещь.

Столь же нелепо говорит Прудон в другом месте (и это характерно для того, как декламаторский социализм рассматривает *общество* под углом зрения экономических определений):

«*Для общества разницы между капиталом и продуктом не существует*. Различие это совершенно *субъективно*, оно существует лишь для индивидов» [там же, стр. 250].

Определенную общественную форму он называет субъективной, а субъективную абстракцию он именует обществом. Продукт как таковой принадлежит к любому способу труда, какова бы ни была его определенная общественная форма. Продукт становится капиталом лишь постольку, поскольку он представляет собой определенное, исторически определенное общественное производственное отношение. Применяемое г-ном Прудоном рассмотрение с точки зрения общества сводится

к тому, что он упускает из виду, абстрагируется от тех *различий,* которые как раз и выражают определенное *общественное* отношение, или экономическую определенность формы. Как если бы кто-нибудь захотел сказать: с точки зрения общества не существует ни рабов, ни граждан; и те и другие — люди. На самом же деле людьми они являются *вне* общества. Быть рабом или быть гражданином — это определенные общественные способы существования человека *A* и человека *B*. Человек *A* как таковой — не раб. Он — раб в обществе и посредством общества, к которому принадлежит. Быть рабом и быть гражданином — это общественные определения, отношения человека *A* к человеку *B*. То, что Прудон говорит здесь о капитале и продукте, означает у него, что с точки зрения общества не существует никакой разницы между капиталистами и рабочими, в то время как эта разница как раз и существует только с точки зрения общества [41]. Характерно, что свою неспособность от категории (понятия) стоимости перейти к категории капитала Прудон маскирует высокопарной фразой.

Впрочем, тот же самый вздор относительно превращения продукта в капитал — в действительности это лишь обычное ограниченное представление о капитале как о вещи, применяемой особым образом, — встречается также и у других экономистов, однако он выступает у них с меньшими претензиями. Например:

«Материал, который мы приобретаем, для того чтобы объединить его с нашим собственным трудом и преобразовать в продукт, называется *капиталом;* когда же труд выполнен и создана стоимость, он называется *продуктом.* Таким образом, один и тот же предмет может быть *продуктом* для одного лица и *капиталом* для другого. Кожа — это продукт кожевника и капитал сапожника» (*Francis Wayland.* The Elements of Political Economy. Tenth Thousand. Boston, 1843, стр. 25).

[II—83] У г-на Ж. Б. Сэя не приходится удивляться ничему. Например, он говорит нам следующее:

«*Труд* земли, труд животных и машин также представляет собой *стоимость, потому что* за него назначают известную *цену* и потому что его покупают» [42].

Это после того как он нам сказал, что «стоимость» есть «то, чего стоит данная вещь», и что «цена» есть «стоимость данной вещи, выраженная в деньгах». Так, заработную плату он объявляет «*платой за наем* способности к труду», т. е. за сданную внаем рабочую силу, и продолжает, показывая тем самым, что он не понимает своего собственного выражения: «или, точнее говоря, ценой покупки производительной услуги труда» [43].

Здесь труд берется лишь в том виде, в каком он выступает в процессе труда, как деятельность, направленная на производство какой-нибудь *потребительной стоимости*. В этом смысле также и сырой материал (в самом общем выражении — земля) и средства производства (капитал) оказывают «производительные услуги» в процессе труда. В этом как раз и заключается осуществление их *потребительной стоимости*. После того как таким образом все элементы производства сведены к простым факторам потребительных стоимостей, участвующих в процессе труда, — после этого прибыль и рента выступают как цены «производительных услуг» земли и продуктов, точно так же как заработная плата выступает как цена «производительных услуг» труда. Из потребительной стоимости здесь всюду выводят определенные формы меновой стоимости, совершенно от нее независимые.

{В основе всей меркантилистской системы лежит представление о том, что прибавочная стоимость возникает исключительно из обращения, т. е. из вторичного распределения имеющихся в наличии стоимостей.}

{В какой мере понятие капитала включает в себя не только сохранение и воспроизводство стоимости, но и *увеличение стоимости*, т. е. умножение стоимости, создание прибавочной стоимости, можно видеть, между прочим, из того (как мы увидим позднее, наиболее разительно это обнаруживается у физиократов), что только это производство прибавочной стоимости называется у ранних итальянских экономистов *воспроизводством стоимости*. Например, у *Верри*:

«*Воспроизводство стоимости* есть та часть цены земледельческого или промышленного продукта, которая составляет избыток над *первоначальной стоимостью* материалов и необходимых при их обработке издержек потребления. В земледелии подлежат вычету семена и потребление земледельца; в промышленности равным образом вычитаются сырье и потребление работника, и *воспроизведенной стоимости* создается ежегодно ровно столько, сколько остается после такого вычета» (*P. Verri*. Meditazione sulla Economia Politica (1771). In: Scrittori classici italiani di economia politica. Parte moderna. Tomo XV. Milano, 1804, стр. 26—27).}

{Тот же *П. Верри* признаёт (хотя он и является меркантилистом), что если товары продаются по своей стоимости или по своей средней цене («prezzo comune»), то безразлично, кто является покупателем, а кто продавцом; иными словами, что прибавочная стоимость не может возникнуть из различия между покупателем и продавцом. Он говорит, что при этом должно быть безразличным, является ли данное лицо в акте обмена покупателем или продавцом:

«Средняя цена есть такая цена, при которой покупатель может стать продавцом, а продавец покупателем без ощутимого убытка или выигрыша. Пусть, например, средняя цена шелка будет 1 флорин за фунт; одинаково богатым будет как тот, кто имеет 100 фунтов шелка, так и тот, кто имеет 100 флоринов, так как первый, продав шелк, легко может иметь 100 флоринов, и равным образом второй, отдав 100 флоринов, может иметь 100 фунтов шелка... *Средняя цена есть такая цена, при которой ни один из контрагентов не становится беднее*» (там же, стр. 34—35).}

[II—84] *Потребительной стоимостью* для капитала как такового обладает только то, что сохраняет и умножает капитал. Следовательно, *труд* или *рабочая сила*. (Ведь труд представляет собой лишь функцию, осуществление, приведение в действие рабочей силы.) {Ео ipso * даны и условия для осуществления труда, так как без них капитал не может применять, потреблять рабочую силу.} Поэтому труд не является *некоторой* потребительной стоимостью для капитала. Он является *его* потребительной стоимостью.

«Непосредственный рынок или непосредственное поле деятельности для капитала, можно сказать, есть *труд*» («An Inquiry into those Principles, respecting the Nature of Demand and the Necessity of Consumption, lately advocated by Mr. Malthus». London, 1821, стр. 20).

{*Об обмене между капиталом и рабочей силой:*

«Заработная плата есть не что иное, как рыночная цена труда, и если рабочий получил ее, то он получил полную стоимость того товара, которым он распоряжается. Сверх этого он не может иметь никаких претензий» (*John Wade*. History of the Middle and Working Classes. 3rd edition. London, 1835, стр. 177).}

{*Производительное потребление.*

«Производительное потребление — когда потребление товара составляет часть процесса производства... В этих случаях *нет потребления стоимости,* так как та же самая стоимость существует в новой форме» (*S. P. Newman*. Elements of Political Economy. Andover and New York, 1835, стр. 296).}

(«Капитал потребляется совершенно так же, как *фонд* потребления; но, потребляясь, он *воспроизводится*. Капитал представляет собой некоторую сумму богатств, предназначенную для *промышленного потребления*, т. е. для *воспроизводства*» (*H. Storch*. Cours d'Economie Politique. Avec des notes explicatives et critiques par J. B. Say. Tome I. Paris, 1823, стр. 209).)

* * *

Процесс производства капитала, рассматриваемый в целом, распадается на два этапа:

1) Обмен между капиталом и рабочей силой, в качестве необходимого дополнения включающий обмен определенных

* — Тем самым. *Ред.*

составных частей капитала, существующего в виде денег (стоимости), на предметные условия труда, — в той мере, в какой они сами являются товарами (а стало быть, и продуктом прежнего труда). Этот первый акт содержит в себе то, что некоторая часть существующего капитала превращается в жизненные средства рабочего, т. е. вместе с тем — в средства сохранения и воспроизводства рабочей силы. {Коль скоро какая-то часть этих жизненных средств должна быть потреблена *во время* самого процесса труда, для того чтобы произвести труд, — жизненные средства, потребляемые рабочим, так же как сырой материал и средства производства, могут быть (в качестве издержек на содержание рабочего) причислены к предметным условиям труда, на которые капитал распадается в процессе производства. Или их можно рассматривать как момент потребления, направленного на воспроизводство. Или же, наконец, их можно рассматривать как средства производства продукта в таком же смысле, как, скажем, уголь и смазочное масло, которые потребляются машиной во время процесса производства.}

2) В действительном процессе труда труд превращается в *капитал*. Это означает, что он становится *овеществленным* (предметным) *трудом*, и притом таким овеществленным трудом, который самостоятельно — в качестве собственности капиталиста, его экономического бытия — противостоит живой рабочей силе. *Об этом превращении труда в капитал:*

«Они» (рабочие) «обменивают свой труд на хлеб» {т. е. на жизненные средства вообще}. «Этот хлеб становится *для них* доходом» {фондом потребления}... «между тем как *их труд* сделался *капиталом* для их хозяина» (*Sismondi*. Nouveaux Principes d'Economie politique. Seconde édition. Tome I, Paris, 1827, стр. 90) [Русский перевод, том I, стр. 186].

«Он» (рабочий) «требовал *средств существования*, чтобы *жить*, хозяин требовал *труда*, чтобы *иметь выгоду*» (там же, стр. 91) [Русский перевод, том I, стр. 186].

«Обменивая свой труд, рабочие превращают его в капитал» (там же, стр. 105) [Русский перевод, том I, стр. 193].

«Какие бы выгоды ни приносил наемным рабочим быстрый рост общественного богатства, он не устраняет причину их нищеты... Они остаются лишенными всякого права на капитал, а следовательно, вынужденными *продавать свой труд* и отказываться от всяких притязаний на продукты этого труда» (*Cherbuliez*. Richesse ou Pauvreté. Paris, 1841, стр. 68).

{«В современном общественном строе богатство *приобрело свойство* воспроизводиться посредством *чужого труда* без приложения к этому каких-либо усилий со стороны его обладателя. Богатство, *подобно труду* и *при помощи труда, ежегодно* приносит *плод*, который можно уничтожать в течение года, не делая беднее обладателя богатства. Этот плод есть *доход*, возникающий из *капитала*» (*Sismondi*. Nouveaux Principes d'Economie politique. Seconde édition. Tome I. Paris, 1827, стр. 82) [Русский перевод, том I, стр. 182].}

О том, что в процессе купли капитал обменивается на рабочую *силу*, а не на *труд*:

«Если вы труд называете *товаром*, то он не похож на такой товар, который сначала производится с целью обмена, а затем выносится на рынок, где он должен быть обменен на другие товары соответственно относительным количествам каждого из них, имеющимся в данное время на рынке; труд *производится* в тот момент, когда он выносится на рынок, — более того, он выносится на рынок *раньше*, чем он производится» («Observations on certain Verbal Disputes in Political Economy». London, 1821, стр. 75—76).

[II—85] {Различные формы дохода (помимо заработной платы) — такие, как прибыль, процент, земельная рента и т. д. (также и налоги), представляют собой лишь различные составные части, на которые расчленяется, распределяется между различными классами *прибавочная стоимость*. Здесь они пока что должны быть рассмотрены лишь во всеобщей форме прибавочной стоимости. То деление, которому она может подвергнуться позднее, разумеется, ничего не меняет ни в ее количестве, ни в качестве. Впрочем, ведь известно также, что промышленный капиталист является тем посредником, который выплачивает процент, земельную ренту и т. д.

«Труд — источник богатства; богатство — его продукт; доход как часть богатства должен происходить из этого общего источника; три вида доходов — *ренту, прибыль, заработную плату* — обычно выводят из трех различных источников: из земли, накопленного капитала и труда. Эти три подразделения дохода представляют собой лишь три различных способа участвовать в дележе плодов человеческого труда» (*Sismondi*. Nouveaux Principes d'Economie politique. Seconde édition. Tome I. Paris, 1827, стр. 85) [Русский перевод, том I, стр. 183].}

{«Прежде чем продукты превращаются в капитал, они присваиваются, и это превращение не избавляет их от такого присвоения» (*Шербюлье*, цит. соч., стр. 54).}

{«*Продавая* свой труд за определенное количество жизненных средств, пролетарий полностью отказывается от всякого права на другие части капитала... Присвоение этих продуктов остается тем же, каким оно было раньше: оно нисколько не изменяется упомянутым договором» (там же, стр. 58).}

В этом превращении труда в капитал, действительно, заключается вся тайна капиталистического отношения.

Из рассмотрения капиталистического производства в целом проистекает тот вывод, что в качестве подлинного продукта этого процесса следует рассматривать не только *товар* (и тем более не только одну лишь *потребительную стоимость* товара — *продукт*); а также не только *прибавочную стоимость*, хотя она и является тем результатом, который представляется целью всего процесса и определяет его характер. Производится

не только это одно — товар, товар, обладающий большей стоимостью, чем стоимость первоначально авансированного капитала, а производится капитал и производится наемный труд; иными словами, воспроизводится и увековечивается отношение [между трудом и капиталом]. Впрочем, яснее это обнаружится после дальнейшего рассмотрения процесса производства.

И прибавочная стоимость, и заработная плата выступают здесь в форме, которая до сих пор у нас еще не появлялась, а именно, в форме *дохода*, т. е. в *форме распределения*, с одной стороны, и в виде определенного этой формой *фонда потребления*, с другой стороны. Но так как эти определения пока еще излишни (однако они понадобятся, как только мы подойдем к 4-му пункту I отдела — «Первоначальное накопление» [44]), то указанную определенность формы мы будем рассматривать лишь после того как мы более детально рассмотрим процесс производства капитала.

Заработная плата, — так как в качестве наемного труда она является предпосылкой капиталистического производства, — выступает здесь перед нами как одна из *форм производства*; точно так же как *прибавочную стоимость* и ее создание мы включили в понятие *капитала* как производственного отношения. И лишь во вторую очередь следует затем показать, как эти производственные отношения в то же время выступают как отношения распределения (при случае следует также более подробно рассмотреть вздорные попытки представить рабочую силу в качестве капитала рабочего). Отчасти это необходимо для того, чтобы показать всю нелепость трактовки буржуазных производственных отношений и отношений распределения как совершенно разнородных отношений; так, как это делают Дж. Ст. Милль и многие другие экономисты, которые рассматривают производственные отношения как естественные, вечные законы, а отношения распределения — как искусственные, возникшие исторически и зависящие от контроля и т. д. со стороны человеческого общества. С другой стороны, трактовка, например, прибавочной стоимости как дохода (следовательно, вообще категория дохода) представляет собой средство упростить вопрос, как, например, при рассмотрении накопления капитала.

Вопросы о том, какой труд производителен; о том, производительны ли заработная плата и капитал; о заработной плате и прибавочной стоимости как доходах — следует обсудить в конце раздела об относительной прибавочной стоимости (а, может быть, частично и при рассмотрении отношения между

*

наемным трудом и капиталом?). (Точно так же как и вопрос о рабочем как представителе обращения *Т — Д — Т* и о капиталисте — как представителе обращения *Д — Т — Д*, о сбережениях и накоплениях рабочего и т. д.)

{*Добавления из моей тетради* [45].

В качестве потребительной стоимости труд существует *только для капитала* и является потребительной стоимостью самого капитала, т. е. той опосредствующей деятельностью, благодаря которой капитал *увеличивает свою стоимость*. Поэтому труд не является потребительной стоимостью для рабочего, труд не является поэтому для него *производящей* богатство *силой*, средством обогащения или обогащающей деятельностью. Будучи *потребительной стоимостью* для [II—86] капитала, труд для рабочего представляет собой *только меновую стоимость*, имеющуюся у него в наличии меновую стоимость. В качестве меновой стоимости труд полагает себя в акте обмена с капиталом, посредством продажи себя за деньги. Потребительная стоимость какой-либо вещи совершенно не касается ее продавца как такового, а касается только ее покупателя. Труд (рабочая сила), который рабочий продает капиталу в качестве *потребительной стоимости*, является для рабочего принадлежащей ему *меновой стоимостью*, которую рабочий хочет реализовать, но которая (как цѐны или вообще товары) уже *определена* до акта этого обмена, предпослана ему в качестве условия. Значит, та меновая стоимость рабочей силы, реализация которой происходит в процессе обмена с капиталом, заранее *предпослана*, заранее определена, претерпевает лишь формальную модификацию (посредством превращения в деньги). Меновая стоимость рабочей силы не определяется потребительной стоимостью труда. Для самого рабочего труд имеет потребительную стоимость лишь постольку, поскольку он *есть меновая стоимость*, а не потому, что он производит меновую стоимость. Для капитала труд имеет меновую стоимость лишь постольку, поскольку он есть потребительная стоимость. Потребительной стоимостью, отличной от его меновой стоимости, труд является не для самого рабочего, а только для капитала. Следовательно, рабочий обменивает труд как простую, заранее предопределенную, определенную минувшим процессом производства меновую стоимость — он обменивает самый труд как *овеществленный труд;* обменивает лишь постольку, поскольку этот труд представляет собой определенное количество труда, поскольку его эквивалент является уже установленным, данным. Капитал получает в результате обмена этот труд как живой труд, как всеобщую производящую богатство силу, как

деятельность, увеличивающую богатство. Ясно, стало быть, что посредством такого обмена рабочий не может *обогатиться*, ибо подобно тому как Исав уступил свое первородство за чечевичную похлебку, так рабочий за определенную наличную величину стоимости своей способности к труду отдает свою *творческую силу*. Напротив, рабочий должен обеднеть, так как творческая сила его труда теперь противостоит ему как сила капитала, как *чуждая сила*. Рабочий *отчуждает* [entäußert] от себя труд как производящую богатство силу; капитал присваивает себе труд как такого рода силу. Поэтому отделение труда от собственности на продукт труда, отделение труда от богатства заложено уже в само̀м этом акте обмена. То, что кажется парадоксальным результатом, заложено уже в само̀й предпосылке. Таким образом, по отношению к рабочему производительность его труда *становится чуждой силой*, как и вообще его труд, поскольку он представляет собой не *способность*, а движение, *действительный* труд; капитал же, наоборот, увеличивает свою собственную стоимость путем *присвоения чужого труда*. Этим создана, по меньшей мере, возможность увеличения стоимости капитала, создана как результат обмена между трудом и капиталом. *Реализуется* это отношение лишь в само̀м акте производства (когда капитал действительно потребляет чужой труд). Подобно тому как рабочая сила обменивается как *заранее данная* меновая стоимость на эквивалент в виде денег, деньги эти в свою очередь обмениваются рабочим на эквивалент в виде товара, который им потребляется. В этом процессе обмена труд не является производительным; он становится производительным только для капитала. Из обращения труд может извлечь лишь то, что в него бросил, т. е. то или иное *предопределенное* количество товара, которое столь же мало является его собственным продуктом, как и его собственная стоимость. Поэтому все успехи цивилизации, другими словами, всякое увеличение общественных производительных сил, производительных сил самого труда, обогащают не рабочего, а капиталиста. Следовательно, только увеличивают ту силу, которая господствует над трудом; лишь умножают производительную силу капитала — *объективную власть* капитала над трудом.} Превращение труда в капитал есть *an sich* * результат акта обмена между капиталом и трудом. *Осуществляется же это превращение* лишь в само̀м *процессе производства*.

{У Сэя и компании орудие и т. д. в результате той «*производительной услуги*», которую оно оказывает, имеет право на

* — «в себе», в возможности, в скрытом виде, потенциально. *Ред.*

вознаграждение, и это вознаграждение выплачивается его владельцу. *Самостоятельность* орудия труда, его *общественное* определение, т. е. его определение как капитала предполагается здесь для того, чтобы обосновать притязания капиталиста.}

{«Прибыль не создается обменом. Если бы она не существовала раньше, она не могла бы существовать и после этой сделки» (*Рамсей,* цит. соч., стр. 184).}

«Каждый участок земли представляет собой сырой материал для земледелия» (*Верри,* цит. соч., стр. 218).

[II—87] {В качестве примера Энгельс дал мне материал такого рода:

10 000 веретен производят в неделю по 1 фунту пряжи каждое; всего — 10 000 фунтов пряжи стоимостью в 550 ф. ст., считая по $1^1/_{10}$ шилл. за фунт.

Сырой материал составляет 10 000 фунтов хлопка; отходы (15%) составляют 1 500 фунтов; всего — 11 500 фунтов стоимостью [около] 336 ф. ст., считая по 7 пенсов за фунт.

10 000 веретен стоят (по 1 ф. ст. за веретено) 10 000 ф. ст. Годовой износ веретен ($12^1/_2$%) составляет 1250 ф. ст. Следовательно, износ за неделю равен [около] 24 ф. ст. Недельный расход на уголь, смазочное масло и т. д. составляет 40 ф. ст.; износ паровой машины равен 20 ф. ст. [Общий недельный расход на машины равен] 24 ф. ст. + 40 ф. ст. + + 20 ф. ст. = 84 ф. ст.

Заработная плата за неделю равна 70 ф. ст.

[Все затраты за неделю равны] 336 ф. ст. + 84 ф. ст. + + 70 ф. ст. = 490 ф. ст. Цена одного фунта пряжи равна $1^1/_{10}$ шилл.; следовательно, 10 000 фунтов пряжи стоят 550 ф. ст. [На долю прибавочной стоимости остается] 550 ф. ст. — — 490 ф. ст. = 60 ф. ст.

Таким образом, доля затрат на *сырье* составляет $^{336}/_{490}$ = = $^{24}/_{35}$ = $68^4/_7$%. Доля затрат на *заработную плату* составляет $^{70}/_{490}$ = $^1/_7$ = $14^2/_7$%. Доля затрат на *машины* и т. д. равна $^{84}/_{490}$ = $^6/_{35}$ = $17^1/_7$%.

Итак, затраты на сырье и машины составляют $85^5/_7$%; затраты на заработную плату — $14^2/_7$%. Стало быть, $^1/_7$ затрат (70 ф. ст.) приходится на заработную плату, $^6/_7$ — на машины и сырой материал (420 ф. ст.). Из этих $^6/_7$ на *сырой материал* приходится $^4/_5$, т. е. несколько менее $^5/_7$ всех затрат, а на *машины* — $^1/_5$, т. е. несколько более $^1/_7$ всех затрат. Затраты на *рабочих* составляют $^1/_7$ всех затрат.}

В *статье о деньгах* («Manchester Guardian» от 18 сентября 1861 г.) говорится:

«Относительно грубопрядильного производства мы получили следующие данные от одного лица, занимающего высокое положение:

17 сентября 1860 г.	за фунт	разница [между ценой хлопка и ценой пряжи]	издержки прядения за фунт
Его издержки на хлопок.	$6^1/_4$ пенса	4 пенса	3 пенса
Его оснòвная пряжа № 16 продана по	$10^1/_4$ пенса		
Прибыль равна 1 пенсу на фунт пряжи.			
17 сентября 1861 г.			
Его издержки на хлопок	9 пенсов	2 пенса	$3^1/_2$ пенса
За его оснòвную пряжу № 16 запрошено	11 пенсов		
Убыток составляет $1^1/_2$ пенса на фунт пряжи».			

Согласно *первому* примеру, стоимость фунта оснòвной пряжи составляла $10^1/_4$ пенса (1860 г.), из которых на прибыль приходился 1 пенс. Следовательно, издержки его производства равны $9^1/_4$ пенса. По отношению к этой сумме 1 пенс составляет $10^{30}/_{37}\%$. Однако если из стоимости фунта пряжи мы вычтем $6^1/_4$ пенса (сырой материал), то остаются 4 пенса, из которых на издержки прядения приходятся 3 пенса. Даже если мы предположим, что половину этой суммы составляет заработная плата, что неверно, то на $1^1/_2$ пенса [заработной платы] мы получим прибавочную стоимость в 1 пенс. Итак, [отношение прибавочной стоимости к заработной плате] равно 2 : 3, или $66^2/_3\%$ ($66^2/_3\%$ в точности равны $^2/_3$ целого).

[II—88] В пересчете на часы это означает, что на каждые 3 часа работы на себя рабочий 2 часа работает на своего хозяина. Следовательно, на каждый час работы на себя он $^2/_3$ часа работает на своего хозяина. Стало быть, если всего он проработал 10 часов, то из них 6 приходятся на него и 4 (т. е. $^{12}/_3$ часа) — на его хозяина (3 : 2 = 6 : 4). Если из 10 часов рабочий отдает 4 часа своему хозяину, то из 1 часа он отдает $^4/_{10}$ часа, т. е. 24 минуты. Из одного часа он работает на себя 36 минут (36 : 24 = 3 : 2, так как $36 \times 2 = 72$ и $24 \times 3 = 72$).

При рассмотрении процесса труда мы видели, что все его факторы с точки зрения его результата — продукта — могут быть обозначены как *средства производства*. Напротив, если рассматривать *стоимость* различных факторов, требующихся для производства продукта, — если рассматривать стоимости, *авансированные*, израсходованные на производство продукта (израсходованные стоимости), — то в этом случае они называются *издержками производства* продукта. Следовательно,

издержки производства сводятся к сумме рабочего времени (будь то рабочее время, содержащееся в материале и средстве труда, или же рабочее время, вновь присоединяемое в процессе труда), требующегося для производства продукта, — к совокупному рабочему времени, овеществленному, израсходованному в данном продукте.

Формула *издержек производства* пока что является для нас всего лишь наименованием и не добавляет ничего нового к прежним определениям. Стоимость продукта равна сумме стоимостей материала, средства и труда, присоединяемого к материалу с помощью средства труда. Это положение является чисто аналитическим. В действительности оно представляет собой лишь иное выражение того, что стоимость товара определяется количеством овеществленного в нем рабочего времени. Лишь в ходе дальнейшего исследования нам представится возможность подробно остановиться на формуле издержек производства. (А именно, в разделе «Капитал и прибыль», где антиномия возникает в результате того, что, с одной стороны, стоимость продукта равна издержкам производства, т. е. стоимости, авансированной для производства продукта, а, с другой стороны (это заложено в прибыли), стоимость продукта, коль скоро она включает в себя прибавочную стоимость, превышает стоимость издержек производства. Антиномия эта проистекает из того, что для капиталиста издержки производства являются всего лишь суммой авансированных им стоимостей; т. е. для него стоимость продукта равна стоимости авансированного капитала. С другой стороны, действительные издержки производства продукта равны сумме содержащегося в нем рабочего времени. Однако сумма рабочего времени, содержащегося в продукте, больше суммы рабочего времени, авансированного или оплаченного капиталистом, и эта сверхстоимость продукта, превышающая *оплаченную* или *авансированную* капиталистом стоимость, как раз и образует прибавочную стоимость; по нашему определению, представляет собой ту *абсолютную величину*, из которой состоит прибыль.)

[II—89] *К вопросу о разделении труда.*

Th. Hodgskin. Popular Political Economy etc. London, 1827.

«Изобретение и знание с необходимостью предшествуют разделению труда. Дикари научились делать луки и стрелы, ловить животных и рыбу, возделывать землю и ткать ткани до того, как некоторые из них посвятили себя исключительно изготовлению орудий, необходимых для охоты, рыбной ловли, земледелия и ткачества... Искусство обработки металлов, кожи или дерева бесспорно было в какой-то степени известно до того, как появились кузнецы, сапожники и плотники. В новейшее время паровые и прядильные машины были изобретены до того, как некоторые люди

сделали своей основной или единственной специальностью изготовление прядильных или паровых машин» (стр. 79, 80) [Русский перевод, стр. 93].

«Важные изобретения являются результатом необходимости трудиться и естественного роста населения. Когда, например, продукты земли, произрастающие диким образом, были съедены, человек становится рыбаком и т. д.» (стр. 85) [Русский перевод, стр. 96].

«Необходимость — мать изобретения, и постоянное существование этой необходимости может быть объяснено только постоянным ростом населения. Например, повышение цены на скот вызвано ростом населения и ростом его промышленного или другого производства. Повышение цены на скот ведет к разведению кормовых растений для него, к возросшему применению удобрений и к увеличению производства, достигшего почти $^1/_3$ всего производства страны» (стр. 86—87) [Русский перевод, стр. 97—98].

«Никто не сомневается в том, что *быстрая связь* между различными частями страны способствует как росту знаний, так и увеличению богатства... *Множество* умов тотчас же принимается за работу даже при намеке на открытие, и каждое открытие немедленно получает должную оценку и почти с такой же быстротой усовершенствуется. Вероятность усовершенствований увеличивается пропорционально *увеличению числа лиц,* сосредоточивающих свое внимание на каком-либо специальном предмете. Увеличение числа этих лиц приводит к тому же эффекту, к которому приводят *средства сообщения,* так как воздействие последних заключается лишь в том, чтобы заставить многих обдумывать один и тот же вопрос» (стр. 93—94) [Русский перевод, стр. 102].

Причины разделения труда.

Сначала имеет место разделение труда между полами внутри семьи. Затем оно вызывается возрастными различиями. Затем — особенностями конституции организма. «Различия пола, возраста, физического и умственного развития, или различия в организации, — основная причина разделения труда, и это разделение труда по мере развития общества непрерывно углубляется вследствие различий в склонностях, задатках и способностях индивидов и различной степени их пригодности для различных видов деятельности» (стр. 111—114) [Русский перевод, стр. 113—115].

«Кроме различий в способностях тех, кто работает, существуют еще различия в «склонностях» и «способностях» тех природных орудий, с помощью которых они работают. Разнообразие почв, климатов и местоположения, а также особенности естественных продуктов земли и минералов, содержащихся в ее недрах, заставляют определенные местности приспосабливаться к определенным видам труда... *Территориальное разделение* труда» (стр. 129—131) [Русский перевод, стр. 124—125].

Границы разделения труда.

1) «*Емкость рынка...* Товар, произведенный одним работником... фактически и в конечном счете образует рынок для товаров, произведенных другими работниками; и они и их продукты являются рынком друг для друга... *Емкость рынка* означает численность работников и величину их производительной силы, причем в большей степени первое, чем второе... С увеличением числа работников производительная сила общества возрастает пропорционально этому увеличению, умноженному на эффект разделения труда и увеличения знаний... *Усовершенствованные способы транспортировки,* как, например, железные дороги, пароходы, каналы... все эти средства облегчения сношений между отдельными странами воздей-

ствуют на разделение труда так же, как и *фактический рост населения;* они приводят большее число работников к общению друг с другом и большее количество продуктов — к обмену» (стр. 115—120) [Русский перевод, стр. 115—118].

2-я граница. Характер различных видов деятельности.

«С развитием науки эта мнимая граница исчезает. В особенности ее отодвигают машины. Применение паровых машин для приведения в действие механических ткацких станков позволяет одному человеку исполнять функции нескольких или выткать столько ткани, сколько с помощью ручного станка могут выткать три или четыре человека. Это означает усложнение труда,.. но затем опять следует упрощение,.. и таким образом имеет место вечное обновление условий для дальнейшего разделения труда» (стр. 127—128) [Русский перевод, стр. 123—124].

[II—90] *Прибавочный труд.*

«Алчность капиталистов и т. д. вызывает *постоянную тенденцию* к увеличению *количества рабочих часов* и, таким образом, путем увеличения предложения труда, к уменьшению его оплаты... К тому же самому результату ведет *увеличение основного капитала.* Ибо там, где в машины, сооружения и т. д. помещена столь значительная стоимость, предприниматель испытывает сильное искушение не давать бездействовать такому большому количеству капитала и не будет поэтому применять тех рабочих, которые не согласятся работать ежедневно в течение многих часов. Отсюда также и ужасы ночного труда, практикуемого на некоторых предприятиях, где одна смена рабочих приходит, в то время как другая уходит» (*G. Ramsay.* An Essay on the Distribution of Wealth. Edinburgh, 1836, стр. 102).

При создании *абсолютной прибавочной стоимости* капитал, затраченный на труд, *переменный капитал,* по своей стоимостной величине остается тем же самым, в то время как стоимость совокупного продукта возрастает; но возрастает потому, что возрастает та часть стоимости продукта, которая представляет собой воспроизводство переменного капитала. Кроме того, в этом случае (это относится не к прибавочной стоимости, а к прибавочной стоимости в качестве прибыли) с необходимостью возрастает та часть постоянного капитала, которая сводится к сырью и вспомогательным материалам. Не следует полагать, что в результате этого в сколько-нибудь значительной степени возрастают расходы (*реальный,* хотя и *заранее учтенный* износ) на машины, строения и т. д.

При создании *относительной прибавочной стоимости* та часть стоимости продукта, в виде которой воспроизводится переменный капитал, остается той же самой; однако ее распределение меняется. Более значительная часть представляет прибавочный труд и менее значительная — необходимый труд. В этом случае данный *переменный* капитал уменьшается на величину уменьшившейся заработной платы. Постоянный капитал остается тем же самым, за исключением той его части, кото-

рая относится к сырому материалу и вспомогательным материалам. Часть капитала, ранее расходовавшаяся на заработную плату, высвобождается и может быть превращена в машины и т. д. В другом месте (там, где речь шла о прибыли) мы исследовали изменения в постоянном капитале. Поэтому оставим их здесь без внимания и рассмотрим только изменение в переменном капитале.

Пусть старый капитал равен *C* (постоянный капитал) + + 1 000 ф. ст. Эти 1 000 ф. ст. представляют собой переменный капитал, например, недельную заработную плату 1 000 человек. Здесь могут быть выделены два случая. [Во-первых,] переменный капитал уменьшается в результате того, что падают в цене произведенные в других отраслях промышленности предметы необходимости, как например хлеб, мясо, сапоги и т. д. В этом случае *C* остается неизменным; неизменным остается и число занятых рабочих, общее количество труда. Не произошло никакого изменения в *условиях производства*. Предположим, что переменный капитал (т. е. его стоимость) в результате упомянутого удешевления предметов необходимости уменьшился на $^1/_{10}$; стало быть, он сокращается с 1 000 до 900 ф. ст. Предположим, что прибавочная стоимость была равна 500 ф. ст., т. е. составляла половину переменного капитала. Тогда 1 500 ф. ст. представляют собой совокупную стоимость, созданную трудом 1 000 человек (так как, по предположению, их рабочий день остается *тем же самым*, его величина не меняется), как бы ни распределялись эти 1 500 ф. ст. между капиталом и трудом.

В этом случае старый капитал был равен:

1) *C* + 1 000 (*V*) + 500 (прибавочная стоимость). Следовательно, прибавочный труд составляет $^1/_3$ рабочего дня. Новый же капитал равен:

2) *C* + 900 (*V*) + 600 (прибавочная стоимость). Следовательно, прибавочный труд составляет $^2/_5$ рабочего дня. Прибавочный труд увеличился бы в этом случае с $^5/_{15}$ до $^6/_{15}$ рабочего дня. Если рабочий день равен 12 часам, то $^1/_3$ рабочего дня равна 4 часам, а $^2/_5$ рабочего дня — $4^4/_5$ рабочего часа.

Предположим, что через какой-то промежуток времени переменный капитал (заработная плата) снова уменьшился на $^1/_{10}$ в результате удешевления жизненных средств, производимых не в этой сфере производства. Тогда переменный капитал уменьшился бы на $^1/_{10}$ от 900, т. е. на 90 ф. ст. и составил бы 810 ф. ст. Следовательно, новый капитал был бы равен:

3) *C* + 810 (*V*) + 690 (прибавочная стоимость). Стало быть, прибавочный труд составляет $^{23}/_{50}$ рабочего дня, т. е. на

$^3/_{50}$ больше, чем до этого. Одновременно высвобождается капитал, составляющий в первом случае 100, во втором 90 ф. ст.; всего — 190 ф. ст. Это высвобождение капитала представляет собой также форму накопления; в то же время оно является высвобождением *денежного капитала,* как мы это снова увидим при рассмотрении прибыли.

Величина $C + V + S$ представляет собой стоимость продукта. $(V + S)$ является величиной постоянной. Если же при данных обстоятельствах заработная плата уменьшается, то стоимость продукта выражается формулой: $C + (V - x) + (S + x)$.

[II—91] Если же [во-вторых] относительный прибавочный труд является следствием удешевления самого продукта, т. е. *изменения в условиях его производства,* например, введения машин, то из 1 000 ф. ст. переменного капитала, например, $^1/_2$ должна быть превращена в машины. Оставшийся переменный капитал равен 500 ф. ст., т. е. имеет место труд 500 рабочих вместо 1 000. Стоимость, создаваемая их трудом, равна 750 ф. ст., так как стоимость, создававшаяся трудом 1 000 рабочих, была равна 1 500 ф. ст. Соответственно этому мы имеем:

старый капитал: $C + 1\,000\ (V) + 500\ (S)$;

новый капитал: ($C + 500$, или $C + V/2$, что мы обозначим как C') $+ 500\ (V) + 250\ (S)$.

Но так как предположено, что вследствие введения машин прибавочная стоимость возрастает, то переменный капитал сокращается, скажем, на $^1/_{10}$ [его первоначальной величины, т. е. на 100 ф. ст.]. Мы можем теперь предположить, что либо эти 500 рабочих перерабатывают (сырого материала) *столько же,* сколько и раньше, либо больше. Чтобы упростить дело, предположим, что они перерабатывают его столько же. Уменьшение переменного капитала на $^1/_{10}$ [его первоначальной величины] означает, что вместо 500 ф. ст. он теперь равен 400 ф. ст. Итак:

старый капитал: $C + 1\,000\ (V) + 500\ (S) = C + 1\,000\ (V) + V/2$;

новый капитал: ($C + 500$, или C') $+ 400\ (V) + 350\ (S) = (C + {}^1/_2\ V) + 400\ (V) + {}^7/_8\ V$.

Таким образом, высвобождаются 100 ф. ст. Но это происходит только в том случае, если при этом не требуются по меньшей мере в той же пропорции дополнительные затраты на сырье и вспомогательные материалы. Только в этом случае в результате введения машин может быть высвобожден *денежный капитал,* который раньше затрачивался в форме заработной платы.

При создании абсолютной *прибавочной стоимости* сырье и вспомогательные материалы должны возрастать в той же самой пропорции, в какой растет абсолютное количество труда.

Старый капитал: $C + 1\,000\,(V) + 500\,(S)$. Здесь S равно $^1/_3$ [совокупного] рабочего дня, равного 1 000 рабочих дней. Если рабочий день был равен 12 часам, то S равно 4 часам. Предположим теперь, что S возрастает с 500 до 600 ф. ст., т. е. на $^1/_5$, тогда, так как стоимость, создаваемая $(12 \times 1\,000)$ часами, равна 1 500 ф. ст., прирост в 100 ф. ст. представляет 800 рабочих часов на 1 000 рабочих [46], или $^4/_5$ прибавочного рабочего часа на одного человека. Теперь остается узнать, сколько материала и т. д. один человек перерабатывает за один час, для того чтобы вычислить, при предположении, что условия труда остаются теми же самыми, сколько он переработает за $^4/_5$ часа. Обозначим это количество материала буквой x. Таким образом:

новый капитал: $(C + x$, или $C') + 1\,000\,(V) + 500\,(S) + + 100\,(S')$. Авансированный капитал здесь возрастает, продукт же возрастает вдвойне: в связи с возрастанием авансированного капитала и в связи с возрастанием прибавочной стоимости.

Главным, основой остается определение самой стоимости, стало быть, то фундаментальное положение, согласно которому стоимость, независимо от степени производительности труда, определяется необходимым рабочим временем и, следовательно, например, выражается всегда в одной и той же денежной сумме, если деньги сохраняют постоянную стоимость.

* * *

По кадастру Марии-Терезии, которым в Венгрии было отменено прямое крепостное право, крестьяне были обязаны за выделенные им наделы {участки земли размером в 35—40 английских акров, выделенные в каждом имении для поддержания существования бывших крепостных} *безвозмездно отрабатывать* помещикам 104 дня per annum *, помимо выполнения массы мелких повинностей, снабжения помещиков домашней птицей, яйцами и т. п. [II—92] Они должны были также перепрясть 6 фунтов шерсти или пеньки, доставленных помещиком; кроме того, $^1/_{10}$ своего продукта они должны были отдавать церкви и $^1/_2$ (??) помещику. В Венгрии еще в 1771 году из 8 миллионов жителей

* — в год, ежегодно. *Ред.*

помещики составляли $^1/_{21}$ часть [т. е. около 169 тыс. человек], ремесленников же было только 30 921. В подобного рода фактах учение физиократов находит свое историческое обоснование.

* * *

В английских угольных шахтах еженедельно погибало в среднем 15 рабочих. В течение 10 лет, по 1861 год включительно, погибло около 10 000 человек, главным образом — вследствие подлой жадности владельцев угольных шахт. Это в порядке общего замечания. Капиталистическое производство выступает как наиболее экономичное — в определенных пределах, если отвлечься от всего процесса обращения и от чрезвычайной сложности торговых и денежных операций, проистекающей из его базиса, меновой стоимости, — по отношению к *овеществленному труду,* по отношению к труду, овеществленному в товарах. И в то же время капиталистическое производство в большей мере, чем какой-либо другой способ производства, является расточительным по отношению к человеку, к живому труду, оно расточает не только плоть и кровь человека, его физическую силу, но и его умственную и нервную энергию. Действительно, только ценой величайшего ущерба, наносимого развитию каждого индивида в отдельности, достигается их общее развитие в те исторические эпохи, которые являются прелюдией к социалистической организации человеческого общества.

«Если мука — ключ отрады,
Кто б терзаться ею стал?
Разве жизней мириады
Тамерлан не растоптал?» [47]

* * *

В *стоимости продукта* существует больше составных частей, между которыми следует провести различие, чем в *стоимости* авансированного капитала. Последний равен $C + V$. Продукт равен $C + A$. (A — это та часть продукта, которая выражает вновь присоединенный труд.) Однако A равно $V + S$, равно стоимости переменного капитала плюс прибавочная стоимость.

* * *

Если *концентрация* средств производства в руках относительно небольшого числа лиц — по сравнению с работающей массой — вообще представляет собой условие и предпосылку капиталистического производства, так как без нее средства производства не были бы отделены от производителей, а последние, в результате этого, не превратились бы в наемных

рабочих, — то эта концентрация является также и технологическим условием для развития капиталистического способа производства, а вместе с ним — общественной производительной силы. Короче говоря, она является *материальным* условием для производства в крупном масштабе.

[II—93] Посредством концентрации развивается *совместный* труд — ассоциация, разделение труда, применение машин, науки и сил природы. Однако с этим связан еще один момент, который следует рассмотреть лишь при анализе *нормы прибыли*, а не *прибавочной стоимости:* концентрация рабочих и средств труда на небольшом пространстве и т. д., экономия энергии, совместное использование большим количеством рабочих таких средств труда (например, строений и т. д., отопления и т. д.), издержки на которые не возрастают в той же самой пропорции, в какой увеличивается число обслуживаемых ими рабочих, наконец также экономия труда и faux frais of production *. В частности, это обнаруживается также и в сельском хозяйстве:

Благодаря прогрессу земледелия «все то, — а быть может, и еще более значительное, — количество капитала и труда, которое употреблялось некогда для поверхностной обработки 500 акров, теперь концентрируется для более основательного возделывания 100 акров» (*R. Jones*. An Essay on the Distribution of Wealth etc. Part I: Rent. London, 1831, стр. 191) [Русский перевод, стр. 131].

«Затраты на то, чтобы вырастить 24 бушеля зерна на одном акре, теперь меньше тех, которые были нужны, чтобы вырастить 24 бушеля на 2 акрах; *более концентрированное пространство*»

{эта *концентрация пространства* важна также и в промышленности. Но еще важнее здесь применение совместно используемого двигателя и т. д. Несмотря на то что в земледелии пространство является концентрированным по отношению к количеству применяемого капитала и труда, оно представляет собой более широкую сферу производства по сравнению с той сферой производства, которую ранее арендовал или обрабатывал отдельный, самостоятельный агент производства. Эта сфера превосходит прежнюю в абсолютном выражении. Отсюда возможность использования лошадей и т. д.},

«на котором выполняются сельскохозяйственные работы, должно давать некоторые преимущества и сокращать некоторые расходы; изгороди, осушительные мероприятия, семена, уборка урожая и т. д. обходятся дешевле, когда они ограничены одним акром» и т. д. (там же, стр. 199) [Русский перевод, стр. 136].

Билль о десятичасовом рабочем дне и чрезмерный труд.

«Хотя *здоровье населения* является столь важным элементом национального капитала, к сожалению, придется признать, что класс нани-

* — непроизводительных издержек производства. *Ред.*

мателей труда совсем не расположен хранить и беречь это сокровище. «Люди Уэст-Райдинга» («Times» [от 5 ноября 1861 г., стр. 6] цитирует «Twenty-second Report of the Registrar General» за октябрь 1861 года) «превратились в суконщиков для всего человечества и так усердно были заняты этим делом, что здоровье рабочего населения было принесено в жертву и в течение нескольких поколений раса совершенно выродилась бы, если бы не наступила реакция. Билль лорда Шефтсбери ограничил часы детского труда» и т. д. «Внимание к *здоровью рабочих*» (добавляет «Times») «*было навязано фабрикантам* обществом».

* * *

В более или менее крупных пошивочных мастерских Лондона определенный объем труда, затраченный на изготовление, например, одной пары брюк, пиджака и т. д., называется «часом», «получасом» («час» равен 6 пенсам). Здесь, естественно, знают по опыту, сколько в среднем стоит продукт одного часа труда. Если появляются новые моды или требуются какие-либо особые улучшения и переделки, то между предпринимателем и рабочими возникают споры о том, равен ли определенный объем труда одному часу и т. д., пока и здесь дело не уладит опыт. Подобным же образом обстоит дело и во многих лондонских мастерских по изготовлению мебели и т. д.

* * *

(Само собой разумеется, что, за вычетом нескольких недель, требующихся для обучения и т. д., на работу принимаются только те рабочие, которые обладают обычным уровнем квалификации и в течение дня могут изготовить обычную массу продукции. В плохие для коммерции времена и т. д., когда нарушается непрерывность труда, это последнее обстоятельство для предпринимателя, разумеется, безразлично.)

* * *

[III—A] * Как главное достоинство «Фабричных актов»:

«Еще большее благо заключается в том, что, наконец, *ясно* разграничены *собственное* время *рабочего и время его хозяина*. Рабочий знает теперь, *когда оканчивается то время, которое он продает*, и когда *начинается его собственное время*, и, заранее точно зная это, он в состоянии распределить свои собственные минуты в своих собственных целях» («Reports of the Inspectors of Factories for the half year ending 31st October 1859», стр. 52. Сообщение *г-на Роберта Бейкера*).

* * *

Для самого рабочего *рабочая сила* имеет *потребительную стоимость* лишь постольку, поскольку она *есть меновая стоимость,* а не потому, что она *производит* меновые стоимости [48].

* Буквою «*А*» Маркс обозначил оборотную сторону обложки III тетради своей рукописи; далее непосредственно следует 95-я страница. *Ред.*

В качестве потребительной стоимости труд существует только *для* капитала и является *потребительной стоимостью* самого капитала, т. е. той опосредствующей деятельностью, благодаря которой капитал себя *умножает*. Капитал представляет собой самостоятельную меновую стоимость, существующую как процесс, как *процесс возрастания стоимости*.

Отделение собственности от труда выступает как необходимый закон обмена между капиталом и трудом. В качестве не-капитала, *не-опредмеченного* [*не-овеществленного*] *труда* рабочая сила выступает:

1) *негативно* — как не-сырье, не-орудие труда, не-продукт, не-жизненные средства, не-деньги; как *труд*, отделенный от всех средств труда и жизненных средств, от всей своей объективности, как всего лишь возможность. Это — полное отсутствие всего необходимого, лишенная всякой объективности *возможность труда*. Рабочая сила как *абсолютная бедность*, т. е. как полное исключение предметного богатства. Та предметность, которой обладает рабочая сила, это лишь телесность самого рабочего, его собственная предметность;

2) *позитивно* — как не-*опредмеченный* [не-*овеществленный*] труд, как непредметное, субъективное существование самого труда. Труд не как предмет, а как деятельность, как живой источник стоимости. В противоположность капиталу как *действительности* (энтелехии) всеобщего богатства труд выступает как всеобщая, реализующая себя в действии возможность богатства. Труд, с одной стороны, *в качестве предмета*, есть *абсолютная бедность*, [а с другой стороны] в качестве субъекта и деятельности — всеобщая возможность богатства. Таков труд, который *предположен* капиталом в качестве его противоположности, в качестве противоположного капиталу существования и который, с другой стороны, в свою очередь предполагает капитал.

То, что капиталист платит рабочему, представляет собой, как это имеет место у покупателя любого другого товара, его (товара) *меновую стоимость*, которая, следовательно, определена до этого процесса труда; то, что капиталист получает, есть *потребительная стоимость* рабочей силы — самый труд, обогащающая деятельность которого, стало быть, принадлежит *капиталисту*, а *не* рабочему. Таким образом, рабочий не обогащается в результате этого процесса, а создает богатство как *чуждую* ему и господствующую над ним силу. [III—A]

ГЛАВА 2
АБСОЛЮТНАЯ ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ

[III—95] Развиваемая здесь теория верна также и со строго математической точки зрения. Так, применяя дифференциальное исчисление, предположим, например, что имеется функция $y = f(x) + C$, где C — постоянная величина. Превращение x в $x + \Delta x$ не изменяет значения C. Так как постоянная величина не изменяется, то $\Delta C = 0$. Следовательно, дифференциал постоянной величины равняется нулю [49].

а) ПРИБАВОЧНУЮ СТОИМОСТЬ СЛЕДУЕТ РАССМАТРИВАТЬ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО КАК ОТНОШЕНИЕ К ОПРЕДЕЛЕННОЙ, А ИМЕННО, ЗАТРАЧЕННОЙ НА ЗАРАБОТНУЮ ПЛАТУ ЧАСТИ КАПИТАЛА

Прибавочная стоимость, которой капитал обладает в конце процесса производства, будучи выражена в соответствии с общим понятием меновой стоимости, означает, что овеществленное в продукте рабочее время (или количество содержащегося в продукте труда) больше, чем то рабочее время, которое содержалось в первоначальном, авансированном во время процесса производства капитале. Это возможно лишь потому (при предположении, что товар продается по своей стоимости), что овеществленное в цене труда (в заработной плате) рабочее время меньше, чем то живое рабочее время, которым оно возмещается в процессе производства. То, что на стороне капитала выступает как прибавочная стоимость, на стороне рабочего выступает как *прибавочный труд*. Прибавочная стоимость *есть* не что иное, как избыток того количества труда, которое дает рабочий,

над тем количеством овеществленного труда, которое он получил в своей собственной заработной плате, в качестве стоимости своей рабочей силы.

Мы видели, что в обмене между капиталом и рабочей силой обмениваются эквиваленты. Однако результатом сделки, который выступает в процессе производства и который, со стороны капиталиста, составляет истинную цель этой сделки, является то, что капиталист за совершенно определенное количество овеществленного труда покупает большее количество живого труда, т. е. что то рабочее время, которое овеществлено в заработной плате, меньше того рабочего времени, в течение которого рабочий работает на капиталиста и которое поэтому овеществляется в продукте. Посредническая функция обмена между капиталом и рабочей силой (или то, что рабочая сила продается *по своей стоимости*) является таким обстоятельством, которое здесь, где речь идет исключительно об анализе прибавочной стоимости, становится безразличным. Здесь речь идет, напротив, о том, какова, с одной стороны, величина того рабочего времени, которое овеществлено в заработной плате (в стоимости рабочей силы), и какова, с другой стороны, величина того рабочего времени, которое рабочий действительно отдает капиталисту in natura *, иными словами, *какова степень* применения его рабочей силы.

То отношение, в котором овеществленный труд обменивается на живой труд, — т. е. разность между *стоимостью рабочей силы и реализацией этой рабочей силы* капиталистом, — в самом процессе производства принимает другую форму. А именно, оно выступает здесь как расщепление самого̀ живого рабочего времени на две величины, каждая из которых измеряется временем, и как отношение обеих этих величин. А именно, прежде всего рабочий возмещает стоимость своей рабочей силы.

Предположим, что ежедневная стоимость ежедневно потребляемых им жизненных средств равна 10 рабочим часам. Эту стоимость он воспроизводит, работая в течение 10 часов. Эту часть рабочего времени мы назовем *необходимым рабочим временем*. В самом деле, предположим, что материал труда и средство труда — предметные условия труда — являются собственностью самого рабочего. Тогда, по предположению, он должен был бы ежедневно работать в течение 10 часов, должен был бы ежедневно воспроизводить стоимость 10 часов рабочего времени, для того чтобы в каждый последующий день иметь возможность присваивать себе жизненные средства стоимостью в 10 рабочих часов,

* — в натуре, в натуральной форме. *Ред.*

для того чтобы воспроизводить свою собственную рабочую силу, для того чтобы иметь возможность продолжать свою жизнь. Продукт 10-часового труда рабочего был бы равен тому рабочему времени, которое содержится в переработанном сыром материале и в потребленном орудии труда, плюс те 10 часов труда, которые рабочий вновь присоединил к сырому материалу. Рабочий мог бы потребить только последнюю часть продукта, — в том случае, если бы он имел в виду продолжать свое производство, т. е. сохранить для себя условия производства. Ибо для того чтобы иметь возможность постоянно возмещать сырой материал и средства труда, для того чтобы ежедневно снова располагать таким количеством сырого материала и средств труда, которое требуется для осуществления (применения) десятичасового труда, — рабочий из стоимости своего продукта ежедневно должен вычитать стоимость сырого материала и средств труда.

Если стоимость необходимых жизненных средств, ежедневно в среднем потребляемых рабочим, равна 10 рабочим часам, то ему ежедневно приходится работать в среднем по 10 рабочих часов, для того чтобы возобновлять свое ежедневное потребление и иметь возможность обеспечить себе как рабочему необходимые условия жизни. Этот труд был бы *необходим* для самого рабочего, для его [III—96] собственного самосохранения, совершенно независимо от того, является ли он сам или не является собственником условий труда — материала труда и средств труда, подчинен ли его труд капиталу или не подчинен. В качестве рабочего времени, необходимого для сохранения самого рабочего класса, мы можем эту часть рабочего времени назвать *необходимым рабочим временем*.

Однако рассмотрим это еще и с другой точки зрения.

То рабочее время, которое необходимо для того, чтобы воспроизвести стоимость самой рабочей силы, — т. е. ежедневно создаваемый рабочим продукт, требующийся для того, чтобы ежедневное потребление рабочего ежедневно могло возобновляться, — иными словами, то рабочее время, посредством которого рабочий присоединяет к продукту стоимость, которую он сам ежедневно получает и ежедневно уничтожает в форме заработной платы, — это рабочее время постольку является *необходимым рабочим временем* также и с точки зрения капиталиста, поскольку капиталистическое отношение, взятое в целом, предполагает постоянное существование рабочего класса, его непрерывное воспроизводство, а постоянное наличие, сохранение и воспроизводство рабочего класса представляет собой необходимую предпосылку капиталистического производства.

Предположим, далее, что стоимость авансированного для производства капитала просто лишь сохраняется и воспроизводится, т. е. что капиталист не создает в процессе производства никакой новой стоимости. Тогда ясно, что стоимость продукта только в том случае будет равна стоимости авансированного капитала, если рабочий присоединил к сырому материалу столько рабочего времени, сколько он его получил в форме заработной платы, т. е. если он воспроизводит стоимость своей собственной заработной платы. То рабочее время, которое необходимо для того, чтобы рабочий мог воспроизвести стоимость своих собственных ежедневных жизненных средств, является в то же время тем рабочим временем, которое необходимо для того, чтобы капитал мог просто сохранить и воспроизвести свою стоимость.

Мы предположили, что рабочее время продолжительностью в 10 часов равно рабочему времени, содержащемуся в заработной плате; стало быть, то рабочее время, в течение которого рабочий возвращает капиталисту только эквивалент стоимости заработной платы, является в то же время *необходимым рабочим временем,* рабочим временем, необходимым как для сохранения самогò рабочего класса, так и для простого сохранения и воспроизводства авансированного капитала, так же как и, наконец, для обеспечения возможности существования капиталистического отношения вообще.

Итак, по предположению, первые 10 часов, в течение которых работает рабочий, представляют собой *необходимое рабочее время,* и это рабочее время одновременно является всего лишь эквивалентом того овеществленного рабочего времени, которое он получил в форме заработной платы. Все то рабочее время, в течение которого рабочий работает сверх этих 10 часов, сверх необходимого рабочего времени, мы называем *прибавочным трудом.* Если рабочий работает 11 часов, то его прибавочный труд составляет 1 час, если он работает 12 часов, то его прибавочный труд составляет 2 часа, и т. д. В первом случае продукт, помимо стоимости авансированного капитала, содержит прибавочную стоимость в один час, во втором случае — прибавочную стоимость в 2 часа, и т. д. Однако при всех обстоятельствах прибавочная стоимость продукта представляет собой только овеществление прибавочного труда. Прибавочная стоимость представляет собой всего лишь *овеществленное* прибавочное рабочее время, подобно тому как стоимость вообще представляет собой только овеществленное рабочее время. Следовательно, прибавочная стоимость сводится к тому рабочему времени сверх необходимого рабочего времени, в течение которого рабочий работает на капиталиста.

Мы видели, что капиталист платит рабочему эквивалент ежедневной стоимости его рабочей силы, но за это он получает право использовать рабочую силу сверх ее собственной стоимости. Если для того, чтобы ежедневно воспроизводить рабочую силу, ежедневно требуются 10 рабочих часов, то капиталист заставляет рабочего работать, например, 12 часов. Следовательно, фактически он обменивает 10 часов овеществленного (овеществленного в заработной плате) рабочего времени на 12 часов живого рабочего времени. Отношение же, в котором он обменивает рабочее время, равно отношению необходимого рабочего времени рабочего к прибавочному труду, к тому рабочему времени, в течение которого он работает сверх необходимого рабочего времени.

Следовательно, это отношение выступает как отношение двух долей рабочего времени самого̀ рабочего — необходимого рабочего времени и прибавочного труда. Необходимое рабочее время равняется рабочему времени, требующемуся для того, чтобы воспроизвести заработную плату. Стало быть, оно представляет собой всего лишь эквивалент, который рабочий отдает обратно капиталисту. Рабочий получил определенное рабочее время в виде денег; он отдает его обратно в форме живого рабочего времени. Таким образом, необходимое рабочее время представляет собой *оплаченное* рабочее время. Напротив, прибавочный труд не оплачен никаким эквивалентом *. Он представляет собой, наоборот, использование капиталистом рабочей [III—97] силы сверх ее собственной стоимости. Поэтому прибавочный труд представляет собой *неоплаченное* рабочее время. То отношение, в котором овеществленный труд обменивается на живой, сводится к отношению необходимого рабочего времени рабочего к его прибавочному труду, а это последнее отношение сводится к отношению между *оплаченным* и *неоплаченным* рабочим временем. Прибавочная стоимость, равная прибавочному труду, равна неоплаченному рабочему времени. Таким образом, прибавочная стоимость сводится к *неоплаченному рабочему времени,* а высота прибавочной стоимости зависит от отношения прибавочного труда к необходимому труду, или от отношения неоплаченного рабочего времени к оплаченному.

Если теперь рассматривать капитал, то первоначально он распадается на 3 составные части (в некоторых отраслях, например в добывающей промышленности, — только на две; однако мы берем наиболее полную форму — форму обрабаты-

* т. е. прибавочный труд не овеществился *ни в каком* эквиваленте только *для самого̀ рабочего*.

вающей промышленности): сырой материал, орудие производства, наконец, та часть капитала, которая поначалу обменивается на рабочую силу. Здесь мы имеем дело только с меновой стоимостью капитала. Что касается той части стоимости капитала, которая содержится в потребленном сыром материале и средстве производства, то мы видели, что эта часть стоимости просто вновь появляется в продукте. Эта часть капитала присоединяет к стоимости продукта только свою стоимость, которой она обладала независимо от процесса производства. По отношению к стоимости продукта мы можем эту часть капитала назвать его *постоянной* частью. Как было отмечено в *главе 1-й,* стоимость этой части капитала может повышаться или понижаться, но это повышение или понижение не имеет никакого отношения к тому процессу производства, в который эти стоимости входят в качестве стоимостей материала и орудия производства.

Если рабочий работает 12 часов вместо 10, то, естественно, потребуется больше сырого материала, для того чтобы поглотить двухчасовой прибавочный труд. Таким образом, то, что мы называем постоянным капиталом, входит в процесс производства в различных количествах, стало быть, также и в различных стоимостных количествах, с различными величинами стоимости, — в зависимости от количества того труда, который должен быть поглощен сырым материалом и который вообще должен быть овеществлен в процессе производства. Однако *постоянным* он является в том смысле, что величина его стоимости, в каком бы отношении она ни находилась к общей сумме авансированного капитала, без изменения вновь появляется в продукте.

Мы видели, что сама эта часть стоимости не воспроизводится в собственном смысле слова. Она, скорее, просто лишь сохраняется, — в результате того, что потребительные стоимости материала труда и средства труда становятся при посредстве труда составными частями потребительной стоимости нового продукта, вследствие чего их стоимость вновь появляется в этом продукте. Однако эта их стоимость определяется просто тем рабочим временем, которое требовалось для их собственного производства. Материал труда и средство труда присоединяют к содержащемуся в продукте рабочему времени лишь столько рабочего времени, сколько содержалось в них самих *до* процесса производства.

Таким образом, *переменной величиной* является только 3-я часть капитала, которая обменивается на рабочую силу, или авансируется на заработную плату. Во-первых, она действительно воспроизводится. Стоимость рабочей силы, или зара-

ботная плата (ее стоимость и потребительная стоимость) уничтожается, потребляется рабочим. Однако она возмещается новым эквивалентом; место овеществленного в виде заработной платы рабочего времени занимает такое же количество живого рабочего времени, присоединяемого рабочим к сырому материалу или материализуемого в продукте. Однако, во-вторых, эта составная часть стоимости капитала не только воспроизводится и просто возмещается эквивалентом, но и обменивается в действительном процессе производства на такое количество труда, которое равно содержащемуся в ней самой труду плюс избыточное количество труда, прибавочный труд, выполняемый рабочим сверх того рабочего времени, которое необходимо для воспроизводства его собственной заработной платы, т. е. которое содержится в составной части стоимости капитала, сводящейся к заработной плате.

Следовательно, если содержащееся в постоянном капитале рабочее время мы обозначим буквой C, рабочее время, содержащееся в переменном капитале, — буквой V, а время, в течение которого рабочий работает сверх необходимого рабочего времени, — буквой M, тогда содержащееся в продукте рабочее время, т. е. стоимость продукта равна $C + (V + M)$. Первоначальный капитал был равен $C + V$. Следовательно, избыток его стоимости над его первоначальной стоимостью равен M. Однако стоимость C просто вновь появляется в продукте, в то время как стоимость V, во-первых, воспроизведена в виде V, а во-вторых, увеличилась на M. Таким образом, изменилась только та часть стоимости капитала, которую мы обозначили буквой V и которая воспроизвелась в виде $V + M$. Стало быть, M представляет собой лишь результат изменения V *, а та пропорция, в которой создается прибавочная стоимость, выражается как $V : M$, как отношение, в котором рабочее время, содержащееся в составной части стоимости (V) совокупного капитала, обменялось на живое рабочее время; [III—98] или, что то же самое, как отношение между необходимым трудом и прибавочным трудом, как отношение $V : M$. Вновь созданная стоимость возникает только из изменения V, из его превращения в $V + M$. Только эта часть капитала увеличивает свою стоимость, или создает прибавочную стоимость. Поэтому то *отношение*, в котором создается прибавочная стоимость, является отношением между M и V, в котором выраженная в V часть стоимости капитала не только воспроизводится, но и увеличивается. Лучшим

* Предположим, что $C = 0$ и что капиталист авансировал только заработную плату (переменный капитал). Тогда величина M остается *той же самой*, несмотря на то, что ни одна из частей продукта не возмещает C.

доказательством [правильности этого утверждения] является то, что если V просто возмещается рабочим временем, равным рабочему времени, содержащемуся в нем самом, тогда вообще не будет создано никакой прибавочной стоимости, а стоимость продукта будет равна стоимости авансированного капитала.

Следовательно, если прибавочная стоимость вообще представляет собой не что иное, как избыток живого труда, на который обменивается овеществленный в капитале труд, или, что то же самое, если она является не чем иным, как неоплаченным рабочим временем, в течение которого рабочий работает сверх необходимого рабочего времени, — тогда и величина прибавочной стоимости, то отношение, в котором она находится к возмещаемой ею стоимости, то отношение, в котором эта стоимость возрастает, определяется просто отношением $M:V$, отношением между прибавочным трудом и необходимым трудом, или, что то же самое, отношением между рабочим временем, авансированным капиталистом в виде заработной платы, и прибавочным трудом, и т. д.

Таким образом, если необходимое (воспроизводящее заработную плату) рабочее время равно 10 часам, а рабочий работает 12 часов, тогда прибавочная стоимость равна 2 часам, а то отношение, в котором увеличилась авансированная стоимость, составляет $2:10$, т. е. $^{1}/_{5}$, т. е. 20%, какова бы ни была сумма рабочего времени, содержащегося в постоянной части капитала, в C, будь то 50, 60 или 100, короче x рабочих часов, т. е. каково бы ни было отношение между переменной частью капитала и его постоянной частью. Стоимость этой постоянной части, как мы видели, просто вновь появляется в продукте и не имеет абсолютно никакого отношения к процессу создания стоимости, происходящему во время самого процесса производства *.

Весьма важно иметь отчетливое представление о прибавочной стоимости как о прибавочном труде и об отношении

* [I—A] {Если первоначальное отношение между необходимым трудом и прибавочным трудом равно 10 часов : 2 часа, т. е. 5 : 1 и если теперь рабочий вместо 12 часов проработал 16, т. е. на 4 часа больше, то, для того чтобы это отношение осталось тем же самым, рабочий из этих 4 часов должен был бы получить $3^{1}/_{3}$ часа, а капиталист — только $^{2}/_{3}$ часа; ибо $10 : 2 = 3^{1}/_{3} : {}^{2}/_{3} = {}^{10}/_{3} : {}^{2}/_{3} = 10 : 2$.

Из математического закона, гласящего, что «отношение большего [члена] неравенства [к меньшему] уменьшается, а меньшего [члена неравенства к большему] увеличивается, если к обеим частям неравенства прибавить [одно и то же] число», следует, что отношение заработной платы рабочего к прибавочной стоимости остается неизменным а том случае, если дополнительное время, которое проработал рабочий, делится [между ним и капиталистом] в той же пропорции, что и раньше. Прежнее отношение между необходимым трудом и прибавочным трудом составляло 10 : 2, т. е. 5 : 1 ([необходимый труд] в 5 раз больше [прибавочного]). Теперь указанное отношение также было бы равно $13^{1}/_{3} : 2^{2}/_{3} = {}^{40}/_{3} : {}^{8}/_{3} = 40 : 8$ [=5 : 1].} [I—A]

прибавочной стоимости — как об отношении между прибавочным трудом и необходимым трудом. При этом следует пока что полностью оставить обычное представление о прибыли и о норме прибыли. Позднее выяснится, какое отношение имеет место между прибавочной стоимостью и прибылью.

Мы поясним на некоторых примерах этот взгляд на прибавочную стоимость и на норму прибавочной стоимости, на ту пропорцию, в которой прибавочная стоимость возрастает, на ту меру, которой должна измеряться ее величина. Эти примеры заимствованы из статистических источников. Рабочее время, стало быть, всюду выступает здесь в денежном выражении. Кроме того, в расчетах фигурируют различные рубрики, имеющие различные наименования, так, например, наряду с прибылью фигурируют процент, налоги, земельная рента и т. д. Все это — различные части прибавочной стоимости под различными названиями. То, каким образом прибавочная стоимость распределяется между различными классами, какую, следовательно, часть ее промышленный капиталист под различными рубриками отдает, а какую оставляет себе, — это для понимания самой прибавочной стоимости совершенно безразлично. Однако совершенно ясно, что все те лица, под какой бы рубрикой они ни фигурировали, — которые не работают сами, не участвуют в самом материальном процессе производства в качестве рабочих, лишь в том случае могут получить часть стоимости материального продукта, если они участвуют в распределении его прибавочной стоимости, ибо стоимость сырого материала и машин, *постоянная* часть стоимости капитала должна быть возмещена. То же самое относится к необходимому рабочему времени, так как рабочий класс вообще должен сначала отработать такое количество рабочего времени, которое необходимо для сохранения его собственной жизни, прежде чем он будет в состоянии работать на других. Между нерабочими может распределяться только та стоимость, которая равна прибавочному труду рабочего класса, а также, следовательно, только те потребительные стоимости, которые могут быть куплены на эту прибавочную стоимость.

В процессе производства только переменная часть капитала, определенное количество овеществленного труда обменивается на большее количество живого рабочего времени, вообще изменяется, изменяет свою стоимость, создает прибавочную стоимость, и величина этой вновь созданной стоимости всецело зависит от отношения между количеством вымениваемого переменной частью капитала живого прибавочного труда и трудом, содержавшимся в ней до процесса производства.

[III—99] В качестве примера другого рода, в качестве примера непонимания экономистами прибавочного труда и прибавочной стоимости следует привести Сениора.

В разделе о прибавочной стоимости должны быть рассмотрены еще следующие пункты:

1) Мера прибавочного труда. Стремление капитала увеличивать его до бесконечности. 2) Прибавочная стоимость зависит не только от количества часов, в течение которых отдельный рабочий работает сверх необходимого рабочего времени, но и от количества одновременных рабочих дней или от числа рабочих, применяемых капиталистом. 3) Капиталистическое отношение как созидатель прибавочного труда: работать сверх того, что необходимо для удовлетворения насущных потребностей. Цивилизаторская роль капитала. Рабочее время и свободное время. Противоположность. Прибавочный труд и прибавочный продукт. Следовательно, в конечном счете — отношение между населением и капиталом. 4) Тезис г-на Прудона о том, что рабочий не может выкупить свой собственный продукт или оплатить цену части продукта и т. д. [50] 5) Эта форма прибавочной стоимости — абсолютная. Она существует при всех способах производства, основанных на противоположности классов, один из которых является собственником условий производства, другой — собственником труда.

b) ОТНОШЕНИЕ МЕЖДУ ПРИБАВОЧНЫМ ТРУДОМ И НЕОБХОДИМЫМ ТРУДОМ. МЕРА ПРИБАВОЧНОГО ТРУДА

Капиталу присуща безграничная тенденция к самоувеличению, общая с образованием сокровищ. Так как прибавочная стоимость сводится к прибавочному труду, капиталу присуще безграничное стремление увеличивать прибавочный труд. За израсходованный на заработную плату, овеществленный в ней труд — капитал стремится получить взамен максимально возможное количество живого рабочего времени, т. е. максимально возможный избыток рабочего времени над тем рабочим временем, которое требуется для воспроизводства заработной платы, т. е. для воспроизводства стоимости ежедневных жизненных средств самого рабочего. О безграничной в этом отношении необузданности капитала свидетельствует вся его история. Указанная тенденция в неприкрытом виде обнаруживается повсеместно, она лишь сдерживается — отчасти физическими условиями, отчасти препятствиями социального характера (которые она же сама и порождает), останавливаться на которых подробнее здесь нет надобности. Здесь необходимо только констатировать

указанную тенденцию. В этом отношении интересно, например, сравнить современное фабричное производство в Англии с барщинным трудом, скажем, в дунайских княжествах [51]. В обеих этих формах, из которых одна представляет собой развитую капиталистическую форму, а другая — грубейшую форму крепостничества, одинаково осязаемо обнаруживается присвоение чужого прибавочного труда в качестве прямого источника обогащения. Те специальные обстоятельства, которые в условиях фабричного производства, в условиях развитого капиталистического способа производства способствуют противоестественному удлинению рабочего времени за его естественные пределы, могут быть охарактеризованы более подробно лишь в ходе дальнейшего исследования.

При сравнении валашского барщинного труда с английским наемным трудом следует обратить внимание на следующий момент. Если ежедневное совокупное рабочее время рабочего составляет 12 или 14 часов и если необходимое рабочее время в обоих случаях равно лишь 10 часам, то в первом случае рабочий в течение шести рабочих дней проработал бы 6 × 2, т. е. 12 часов, во втором случае — 6 × 4, т. е. 24 часа прибавочного труда. В первом случае из 6 дней один, а во втором случае 2 дня он работал бы на капиталиста без эквивалента. Дело свелось бы к тому, что в течение целого года, неделя за неделей, рабочий 1, 2 или x дней в неделю работает на капиталиста, остальные же дни недели — на самого себя. Такова та форма, в которой в условиях барщинного труда, например валашского, отношение [между прибавочным трудом и необходимым трудом] выступает прямо наружу. По своей сущности указанное всеобщее отношение в обоих случаях является тем же самым, хотя его форма — опосредствование этого отношения — различна.

Однако существуют естественные границы продолжительности ежедневного рабочего времени отдельного индивида. Не говоря уже о времени, требующемся для питания, нужен сон, отдых, перерыв в деятельности рабочей силы и ее органов, во время которого они пребывают в покое, без чего они неспособны продолжать или возобновить работу. В качестве естественной меры продолжительности труда может быть назван сам *день*, как в Англии, где и на самом деле 12-часовой день называют «рабочим днем». Но границы рабочего дня текучи, и мы находим его величину колеблющейся от 10 до 17 (18) часов у различных народов и в отдельных отраслях промышленности у одного и того же народа. Время труда и время отдыха могут быть передвинуты, так что, например, ночью рабочий работает, а днем отдыхает (спит). Или же рабочий день может быть рас-

пределен между днем и ночью. Так, например, на русских фабриках в Москве имеет место 24-часовой, продолжающийся день и ночь напролет труд (как это было в значительной степени в начальный период английской хлопчатобумажной промышленности). Однако в подобных случаях применяются две смены рабочих. Первая смена работает 6 часов днем, а затем ее сменяет вторая смена. После нее первая смена снова работает 6 часов ночью, а на следующие 6 часов ее опять сменяет вторая смена. Или же (как в случае с портнихами, который следует привести; а также и в случае с пекарями) работа может продолжаться — смена за сменой — 30 часов подряд, после чего наступает перерыв, и т. д.

[III—100] Примеры (следует привести их здесь) выколачивания рабочего времени полезны также потому, что в них убедительно выступает то, как стоимость, т. е. богатство как таковое, просто сводится к рабочему времени.

Мы видели, что капиталист оплачивает эквивалент рабочей силы и что использование рабочей силы сверх ее стоимости не находится в противоречии с этой операцией, происходящей в соответствии с законом обмена товаров, — а именно, в соответствии с законом, согласно которому товары обмениваются пропорционально содержащемуся в них рабочему времени, или пропорционально тому рабочему времени, которое требуется для их производства, — напротив, оно проистекает из специфической природы потребительной стоимости того товара, который здесь продается. Поэтому представляется совершенно безразличным, т. е. не обусловленным природой самого отношения то, в какой мере рабочая сила используется капиталистом, или до каких пределов возрастает продолжительность рабочего времени в действительном процессе производства.

Иными словами, это означает следующее: величина живого прибавочного труда, а, стало быть, также величина живого совокупного рабочего времени, которую капитал получает в обмен на определенное — определенное издержками производства самой рабочей силы — количество овеществленного труда, ограничены природой самого этого экономического отношения, по-видимому, в столь же малой степени, в какой тот способ, которым покупатель использует потребительную стоимость какого-либо товара, определяется отношением купли и продажи вообще. Величина прибавочного труда, наоборот, не зависит от этого экономического отношения. Возникающие же здесь в дальнейшем границы, — например, экономические, проистекающие из соотношения между спросом и предложением, или также являющиеся результатом государственного вмешательства

и т. п., — по-видимому, не заключены в самом этом всеобщем отношении.

Однако нужно иметь в виду следующее: то, что на стороне капитала является использованием рабочей силы (или, как мы это называли раньше, потреблением рабочей силы; природа рабочей силы именно такова, что ее потребление в то же время представляет собой процесс увеличения стоимости, овеществление труда), на стороне рабочего является трудом, следовательно, расходованием жизненной силы. Если труд продолжается сверх определенного промежутка времени, т. е. если рабочая сила используется сверх определенной меры, тогда рабочая сила, вместо того чтобы сохраниться, временно или окончательно разрушается.

Например, если капиталист сегодня заставит рабочего работать 20 часов, то завтра рабочий не будет в состоянии работать в течение нормального 12-часового рабочего времени, а, возможно, и вообще в течение какого бы то ни было рабочего времени. Если чрезмерный труд практикуется в течение длительного периода, то рабочий самого себя, а потому и свою рабочую силу, которую он мог бы сохранять, быть может, в течение 20 или 30 лет, сохраняет, быть может, лишь в течение 7 лет. Так, например, известно, что 2 часа мануфактурного труда (труда на дому) по отделению хлопка от семян, который до изобретения хлопкоочистительной машины должны были выполнять рабы в южных штатах Северной Америки после 12 часов полевых работ, — сокращали среднюю продолжительность их трудовой жизни до 7 лет. То же самое происходит и в наше время на Кубе, где негры после 12-часового полевого труда еще два часа должны быть заняты мануфактурным трудом по изготовлению сахара или табака.

Но если рабочий продает свою рабочую силу по ее *стоимости,* — предположение, из которого мы исходим в нашем исследовании, как и вообще мы исходим из предположения, что товары продаются по их стоимости, — то тем самым лишь предположено, что ежедневно он получает такую среднюю заработную плату, которая дает ему возможность по-прежнему продолжать жить в качестве рабочего, т. е. что на следующий день (отвлекаясь от изнашивания, связанного с естественным наступлением старости или же вызванного самим способом его труда) рабочий находится в том же самом нормальном состоянии здоровья, что и накануне, что его рабочая сила воспроизведена или сохранена, т. е. может быть снова использована таким же образом, как и накануне; использована в течение определенного нормального промежутка времени, например, в течение 20 лет.

Таким образом, если прибавочный труд возрастает до размеров чрезмерного труда, который насильственно сокращает нормальную продолжительность функционирования рабочей силы, на какое-то время ее уничтожает, т. е. портит или разрушает вконец, — то указанное условие нарушается. Рабочий предоставляет использование своей рабочей силы, — если он продает ее по ее стоимости, — в распоряжение [капиталиста], однако лишь в таком объеме, который не разрушает стоимость самой рабочей силы; напротив, только в таком объеме, при котором заработная плата дает рабочему возможность воспроизводить рабочую силу, сохранять ее в течение определенного нормального среднего промежутка времени. Если капиталист использует рабочего сверх этого нормального рабочего времени, он разрушает рабочую силу, а тем самым и ее стоимость. Он, однако, купил лишь ежедневную [III—101] среднюю стоимость рабочей силы, стало быть, отнюдь не ту стоимость, которую она, помимо этого дня, имеет еще и на следующий день. Иначе говоря, за 7 лет капиталист не купил той стоимости, которую рабочая сила имеет в течение 20 лет.

Таким образом, подобно тому как, с одной стороны, из специфической потребительной стоимости этого товара — рабочей силы — следует, что само его потребление представляет собой увеличение, созидание стоимости, так, с другой стороны, из специфической природы этой потребительной стоимости следует, что тот объем, в котором она может быть потреблена, в котором она используется, должен быть ограничен определенными рамками, для того чтобы не была разрушена сама меновая стоимость рабочей силы. Здесь, где мы вообще предполагаем, что рабочий продает свою рабочую силу по ее стоимости, мы предполагаем также, что совокупное время, сумма необходимого рабочего времени и прибавочного рабочего времени не превышает величины нормального рабочего дня, будь то 12, 13 или 14 часов, в течение которых рабочий работает для того, чтобы на протяжении определенного нормального среднего промежутка времени сохранять свою рабочую силу в ее обычном состоянии здоровья и работоспособности и ежедневно воспроизводить ее снова и снова.

Из сказанного, однако, вытекает то, что здесь имеет место антиномия в самом всеобщем отношении, антиномия, возникающая из следующего: с одной стороны, помимо естественных границ, абсолютно препятствующих удлинению рабочего времени сверх определенного промежутка времени, из всеобщего отношения между капиталом и трудом — из продажи рабочей силы — не вытекает никаких пределов для прибавочного труда;

с другой стороны, коль скоро прибавочный труд разрушает стоимость самой рабочей силы, в то время как потребление последней было продано только в том объеме, в котором она сохраняется и воспроизводится в качестве рабочей силы, т. е. в том объеме, в котором ее стоимость еще сохраняется в течение определенного нормального промежутка времени, — то прибавочный труд, превышающий некоторую расплывчатую границу, противоречит природе самого отношения, обусловленной продажей рабочим своей рабочей силы.

Продается ли товар ниже или выше своей стоимости, — это, как мы знаем, зависит на практике от соотношения сил (всякий раз определяемого экономически) между покупателем и продавцом. Точно так же и здесь, доставляет ли рабочий прибавочный труд сверх его нормального количества или нет, — это будет зависеть от силы сопротивления, которое он сможет оказать безмерным притязаниям капитала. Однако история современной промышленности учит нас тому, что безмерные притязания капитала никогда не обуздывались разрозненными усилиями рабочих, что эта борьба должна была сначала принять форму классовой борьбы и тем самым вызвать вмешательство государственной власти, пока для ежедневного совокупного рабочего времени не были установлены определенные границы (вплоть до настоящего времени главным образом лишь в некоторых отраслях). Кое-кто подумает, быть может, что подобно тому как рабовладелец, который за 7 лет использовал негра, вынужден его возместить путем новой покупки негров, так и капитал, поскольку постоянное существование рабочего класса является его основной предпосылкой, должен сам оплачивать быстрое изнашивание рабочих. Отдельный капиталист *А* может, дескать, обогатиться путем этого «непредумышленного убийства», в то время как капиталисту *В* или поколению капиталистов *В*, быть может, придется оплатить эти издержки. Однако отдельный капиталист постоянно восстает против совокупного интереса класса капиталистов. С другой стороны, история современной промышленности показала, что постоянное перенаселение возможно, хотя оно и представляет собой поток быстро отживающих, быстро следующих друг за другом, так сказать, срываемых до наступления зрелости человеческих поколений (смотри соответствующее место у Уэйкфилда [52]).

с) ПРИБЫЛЬНОСТЬ ЧРЕЗМЕРНОГО ТРУДА

Предположим, что среднее необходимое рабочее время равно 10 часам; нормальный прибавочный труд равен 2 часам; следовательно, ежедневное совокупное рабочее время рабочего состав-

ляет 12 часов. Предположим теперь, что капиталист заставляет рабочего в течение 6 дней недели ежедневно работать по 13 часов, т. е. один час сверх нормального, или среднего прибавочного рабочего времени. Таким образом, это составит 6 часов, или $^1/_2$ рабочего дня в неделю. Однако в расчет здесь нужно принимать не только эту прибавочную стоимость, созданную за 6 часов. Для того чтобы присвоить 6 часов прибавочного труда, капиталисту пришлось бы, исходя из нормального соотношения [между необходимым и прибавочным трудом], применять 1 рабочего в течение 3 дней или 3 рабочих в течение одного дня, т. е. оплатить 30 часов (3 × 10) необходимого рабочего времени. В результате этого ежедневного дополнительного часа прибавочного труда капиталист за неделю получает количество прибавочного труда, равное половине [нормального] рабочего дня, не оплачивая те 3 дня необходимого рабочего времени, которые при нормальном соотношении [между необходимым и прибавочным трудом] он должен был бы оплатить, для того чтобы присвоить 6 часов прибавочного труда. В первом случае капиталист получает только 20%, во втором случае — 30% прибавочной стоимости, причем последние 10% прибавочной стоимости достались ему без каких-либо затрат необходимого рабочего времени.

d) ОДНОВРЕМЕННЫЕ РАБОЧИЕ ДНИ

[III—102] *Масса прибавочной стоимости* зависит, очевидно, не только от прибавочного труда, который отдельный рабочий выполняет сверх необходимого рабочего времени, но в такой же степени и от количества рабочих, которых капитал применяет одновременно, или от числа одновременных рабочих дней, которые он использует и каждый из которых равен необходимому рабочему времени плюс прибавочное рабочее время. Если необходимое рабочее время равно 10 часам, прибавочный труд равен 2 часам и, таким образом, совокупный рабочий день одного рабочего составляет 12 часов, то величина прибавочной стоимости будет зависеть от ее собственной величины [создаваемой одним рабочим в течение одного рабочего дня], помноженной на число рабочих, которых применяет капитал, или помноженной на число одновременных рабочих дней, результатом которых является интересующая нас прибавочная стоимость. Под одновременными рабочими днями мы понимаем то время, в течение которого определенное число рабочих работает на протяжении одного и того же дня.

Например, если капиталист применяет 6 рабочих, каждый из которых работает 12 часов, то он овеществляет в процессе

производства, превращает в предметную форму стоимости 6 одновременных рабочих дней, или 72 часа. Если прибавочный труд одного рабочего составляет 2 часа на 10 часов необходимого рабочего времени, то прибавочный труд 6 рабочих равен 6×2, т. е. 12 часам (стало быть, он равен прибавочному труду отдельного рабочего, помноженному на число одновременно занятых рабочих). Следовательно, n рабочих доставляют $n \times 2$ часов прибавочного труда, причем ясно, что величина продукта $n \times 2$ часов зависит от величины n — множителя, выражающего число рабочих или число одновременных рабочих дней.

Не менее ясно и то, что если *масса*, общее количество прибавочной стоимости возрастает вместе с числом рабочих и от него зависит, то *отношение* прибавочной стоимости к необходимому рабочему времени, или та пропорция, в которой возрастает авансированный для покупки труда капитал, *пропорциональная величина* прибавочной стоимости не претерпевает от этого никаких изменений, а следовательно, без изменений остается и то отношение, в котором находятся друг к другу оплаченный и неоплаченный труд. Отношение $2:10$ составляет 20%, равно как и отношение $2 \times 6 : 10 \times 6$, или $12:60$ $(2:10 = 12:60)$. (Или, в более общем виде, $2:10 = (n \times 2):(n \times 10)$, так как $2 \times n \times 10 = 10 \times n \times 2$.) Если предположить, что отношение прибавочной стоимости к необходимому рабочему времени дано, то сумма прибавочной стоимости может возрастать только в той пропорции, в которой возрастает число рабочих (число одновременных рабочих дней). Если предположить, что дано число рабочих, то сумма, масса прибавочной стоимости может возрастать лишь в той мере, в какой возрастает сама прибавочная стоимость, т. е. вместе с продолжительностью прибавочного труда. ($2 \times n$ (где n — число рабочих) равно $4 \times n/2$.)

Таким образом, ясно, что если дано определенное соотношение между необходимым рабочим временем и прибавочным трудом, — или если то совокупное время, в течение которого работает рабочий, достигло размеров того, что мы называем *нормальным рабочим днем*, — то масса прибавочной стоимости зависит от числа одновременно занятых рабочих и может возрастать лишь в той мере, в какой возрастает это число.

Следовательно, нормальный рабочий день мы рассматриваем в качестве *меры* потребления и использования рабочей силы.

Масса прибавочной стоимости зависит, стало быть, от количества населения и от других обстоятельств (величины капитала и т. д.), которые мы сейчас подвергнем исследованию.

Предварительно необходимо еще заметить следующее. Для того чтобы товаровладелец или владелец денег мог использовать в качестве капитала свои деньги или свой товар, одним словом, ту стоимость, которой он обладает, и в результате этого сам мог производить как капиталист, с самого начала необходимо, чтобы он был в состоянии одновременно применить определенный минимум рабочих. Также и с этой точки зрения некая *минимальная величина* стоимости является необходимой предпосылкой для того, чтобы капитал мог быть применен в качестве производительного капитала. Первое условие, определяющее эту величину, вытекает уже из того, что если рабочему, чтобы он мог жить как рабочий, сырой материал (и средства труда) нужен лишь в таком количестве, какое требуется, чтобы поглотить необходимое рабочее время в размере, скажем, 10 часов, то капиталист должен сверх того купить по меньшей мере столько сырого материала (а также вспомогательных материалов и т. д.), сколько требуется для того, чтобы поглотить прибавочное рабочее время.

А во-вторых, предположим, что необходимое рабочее время равно 10 часам, прибавочное рабочее время — 2 часам; тогда капиталист, если сам он не работает, должен будет уже применить 5 рабочих, чтобы ежедневно получать прибавочную стоимость в размере 10 рабочих часов сверх стоимости своего капитала. Но то, что капиталист ежедневно получал бы в форме прибавочной стоимости, [III—103] дало бы ему лишь возможность жить так, как живет один из его рабочих. И даже это — лишь при том условии, что, как и у рабочего, его целью является всего лишь поддержание своей жизни, а не умножение капитала, как это предполагается при капиталистическом производстве. Даже если бы капиталист сам работал и, следовательно, сам получал заработную плату, даже и тогда его образ жизни едва ли отличался бы от образа жизни рабочего, во всяком случае был бы к нему весьма близок, особенно если бы он увеличивал свой капитал, т. е. капитализировал бы часть прибавочной стоимости. Такого рода отношение можно наблюдать у цеховых мастеров в средние века (а отчасти и у теперешних ремесленников). Они производили не как капиталисты (они находились в положении лишь несколько лучше оплачиваемого рабочего, и эта граница фиксировалась цеховыми законами).

Итак, если дано необходимое рабочее время, а также отношение к нему прибавочного труда, одним словом, если дан нормальный *рабочий день*, общая продолжительность которого равна необходимому рабочему времени плюс время, в течение которого продолжается прибавочный труд, то *масса прибавочного труда*,

а следовательно, и *масса прибавочной стоимости* зависит от количества одновременных рабочих дней или от количества рабочих, которое капитал может одновременно привести в движение. Другими словами: масса прибавочной стоимости — ее общая сумма — будет зависеть от массы имеющейся в наличии и находящейся на рынке рабочей силы, а следовательно, от численности работающего населения и от той пропорции, в которой это население возрастает. Естественный рост населения, а стало быть, и увеличение находящейся на рынке рабочей силы является поэтому *производительной силой капитала,* так как этот рост образует основу для роста абсолютной суммы прибавочной стоимости (т. е. прибавочного труда).

С другой стороны, ясно, что капитал, для того чтобы он мог применить большее количество рабочих, должен возрастать. Во-первых, должна возрастать его *постоянная* часть, т. е. та часть капитала, стоимость которой лишь вновь появляется в продукте. Для того чтобы поглотить больше труда, требуется больше труда, требуется больше сырого материала. А также, хотя и не в столь определенной пропорции, больше средств труда. Предположим (здесь, где мы пока еще рассматриваем только абсолютную форму прибавочной стоимости, это предположение допустимо, так как хотя эта форма прибавочной стоимости остается основной формой также и способа производства, преобразованного капиталом, она еще присуща способу производства капитала и представляет собой его единственную форму в течение того времени, когда капитал подчиняет себе процесс труда лишь формально, когда, стало быть, фактически более ранний способ производства, при котором человеческий ручной труд является главным фактором производства, только берется под контроль капитала), что ручной труд является главным фактором, что производство имеет ремесленный характер, тогда число орудий и средств труда должно будет возрастать почти пропорционально возрастанию числа самих рабочих и количества сырого материала, требующегося в качестве материала труда большему числу рабочих. Таким образом, стоимость всей *постоянной* части капитала возрастает в той же пропорции, в какой растет число применяемых рабочих.

Во-вторых, должна возрастать (как возрастает постоянный капитал) также и *переменная* часть капитала, которая обменивается на рабочую силу, — в той же пропорции, в какой возрастает число рабочих, или число одновременных рабочих дней. Эта переменная часть капитала при данном предположении будет возрастать всего значительнее, так как в условиях ремесленного производства существенный фактор производства,

ручной труд отдельного рабочего, за данный промежуток времени доставляет лишь незначительное количество продукта, а следовательно, невелико и количество потребленного в процессе производства материала по отношению к примененному труду; точно так же и ремесленные орудия несложны и сами представляют лишь незначительные стоимости. Так как переменная часть капитала образует наибольшую составную часть капитала, то при его возрастании она должна будет возрастать наиболее значительно. Или же, так как переменная часть капитала образует его наибольшую часть, то как раз эта часть, при обмене на большее количество рабочей силы, должна возрастать наиболее значительно.

Если я применяю капитал, $^2/_5$ которого являются его постоянной частью, а $^3/_5$ израсходованы на заработную плату, то, если капитал вместо n рабочих применит $2 \times n$ рабочих, расчет получится следующий: первоначально капитал был равен $n\,(^2/_5 + {^3/_5})$, т. е. $^2/_5\,n + {^3/_5}\,n$; теперь он равен $^4/_5\,n + {^6/_5}\,n$. Как бы ни возрастало число рабочих, затраченная на заработную плату, или переменная, часть капитала всегда будет в той же пропорции превосходить его постоянную часть, всегда будет находиться с постоянной частью капитала в том же соотношении, в каком она — в большем объеме — была предположена с самого начала.

Итак, с одной стороны, для того чтобы при данных условиях возросла масса прибавочной стоимости, т. е. возрос совокупный капитал, должно возрасти население; с другой стороны, предполагается, что для того чтобы возросло население, уже должно произойти возрастание капитала. Таким образом, здесь, по-видимому, имеет место circulus vitiosus * {который пока что следует оставить в стороне, без объяснений; этот вопрос относится к гл. V [53]}.

[III—104] Если предположить, что средняя заработная плата является достаточной не только для того, чтобы рабочее население сохранялось, но и для того, чтобы оно постоянно возрастало в какой бы то ни было пропорции, то с самого начала дано возрастающее рабочее население для возрастающего капитала и одновременно с этим — возрастание прибавочного труда, а следовательно, в результате роста населения дан также рост капитала. Собственно говоря, в условиях капиталистического производства и следует исходить из этого предположения, так как оно заключает в себе постоянное умножение прибавочной стоимости, т. е. капитала. Каким образом само капиталистиче-

* — «порочный круг», «заколдованный круг». *Ред.*

ское производство способствует возрастанию населения, — здесь еще не подлежит исследованию.

Численность населения, работающего под командованием капитала в качестве наемных рабочих, или количество находящейся на рынке рабочей силы, может возрастать без абсолютного роста населения или также без абсолютного роста хотя бы только рабочего населения. Например, если члены рабочей семьи — женщины и дети, — которые раньше не работали, вынуждены идти на службу к капиталу, то число наемных рабочих увеличивается, без абсолютного увеличения численности работающего населения. Это увеличение может произойти без того, чтобы увеличилась переменная часть капитала, которая обменивается на труд. Семья могла бы по-прежнему получать ту же самую заработную плату, на которую она жила и до этого. Только за ту же самую заработную плату ей пришлось бы доставлять капиталисту больше труда.

С другой стороны, может иметь место абсолютное возрастание рабочего населения, без того чтобы абсолютно возрастала общая численность населения. Если те слои населения, которые раньше обладали условиями труда и работали с их помощью, — например, самостоятельные ремесленники, парцеллярные крестьяне, наконец, мелкие капиталисты, — под воздействием капиталистического производства лишаются своих условий труда (собственности на них), то они могут превратиться в наемных рабочих и таким образом абсолютно увеличить численность рабочего населения, хотя бы абсолютная численность населения при этом и не увеличилась. Увеличилась бы лишь численная величина различных классов, и возросло бы то отношение, в котором эти классы находятся к абсолютному количеству населения. Но это, как известно, является одним из следствий проистекающей из капиталистического производства централизации. В этом случае абсолютно увеличилась бы масса рабочего населения. Масса имеющегося в наличии, применяемого в производстве богатства не увеличилась бы абсолютно. Однако абсолютно увеличилась бы та часть богатства, которая превратилась в капитал и действует в качестве капитала.

В обоих случаях имеет место рост числа наемных рабочих, но в одном случае без абсолютного возрастания рабочего населения, а в другом — без абсолютного роста всего населения; в одном случае — без возрастания затрачиваемого на заработную плату капитала, а в другом — без предварительного абсолютного возрастания массы богатства, предназначенного для воспроизводства. Тем самым одновременно имел бы место рост прибавочного труда, прибавочной стоимости, а потому

и, δυνάμει*, рост капитала, необходимого для абсолютного роста населения. {Все это следует рассмотреть в разделе о накоплении.}

e) ХАРАКТЕР ПРИБАВОЧНОГО ТРУДА

Раз существует такое общество, в котором некоторые лица живут не работая (не участвуя непосредственно в производстве потребительных стоимостей), то ясно, что условием существования всей надстройки этого общества является прибавочный труд рабочих. От этого прибавочного труда неработающие лица получают двоякий выигрыш: *во-первых,* материальные условия жизни — путем участия в продукте, за счет которого и посредством которого они существуют; в продукте, доставляемом рабочими сверх того продукта, который требуется для воспроизводства их собственной рабочей силы. *Во-вторых,* то свободное время, которое неработающие лица имеют в своем распоряжении, будь то для безделья или для осуществления деятельности, не являющейся непосредственно производительной (как, например, война, государственное управление), или же для развития человеческих способностей и общественных потенций (искусство и т. д., наука), не преследующих никакой непосредственно практической цели, — это свободное время предполагает прибавочный труд на стороне работающей массы, т. е. предполагает, что рабочие должны затрачивать в материальном производстве больше времени, чем его требуется для производства их собственной материальной жизни.

Свободное время на стороне неработающих слоев общества базируется на *прибавочном труде* или *чрезмерном труде,* на *прибавочном рабочем времени* работающей части общества; свободное развитие на одной стороне базируется на том, что все свое время, стало быть, все пространство для своего развития, рабочие вынуждены затрачивать исключительно на [III—105] производство определенных потребительных стоимостей; развитие человеческих способностей на одной стороне базируется на тех барьерах, которые поставлены развитию на другой стороне. На этом антагонизме базируется вся существовавшая до сих пор цивилизация и все общественное развитие.

Таким образом, *с одной стороны,* свободное время одних соответствует времени чрезмерного труда, порабощенному трудом времени других — времени их существования и деятельности в качестве всего лишь рабочей силы. *С другой стороны,*

* — потенциально. *Ред.*

прибавочный труд реализует себя не только в большем количестве стоимости, но и в *прибавочном продукте* — в избытке продукта над тем его количеством, которое требуется работающему классу для его собственного существования и которое он потребляет.

Стоимость наличествует в потребительной стоимости. Следовательно, прибавочная стоимость — в прибавочном продукте. Прибавочный труд — в добавочном производстве, которое образует базис для существования классов, непосредственно не поглощенных материальным производством. Таким образом, общество развивается в результате того, что работающая масса, которая образует его материальный базис, напротив, лишена возможности развиваться. Отнюдь не является необходимым, чтобы прибавочный продукт служил выражением увеличившейся стоимости. Если 2 квартера пшеницы являются продуктом того же самого количества рабочего времени, которое раньше выражалось в одном квартере пшеницы, то эти 2 квартера выражают не бо̀льшую стоимость, чем раньше один. Но если предположить определенный, данный уровень развития производительных сил, то прибавочная стоимость всегда представлена в прибавочном продукте; это означает, что продукт (потребительная стоимость), являющийся результатом 2 часов труда, представляет собой вдвое бо̀льшую величину, чем продукт, созданный в течение одного часа.

Выражаясь более определенно: то прибавочное рабочее время, в течение которого работающая масса работает сверх меры, необходимой для воспроизводства ее собственной рабочей силы, ее собственного существования, сверх *необходимого труда*, это прибавочное рабочее время, выступающее в качестве прибавочной стоимости, в то же время материализуется в прибавочном продукте, и этот прибавочный продукт представляет собой материальный базис существования всех классов, находящихся за рамками работающих классов, всей надстройки общества. *Вместе с тем он высвобождает время,* предоставляет неработающим классам свободное время для развития других способностей. Производство прибавочного рабочего времени на одной стороне вместе с тем является производством *свободного* времени на другой стороне. Все человеческое развитие, в той мере, в какой оно выходит за рамки развития, непосредственно необходимого для естественного существования людей, состоит исключительно в использовании этого свободного времени и предполагает его как свой необходимый базис. Таким образом, свободное время общества создается посредством созидания несвободного времени, рабочего времени рабочих, удлиненного

за пределы рабочего времени, необходимого для их собственного существования. Свободное время на одной стороне соответствует порабощенному времени на другой.

Рассматриваемая нами здесь форма прибавочного труда — труда, выполняемого сверх меры необходимого рабочего времени, — является у капитала общей со всеми теми формами общества, развитие которых выходит за рамки чисто природного отношения и поэтому является антагонистическим развитием — общественное развитие одних делает своим природным базисом труд других.

Абсолютное прибавочное рабочее время, которое здесь рассматривается, остается базисом также и в условиях капиталистического производства, хотя мы познакомимся еще и с другой формой прибавочного рабочего времени.

Коль скоро здесь мы имеем дело только с противоположностью между рабочим и капиталистом, то все неработающие классы должны вместе с капиталистом участвовать в дележе продукта прибавочного труда; так что это прибавочное рабочее время не только создает базис их материального существования, но одновременно создает и их *свободное время*, сферу их развития.

Абсолютная прибавочная стоимость, т. е. абсолютный прибавочный труд, и в дальнейшем всегда остается господствующей формой [капиталистического производства].

Подобно тому как растение живет за счет земли, скот за счет растения или за счет травоядного скота, — так та часть общества, которая обладает свободным временем, временем, не поглощенным непосредственным производством средств существования, живет за счет прибавочного труда рабочих.

Мы увидим, как экономисты и т. д. рассматривают эту противоположность как естественную. Поэтому богатством оказывается свободное время [54]. Так как прибавочная стоимость в первую очередь выступает в виде прибавочного продукта, а все другие виды труда уже представляют собой свободное время по сравнению с тем рабочим временем, которое затрачивается на производство продуктов питания, то отсюда ясно, почему физиократы основывают прибавочную стоимость на прибавочном продукте в земледелии, который они только ошибочно рассматривают как простой дар природы.

[III—106] Уже здесь может быть отмечено следующее:

Отрасли труда, предназначенные для производства товаров, отличаются друг от друга степенью их необходимости, а эта степень зависит от той относительной необходимости, в силу которой создаваемая этими отраслями потребительная стоимость

требуется для физического существования [человека]. Такого рода *необходимый* труд имеет отношение к потребительной стоимости, а не к меновой стоимости. Это означает, что речь здесь идет не о рабочем времени, необходимом для того, чтобы создать ту или иную стоимость, которая может быть сведена к сумме продуктов, необходимых рабочему для его существования; речь здесь идет об относительной необходимости потребностей, удовлетворяемых продуктами различных видов труда. В этом отношении земледельческий труд (под которым следует понимать всякий труд, требующийся для создания непосредственных продуктов питания) является самым необходимым. Он впервые создает для промышленности «свободные руки», как выражается Стюарт [55].

Однако здесь необходимо провести дальнейшие различия. В то время как один человек все свое свободное время расходует в земледелии, другой может его расходовать в промышленности. Имеет место разделение труда. Но точно так же прибавочный труд во всех других отраслях покоится на прибавочном труде в земледелии, которое доставляет всем им сырье.

«Ясно, что относительная численность тех людей, которые могут существовать не занимаясь земледельческим трудом, всецело определяется производительностью труда земледельцев» (*R. Jones*. An Essay on the Distribution of Wealth. London, 1831, стр. 159—160) [Русский перевод, стр. 114].

ДОБАВЛЕНИЯ

[III—109] *Добавления к а)*.

Первое [*добавление*]. В своей работе «Letters on the Factory Act, as it affects the Cotton Manufacture» etc. London, 1837, *Нассау У. Сениор* [56] говорит следующее:

«При нынешнем законодательстве ни одна фабрика, на которой заняты лица моложе 18 лет, не может работать более $11^1/_2$ часов в день, т. е. по 12 часов в первые 5 дней недели и 9 часов в субботу. Следующий анализ показывает, что на такой фабрике вся чистая прибыль происходит от *последнего часа*. Фабрикант затрачивает 100 000 ф. ст.: 80 000 ф. ст. на фабричные здания и машины, 20 000 ф. ст. на сырой материал и заработную плату. Годовая выручка фабрики, при условии, что совокупный капитал оборачивается один раз в год и что валовая прибыль составляет 15%, должна состоять из товаров стоимостью в 115 000 ф. ст., воспроизведенной путем постоянного обратного превращения 20 000 ф. ст. оборотного капитала из денег в товары и из товаров в деньги в промежутки времени, несколько бо́льшие, чем два месяца. Каждая из 23 половин рабочего часа [составляющих рабочий день] ежедневно производит $^5/_{115}$, или $^1/_{23}$ этих 115 000 ф. ст. Из этих $^{23}/_{23}$, в совокупности образующих 115 000 ф. ст., $^{20}/_{23}$, т. е. 100 000 из 115 000 ф. ст. лишь возмещают капитал; $^1/_{23}$, или 5 000 из 15 000 ф. ст. (прибыль) возмещают изнашивание фабрики и машин. Остающиеся $^2/_{23}$, т. е. два последних получаса каждого

дня, производят чистую прибыль в 10%. Поэтому, если бы (при неизменных ценах) фабрика могла работать 13 часов вместо $11^1/_2$, то, при увеличении оборотного капитала приблизительно на 2 600 ф. ст., чистая прибыль увеличилась бы более чем вдвое. С другой стороны, если бы при неизменных ценах количество рабочих часов, затрачиваемых ежедневно, сократилось на один час, то была бы уничтожена чистая прибыль, а если бы оно сократилось на $1^1/_2$ часа, то была бы уничтожена также и валовая прибыль» (стр. 12—13).

Во-первых, насколько правильны или неправильны приведенные Сениором конкретные данные, это для предмета нашего исследования безразлично. Однако мимоходом можно заметить, что английский фабричный инспектор *Леонард Хорнер* — человек, которого в равной мере отличают как основательное знание дела, так и неподкупная любовь к истине, — доказал лживость тех данных, которые г-н Сениор в качестве верного эха манчестерских фабрикантов привел в 1837 г. (см. Leonhard Horner. A Letter to Mr. Senior. [In: *Senior, N. W.* Letters on the Factory Act, as it affects the Cotton Manufacture. To which are appended, a Letter to Mr. Senior from L. Horner, and Minutes of a Conversation between Mr. E. Ashworth, Mr. Thomson and Mr. Senior.] London, 1837).

Во-вторых, приведенная цитата из Сениора характерна для того отупения, в которое безнадежно впадают толкователи науки, как только они берут на себя низкую роль сикофантов господствующего класса. Сениор написал цитированную выше работу в интересах владельцев хлопчатобумажных фабрик. Перед тем как приступить к ней, он специально отправился в Манчестер, для того чтобы получить материал для своей работы у самих фабрикантов.

В приведенной цитате Сениор — профессор политической экономии в Оксфорде и один из самых известных современных английских экономистов — допускает такие грубые ошибки, которые он едва ли простил бы своим ученикам. Он выдвигает нелепое утверждение, будто годовой труд на хлопчатобумажной фабрике, или, что то же самое, ежедневный труд продолжительностью в $11^1/_2$ часа, день за днем, в течение года создает, помимо рабочего времени (или стоимости), присоединяемого им самим при помощи машин к сырому материалу, к хлопку, [III—110] также еще и стоимость содержащегося в продукте сырого материала и стоимость потребленных в процессе производства машин и фабричного здания. Согласно этому утверждению, рабочие, например, хлопкопрядильной фабрики в течение своего $11^1/_2$-часового рабочего времени, помимо прядильного труда, т. е. стоимости, создаваемой этим трудом, одновременно произвели бы еще и хлопок, который они обрабатывают, а также машину,

с помощью которой они обрабатывают этот хлопок, и фабричное здание, в котором происходит этот процесс. Только в этом случае г-н Сениор мог бы сказать, что 23 рабочих получаса труда, ежедневно затрачиваемых в течение целого года, образуют 115 000 ф. ст., т. е. стоимость годового совокупного продукта.

Сениор считает так: в течение дня рабочие столько-то часов работают для того, чтобы «возместить», т. е. создать стоимость хлопка, столько-то часов для того, чтобы «возместить» стоимость изношенной части машин и фабрики, столько-то часов для того, чтобы произвести свою собственную заработную плату и столько-то часов для того, чтобы произвести прибыль. Это детски наивное представление, согласно которому рабочий, кроме своего собственного рабочего времени, одновременно затрачивает также и рабочее время, содержащееся в сыром материале, который он обрабатывает, и в машинах, которые он применяет, т. е. производит сырой материал и машины *в тот же самый промежуток времени,* когда они в качестве готовых продуктов образуют условия его труда, — объясняется тем, что Сениор, целиком находясь под властью преподанных ему фабрикантами уроков, передает в искаженном виде их практический способ подсчета, который, правда, хотя и является теоретически совершенно правильным, но, с одной стороны, совершенно безразличен для того отношения, которое якобы рассматривает Сениор, а именно, для отношения между рабочим временем и прибылью, а с другой стороны, легко создает нелепое представление, будто рабочий производит не только ту стоимость, которую он присоединяет к условиям своего труда, но еще и стоимость самих этих условий труда.

Указанный практический подсчет заключается в следующем. Допустим, что стоимость совокупного продукта, скажем, 12-часового рабочего времени, состоит, например, на $^1/_3$ из стоимости материала труда, стало быть, например, хлопка, на $^1/_3$ из стоимости средств труда, например, машин, и на $^1/_3$ из вновь присоединенного труда, например, прядения. Числовое соотношение здесь безразлично. Можно взять какое угодно соотношение. Предположим, что стоимость этого продукта равна 3 ф. ст. Тогда фабрикант может вести следующий подсчет: стоимость продукта $^1/_3$ ежедневного рабочего времени, или 4 рабочих часов равна стоимости того хлопка, который мне требуется для 12 часов, или который израсходован на совокупный продукт. Стоимость продукта второй трети ежедневного рабочего времени равна стоимости машин, которые я использовал за 12 часов. Наконец, стоимость продукта третьей

трети ежедневного рабочего времени равна заработной плате плюс прибыль.

Таким образом, фабрикант может сказать, что $^1/_3$ продукта ежедневного рабочего времени возмещает ему стоимость хлопка, вторая треть — стоимость машин, наконец, третья треть образует заработную плату и прибыль. Однако в действительности это означает не что иное, как то, что все 12 часов ежедневного рабочего времени присоединяют к существующей независимо от них стоимости хлопка и машин только самих себя, только ту стоимость, которая образует, с одной стороны, заработную плату, а с другой, прибыль. А именно: стоимость продукта первой трети рабочего дня, или первых 4 часов равна $^1/_3$ стоимости совокупного продукта 12 рабочих часов.

Стоимость продукта этих первых четырех часов равна 1 ф. ст., если стоимость 12-часового совокупного продукта равна 3 ф. ст. Но $^2/_3$ стоимости этого 1 ф. ст., т. е. $13^1/_3$ шилл., состоят (по предположению) из уже имеющейся налицо стоимости хлопка и машин. Вновь присоединенная стоимость составляет лишь $^1/_3$ [стоимости в 1 ф. ст.], или стоимость в $6^2/_3$ шилл., создаваемую за 4 рабочих часа. Стоимость *продукта* первой трети рабочего дня равна 1 ф. ст., потому что $^2/_3$ этого продукта, или $13^1/_3$ шилл., состоят из заранее предпосланных и лишь вновь появляющихся в продукте стоимостей сырого материала и потребленных машин. За 4 часа труд создал стоимость лишь в $6^2/_3$ шилл., и поэтому за 12 часов он создаст стоимость лишь в 20 шилл., или в 1 ф. ст. Стоимость *продукта* 4-часового труда есть как раз нечто совершенно иное, чем вновь созданная стоимость, т. е. стоимость, создаваемая *вновь присоединенным трудом,* прядильным трудом, который, по предположению, увеличивает имеющиеся в наличии стоимости только на $^1/_3$. За первые 4 часа прядильный труд перерабатывает сырой материал не 12, а 4 часов. Если же стоимость пряжи, созданной за 4 часа, равна стоимости хлопка, переработанного за 12 часов, то это происходит лишь потому, что, по предположению, стоимость хлопка составляет $^1/_3$ стоимости пряжи, созданной в течение каждого отдельного часа, а стало быть, составляет также $^1/_3$ стоимости пряжи, произведенной за 12 часов, т. е. равна стоимости пряжи, произведенной за 4 часа.

Фабрикант мог бы также считать, что продукт 12-часового труда возмещает ему стоимость хлопка, переработанного за 3 дня, и столь же мало затронул бы этим само отношение, о котором идет речь. Для фабриканта такой подсчет имеет практическое значение. На той ступени развития производства, на которой он работает, он должен переработать столько хлопка,

сколько требуется для того, чтобы поглотить определенное количество рабочего времени. Если в совокупной стоимости совокупного продукта 12 рабочих часов хлопок [III—111] составляет $^1/_3$, то продукт $^1/_3$ совокупного 12-часового рабочего дня, или 4 часов, образует стоимость хлопка, переработанного в течение 12 часов. Отсюда видно, насколько важным является уяснение того, что в определенном процессе производства, стало быть, например, в прядении, рабочий не создает никакой другой стоимости, кроме той, которая измеряется его собственным рабочим временем (в данном случае временем прядения); одна часть этого рабочего времени возмещает заработную плату, а другая образует достающуюся капиталисту прибавочную стоимость.

(В действительности рабочие не *производят* и не *воспроизводят* ни одной частицы как стоимости сырья, так и стоимости машин и т. д. К стоимости сырья и к стоимости потребленных в производстве машин они присоединяют только свой собственный труд, и этот их труд и представляет собой вновь созданную стоимость, одна часть которой равна их собственной заработной плате, а другая равна прибавочной стоимости, получаемой капиталистом. Поэтому также — если производство должно продолжаться — между капиталистом и рабочим делится не весь продукт, а лишь продукт минус стоимость израсходованного на него [постоянного] капитала. Ни один час труда рабочих не посвящен «возмещению» капитала в том смысле, как это понимает Сениор, т. е. так, что труд якобы создает двойную стоимость: свою собственную стоимость и стоимость своего материала и т. д. Утверждение Сениора сводится лишь к тому, что из $11^1/_2$ часа, в течение которых работает рабочий, $10^1/_2$ образуют его заработную плату и только $^2/_2$, или 1 час, составляют его прибавочное рабочее время.)

В-третьих. Совершенно ненаучный подход г-на Сениора заключается в том, что то, от чего все зависит, а именно, израсходованный на заработную плату капитал, он вовсе не выделяет, а сваливает в одну кучу с капиталом, израсходованным на сырой материал. Между тем, если бы приведенное им соотношение было правильным, то из $11^1/_2$ часа, или из $^{23}/_{23}$ [в совокупности образующих рабочий день] рабочие $^{21}/_{23}$ рабочего дня [или 21 получас] работали бы на себя и только $^2/_{23}$ рабочего дня [или 2 получаса] прибавочного труда приносили бы капиталисту.

В соответствии с этим прибавочный труд относился бы к необходимому труду как 2 : 21, как 1 : $10^1/_2$; т. е. он составлял бы $9^{11}/_{21}$ %, и это должно было бы дать 10% прибыли на весь капитал! Самое удивительное из того, что обнаруживает полное

невежество Сениора в отношении природы прибавочной стоимости, заключается в следующем: Сениор полагает, что из $^{23}/_{23}$ [в совокупности образующих рабочий день, т. е. из 23] получасов, или из $11^1/_2$ часа только один час образует прибавочный труд, а стало быть, и прибавочную стоимость, и поэтому он удивляется тому, что если бы рабочие к этому 1 часу прибавочного труда присоединили еще $1^1/_2$ часа прибавочного труда, т. е. если бы они вместо 2 получасов прибавочного труда работали 5 получасов (всего, следовательно, 13 часов), то чистая прибыль возросла бы *более чем вдвое*. Столь же наивным является его открытие, что при условии, что весь прибавочный труд или вся прибавочная стоимость равны одному часу, вся чистая прибыль исчезла бы в том случае, если бы рабочее время было сокращено на этот один час, т. е. если бы прибавочный труд вообще не имел места. Мы видим, с одной стороны, изумление Сениора в связи с открытием того, что прибавочная стоимость, а следовательно, и прибыль, сводится просто к прибавочному труду, и в то же время, с другой стороны, — непонимание им этого отношения, которое, под влиянием фабрикантов, поразило г-на Сениора лишь как курьез в хлопчатобумажной промышленности.

Второе [*добавление*]. Деньги, которые рабочий получает в качестве заработной платы, представляют то рабочее время, которое содержится в товарах, требующихся для удовлетворения его жизненных потребностей. Прибавочная стоимость возникает в результате того, что рабочий в обмен на эти товары возвращает больше рабочего времени, чем содержится в них, за определенное количество овеществленного труда отдает большее количество живого труда. Эти товары, круг которых образует его заработную плату, рабочий, таким образом, покупает на большее количество труда, чем требуется для их производства.

«Какое бы количество труда ни требовалось для производства какого-либо товара, при современном состоянии общества рабочий, для того чтобы приобрести в свое владение товар, всегда должен отдавать гораздо больше труда, чем требуется для того, чтобы приобрести его у природы. Возросшая таким образом для рабочего естественная цена представляет собой социальную цену» (*Th. Hodgskin*. Popular Political Economy. London, 1827, стр. 220) [Русский перевод, стр. 184].

«Бразертон, сам фабрикант, заявил в палате общин, что фабриканты еженедельно присоединяли бы к своим прибылям сотни фунтов стерлингов, если бы они смогли побудить своих рабочих» (своих «людей») «ежедневно работать только на один час дольше» (*Ramsay*. An Essay on the Distribution of Wealth. Edinburgh, 1836, стр. 102).

«Там, где нет никакого прибавочного труда, там не может быть никакого прибавочного продукта, а следовательно, никакого капитала» («The Source and Remedy of the National Difficulties» etc. London, 1821, стр. 4).

[III—112] «Масса капитала, которая в данное время в данной стране или во всем мире может быть вложена так, чтобы давать не меньше *определенной нормы прибыли,* зависит, по-видимому, главным образом от *того количества труда,* к выполнению которого, в результате затраты этого капитала, можно побудить имеющееся в данный момент число людей» («An Inquiry into those Principles, respecting the Nature of Demand and the Necessity of Consumption, lately advocated by Mr. Malthus». London, 1821, стр. 20). [III—112]

[III—113] *Добавление к а). Иллюстрация к разделу о прибавочной стоимости.*

Согласно Джейкобу[57], в 1815 году, при цене пшеницы в 80 шилл. за квартер и при среднем урожае в 22 бушеля (теперь — 32) с одного акра, стоимость продукта с одного акра составляла в среднем 11 ф. ст.* Он считает, что солома покрывает расходы по сбору урожая, молотьбе и доставке зерна к месту продажи. Затем он следующим образом исчисляет статьи [расходов и доходов]:

	ф. ст.	шилл.
Семена (пшеница)	1	9
Удобрение	2	10
	3	19
Заработная плата	3	10
	7	9

	ф. ст.	шилл.
Десятины, подати и налоги	1	1
Рента	1	8
Прибыль фермера и процент	1	2
	3	11

Правая сторона этой таблицы — налоги, подати, рента, прибыль фермера и процент — представляет собой исключительно совокупную прибавочную стоимость, которую получает фермер (капиталист); однако часть этой последней он под различными названиями и рубриками отдает государству, лендлорду и т. д.

Итак, совокупная прибавочная стоимость равна 3 ф. ст. 11 шилл. Постоянный капитал (семена и удобрение) составляет 3 ф. ст. 19 шилл. На труд затрачено 3 ф. ст. 10 шилл. Эта [III—114] последняя, переменная часть капитала только и должна рассматриваться, если речь идет о прибавочной стоимости и о норме прибавочной стоимости. Итак, в данном случае отношение прибавочной стоимости к затраченному на заработную плату капиталу, или степень возрастания затраченного на заработную плату капитала, представляет собой отношение 3 ф. ст. 11 шилл. к 3 ф. ст. 10 шилл. Затраченный на труд капитал в 3 ф. ст. 10 шилл. воспроизводится как капитал в 7 ф. ст. 1 шилл. Из них 3 ф. ст. 10 шилл. представляют собой лишь возмещение заработной платы, тогда как 3 ф. ст. 11 шилл.

* В английском квартере (мера сыпучих тел, равная 290,9 литра) 8 бушелей. *Ред.*

составляют прибавочную стоимость, которая, таким образом, превышает 100%. Сообразно с этим необходимое рабочее время было бы не совсем такой же продолжительности, как прибавочный труд, оно было бы приблизительно равным ему, так что из нормального рабочего дня в 12 часов 6 часов принадлежат капиталисту (включая различных участников дележа этой прибавочной стоимости). Правда, может случиться и так, что, например, эта цена квартера пшеницы в 80 шилл. превышала ее стоимость, т. е. что источником части ее цены является то, что другие товары были проданы в обмен на пшеницу ниже своей стоимости. Но, во-первых, речь здесь идет лишь о том, чтобы уяснить, как вообще следует понимать прибавочную стоимость и, следовательно, норму прибавочной стоимости. С другой стороны, если рыночная цена шеффеля пшеницы примерно на 10 шиллингов превышает ее стоимость, то это лишь постольку может увеличить прибавочную стоимость, получаемую фермером, поскольку он труд земледельческого рабочего, поднявшийся выше своей нормальной стоимости, не оплачивает в соответствии с этим избытком над его нормальной стоимостью.

Возьмем другой пример из современного английского земледелия, а именно следующий действительный бюджет высокоорганизованной фермы (*Newman F. W.* Lectures on Political Economy, London, 1851, стр. 166):

Ежегодные затраты в самом производстве	ф. ст.	Доходы и расходы фермера	ф. ст.
Удобрение	686	Рента	843
Семена	150	Налоги	150
Корм для скота	100	Десятины (отсутствуют)	
Потери, платежи по счетам торговцев и т. д.	453	Прибыль	488
	1 389		1 481
Заработная плата	1 690		
	3 079		

Следовательно, в этом примере переменный, или обмененный на живой труд, капитал составляет 1 690 ф. ст. Он воспроизводится как капитал в 1 690 + 1 481 = 3 171 ф. ст. Прибавочная стоимость равна 1 481 ф. ст. Отношение прибавочной стоимости к той части капитала, из которой она возникает, равно 1 481/1 690, т. е. несколько более 87%. [III—114]

[III—115] *К стр. 114.*

Или же возьмем другой пример. Дж. К. Саймонс в книге «Arts and Artisans at Home and Abroad», Edinburgh, 1839,

[стр. 233], приводит, например, следующий расчет для механизированной ткацкой фабрики с 500 ткацкими станками в Глазго, рассчитанной на изготовление добротного миткаля или полотна, какие обычно изготовляются в этом городе:

	ф. ст.
Расходы на сооружение фабрики и на машины	18 000
Годовая продукция (150 000 кусков по 24 ярда каждый, по 6 шилл. кусок)	45 000
Проценты на основной капитал и на амортизацию машин, из которых 900 ф. ст. (5%) мы начислим в качестве процентов	1 800
Паровая энергия, смазочное масло, сало, ремонт машин и т. д.	2 000
Пряжа и лен	32 000
Заработная плата	7 500
Прибыль	1 700
	45 000

В этом случае проценты и прибыль составляют 900 + 1 700 = = 2 600 ф. ст. Затраченная на труд, воспроизводящаяся и возрастающая часть капитала равна 7 500 ф. ст., прибавочная стоимость составляет 2 600 ф. ст.; следовательно, норма последней составляет около 33% [58]. [III—115]

[III—114] {«Неутолимая страсть к прибыли, auri sacra fames * всегда определяет деятельность капиталистов» (*MacCulloch*. The Principles of Political Economy. Edinburgh, 1825, стр. 163).} [III—114]

[III—115] *К а).*

Что при воспроизводстве капитала и его увеличении стоимость сырого материала и машин как таковая вообще безразлична для процесса производства, — это ясно. Возьмем какой-нибудь сырой материал, например, лен. Сколько труда может впитать лен, для того чтобы, например, превратиться в холст, — это, если дана определенная ступень развития производства, определенная степень технологического развития, зависит не от его *стоимости*, а от его *количества*, точно так же как и то содействие, которое какая-либо машина оказывает 100 рабочим, зависит не от ее цены, а от ее потребительной стоимости. [III—115]

* * *

[III—106] *К b).*

Во все еще продолжающейся в Лондоне борьбе между строительными рабочими и строительными подрядчиками (капитали-

* — «к злату проклятая страсть» (Вергилий, «Энеида», книга третья, стих 57). *Ред.*

стами) рабочие, между прочим, выдвигают против разработанной подрядчиками системы часовой оплаты (согласно которой контракт между обеими сторонами действителен только для часа труда; фактически этот час установлен в качестве нормального дня) следующие возражения [59].

Во-первых: этой системой вообще отменяется нормальный день (нормальный рабочий день), а стало быть, всякая граница для ежедневного совокупного труда (необходимого труда и прибавочного труда вместе взятых). Установление такого нормального дня является постоянной целью рабочего класса, который во всех таких отраслях — как, например, у сдельно оплачиваемых рабочих в доках на Темзе и т. д., где не существует никакого нормального дня, будь то в законодательном порядке или фактически, — находится на самой последней ступени унижения. Строительные рабочие указывают на то, что этот нормальный день не только образует меру средней продолжительности жизни рабочих, но и обусловливает их общее развитие.

Во-вторых: этой системой часовой оплаты упраздняется повышенная оплата за чрезмерный труд, т. е. за избыток прибавочного труда над его нормальным и обычным количеством. Эта повышенная оплата, хотя, с одной стороны, она и дает возможность подрядчикам в чрезвычайных случаях заставлять рабочих работать сверх нормального дня, [с другой стороны] накладывала золотые цепи на их стремление к бесконечному удлинению рабочего дня. Это было одной из причин того, что рабочие требовали повышенной оплаты. Вторая причина: рабочие потому требуют повышенной оплаты за чрезмерный труд, что вместе с удлинением нормального дня имеет место не только количественное, но и качественное различие, и ежедневная *стоимость* самой рабочей силы должна в силу этого подвергнуться другой оценке. Если, например, вместо 12-часового труда имеет место 13-часовой, то оцениваться должен средний рабочий день такой рабочей силы, которая изнашивается, скажем, за 15 лет, в то время как в другом случае должен оцениваться средний день такой рабочей силы, которая изнашивается за 20 лет.

В-третьих: [рабочие выступали против системы часовой оплаты] потому, что в то время как одна часть рабочих работает чрезмерно, соответствующая часть их становится безработной, а заработная плата занятых рабочих снижается в результате того, что рабочие, потерявшие свою прежнюю работу, вынуждены теперь работать за более низкую заработную плату.

{При рассмотрении абсолютной прибавочной стоимости и относительной прибавочной стоимости в их совокупности обнаруживается следующее. Если производительность труда, а также количество рабочих остаются без изменений, то прибавочная стоимость может возрастать лишь в той мере, в какой увеличивается прибавочный труд, т. е. в той мере, в какой совокупный рабочий день (масштаб потребления рабочей силы) удлиняется за его прежние данные пределы. Если совокупный рабочий день, а также число рабочих остаются без изменений, то прибавочная стоимость может возрастать лишь в том случае, если возрастает производительность труда, или, что то же самое, если сокращается требующаяся для необходимого труда часть рабочего дня. Если совокупный рабочий день и производительность труда остаются без изменений, то остается неизменной норма прибавочной стоимости, т. е. отношение прибавочной стоимости к необходимому рабочему времени, но масса прибавочной стоимости в обоих случаях может возрастать вместе с увеличением количества одновременных рабочих дней, т. е. вместе с ростом населения.

Наоборот: понизиться норма прибавочной стоимости может только в том случае, если уменьшится прибавочный труд, т. е. сократится совокупный рабочий день при неизменной производительности труда, либо если упадет производительность труда, т. е. увеличится требующаяся для необходимого труда часть рабочего дня при неизменной продолжительности совокупного рабочего дня. В обоих случаях, при неизменной норме прибавочной стоимости, масса прибавочной стоимости может уменьшиться, если уменьшится количество одновременных рабочих дней, стало быть, если уменьшится численность населения (работающего).

При всех этих соотношениях предполагается, что рабочий продает свою рабочую силу по ее *стоимости,* т. е. что *цена* труда, или заработная плата, соответствует *стоимости* рабочей силы. Это предположение, как уже не раз говорилось, лежит в основе всего [III—107] исследования. В какой мере сама заработная плата поднимается выше или падает ниже своей стоимости, это относится к главе о заработной плате, так же как и рассмотрение тех особых форм (поденная плата, понедельная плата, поштучная плата, часовая оплата и т. д.), в которых может происходить, выступать распределение необходимого и прибавочного труда. Тем не менее, в самых общих чертах здесь можно отметить следующее:

Если бы минимум заработной платы, издержки производства самой рабочей силы в течение продолжительного времени удер-

живались на пониженном [по сравнению с ее прежней стоимостью] уровне, то тем самым точно так же имел бы место постоянный повышенный уровень прибавочной стоимости, а следовательно, и прибавочного труда, — как если бы повысилась производительность труда. Работает ли рабочий из 12 рабочих часов на себя только 8 вместо прежних 10, потому что его труд стал более производительным и он в состоянии за 8 часов произвести *те же самые* жизненные средства, для создания которых ему требовалось раньше 10 часов, или же впредь он будет получать жизненные средства *худшего качества,* производство которых требует только 8 часов, в то время как для производства прежних жизненных средств более высокого качества требовалось 10 часов, — результат, очевидно, будет тем же самым. В обоих случаях капиталист [дополнительно] выгадал бы 2 часа прибавочного труда: за продукт 8 рабочих часов он получал бы взамен продукт 12 рабочих часов, в то время как раньше он получал этот продукт 12 часов в обмен на продукт 10 рабочих часов.

Далее, если бы не произошло подобного падения стоимости самòй рабочей силы, или не имело бы места снижение, постоянное ухудшение уровня жизни рабочего, то временное падение заработной платы ниже ее нормального минимума, или, что то же самое, временное падение ежедневной цены рабочей силы ниже ее ежедневной стоимости — на то время, в течение которого это падение имеет место, — совпало бы с упомянутым выше случаем, только то, что здесь носит временный характер, там является постоянным.

Если капиталист в результате конкуренции между рабочими и т. д. снижает заработную плату ниже ее минимума, то это, иными словами, означает только то, что он вычитает некоторую часть из той доли рабочего дня, которая normaliter * образует необходимое рабочее время, т. е. причитающуюся самому рабочему часть его рабочего времени. Всякое уменьшение необходимого рабочего времени, не являющееся следствием роста производительности труда, в действительности представляет собой не уменьшение необходимого рабочего времени, а лишь присвоение необходимого рабочего времени капиталом, вторжение капитала за пределы принадлежащего ему прибавочного труда. Если рабочий получает более низкую, по сравнению с нормальной, заработную плату, то это то же самое, как если бы он получал продукт меньшего рабочего времени, чем тот, который необходим для воспроизводства его рабочей силы

* — в нормальном случае. *Ред.*

в нормальных условиях, так что если для этого требуются 10 часов рабочего времени, он получает продукт лишь 8 часов; из 10 часов его необходимого рабочего времени 2 часа присваиваются капиталом.

Что же касается прибавочной стоимости капиталиста, то, конечно, для этой прибавочной стоимости, т. е. для прибавочного труда совершенно безразлично, оплачивает ли капиталист рабочему те 10 часов, которые необходимы рабочему для нормального существования, и заставляет его выполнять 2 часа прибавочного труда для капитала, или же он заставляет рабочего работать только 10 часов и оплачивает ему 8 часов, на которые рабочий не в состоянии купить необходимые для его нормального существования жизненные средства. Снижение заработной платы при неизменной производительности труда представляет собой увеличение прибавочного труда посредством насильственного отторжения необходимого рабочего времени, посредством вторжения капитала в пределы необходимого труда.} {Ясно, что для капиталиста безразлично, платит ли он за то же самое рабочее время меньшую заработную плату или заставляет рабочего дольше работать за ту же самую заработную плату.} [III—107]

[III—112] *К стр. 106—107.*

«Если рабочего можно довести до того, что он будет питаться картошкой вместо хлеба, то неоспоримо верно, что при таком положении из его труда можно выколотить больше; т. е. если при питании хлебом он был вынужден для содержания себя и своей семьи затрачивать труд понедельника и вторника, то при питании картошкой ему потребуется для этого только половина понедельника, а другая половина понедельника и весь вторник высвободятся в пользу государства или для капиталиста» («The Source and Remedy of the National Difficulties». London, 1821, стр. 26).

«Сколько бы ни *причиталось* на долю капиталиста, он *может получить только* прибавочный труд рабочего, так как рабочий *должен жить*. Однако вполне верно то, что если по мере возрастания величины капитала его стоимость [60] не уменьшается, то капиталисты будут выжимать из рабочих продукт каждого рабочего часа сверх того минимума, на который рабочий *может* существовать. И каким бы ужасным и отвратительным это ни казалось, капиталист может в конце концов ориентироваться на такие продукты питания, производство которых требует наименьшего количества труда, и в конце концов может сказать рабочему: ты не должен есть хлеба, потому что ячменная мука дешевле; ты не должен есть мяса, потому что можно питаться свеклой и картошкой» (там же, стр. 23—24). [III—112]

[III—116] *К b), стр. 99.*

Р. Джонс в своем «An Essay on the Distribution of Wealth» (London, 1831) справедливо рассматривает барщинный труд, или то, что он называет «labour rent» (отработочной рентой), как первоначальную форму ренты, которую здесь следует рассмат-

ривать лишь как определенную форму прибавочной стоимости, достающуюся собственнику земли. Это, стало быть, такая форма, при которой сельскохозяйственные рабочие владеют частью земли, которую они обрабатывают для поддержания своего собственного существования. Рабочее время, которое они на это затрачивают, соответствует необходимому рабочему времени, которым наемный рабочий возмещает свою собственную заработную плату. Но если, например, современный земледельческий поденный рабочий на одной и той же земле (арендованной фермером) реализует все свое рабочее время, как ту его часть, которая возмещает его заработную плату, так и ту часть, которая образует прибавочную стоимость (точно так же как фабричный рабочий одни и те же машины использует для осуществления своего необходимого и своего прибавочного труда), — то в условиях барщинного труда имеет место не только разделение рабочего времени (и в гораздо более осязаемой форме, чем в условиях наемного труда), но также и разделение тех условий производства (той сферы производства), где реализуется это рабочее время.

Например, барщинный работник в определенные дни недели обрабатывает свое, предоставленное в его владение поле. В другие дни он работает в господском поместье, на собственника земли. Эта форма труда имеет то общее с наемным трудом, что работник отдает здесь собственнику условий производства не продукт и не деньги, как это имеет место при других способах производства, а *самый труд*. Прибавочный труд в более осязаемой форме, чем при наемном труде, выступает здесь отделенным от необходимого труда, так как необходимый труд и прибавочный труд выполняются здесь на двух различных участках земли. Труд, необходимый для воспроизводства своей собственной рабочей силы, барщинный работник выполняет на находящемся в его владении поле. Прибавочный труд для собственника земли он выполняет в господских поместьях. В результате этого пространственного разделения более осязаемо выступает также и разделение на две части совокупного рабочего времени, тогда как о наемном рабочем можно с равным успехом сказать, что из 12 часов он, например, 2 часа работает на капиталиста или что $^1/_6$ каждого часа (или $^1/_6$ любой другой части 12 часов) он отдает капиталисту.

Таким образом, во-первых, разделение труда на необходимый и прибавочный труд, на труд для воспроизводства своей собственной рабочей силы и труд на собственника условий производства выступает в форме барщинного труда более ясно, более осязаемо, чем в форме наемного труда. А, во-вторых,

отсюда следует, что в форме барщинного труда яснее, чем при наемном труде, проявляется то обстоятельство, что прибавочный труд — это неоплаченный труд и что вся прибавочная стоимость сводится к прибавочному труду, т. е. к неоплаченному труду. Если барщинные работники работают 5 дней в неделю на своем собственном поле, а 6-й день — на господском, то ясно, что в течение этого 6-го дня они выполняют неоплаченный труд, работают не на себя, а на другое лицо и что весь доход этого другого лица представляет собой продукт их неоплаченного труда, который именно поэтому и называется барщинным [подневольным] трудом. Если фабричные рабочие из 12 часов ежедневно 2 часа работают на капиталиста, то это то же самое, как если бы в течение недели они 5 дней работали на себя и 1 день на капиталиста, стало быть, по сути дела то же самое, как если бы они в течение одного дня в неделю выполняли для капиталиста барщинный труд.

Во всей системе барщинного труда отсутствует форма заработной платы, и это обстоятельство опять-таки делает отношение более осязательным. Условия производства, требующиеся барщинному работнику для осуществления его собственного необходимого труда, предоставлены ему раз и навсегда. Поэтому он сам выплачивает себе свою заработную плату, или непосредственно присваивает себе продукт своего необходимого труда. У наемного же рабочего его совокупный продукт сначала превращается в капитал — с тем, чтобы потом снова поступить к нему в форме заработной платы. Если бы барщинный работник, работающий один день в неделю на своего господина, должен был отдавать ему продукт всей недели, а тот превращал бы затем этот продукт в деньги и $^{5}/_{6}$ этих денег выплачивал барщинному работнику, то с этой стороны барщинный работник превратился бы в наемного рабочего. И наоборот, если бы наемный рабочий, который ежедневно 2 часа работает на капиталиста, сам получал продукт или стоимость продукта своего 5-дневного труда (за вычетом стоимости условий производства, материала и средства труда, который, хотя и в различной форме, имеет место при обоих отношениях), а в 6-й день даром работал на капиталиста, то он превратился бы в барщинного работника. В той мере, в какой предметом рассмотрения являются природа необходимого и прибавочного труда и соотношение между ними, результат оказывается одним и тем же.

Барщину мы находим в бо̀льших или меньших дозах соединенной со всеми формами крепостничества. Однако там, где она выступает в чистом виде, в качестве господствующего производственного отношения, как это в особенности имело

место, а отчасти имеет место еще и теперь, в славянских странах и в захваченных римлянами дунайских областях, — там мы можем с уверенностью сказать, [III—117] что не барщина возникла из крепостничества как своей основы, а скорее наоборот, крепостничество возникло из барщины. Барщина основывается на общинных отношениях, и тот прибавочный труд, который члены общины выполняли сверх необходимого для их существования труда, отчасти для обеспечения резервного фонда (общественного), отчасти для удовлетворения их общественных, политических и религиозных потребностей, постепенно превращается в барщинный труд на семьи, узурпировавшие резервные фонды и политические и религиозные функции в качестве своей частной собственности. В дунайских княжествах, так же как и в России, этот процесс узурпации может быть точно прослежен. Сравнение алчности по отношению к чужому рабочему времени у валашских бояр и у английских фабрикантов представляет тот интерес, что в обоих случаях присвоение чужого труда выступает как непосредственный источник богатства; прибавочная стоимость выступает как прибавочный труд. [III—117]

[III—117] При барщине прибавочный труд выступает в своей самой первоначальной, «самостоятельной», «свободной» форме; свободной — поскольку при рабстве совокупный день раба, так же как и скота, принадлежит собственнику, который, естественно, обязан их кормить.

Даже еще и теперь в Молдавии и Валахии натуральная рента существует наряду с барщиной. Возьмем «Règlement organique» [«Органический регламент»], введенный в действие в 1831 г. [61] Для цели нашего исследования здесь безразлично, — и поэтому должно быть отмечено лишь между прочим, — что земля, скот и т. д. в действительности *принадлежат* валашским крестьянам, что в результате узурпации возникла повинность в пользу собственников и что русский «Регламент» придал этой узурпации силу закона.

Натуральная рента состоит из $^1/_5$ сена, $^1/_{20}$ вина, $^1/_{10}$ всех прочих продуктов (все это в Валахии). Крестьянин имеет: 1) участок для дома и сада в 400 стаженей (около 800 квадратных метров) на равнине и в 300 стаженей в горах; 2) участок в 3 погона ($1^1/_2$ гектара) для пашни; 3) 3 погона лугов (пастбищных угодий для 5 голов рогатого скота).

Здесь следует, между прочим, отметить, [во-первых], что этот крепостнический кодекс был со стороны русских (при Киселеве) объявлен, а со стороны Европы признан кодексом свободы; во-вторых, что его редакторами были в действитель-

ности бояре; в-третьих, что положение в Молдавии было еще гораздо хуже, чем в Валахии.

По «Регламенту» каждый крестьянин ежегодно был обязан по отношению к земельному собственнику: 1) 12-ю рабочими днями вообще; 2) одним днем работы в поле; 3) одним днем возки дров. Однако эти «дни» измеряются не временем, а подлежащей выполнению работой. Поэтому сам «Органический регламент» устанавливает, что 12 рабочих дней должны равняться продукту 36 дней ручного труда; день полевой работы — 3 дням, день возки дров — также 3 дням. Итого — 42 дня. Но сюда присоединяется еще так называемая «*iobagie*» (повинность, кабала), т. е. труд в чрезвычайных случаях, определяемых производственными потребностями земельного собственника. Для этого чрезвычайного труда деревни со 100 семьями ежегодно должны выделять четырех человек, деревни с 63—75 семьями — трех, с 38—50 семьями — двух, с 13—25 семьями — одного человека. Эта «iobagie» определяется в 14 рабочих дней для каждого валашского крестьянина. Таким образом, определенный самим «Регламентом» барщинный труд равен 42 + + 14 = 56 рабочим дням. Вследствие сурового климата земледельческий год в Валахии состоит из 210 дней, из которых 40 выпадают на воскресные и праздничные дни, 30, в среднем, приходятся на непогоду, итого — 70 дней. Остается 140 дней. Из них надо вычесть 56 барщинных дней; остается 84 дня. Отношение [между барщинным и необходимым трудом] все же не превышает отношения [между прибавочным и необходимым трудом] английского земледельческого рабочего, если сравнить то время, в течение которого этот последний работает для [возмещения] своей заработной платы, с тем временем, в течение которого он работает для производства прибавочной стоимости, распределяемой между арендатором, церковью, государством, земельным собственником и т. д.

Все это — барщинные дни, причитающиеся земельному собственнику по закону, установленный законом прибавочный труд. Но «Регламент» сформулирован таким образом, чтобы барщинный труд мог быть увеличен без нарушения буквы закона. А именно, он определяет дневную норму каждой работы таким образом, что для ее выполнения приходится работать еще и на следующий день. Так, например, он устанавливает дневную норму прополки в дюжину першей *, т. е. предписывает задание, объем которого вдвое превышает то, что в состоянии выполнить в течение дня один человек, особенно на куку-

* — применявшаяся некогда во Франции земельная мера, равная 484 кв. футам (45 кв. м.), *Ред.*

рузных полях. День прополки в действительности определен «Регламентом» таким образом,

«как будто он начинается в мае, с тем чтобы закончиться в октябре».

[III—118] «В Молдавии», — сказал один из крупных бояр, — «12 дней труда крестьянина, установленные «Регламентом», на деле эквивалентны 365 дням».

Дальнейшие подробности относительно того, с какой изощренностью бояре используют этот закон, чтобы присваивать себе рабочее время крестьян, можно найти в книге: *E. Regnault.* Histoire Politique et Sociale des Principautés Danubiennes. Paris, 1855, стр. 305 и следующие.

Сравним теперь с этим неутолимую жажду рабочего времени — прибавочного рабочего времени — в капиталистическом производстве в Англии.

В мои намерения здесь не входит останавливаться на истории чрезмерного труда со времени изобретения машин в Англии. Фактом является то, что вследствие крайнего увеличения прибавочного труда вспыхивали эпидемии, грозившие гибелью равным образом капиталисту и рабочему; что государство, при величайшем сопротивлении со стороны капиталистов, вынуждено было ввести нормированные рабочие дни на фабриках (позднее, в большей или меньшей степени, это было повсюду перенято на континенте); что еще в настоящий момент это введение нормированных дней должно быть распространено с фабрик в собственном смысле слова на другие отрасли труда (белильные, набивные, красильные заведения) и что в настоящий момент этот процесс еще прогрессирует и продолжается связанная с ним борьба (например, борьба за введение билля о десятичасовом рабочем дне, за распространение действия фабричного акта [62], скажем, на кружевную мануфактуру в Ноттингеме и т. д.). Что касается подробностей, относящихся к ранним фазам этого процесса, то я отсылаю к книге: *F. Engels.* Die Lage der arbeitenden Klasse in England. Leipzig, 1845.

Практическому сопротивлению фабрикантов, однако, не уступало теоретическое сопротивление, которое оказывали их толкователи и апологеты, профессиональные *экономисты.* Ведь недаром г-н *Ньюмарч,* соавтор «History of Prices» Тука, в качестве председателя секции экономической науки на последнем съезде *Британской ассоциации искусств* и т. д. (название ассоциации проверить [63]), состоявшемся в сентябре 1861 г. в Манчестере, почувствовал себя обязанным подчеркнуть, что понимание необходимости законодательного регулирования и принудительного ограничения нормального рабочего дня на фабриках и т. д. является одним из новейших достижений

нынешней политической экономии, в результате чего она поднялась над своими предшественниками!

Моя цель заключается лишь в том, чтобы привести несколько свидетельств из новейших фабричных отчетов для сравнения изложенных в них фактов с неутолимой жаждой прибавочного труда у [валашских] бояр; а также один или два примера, касающихся тех отраслей промышленности, в которых фабричные законы еще не введены (кружевное производство) или введены лишь недавно (ситценабивные предприятия). Речь здесь идет всего лишь о том, чтобы на нескольких примерах проиллюстрировать тенденцию, которая проявляется в Англии с не меньшей силой, чем в Валахии.

Первая иллюстрация. Кружевное производство в Ноттингеме. «Daily Telegraph» от 17 января 1860 г. [64]

«Г-н Бротон, мировой судья графства, председательствовавший на митинге, состоявшемся в ноттингемской ратуше 14 января 1860 г., заявил, что среди той части местного населения, которая связана с кружевным производством, существует такая степень страданий и лишений, которая совершенно неизвестна всему остальному цивилизованному миру... 9—10-летних детей вытаскивают из их грязных постелей в 2, 3, 4 часа утра и принуждают за одно лишь жалкое пропитание работать до 10, 11, 12 часов ночи, в результате чего их члены мертвеют, тело чахнет, лицо сморщивается, а все их человеческое существо совершенно окаменевает, погружается в состояние оцепенения, один вид которого приводит в ужас... Мы не удивляемся тому, что г-н Мэллетт или другие фабриканты выступили с протестом против каких бы то ни было прений... Система, подобная той, которую описал его преподобие Монтегю Валпи, это — система неограниченного рабства, рабства в социальном, физическом, моральном и духовном отношениях... Что можно сказать о городе, созывающем публичный митинг с целью ходатайствовать о том, чтобы рабочее время мужчин *было ограничено 18 часами в сутки?*.. Мы изливаемся в декламациях против виргинских и каролинских плантаторов. Но разве их торговля неграми со всеми ужасами кнута и торга человеческим мясом отвратительнее, чем это медленное человекоубийство, которое совершается для того, чтобы к выгоде капиталистов [III—119] изготовлялись вуали и воротнички?» *

* [III—120] {*Примечание к стр. 119.* Так как вообще существует ложное мнение, будто фабричное производство стало чем-то совершенно *другим* [по сравнению с тем, чем оно было раньше], то я приведу в этом примечании следующие данные «General Register Office» от 28 октября 1857 г. («Quarterly Return of the Marriages, Births, and Deaths» etc. Published by authority of the Registrar General etc., № 35, стр. 6):

«Г-н Ли из подрайона Динзгейт (Манчестер) делает следующие рассудительные замечания, которые заслуживают пристального внимания со стороны жителей Манчестера. Весьма печальна там жизнь ребенка... Общее число смертей, за исключением насильственных и скоропостижных, составляет 224, и из этого числа 156 приходится на детей, не достигших пятилетнего возраста... Такого большого удельного веса детской смертности я *до сих пор никогда* не встречал. Очевидно, что в то время как обычные обстоятельства, затрагивающие жизнь взрослых, пока что в значительной мере не проявляли своего действия, обстоятельства, влияющие на существование самых юных, ополчились против них активнейшим образом... 87 из этих детей умерли в возрасте до одного года. Запущенный понос, душная теснота в плохо проветриваемых комнатах при коклюше, *отсутствие должного питания и свободное применение опийной настой-*

Вторая иллюстрация. Фабричные отчеты.

«Фабрикант, прибегающий к обману, начинает работу на четверть часа — иногда больше, иногда меньше, чем на четверть часа — раньше 6 часов утра и заканчивает ее на четверть часа — иногда больше, иногда меньше — позже 6 часов вечера. Он отнимает по 5 минут от начала и конца получаса, номинально определенного на завтрак, и по 10 минут в начале и в конце часа, номинально определенного на обед. В субботу работа заканчивается у него на четверть часа — иногда больше, иногда меньше, чем на четверть часа — позже двух часов пополудни.

Таким образом, *он выигрывает*» {здесь выигрыш прямо отождествляется с мошеннически прикарманенным прибавочным трудом}:

«До 6 часов утра	15 минут	Итого за 5 дней: 300 минут
После 6 часов вечера	15 »	
На времени завтрака	10 »	
На времени обеда	20 »	
	60 минут	

По субботам	
До 6 часов утра	15 минут
На времени завтрака	10 »
После 2 часов пополудни	15 »
	40 минут

Весь недельный выигрыш составляет 340 минут, или 5 часов и 40 минут в неделю, что, умноженное на 50 рабочих недель, за вычетом двух недель на праздники и случайные перерывы работы, дает *27 рабочих дней* в год» («Suggestions etc. by Mr. L. Horner», in «Factories Regulation Acts. Ordered by the House of Commons to be printed 9 August 1859», p. 4, 5).

«Добавочная прибыль, получаемая от этого (чрезмерного труда, продолжающегося сверх установленного законом времени), представляет для многих (фабрикантов) слишком большой соблазн, чтобы можно было ему противостоять. Они полагаются на то, что их не поймают, и рассчитывают, что, даже если это и будет обнаружено, незначительность денежных штрафов и судебных издержек все-таки обеспечит им *в общем итоге* значительный *барыш*» («Reports of the Inspectors of Factories for the half year ending 31st Oct. 1856», p. 34).

«Пять минут ежедневного труда сверх его нормальной продолжительности, продолжающиеся неделя за неделей, равнозначны $2^1/_2$ рабочим дням в год» (там же, стр. 35).

«В тех случаях, когда добавочное время выигрывается путем *присоединяющихся друг к другу* в течение дня *мелких краж*, инспектора сталкиваются с почти непреодолимыми трудностями, когда они хотят получить доказательства нарушения закона» (там же).

(Здесь присваиваемое указанным образом добавочное рабочее время прямо характеризуется официальными английскими фабричными инспекторами как *«кража»*.)

[III—120] Эти мелкие кражи называют также *«мелкой кражей минут»* (там же, стр. 48), далее, *«урыванием пары, другой минут»* (там же) или же это называют *«обгладыванием»* или *«обгрызанием перерывов для еды»* (там же).

ки, ведущее к общему истощению и припадкам, а также к водянке головного мозга и кровоизлиянию в мозг, — все это должно объяснить, почему... смертность (детей) все еще так высока».} [III—120]

«Если бы вы мне разрешили, — сказал мне как-то один весьма почтенный фабрикант, — заставлять рабочих работать ежедневно всего лишь на 10 минут больше положенного времени, вы клали бы мне в карман по тысяче фунтов стерлингов в год» (там же).

Согласно отчетам фабричных инспекторов, рабочее время на английских *ситценабивных* фабриках фактически еще остается неограниченным, и еще в 1857 г. дети от восьми лет и старше работали на этих фабриках с 6 часов утра до 9 часов вечера (15 часов в день).

«Несмотря на установленное законом ограничение, количество рабочих часов на *ситценабивных предприятиях* может считаться практически неограниченным. Единственное ограничение труда содержится в разделе 22-м Закона о ситценабивных предприятиях (принятого в 8—9 гг. царствования Виктории под номером 29), который предписывает, что ни один ребенок — т. е. ни один ребенок в возрасте между 8-ю и 13-ю годами — не может быть привлечен к труду в *ночное время,* определяемое как время между 10 часами вечера и 6 часами утра следующего дня. *Следовательно, детей в возрасте восьми лет* можно, *согласно закону, использовать* на работе, во многих отношениях сходной с фабричной работой, — зачастую в помещениях с невыносимо высокой температурой, *без каких-либо перерывов для отдыха и принятия пищи,* — с 6 часов утра до 10 часов вечера (16 часов); мальчика же, достигшего 13-летнего возраста, можно, с полным соблюдением закона, использовать на работе днем и ночью в течение любого количества часов без каких бы то ни было ограничений. В последнее полугодие в моем округе детей 8 лет и старше заставляют работать с 6 часов утра до 9 часов вечера» («Reports of the Inspectors of Factories for the half year ending 31st Oct. 1857», p. 39. Report of Mr. A. Redgrave).

«*Дополнительный час,* ежедневно выигрываемый небольшими дозами до 6 часов утра и после 6 часов вечера, а также в начале и в конце времени, *номинально* предназначенного для еды, *превращает* 12 месяцев почти в 13» («Reports of the Inspectors of Factories for the half year ending 30th April 1858», p. 9. Report of Mr. L. Horner).

В такой робкой форме фабричные инспектора выясняют тот факт, что указанный выигрыш представляет собой не что иное, как рабочее время, добавочное рабочее время, и поэтому добавочная прибыль есть результат добавочного рабочего времени, затраченного *сверх* нормального рабочего дня.

[III—121] Вследствие этого период кризиса ничего не меняет в стремлении заставить работать сверх нормального рабочего дня. Если работа продолжается только 3 или 4 дня в неделю, то и прибыль вообще говоря заключается лишь в том прибавочном времени, которое содержится в этих 3-х или 4-х рабочих днях. Следовательно, *добавочная прибыль* может возникнуть лишь из неоплаченного прибавочного времени, продолжающегося сверх нормального прибавочного времени и, следовательно, сверх установленного законом нормального рабочего дня. Если 2 часа прибавочного труда я помножу на 3 рабочих дня в неделю, то прибавочная стоимость, естественно, составит

лишь половину той прибавочной стоимости, которая получилась бы, если бы эти 2 часа я помножил на 6 дней недели. Поэтому во время кризисов тем более сильным становится соблазн, в те дни, когда *действительно идет работа*, заставлять рабочих работать лишнее время, т. е. затрачивать большее количество неоплаченного рабочего времени, чем обычно (другие фабриканты делают фактически то же самое путем снижения заработной платы, т. е. путем сокращения необходимого рабочего времени, затрачиваемого в те 3 или 4 дня, когда совершается работа). В этой связи [фабричные инспектора сообщают о периоде кризиса] 1857—1858 гг.:

«Может показаться непоследовательностью сама возможность чрезмерного труда»

{отнюдь не является непоследовательностью то, что во время кризиса фабрикант стремится урвать возможно бо̀льшую часть *неоплаченного* рабочего времени}

«в такое время, когда торговля идет так плохо; но как раз это плохое ее состояние и подстрекает беззастенчивых людей к нарушениям закона: они обеспечивают себе таким образом *добавочную прибыль*» (там же, стр. 10; отчет г-на *Л. Хорнера*).

Чем хуже времена, чем больше сократились дела, тем больше должна быть прибыль на каждое обделанное дело. Поэтому Хорнер отмечает, что в то самое время, когда 122 фабрики его округа совершенно прекратили свое существование, 143 бездействовали, а все остальные работали неполное время, чрезмерный труд, труд сверх установленного законом времени, продолжается (см. там же). В аналогичном духе сообщает о том же самом периоде фабричный инспектор *Хауэлл:*

«Хотя большинство фабрик работает вследствие плохого положения дел лишь половину времени, я, несмотря на это, по-прежнему получаю *обычное количество жалоб* на то, что ежедневно в течение рабочего дня у рабочих урывается половина или три четверти часа за счет времени, предназначенного для отдыха и еды, а также путем того, что работа начинается утром на 5 или более минут раньше положенного времени и прекращается вечером на 5 или более минут позже положенного времени. Эти мелкие кражи, составляющие в сумме от половины до трех четвертей часа ежедневно, весьма *трудно обнаружить*» (там же, стр. 25).

«Систематическое применение чрезмерного труда, накапливаемого по минутам в шесть приемов в течение дня, не может быть неопровержимо доказано путем наблюдения со стороны инспектора» («Reports of the Inspectors of Factories for the half year ending 31st Oct. 1856», p. 85. Report of Mr. L. Horner).

«*Именно это всеобщее молчаливое согласие с практикой, если не одобрение самого принципа,* а также всеобщее согласие в том, что ограничение труда целесообразно и т. д.» («Reports of the Inspectors of Factories for the half year ending 31st Oct. 1855», p. 77).

По мере развития капиталистического производства, а следовательно, и фабричной системы на континенте правительства (Франции, Пруссии, Австрии и т. д.) оказались вынужденными тем или иным образом последовать английскому примеру ограничения рабочего времени. В большинстве случаев они, с некоторыми видоизменениями, копировали — и были вынуждены это делать — английское фабричное законодательство. [III—122] Во Франции до 1848 г. фактически не существовало закона об ограничении рабочего дня на фабриках. Закон от 22 марта 1841 г. (основой которого является закон, принятый в 3 и 4 годы царствования Вильгельма IV под номером 103) об ограничении детского труда на фабриках (на фабриках, заводах и в мастерских, использующих двигатели или топки с постоянным огнем, а также на всех предприятиях, в которых занято более 20 рабочих) остался *мертвой буквой* и вплоть до настоящего времени практически проведен в жизнь только в *департаменте Нор*. Впрочем, согласно этому закону, *дети моложе 13 лет* могут быть использованы на работе и в ночное время (между 9 часами вечера и 5 часами утра) «в случае срочных ремонтных работ или остановки водяного колеса»; *дети старше 13 лет* могут быть использованы на работе также *в течение ночи*, «если их труд необходим».

2 марта 1848 г. временное правительство издало закон, согласно которому рабочее время не только на фабриках, но и во всех мануфактурах и ремесленных мастерских, не только для детей, но и для взрослых рабочих было ограничено 10 часами в Париже и 11 в департаментах. Временное правительство исходило из ложного предположения, что продолжительность нормального рабочего дня составляла в Париже 11, а в департаментах 12 часов. Однако:

«Во многих прядильнях продолжительность труда составляла, к большому ущербу для здоровья и нравственности рабочих и особенно детей, 14—15 и даже более часов» (*J. A. Blanqui*. Des classes ouvrières en France, pendant l'année 1848. In: «Petits traités publiés par l'Académie des Sciences morales et politiques». Paris, 1849).

Национальное собрание законом от *8 сентября 1848 г.* видоизменило этот закон следующим образом:

«Продолжительность ежедневного труда рабочего на фабриках и заводах не должна превышать 12 часов. Правительство полномочно объявлять об исключениях из этого правила в тех случаях, когда этого требует характер выполняемого труда или применяемой машины».

Декретом от 17 мая 1851 г. правительство объявило о *таких исключениях*. Во-первых, были определены различные отрасли,

на которые закон от 8 сентября 1848 г. не распространялся. А далее были сделаны следующие ограничения:

«*Чистка машин в конце рабочего дня;* работа, необходимость которой вызывается повреждением двигателя и т. д., парового котла, машин или фабричного здания. Работа может быть продлена в следующих случаях: на один час в конце рабочего дня для промывки и раскладывания кусков ткани в красильных, белильных и ситценабивных заведениях; на два часа на сахарных, очистительных и химических заводах; на два часа в течение *120 дней* в году по усмотрению предпринимателя и с санкции префекта в красильных заведениях, на ситценабивных фабриках и на отделочных предприятиях».

{Фабричный инспектор *А. Редгрейв* («Reports of the Inspectors of Factories for the half year ending 31st Oct. 1855», p. 80) замечает относительно применения этого закона во Франции:

«Несколько промышленников меня уверяли, что когда они захотели воспользоваться разрешением удлинить рабочий день, рабочие стали возражать против этого на том основании, что удлинение рабочего дня в одном случае повлечет за собой сокращение нормального количества часов в другом... и особенно они возражали против работы, продолжающейся более 12 часов в день, потому что закон, установивший это число часов, — это единственное благо, которое осталось им от законодательства республики». «*Удлинение рабочего дня* рабочих *необязательно*... Если о нем договорились обе стороны... оплата каждого часа труда (сверх 12 часов), как правило, выше, чем обычная оплата».

А. Редгрейв замечает (стр. 81), что вследствие чрезмерного труда и связанной с ним физической и духовной деградации

«работающее население Руана и Лилля... захирело», стало «уменьшаться в росте», и многие поражены той разновидностью болезненной недоразвитости, жертвы которой в Англии получили наименование «фабричных калек».

«Приходится согласиться, что ежедневный 12-часовой труд представляет собой достаточно серьезный вызов человеческому организму, и если к часам труда добавить необходимые перерывы для еды и время, требующееся для того, чтобы прибыть к месту работы и вернуться обратно, то количество времени, остающееся в распоряжении рабочего, является отнюдь *не чрезмерным*» (там же).}

Среди лицемерных отговорок (возражений английских промышленников против *билля о десятичасовом рабочем дне*) имеется следующая:

«Одно из многих возражений против билля о десятичасовом рабочем дне заключалось в указании на опасность наделения подростков и женщин *столь большим количеством свободного времени*, которое они, из-за недостатка образования, [III—123] могут либо бесполезно растратить, либо употребить во зло; поэтому и было высказано твердое убеждение в том, что *до тех пор пока не будет* прогресса в образовании и не будут обеспечены средства, которые позволят наполнить полезными умственными или общественными занятиями свободные часы, предлагаемые биллем о деся-

тичасовом рабочем дне фабричному населению, в интересах нравственности было бы желательнее, чтобы рабочие *проводили весь день на фабрике*» (там же, стр. 87, отчет *А. Редгрейва*).

{В какой степени Маколей искажает экономические факты, чтобы иметь возможность выступать как виг в роли апологета существующих порядков, — цензор Катон * по отношению к прошлому, сикофант настоящего, — это видно, между прочим, из следующего места:

«Обычай преждевременно засаживать детей за работу, обычай, который в наше время государство, законный защитник тех, кто не может защитить себя сам, мудро и гуманно запретило, господствовал в XVII веке в почти невероятной для тогдашнего состояния промышленности степени. В Норидже, главном центре шерстяной промышленности, шестилетний ребенок считался работоспособным. Различные писатели того времени — между ними многие почитались в высшей степени благомыслящими — с восторгом упоминали о том, что в *одном только этом городе* мальчики и девочки весьма юного возраста создают богатство, составляющее сверх их собственного содержания 12 000 ф. ст. в год. Чем тщательнее мы изучаем историю прошлого, тем более оснований находим не соглашаться с мнением тех, кто считает, что наш век породил новые социальные бедствия. Истина заключается в том, что бедствия — и тому вряд ли найдется хоть одно исключение — стары. Что ново, так это образованность, вскрывающая эти бедствия, и гуманность, исцеляющая их» (*Th. B. Macaulay*. The History of England. Vol. I. Tenth edition. London, 1854, стр. 417).

Это место доказывает как раз обратное, а именно то, что в те времена детский труд был еще исключительным явлением, о котором экономисты отзываются как об особенно похвальном факторе, упоминая о нем с восторгом. Какой современный писатель стал бы упоминать как о чем-то особенно бросающемся в глаза о том обстоятельстве, что дети весьма юного возраста используются на фабриках? К этому же выводу должен прийти всякий здравомыслящий человек, прочитав таких писателей, как Чайлд, Калпепер и т. д.}

Установленная законом продолжительность рабочего времени часто превышается

«тем путем, что детей, подростков и женщин задерживают на фабрике для чистки машин во время перерыва для еды, а по субботам — после 2 часов, вместо того чтобы дать им возможность выполнять эту работу в рабочее время» («Reports of the Inspectors of Factories for the half year ending 30th April 1855», p. 12. Report of Mr. *L. Horner*).

Эта работа сверх установленной законом нормы практикуется также и в отношении тех [взрослых] рабочих,

«которые не используются на сдельной работе, а получают понедельную плату» («Reports of the Inspectors of Factories for the half year ending 30th April 1859», p. 9. Report of Mr. *L. Horner*).

* — т. е. суровый блюститель нравов. *Ред.*

{Г-н Хорнер, бывший одним из членов комиссии 1833 г. по обследованию условий труда фабричных рабочих, был также одним из первых фабричных инспекторов и в первый период установления контроля над фабриками вынужден был сталкиваться с серьезными трудностями. В своем последнем отчете [65], датированном *30 апреля 1859 г.*, Хорнер говорит:

«Обучение детей, *бесспорно* предусмотренное, во многих случаях является сплошным издевательством; охрана рабочих от телесных повреждений и от смерти вследствие применения неогражденных машин, также *бесспорно* предусмотренная, превратилась практически в мертвую букву; составление отчетов о несчастных случаях является в значительной степени пустой тратой общественных денег... Работа сверх установленной законом нормы все еще значительно распространена, причем в большинстве случаев *сам закон гарантирует* невозможность уличить и подвергнуть наказанию его нарушителей» (там же, стр. 9, 8).

(Дети старше 13 лет определяются как могущие работать такое же количество часов, что и взрослые рабочие; дети моложе 13 лет — как работающие половину времени.)}

[III—124] «Факт тот, что до акта 1833 г. подростков и детей заставляли работать *всю ночь, весь день или же день и ночь ad libitum* *» («Reports of the Inspectors of Factories for the half year ending 30th April 1860», p. 50).

Актом 1833 г. *ночь* определена как промежуток времени между $8^1/_2$ часами вечера и $5^1/_2$ часами утра. Владельцам фабрик было разрешено

«использовать установленные законом часы детского труда в любой промежуток времени между $5^1/_2$ часами утра и $8^1/_2$ вечера» [там же, стр. 51].

Это определение «дня» и «ночи», хотя и с сокращенными рабочими часами, сохранялось во всех последующих фабричных актах до 1850 г., когда в первый раз дневные часы разрешенного труда были отнесены к периоду от 6 часов утра до 6 часов вечера, а зимой, если это было желательно владельцу фабрики, — от 7 часов утра до 7 часов вечера.

«*Большинство несчастных случаев произошло на крупнейших* фабриках... Непрекращающаяся драка за каждую минуту времени там, где работа производится с помощью неизменно действующей машины-двигателя мощностью, быть может, в тысячу лошадиных сил, всегда *чревата опасностью. На таких фабриках мельчайшие доли времени суть элементы прибыли* — в каждое мгновение требуется внимание каждого человека. Именно здесь, где... можно видеть непрекращающуюся борьбу между жизнью и неорганическими силами; где умственная энергия должна направлять, а физическая энергия должна осуществлять движения и непрерывно быть согласованной с вращением веретен, — именно здесь рабочие,

* — по произволу. *Ред.*

несмотря на напряженное состояние, в котором они находятся из-за чрезмерного возбуждения или жары, не имеют права ни запаздывать, ни давать различным соседним движениям отвлекать свое внимание в сторону, ибо здесь любое промедление есть убыток» («Reports of the Inspectors of Factories for the half year ending 30th April 1860», p. 56).

«*Комиссия по обследованию условий детского труда,* отчеты которой публиковались в течение нескольких лет, выявила большое количество все еще имеющих место преступлений — некоторые из них своей чудовищностью превосходят любое преступление, в котором когда-либо обвинялись фабрики и ситценабивные заведения... Без организованной системы инспекторского надзора, осуществляемого платными должностными лицами, несущими ответственность перед парламентом и обязанными представлять полугодовые отчеты о своей деятельности, фабричный закон скоро потерял бы всякую силу, доказательством чему является неэффективность всех фабричных законов, предшествовавших закону 1833 г., а также действующего в настоящее время во Франции фабричного закона 1841 г., который не содержит в себе положения о систематическом инспекторском надзоре» («Reports of the Inspectors of Factories for the half year ending 31st Oct. 1858», p. 10).

«Фабричные законы положили конец преждевременному одряхлению, которое раньше наступало у рабочих вследствие чрезмерно продолжительного труда; *сделав их хозяевами их собственного времени,* эти законы дали им нравственную силу, которая направляет их к возможному обладанию политической властью» («Reports of the Inspectors of Factories for the half year ending 31st Oct. 1859», p. 47).

«Еще большее благо заключается в том, что, наконец, проводится четкая *граница между собственным временем рабочего и временем его хозяина. Рабочий знает теперь, когда оканчивается то время, которое он продает, и когда начинается его собственное время,* и, заранее точно зная это, он в состоянии планомерно распределить *свои собственные минуты* в своих *собственных целях»* (там же, стр. 52).

Это очень важный результат установления нормированного рабочего дня. До 1833 г.

«хозяин не имел времени ни на что другое, кроме выколачивания денег, а работник не имел времени ни на что другое, кроме труда» (там же, стр. 48).

«Алчность фабрикантов, совершающих в погоне за прибылью такие жестокости, которые едва ли уступят жестокостям, совершавшимся испанцами при завоевании Америки в погоне за золотом» (*John Wade.* History of the Middle and Working Classes. 3rd edition. London, 1835, стр. 114).

[III—124*a*] *К стр. 124.*

«Определенные категории рабочих (например, взрослые ткачи и ткачихи) непосредственно заинтересованы в работе сверх установленного законом времени, и можно предполагать, что они оказывают некоторое влияние на более молодые категории рабочих, которые, к тому же, питают естественный страх перед увольнением в случае, если они сообщат [фабричному инспектору] какие-либо улики или сведения, рассчитанные на то, чтобы навлечь неприятности на своих хозяев... Даже если их (молодых рабочих) уличат в том, что они работают в незаконное время, на их свидетельские показания перед судьями об имевших место фактах редко можно полагаться, поскольку такие показания даются с риском потерять

работу» («Reports of the Inspectors of Factories for the half year ending 31st October 1860», p. 8).

«На фабрике занято 400 человек, половина которых работает сдельно и... непосредственно заинтересована в сверхурочных работах. Остальные 200 человек оплачиваются поденно, работают столь же продолжительное время и ничего не получают за сверхурочные часы. В некоторых местах возник обычай систематически начинать работу на 5 минут раньше и прекращать на 5 минут позже положенного времени. В течение каждого рабочего дня работа трижды начинается подобным образом и трижды подобным же образом прекращается. В результате 5 минут, помноженные на 6, равняются половине часа, которая ежедневно выгадывается [предпринимателем] не с одного единственного рабочего, а с двух сотен рабочих, работающих и оплачиваемых поденно. Труд этих 200 человек в течение половины часа в день равен труду одного лица в течение 50 часов, или $^5/_6$ недельного труда одного лица, и представляет собой *прямой выигрыш предпринимателя*» (там же, стр. 9).

Если работа оплачивается поштучно, то рабочий, разумеется, получает какую-то долю своего сверхурочного времени и сам присваивает себе некоторую часть затраченного им прибавочного рабочего времени. Капиталист же, помимо более быстрой реализации основного капитала, получает добавочную прибыль, даже если он оплачивает час сверхурочного времени в таком же размере или даже выше, чем час нормального рабочего дня: 1) потому что ему не нужно увеличивать число работающих машин (например, веретен, механических ткацких станков); один и тот же рабочий, работает ли он 12 или 15 часов ежедневно, работает на одном и том же станке; таким образом, при таком удлинении рабочего времени часть затрат на авансированный капитал отпадает. 2) Если продолжительность нормального рабочего дня равна 12 часам, из которых 2 часа составляют прибавочный труд, то оплачиваться должны 10 часов необходимого рабочего времени, приходящихся на 2 часа прибавочного времени. В случае сверхурочного труда, если из 30 минут ($^1/_2$ часа) рабочему [также] оплачиваются $^5/_6$, то тем самым капиталистом выигрывается $^1/_6$, равная 5 минутам, а рабочему оплачиваются 25 минут. Прибавочное рабочее время всегда зависит от того, что рабочий сначала работает 10 часов на себя. В случае сверхурочного труда уже предположено, что он получил свою необходимую заработную плату. Следовательно, он может удовлетвориться соответственной частью сверхурочного времени.

Если сверхурочное время *не оплачивается,* то капитал выигрывает его, не платя за [вновь затраченное] необходимое рабочее время; 100 рабочих часов сверхурочного времени, если работа ежедневно продолжается 10 часов, равны рабочему времени 10 рабочих, заработная плата которых *полностью сэкономлена.*

[III—124 b] Акты о белильных и красильных заведениях должны были начать действовать 1 августа 1861 г.

Основные положения *собственно фабричных актов* гласят:

«Все лица, не достигшие 16-летнего возраста, должны быть подвергнуты осмотру официальным врачом. Дети в возрасте до 8 лет не могут приниматься на работу. Дети в возрасте между 8 и 13 годами могут быть использованы на работе только в течение половины рабочего дня и должны ежедневно посещать школу... Женщины и подростки, не достигшие 18-летнего возраста, не должны использоваться на работе до 6 часов утра, после 6 часов вечера, а также после 2 часов пополудни по субботам. Женщины и подростки не должны работать во время перерывов для еды, и им не разрешается на это время оставаться в каком бы то ни было фабричном помещении, где происходит какой-нибудь производственный процесс. Детей моложе 13-летнего возраста, работающих до 12 часов дня, нельзя вновь заставлять работать после часа пополудни в тот же самый день» (там же, стр. 22, 23).

«Рабочее время регулируется по общественным часам, обычно по часам ближайшей железнодорожной станции... Если мы застаем каких-либо лиц за работой во время перерыва для еды или в какое-нибудь другое незаконное время, то нам иногда говорят в оправдание, что эти лица не хотят уходить с фабрики в положенный час и что требуется принуждение, чтобы заставить их прекратить работу, особенно после полудня в субботу. Но если «руки» остаются на фабрике после остановки машин и занимаются чисткой своих машин или другой какой-либо подобной работой, то это происходит лишь потому, что ни до 6 часов вечера в первые пять дней недели, ни до 2 часов дня в субботу им не отводится достаточно времени специально для чистки машин и т. д.» (там же, стр. 23).

Еще одно определение из фабричных актов, касающееся перерывов для еды:

«Полтора часа должны предоставляться всем подросткам и женщинам в одно и то же время между 7 часами 30 минутами утра и 6 часами вечера; из них один час должен предоставляться до трех часов дня, и ни одно лицо не должно работать до 1 часа пополудни более 5 часов подряд без 30-минутного перерыва. По стране в целом перерывы на еду для фабрично-заводских рабочих составляют обычно полчаса на завтрак и один час на обед» (там же, стр. 24).

Еще одно определение из фабричных актов:

«От родителей требуется, чтобы они заставили своего ребенка присутствовать на уроках в школе в течение трех часов в день пять раз в неделю. Нанимателю разрешается допускать детей к работе только при условии, что каждый понедельник утром он будет получать от них подписанное школьным учителем свидетельство о их ежедневном трехчасовом пребывании в школе в течение пяти дней на прошлой неделе» (там же, стр. 26).

На протяжении прошедших столетий, во времена, предшествовавшие капиталистическому производству, мы тоже встречаем насильственное, т. е. законодательное регулирование продолжительности рабочего дня со стороны правительств, — од-

нако с той целью, чтобы принудить рабочего работать какое-то *определенное* время, в то время как все теперешние предписания, наоборот, направлены на то, чтобы капиталист был вынужден заставлять рабочего работать *только определенное время.* В условиях развитого капитала рабочее время может быть ограничено только по принуждению со стороны правительства. На ранних ступенях развития капитала [III—124 *c*] правительственные меры принуждения были направлены на то, чтобы насильственно превратить работника в наемного рабочего.

«Если народонаселение немногочисленно, а земля обильна, то свободный рабочий ленив и дерзок. Искусственное регулирование часто находили не только полезным, но и абсолютно необходимым для того, чтобы его заставить работать. В наши дни, согласно г-ну Карлейлю, освобожденные негры на наших островах Вест-Индии, располагая в изобилии даровым жарким солнцем и почти даровой тыквой, не желают работать. Он, видимо, считает, что принуждающие к труду законодательные акты абсолютно необходимы даже ради их собственного блага. Ибо они быстро впадают в свое первоначальное состояние варварства. Так, 500 лет тому назад в Англии опытным путем обнаружили, что бедняки не нуждаются в работе и не склонны работать. После того как великая чума в XIV веке сократила население, трудность найти рабочих *по разумным ценам* возросла до такой степени, что стала совершенно невыносимой и превратилась в угрозу для промышленности королевства. Поэтому в 1349 г., в 23-й год царствования Эдуарда III, был издан статут, принуждавший бедняков работать и устанавливавший уровень заработной платы. За ним, в тех же целях, на протяжении нескольких столетий, последовала целая серия статутных указов. Заработная плата как мастеровых, так и земледельческих рабочих; цена сдельного, а также поденного труда; промежутки времени, в течение которых бедняки должны были работать, мало того, *даже перерывы для принятия пищи* (как в фабричных актах нашего времени) — были определены законом. Парламентские акты, регулировавшие заработную плату *в ущерб* рабочему и в пользу хозяина, сохранялись в течение длительного периода продолжительностью в 464 года. Население росло. Законы эти потом были сочтены (и они действительно стали таковыми) излишними и обременительными. В 1813 г. все они были отменены» ([*J. B. Byles.*] Sophisms of Free Trade. 7th ed. London, 1850, стр. 205, 206).

«Из статута 1496 г. следует, что расход на пищу считался эквивалентным $^1/_3$ дохода мастерового и $^1/_2$ дохода *сельскохозяйственного рабочего,* а это показывает, что в то время положение рабочих было более независимым, чем теперь, когда пища сельскохозяйственных и промышленных рабочих составляет более крупную часть их заработной платы. *Время на еду и передышку предоставлялось более великодушно, чем в наши дни.* Например, с марта до сентября оно составляло 1 час на завтрак, $1^1/_2$ часа на обед и $^1/_2$ часа на полдник» (т. е. в целом три часа). «(Зимой работа продолжалась с 5 часов утра дотемна.) Теперь же на хлопчатобумажных фабриках дается $^1/_2$ часа на [III—124 *d*] завтрак, 1 час на обед», т. е. только $1^1/_2$ часа, как раз вдвое меньше того, что предусматривалось в XV веке (*John Wade.* History of the Middle and Working Classes. 3rd ed. London, 1835, стр. 24, 25, 577, 578).

Акт о белильных и красильных заведениях был издан в 1860 г. Определения в *Акте о ситценабивных заведениях,* в *Акте о белильных и красильных заведениях* и в *Фабричном акте* различны.

Акт о белильных и т. п. заведениях ограничивает часы работы всех женщин и подростков периодом между *6 часами утра и 8 часами вечера,* а детям не разрешает работать *после 6 часов вечера.* Акт о ситценабивных заведениях ограничивает часы работы женщин, подростков и детей периодом между 6 часами утра и 10 часами вечера при условии, чтобы дети находились на занятиях в какой-либо школе в течение 5 часов ежедневно, а в субботу работа должна прекращаться не позднее 6 часов вечера («Reports of the Inspectors of Factories for the half year ending 31st. Oct. 1861», p. 20, 21).

«Фабричные акты требуют, чтобы в течение дня на еду предоставлялось $1^1/_2$ часа и чтобы это время использовалось между 7 часами 30 минутами утра и 6 вечера, а один час из этого времени предоставлялся до 3 часов дня; и чтобы ни один ребенок, подросток и ни одна женщина не использовались на работе до часу дня более 5 часов без перерыва для еды, по крайней мере, на 30 минут... В акте о ситценабивных заведениях *совсем нет никаких* требований... *в отношении какого бы то ни было времени, предназначенного для еды.* Таким образом, подростки и женщины могут работать от 6 часов утра до 10 часов вечера, не делая перерыва для принятия пищи» (там же, стр. 21).

«В ситценабивных заведениях ребенок может работать в промежуток времени между 6 часами утра и 10 часами вечера... Согласно акту о белильных заведениях, ребенок может работать только в соответствии с требованиями фабричного акта, в то время как труд *подростков и женщин,* вместе с которыми он перед этим работал в течение дня, может быть продолжен до 8 часов вечера» (там же, стр. 22).

«*Взять,* например, *производство шелка;* с *1850 г.* здесь считалось законным использовать детей старше 10-летнего возраста» (т. е. в возрасте 11—13 лет) «на операциях по мотанию и кручению шелка-сырца в течение $10^1/_2$ часов в день. С 1844 до 1850 г. их ежедневный труд, за исключением субботы, был ограничен 10 часами, а до этого периода — 9 часами. Эти изменения в величине рабочего дня были внесены на том основании, что труд на шелковых фабриках легче, чем на фабриках, производящих другие ткани, и также и во всех других отношениях менее способен нанести ущерб здоровью» (там же, стр. 26).

«Пущенное в ход в 1850 г. утверждение насчет того, что производство шелка является более здоровым занятием, чем производство других текстильных изделий, не только не [III—124 *e*] обосновано какими бы то ни было фактами, а наоборот, факты свидетельствуют о противоположном: средняя смертность в округах шелкового производства исключительно высока, а для женской части населения она даже выше, чем в округах хлопчатобумажного производства Ланкашира, где высокую смертность от легочных заболеваний, несмотря на то что дети здесь в самом деле работают только половинное время, в силу специфических причин, делающих хлопчатобумажное производство вредным, можно считать неизбежной» (там же, стр. 27).

В своей речи по поводу билля о 10-часовом рабочем дне, произнесенной 15 марта 1844 г., лорд Эшли говорит о том, что в тот период рабочее время на австрийских фабриках составляло

«15, а нередко и 17 часов в день» («Ten Hours' Factory Bill. The Speech of Lord *Ashley*, 15th March». London, 1844, стр. 5).

В Швейцарии предписания весьма строги:

«В кантоне Ааргау детей моложе 14 лет нельзя заставлять работать более $12^1/_2$ часов в день, а обучение детей является обязательным для владельцев фабрик».

В кантоне Цюрих «труд детей ограничен 12 часами; детей моложе 10-летнего возраста принимать на работу не разрешается... В Пруссии законом 1839 г. запрещено заставлять работать детей, которым не исполнилось 16 лет, более 10 часов в день; ни одного ребенка моложе 9-летнего возраста вообще не разрешается принимать на работу» (там же, стр. 6).

В 1816 г. сэр Р. Пиль побудил один из комитетов палаты общин проверить, в частности, действие акта 1802 г. об учениках. По свидетельству Джона Мосса, надзирателя одной из фабрик близ Престона, акт об учениках постоянно и полностью игнорировался. Свидетельствующий это даже не знал о его существовании. Дети на фабрике, почти сплошь ученики из лондонских приходов, в течение всего года принуждались работать с 5 часов утра до 8 часов вечера (15 часов) с двумя перерывами для еды общей продолжительностью в один час; по воскресеньям они неизменно работали с 6 часов утра до 12 часов дня, чистя машины для следующей недели.

Средняя продолжительность рабочего дня у лондонских пекарей 17 часов. Как правило, 17-часовой рабочий день имел место в первый период существования хлопчатобумажной промышленности. Вскоре после этого был введен ночной труд.

Норма прибавочной стоимости. Если необходимый труд рабочего составляет 10 часов, а прибавочный труд — 2 часа, то норма прибавочной стоимости равна $^2/_{10}$, т. е. $^1/_5$, т. е. 20%. Расчет был бы неверным, т. е. норма эксплуатации была бы определена неверно, если бы за основу мы взяли все рабочее время продолжительностью в 12 часов и, к примеру, сказали бы, что рабочий получает из них $^5/_6$, а капиталист $^1/_6$. В этом случае норма прибавочной стоимости составила бы $^1/_6$ (2 часа составляют $^1/_6$ от 12 часов), т. е. $16^2/_3$%. Та же ошибка имела бы место, если бы расчет велся в долях продукта, а именно, если бы в качестве нормы прибавочной стоимости рассматривалось не отношение прибавочного продукта к той части продукта, которая эквивалентна заработной плате, а прибавочный продукт фигурировал бы как соответственная часть совокупного продукта. Этот пункт весьма важен не только для определения

прибавочной стоимости, но и позднее он будет решающе важным для правильного определения нормы прибыли.

[III—124 f] «Он» (один из предпринимателей раннего периода развития хлопчатобумажной промышленности) «сообщил мне замечательную идею. Не знаю, принадлежит ли она ему самому, но она поистине достойна его. Эта идея заключается в следующем: *организовать ночной труд*. Рабочие будут разделены на две группы таким образом, чтобы каждая работала до утра один раз в двое суток: станки больше не будут бездействовать. Ограничение труда 17 часами вынуждало к бездействию в течение 7 долгих часов огромный капитал — стоимость станков, плата за наем помещения и т. д. Эти 7 долгих часов ежедневной прибыли больше не будут пропадать. Он изложил мне свои расчеты, согласно которым он только благодаря особому способу оплаты ночного труда с лихвой покроет дополнительные расходы на освещение» («Sir Richard Arkwright, ou Naissance de l'Industrie Cotonnière dans la Grande — Bretagne (1760 à 1792)», par M. Saint-Germain — Leduc. Paris, 1841, стр. 145, 146).

Ночной труд является теперь нормой на хлопчатобумажных фабриках Москвы. Еще более отвратительна та система, которой следуют в настоящее время на зеркальных фабриках в Манчестере, при этом с применением также и детского труда. А именно: две группы рабочих каждые 6 часов сменяют друг друга днем и ночью в течение всех 24 часов. У Баббеджа в его «On The Economy of Machinery and Manufactures» (London, 1832) мы читаем:

«Первые машины для производства тюля при первой их покупке стоили чрезвычайно дорого — от 1 000 до 1 200 или 1 300 ф. ст. Всякий фабрикант, владелец одной из таких машин, вскоре обнаруживал, что хотя он и производил больше продукта, но, принимая во внимание цену этой машины и то, что ее работа была ограничена 8 часами в день, он все же не мог конкурировать с прежним методом производства. Это невыгодное обстоятельство объяснялось значительной суммой, затрачиваемой на первое обзаведение машиной. Однако вскоре фабриканты заметили, что при той же затрате первоначального капитала, с небольшим добавлением к их оборотному капиталу, они могут ту же самую машину заставить работать в течение 24-х часов. Полученные ими таким путем выгоды побудили других лиц обратить внимание на возможность усовершенствования машин, в результате чего их покупная цена значительно снизилась в то самое время, когда тюль стали производить быстрее и в большем количестве» (гл. XXII, [стр. 211]) [66].

Дейл, предшественник Оуэна на хлопчатобумажной фабрике в Нью-Ланарке, также филантроп, еще применял труд детей, не достигших даже 10-летнего возраста, в течение 13 часов в день.

«Для того чтобы покрывать расходы на эти мероприятия, так хорошо скомбинированные, и вообще поддерживать предприятие, было крайне необходимо использовать труд этих детей в хлопкопрядильнях с 6 часов утра до 7 часов вечера как летом, так и зимой... Директора общественных домов призрения, по мотивам плохо понятой экономии, не желали посылать на фабрику порученных их заботам детей, если только владельцы

фабрики не готовы были принимать на работу детей начиная с 7 или 8 лет» (*Macnab, Henry Gray*. Examen Impartial des Nouvelles Vues de M. Robert Owen, et de ses établissements à New-Lanark en Écosse. Traduit par *Laffon de Ladébat*. Paris, 1821, стр. 64).

«Таким образом, мероприятия г-на Дейла и его нежная забота о благополучии этих детей оказались в конечном счете почти полностью бесполезными и безуспешными. Он взял этих детей к себе на службу, и если бы они не работали, он не смог бы их прокормить» (там же, стр. 65).

«Беда заключалась в том, что детей, [III—124 *g*] присылаемых из приютов, слишком юных, для того чтобы работать, следовало еще поберечь четыре года и дать им начальное образование... Если такова верная и не преувеличенная картина положения поступающих из приютов учеников *в нашей современной фабричной системе* даже при наилучшем и наигуманнейшем распорядке, то каким же прискорбным должно быть положение этих детей при плохом режиме?» (там же, стр. 66).

Как только Оуэн взял на себя управление фабрикой,

«система найма учеников из числа детей, находящихся в общественных домах призрения, была упразднена... С обычаем привлекать к фабричному труду детей в возрасте от 6 до 8 лет было покончено» (там же, стр. 74).

«Количество рабочих часов, 16 из 24, было сокращено до $10^1/_2$ часов в день» (там же, стр. 98).

Это, конечно, было воспринято как ниспровержение общественных устоев и вызвало большой шум в стане экономистов и «философов» бентамовского толка.

* * *

«Но еще легче добывается хлеб на восточных островах азиатского архипелага, где саго растет в лесу в диком виде. Туземцы, просверлив в дереве дыру и убедившись, что сердцевина созрела, рубят дерево, разделяют его на несколько кусков, выскребают сердцевину, смешивают ее с водой и, отцедив воду, получают саговую муку, вполне пригодную к употреблению. Одно дерево дает обыкновенно 300 фунтов, а иногда может дать от 500 до 600 фунтов. Таким образом, там отправляются в лес нарубить себе хлеба, как у нас отправляются в лес нарубить себе дров» (*F. Schouw*. Die Erde, die Pflanzen und der Mensch. 2. Auflage. Leipzig, 1854, стр. 148).

Допустим, что такому «хлеборубу» требуется один 12-часовой день в неделю, чтобы он мог удовлетворить все свои потребности. Если бы там было введено капиталистическое производство, то ему пришлось бы работать 6 дней в неделю, для того чтобы присвоить себе продукт этого одного дня.

* * *

Прибавочный труд, разумеется, состоит из труда того же рода, что и необходимый труд. Если рабочий — прядильщик, то его прибавочный труд представляет собой прядение, а его прибавочный продукт является пряжей. Если он — углекоп,

то и т. д. Мы видим, таким образом, что вид труда, его особое качество, та особая отрасль, к которой он принадлежит, совершенно безразличны для отношения между прибавочным трудом и трудом необходимым. Поэтому точно так же безразлично и отношение друг к другу различных рабочих дней, или, что одно и то же, та пропорция, в которой день более или менее квалифицированного труда приравнивается к дню неквалифицированного труда. Это приравнивание совершенно не касается рассматриваемого здесь отношения [между необходимым и прибавочным трудом]. Поэтому для упрощения изложения во всех случаях можно рассуждать так, как если бы труд всех рабочих, применяемых капиталистом, был равен среднему неквалифицированному труду, простому труду. В расчетах капиталиста (в денежном выражении труда) всякий вид труда и так уже практически и фактически сведен к этому выражению.

* * *

[III—124 *h*] Качественные различия между теми или иными видами *среднего труда* — то, что один из них требует больше умения, другой требует больше силы и т. д. — практически выравниваются между собой. Что же касается *индивидуальных различий* между рабочими, выполняющими *одну и ту же* работу, то в отношении этого можно заметить следующее: эти различия больше всего дают себя знать в ремесленном производстве (и в более высоких сферах так называемого непроизводительного труда); они всё более и более исчезают, и в развитом капиталистическом производстве, где господствуют разделение труда и машины, ограничены чрезвычайно узкими рамками (за исключением короткого времени обучения новичков). Средняя заработная плата должна быть достаточно высокой, чтобы она могла поддерживать жизнь среднего рабочего в качестве рабочего, а средняя производительность является здесь для рабочего предпосылкой того, чтобы он как таковой мог вообще быть допущен на фабрику. То, что находится выше или ниже этого среднего уровня, является исключением, и если рассматривать фабрику в целом, то весь ее персонал доставляет среднее количество продукта за среднее количество времени, затрачиваемое в определенной отрасли при средних условиях производства. При поденной, понедельной и т. д. заработной плате эти индивидуальные различия фактически вовсе не принимаются во внимание, однако они отражаются в поштучной заработной плате. В само̀м отношении между капиталистом и рабочим это ничего не меняет.

Если рабочее время рабочего *A* выше рабочего времени рабочего *B*, то это относится и к его заработной плате, но также и к прибавочной стоимости, которую он создает. Если его производительность падает ниже средней, то это относится и к его заработной плате, так же как и к создаваемой им прибавочной стоимости. Однако фабрика в целом должна обеспечивать средний уровень. Все то, что находится выше или ниже среднего уровня, взаимно компенсируется, и этот последний, и так уже достигаемый основной массой рабочих, обеспечивается.

Эти моменты следует рассмотреть в разделе о заработной плате. Для рассматриваемого здесь отношения они безразличны. Впрочем, на английских фабриках поштучная заработная плата появляется очень рано. Если однажды было установлено, какое количество продукта могло бы быть в среднем произведено в течение данного промежутка времени и одновременно дано количество ежедневных рабочих часов, то, сообразуясь с этим, определяется заработная плата. И действительно, в этом случае заработная плата (совокупная) в условиях труда, продолжающегося 17 часов в день, ниже, чем при 10-часовом труде. Только при *экстраординарной* сверхурочной работе различие [между поштучной и повременной оплатой труда] пошло бы на пользу рабочим, так что они часть этого экстраординарного прибавочного труда присваивали бы самим себе; что, впрочем, имеет место и в условиях экстраординарного прибавочного труда, оплачиваемого поденно и т. д.

Мы видели, что *стоимость* основывается на том, что люди взаимно относятся к труду друг друга как к труду равному и всеобщему и в этой форме общественному. Это является абстракцией, так же как и все человеческое мышление, и общественные отношения между людьми возможны лишь в той мере, в какой люди мыслят и обладают этой способностью абстрагироваться от чувственных деталей и случайностей. Экономисты того сорта, что воюют против определения стоимости рабочим временем на том основании, что труд двух индивидов (хотя бы и в одной и той же профессии), выполненный за один и тот же промежуток времени, не является *абсолютно одинаковым,* вообще еще не знают, чем человеческие общественные отношения отличаются от отношений между животными. Они сами — животные, и в качестве таковых эти молодчики с легкостью упускают из виду то обстоятельство, что две потребительные стоимости не могут быть абсолютно одинаковыми (даже два листа с одного дерева, как заметил *Лейбниц*), и с еще большей легкостью они опускают из виду то обстоятельство, что

потребительные стоимости, не имеющие между собой абсолютно никакой [общей] меры, нельзя оценивать в качестве меновых стоимостей по *степени их полезности*.

* * *

Пусть денежное выражение (при условии, что деньги сохраняют свою стоимость, как это и имеет место в течение более или менее длительных промежутков времени) среднего рабочего дня продолжительностью в 12 часов составляет 10 шилл., тогда ясно, что рабочий, работая 12 часов, ни при каких обстоятельствах не может присоединить к предмету труда больше, чем 10 шилл. Если теперь сумма его ежедневных необходимых жизненных средств составляет 5 шилл., то капиталист должен уплатить рабочему 5 шилл. и получает 5 шилл. прибавочной стоимости; если он должен уплатить рабочему 6 шилл., то он получит только 4, если 7, то только 3, если же 3, то 7 и т. д. При данном рабочем времени — при данной продолжительности рабочего дня — следует иметь в виду то, что сумма необходимого и прибавочного труда представлена в продукте постоянной стоимости и в одном и том же денежном выражении этой стоимости — до тех пор, пока стоимость денег остается постоянной. [III—124 *h*]

* * *

[III—113] *К d), стр. 102.*

Этот закон [67] означает только то, что при неизменной производительности труда и данном нормальном рабочем дне масса прибавочной стоимости возрастает вместе с количеством одновременно применяемых рабочих. Отсюда не следует, что во всех отраслях производства (например, в земледелии) производительность труда остается одной и той же по мере увеличения количества применяемого труда. (Поместить это в примечание.)

Отсюда следует, что при прочих равных условиях богатство какой-либо страны, развивающейся на базисе капиталистического производства, зависит от массы пролетариата, от обреченной на наемный труд части населения.

«Чем больше рабов у хозяина, тем он богаче; отсюда следует, что при одинаковой степени угнетения масс, чем больше в стране пролетариев, тем она богаче» (*Colins.* L'Économie Politique. Source des Révolutions et des Utopies prétendues Socialistes. Paris, 1857, tome III, стр. 331). [III—113]

* * *

[III—107] *Добавление к е).*

Коль скоро при капиталистическом производстве капитал вынуждает рабочего работать сверх его необходимого рабочего времени, — т. е. сверх того рабочего времени, которое требуется для удовлетворения его собственных жизненных потребностей как рабочего, — то в качестве этого отношения господства прошлого труда над живым трудом, капитал создает, производит *прибавочный труд,* а тем самым и *прибавочную стоимость.* Прибавочный труд — это труд рабочего, труд отдельного индивида, выполняемый за пределами его насущных потребностей, фактически представляющий собой труд для общества, хотя этот прибавочный труд от имени общества в первую очередь присваивает здесь капиталист. Как уже говорилось, этот прибавочный труд, с одной стороны, представляет собой базис свободного времени общества, а с другой стороны, тем самым — материальный базис всего общественного развития и всей культуры вообще. В той мере, в какой именно капитал вынуждает значительную часть общества к этому труду сверх ее непосредственной нуждаемости, он создает культуру, выполняет определенную исторически-социальную функцию. Тем самым создается всеобщее трудолюбие общества вообще, выходящее за пределы того времени, которое требуется для удовлетворения непосредственных физических потребностей самих работников.

Ясно, конечно, что все господствующие классы, всюду, где общество зиждется на классовом антагонизме, — так что на одной стороне собственники условий производства господствуют над всем обществом, а на другой неимущие члены общества, лишенные собственности на условия производства, вынуждены работать, вынуждены своим трудом поддерживать свою жизнь и жизнь своих господ, — в известных пределах осуществляют это же самое принуждение (в условиях рабства, например, в гораздо более непосредственной форме, чем в условиях наемного труда) и, следовательно, точно так же заставляют труд выходить за пределы, поставленные ему одними лишь физическими потребностями. Но при всех состояниях общества, где господствует *потребительная стоимость,* рабочее время является более или менее безразличным, коль скоро оно удлиняется лишь для того, чтобы, помимо жизненных средств для самих работников, доставить господам какое-либо патриархальное богатство, определенную массу потребительных стоимостей. Напротив, в той мере, в какой определяющим элементом

производства становится *меновая стоимость,* удлинение рабочего времени за пределы физических потребностей становится все более и более решающим. Там, например, где рабство и крепостничество господствуют у народов со слаборазвитой торговлей, [III—108] ни о каком чрезмерном труде думать не приходится. Поэтому рабство и крепостничество наиболее отвратительную форму принимают у торговых народов, как, например, у карфагенян. Но еще более отвратительная форма рабства и крепостничества присуща тем народам, которые сохраняют их в качестве базиса своего производства в эпоху, когда эти народы поддерживают связи с другими народами, у которых имеет место капиталистическое производство; стало быть, например, в южных штатах Американского Союза.

Так как при капиталистическом производстве меновая стоимость впервые господствует над всем производством и над всей структурой общества, то принуждение, которому капитал подвергает труд, для того чтобы заставить его выйти за пределы своих насущных потребностей, является наибольшим. Равным образом, так как при капиталистическом производстве *необходимое рабочее время* (общественно необходимое рабочее время) впервые полностью определяет величину стоимости всех продуктов, то при нем интенсивность труда достигает более высокой степени, — в результате того, что здесь впервые рабочие повсеместно вынуждаются затрачивать на производство того или иного предмета лишь то *рабочее время,* которое *необходимо* при всеобщих общественных условиях производства. Бич рабовладельца не может обеспечить эту интенсивность в такой же степени, в какой ее обеспечивает принуждение, осуществляемое капиталистическим отношением. В условиях последнего свободный рабочий, для того чтобы удовлетворить свои необходимые потребности, вынужден свое рабочее время: 1) превращать в *необходимое рабочее время,* придавать ему определенную (конкуренцией) всеобщую общественную степень интенсивности; 2) выполнять прибавочный труд, чтобы иметь право (иметь возможность) работать в течение рабочего времени, необходимого ему самому. Напротив, раб уже удовлетворил свои необходимые потребности, как это делает животное, и теперь от его природных задатков зависит то, в какой мере бич и т. д. побудит его, окажется для него достаточным мотивом к тому, чтобы он отдал свой труд в возмещение потребленных им жизненных средств. Рабочий работает, чтобы создать жизненные средства для самого себя, чтобы сохранить свою собственную жизнь. Жизнь раба поддерживает другой человек с тем, чтобы принуждать его к труду.

Таким образом, в этом смысле капиталистическое отношение является более производительным — во-первых, потому, что при этом отношении речь идет о рабочем времени как таковом, о меновой стоимости, а не о продукте как таковом, или о потребительной стоимости; во-вторых, потому, что свободный рабочий может удовлетворять свои жизненные потребности лишь в той мере, в какой он продает свой труд, т. е. его вынуждают к этому его собственные интересы, а не принуждение извне.

Разделение труда вообще может существовать только в том случае, если каждый производитель товара расходует на производство этого товара больше рабочего времени, чем требует его собственная потребность в этом определенном товаре. Но отсюда еще не следует, что его рабочее время вообще удлиняется за пределы круга его насущных потребностей. Напротив, круг его потребностей, — который, разумеется, с самого начала будет расширяться вместе с разделением труда, разделением занятий, — будет определять общее количество его рабочего времени.

Например, крестьянину, который все свои жизненные средства производил сам, не требовалось работать весь день в поле, но он должен был распределить, скажем, 12 часов труда между работой в поле и различными домашними работами. Если же теперь все 12 часов своего рабочего времени он затрачивает на земледелие и в обмен на избыток продукта этих 12 часов получает продукты других видов труда, покупает их, то это то же самое, как если бы он сам затратил некоторую часть своего рабочего времени на земледелие, а другую часть — на другие отрасли труда. Те 12 часов, в течение которых он работает, — это по-прежнему то рабочее время, которое требуется для удовлетворения его *собственных потребностей,* рабочее время, определяемое границами его естественных или, скорее, общественных потребностей. Капитал же понуждает к выходу за эти природные или традиционные пределы рабочего времени, тем, что он одновременно ставит интенсивность труда в зависимость от достигнутой обществом ступени развития производства и таким образом избавляет эту интенсивность труда от рутины, свойственной независимому самостоятельному производителю или рабу, работающему только по принуждению извне.

Если все отрасли производства подпадают под власть капитала, то из одного только всеобщего возрастания прибавочного труда — всеобщего рабочего времени — следует, что разделение отраслей производства, разнообразие видов труда и поступающих в обмен товаров будет увеличиваться. Если в какой-либо отрасли производства 100 человек работают столько же

времени, сколько раньше при менее продолжительном прибавочном труде или при меньшей продолжительности совокупного труда работали 110 человек, — то 10 человек могут быть переброшены в другую, новую отрасль производства, так же как и та часть капитала, которая раньше была необходима, чтобы занять эти 10 человек. Поэтому простой выход — удлинение — рабочего времени за его природные или традиционные пределы приводит к применению общественного труда в новых отраслях производства. Приводит посредством высвобождения *рабочего времени*; прибавочный же труд не только создает *свободное время*, он *высвобождает* (в этом суть дела) принуждение к труду и труд вообще, которые были связаны в той или иной отрасли производства, для новых отраслей производства. Но в законе развития человеческой природы заложено то, что едва лишь обеспечивается удовлетворение одного круга потребностей, [III—109] как высвобождаются, создаются *новые потребности*. Поэтому, понуждая рабочее время к превышению меры, определенной для удовлетворения физических потребностей рабочего, капитал толкает к большему разделению общественного труда, совокупного труда общества, к большему разнообразию производства, к расширению круга общественных потребностей и средств их удовлетворения, а также, следовательно, — к развитию производственных возможностей человека и тем самым — к приведению в действие человеческих способностей в новых направлениях. Но если прибавочное рабочее время является условием свободного времени, то это расширение круга потребностей и средств их удовлетворения обусловлено тем, что рабочий прикован к необходимым жизненным потребностям. [III—109]

[III—112] *Добавление к добавлению к е), стр. 107.*

«Богатство есть такое время, которым можно свободно располагать, и ничего больше» («The Source and Remedy of the National Difficulties». London, 1821, стр. 6).

При капиталистическом производстве труд рабочего составляет гораздо бо̀льшую величину, чем труд *самостоятельного работника,* так как размер этого труда определяется отнюдь не его отношением к *потребности рабочего,* а безграничной, беспредельной потребностью капитала в прибавочном труде.

Труд, например, земледельца «уже потому составит гораздо бо̀льшую величину, что он не направляется больше определенными потребностями земледельца» (*J. G. Büsch.* Abhandlung von dem Geldumlauf in anhaltender Rücksicht auf die Staatswirtschaft und Handlung. Erster Teil. Zweite vermehrte und verbesserte Auflage, Hamburg und Kiel, 1800, стр. 90). [III—112]

[III—114] *К е), стр. 107.*

С возрастанием количества продуктов прибавочный труд обусловливает производство предметов роскоши, обусловливает то, что часть производства переключается на производство предметов роскоши, или, что то же самое, обменивается на них (посредством внешней торговли).

«Как только возникает избыток продуктов, прибавочный труд должен быть посвящен предметам роскоши. Потребление предметов первой необходимости ограничено, потребление предметов роскоши не имеет границ» (*Sismondi.* Nouveaux Principes d'Economie Politique. Seconde édition. Tome I. Paris, 1827, стр. 78) [Русский перевод, том I, стр. 180]. «Роскошь возможна только тогда, когда ее покупают за счет *чужого труда*; усердный труд, труд без передышки возможен только тогда, когда единственно лишь он может добыть не бесполезные пустяки, а предметы, необходимые для жизни» (там же, стр. 79) [Русский перевод, том I, стр. 180—181].

{*Спрос со стороны рабочих* на капитал — это, стало быть, единственное, в чем нуждается капиталист, т. е. для него все дело заключается в том соотношении, в котором живой труд предлагается в обмен на овеществленный.

«Что касается спроса *со стороны* труда, то это есть предоставление труда [III—115] в обмен на товары, или — если вы предпочитаете рассматривать это в другой форме, что, однако, сводится к тому же самому — предоставление в обмен на *готовые продукты* будущей и *увеличивающейся добавочной стоимости*.., присоединяемой к определенному количеству материала, вверенного рабочему. Это — действительный спрос, увеличение которого имеет для производителей существенное значение, коль скоро вообще есть нужда в *каком-нибудь* [увеличивающемся] спросе помимо того увеличивающегося спроса, который товары создают друг для друга, когда количество их увеличивается» («An Inquiry into those Principles, respecting the Nature of Demand and the Necessity of Consumption» etc. London, 1821, стр. 57).}

Если, например, Джемс Милль говорит:

«Доход с капитала должен быть достаточно велик, чтобы значительная часть общества была в состоянии пользоваться теми преимуществами, какие дает *досуг*» (*James Mill.* Elements of Political Economy. London, 1821, стр. 50),

то это и не означает ничего иного, как следующее: для того чтобы многие имели досуг, наемный рабочий должен надрываться, или — свободное время одной части общества зависит от соотношения между прибавочным рабочим временем рабочего и его необходимым рабочим временем.

Задача капиталиста состоит в том, чтобы «посредством затраченного капитала» (капитала, обмененного на живой труд) «получить *возможно бóльшую сумму труда*» (*J.-G. Courcelle-Seneuil.* Traité théorique et pratique des entreprises industrielles etc. 2 ème éd. Paris, 1857, стр. 62).

О том, что увеличение стоимости капитала, прибавочная стоимость, которую он производит сверх своей собственной стоимости, стало быть, его производительная сила, заключается в присваиваемом капиталом прибавочном труде, — об этом говорит, например, *Дж. Ст. Милль*:

«*Капитал*, строго говоря, не обладает *производительной силой*. Единственная производительная сила есть сила труда, которая, конечно, пользуется помощью орудий и направляет свое действие на тот или иной материал... *Производительная сила капитала* есть не что иное, как то количество действительной производительной силы» (труда), «которым капиталист может распоряжаться благодаря своему капиталу» (*J. St. Mill*. Essays on some Unsettled Questions of Political Economy. London, 1844, стр. 90—91). [III—115]

[III—117] {*К стр. 107, к добавлению к е*).

«Предприниматель всегда будет стараться *экономить* время и труд» (*Dugald Stewart*. Lectures on Political Economy. In: «The Collected Works of D. Stewart». Ed. by Sir W. Hamilton. Vol. VIII. Edinburgh, 1855, стр. 318).} [III—117]

[III—112] *К е), стр. 104.*

То отношение, которое принуждает рабочего к прибавочному труду, представляет собой бытие условий его труда, противостоящих ему в качестве капитала. Рабочий не подвергается принуждению извне, но для того чтобы жить, — в мире, где товар определяется своей стоимостью, — он вынужден продавать свою рабочую силу в качестве товара, тогда как стоимость, являющаяся результатом реализации этой рабочей силы и превышающая ее собственную стоимость, достается капиталу. Так прибавочный труд рабочего, увеличивая разнообразие производства, создает *свободное время* для других. Экономисты любят *рассматривать* это отношение как *естественное отношение* или как *божественное установление*. О порождаемом капиталом трудолюбии:

«Законодательное принуждение к труду сопряжено с слишком большими трудностями, насилием и шумом, порождает недоброжелательство и т. д., между тем как голод не только представляет собой мирное, тихое, непрестанное давление, но и — будучи наиболее естественным мотивом к прилежанию и труду — вызывает самое сильное напряжение» («A Dissertation on the Poor Laws. By a Well-wisher to Mankind» (1786). Republished. London, 1817, стр. 15. Автор — преподобный г-н *Дж. Таунсенд*).

Так как капиталистическое отношение предполагает, что рабочий вынужден продавать свою рабочую силу, т. е. в сущности располагает для продажи лишь самой своей рабочей силой, то Таунсенд говорит:

«По-видимому, таков *закон природы*, что бедные до известной степени непредусмотрительны, так что в обществе постоянно имеются люди для

исполнения самых грубых, грязных и низких функций. Сумма человеческого счастья благодаря этому сильно увеличивается. Более утонченные люди освобождаются благодаря этому от тягостных работ и могут беспрепятственно следовать своему более высокому призванию» (там же, стр. 39). «Закон о бедных имеет тенденцию разрушить гармонию и красоту, симметрию и порядок этой системы, которую [III—113] создали в мире бог и природа» (там же, стр. 41).

Хотя этот поп Таунсенд и не является подлинным автором так называемой теории народонаселения, но он первый придал ей ту форму, в которой ее присвоил Мальтус, сколотив с ее помощью солидный литературный капитал. Удивительно то, что, за исключением венецианского монаха Ортеса («Della Economia Nazionale. Libri sei», 1774), который писал гораздо остроумнее, чем Мальтус, с «непреоборимым желанием» и с «препятствиями, которые стремятся притупить стрелы Купидона» (как говорит Таунсенд), возились главным образом попы англиканской церкви [68]. В противоположность католическому предрассудку («суеверию», как говорит Таунсенд) они отнесли призыв «плодитесь и размножайтесь» к самому духовенству, безбрачие же проповедовали работающему классу.

«Бог устроил так, что люди, выполняющие работы первейшей необходимости, рождаются в изобилии» (*Galiani*. Della Moneta. Scrittori Classici Italiani di Economia Politica. Parte Moderna. Tomo III. Milano, 1803, стр. 78).

Прогресс национального богатства, говорит *Шторх*, «порождает тот *полезный* класс общества,.. который исполняет самые скучные, низкие и отвратительные работы, одним словом — принимает на свои плечи все, что только есть в жизни неприятного и порабощающего, и тем самым обеспечивает для других классов *досуг*, безмятежность духа и общепринятое достоинство характера, которые им необходимы для того, чтобы они могли с успехом предаваться возвышенным занятиям» (*Storch*. Cours d'Économie Politique, éd. Say. Tome III. Paris, 1823, стр. 223).

«В нашем географическом поясе для удовлетворения потребностей требуется труд, и *поэтому* по крайней мере *часть* общества должна *неустанно трудиться*» (*Sir Morton Eden*. The State of the Poor: or, an History of the Labouring Classes in England, from the Conquest to the Present Period etc. London, 1797. Vol. I, book I, ch. I [стр. 1]). [III—113]

[III—114] *К е), стр. 104.*

«Именно потому, что один работает, другой должен отдыхать» (*Sismondi*. Nouveaux Principes d'Economie Politique. Seconde édition. Tome I. Paris, 1827, стр. 76—77) [Русский перевод, том I, стр. 179]. [III—114]

ГЛАВА 3
ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ

[III—125] Мы называем рассматривавшуюся до сих пор форму прибавочной стоимости *абсолютной прибавочной стоимостью*, потому что само ее существование, степень ее возрастания, любое ее увеличение одновременно представляет собой абсолютное увеличение *созданной* стоимости (произведенной стоимости). Как мы видели, абсолютная прибавочная стоимость возникает в результате удлинения необходимого рабочего дня за его пределы, и ее абсолютная величина равна величине этого удлинения, в то время как ее относительная величина — пропорциональная прибавочная стоимость, или норма прибавочной стоимости — дана вместе с отношением этого удлинения, этой флюксии к ее флюенте [69], к необходимому рабочему времени. Если необходимое рабочее время равно 10 часам, то [в результате производства абсолютной прибавочной стоимости] оно удлиняется на 2, 3, 4, 5 часов. Следовательно, вместо стоимости в 10 рабочих часов создается стоимость в 12—15 часов. Удлинение нормального рабочего дня, т. е. суммы необходимого рабочего времени плюс прибавочное рабочее время представляет собой здесь такой процесс, в результате которого возрастает, увеличивается прибавочная стоимость.

Предположим теперь, что совокупный рабочий день достиг своих нормальных границ. Только тогда тенденция капитала создавать прибавочную стоимость, т. е. прибавочное рабочее время, выступает в ее своеобразной и характерной форме. Предположим, что нормальный рабочий день состоит из 12 часов, из которых 10 являются необходимым рабочим временем, 2 — прибавочным рабочим временем. Предположим, что об

удлинении за пределы этих 12-ти часов, т. е. о возрастании абсолютной прибавочной стоимости не может быть речи. Ясно, конечно, что такого рода предел, каким бы образом его ни устанавливали, неизбежно должен себя утвердить, должен наступить. (Чтобы представить себе проблему в ее чистом виде, можно также предположить, что *сумма* абсолютной прибавочной стоимости не может быть больше увеличена, так как численность рабочего населения принимается данной.) Если, следовательно, прибавочная стоимость не может быть больше увеличена путем удлинения совокупного рабочего дня, то каким же еще путем, в таком случае, она может быть увеличена вообще? Путем *сокращения необходимого рабочего времени*. Если из 12 часов совокупного рабочего дня 10 часов приходятся на необходимое рабочее время, а два часа на прибавочное рабочее время, то прибавочная стоимость, или прибавочное рабочее время, может возрасти, к примеру, на 50%, с 2 часов до 3, без удлинения совокупного рабочего дня, если необходимое рабочее время сократится с 10 часов до 9, на $^1/_{10}$.

Количество прибавочного рабочего времени, а следовательно, и прибавочной стоимости может возрастать не только вследствие того, что прибавочное рабочее время увеличивается непосредственно благодаря одновременному удлинению совокупного рабочего дня, но также и в результате того, что сокращается необходимое рабочее время, т. е. в результате того, что рабочее время *превращается* из необходимого рабочего времени в прибавочное рабочее время. Нормальный рабочий день не удлинился бы, но сократилось бы необходимое рабочее время, и вообще изменилось бы то отношение, в котором совокупный рабочий день делится на труд, возмещающий заработную плату, и труд, создающий прибавочную стоимость.

Как мы видели, необходимое рабочее время есть не что иное, как оплаченное рабочее время, как такое рабочее время, которое возмещает рабочее время, содержащееся в заработной плате, в покупной цене рабочей силы (на самом деле представляет собой рабочее время, требующееся для производства заработной платы). Оно могло бы быть сокращено путем сокращения заработной платы. Если стоимость заработной платы насильственно снижается, то сокращается и то рабочее время, которое содержится в заработной плате, т. е. то рабочее время, которое оплачивается с целью воспроизводства заработной платы, ее возмещения. Вместе со стоимостью заработной платы упал бы и эквивалент этой стоимости, соответствующий ей или, точнее говоря, равный ей эквивалент. Конечно, на практике подобное явление нередко имеет место. Цена рабочей силы, как

и любого другого товара, на практике поднимается выше или падает ниже ее стоимости. Но нам здесь до этого нет дела, так как мы исходим из предположения, что цена товара соответствует его стоимости, иными словами, мы рассматриваем явление, *исходя из этого предположения*. Следовательно, то сокращение необходимого рабочего времени, о котором здесь идет речь, должно быть рассмотрено при предположении, что рабочая сила продается по своей стоимости, что рабочий получает нормальную заработную плату, т. е. что в сумме тех жизненных средств, которые требуются для нормального и традиционного воспроизводства его рабочей силы, не происходит никакого сокращения.

|III—126| {Возрастание прибавочной стоимости путем падения заработной платы ниже ее среднего уровня (без увеличения производительности труда) представляет собой повышение прибыли путем падения условий жизни рабочего ниже их нормального уровня. С другой стороны, возрастание заработной платы (также при неизменной производительной силе труда) выше ее нормального среднего уровня означает участие со стороны рабочего, присвоение им некоторой части его собственного прибавочного труда. В первом случае капиталист вторгается в сферу условий жизни рабочего и захватывает рабочее время, необходимое для поддержания жизни последнего. Во втором случае рабочий экспроприирует часть своего собственного прибавочного труда. В обоих случаях один теряет то, что выигрывает другой, но то, что рабочий теряет в виде собственной жизни, капиталист выигрывает в виде денег, а в другом случае рабочий выигрывает в виде условий жизни то, что капиталист теряет в уровне присвоения чужого труда.}

Всякое сокращение необходимого рабочего времени, происходящее при предположении, что цена рабочей силы равна ее стоимости, т. е. что заработная плата не снижается, не падает ниже своего нормального уровня, возможно только путем *повышения производительности труда*, или, что одно и то же, в результате более высокого развития *производительных сил труда*.

При рассмотрении товара мы видели: если производительная сила труда повышается, то та же самая потребительная стоимость производится за более короткое рабочее время, или большее количество тех же самых потребительных стоимостей производится за такое же рабочее время (или за меньшее количество рабочего времени, что, однако, входит в этот, второй, случай). Потребительная стоимость товара остается неизменной, хотя его меновая стоимость падает, т. е. хотя в нем ове-

ществляется меньшее количество рабочего времени, для его производства требуется меньше труда. Сумма жизненных средств, требующаяся для нормального воспроизводства рабочей силы, определяется не их меновой стоимостью, а их потребительной стоимостью — их качеством и количеством, следовательно, не рабочим временем, которое требуется для их производства, которое в них овеществлено, а результатом этого рабочего времени, реальным трудом, в той мере, в какой он представлен в продукте. Следовательно, если в результате повысившейся производительности реального труда та же самая сумма жизненных средств может быть создана за более короткое рабочее время, то стоимость рабочей силы падает, а вместе с тем уменьшается количество рабочего времени, необходимое рабочее время, требующееся для ее воспроизводства, для производства ее эквивалента, — несмотря на то, что рабочая сила по-прежнему продается по своей стоимости. Точно так же как и какой-либо другой товар по-прежнему продается по своей стоимости, хотя в настоящее время он и стòит в сто раз дешевле, чем раньше, так как, хотя он по-прежнему обладает той же самой потребительной стоимостью, в нем содержится в сто раз меньше рабочего времени.

Стоимость рабочей силы, а следовательно, и необходимого рабочего времени падает здесь не потому, что цена рабочей силы опускается ниже ее стоимости, а потому, что упала сама стоимость рабочей силы, потому, что в рабочей силе овеществлено меньше рабочего времени и, стало быть, меньше рабочего времени требуется для ее воспроизводства. В этом случае возрастает прибавочное рабочее время, так как необходимое рабочее время уменьшилось. Некоторая часть совокупного рабочего дня, ранее занятая необходимым трудом, теперь высвобождается и присоединяется к прибавочному рабочему времени. Часть необходимого рабочего времени превращается в прибавочное рабочее время, равно как и часть совокупной стоимости продукта, ранее входившая в заработную плату, теперь входит в прибавочную стоимость (в прибыль капиталиста). Эту форму прибавочной стоимости я называю *относительной прибавочной стоимостью*.

Теперь прежде всего ясно то, что повышение производительной силы труда может уменьшить стоимость рабочей силы рабочего или его необходимое рабочее время лишь в той мере, в какой продукты этого труда либо непосредственно входят в потребление рабочего — такие как продукты питания, топливо, жилище, одежда и т. д., либо входят в постоянный капитал (в сырой материал и орудия труда), который требуется для

изготовления упомянутых выше продуктов. Ибо, так как в стоимости продукта вновь появляется стоимость входящего в него постоянного капитала, то очевидно, что стоимость продукта падает не только в том случае, когда уменьшается рабочее время, требующееся для его собственного изготовления, но точно так же и в том случае, когда уменьшается рабочее время, количество труда, требующегося для создания условий производства этого продукта; следовательно, когда уменьшается стоимость сырого материала и орудий труда, требующихся для изготовления продуктов, входящих в потребление рабочего, короче говоря, когда уменьшается стоимость постоянного капитала (*см. об этом у Рамсея* [70]).

{Между появлением вновь стоимости в продукте, или ее простым сохранением в продукте, и воспроизводством этой стоимости имеет место следующее различие. В последнем случае место меновой стоимости, исчезнувшей в результате потребления той потребительной стоимости, в которой она содержалась, занимает новый эквивалент. В первом случае вместо первоначальной стоимости не создается никакого нового эквивалента. Например, стоимость дерева, которая вновь появляется в столе, не возмещается никаким вновь созданным эквивалентом. Стоимость дерева вновь появляется в столе только потому, что дерево уже раньше имело стоимость и производство стоимости дерева является предпосылкой для производства стоимости стола.}

Однако, далее, возьмем рабочего в той отрасли труда, в которой он непосредственно работает. Если рабочий ткацкой фабрики вследствие возросшей производительной силы труда производит 20 аршин ситца в течение одного часа, тогда как раньше он производил только один аршин, то эти 20 аршин, в той мере, в какой они вообще представляют собой созданную самим этим рабочим [III—127] стоимость, имеют — после вычета содержащегося в них большего количества постоянного капитала — не больше стоимости, чем раньше имел один аршин. Если бы производительная сила труда во всех [остальных] отраслях труда осталась такой же, какой она была до этого переворота в ткацком производстве, то рабочий, несмотря на возросшую производительную силу своего труда, мог бы на один час труда купить жизненных средств не больше, чем прежде, т. е., как и прежде, он мог бы купить только такие товары, в которых овеществлен один час труда. Таким образом, рост производительной силы в его собственной отрасли труда, повысившаяся производительность его собственного труда удешевила бы воспроизводство его собственной рабочей силы

и потому сократила бы его необходимое рабочее время — лишь в той мере и в той пропорции, в какой ситец в качестве материала для одежды мог бы войти в его собственное потребление. Только в такой пропорции. Но это относится к каждой данной отрасли производства, стало быть, к любому отдельному капиталу, к капиталу, отдельно взятому в его собственной промышленной сфере действия.

Если мы возьмем совокупный капитал общества, т. е. совокупный класс капиталистов по отношению к классу рабочих, то ясно, что без удлинения совокупного рабочего дня и без сокращения нормальной заработной платы класс капиталистов лишь постольку может увеличить прибавочную стоимость, поскольку возросшая производительность труда, более высокая ступень развития производительной силы труда позволяет с меньшей затратой труда поддерживать жизнь совокупного рабочего класса, дешевле производить совокупность его жизненных средств и поэтому сократить сумму совокупного рабочего времени, необходимого рабочему классу для воспроизводства его собственной заработной платы. Эта сумма состоит, однако, лишь из суммы отдельных жизненных средств [производимых в отдельных отраслях] и количества определенных отраслей труда, т. е. из количества отдельных отраслей труда, производящих эти жизненные средства; следовательно, из суммы сокращений рабочего времени, вызываемых повышением производительной силы труда в каждой из этих отдельных отраслей труда. Но мы можем рассматривать данный процесс только таким образом, что всегда представляем себе определенный отдельный капитал с определенными рабочими в какой-либо определенной сфере; поэтому мы имеем право, для того чтобы изобразить этот процесс в его общем виде, рассматривать его таким образом, как если бы рабочий жил за счет тех потребительных стоимостей, которые производит он сам.

(Сказанное относится ко всему обществу в целом, следовательно, к сумме индивидов, так как сумма относительного прибавочного труда в обществе есть не что иное, как сумма прибавочного труда отдельных рабочих в отдельных отраслях труда. Только здесь еще возникают выравнивания и опосредствования, рассмотрение которых сюда не относится, но которые затемняют сущность данного отношения.)

{*Уменьшение необходимого рабочего времени* представляет собой, таким образом, *увеличение прибавочного рабочего времени*. Одно уменьшается в той степени, в какой увеличивается другое, и vice versa *. Но это возрастание

* — наоборот. *Ред.*

и падение не касается совокупного рабочего дня и его размеров.}

В действительности рабочий может создавать относительную прибавочную стоимость лишь в той мере, в какой он создает ее в сфере своей собственной деятельности, т. е. в той мере, в какой он производит входящие в его собственное потребление продукты за более короткое время, чем прежде. Поэтому экономисты, поскольку они вообще затрагивают существо относительной прибавочной стоимости, всегда прибегают к указанному предположению (см. у *Милля* [71]).

Действительно, рассматривая обычный ход событий, если рабочий день был равен 12 часам, а прибавочное рабочее время было равно двум часам, и если капиталист, вследствие увеличившейся производительности труда производит, к примеру, вдвое больше, чем раньше, то прибавочная стоимость — его прибыль — может возрастать лишь [двояким путем]. Либо оттого, что продукт труда в определенной пропорции входит в воспроизводство рабочей силы, и эта последняя в той же пропорции удешевляется, в том же соотношении падает заработная плата, т. е. стоимость рабочей силы, а следовательно, уменьшается также и та часть совокупного рабочего дня, которая до сих пор требовалась для воспроизводства этой части стоимости рабочей силы. Либо оттого, что фабрикант продает товар выше его стоимости, т. е. так, как если бы производительность труда осталась прежней. В этом последнем случае фабрикант создает новую прибавочную стоимость лишь в той пропорции, в которой он продает свой товар выше его стоимости, а следовательно, все другие товары покупает ниже их стоимости, покупает дешевле, нежели в соответствии с тем отношением, которое существует между рабочим временем, содержащимся в его и в других товарах. Однако рабочий, как и раньше, получает ту же самую нормальную заработную плату. Следовательно, он получает менее значительную часть совокупной стоимости продукта, иными словами — *на покупку рабочей силы затрачивается* менее значительная часть этой стоимости, *чем до повышения* производительности труда. *Следовательно, менее значительная часть совокупного дня рабочего идет на воспроизводство его заработной платы, более значительная — на капиталиста.* Практически все равно — *уменьшились ли вследствие повышения производительности труда рабочего расходы по его содержанию*, или же он, *в той пропорции*, в какой капиталист получает новую прибавочную стоимость, может дешевле купить все прочие жизненные средства благодаря *большей* производительности своего труда.

[III—128] Впрочем, нам нет нужды повторять здесь, что предположение о всеобщей продаже товаров выше их стоимости уничтожает само себя, так как конкуренция и в самом деле продажу выше стоимости уравновешивает продажей ниже стоимости. Здесь речь идет о том случае, когда возросшая производительность труда еще не стала общей для данной отрасли производства, в результате чего капиталист продает так (по крайней мере, в определенной пропорции, ибо он все-таки будет продавать дешевле, чем другой), как будто для изготовления его продукта потребовалось больше рабочего времени, чем это было в действительности. Он продает, например, продукт $^3/_4$ часа как продукт одного часа, так как большинству его конкурентов еще требуется один час для изготовления этого продукта. Если совокупный рабочий день был равен 12 часам, то в данном случае капиталист продает так, как будто здесь было затрачено 16 часов ($^{12}/_3 = 4$; $12 + 4 = 16$).

Рабочий день не был им удлинен. Если необходимое рабочее время было равно 10, а прибавочное рабочее время — 2 часам, то последнее и теперь составляет 2 часа. Однако капиталист продает в действительности так, как если бы он затратил только $7\,^1/_2$ часов необходимого рабочего времени и $4\,^1/_2$ часа — на прибавочный труд ($7\,^1/_2 + 4\,^1/_2 = 12$). В действительности (так как стоимость не упала соответственно увеличению производительности) труд его собственных рабочих относится к труду средних рабочих таким образом, что его рабочие на стоимость, произведенную за $7\,^1/_2$ часов, покупают столько же, сколько другие на стоимость, произведенную за 10 часов. При прежнем соотношении [между необходимым и прибавочным трудом] капиталист должен был бы оплатить рабочим 10 из 12 часов, т. е. $^5/_6$ ($^{12}/_6 = 2$; $\frac{5 \times 12}{6} = 10$). Теперь, вследствие возросшей [на $^1/_3$] производительности труда, он продает продукт 12 часов как 16-часовой. Если бы час труда оплачивался как час, на $^1/_3$ превышающий производительность среднего труда, то рабочие вместо 10 часов должны были бы работать [на $^1/_4$ меньше, т. е.] только $10 - {}^{10}/_4$, [т. е. $10 - 2\,^1/_2 = 7\,^1/_2$ часов].

Если необходимый рабочий день до сих пор был равен 10 часам, а прибавочный труд — 2 часам, то теперь рабочим вместо $10 \times {}^4/_4$ часа нужно было бы работать уже только $10 \times {}^3/_4$ часа (так как их труд на $^1/_3$ превышал бы производительность среднего труда), следовательно, вместо 10 часов они должны были бы работать $7\,^1/_2$ часов, и если бы прибавочная стоимость по-прежнему составляла $^1/_5$ необходимого рабочего

времени ($^{10}/_{5} = 2$), то теперь она составила бы $^{1}/_{5}$ от $7^{1}/_{2}$, или от $^{15}/_{2}$ часа. $^{1}/_{5}$ от $^{15}/_{2}$ часа равна $^{15}/_{10} = 1\,^{1}/_{2}$, или $^{3}/_{2}$, или $^{6}/_{4}$. В самом деле, если $^{3}/_{4}$ часа этого труда по производительности равны 1, или $^{4}/_{4}$ среднего труда, то $^{6}/_{4}$ этого же труда равны $^{8}/_{4}$, или 2 часам среднего труда. Рабочий день сократился бы тем самым до $7^{1}/_{2}+^{3}/_{2}$, т. е. до 9 часов. Капиталист по-прежнему заставляет рабочих работать 12 часов, оплачивает $7\,^{1}/_{2}$ часов необходимого рабочего времени и поэтому $4\,^{1}/_{2}$ часа кладет себе в карман.

Выигрыш капиталиста проистекает из того, что необходимое рабочее время упало с 10 часов до $7\,^{1}/_{2}$, т. е. из того, что рабочий на продукт $7\,^{1}/_{2}$ часов может купить все свои необходимые жизненные средства. Это совершенно то же самое, как если бы рабочий сам производил все свои жизненные средства и вследствие возросшей производительности труда был бы в состоянии за $^{3}/_{4}$ часа произвести этих средств столько же, сколько раньше он производил за один час труда, а за $7\,^{1}/_{2}$ часов, следовательно, столько же, сколько раньше за 10. Если бы с возросшей производительностью труда соотношение [между необходимым и прибавочным трудом] осталось тем же самым, то уменьшился бы совокупный рабочий день, так как уменьшился необходимый труд, отношение же между необходимым трудом и прибавочным трудом осталось бы неизменным. Практически это целиком сводится к одному и тому же: *уменьшается* ли стоимость рабочей силы и, стало быть, необходимое рабочее время — в результате того, что продукт рабочего в известной пропорции входит в его собственное потребление, и поэтому в той же пропорции сокращается необходимое рабочее время, а прибавочное рабочее время и, стало быть, прибавочная стоимость увеличиваются; или же у того или иного капиталиста вследствие возросшей производительности труда его рабочих производство поднимается выше уровня общественного среднего труда в данной отрасли, а поэтому поднимается и [совокупная] стоимость товаров, производимых, например, за один рабочий час, по отношению ко всем другим товарам [производимым за то же самое время]; капиталист же оплачивает этот труд в прежнем масштабе, как труд [среднего] уровня производительности, а продает его продукт как результат труда, поднявшегося над [средним] уровнем производительности.

В обоих случаях достаточно меньшего [чем раньше] количества часов, для того чтобы покрыть расходы на заработную плату, т. е. в обоих случаях [III—129] необходимое рабочее время уменьшилось, и в обоих случаях относительная прибавочная стоимость, т. е. прибавочная стоимость, получаемая не

путем абсолютного удлинения рабочего дня, возникает оттого, что в результате увеличившейся производительности труда, для воспроизводства заработной платы требуется меньшее количество рабочего времени. В одном случае меньшее количество рабочего времени требуется для этого прямым образом, так как то же самое количество потребительных стоимостей производится рабочим в течение меньшего количества рабочего времени, хотя продукт по-прежнему продается по своей стоимости. В другом случае меньшее количество рабочего времени требуется для воспроизводства заработной платы потому, что вследствие повышения производительности меньшее количество рабочего времени приравнивается к большему количеству среднего рабочего времени, и, следовательно, рабочий то же самое количество потребительных стоимостей получает при помощи меньшего — однако дороже продаваемого [овеществленного] рабочего времени. В обоих случаях относительная прибавочная стоимость возникает в результате сокращения *необходимого рабочего времени*.

Впрочем, само по себе ясно: если бы производительность труда возрастала, а отношение [между необходимым и прибавочным трудом] оставалось тем же самым, то рабочий либо должен был бы работать в течение меньшего количества необходимого рабочего времени, для того чтобы произвести свою заработную плату, т. е., скажем, вместо 10 часов — 7 $^1/_2$, и тем самым сократился бы совокупный рабочий день, либо же он должен был бы получать большее количество жизненных средств, его заработная плата должна была бы превысить [обычный] уровень. Если не происходит ни того, ни другого, то ясно, что в результате возросшей производительности труда лишь увеличилось то количество труда, которое рабочий выполняет для капиталиста, количество же труда, которое он выполняет для самого себя, сократилось.

Вся трудность проистекает из того, что при повышении производительности труда отдельный капиталист думает непосредственно не о снижении необходимого рабочего времени, а о том, чтобы продать его выше его стоимости — *поднять его выше среднего рабочего времени*. Однако из этого повышенного рабочего времени для возмещения заработной платы требуется уменьшившаяся часть; это означает, что возрастает прибавочное рабочее время, хотя это возрастание и происходит окольным путем, путем продажи выше стоимости.

С возрастанием относительной прибавочной стоимости, т. е. относительного рабочего времени, совокупный рабочий день не возрастает. Отсюда следует, что уменьшается лишь та *доля*,

которую рабочий имеет в своем собственном рабочем дне. Падает относительная заработная плата, т. е. повышается вес капитала по отношению к труду.

Далее, вследствие возросшей производительности труда увеличивается количество продуктов (производимых, например, за один рабочий день), в котором содержится та же самая стоимость, которая ранее содержалась в меньшем их количестве. Поэтому стоимость единицы продукта, или единицы товара, падает, но она умножается на бо̀льшую величину, выражающую количество этих единиц. 6×4 не больше, чем 12×2. Здесь, следовательно, имеет место возрастание реального богатства потребительных стоимостей без возрастания их меновой стоимости, или содержащегося в них рабочего времени, тогда как в первом случае — в случае абсолютной прибавочной стоимости — масса продуктов также возрастает, но одновременно с их меновой стоимостью, т. е. пропорционально содержащемуся в них рабочему времени.

Понимать это следует так: если 10 фунтов хлопка превращаются в пряжу за такое же количество времени, какое раньше требовалось для превращения в пряжу 1 фунта хлопка, то эти 10 фунтов хлопка поглотили прядильного труда не больше, чем его поглощал раньше 1 фунт. Присоединенная теперь к 10 фунтам хлопка стоимость не превышает стоимости, которая раньше присоединялась к 1 фунту. Во втором случае каждый фунт пряжи содержит в 10 раз меньше прядильного труда, чем в первом. А так как в обоих случаях один фунт пряжи содержит одинаковое количество хлопка, то caeteris paribus * каждый фунт пряжи во втором случае, когда затраты на прядильный труд составляют $^1/_{10}$ стоимости затрат в первом случае, обходится соответствующим образом дешевле.

[III—130] Если бы присоединенный прядением рабочий день был равен 10, а стоимость 1 фунта хлопка (в обоих случаях стоимость потребленного орудия труда для упрощения приравнена к нулю) равна 20, то один фунт пряжи в первом случае стоил бы $10 + 20 = 30$; во втором случае 10 фунтов пряжи стоили бы $10 + 200 = 210$; следовательно, один фунт пряжи был бы равен 21, а 10 фунтов — 210, тогда как 10 фунтов пряжи в первом случае равны 300. [III—130]

Таким образом, относительная прибавочная стоимость отличается от абсолютной прибавочной стоимости следующим. Как в той, так и в другой форме прибавочная стоимость равна прибавочному труду, а уровень прибавочной стоимости равен

* — при прочих равных условиях. *Ред.*

отношению прибавочного рабочего времени к необходимому рабочему времени. В первом случае [в случае абсолютной прибавочной стоимости] рабочий день удлиняется за свои пределы, и прибавочная стоимость (или прибавочное рабочее время) возрастает в той пропорции, в какой рабочий день *удлиняется* за свои пределы. Во втором случае [в случае относительной прибавочной стоимости] пределы рабочего дня даны. Прибавочная стоимость, или прибавочное рабочее время, увеличивается здесь за счет того, что *сокращается* та часть рабочего дня, которая требовалась для воспроизводства заработной платы, т. е. была необходимым рабочим временем. В первом случае заранее предпослана определенная ступень производительности труда. Во втором случае производительная сила труда повышается. В первом случае стоимость соответственной части совокупного продукта, или единицы продукта рабочего дня, остается неизменной; во втором случае стоимость единицы продукта изменяется, но его количество (число единиц) возрастает в той же пропорции, в какой уменьшается стоимость единицы продукта. Таким образом, суммарная стоимость продукта остается неизменной, в то время как общее количество продуктов или потребительных стоимостей возросло.

[III—130] Далее дело можно просто изложить следующим образом:

Производительность труда — как мы видели это при анализе товара — не повышает *стоимости* продукта или товара, в которых эта производительность проявляется. Если предположить, что содержащееся в товарах рабочее время при данных условиях является *необходимым* рабочим временем, общественно необходимым рабочим временем, — а это такая предпосылка, из которой мы исходим неизбежно, коль скоро стоимость товара сводится к содержащемуся в нем рабочему времени, — то имеет место, наоборот, следующее. *Стоимость продукта труда обратно пропорциональна производительности труда.* В действительности это — тавтология. Она означает лишь следующее: если труд становится производительнее, то за один и тот же промежуток времени он может произвести большее количество тех же самых потребительных стоимостей, может воплотиться в большей массе потребительных стоимостей того же рода. Соответственная часть этих потребительных стоимостей, например, один аршин холста, сообразно с этим содержит меньше рабочего времени, чем прежде, следовательно, обладает *меньшей меновой стоимостью,* и притом меновая стоимость одного аршина холста упала в той же пропорции, в какой возросла производительность ткацкого труда. И наоборот, если

бы требовалось большее количество рабочего времени, чем до сих пор, для того чтобы изготовить один аршин холста (например, оттого, что потребовалось бы больше рабочего времени для производства одного фунта льна), то аршин холста содержал бы теперь больше рабочего времени, а следовательно, обладал бы более высокой меновой стоимостью. Меновая стоимость аршина холста возросла бы в той же пропорции, в какой труд, требующийся для его производства, стал бы менее производительным.

Таким образом, если мы возьмем совокупный рабочий день, — средний нормальный рабочий день, — то стоимость общего количества его продуктов остается неизменной независимо от того, становится ли труд более производительным или менее производительным. Ибо общее количество произведенных потребительных стоимостей по-прежнему содержало бы в себе один рабочий день, по-прежнему представляло бы то же самое количество необходимого общественного рабочего времени. Если же мы возьмем соответственную часть ежедневного совокупного продукта, или единицу продукта, то ее стоимость возрастает и падает *обратно* пропорционально производительности содержащегося в ней труда.

Например, если продукт месячного труда равнялся одному квартеру, или 8 бушелям, то пусть земледелие в одном случае удвоит свою производительность, а в другом случае пусть его производительность вдвое уменьшится. Тогда мы имели бы три случая: 8 бушелей как продукт месячного труда, 16 бушелей как продукт такого же количества рабочего времени, 4 бушеля как продукт того же самого рабочего времени. Стоимость общего количества продуктов одного месяца — соответственно 8, 16 и 4 бушеля — по-прежнему содержала бы в себе одно и то же количество необходимого рабочего времени. Стало быть, стоимость этого общего количества осталась бы неизменной, несмотря на то что производительность труда в одном случае возросла вдвое, а в другом случае вдвое уменьшилась. Однако в первом случае один бушель содержал бы в себе $^1/_8$, т. е. $^2/_{16}$, месяца, во втором случае — только $^1/_{16}$, а в третьем — $^1/_4$, или $^2/_8$, или $^4/_{16}$. С удвоением производительности земледелия стоимость бушеля снизилась бы вдвое, если же производительность земледелия понизилась бы вдвое, то стоимость бушеля удвоилась бы.

Таким образом, *стоимость* товара никогда не может возрасти вследствие повышения производительности труда. Это было бы противоречием. Возрастание производительности труда означает, что этот труд за меньшее количество времени достав-

ляет тот же самый продукт, ту же самую потребительную стоимость. Возрастание меновой стоимости продукта означает, что этот продукт содержит больше рабочего времени, чем до этого.

Следовательно, если *стоимость* отдельного товара находится в *обратно* пропорциональной зависимости от производительности труда, в то время как стоимость общего количества продуктов, в которых воплощается *данное* рабочее время, не претерпевает никаких изменений в результате какого бы то ни было изменения в производительности труда, то *прибавочная стоимость,* напротив, зависит от производительности труда и может возрастать — если, с одной стороны, товар продается по своей стоимости, а с другой стороны, дана продолжительность нормального рабочего дня — только вследствие повышения производительности труда. Прибавочная стоимость имеет отношение не к товару; она выражает отношение между двумя частями совокупного рабочего дня, а именно, между той его частью, когда рабочий работает, чтобы возместить свою заработную плату (стоимость своей рабочей силы), и той частью, когда он сверх этого возмещения работает на капиталиста. Размеры обеих этих частей, так как вместе они образуют совокупный рабочий день, являясь частями одного и того же целого, находятся, очевидно, в *обратно* пропорциональной зависимости друг от друга, и прибавочная стоимость, т. е. прибавочное рабочее время, повышается или падает в зависимости от того, падает или повышается необходимое рабочее время. А увеличение или уменьшение последнего находится в *обратно пропорциональной зависимости* от производительности труда.

[III—131] Если бы производительность труда удвоилась повсеместно, т. е. во всех отраслях производства, которые прямо или косвенно доставляют товары (потребительные стоимости), требующиеся для воспроизводства рабочей силы, продукты, входящие в потребление рабочего, то в той же самой пропорции, в какой равномерно возросла бы эта повсеместная производительность труда, стоимость рабочей силы снизилась бы, а поэтому сократилось бы необходимое для возмещения этой стоимости рабочее время, и в той же самой пропорции, в какой происходило бы это сокращение, увеличивалась бы часть рабочего дня, образующая прибавочное время, в течение которого рабочие работают на капиталиста. Однако развитие производительных сил в этих различных отраслях труда не является ни равномерным, ни одновременным; оно подвержено воздействию неодинаковых, различных и часто противоположных друг другу движений. Если производительность труда увеличивает-

ся в одной из таких отраслей производства, которые прямо или косвенно входят в потребление рабочего, например, в отрасли, доставляющей идущие на одежду ткани, то мы не можем сказать, что стоимость рабочей силы снижается в той же самой пропорции, в какой возрастает производительность в этой определенной отрасли. Здесь производится дешевле лишь одно из жизненных средств. Это удешевление лишь в некоторой соответственной части оказывает влияние на жизненные потребности рабочего. Возросшая в одной этой сфере производительность труда уменьшает необходимое рабочее время (т. е. рабочее время, необходимое для производства тех жизненных средств, которые требуются для рабочих) не в той пропорции, в какой она возрастает, а лишь в той пропорции, в какой продукт этого труда в среднем входит в потребление рабочего. Следовательно, для каждой отдельной отрасли производства (за исключением, может быть, земледельческих продуктов) указанное влияние удешевления жизненных средств на стоимость рабочей силы не может быть учтено с полной определенностью.

В общем законе это ничего не меняет. По-прежнему верно то, что относительная прибавочная стоимость может возникать и возрастать только в той пропорции, в какой удешевляется прямо или косвенно входящая в потребление рабочего потребительная стоимость (жизненные средства), т. е. не в той пропорции, в какой возросла производительность какой-либо особой отрасли производства, а в той пропорции, в какой это увеличение ее производительности уменьшает необходимое рабочее время, т. е. удешевляет один из входящих в потребление рабочего продуктов. Поэтому при рассмотрении относительной прибавочной стоимости не только можно, но и необходимо всегда исходить из той предпосылки, что развитие производительной силы, или развитие производительности труда, в каждой особой отрасли, где вложен капитал, в определенной пропорции *непосредственно* уменьшает необходимое рабочее время, т. е. что производимый рабочим продукт образует часть его жизненных средств, и поэтому удешевление этого продукта в определенной пропорции изменяет рабочее время, требующееся для воспроизводства жизни рабочего. Так как относительная прибавочная стоимость возникает только при указанном предположении, то при ее рассмотрении всегда можно и необходимо исходить из наличия этой предпосылки.

Далее ясно, что существование и возрастание относительной прибавочной стоимости отнюдь не обусловливают того, чтобы *жизненное положение* рабочего оставалось *неизменным*,

т. е. чтобы его средняя заработная плата постоянно доставляла ему лишь одну и ту же количественно и качественно определенную массу жизненных средств. Это не имеет места, хотя относительная *прибавочная стоимость* не может ни возникать, ни возрастать без соответствующего *снижения стоимости рабочей силы*, или *стоимости заработной платы* (средней заработной платы). Относительная прибавочная стоимость могла бы даже беспрестанно возрастать, а потому *стоимость рабочей силы* и, стало быть, стоимость средней заработной платы, могла бы беспрестанно падать, но тем не менее круг жизненных средств, а потому и потребление рабочим жизненных благ могли бы беспрестанно расширяться. Ведь этот круг обусловлен качеством и количеством тех товаров, которые может себе присвоить рабочий, а не их *меновой стоимостью*.

Допустим, что производительность труда удвоилась повсеместно, т. е. во всех отраслях производства. Предположим, что до этого удвоения нормальный рабочий день был равен 12 часам, из которых 10 составляли необходимое рабочее время, 2 — прибавочное рабочее время. Общее количество ежедневных жизненных средств рабочего, на которое раньше расходовалось 10 часов труда, теперь могло бы быть произведено за 5 часов. Вместо 10 часов труда, которые требовались для того, чтобы рабочий ежедневно мог возместить стоимость (цену) своей рабочей силы, т. е. доставить эквивалент своей ежедневной заработной платы, ему теперь потребовалось бы только 5 часов. *Стоимость* его рабочей силы снизилась бы наполовину, так как те жизненные средства, которые требуются для ее воспроизводства, были бы теперь продуктом 5 часов труда, а не 10, как это было прежде.

Если бы теперь — после этого переворота в производительности труда — рабочий получал ежедневную заработную плату, равную 6 часам труда, т. е. если бы ему впредь предстояло [IV—138] [72] ежедневно работать [для себя] 6 часов, то его материальное жизненное положение улучшилось бы точно в той же самой пропорции, как если бы он при прежних производственных условиях весь 12-часовой рабочий день работал для самого себя (т. е. для воспроизводства своей заработной платы) и ни одного часа для капиталиста, как если бы в течение всего рабочего дня продолжалось необходимое рабочее время и совершенно не затрачивалось бы никакого прибавочного рабочего времени. Ибо $5:6=10:12$; $(5\times12=6\times10)$. И тем не менее в этом случае прибавочное рабочее время возросло бы с 2 часов до 6 часов, и к абсолютной прибавочной стоимости в 2 часа присоединилась бы относительная прибавочная стои-

мость в 4 часа. Если прежде рабочий работал 10 часов для себя и 2 для капиталиста, т. е. $^{10}/_{12}$ (или $^{5}/_{6}$) рабочего дня для себя и $^{2}/_{12}$ (или $^{1}/_{6}$) рабочего дня для капиталиста, то теперь для себя он работает лишь $^{6}/_{12}$ (или $^{3}/_{6}$) рабочего дня, а для капиталиста вместо $^{1}/_{6}$ — тоже $^{3}/_{6}$, т. е. половину рабочего дня. Необходимое рабочее время снизилось бы с 10 часов до 6, а следовательно, снизилась бы также и ежедневная стоимость рабочей силы: вместо 10 часов рабочая сила стоила бы уже только 6 часов, на 4 часа меньше, т. е. ее стоимость упала бы на 40% (10 : 4 = = 100 : 40) [и составила бы 60% первоначальной величины]. Прибавочная стоимость возросла бы на 200%, с 2 часов до 6.

{Вместо $^{1}/_{6}$ рабочего дня прибавочная стоимость охватывала бы $^{3}/_{6}$ рабочего дня [и составила бы 300% первоначальной величины]. Присоединение $^{2}/_{6}$ к $^{1}/_{6}$ дает $^{3}/_{6}$, т. е. *прирост* на 200%. Это — что касается *прибавочной стоимости*. С другой стороны, снижение [необходимого рабочего времени] с $^{5}/_{6}$ до $^{3}/_{6}$ рабочего дня означает уменьшение на $^{2}/_{6}$, [т. е. уменьшение на 40%]. Это означает, что если рассматривать абсолютные величины, то прирост на стороне прибавочной стоимости, или капиталиста, как раз соответствует уменьшению на стороне необходимого рабочего времени, или стоимости рабочей силы; они равны $^{2}/_{6}$ рабочего дня, или 4 рабочим часам ($^{2}/_{6} = ^{4}/_{12}$). Но если рассматривать увеличение на одной стороне по отношению к первоначальному прибавочному рабочему времени и уменьшение на другой стороне по отношению к первоначальному необходимому рабочему времени (или к стоимости рабочей силы), то увеличение на одной стороне и уменьшение на другой выражаются в *различных пропорциях*, несмотря на то, что *абсолютная величина*, на одной стороне представляющая собой вычтенное, на другой — прибавленное рабочее время, есть *одна и та же идентичная величина*.

Так, в приведенном выше случае $^{6}/_{12}$, или $^{3}/_{6}$, или (5 — 2)/6 относится к $^{10}/_{12}$, или $^{5}/_{6}$, как 3 : 5, что составляет 60% [73], так как 3 : 5 = 60 : 100 (5 × 60 = 300 и 3 × 100 также равно 300), в то время как $^{6}/_{12}$, или $^{3}/_{6}$, или (1 + 2)/6 относится к $^{2}/_{12}$, или к $^{1}/_{6}$, как 3 : 1, т. е. как 300 : 100, что составляет 300%. Поэтому, хотя абсолютный прирост прибавочного труда равен абсолютному уменьшению необходимого рабочего времени, происшедшему в результате повышения производительности труда, та пропорция, в которой снижается стоимость рабочей силы, или падает необходимое рабочее время, и та пропорция, в которой повышается прибавочное рабочее время, или прибавочная стоимость, не являются идентичными, а зависят от того *первоначального отношения*, в котором нормальный со-

вокупный рабочий день *распадался* на составляющие его прибавочное рабочее время и необходимое рабочее время.}

{Отсюда следует, что если имеет место такое соотношение [между необходимым и прибавочным рабочим временем], в котором совокупное прибавочное рабочее время (как та его часть, которая возникла в результате сокращения необходимого рабочего времени, вызванного ростом производительности труда, так и та его часть, которая возникла в результате удлинения рабочего дня до его нормальных границ) уже образует достаточно большую часть совокупного рабочего дня (его достаточно значительную долю), то всякое увеличение производительной силы труда и проистекающее отсюда сокращение необходимого рабочего времени, т. е. возрастание относительной прибавочной стоимости, может увеличить *долю прибавочной стоимости* [в совокупном рабочем дне] лишь в сравнительно небольшой степени. Иными словами, получается, что та пропорция, в которой сокращение необходимого рабочего времени ведет к возрастанию прибавочного рабочего времени, тем меньше, чем уже больше совокупная величина прибавочного рабочего времени, и тем больше, чем меньше была до сих пор совокупная величина прибавочного рабочего времени. Отсюда (это следует разобрать подробнее при рассмотрении *прибыли*), чем развитее производство, тем меньше пропорциональное возрастание прибавочной стоимости, если производительная сила продолжает увеличиваться *в той же самой степени*. Всеобщая производительная сила или вообще производительная сила в той мере, в какой она оказывает влияние на воспроизводство рабочей силы. Иными словами, та *пропорция*, в которой увеличение [IV—139] производительной силы труда уменьшает необходимое рабочее время (а потому и *стоимость* рабочей силы) и увеличивает прибавочное рабочее время (а потому и прибавочную стоимость), находится в *обратной зависимости* от того *соотношения*, в котором *первоначально*, т. е. каждый раз перед наступлением нового повышения производительной силы, находились друг к другу в качестве составных частей совокупного рабочего дня необходимое рабочее время и прибавочное рабочее время.

Предположим, что рабочий день равен 12 часам, из которых 10 часов составляют необходимый труд, 2 часа — прибавочный труд. И что производительная сила повсеместно удвоилась. В таком случае для необходимого рабочего времени хватило бы 5 часов, прибавочное рабочее время возросло бы на 5 часов, на ту же самую величину, на которую уменьшилось бы необходимое рабочее время (а отсюда и *стоимость* рабочей силы).

Необходимое рабочее время упало бы с 10 часов до 5, т. е. уменьшилось бы наполовину, на 50%. (Если бы необходимое рабочее время упало с 10 часов до 6, то в этом случае оно уменьшилось бы на 4 часа; 10 : 4 = 100 : 40, т. е. оно уменьшилось бы на 40%. Раньше я говорил, что на 60%[74]. Это неверно, так как я исходил из того, что 10 : 6 = 100 : 60. Речь, однако, идет об отношении 10 к тому остатку, который получится, если от 10 отнять 6, т. е. об отношении 10 к 4. Ведь [необходимое] рабочее время уменьшилось не на 6 часов, т. е. не на 60%.) С другой стороны, прибавочное рабочее время возросло с 2 часов до 7 (в результате того, что добавились 5 часов прибавочного рабочего времени), следовательно: 2 : 7 = = 100 : 350 (2 × 350 = 700 и 7×100 также равно 700); стало быть, прибавочное рабочее время составляло бы теперь 350% [первоначальной величины], оно увеличилось бы по сравнению со своей первоначальной величиной в три с половиной раза.

Предположим теперь, что после того как это соотношение — т. е. то, что из совокупного рабочего дня 5 часов составляют необходимый труд и 7 часов приходятся на прибавочный труд — установилось, всеобщая производительная сила труда снова удваивается, т. е. необходимое рабочее время уменьшается на $2\,^1/_2$ часа, а прибавочное рабочее время, следовательно, на те же $2\,^1/_2$ часа увеличивается, т. е. возрастает с 7 до $9^1/_2$ часов. В этом случае необходимое рабочее время снова упало бы на 50%, а прибавочное рабочее время увеличилось с $^{14}/_2$ (т. е. с 7) до $^{19}/_2$ (т. е. до $9^1/_2$) часа, стало быть, в пропорции 14 : 19 (14 : 19 = 100 : x; $x = {}^{1900}/_{14} = 135^5/_7$%; 19 × 100 = 1 900 и 14 × $135^5/_7$ (или на $135^{10}/_{14}$) также равно 1 900). Поэтому хотя в обоих случаях производительная сила труда удвоилась, и, следовательно, необходимое рабочее время уменьшилось наполовину, на 50%, прибавочное рабочее время или прибавочная стоимость в первом случае поднялись бы до 350% [первоначальной величины], а во втором — только до $135^5/_7$%. (Та пропорция, в которой происходит *повсеместное увеличение* производительной силы, *постоянно оставалась бы такой же, как та пропорция, в которой необходимое рабочее время уменьшается по сравнению со своим собственным уровнем, т. е. со своим объемом до этого увеличения производительной силы.*) Однако в первом случае прибавочное рабочее время составляло до удвоения производительной силы лишь $^1/_6$ всего рабочего дня, 2 часа, или $^2/_{12}$ рабочего дня, а во втором случае оно составило 7 часов, или $^7/_{12}$ рабочего дня. (Такая же штука получилась, например, у Джейкоба при расчете совокупной

массы денег; в XVIII веке она возросла больше, чем в XVII, но пропорционально увеличение было меньшим.)

[IV—140] Если теперь взять реальный случай, когда производительная сила в какой-либо отрасли, например, удваивается, но этого не происходит в то же время в других отраслях производства; быть может, она остается неизменной в отраслях производства, доставляющих постоянный капитал для данной одной отрасли, так что затраты на сырье в этой отрасли остаются, следовательно, теми же самыми и, стало быть, возрастают с повышением производительной силы, точно так же как возрастают, хотя и не в той же пропорции, затраты на машины,— то ясно, что *прибыль,* т. е. отношение прибавочной стоимости к совокупной стоимости авансированного капитала, по двоякой причине возрастает не в той же пропорции, в какой в результате повышения производительной силы уменьшается необходимый труд. Во-первых, потому, что чем дальше развивается производительная сила труда, тем во все меньшей степени возрастает прибавочная стоимость по отношению к пропорции, в которой уменьшается необходимый труд. Во-вторых, потому, что эта возросшая в уменьшившейся степени прибавочная стоимость начисляется на капитал, стоимость которого возрастает приблизительно в той же пропорции, в какой повышается производительная сила.}

{Уменьшение необходимого рабочего времени можно исчислять двояко: 1) по отношению к его собственной величине до повышения производительной силы труда; 2) по отношению ко всему рабочему дню. При первом способе исчисления ясно, что если предположить всеобщее повышение производительной силы, то необходимое рабочее время (а потому и стоимость рабочей силы) падает в той же мере, в какой возрастает производительная сила, а пропорция, в которой возрастает прибавочное рабочее время, или прибавочная стоимость, зависит от пропорции, в которой совокупный рабочий день первоначально распадался на необходимое рабочее время и прибавочное рабочее время.

Следовательно, если совокупный рабочий день первоначально был равен 12 часам, из которых 10 часов составляли необходимый труд, а 2 часа — прибавочный труд, и если производительная сила труда удваивается, то необходимое рабочее время уменьшается с 10 часов до 5, т. е. на 50%, тогда как производительная сила увеличилась вдвое. (Это соотношение выражается в росте производительной силы на 100% и в уменьшении необходимого рабочего времени на 50%. То, что необходимое рабочее время уменьшается с 10 часов до 5, т. е. на

50%, означает, что за один час я могу произвести столько, сколько раньше за два часа, т. е. вдвое больше; это означает, что производительная сила труда повысилась на 100%.) Напротив, прибавочный труд возрос с 2 часов до 7, т. е. до 350% [первоначальной величины], так как первоначально он составлял лишь 2 часа из 12 (первоначальные 2 часа утроились и к этому еще добавилась половина их, т. е. 1 час, так что в целом 2 часа выросли в 7 часов). Если бы прибавочный труд первоначально составлял уже 3 часа, а необходимый труд только 9 часов, то этот последний уменьшился бы на $4^1/_2$ часа, опять-таки на 50%, прибавочный же труд увеличился бы в пропорции 3 : $7^1/_2$, т. е. до 250% [своей первоначальной величины] (ибо 3 : $7^1/_2$, или $^6/_2$: $^{15}/_2$, или 6 : 15 = 100 : 250; 15 × × 100 = 1 500 и 6 × 250 = 1 500).

Если же [при втором способе исчисления] мы будем рассматривать весь рабочий день в целом, то пропорция [в которой уменьшается необходимое рабочее время] *не* меняется. Первоначально необходимое рабочее время составляло 10 часов, или $^{10}/_{12}$ рабочего дня; теперь оно составляет уже только $^5/_{12}$ рабочего дня в первом случае (во втором случае оно первоначально составляло $^9/_{12}$ рабочего дня, а затем уже только $4^1/_2$: 12). Буду ли я сравнивать необходимое рабочее время с ним самим или с совокупным рабочим днем, результат будет одинаков. Здесь только привходит делитель 12. С ним, стало быть, можно быстро покончить.}

Теперь вернемся к стр. 138-й, к тому, что *предшествует* заключенному в [фигурные] скобки добавлению *. Жизненное положение рабочего улучшилось бы несмотря на то, что упала бы *стоимость* его рабочей силы, на 4 часа сократилось бы его необходимое рабочее время и возросло бы на 4 часа его прибавочное рабочее время, достающееся капиталисту, — потому что и сам он из высвобожденного времени получил бы долю в один час; иными словами, то рабочее время, в течение которого он работал бы для самого себя, т. е. для воспроизводства заработной платы, не было бы сокращено в том *полном объеме,* в котором это необходимое рабочее время должно было бы быть сокращено вследствие повышения производительной силы труда. Рабочий получил бы больше потребительных стоимостей меньшей стоимости, т. е. получил бы такие потребительные стоимости, в которых содержится меньше рабочего времени, чем прежде. Однако та пропорция, в какой вообще образовался бы новый прибавочный труд и возникла бы относительная

* См. настоящий том, стр. 273—274. *Ред.*

прибавочная стоимость, полностью соответствовала бы той пропорции, в которой часть его необходимого рабочего времени превратилась бы в прибавочное рабочее время для капиталиста, или в которой снизилась бы *стоимость* его *рабочей силы.*

Здесь достаточно об этом. Позднее вообще следует сопоставить те пропорции и взаимоотношения, которые тут имеют место (см. также выше). Таким образом, то, что было сказано о возможном улучшении жизненного положения рабочего, ничего не меняет в *природе* и *законе относительной прибавочной стоимости,* ничего не меняет в том, что в результате повышения производительности труда все более значительная часть рабочего дня присваивается капиталом. Отсюда видна вся вздорность попыток опровергнуть этот закон путем подбора статистических выкладок в доказательство того, будто материальное положение рабочего в том или ином месте, в том или ином отношении улучшилось [IV—141] вследствие развития производительной силы труда.

{В лондонской газете «Standard» от 26 октября 1861 г. мы находим отчет о процессе фирмы «Джон Брайт и К°» против своих рабочих,

«привлекшей в Рочдейле деятелей *тред-юниона ткачей ковров* по обвинению в запугивании. Фирма Брайт ввела новые машины, которые вырабатывают *240* ярдов ковра в такое же время и с такой же затратой труда, каких раньше требовало производство *160* ярдов. Рабочие не имеют никакого основания претендовать на участие в той прибыли, которая создается благодаря тому, что капитал их предпринимателей затрачивается на технические усовершенствования. Исходя из этого, гг. Брайт предложили понизить заработную плату с $1^1/_2$ пенсов до 1 пенса за ярд, оставив общий заработок рабочего за одинаковый труд в точности таким же, как раньше. Тут было только номинальное понижение заработной платы, о котором, как утверждают, рабочие не были честно предупреждены заранее».} [IV—141]

* * *

[IV—138 *a*] 1) Та прибавочная стоимость, которую капитал получает в результате развития производительных сил, проистекает не из того, что увеличивается количество созданных тем же самым трудом продуктов или потребительных стоимостей, а из того, что *уменьшается необходимый* труд и в той же пропорции *увеличивается* прибавочный труд. Прибавочная стоимость, получаемая капиталом в результате процесса производства, состоит вообще только в избытке прибавочного труда над необходимым трудом.

Прибавочная стоимость в точности равняется *прибавочному труду:* ее увеличение в точности измеряется сокращением необ-

ходимого труда. При *абсолютной прибавочной стоимости* уменьшение необходимого труда является *относительным*, т. е. необходимый труд уменьшается относительно потому, что прибавочный труд увеличивается *непосредственно* [а не в результате уменьшения необходимого труда].

Если необходимый труд равен 10 часам, а прибавочный труд — 2 часам и если последний теперь увеличивается на 2 часа, т. е. если совокупный рабочий день удлиняется с 12 часов до 14, то необходимый труд остается по-прежнему равным 10 часам. Однако раньше он относился к прибавочному труду как 10 : 2, т. е. как 5 : 1, теперь же — как 10 : 4, т. е. как 5 : 2. Иначе говоря, раньше необходимый труд составлял $^5/_6$ рабочего дня, теперь же — только $^5/_7$. Следовательно, здесь необходимое рабочее время уменьшилось *относительно*, потому что совокупное рабочее время, а потому и прибавочное рабочее время возросли *абсолютно*.

Напротив, если продолжительность нормального рабочего дня является данной и имеет место увеличение *относительной* прибавочной стоимости в результате увеличения производительных сил, то *необходимое рабочее время уменьшается абсолютно*, и вследствие этого прибавочная стоимость увеличивается абсолютно и относительно — без увеличения *стоимости* продукта. Поэтому при абсолютной прибавочной стоимости имеет место *относительное падение стоимости* заработной платы по сравнению с абсолютным ростом прибавочной стоимости; при относительной прибавочной стоимости имеет место *абсолютное падение стоимости* заработной платы. Тем не менее первый случай для рабочего всегда убыточнее. В первом случае *цена* труда падает абсолютно. Во втором случае *цена труда* может возрастать.

2) Прибавочная стоимость капитала увеличивается не пропорционально множителю производительной силы, а соответственно той составной части рабочего дня, которая представляла необходимое рабочее время, деленной на множитель производительной силы [75].

3) Чем больше прибавочная стоимость *до* нового *повышения производительной силы*, т. е. чем ужѐ больше бесплатно отработанная часть дня и чем меньше поэтому его оплаченная часть, та составная часть дня, которая образует эквивалент рабочего, тем меньше прирост прибавочной стоимости, получаемой капиталом от нового повышения производительной силы. Прибавочная стоимость капитала растет, но во все меньшей пропорции по отношению к развитию производительных сил. Границей капитала остается соотношение между той составной

частью дня, которая выражает *необходимый труд,* и всем рабочим днем. Только в этих пределах капитал и может двигаться. Чем уже меньше та составная часть, которая приходится на необходимый труд, чем больше, стало быть, прибавочный труд, тем меньше та *пропорция,* в которой повышение производительной силы сокращает необходимое рабочее время, так как знаменатель дроби [выражающей отношение необходимого рабочего времени ко всему рабочему дню] оказывается тем бо́льшим. Поэтому *норма* самовозрастания стоимости капитала возрастает тем медленнее в той самой мере, в какой капитал уже успел возрасти. Однако это происходит не потому, что возросла заработная плата, или доля рабочих в продукте, а потому, что та составная часть рабочего дня, которая представляет необходимый труд, уже так низко упала по отношению к совокупному рабочему дню. [IV—138 *a*]

* * *

[IV—141] Определенное развитие производительности труда вообще является предпосылкой даже для существования абсолютной прибавочной стоимости, т. е. прибавочного труда вообще, а следовательно, для существования капиталистического производства, как и всех прежних способов производства, при которых одна часть общества работает не только на саму себя, но и на другую часть общества.

«Само существование капиталистических предпринимателей как особого класса зависит от производительности труда» (*Ramsay.* An Essay on the Distribution of Wealth. Edinburgh, 1836, стр. 206).

«Если бы труда каждого человека хватало только на обеспечение его собственного пропитания, то не могло бы существовать собственности» (термин «собственность» употребляется здесь вместо термина «капитал») (*Piercy Ravenstone, M. A.* Thoughts on the Funding System, and its Effects. London, 1824, стр. 14—15).

Впрочем, капиталистическое отношение развивается на такой исторической ступени развития экономической общественной формации, которая уже сама есть результат целого ряда предшествующих этапов развития. Та ступень производительности труда, из которой исходит капиталистическое отношение, является не чем-то данным природой, а чем-то созданным исторически, где труд давно вышел из своего первобытного состояния. Ясно, что если какая-либо страна имеет от природы плодородную почву, обилие рыбы в водах, богатые каменноугольные залежи (вообще топливо), рудные месторождения и т. п., то этой стране, по сравнению с другими странами, где эти

природные условия производительности труда представлены в меньшей степени, требуется меньше времени, для того чтобы произвести необходимые жизненные средства, и, следовательно, в такой стране тем более значительным с самого начала может быть избыток труда для других над трудом для самого себя; поэтому абсолютное прибавочное рабочее время, а значит и абсолютная прибавочная стоимость здесь с самого начала больше, и, стало быть, капитал (или всякое другое производственное отношение, посредством которого выжимается *прибавочный труд*) производительнее, чем при менее благоприятных природных условиях.

Уже древние знали, каким значительным фактором промышленного производства является естественная дешевизна рабочей силы, т. е. издержек ее производства или воспроизводства. Так, например, в «Исторической библиотеке» *Диодора* (кн. I, гл. 80) в отношении египтян говорится:

«Совершенно невероятно, как мало труда и издержек стоит им воспитание своих детей. Они готовят для них самую простую пищу из первых попавшихся продуктов; дают им также есть нижнюю часть папируса, которую можно запечь на огне, кроме того корни и стебли болотных растений, частью в сыром виде, частью вареные и жареные. Большинство детей ходит без обуви и без одежды, так как климат очень мягкий. Поэтому вырастить ребенка стоит родителям в общем не более двадцати драхм. *Этим, главным образом, объясняется многочисленность населения в Египте*, давшая возможность воздвигнуть столь много грандиозных сооружений» [стр. 126].

{Масса прибавочной стоимости, если дана ее норма, зависит от массы населения; если дана определенная численность населения, то масса прибавочной стоимости зависит от отношения прибавочного труда к необходимому.}

Отсюда следует только то, что при господстве капиталистического отношения (или подобного ему производственного отношения, *вынуждающего* выполнять абсолютный прибавочный труд; ибо естественное плодородие земли лишь облегчает удлинение прибавочного рабочего времени и его существование; оно не создает относительной прибавочной стоимости в нашем понимании) производительность капитала является наибольшей — т. е. имеет место максимум прибавочного труда, а потому и максимум прибавочной стоимости, или, что то же самое, стоимость рабочей силы naturaliter * является максимально низкой — там, где природные условия труда наиболее благоприятны, [IV—142] стало быть, в особенности там, где наиболее плодородна земля. Отсюда никоим образом не следует, что самые плодородные

* — естественно, от природы. *Ред.*

земли являются наиболее подходящими для развития самогò капиталистического отношения, а следовательно, и его производительности. Когда Рикардо говорит о плодородии почвы как об одном из главных условий производительности труда, то он предполагает капиталистическое производство и выдвигает свой тезис, исходя из этой предпосылки. Он, конечно, склонен всюду предполагать *буржуазные производственные отношения* как заранее данные. Это не мешает его выводам, так как речь у него идет только о производстве в этой определенной форме. Следующее место у Рикардо является важным как для понятия прибавочного труда вообще, так и для устранения недоразумения в затронутом выше вопросе:

«На различных стадиях развития общества *накопление капитала*, или *средств для применения труда* *, идет с большей или меньшей быстротой и должно *во всех случаях зависеть от производительных сил труда*. Производительные силы труда, по общему правилу, больше всего тогда, когда имеется *в изобилии плодородная земля*» [*Ricardo*. On the Principles of Political Economy. Third edition. London, 1821, стр. 92] [Русский перевод, том I, стр. 89].

[По поводу этого положения Рикардо анонимный автор «Observations» замечает:]

«Если в первой фразе *производительные силы труда означают незначительность той доли какого-либо продукта, которая достается тем, кто его произвел трудом своих рук*, то эта фраза является почти тавтологией, так как *остающаяся доля продукта образует тот фонд, из которого может накопляться капитал*, если это угодно его владельцу. Но в таком случае это не всегда бывает там, где имеется наиболее плодородная земля. Так обстоит дело в Северной Америке, но это — искусственное состояние. Не так дело обстоит в Мексике и в Новой Голландии **. Производительные силы труда в *другом* смысле, действительно, всего больше там, где имеется много плодородной земли, — в этом случае речь идет о *способности человека*, если он этого хочет, выращивать *большое количество сырого продукта, большое по сравнению со всем выполняемым им трудом*. В действительности, это *дар природы*, что люди могут выращивать больше предметов питания, чем тот *минимум*, какой *необходим для содержания существующего населения*. Но «*прибавочный продукт*» (выражение, употребляемое г-ном Рикардо на стр. 93) обычно означает *избыток всей цены какой-нибудь вещи над той ее частью, которая достается рабочим, сделавшим эту вещь*, — отношение, которое регулируется соглашением людей, а не определяется природой» («Observations on certain Verbal Disputes in Political Economy, particularly relating to Value, and to Demand and Supply». London, 1821, стр. 74—75).

---

* Только в таких местах, как это, у Рикардо проглядывает природа капитала. Таким образом, капитал это не средства, которые труд применяет для достижения определенного результата, а «средства для *применения* труда», из чего следует, что владелец этих средств или сами эти средства *применяют* труд, что средства труда представляют собой власть над трудом.

** — старое название Австралии. *Ред.*

Этот человек не видит, что от пропорционального количества сырого продукта, которое может доставлять *«весь труд»*, ежедневно выполняемый рабочим, в действительности зависит «незначительность» или значительность «той доли продукта, которая достается» рабочему. Критикуя Рикардо, он прав только тогда, когда говорит: естественное плодородие означает, что, если я захочу, я могу трудом одного дня произвести значительно больше того, что абсолютно необходимо для существования (значительно больше «минимума, какой необходим для содержания существующего населения»). Оно не означает, что я должен много работать и, следовательно, много производить, и еще меньше означает, что то, что я произвожу сверх необходимого, образует фонд капитала. Последнее «регулируется соглашением людей». Для Рикардо само капиталистическое отношение есть природное отношение и поэтому оно всюду заранее предположено.

Если капиталистическое производство выступает как предпосылка, то, в зависимости от более или менее благоприятных природных условий труда, а потому и от степени природной производительности труда, необходимое рабочее время, т. е. рабочее время, требующееся для воспроизводства рабочего, в различных странах будет различным и будет находиться в обратном отношении к производительности труда, и, следовательно, прибавочное рабочее время, или прибавочная стоимость, может быть в одной стране больше, чем в другой, в том же самом отношении, даже если продолжительность рабочего дня в обеих странах одинакова.

Все это касается самого существования абсолютного прибавочного труда и его относительного количества в различных странах в соответствии с их относительными природными способностями к производству. Здесь это нас не касается.

[IV—143] Когда предположено, что нормальный рабочий день уже распадается на необходимый труд и абсолютный прибавочный труд, то тем самым предположено существование последнего и притом в определенном размере, стало быть, предположен также и определенный природный базис абсолютного прибавочного труда. Здесь же вопрос стоит о *производительной силе труда,* а следовательно, о сокращении необходимого рабочего времени и удлинении прибавочного рабочего времени — поскольку эта производительная сила труда сама представляет собой продукт капиталистического (вообще — общественного) производства.

Главными формами [повышения производительной силы труда] являются: *кооперация, разделение труда* и *машины,* или применение сил науки и т. д.

α) КООПЕРАЦИЯ

Это — *основная форма;* разделение труда предполагает кооперацию или является лишь ее специфической формой. Точно так же и основанная на применении машин фабрика и т. д. Кооперация представляет собой *всеобщую форму,* которая лежит в основе всех общественных устройств, направленных на увеличение производительности общественного труда, и которая в каждой из них получает дальнейшую спецификацию. Но в то же время кооперация сама является и *особой* формой, существующей наряду с ее более развитыми и более специфицированными формами (точно так же как она является формой, выходящей за пределы ее прежних ступеней развития).

Как форма, отличающаяся от ее собственных дальнейших ступеней развития или спецификаций и *существующая* в этом различии, отдельно от них, — *кооперация* представляет собой наиболее стихийно сложившийся, наиболее примитивный и наиболее абстрактный из всех ее видов, продолжая, впрочем, в своей простоте, в своей простой форме оставаться базисом и предпосылкой всех ее более развитых форм.

Итак, кооперация — это прежде всего непосредственное — не опосредствованное *обменом* — *взаимодействие* многих рабочих для достижения одного и того же результата, для производства одного и того же продукта, одной и той же потребительной стоимости (или одного и того же полезного эффекта) [76]. Она есть прежде всего *взаимодействие многих рабочих.* Следовательно, существование *агломерации, скопления многих рабочих в одном и том же пространстве* (на одном месте), работающих *одновременно,* является первой предпосылкой кооперации — или уже само представляет собой ее материальное бытие. Эта предпосылка лежит в основе всех ее более развитых форм.

Простейшим, еще не имеющим дальнейшей специфики видом кооперации является, очевидно, тот, при котором сосредоточенные указанным образом в одном пространстве и работающие одновременно рабочие выполняют не различные операции, а *одну и ту же,* но при этом требуется одновременность их действий, для того чтобы вообще мог быть достигнут определенный результат или же для того, чтобы он мог быть достигнут за определенный промежуток времени. Также и эта сторона кооперации остается в ее более развитых формах. Также и при разделении труда многие одновременно делают одно и то же. В еще большей степени это имеет место на автоматической фабрике.

Одна из древнейших форм этой кооперации имеет место, например, при охоте. Точно так же и на войне, представляющей

собой ту же охоту, только на людей, более развитый вид охоты [77]. Тот эффект, который, например, производит атака кавалерийского полка, не могут произвести отдельные, взятые поодиночке кавалеристы, хотя во время атаки каждый отдельный кавалерист действует, если он вообще действует, только как отдельный кавалерист. Гигантские сооружения [древних] азиатов представляют собой еще один пример такого рода кооперации, так же как вообще в строительном деле весьма разительно выступает важная роль этой простой формы кооперации. Отдельный индивид может построить хижину, но для постройки дома требуются многие, делающие одно и то же одновременно. Отдельный индивид может вести на веслах небольшую лодку, но для ладьи более значительных размеров требуется определенное число гребцов. При разделении труда эта сторона кооперации проявляется в принципе соотношений *кратных количеств* [различных частичных рабочих] [78], которые должны применяться для каждой отдельной отрасли. На автоматической фабрике главный эффект [кооперации] основывается не на разделении труда, а на *одинаковости* труда, выполняемого одновременно многими. Например, на том, что за мюль-машинами, приводимыми одновременно в движение одним и тем же двигателем, одновременно наблюдают столько-то прядильщиков.

Заслуга *Уэйкфилда* заключается не в том, что своей новой системой колонизации он открыл или развил искусство колонизации, [IV—144] также и не в том, что он вообще сделал какие-либо новые открытия в области политической экономии,— а в том, что он наивным образом вскрыл ограниченность политической экономии, сам себе не отдавая отчета в важности этого открытия и не освободившись хоть в малейшей степени от экономической ограниченности своих собственных взглядов.

А именно, в колониях, в особенности на первых стадиях их развития, буржуазные отношения еще не предпосланы в готовом виде, как это имеет место в давно сложившихся странах. В колониях эти отношения еще находятся в процессе становления. Условия их становления проявляются, следовательно, яснее. Оказывается, что эти *экономические отношения* не существуют от природы и не являются *вещами*, как к этому с легкостью склоняется политическая экономия при рассмотрении капитала и т. д. В дальнейшем мы увидим, как г-н Уэйкфилд, к его собственному удивлению, раскрывает эту тайну в колониях. Здесь же мы только хотим пока что процитировать одно место, имеющее отношение к указанной простой форме кооперации:

«Есть много таких операций, которые настолько просты, *что они не допускают разделения на части,* и которые не могут быть выполнены

без кооперации многих пар рук. Например, погрузить большое дерево на телегу, прополоть большое поле, выстричь большое стадо овец, снять урожай в тот момент, когда хлеб созрел и еще не перезрел, передвинуть какой-нибудь большой груз, — короче, всё, чего нельзя сделать, если много пар рук не помогают друг другу в *одной и той же неделимой операции* и в одно и то же время» (*Wakefield, E. G.* A View of the Art of Colonization. London, 1849, стр. 168).

То же самое имеет место, например, при рыбной ловле. Результат получается тогда, когда много людей действует одновременно — как это имеет место на охоте, на строительстве железных дорог, при рытье каналов и т. д. Этот же вид кооперации имел место при выполнении общественных работ у египтян и азиатов. Для таких же общественных работ римляне использовали свои армии (см. соответствующее место у *Джонса* [79]).

При рассмотрении абсолютной прибавочной стоимости мы уже видели, что ее масса — если дана ее норма — зависит от числа одновременно занятых рабочих и постольку, следовательно, от их кооперации. Но именно в этом пункте отчетливо выступает отличие абсолютной прибавочной стоимости от относительной — так как последняя предполагает возросшую производительную силу труда и, стало быть, развитие производительной силы труда. Если вместо 10 рабочих, из которых каждый доставляет 2 часа прибавочного труда, применяются 20, то в результате доставляются 40 прибавочных часов вместо 20 в первом случае. 1 : 2 = 20 : 40. Соотношение [между числом рабочих и количеством прибавочного труда] для 20 рабочих такое же, как и для одного. [При увеличении числа рабочих] здесь имеет место лишь сложение или умножение рабочих часов отдельного рабочего. *Кооперация как таковая* в данном случае абсолютно ничего не меняет в соотношении [между числом рабочих и количеством прибавочного труда]. Напротив, здесь [в разделе об относительной прибавочной стоимости] мы рассматриваем кооперацию как природную силу общественного труда, коль скоро посредством кооперации труд отдельного рабочего приобретает такую производительность, которой он не мог бы обладать как труд изолированного одиночки.

Если, например, одновременно косят 100 человек, то каждый из них работает только как отдельный индивид, и все делают одно и то же. Однако тот результат, что сено скошено за этот определенный промежуток времени, до того, как оно могло бы сгнить и т. д., — что произведена данная потребительная стоимость, — этот результат достигнут только благодаря тому, что 100 человек взялись за одну и ту же работу *одновременно*. В других случаях происходит действительное увеличение [производительной] силы. Например, при поднятии, погрузке и т. д.

тяжестей. Здесь возникает сила, которой отдельный человек не обладает изолированно, а только лишь взаимодействуя *одновременно* с другими. В первом случае [когда в результате кооперации не происходит действительного увеличения производительной силы труда] отдельный индивид не смог бы расширить сферу своих действий в пространстве настолько, насколько это необходимо для достижения требуемого результата. Во втором случае [когда кооперация связана с действительным увеличением производительной силы] он совершенно не смог бы или смог бы только с бесконечно большой потерей времени развить нужное усилие.

То время, за которое здесь [в условиях кооперации] 10 человек погрузят дерево на телегу, более чем в 10 раз меньше того времени (если такой случай вообще возможен), в течение которого один человек смог бы достичь того же самого результата. Результатом кооперации является то, что благодаря ей те же самые индивиды, работая в том же числе, производят за то же самое время больше, чем все они могли бы произвести, работая разрозненно; или же благодаря кооперации производятся такие потребительные стоимости, которые иначе вообще не могли бы быть произведены.

Отдельный рабочий, а часто и 100 отдельных рабочих не могут за 100 дней сделать то, что 100 рабочих благодаря кооперации могут сделать за один день. Здесь, следовательно, производительная сила отдельного рабочего возрастает благодаря общественной [IV—145] форме труда. Благодаря тому, что в результате кооперации становится возможным за более короткое время производить больше продуктов, — необходимые жизненные средства или требующиеся для их производства условия труда могут производиться за более короткое время. Необходимое рабочее время уменьшается. Тем самым делается возможным относительное прибавочное рабочее время. Первое может быть сокращено, второе — удлинено.

«Сила каждого человека ничтожна, но объединение этих ничтожных сил создает общую силу, более крупную, чем *сумма этих* самых *сил*, так что силы самим своим объединением могут уменьшить время и увеличить пространственную сферу своего действия» (*G.-R. Carli*. Примечание 1-ое на стр. 196-й к работе *Pietro Verri* «Meditazioni sulla Economia Politica». «Scrittori Classici Italiani di Economia Politica». Parte Moderna. Tomo XV. Milano, 1804).

{Здесь, может быть, читатель вспомнит о том, что эта простая форма кооперации позволяет во многих отраслях производства совместно использовать такие условия труда, как, например, топливо, строения и т. д. Однако это пока нас здесь не касается,

а должно быть рассмотрено в разделе о прибыли. Здесь нам следует лишь проследить, в какой мере увеличение производительной силы труда благодаря простой кооперации непосредственно затрагивает соотношение между необходимым трудом и прибавочным трудом, но не отношение прибавочного труда к общей сумме авансированного капитала. Это замечание надо иметь в виду также и в следующих разделах.}

{Нет абсолютной необходимости в том, чтобы объединение [работников] имело место в одном и том же помещении. Если 10 астрономов в обсерваториях различных стран ведут одни и те же наблюдения и т. д., то это является не *разделением труда*, а выполнением одного и того же труда в разных местах, одной из форм кооперации. Но вместе с тем [следует учитывать] также и *концентрацию средств труда*.}

Расширение сферы действия; сокращение времени, в течение которого достигается определенный результат; наконец, создание таких производительных сил, к развитию которых изолированный рабочий вообще не способен, — все это характерно как для простой кооперации, так и для ее более специфицированных форм.

При простой кооперации действует только масса человеческой силы. На место индивида с двумя глазами и т. д. приходит многоглазое, многорукое и т. д. чудовище. Отсюда — огромные работы римских армий, огромные азиатские и египетские общественные сооружения. Там, где доход всей страны распределяется государством, она обладает силой, способной приводить в движение огромные массы людей.

«В прошедшие времена случалось, что эти восточные государства, осуществив расходы на свои гражданские и военные надобности, оказывались обладателями некоторого избытка, который они могли употреблять на великолепные или полезные сооружения. При создании последних, благодаря тому, что *в их власти находились рабочие руки почти всего неземледельческого населения* и его пища, принадлежавшая монарху и жрецам, они располагали средствами для возведения тех мощных монументов, которыми они покрыли страну... При установке колоссальных статуй и передвижении огромных тяжестей, транспортировка которых вызывает изумление, расточительным образом применялся почти исключительно человеческий труд... Мавзолеи и хранилища сокровищ на Цейлоне, Китайская стена, многочисленные сооружения, руины которых покрывают равнины Ассирии и Месопотамии» (*Richard Jones*. Text-book of Lectures on the Political Economy of Nations. Hertford, 1852, стр. 77) [Русский перевод, стр. 348].

«*Для этого достаточно было большого числа рабочих и концентрации их усилий*».

{*Число рабочих и их концентрация* представляют собой базис простой кооперации.}

«Так из глубины океана поднимаются мощные коралловые рифы и образуют острова и сушу, несмотря на то, что каждый отдельный участник этого процесса ничтожен, слаб и жалок. Неземледельческие рабочие какой-либо азиатской монархии мало что могли приложить к делу, кроме своих индивидуальных физических сил, [IV—146] но *самая их численность была их силой*, и *мощь единого управления этими массами* породила эти дворцы и храмы» и т. д. «*Именно концентрация в руках одного или немногих лиц тех доходов, за счет которых жили рабочие, сделала возможными такого рода предприятия*» (там же, стр. 78) [Русский перевод, стр. 348—349].

{*Непрерывность* труда вообще присуща капиталистическому производству; однако полностью она развивается только с развитием основного капитала, о чем речь пойдет позднее.}

Эта власть, которою в древнем мире обладали египетские и азиатские цари и жрецы или этрусские теократы, в буржуазном обществе перешла к капиталу, а тем самым — к капиталистам.

Простая кооперация, так же как и ее более развитые формы, — как и вообще все средства повышения производительной силы труда, — относятся к процессу труда, а не к процессу *увеличения стоимости*. Они повышают эффективность труда. Напротив, *стоимость* продукта труда зависит от необходимого рабочего времени, требующегося для его производства. Поэтому эффективность труда может только уменьшать стоимость определенного продукта, а никак не повышать ее. Но все эти средства, применяемые для повышения эффективности процесса труда, уменьшают (до известной степени) необходимое рабочее время и тем самым увеличивают прибавочную стоимость, ту часть стоимости, которая достается капиталисту, хотя стоимость совокупного продукта по-прежнему определяется совокупностью примененного рабочего времени.

«Математический принцип, согласно которому целое равняется сумме его частей, оказывается неверным, если его применить к нашему предмету. Рассматривая труд, эту великую опору человеческого существования, можно сказать, что общий результат объединенных усилий бесконечно превосходит все то, что, возможно, могли бы создать индивидуальные и разрозненные усилия» (*Tomas Sadler*. The Law of Population. Vol. I, London, 1830, стр. 84).

Кооперация, т. е. ее применение капиталистом, владельцем денег или товаров, требует, естественно, концентрации в его руках средств труда, а также жизненных средств (обмениваемой на труд части капитала). Для того чтобы предоставить работу одному рабочему в течение 360 дней в году, требуется в 360 раз меньший капитал, чем для того чтобы занять 360 рабочих в течение одного и того же дня.

Возникающая из кооперации общественная производительная сила является *безвозмездной*. Отдельные рабочие, или, точнее, отдельные рабочие силы, оплачиваются, и притом только как изолированные рабочие силы. Их кооперация и возникающая из нее производительная сила не оплачиваются. Капиталист оплачивает 360 рабочих, но он не оплачивает кооперацию 360 рабочих: ибо обмен между капиталом и рабочей силой происходит как обмен между капиталом и отдельной рабочей силой. Этот обмен определяется меновой стоимостью отдельной рабочей силы, меновой стоимостью, не зависящей как от производительной силы, которую эта рабочая сила приобретает при определенных общественных комбинациях, так и от того, что время, в течение которого рабочий работает и может работать, превышает рабочее время, требующееся для воспроизводства его рабочей силы.

Кооперация, эта общественная производительная сила общественного труда, выступает как производительная сила капитала, а не труда; и эта перестановка имеет место внутри капиталистического производства в отношении всех общественных производительных сил общественного труда. Это относится к реальному труду. Подобно тому как всеобщий, абстрактно общественный характер [IV—147] труда, т. е. меновая стоимость товара, являет себя как *деньги*, а все те свойства, которыми продукт обладает в качестве воплощения этого всеобщего труда, являют себя как свойства денег, — так конкретно общественный характер труда являет себя как характер и как свойство капитала.

В самом деле: как только рабочий вступает в действительный процесс труда, он в качестве рабочей силы уже включен в состав капитала, больше не принадлежит самому себе, а принадлежит капиталу, и поэтому также и те условия, в которых работает рабочий, являются, напротив, условиями, в которых работает капитал. Однако прежде чем рабочий вступает в процесс труда, он вступает в контракт с капиталистом как отдельный товаровладелец, или продавец товара, причем этот товар — его собственная рабочая сила. Продает он ее как отдельный рабочий. Общественный характер она приобретает, когда она уже вошла в процесс труда. Эта метаморфоза, которая происходит с рабочим, есть нечто внешнее по отношению к нему самому, нечто такое, в чем он не принимает участия, что, наоборот, учиняется над ним. Капиталист одновременно покупает не одну, а много отдельных рабочих сил, но каждую из этих рабочих сил он покупает как отдельный товар, принадлежащий отдельным, независимым друг от друга товаровладельцам. Как только

рабочие вступают в процесс труда, они уже включены в состав капитала, и их собственная кооперация является поэтому не таким отношением, в которое они себя ставят сами, а таким отношением, в которое их поставил капиталист, не отношением, принадлежащим им самим, а таким отношением, которому теперь принадлежат они и которое само выступает как отношение к ним капитала. Это — не взаимное их объединение, а господствующее над ними единство, носителем и руководителем которого является именно сам капитал. Их собственное объединение в труде — кооперация — фактически является для них чужой силой, а именно, силой капитала, противостоящей отдельным рабочим.

Когда рабочие как независимые лица имеют отношение к капиталисту в качестве продавцов [своей рабочей силы], то это отношение является отношением отдельных, друг от друга независимых рабочих, каждый из которых находится в определенном отношении к капиталисту, но не в отношении друг к другу. Когда они вступают в отношение друг к другу как функционирующие рабочие силы, они включены в состав капитала, и это отношение выступает для них поэтому не как их собственное взаимоотношение, а как противостоящее им отношение к ним капитала. Они оказываются агломерированными *. Кооперация, возникающая из их агломерации, является по отношению к ним таким же результатом действия капитала, как и сама эта агломерация. Их *взаимосвязь и их единство* заложены не в них, а в капитале, и возникающая отсюда общественная производительная сила их труда является производительной силой капитала. Подобно тому как не только возмещающая, но и умножающая сила отдельной рабочей силы выступает как сила капитала, как прибавочный труд, точно так же выступают и общественный характер труда и возникающая из этого общественного характера труда производительная сила.

Это — первая ступень, на которой подчинение труда капиталу уже не выступает больше как всего лишь формальное подчинение, а изменяет самый способ производства, так что *капиталистический* способ производства оказывается специфическим способом производства. Формальное подчинение труда капиталу существует в той мере, в какой отдельный рабочий, вместо того чтобы работать в качестве независимого товаровладельца, работает теперь как принадлежащая капиталисту [IV—148] рабочая сила, следовательно — под командованием и контролем капиталиста, и работает уже не на себя, а на капиталиста;

* — присоединенными (к капиталу). *Ред.*

точно так же и средства труда уже не выступают как средства осуществления труда рабочего, а, наоборот, его труд выступает как средство увеличения стоимости, т. е. как применение рабочих для обслуживания средств труда. Это различие [между докапиталистическими и капиталистическими отношениями] является формальным в том смысле, что оно может существовать без какого бы то ни было изменения способа производства и тех общественных отношений, при которых осуществляется производство. Вместе с кооперацией уже появляется специфическое различие. Труд здесь совершается при таких условиях, при которых не может совершаться независимый труд отдельного работника, и притом эти условия выступают как господствующее над ним отношение, как узы, которыми капитал обхватывает отдельных рабочих.

При совместной работе многих, для которых их взаимосвязь сама является чуждым им отношением и единство которых лежит вне их самих, необходимость в командовании, в надзоре сверху сама выступает как условие производства, как ставший необходимым в результате кооперации рабочих и обусловленный ею новый вид труда, *«труд по надзору»*, — совершенно так же как в армии, даже если она состоит только из одного и того же рода войск, возникает необходимость в командующих, необходимость в командовании, для того чтобы она могла действовать как единый организм. Это командование принадлежит капиталу, хотя отдельный капиталист может осуществлять его в свою очередь с помощью специальных работников, которые, однако, перед армией рабочих представляют капитал и капиталиста. *(Рабство. Кернс* [80]*.)*

В той мере, в какой необходимость в особых работниках этого рода вытекает из функций, порождаемых самим капиталистическим производством, было бы, конечно, абсурдным доказывать необходимость капитала тем, что он выполняет эти функции. Это такая же тавтология, как если бы мы захотели оправдывать рабство в глазах негров тем, что они как рабы нуждаются в надсмотрщике с бичом, который столь же необходим для осуществляемого ими производства, как и они сами. Но он необходим лишь потому и постольку, поскольку они являются рабами, необходим лишь на базисе рабства. Если же какая-либо кооперация, как, например, кооперация музыкантов в оркестре, требует руководителя, то совершенно различны та форма, которую эта функция руководства трудом принимает в условиях капитала, и та форма, которую оно в противоположном случае, например, в условиях ассоциации, приняло бы в качестве особой функции труда наряду с другими функциями,

но не в качестве силы, которая собственное единство рабочих осуществляет как чуждое им единство, а эксплуатацию их труда — как эксплуатацию, учиненную над ними чуждой им силой.

Кооперация может быть непрерывной, но она может быть и временной, как при уборке урожая в земледелии и т. д.

Сущностью простой кооперации остается *одновременность* действий, одновременность, результаты которой никогда не могут быть достигнуты путем последовательных затрат труда во времени разобщенными в своих действиях рабочими.

Главное остается; остается это первое преобразование общественного характера труда в общественный характер капитала, производительной силы общественного труда в производительную силу капитала; наконец, первое превращение формального подчинения [труда] капиталу в реальное изменение самого способа производства.

* * *

[IV—138 *a*] *К стр. 148*. В качестве средства повышения производительности труда *Дестют де Траси* называет в первую очередь

«*Объединение сил*» (простую кооперацию) [*Destutt de Tracy*. Traité de la Volonté et de ses Effets. Paris, 1826, стр. 80].

«Идет ли речь о защите — десять человек легко окажут сопротивление врагу, который их всех уничтожил бы, если бы они сопротивлялись поодиночке. Нужно ли сдвинуть груз — его вес оказал бы непреодолимое сопротивление усилиям одного единственного индивида и уступил бы тотчас же усилиям нескольких, действующих совместно. *Если требуется выполнить какую-нибудь сложную работу*, различные операции должны совершаться одновременно: один выполняет одну операцию, другой — другую, и все вместе способствуют достижению результата, который усилиями одного человека вовсе не мог бы быть осуществлен. Один гребет, в то время как другой правит рулем, третий забрасывает сеть или бьет рыбу гарпуном, — и рыбная ловля дает результат, который не был бы возможен без такого сотрудничества» (там же, стр. 78).

Здесь, при этом последнем виде кооперации, уже имеет место разделение труда, поскольку «различные операции должны совершаться *одновременно*», однако это не разделение труда в собственном смысле слова. Эти трое могут попеременно грести, править рулем, ловить рыбу, хотя в акте своего сотрудничества каждый из них выполняет только одну операцию. Подлинное же разделение труда заключается в том, что,

«когда несколько человек работают друг для друга, каждый может посвятить себя *исключительно* тому занятию, для которого он имеет больше всего данных» и т. д. (там же, стр. 79). [IV—138 *a*]

β) РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА

[IV—149] Разделение труда представляет собой особую, специфическую, развитую далее форму кооперации, мощное средство для того, чтобы повысить производительную силу труда, выполнить одну и ту же работу за более короткое рабочее время и, стало быть, сократить рабочее время, необходимое для воспроизводства рабочей силы, и удлинить прибавочное рабочее время.

При простой кооперации имеет место совместный труд многих рабочих, выполняющих *одну и ту же* работу. При разделении труда имеет место кооперация — под командованием капитала — многих рабочих, производящих *различные* части *одного и того же товара*, каждая особая часть которого требует особого труда, особой операции; при этом каждый рабочий или каждая определенная группа рабочих выполняет только одну особую операцию; другой рабочий выполняет другую операцию и т. д.; а совокупность этих операций производит *единый товар*, определенный, особый товар; таким образом, в товаре представлена совокупность этих особых видов труда.

Мы говорим о *товаре* в двояком смысле. Во-первых, товар, произведенный в результате разделения труда, сам может опять служить полуфабрикатом, сырьем, материалом труда для другой сферы производства. Такому продукту отнюдь не требуется быть потребительной стоимостью, приобретшей свою последнюю форму, в которой она окончательно входит в [индивидуальное] потребление.

Если для создания какой-либо потребительной стоимости необходимы различные процессы производства, — например прядение, ткачество, набивка для производства набивного ситца, — то этот последний представляет собой результат указанных различных процессов производства и совокупности особых видов труда: прядения, ткачества, набивки. Это еще не означает, что здесь имеет место разделение труда в том смысле, в каком мы его теперь рассматриваем. Если пряжа является *товаром*, *ткань* — *товаром*, а набивной ситец — особым товаром наряду с этими товарами, наряду с этими потребительными стоимостями, представляющими собой продукт процессов, которые должны предшествовать набивке ситца, то разделение труда в том смысле, в каком мы его теперь рассматриваем, не имеет места, хотя имеет место общественное разделение труда, так как пряжа является продуктом прядильщиков, ткань — продуктом ткачей, а ситец — продуктом набойщиков. Необходимый для изготовления набивного ситца труд разделяется на прядение, ткачество

и набивку ситца, а каждая из этих отраслей образует занятие особого отряда рабочих, каждый из которых выполняет лишь одну из этих особых операций: прядение, ткачество или набивку ситца.

Таким образом, для того чтобы произвести набивной ситец, здесь [в условиях общественного разделения труда], во-первых, нужна совокупность особых видов труда, а во-вторых, каждой из этих особых трудовых операций должны быть подчинены различные отряды рабочих. Однако нельзя сказать, что они сотрудничают в производстве *одного и того же товара*. Напротив, они производят независимые друг от друга товары. Согласно предположению, пряжа в такой же степени представляет собой товар, как и набивной ситец. Существование какой-либо потребительной стоимости как товара зависит не от природы этой потребительной стоимости, следовательно, и не от того, насколько близко или насколько далеко она подходит к той форме, в которой она окончательно входит в потребление, будь то в качестве средства труда или в качестве жизненного средства. Это существование зависит только от того, что в данном продукте представлено определенное количество рабочего времени и что данная потребительная стоимость служит материалом для удовлетворения определенных потребностей, будь то потребности дальнейшего процесса производства или процесса потребления. Если же набивной ситец поступил бы на рынок как *товар* только после того как он прошел процессы прядения, ткачества и набивки, то он был бы продуктом *разделения* труда.

Мы видели, что продукт вообще становится товаром и что товарообмен как условие производства вообще имеет место только в том случае, когда имеет место общественное разделение труда, [IV—150] или разделение общественного труда [81]. В особых товарах представлены особые виды труда, и производитель или владелец отдельного товара лишь путем обмена завладевает принадлежащей ему соответственной частью общественной продукции, т. е. продуктами всех других отраслей труда, — лишь путем продажи своего продукта, путем превращения своего товара в деньги. То, что он вообще производит товар, включает в себя то, что его труд носит односторонний характер и что он не производит *непосредственно* необходимые ему жизненные средства, а, напротив, получает их лишь в результате обмена своего труда на продукты других отраслей труда. Это общественное разделение труда, являющееся предпосылкой существования продукта как товара и предпосылкой товарообмена, существенно отличается от того разделения труда, которое мы здесь рассматриваем. Последний тип разделения

труда предполагает первый как свой исходный пункт и как свою основу.

Первый тип разделения труда имеет место в том смысле, что каждый товар является представителем других товаров и, следовательно, каждый владелец или производитель товаров представляет по отношению к другому какую-либо особую отрасль труда, а совокупность этих особых отраслей труда есть их существование в качестве совокупного общественного труда, опосредствованное *обменом товаров* или, в дальнейшем определении, *обращением товаров,* включающим в себя, как мы видели, обращение денег [82]. В этом смысле может иметь место значительное разделение труда без того, чтобы существовало разделение труда во втором смысле. Напротив, на основе товарного производства второй тип разделения труда не может иметь места без первого, хотя он может иметь место без того, чтобы продукты вообще производились как товары, без того, чтобы производство вообще происходило на основе обмена товаров. Первый тип разделения труда обнаруживается в том, что продукт какой-либо особой отрасли труда противостоит в качестве особого товара продуктам всех других отраслей труда как отличающимся от него самостоятельным товарам. Второй же тип разделения труда имеет место в производстве какой-либо особой потребительной стоимости, до того как она в качестве особого, самостоятельного товара поступает на рынок, в обращение. Взаимное дополнение различных видов труда в первом случае происходит путем обмена товаров. Во втором случае имеет место прямое, не опосредствованное обменом товаров сотрудничество особых видов труда для создания одной и той же потребительной стоимости под командованием капитала. В первом типе разделения труда производители противостоят друг другу как самостоятельные товаровладельцы и как представители особых отраслей труда. Во втором типе разделения труда они, напротив, выступают как несамостоятельные рабочие, так как товар в целом, вообще товар они производят только благодаря их кооперации, и каждый из них представляет не особый труд, а, скорее, лишь отдельные операции, комбинирующиеся, сливающиеся в особый труд, а товаровладелец, производитель всего товара противостоит им — несамостоятельным рабочим — как капиталист.

А. Смит постоянно смешивает разделение труда в этих весьма различных, друг друга, правда, дополняющих, но в определенном смысле также и противостоящих друг другу значениях. Последующие английские экономисты, для того чтобы избежать путаницы, называют первый тип division of labour (разделение

труда), второй тип — subdivision of labour (подразделение труда), что, однако, не выражает смыслового различия.

Если булавка и пряжа являются двумя особыми товарами, то каждый из них представляет особую отрасль труда, и их производители противостоят друг другу как товаровладельцы. Они представляют разделение общественного труда, каждая часть которого противостоит другой части как особая сфера производства. Другое дело — различные операции, требующиеся для производства булавки, при предположении, что ее отдельные части не выступают как особые товары. Если они представляют столько же видов труда, которым подчинены особые группы рабочих, то имеет место разделение труда во втором смысле. Оно представляет собой обособление операций внутри относящейся к какому-либо особому *товару* сферы производства и распределение каждой такой операции между особыми группами рабочих, создающими своей кооперацией весь продукт, *товар,* представителем которого, однако, является не рабочий, а капиталист. [IV—151] Также и эта рассматриваемая нами здесь форма разделения труда отнюдь не исчерпывает разделения труда. Последнее в известном отношении является категорией всех категорий политической экономии. Однако здесь мы должны рассматривать ее лишь как особую производительную силу капитала.

Ясно, что 1) этот тип разделения труда предполагает общественное разделение труда. Только вследствие развившегося из обмена товаров обособления общественного труда на отдельные отрасли различные отрасли труда настолько отделяются друг от друга, что каждая особая отрасль сводится к специфическому виду труда, внутри которого может иметь место его аналитическое расчленение. 2) Точно так же ясно, что второй тип разделения труда, в свою очередь, в порядке обратного воздействия, должен расширять первый тип. *Во-первых,* в том смысле, что у второго типа разделения труда имеется со всеми другими производительными силами то общее, что оно сокращает труд, необходимый для создания определенной потребительной стоимости, и потому высвобождает труд для какой-либо новой отрасли общественного труда. *Во-вторых,* — и это специфично для второго типа разделения труда, — в том смысле, что в процессе аналитического расчленения оно может таким образом расщепить какую-либо специальность, что различные *составные части одной и той же потребительной стоимости* теперь будут производиться как различные независимые друг от друга товары или также что *различные виды одной и той же потребительной стоимости,* ранее принадлежавшие к одной и той же сфере производства, теперь, в результате аналитического расчленения

этой отдельной сферы производства, будут принадлежать к различным сферам производства.

Первый тип есть разделение общественного труда на различные отрасли труда; второй тип — разделение труда в производстве какого-нибудь товара, следовательно, разделение труда не в обществе, а общественное разделение труда внутри одной и той же фабрики. Разделению труда в последнем смысле соответствует *мануфактура* как особый *способ производства*.

А. Смит не делает различия между обоими значениями разделения труда. Поэтому последний тип разделения труда и не выступает у него как нечто специфическое для капиталистического производства.

Глава «О разделении труда», которой Смит открывает свою работу (книга I, глава I-я), в самом начале содержит следующее положение:

«Значение *разделения труда* для хозяйственной жизни общества в целом легче всего уяснить себе, если ознакомиться с тем, как оно действует в каком-либо отдельном производстве» [*Smith, A*. Recherches sur la Nature et les Causes de la Richesse des Nations. Traduction nouvelle, avec des notes et observations, par Germain Garnier. Tome I. Paris, 1802, стр. 11] [Русский перевод, стр. 21].

Разделение труда внутри *Atelier* (под этим словом здесь, собственно говоря, имеются в виду мастерская, фабрика, рудник, пашня, но только при условии, что индивиды, занятые в производстве определенного *товара, кооперируются* под командованием капитала), *капиталистическое* разделение труда, Смит рассматривает и особо обсуждает лишь как более удобопонятный, более конкретный и наглядный пример воздействия разделения труда внутри общества вообще и на «хозяйственную жизнь общества в целом». Что это так, [видно из того, что непосредственно следует за приведенной фразой.]

«Обыкновенно полагают, что дальше всего это *разделение* проведено в некоторых мануфактурах, где производятся предметы, не обладающие высокой стоимостью. В действительности оно, может быть, и не идет там так далеко, как на других, более крупных фабриках; но в мануфактурах первого типа, предназначенных для производства мелких предметов, пользующихся спросом со стороны небольшого количества людей, общее число рабочих должно быть по необходимости невелико, и *здесь рабочие, занятые различными производственными операциями, зачастую могут быть объединены в одной и той же мастерской* [*atelier*] и таким образом все сразу охватываются взглядом наблюдателя. Наоборот, в тех крупных мануфактурах, которые имеют своим назначением удовлетворять потребности большого количества людей, *каждая отдельная производственная операция занимает столь значительное число рабочих, что невозможно объединить их всех* [IV—152] *в одной и той же мастерской* [*atelier*]. Здесь нам приходится видеть вместе только тех рабочих, которые заняты одной-

единственной производственной операцией. И потому, хотя труд в этих крупных мануфактурах в действительности может быть разделен на большее количество видов, чем в небольших мануфактурах первого типа, однако разделение труда здесь менее ощутимо и поэтому не так бросается в глаза» [там же, стр. 11—12] [Русский перевод, стр. 21].

Это место, во-первых, доказывает, в каком еще мелком масштабе осуществлялось промышленное производство во времена А. Смита.

Во-вторых, по его мнению, разделение труда на какой-либо фабрике и разделение какой-либо сферы труда внутри общества на различные, независимые друг от друга отрасли отличаются одно от другого лишь *субъективно*, но не *объективно*. В одном случае разделение видно с первого взгляда, в другом нет. Суть дела от этого не меняется, меняется лишь способ ее восприятия со стороны наблюдателя. Например, если рассматривать все железоделательное производство, начиная с производства чугуна и кончая всеми видами, на которые оно распадается и каждый из которых образует независимую отрасль производства, создает *самостоятельный* товар, взаимосвязь которого с его предыдущими и последующими ступенями опосредствуется обменом товаров, то это общественное разделение труда в данной отрасли промышленности, возможно, насчитывает больше отдельных видов, чем то разделение труда, которое мы встречаем внутри какой-либо фабрики булавок.

Таким образом, А. Смит рассматривает разделение труда не как особую, специфически отличную форму, характерную для *капиталистического* способа производства.

Разделение труда, как мы его здесь рассматриваем, в первую очередь предполагает, что общественное разделение труда уже достигло значительного уровня развития, что различные сферы производства отделены друг от друга и внутри самих себя вновь разделены на самостоятельные подвиды, — так как капитал вообще может развиваться только на основе уже относительно развитого обращения товаров, что идентично с относительно развитым разделением (обособлением) отраслей производства внутри общественного целого. Если это предпослано, — т. е. если, например, производство хлопчатобумажной пряжи существует как независимая, самостоятельная отрасль промышленности (следовательно, к примеру, уже не как сельский побочный промысел), — то второй предпосылкой разделения труда, которая предшествует самому этому разделению и существует до него, является то, что в данной отрасли много рабочих сгруппировано под командованием капитала на одной фабрике.

Это объединение, скопление рабочих под командованием капитала, являющееся условием *капиталистической* кооперации, происходит по двум причинам.

Во-первых, прибавочная стоимость зависит не только от своей нормы, ее абсолютная масса, величина зависит также от числа рабочих, одновременно эксплуатируемых одним и тем же капиталом. Он действует как капитал пропорционально тому количеству рабочих, которое он занимает одновременно. Тем самым покончено с независимостью рабочих в осуществляемом ими производстве. Они работают под надзором и командованием капитала. В той мере, в какой рабочие осуществляют совместный труд и находятся во взаимосвязи друг с другом, эта их взаимосвязь существует в капитале, иными словами, эта взаимосвязь является по отношению к ним самим чем-то лишь внешним, выступает как способ существования капитала. Их труд становится *принудительным трудом,* потому что, едва рабочие вступают в процесс труда, как он принадлежит уже не им, а капиталу, уже включен в состав капитала. Рабочие подчиняются *дисциплине* капитала и попадают в совершенно изменившиеся жизненные условия. Первые мануфактуры в Голландии и во всех странах, где они развились самостоятельно, а не были завезены в готовом виде извне, представляли собой не более чем скопление рабочих, производивших один и тот же товар, и концентрацию средств труда в одной и той же мастерской под командованием одного и того же капитала. В этих мануфактурах еще нет развитого разделения труда, напротив, оно только лишь развивается в них как на своей естественной основе. В средневековых цехах мастеру [IV—153] препятствовали стать капиталистом тем путем, что цеховые законы ограничивали весьма незначительным максимумом количество тех рабочих, которых он имел право нанимать одновременно.

Во-вторых, рассмотрение тех экономических выгод, которые проистекали из совместного пользования зданиями, печами и т. д. и в весьма скором времени — независимо от всякого разделения труда — дали этим мануфактурам в смысле производительности определенное преимущество над патриархальным или цеховым предприятием, сюда не относится, так как мы здесь должны рассмотреть не *экономию* на *условиях труда,* а только более производительное применение переменного капитала: то, в какой мере эти средства *прямо* делают более производительным труд, применяемый в определенной сфере производства.

Даже там, где определенная отрасль производства — смотри, например, у *Бланки* [83] — подверглась значительному разделению труда, но в патриархальном духе, так что [продукт]

каждого подразделения труда существует как особый товар, независимый от [продуктов] других подразделений труда, или связанный с ними лишь посредством товарообмена, — даже в этом случае объединение рабочих на одной фабрике отнюдь не является всего лишь формальным. В рассматриваемых условиях труд почти всегда носит характер домашнего, сельского побочного занятия, и, следовательно, отсутствует абсолютное подчинение рабочего какой-либо совершенно односторонней и простой операции. Последняя не является единственным видом его труда. Но тогда отсутствует главное. Эти рабочие работают с помощью своих собственных средств труда. Самый способ производства в действительности не является капиталистическим, капиталист выступает лишь как *купец,* как *посредник* между этими самостоятельными рабочими и окончательным покупателем их товаров. Эта форма, при которой капитал еще не завладел самим производством и которая еще господствует на значительной части континента, неизменно образует переход от сельских побочных промыслов к капиталистическому способу производства как таковому. Капиталист еще противостоит здесь рабочему, — который сам выступает как товаровладелец, как производитель и продавец, — в качестве *покупателя товара,* но не *труда.* Следовательно, здесь еще отсутствует основа капиталистического производства.

Там, где разделение труда существует в форме независимых отраслей производства, как в приведенном выше примере Бланки, там имеет место множество вызывающих потерю времени, непроизводительных промежуточных процессов, обусловленных тем, что продукты различных ступеней создания товара существуют как самостоятельные товары, а их взаимосвязь в совокупном производстве опосредствована лишь обменом товаров, куплей и продажей. Работа друг для друга в различных отраслях подвержена всякого рода случайностям, нарушениям ритма и т. п., ибо только принуждение на фабрике порождает одновременность, равномерность и пропорциональность в механизме этих различных операций, вообще только оно и связывает их в единообразно действующий механизм.

Если разделение труда, переходя на основе уже существующих фабрик к дальнейшему расчленению производственных операций и к подчинению им определенных групп рабочих, *развивает принцип разделения дальше,* то оно и наоборот, — в той мере, в какой эти disjecta membra poëtae * ранее самостоятельно существовали рядом друг с другом как такое же

* — «разбросанные члены поэта» (Гораций, «Сатиры», книга I, сатира 4). *Ред.*

количество независимых товаров и потому как продукты такого же количества независимых товаровладельцев, — является *комбинацией* этих последних в одном механизме. Это — та сторона дела, которую Адам [Смит] совершенно упускает из вида.

Позднее мы более подробно остановимся на том, почему разделение труда внутри общества, разделение, которое превращает себя в совокупное общественное производство путем обмена товаров и на отдельных представителей этого общественного производства воздействует лишь посредством конкуренции, посредством закона спроса и предложения, — почему это разделение труда внутри общества развивается параллельно, идет рука об руку с разделением труда внутри фабрики, с характеризующим капиталистическое производство разделением труда, в котором полностью уничтожена независимость рабочих, превращающихся в частицы общественного механизма, находящегося под командованием капитала.

[IV—154] Ясно одно: А. Смит понял *разделение труда* не как то, что̀ специфически свойственно капиталистическому способу производства; что̀ наряду с машинами и простой кооперацией изменяет труд не только формально, но и в его действительности — путем подчинения его капиталу. Смит рассматривает разделение труда таким же образом, как Петти и как другой его предшественник после Петти (см. *сочинение об ост-индской торговле* [84]).

В действительности как Смит, так и его предшественники рассматривают разделение труда с точки зрения *древних,* смешивая его с разделением труда внутри общества. Их воззрения отличаются от воззрений древних только при рассмотрении результата и цели разделения труда. С самого начала они рассматривают разделение труда как производительную силу капитала, поскольку они подчеркивают и учитывают почти исключительно то, что благодаря разделению труда *товары удешевляются,* требуется меньше необходимого рабочего времени, для того чтобы произвести определенный товар, или что в течение того же самого необходимого рабочего времени может быть произведено большее количество товаров, т. е. что уменьшается *меновая стоимость* единицы товара. Этой стороне *меновой стоимости* — и в этом заключается их *современная* точка зрения — они придают самое большое значение. Это, конечно, является решающим для понимания разделения труда как производительной силы капитала, ибо таковой оно является лишь в той мере, в какой оно удешевляет необходимые для воспроизводства рабочей силы жизненные средства, требует для их

воспроизводства меньше рабочего времени. Напротив, древние, если они вообще делали разделение труда предметом своих дум и размышлений, устремляли свое внимание исключительно на *потребительную стоимость,* на то, что в результате разделения труда продукты отдельных отраслей производства обладают *лучшим качеством;* у современных же экономистов господствует *количественная* точка зрения.

Таким образом, разделение труда древние рассматривают не по отношению к *товару,* а по отношению к *продукту* как таковому. Влияние разделения труда на *товар* — вот что интересует товаровладельца, ставшего капиталистом; влияние разделения труда на *продукт* как таковой касается товара лишь в той мере, в какой речь идет об удовлетворении человеческих потребностей вообще, о потребительной стоимости как таковой. Воззрения греков всегда имели в качестве своей исторической подоплеки *Египет,* который был для них образцом промышленной страны, совершенно так же как Голландия, а затем Англия — для современных экономистов. Поэтому разделение труда, как мы это подробнее увидим ниже, имеет у них место на основе наследственного разделения труда и вышедшего из него кастового строя, подобного тому, который существовал в Египте.

А. Смит продолжает и дальше смешивать обе формы разделения труда. Так, в той же первой главе I-й книги далее говорится:

«В любом ремесле, в каких бы размерах разделение труда там ни было введено, оно вызывает соответствующее увеличение производительной силы труда. *По-видимому, отделение друг от друга различных профессий и занятий вызывалось именно этим преимуществом.* Вместе с тем такое отделение обыкновенно идет дальше в странах, достигших более высокой ступени развития; то, что в диком состоянии общества составляет работу одного и того же человека, в более развитом обществе распределяется между несколькими» [там же, стр. 15] [Русский перевод, стр. 22].

В том месте, где А. Смит перечисляет выгоды разделения труда, он недвусмысленно подчеркивает исключительно *количественную* точку зрения, т. е. сокращение необходимого для производства какого-либо товара рабочего времени.

«*Это значительное увеличение количества работы,* которую в результате разделения труда может выполнять одно и то же число рабочих, вызвано тремя различными обстоятельствами».

А именно, выгоды разделения труда, по его мнению, состоят, во-первых, в той *виртуозности,* которую рабочий приобретает в своей односторонней специальности:

[IV—155] «Во-первых, развитие ловкости рабочего с необходимостью увеличивает *количество работы,* которую он в состоянии выполнять, а разделение труда, *сводя работу каждого рабочего к какой-нибудь весьма*

простой операции и делая *эту операцию единственным занятием всей его жизни*, по необходимости в весьма значительной степени увеличивает ловкость рабочего» (т. е. скорость выполнения операций).

Во-вторых: экономия времени, теряющегося при переходе от одной работы к другой, связанном с «переменой места» и с употреблением «различных инструментов».

«Когда две различных работы могут выполнять *в одной и той же мастерской,* потеря времени, конечно, намного меньше, но и тут она достигает значительных размеров: рабочий обыкновенно делает небольшую паузу, переходя от одного вида работы к другому».

Наконец, А. Смит упоминает о том,

«что изобретение всех машин, облегчающих и сокращающих труд, — вызвано в первую очередь разделением труда»,

— Смит говорит об изобретении машин самими рабочими, все внимание которых направлено исключительно на один несложный объект, а то влияние, которое ученые или теоретики оказывают на изобретение машин, само обязано своим возникновением общественному разделению труда, в результате которого

«наука, или умозрение, становится, как и всякое другое занятие, главной или единственной профессией особого класса граждан» [там же, стр. 18—24] [Русский перевод, стр. 23—25].

А. Смит замечает, что если, с одной стороны, разделение труда представляет собой продукт, результат природного различия человеческих способностей, то в еще гораздо большей степени последние представляют собой результат развития разделения труда. Здесь он следует своему учителю Фергюсону.

«В действительности различные люди отличаются друг от друга своими природными способностями гораздо меньше, чем мы предполагаем, и само различие способностей, которыми люди различных профессий отличаются друг от друга в своем зрелом возрасте, является не *столько причиной, сколько следствием* разделения труда... Всем приходилось бы решать одни и те же задачи» (если бы не было разделения труда и обмена, который он считает *причиной* разделения труда), «производить одну и ту же работу, и не существовало бы тогда такого большого разнообразия занятий, которое одно только и может порождать значительное различие в способностях». «От природы между ученым и грузчиком различие и наполовину не столь велико — в смысле способностей и ума, — как различие между дворняжкой и борзой» [там же, стр. 33—35] [Русский перевод, стр. 28—29].

Смит объясняет разделение труда вообще

«склонностью людей к торговле и обмену», без которой «каждому человеку приходилось бы самому добывать для себя все необходимое для жизни» (кн. I, гл. II, стр. 34) [Русский перевод, стр. 29].

Таким образом, Смит предполагает обмен, для того чтобы объяснить разделение труда, и предполагает разделение труда, для того чтобы было что обменивать.

Стихийное разделение труда предшествует обмену, и этот обмен продуктов как товаров сначала развивается *между различными общинами, а не внутри одной и той же общины.* Оно основывается отчасти не только на природных различиях самих людей, но и на природных элементах производства, находимых этими различными общинами. Разумеется, развитие продукта в товар и обмен товаров оказывают обратное воздействие на разделение труда, так что обмен и разделение труда вступают в отношение взаимодействия.

[IV—156] Главная заслуга Смита при рассмотрении разделения труда заключается в том, что он ставит его на первое место и подчеркивает его значение, и притом трактует его прямо как производительную силу труда (т. е. капитала). В своей трактовке разделения труда Смит зависит от тогдашней ступени развития *мануфактуры,* еще значительно отличавшейся от современной фабрики. Отсюда и относительное преобладание у него роли труда над ролью машин, выступающих еще только как придаток труда.

Во всем разделе своей книги, посвященном разделению труда, А. Смит по существу следует, вплоть до списывания, своему учителю *Адаму Фергюсону* («Essai sur l'histoire de la société civile». Traduction par M. Bergier. Paris, 1783), который полагает, что в диком состоянии человек склонен к праздности:

«Может быть, разнообразие его нужд обескураживает его трудолюбие или разбросанность его внимания препятствует ему приобрести необходимую сноровку в труде какого-либо рода» (т. II, стр. 104).

Среди различных обстоятельств, которые постепенно толкают людей «без предварительного намерения с их стороны» «к дроблению их профессий», также и Фергюсон приводит «*надежду на возможность обменивать одну вещь* на другую», но только не так односторонне, как Смит, не в качестве единственной причины. Далее:

«Мастер обнаруживает, что чем больше он сосредоточивает свое внимание на одной части какой-либо работы, тем совершеннее его произведения и *тем в большем количестве они выходят из его рук.* Всякий владелец мануфактуры обнаруживает, что чем больше он подразделяет задания для своих рабочих и *чем больше рабочих рук он применяет для производства каждой детали,* тем ощутимее уменьшаются его издержки и умножается его прибыль... Успехи торговли суть не что иное, как беспрестанное дробление механических искусств» (там же, стр. 104—105).

А. Смит считает, что первоначально машины изобретаются рабочими, которые, в результате разделения труда,

«когда все внимание человека направлено на один объект», занято одним-единственным предметом, сами подсказывают создание «всех этих машин, облегчающих и сокращающих труд» (кн. I, гл. I, стр. 22) [Русский перевод, стр. 24].

А. Фергюсон говорит:

«Методы, средства, приемы,.. которые мастер, внимательный к своему собственному делу, изобрел для сокращения и облегчения своего особого труда» (т. II, стр. 108).

А. Смит говорит:

«С прогрессом общества наука, или умозрение, становится, как и всякое другое занятие, главной или единственной профессией особого класса граждан» (кн. I, гл. I, стр. 23—24) [Русский перевод, стр. 25].

А. Фергюсон:

«Приводящий к столь большим выгодам в области промышленности, этот метод [разделения труда] с равным успехом применим и к областям более значительным — к различным областям политики и военного дела... *В эту эпоху, где все отрасли отделены друг от друга,* само [мышление] может образовать особую профессию» (т. II, стр. 106, 110),

и он, так же как и Смит, специально подчеркивает значение науки для промышленной практики (см. т. II, стр. 110).

Что отличает А. Фергюсона от А. Смита, так это то, что он острее и энергичнее вскрывает отрицательные стороны разделения труда (также и у него еще играет роль *качество* товара, которое А. Смит — и это вполне справедливо с капиталистической точки зрения — оставляет в стороне как всего лишь нечто несущественное).

«Можно было бы даже усомниться, увеличиваются ли общие способности нации пропорционально прогрессу техники. Во многих механических искусствах не требуется никаких способностей, цель вполне достигается без всякого участия ума и чувства, и невежество является матерью промышленности так же, как и суеверия. Размышление и воображение подвержены ошибкам, но привычное движение руки или ноги не зависит ни от того, ни от другого. Поэтому можно сказать, что мануфактуры лучше всего процветают там, где наиболее подавлена духовная жизнь» (в особенности это важно в отношении фабрики), «*так что фабрику можно без особых усилий воображения* [IV—157] *рассматривать как машину, частями которой являются люди*» (т. II, стр. 108—109).

В этом последнем высказывании *понятие мануфактуры* выражено лучше, чем у *А. Смита*. Далее Фергюсон подчеркивает то изменившееся отношение, которое возникает между предпринимателем и рабочим вследствие указанного разделения труда.

«Да и в самой промышленности дарования мастера, возможно, совершенствуются, между тем как у работника более низкой квалификации они

хиреют... Генерал может отличаться большим искусством в военном деле, тогда как все, что требуется от солдата, сводится к выполнению нескольких движений рук и ног. *Первый выиграл, быть может, то, что потерял последний*» (т. II, стр. 109—110).

То, что Фергюсон замечает о генерале по отношению к обыкновенному солдату, можно сказать также о капиталисте или его управляющем по отношению к армии рабочих. Интеллект и самостоятельное развитие, требовавшиеся в небольшом масштабе при независимом труде, теперь требуются в большом масштабе для фабрики в целом и монополизируются хозяином — в силу того, что их лишаются рабочие.

«Генерал применяет в большом масштабе все те хитрости и все средства нападения и защиты, которые применяет дикарь, предводительствуя небольшим отрядом или же защищая лишь самого себя» (там же, стр. 110).

Поэтому «*субординацию*» Фергюсон прямо рассматривает как следствие «разделения искусств и профессий» (там же, стр. 111). Здесь зафиксирована *противоположность между капиталом* и [трудом] и т. д.

По отношению к нациям в целом Фергюсон говорит:

«Промышленные нации состоят из таких индивидов, которые, за исключением своего собственного отдельного ремесла, совершенно несведущи во всех прочих делах человеческих» (стр. 105).

«Мы — нация илотов, и у нас нет свободных граждан» (там же, стр. 116).

Он сопоставляет это с классической древностью, но при этом одновременно подчеркивает, что рабство было основой совершенного, полного развития свободных людей (см. *француза*[85], который всю эту фергюсоновскую концепцию выразил не без риторики, но и не без остроумия).

Итак, если взять Фергюсона, который был непосредственным учителем Смита, и Петти, чей пример с часами Смит подменил примером фабрики булавок, то оригинальность Смита состоит только в том, что разделение труда он *поставил во главу угла и рассматривал его односторонне (а потому экономически правильно) как средство повышения производительной силы труда.*

В книге *А. Поттера* «Political Economy», New-York, 1841 (II часть которой представляет собой почти сплошь перепечатку книги: *Scrope.* Political Economy. London, 1833) говорится:

«Первым существенным элементом производства является труд. Для того чтобы играть действенную роль на большом предприятии, труд индивидов должен быть *комбинированным,* или, другими словами, труд, требующийся для достижения определенных результатов, должен быть *рас-*

пределен между определенным числом индивидов так, чтобы эти индивиды были в состоянии кооперироваться» (стр. 76).

В своем примечании к этому месту Поттер замечает:

«Затронутый здесь принцип обычно называют *разделением труда*. Этот термин вызывает возражения, поскольку основная идея заключается в *согласовании* и *кооперации*, а не в *разделении*. Термин разделение применим только к *процессу;* к процессу, *подразделенному на различные операции*, которые *распределены* или *разделены между определенным числом рабочих*. Таким образом, это — *комбинация рабочих*, осуществляемая путем *подразделения процессов*» *.

Книга Фергюсона называется: «Essay on the History of Civil Society».

[IV—158] *Dugald Stewart*. Collected Works. Ed. by Sir W. Hamilton, Edinburgh. Я цитирую том VIII «Collected Works» (1855), представляющий собой том I его «Lectures on Political Economy». Стюарт говорит о том, как разделение труда повышает его производительность, в частности, следующее:

«Ценность эффекта, получаемого как от разделения труда, так и от применения машин, проистекает из одного и того же обстоятельства — из их тенденции *предоставлять возможность одному человеку выполнять работу многих*» (стр. 317).

«Разделение труда дает также *экономию времени*, разделяя труд на различные операции, *каждая из которых может выполняться одновременно*... Благодаря *одновременному выполнению всех различных процессов труда*, которые отдельный рабочий должен был бы совершать последовательно один за другим, создается, например, возможность произвести множество *совершенно* законченных булавок в течение такого времени, которое в противном случае было бы необходимо лишь для того, чтобы обрезать или заточить одну булавку» (стр. 319).

Соображение о том, что один и тот же рабочий, проделывающий серию различных операций, теряет время при переходе от одной операции к другой, принадлежит, стало быть, не только А. Смиту.

Различные операции, которые рабочий в условиях патриархального или ремесленного производства выполняет одну за другой для изготовления своего изделия и которые в качестве различных способов его деятельности переплетаются друг с другом и последовательно сменяют друг друга, различные фазы, которые проходит его труд и в которых он видоизменяется, — теперь изолируются, отделяются одна от другой в качестве самостоятельных операций или процессов. Эта самостоятельность закрепляется, персонифицируется тем путем, что каждый такой простой и односложный процесс становится исключительной функцией одного определенного рабочего или определен-

* Это — *комбинация рабочих*.

ного числа рабочих. Их подчиняют этим изолированным функциям. Не труд распределяется между ними, а их распределяют между различными процессами, каждый из которых становится их исключительным жизненным процессом — коль скоро они действуют как производительная рабочая сила. Возросшая производительность и усложненность совокупного процесса производства, его обогащение достигаются, следовательно, ценою сведения рабочей силы в каждой особой функции к всего лишь сухой абстракции — к некоторому простому качеству, которое проявляется в вечном однообразии одного и того же действия и на которое затрачивается вся производительная сила рабочего, все разнообразие его способностей.

Процессы, отделенные подобным образом друг от друга, осуществляемые в качестве функций этих живых автоматов, именно в результате их разделения и самостоятельности допускают возможность их комбинирования; возможность того, что указанные различные процессы могут осуществляться на одной и той же фабрике *одновременно*. Разделение труда и его комбинирование здесь взаимно обусловливают друг друга. Совокупный процесс производства одного товара выступает теперь как некая сложная операция, как переплетение многих операций, которые, будучи независимы одна от другой, могут дополнять друг друга и осуществляться *одновременно* рядом друг с другом. Взаимное дополнение различных процессов здесь перенесено из будущего в настоящее, в результате чего товар, начатый производством на одном конце, одновременно доводится до степени готовности на другом. Благодаря тому, что эти различные операции, будучи сведены к простым функциям, выполняются виртуозно, — к этой *одновременности*, которая вообще присуща кооперации, присоединяется *сокращение рабочего времени*, достигаемое в каждой из этих одновременных, друг друга дополняющих и соединяющихся в одно целое функций; так что в данный промежуток времени не только производится больше *законченных товаров*, не только больше товаров *завершается* производством, но и вообще доставляется *больше* готовых товаров. В результате подобного рода комбинации фабрика превращается в механизм, различные члены которого образуют рабочие.

Однако комбинация — т. е. кооперация в том смысле, в каком она в процессе разделения труда выступает уже не как параллельное выполнение одних и тех же функций и не как их распределение во времени, а как обособление совокупности функций на ее составные части и объединение этих различных составных частей — теперь существует в двояком виде: [с одной стороны,] коль скоро рассматривается сам процесс производ-

ства, комбинация существует на фабрике в ее целом, которая в качестве такого совокупного механизма (хотя в действительности это есть не что иное, как форма существования кооперации рабочих, их общественный образ действий в процессе производства) противостоит рабочим как [IV—159] внешняя, господствующая над ними и охватывающая их сила, являющаяся в действительности силой и формой существования самого капитала, которому они каждый в отдельности подчинены и которому принадлежит их общественное производственное отношение; с другой стороны, комбинация существует в готовом продукте, который, в свою очередь, представляет собой принадлежащий капиталисту товар.

Для самого рабочего не существует комбинации деятельностей. Комбинация для него — это скорее комбинация тех односторонних функций, которым подчинены каждый рабочий или каждая группа рабочих. Функция рабочего является односторонней, представляет собой абстрактную часть целого. То целое, которое здесь образуется, основывается именно на этом *всего лишь частичном существовании рабочего* и на его изоляции в отдельной функции. Следовательно, это такая комбинация, при которой рабочий образует лишь некоторую ее часть, комбинация, которая основывается на том, что его труд не является комбинированным трудом. ***Рабочие образуют кирпичики этой комбинации.*** Однако эта комбинация не является таким отношением, которое принадлежит самим рабочим и подчинено им как объединенным индивидам. Это вместе с тем является ответом на красивые фразы г-на Поттера относительно комбинации и согласования в противоположность разделению.

Капиталистический способ производства здесь [при наличии разделения труда] уже овладел трудом и изменил его в самой его сущности. Это уже не просто *формальное* подчинение рабочего капиталу: в том смысле, что рабочий работает на другого, под чужим командованием и чужим надзором. Это уже и не просто, как это имело место при простой кооперации, одновременный совместный труд рабочего со многими другими рабочими, с которыми он одновременно выполняет *одну и ту же* работу, что оставляет его труд как таковой неизменным и создает лишь временную взаимосвязь, некое параллельное действие, которое в силу природы вещей легко может быть прекращено и в большинстве случаев простой кооперации имеет место лишь временно, в особые периоды, для исключительных нужд, например, на уборке урожая, строительстве дорог и т. д. или в условиях мануфактуры в ее простейшей форме (где главное — одновременная эксплуатация многих рабочих и экономия на основном

капитале и т. д.), — параллельное действие, которое только формально заставляет рабочего быть частью целого, чьим хозяином является капиталист, целого, в котором, однако, рабочий не становится богаче как производитель от того, что рядом с ним столь многие другие рабочие делают то же самое, тоже шьют сапоги и т. д.

В результате превращения его рабочей силы в простую функцию некоей части совокупного механизма, в его целом образующего фабрику, рабочий вообще перестал быть производителем товара. Он является производителем лишь какой-то односторонней операции, которая вообще что-то производит только во взаимной связи с механизмом в его целом, образующем фабрику. Следовательно, рабочий представляет собой живую составную часть фабрики и в силу самого способа своего труда превратился в принадлежность капитала, ибо его навыки могут быть использованы только на фабрике, только как звено механизма, противостоящего рабочему в качестве бытия капитала.

Первоначально вместо товара рабочий был вынужден продавать капиталисту труд, производящий товар, потому, что у него отсутствовали объективные условия для реализации своей рабочей силы. Теперь рабочий потому вынужден продавать свой труд, что его рабочая сила лишь постольку представляет собой рабочую силу, поскольку она продается капиталу. Таким образом, рабочий уже не только из-за отсутствия средств труда, а из-за самой своей рабочей силы, из-за характера и способа своего труда подчинен капиталистическому производству, попал под власть капитала, в руках у которого находятся уже не только объективные условия, но и общественные условия субъективного труда, при которых его труд вообще только и является трудом.

Следовательно, дело не только в том, что повышение производительной силы, проистекающее из разделения труда, из этой общественной формы существования труда, является производительной силой капитала, вместо того чтобы быть производительной силой рабочего. *Общественная форма* этого комбинированного труда противостоит рабочему как бытие капитала. Комбинация противостоит рабочему как могущественный рок, в чьей власти он оказался в результате сведения его рабочей силы к какой-нибудь совершенно односторонней функции, которая, будучи отделенной от совокупного механизма, есть ничто [IV—160] и поэтому полностью зависит от последнего. Рабочий сам превратился в простую деталь этого механизма.

Дагалд Стюарт в цитированной работе называет подчиненных разделению труда мануфактурных рабочих

«живыми автоматами,.. употребляемыми для частичных трудовых операций», тогда как «предприниматель всегда будет стараться экономить время и труд» (стр. 318).

Д. Стюарт приводит относящиеся к разделению труда внутри общества поговорки древних: «Cuncta nihilque sumus»; «In omnibus aliquid, in toto nihil» *.

«Много знал он дел, но каждое из них знал плохо» [86] (процитированы слова о *Маргите* из «Второго Алкивиада», одного из лжеплатоновских диалогов).

Так, в «Одиссее» (песнь XIV, стих 228) сказано:

«Люди не сходны: те любят одно, а другие — другое»,

а Архилох у Секста Эмпирика говорит:

«Одно дело радует сердце одного, другое — другого» [87].

У Фукидида Перикл противопоставляет афинянам — занимающихся земледелием спартанцев, у которых потребление не опосредствовано обменом товаров, а следовательно, не имеет места и разделение труда, противопоставляет их как «работающих не ради дохода, а для собственного потребления».

В той же речи (Фукидид, кн. I, гл. 142) Перикл говорит о морском деле:

«Морское дело есть такое же ремесло, как и всякое другое, и им нельзя заниматься между прочим, как побочным занятием; скорее наоборот, оно не терпит рядом с собой никакого побочного занятия».

К Платону мы перейдем в дальнейшем, хотя место ему до *Ксенофонта*. Ксенофонт, который вообще в значительной степени обладает буржуазным инстинктом и взгляды которого поэтому часто напоминают как о буржуазной морали, так и о буржуазной экономике, более детально, чем Платон, останавливается на разделении труда, как оно имеет место не только в [общественном] целом, но и в отдельной мастерской. Его нижеследующее рассуждение интересно потому, что 1) он показывает зависимость разделения труда от *размеров рынка*. 2) В отличие от Платона, у него не только рассматривается разделение занятий, но и отмечается имеющее место вследствие разделения труда сведѐние труда к простому труду, облегчающее достижение виртуозности. Хотя Ксенофонт, таким образом, значительно ближе подходит к современному взгляду на разделение труда, все же у него остается то, что характерно для древних. Речь у него идет только о *потребительной стоимости*, об улучшении

* — «Если мы — всё, вместе взятое, то мы — ничто»; «Всего понемногу, а в целом — ничего». *Ред.*

качества. Сокращение рабочего времени интересует его так же мало, как и Платона, даже в том единственном месте, где Платон в виде исключения мимоходом отмечает, что создается *больше* потребительных стоимостей. Даже здесь речь опять-таки идет о большем количестве *потребительных стоимостей*, а не о воздействии разделения труда на продукт как *товар*.

Ксенофонт рассказывает, что получение кушаний со стола персидского царя приятно не только потому, что это большая честь, но и потому, что эти кушанья вкуснее других.

«Но посылаемые от царя кушанья доставляют удовольствие не по одним только указанным причинам: они действительно отличаются особенною приятностью. И это не удивительно, ибо подобно тому как все прочие ремесла усовершенствованы в крупных городах до чрезвычайно высокой степени, точно так же и царские блюда несравненны по своему достоинству. В мелких городах один и тот же человек делает пиршественные ложа, двери, плуги, столы; иногда он, кроме того, строит дома, и очень рад, если имеет [IV—161] достаточное количество заказов, необходимых для поддержания его жизни. *Совершенно невозможно, чтобы человек, занимающийся столь различными делами, все делал хорошо*. Но в крупных городах, *где каждый работник находит много покупателей, ему достаточно знать одно ремесло, чтобы прокормиться. Зачастую даже нет необходимости знать ремесло в целом*, бывает так, что один делает только мужские башмаки, другой — только женские. В отдельных случаях один только шьет башмаки, другой только кроит для них кожу, или один только кроит платье, другой лишь сшивает вместе куски материи. *Неизбежно, что тот, кто выполняет наиболее простую работу, выполняет ее наилучшим образом*. То же самое относится и к поварскому искусству. У кого один и тот же человек устраивает пиршественное ложе, накрывает стол, месит тесто, приготовляет то одну, то другую приправу, тот по необходимости должен довольствоваться тем, как получится. Но там, где один человек целиком занят варкой мяса, другой жарением мяса, третий варкой рыбы, четвертый жарением рыбы, пятый выпечкой хлеба, и притом не разных сортов, а для него достаточно доставлять один сорт, но отличный, — очевидно, что при таком приготовлении каждая вещь будет сделана с замечательным совершенством. Так Кир намного превосходил всех, оказывая внимание посылкой кушаний, приготовленных вышеуказанным образом». (При таком приготовлении кушанья со стола Кира пользовались предпочтением перед всеми другими кушаньями.) (*Xenophon*. Cyri disciplina. Edidit Ern. Poppo. Lipsiae, 1821, l. VIII, cap. II [стр. 480—482]).

Трактовка вопроса в «Государстве» *Платона* образует непосредственную основу и исходный пункт для некоторой части английских писателей, которые после Петти и перед А. Смитом писали о разделении труда. См., например, у *Джемса Харриса* в «Three Treatises» (3rd ed. London, 1772, p. 148—155) третий трактат, где разделение занятий изображается в качестве естественной основы общества и где в одном из примечаний он сам говорит, что вся аргументация заимствована им у Платона.

Платон во второй книге «Государства» (цитируется по изданию Байтера, Орелли и Винкельмана; Zürich, 1839) начинает с возникновения полиса (город и государство здесь совпадают).

«Полис... рождается... тогда, когда каждый из нас сам для себя оказывается *недостаточным* и имеет нужду во многих». [IV—162] «Учреждает же полис наша потребность».

Затем перечисляются самые непосредственные потребности: пища, жилище, одежда.

«Первая же и самая важная из потребностей — это добывание пищи ради существования и жизни... Вторая — жилище, третья — одежда и то, что к ней относится».

Как же полис должен удовлетворять эти различные потребности?

Один становится крестьянином, другой строителем домов, третий ткачом, сапожником и т. д. Должен ли каждый разделить свое рабочее время и одну его часть использовать для обработки земли, другую — для строительства, третью — для ткачества и т. д., для того чтобы самому удовлетворять свои различные потребности, или же он должен все свое рабочее время целиком затратить на одно-единственное занятие, так что, например, он не только для себя, но и для других выращивает хлеб, ткет и т. д.? Последнее лучше. Ибо, во-первых, люди отличаются друг от друга по своим природным способностям, в силу чего они по-разному выполняют разные работы.

{Разнообразию потребностей соответствует разнообразие способностей отдельных индивидов к выполнению различных, необходимых для удовлетворения этих потребностей видов труда.}

Тот, кто занимается лишь одним-единственным ремеслом, будет выполнять его лучше, чем тот, кто занимается многими ремеслами. Если каким-либо делом заниматься как побочным занятием, то зачастую соответствующий момент производства будет упущен. Дело не может дожидаться досуга того, кому оно поручено; напротив, необходимо, чтобы производитель приспособлялся к условиям своего производства и т. д. и, следовательно, не занимался бы им как побочным занятием. Поэтому когда человек занимается исключительно одним-единственным видом труда (в соответствии с природой предмета труда и в надлежащее время), другими же видами труда не занимается, тогда все производится в большем количестве, лучше и легче.

Основной угол зрения — это то, что все производится *лучше*: качество. Только в том месте, которое сейчас будет приведено,

появляется «больше»; в остальных же случаях всегда стоит «лучше».

«Каким же образом полис может обеспечить удовлетворение всех этих потребностей? Разве как-нибудь иначе, чем так, что один будет земледельцем, другой домостроителем, третий ткачом?» и т. д... «Должен ли каждый из них *предоставлять плоды своей работы на пользу всем остальным*, должен ли, например, один земледелец производить пищевые продукты для всех четверых и все свое время и старание посвящать выращиванию хлеба и таким образом заботиться о других, или же он, не думая о других, должен производить для одного себя одну четвертую этого хлеба за одну четвертую своего времени, а три четверти своего времени затрачивать на постройку своего дома, на изготовление одежды и обуви и не заботиться ни о ком другом, а только о самом себе?.. Первое, конечно, легче, чем последнее... Ни один человек от природы полностью не одинаков с другим, каждый имеет различные задатки: один для одной работы, другой — для другой. Если кто-либо занимается многими ремеслами, то разве он будет выполнять свое дело *лучше*, чем если бы он занимался только одним ремеслом? Последнее, конечно, лучше... Если кто-либо упустит надлежащее время для какой-нибудь работы, то из этой работы ничего не получится... Ибо... дело не ждет, пока у работника будет время, но работник должен отдаваться своему делу всерьез, а не между прочим. — Это необходимо. — Ведь *каждая вещь производится в большем количестве, лучше и легче, когда каждый делает лишь одно дело в соответствии со своими задатками и в надлежащее время, оставив все другие занятия*».

Платон развивает затем мысль о том, каким образом возникает необходимость в дальнейшем разделении [IV—163] труда, или в создании различных отраслей производства. Например,

«земледелец, очевидно, не будет сам изготовлять для себя плуг, если плуг должен быть хорошего качества, точно так же и мотыгу и другие земледельческие орудия, если он хочет, чтобы эти орудия были *хорошего качества*. Так же обстоит дело с домостроителем, ткачом» и т. д. «Каким же образом один человек обеспечивает себе свою долю в избытке продукта другого, а эти другие — свою долю в избытке продукта первого? — Путем обмена, путем продажи и купли».

Затем Платон говорит о различных видах торговли и отсюда — о различных категориях купцов. В качестве особой категории людей, обязанной своим происхождением разделению труда, он называет также наемных работников.

«Далее,... имеются еще другие слуги, которые в духовном отношении не являются особенно желательными членами общества, но обладают достаточной физической силой для выполнения тяжелой работы. За использование их силы они оплачиваются, и эту плату называют наемной платой, отсюда их название — наемники».

После того как Платон перечислил большое количество различных занятий, требующих дальнейшей специализации и т. д., он переходит к рассмотрению отделения военного ремесла от всех других и отсюда — к рассмотрению образования особого военного сословия.

«Раньше мы согласились..., что невозможно одному человеку с полным успехом заниматься многими ремеслами... — Так как же, разве тебе военное дело не кажется своего рода ремеслом?.. — Мы согласились, что сапожник не должен быть вместе с тем земледельцем или ткачом или домостроителем... не должен для того, чтобы он мог хорошо выполнять дело сапожника, и равным образом каждому из остальных мы предназначили только одно занятие, *для которого у него есть природные задатки* и которому он должен *предаваться всю свою жизнь*, отказываясь от всех других занятий, чтобы выполнять свое дело хорошо, используя для него наиболее подходящее время. Ну а что сказать о военном деле? Разве оно не превыше всего, если оно выполняется хорошо?.. В таком случае нашей задачей было бы определить, какие природные свойства необходимы для тех, кто охраняет полис» (стр. 439—441, в разных местах)[88].

Для удовлетворения различных потребностей внутри общины требуются различные виды деятельности: различные задатки предрасполагают различные человеческие натуры скорее к этой, чем к той деятельности. Отсюда — разделение труда и соответствующие этому разделению различные сословия. Чтò Платон всюду подчеркивает в качестве самого главного, так это то, что в результате разделения труда каждая вещь делается *лучше*. Качество, потребительная стоимость для него, как и для всех древних, является решающей и единственной точкой зрения. В остальном в основе всего его воззрения лежит идеализированный в аттическом духе египетский кастовый строй.

Древние вообще объясняли особую ступень промышленного развития, достигнутую египтянами, их наследственным разделением труда и основывающимся на нем кастовым строем.

«Также и ремесла... достигли в Египте... значительной степени совершенства. Ибо только в одной этой стране ремесленникам совсем не разрешалось браться за занятия, свойственные другим классам граждан, и они должны были заниматься исключительно той профессией, которую закон наследственно закреплял за их родом... У других народов мы находим, что ремесленники делят свое внимание между слишком разнородными предметами... То они пытаются обрабатывать землю, то берутся за торговые дела, то занимаются двумя или тремя ремеслами сразу. В свободных государствах они обыкновенно посещают народные собрания... Напротив, в Египте каждый ремесленник, вмешивающийся в государственные дела или занимающийся одновременно несколькими ремеслами, подвергается тяжелым наказаниям. Таким образом», говорит Диодор, «ничто не может помешать ему сосредоточиться на своей профессии... К тому же, унаследовав многие правила от предков, [IV—164] они ревностно стараются изобретать новые улучшения» (*Diodor*. Historische Bibliothek. Кн. I, гл. 74 [стр. 117, 118]).

У Платона разделение труда трактуется как экономическая основа общины, в которой каждый зависит от другого, а не удовлетворяет совокупность своих потребностей сам, самостоятельно, вне связи с другими. Разделение труда внутри общины выводится из разносторонности потребностей и односторонности

задатков, которые различны у различных индивидов, оказывающихся поэтому более пригодными для одного занятия, чем для другого. Его основное положение состоит в том, что если индивид делает какое-либо ремесло своей исключительной пожизненной профессией, он выполняет его лучше, и его деятельность полностью приспособлена к требованиям и условиям того дела, которое он должен выполнять, если же он занимается им как побочным делом, оно находится в зависимости от обстоятельств, связанных с его занятием другими вещами. Эта точка зрения — что каким-либо ремеслом нельзя заниматься как побочным делом — выражена также и в приведенном выше месте из Фукидида.

Ксенофонт идет дальше: во-первых, потому, что он подчеркивает сведение труда к возможно более простой деятельности, а во-вторых, потому, что тот уровень, на котором может быть осуществлено разделение труда, он ставит в зависимость от расширения рынка.

Сравни Бланки, который в упомянутом выше месте * проводит различие между «*регламентированным* — и в какой-то степени *принудительным* — *трудом* рабочих, подчиненных режиму больших мануфактур», и ремесленным трудом или домашним побочным промыслом, которым занимаются сельские жители.

«Ущерб, приносимый мануфактурами,.. состоит в том, что они... порабощают рабочего и ставят его и его семью в *полную зависимость* от потребностей производства... Сравните, например, промышленность Руана или Мюлуза с промышленностью Лиона или Нима. И в том и в другом случае объектом производства являются пряжа и ткань: в первом случае хлопчатобумажные, во втором — шелковые; но как велика разница между постановкой дела в этих двух случаях! В Руане и Мюлузе производство осуществляется не иначе, как в огромных предприятиях, с привлечением больших капиталов... с помощью настоящих армий рабочих, согнанных сотнями, даже тысячами в громадные, высокие, как башни, фабричные здания казарменного типа, изрешеченные окнами, напоминающими башенные бойницы. Напротив, прядение и ткачество в Лионе и Ниме носят совершенно патриархальный характер; они занимают много женщин и детей, но не надрывают их сил и не уродуют их; рабочие остаются в своих прекрасных долинах Дрома, Вара, Изера, Воклюза, разводя червей и разматывая их коконы; никогда это производство не принимает характера настоящей фабрики. При ближайшем рассмотрении этого вида производства в сравнении с первым *принцип разделения труда* обнаруживает здесь своеобразные особенности. Правда, и здесь существуют мотальщики, сучильщики, красильщики, шлихтовальщики и, наконец, ткачи; *но они не объединены в одном и том же здании и не зависят от одного и того же хозяина;* все они *работают самостоятельно*. Их капитал, который составляют их рабочие инструменты, их ткацкие

---

* См. настоящий том, стр. 301. *Ред.*

станки, их хижина, — этот капитал незначителен, но он достаточен для того, чтобы поставить их в известной степени на равную ногу с их работодателями. Здесь нет никакого фабричного регламента, никаких принудительных условий, каждый договаривается сам за себя, совершенно свободно» (*Blanqui (старший)*. Cours d'Economie Industrielle. Recueilli et annoté par A. Blaise. Paris, 1838—1839, стр. 44—80, в разных местах) [89].

На основе современной промышленности вновь образуется фабричное производство за пределами фабрики, сохраняя при этом все недостатки фабрики без ее преимуществ. Это сюда не относится, об этом позднее.

[IV—165] «Каждый знает по собственному опыту, что, применяя всегда руки и ум к одинаковому роду труда и к изготовлению одних и тех же продуктов, он достигает с большей легкостью более значительных и лучших результатов,... чем в том случае, если бы каждый сам изготовлял для себя все необходимые ему вещи... Таким образом, в интересах общей и индивидуальной пользы люди разделены на различные классы и состояния» (*Cesare Beccaria*. Elementi di Economia Pubblica. Издание Кустоди, Parte Moderna, т. XI, стр. 28).

«В таком большом городе» (как Лондон) «мануфактуры будут порождать одна другую, и каждая мануфактура будет делиться на такое большое количество частей, насколько это только возможно, в результате чего труд каждого отдельного рабочего станет простым и легким. Например, в производстве часов: и часы будут *дешевле* и лучшего качества, если один человек делает колесики, другой — пружину, третий гравирует циферблат, четвертый изготовляет корпус, — чем если бы вся работа выполнялась одним-единственным человеком» (*W. Petty*. An Essay concerning the Multiplication of Mankind etc. (1682). 3rd ed. London, 1698. In: *Petty, W.* Several Essays in Political Arithmetick. London, 1699, стр. 35) [Русский перевод, стр. 231].

Далее Петти показывает, как разделение труда влечет за собой то, что отдельные мануфактуры концентрируются в отдельных городах или на отдельных улицах больших городов.

«Отдельный товар производится в этих местах лучше и *дешевле,* чем где-либо в другом месте».

Наконец, Петти останавливается на преимуществах торговли, на экономии непроизводительных издержек, таких как фрахт и т. п., благодаря чему, вследствие размещения связанных между собой мануфактур в одном месте,

«цена [продукта] такой мануфактуры уменьшается, а прибыль от внешней торговли увеличивается» (стр. 35—36) [Русский перевод, стр. 231—232].

То, что отличает взгляды Петти на разделение труда от взглядов античных мыслителей, это в первую очередь его вывод о влиянии разделения труда на меновую стоимость продукта, на продукт как товар — удешевление товара.

Та же самая точка зрения — с еще более решительным подчеркиванием сокращения [в результате разделения труда]

необходимого для производства товара рабочего времени — выдвигается в «The Advantages of the East-India Trade to England» (London, 1720).

Главное заключается в том, чтобы производить каждый товар «с наименьшим количеством наиболее легкого труда». Если вещь создается «меньшим количеством труда», то она создается, «следовательно, более дешевым трудом». Товар тем самым удешевляется, и сокращение рабочего времени до минимума, необходимого для производства этого товара, становится тогда через посредство конкуренции всеобщим законом.

«Если мой сосед, производя много с меньшим количеством труда, может продавать дешево, я должен стараться продавать так же дешево, как он».

В отношении разделения труда автор в особенности выделяет следующее:

«Чем больше разнообразия среди занятых в мануфактуре лиц, тем меньше остается на долю мастерства отдельного лица» [стр. 67—68].

Последующие писатели, как, например, Харрис (смотри выше), лишь продолжают развивать мысли Платона. Затем *Фергюсон* *. Что̀ в некотором отношении отличает А. Смита от его предшественников, так это то, что он применяет выражение *«увеличение производительных сил труда»*. Насколько А. Смит все еще был связан с младенческой эпохой крупной промышленности, видно из того, что машины выступают у него всего лишь как следствие разделения труда, а рабочие еще делают механические открытия, для того чтобы облегчить и сократить свой труд.

Разделение труда путем упрощения последнего облегчает обучение труду и, стало быть, уменьшает общие издержки производства рабочей силы.

[IV—166] Фабрика, основанная на разделении труда, всегда включает в себя определенную иерархию мастерства, так как одна операция является более сложной, чем другая, одна требует больше физической силы, другая — большей ловкости рук или большей виртуозности. Здесь, как говорит Юр,

«к каждой операции приспособлен рабочий, заработная плата которого соответствует его искусству... По-прежнему имеет место *приспособление работ к различным индивидуальным способностям*... Многочисленные градации разделения труда... разделение труда по различным степеням сноровки» [*Ure*. Philosophie des Manufactures. Tome I, Bruxelles, 1836, стр. 28—30].

---

* См. настоящий том, стр. 305—308. *Ред.*

Виртуозность отдельного рабочего все еще имеет большое значение.

Это в самом деле есть расчленение на операции, каждую из которых может выполнять отдельный рабочий: данная операция отделяется от сопутствующих ей операций, однако основной принцип все еще заключается в том, чтобы рассматривать ее как функцию рабочего, стало быть, так, чтобы при ее расчленении она распределялась между различными рабочими и группами рабочих по степеням их сноровки, физического развития и т. д. Процесс производства еще не анализируется как таковой, независимо от рабочего, который его выполняет, в то время как на автоматической фабрике система производства

«разлагает процесс, сводя его к его составным элементам, и подчиняет все его части действию автоматической машины», и тогда можно «поручить эти самые элементарные операции отдельному рабочему, обладающему самыми заурядными способностями, предварительно подвергнув его кратковременному испытанию» [там же, стр. 32].

«Так как вся работа подразделяется на несколько различных операций, каждая из которых требует различной степени ловкости и силы, то владелец фабрики может обеспечить себя в точности необходимым для каждой операции количеством ловкости и силы. А если бы вся работа должна была выполняться одним рабочим, то этот рабочий должен был бы в одно и то же время обладать достаточной ловкостью и достаточной силой для выполнения самых тонких и самых тяжелых операций» (*Ch. Babbage.* On the Economy of Machinery and Manufactures. London, 1832, гл. XIX [стр. 172—173]).

«Раз опыт, сообразно особой природе продукта каждого вида мануфактуры, показал, на сколько частичных операций выгоднее всего разделить процесс производства и какое число рабочих требуется для каждой такой операции, то все те предприятия, которые при определении числа рабочих не придерживаются точно кратного этих установленных опытом чисел, будут производить с бо̀льшими издержками» (*Babbage.* Там же, гл. XXII [стр. 209]).

Если, например, для выполнения различных операций требуются 10 рабочих, то необходимо применять число рабочих, кратное десяти.

«Если этого не происходит, то не всегда можно использовать рабочих в индивидуальном порядке для выполнения одной и той же производственной операции. Такова одна из причин колоссального расширения промышленных предприятий» (там же [стр. 208, 210]).

Здесь, так же как и при простой кооперации, снова действует принцип соотношений кратных величин. Однако теперь он применяется к таким соотношениям, которые определяются самим разделением труда. Вообще говоря, ясно, что разделение труда может быть проведено тем дальше, чем в большем масштабе осуществляется производство. Во-первых, тогда может

быть применено правильное соотношение кратных величин. Во-вторых, от величины этого масштаба зависит, естественно, как далеко может быть проведено разделение операций и в какой мере все время отдельного рабочего может быть поглощено одной операцией.

Таким образом, если разделение труда требует применения большего капитала по той причине, что за то же самое время перерабатывается больше сырого материала, то его осуществление вообще зависит от масштаба производства, т. е. от числа рабочих, которые могут быть заняты одновременно. Больший капитал — т. е. концентрация его в одних руках — необходим для развития разделения труда, которое, в свою очередь, благодаря [IV—167] выигранной вместе с этим разделением труда производительной силе позволяет перерабатывать больше материала, следовательно, увеличивает эту составную часть капитала.

«Тот, кто выполняет на фабрике только самую простую операцию, ставит себя в зависимость от своего нанимателя. Он уже больше не производит завершенный продукт, а только часть его и для этого в такой же мере нуждается в сотрудничестве других рабочих, как и в сырье, в машинах и т. д. Находясь по отношению к владельцу фабрики в подчиненном положении, ... он ограничил свои требования самым необходимым, без чего не мог бы выполняться предлагаемый им труд. Таким образом, от порождаемого разделением труда роста производительных сил выигрывает один лишь предприниматель» (*Sismondi.* Nouveaux Principes d'Economie politique. Seconde édition. Tome I. Paris, 1827, стр. 91—92) [Русский перевод, том I, стр. 186].

«Разделение труда сокращает время, требующееся для изучения какой-либо операции» (*F. Wayland.* The Elements of Political Economy. Boston, 1843, стр. 76).

«При создании мануфактуры важно так подобрать число и специальности рабочих, чтобы, если различные операции процесса производства будут закреплены за различными лицами, эти лица находились друг с другом в таком соотношении, при котором они могут *в точности и полностью использовать друг друга.* Чем безупречнее это будет сделано, тем большей будет экономия, и, раз это установлено, является очевидным и то, что предприятие не может успешно расширяться, если оно не использует то или иное кратное данного числа рабочих» (там же, стр. 83).

А. Смит в конце отдела своей книги, трактующего о разделении труда, снова возвращается к предпосылке, что различные рабочие, между которыми разделен труд, являются и владельцами и производителями товаров (мы увидим, что в дальнейшем он отказывается от этой иллюзии).

«Каждый работник может располагать значительным количеством продуктов своего труда сверх того количества, которое необходимо для удовлетворения его собственных потребностей; и поскольку все остальные работники находятся точно в таком же положении, он оказывается в состоянии обменивать большое количество своих продуктов на большое

количество изготовляемых ими продуктов, или, что то же самое, на цену этих продуктов» (*Smith.* Recherches sur la Nature et les Causes de la Richesse des Nations. Tome I. Paris, 1802, стр. 24—25) [Русский перевод, стр. 25].

Передача мастерства от поколения к поколению всегда имела большое значение. Это решающая точка зрения при кастовом строе, как позднее — при цеховом.

«Легко выполняемый труд — это только унаследованное искусство» (*Th. Hodgskin.* Popular Political Economy. London, 1827, стр. 48) [Русский перевод, стр. 74].

«Чтобы разделить труд и распределить силы людей и машин наиболее выгодным образом, необходимо в целом ряде случаев действовать в большом масштабе или, другими словами, производить богатства большими массами. Именно это преимущество порождает большие мануфактуры» (*James Mill.* Elémens d'Economie Politique. Traduits par J. T. Parisot. Paris, 1823 [стр. 11]).

Разделение труда — или, вернее, основанная на разделении труда фабрика — увеличивает достающуюся капиталисту прибавочную стоимость (по крайней мере увеличивает *непосредственно,* а это — единственное следствие, о котором здесь идет речь), другими словами, это повышение производительной силы труда проявляет себя в качестве производительной силы капитала только в той мере, в какой эта повысившаяся производительная сила труда применяется в производстве тех потребительных стоимостей, которые входят в потребление рабочих и удешевление которых поэтому сокращает рабочее время, необходимое для воспроизводства рабочей силы. Именно из того обстоятельства, что разделение труда в крупных масштабах применяется главным образом лишь в производстве товаров широкого потребления, поп Уэйленд, напротив, заключает, что выгоды разделения труда идут на пользу бедным, а не богатым. По отношению к среднему классу поп в известном смысле прав. Но речь здесь идет вообще не об обходящем суть дела отношении между бедными [IV—168] и богатыми, а об отношении между наемным трудом и капиталом. Соответствующее место у этого попа гласит:

«Чем больше цена продукта, тем меньше число лиц, которые в состоянии его купить. Следовательно, тем меньше будет на него спрос и, стало быть, тем меньше будет оснований для разделения труда. Кроме того, чем больше цена товара, тем большее количество капитала требуется для того, чтобы производить этот товар с применением разделения труда... Поэтому разделение труда редко используется в производстве дорогостоящих ювелирных изделий и предметов роскоши, в то время как для производства всех товаров широкого потребления оно используется повсеместно. Таким образом, мы видим, что выгоды от использования природных факторов и разделения труда являются гораздо бо́льшими и более важными для среднего и низшего классов, чем для богатых людей. Этот

способ увеличения производства уменьшает стоимость предметов первой необходимости и основных жизненных средств до самого низкого уровня и, естественно, делает их, насколько это возможно, доступными для всех» (*F. Wayland*. The Elements of Political Economy. Boston, 1843, стр. 86—87).

Так же как и для расширения капитала, основной предпосылкой для применения разделения труда является кооперация, скопление в одном месте рабочих, которое вообще может иметь место лишь там, где существует определенная плотность населения. {Вместе с тем также — лишь там, где население из своих разбросанных по деревням жилищ собрано в центры производства. Об этом писал Стюарт. Подробнее это следует рассмотреть в разделе о накоплении.}

«Требуется известная *плотность населения* как для того, чтобы могли развиваться социальные отношения, так и для того, чтобы создалась такая комбинация сил, при которой возрастает производительность труда» (*James Mill*. Elements of Political Economy. London, 1821, стр. 50).

С развитием разделения труда исчезает то, что еще весьма возможно при всего лишь формальном подчинении труда капиталу: всякий индивидуальный характер продукта труда. Готовый товар является продуктом фабрики, которая сама представляет собой способ существования капитала. Меновая стоимость самого труда, труд, а не его продукт, становится — в результате самого способа производства, а не только в результате контракта между капиталом и трудом — тем единственным, что должен продавать рабочий. Труд на самом деле становится его единственным товаром, а товар вообще — всеобщей категорией, которой подчинено производство. Мы исходили из товара как наиболее общей категории буржуазного производства. Такой всеобщей категорией он становится лишь в результате изменения, которому под воздействием капитала подвергается сам способ производства.

«Здесь уже нет более ничего такого, что можно было бы назвать естественным вознаграждением за труд индивида. Каждый рабочий производит лишь известную часть целого, и так как каждая часть не имеет сама по себе никакой ценности или полезности, то здесь нет ничего такого, за что рабочий мог бы ухватиться и сказать: «Это мой продукт, это я удержу для себя»» ([*Th. Hodgskin.*] Labour Defended against the Claims of Capital. London, 1825, стр. 25) [Русский перевод, стр. 27—28].

«Развитие богатства привело к разделению общественных положений и к разделению профессий; теперь уже не *избыток* продукта каждого производителя, а *сами жизненные средства* стали предметом обмена... В этом новом состоянии жизнь каждого человека, который работает и производит, зависит не от успешного окончания его труда, а от его *продажи*» (*Sismondi*. Etudes sur l'économie politique. Tome I. Bruxelles, 1837, стр. 82).

«Всякое значительное повышение производительности человеческого труда и понижение цены предметов первой необходимости способствуют в наше время увеличению производительного капитала» (*S. P. Newman*. Elements of Political Economy. Andover and New York, 1835, стр. 89).

Поскольку при разделении труда какая-либо одна сторона природной индивидуальности рабочего получает, как природная основа, свое дальнейшее развитие, она ставится на место его производительной силы в целом и превращается в некое особое качество, которое для своего подтверждения на деле нуждается во взаимодействии со всей фабрикой в качестве ее особой функции.

[IV—169] Так же как и А. Смит, Шторх смешивает оба типа разделения труда, с тою лишь разницей, что один из них выступает у него как крайнее выражение другого; один из них выступает у Шторха как *исходный пункт* для другого, что представляет собой некоторый шаг вперед.

«Разделение труда, начинаясь с обособления разнообразнейших профессий, идет вплоть до такого разделения, когда разделяются рабочие, занятые изготовлением одного и того же продукта, как это имеет место в мануфактуре» (Шторху следовало сказать не «продукта», а «товара». Также и при другом разделении труда различные индивиды работают над изготовлением одного и того же *продукта*) (*H. Storch*. Cours d'Economie Politique. Avec des notes etc. par J.-B. Say. Tome I. Paris, 1823, стр. 173).

«Еще недостаточно того, чтобы в обществе имелся капитал, необходимый для подразделения профессий; необходимо, кроме того, *чтобы капитал этот скопился в руках предпринимателей* в достаточно значительных количествах, позволяющих вести производство в крупном масштабе... По мере того как развивается разделение труда, неизменное число постоянно занятых рабочих требует все более значительных затрат капитала в виде орудий, сырых материалов и т. д. Увеличение числа рабочих с разделением труда. Все более значительный капитал в виде зданий и жизненных средств» (*Шторх*. Там же, стр. 250—251).

«Труд *объединен* всякий раз, когда разъединены различные занятия... Наибольшее *разделение труда* имеет место среди тех исключительно невежественных дикарей, которые никогда друг другу не помогают, которые работают отдельно друг от друга; а разделение занятий со всеми его великими результатами всецело зависит от *комбинации* труда, от его *кооперации*» (примечание *Уэйкфилда* в его издании: *A. Smith*. Wealth of Nations. Vol. I. London, 1836, стр. 24).

Это различие между разделением занятий и разделением труда — любимый конек Уэйкфилда. То, что он имеет в виду, это как раз и есть специально не подчеркивавшееся А. Смитом различие между разделением труда внутри общества и разделением труда внутри фабрики. У А. Смита виды занятий кооперируются друг с другом посредством обмена, и он не только знает то, что разумеется само собой, но и говорит определенно, что внутри отдельной мануфактуры разделение труда одновременно

является его комбинацией. Чтò у Уэйкфилда является подлинным шагом вперед, — и к этому мы еще вернемся позднее, — так это его догадка о том, что последний тип разделения труда [разделение труда внутри фабрики] представляет собой, на основе свободного буржуазного труда, форму, присущую капиталистическому способу производства, и поэтому возникает лишь при определенных общественных условиях.

У А. Смита обмен выступает как основа разделения труда, тогда как, наоборот, он является (но не обязательно должен быть) его результатом. Годскин правильно замечает, что разделение занятий, т. е. общественного труда, имеет место во всех странах и при всех политических устройствах. Первоначально оно существует в семье, где оно стихийно возникает из физиологических — половых и возрастных — различий. Разнообразие индивидуальных организаций, физических и умственных задатков становится новым источником разделения занятий. А затем вследствие различных природных условий, — различий в плодородии почв, в распределении водных и земельных ресурсов, гор и равнин, в климате, в географическом положении, в наличии полезных ископаемых, в особенностях земли и ее самородных даров, — сюда присоединяется разнообразие находимых в природе орудий труда, вызывающее разделение занятий между различными племенами, в обмене которых друг с другом мы вообще и должны искать первоначальное превращение продукта в товар (см. *Hodgskin, Th.* Popular Political Economy. London, 1827, гл. IV, V и VI). Там, где население находится в состоянии застоя, как, например, в [IV—170] Азии, там не развивается и разделение труда.

«Улучшенные способы связи, такие, как железные дороги, паровые суда, каналы и вообще все средства, которые облегчают сношения между отдаленными странами, приводят в отношении разделения труда к тем же самым результатам, как и реальное увеличение населения; они приводят к тому, что большее число работников общается друг с другом» и т. д. [*Годскин,* цит. соч., стр. 119] [Русский перевод, стр. 118].

Население и его рост — главная основа разделения труда.

«Когда возрастает число рабочих, ... производительная сила общества увеличивается пропорционально результату умножения этого роста на эффект разделения труда и увеличения знаний» (там же, стр. 120) [Русский перевод, стр. 118].

«Только при помощи добавочного капитала предприниматель в какой бы то ни было отрасли может... провести более целесообразное разделение труда между своими рабочими. Когда подлежащая выполнению работа состоит из нескольких операций, то для того чтобы поставить каждого рабочего на выполнение только одной из них, требуется гораздо больший капитал, чем в том случае, когда каждый рабочий переходит от одной

операции к другой» (*A. Smith.* Кн. II, гл. III, стр. 338—339) [Русский перевод, стр. 253].

«*Производительная сила одного и того же количества рабочих* может быть *увеличена* только в результате увеличения или усовершенствования машин и орудий, облегчающих и сокращающих труд, или же в результате более целесообразного разделения и распределения труда» (там же, стр. 338) [Русский перевод, стр. 253].

«Владелец капитала, нанимающий большое количество рабочих, всегда старается в своих выгодах установить такое надлежащее разделение и распределение работ, чтобы рабочие были в состоянии изготовить возможно больше предметов. С той же целью он старается снабдить их по возможности самыми лучшими орудиями. *И то, что имеет место среди рабочих отдельной мастерской, происходит по той же причине среди рабочих всего общества.* Чем значительнее их число, тем больше, естественно, они подразделяются на различные классы и виды занятий. Большее число умов занято изобретением наиболее подходящих орудий и машин для выполнения работы каждого, и поэтому тем вероятнее, что они будут изобретены» (*A. Smith.* Кн. I, гл. VIII, стр. 177—178) [Русский перевод, стр. 79].

Лемонте («Oeuvres complètes». Tome I. Paris, 1840, стр. 245 и следующие) в начале этого столетия остроумно интерпретировал рассуждение Фергюсона (в работе «Sur l'influence morale de la division du travail») [90].

«Общество, как целое, имеет с внутренним устройством фабрики ту общую черту, что и в нем тоже имеется свое разделение труда. Если мы возьмем за образец разделение труда на современной фабрике, чтобы применить его затем к целому обществу, то мы найдем, что общество, наилучшим образом организованное для производства богатств, бесспорно должно было бы иметь лишь одного главного предпринимателя, распределяющего между различными членами общественного коллектива их работу по заранее установленным правилам. Но в действительности дело обстоит совсем иначе. Тогда как внутри современной фабрики разделение труда регулируется до мелочей властью предпринимателя, современное общество для распределения труда не имеет других правил, другой власти, кроме свободной [IV—171] конкуренции» (*K. Marx.* Misère de la Philosophie. Paris, 1847, стр. 130).

«При патриархальном строе, при кастовом строе, при феодальном и цеховом строе разделение труда в целом обществе совершалось по определенным правилам... Что же касается разделения труда внутри мастерской, то при всех указанных выше формах общества оно было очень мало развито.

Можно даже установить в качестве общего правила, что, чем менее власть руководит разделением труда внутри общества, тем сильнее развивается разделение труда внутри мастерской и тем сильнее оно там подчиняется власти одного лица. Таким образом, по отношению к разделению труда власть в мастерской и власть в обществе *обратно пропорциональны* друг другу» (там же, стр. 130—131).

«Накопление и концентрация орудий производства и работников предшествовали развитию разделения труда внутри мастерской... Развитие разделения труда предполагает соединение работников в одной мастерской... Но коль скоро люди и орудия производства были соединены в одном месте, разделение труда в том виде, в каком оно существовало при

цеховом строе, неизбежно воспроизводилось и находило свое отражение внутри мастерской» (там же, стр. 132—133).

«Концентрация орудий производства и разделение труда так же неотделимы друг от друга, как в области политики неразлучны концентрация государственной власти и расхождение частных интересов» (там же, стр. 134) [91].

Итак, для применения разделения труда существуют следующие предпосылки:

1) *Конгломерация рабочих,* для чего необходима определенная плотность населения. Средства сообщения могут при этом в известной мере эту плотность возместить. *Сокращение населения страны* (ср. в XVIII веке). В редконаселенной стране такого рода конгломерация могла бы иметь место лишь в немногих пунктах. Однако конгломерация вызывается также и тем, что для земледелия требуется лишь небольшая плотность населения, основная же масса населения, будучи, стало быть, отделенной от земли, может скапливаться вокруг существующих в данное время средств производства, в местах нахождения капитала. Относительная плотность населения на одной стороне может быть вызвана относительной разреженностью на другой — даже при *данном* населении, существование которого первоначально еще связано с некапиталистическим способом производства. Таким образом, что̀ необходимо на первых порах, так это не увеличение населения, а увеличение исключительно промышленного населения, т. е. иное распределение населения. Первое условие для этого — уменьшение населения, непосредственно занятого производством пищевых продуктов, занятого в земледелии, отрыв людей от почвы, от матери-земли и, в результате этого, их высвобождение (free hands *, как говорит Стюарт [92]), их мобилизация. Отделение от земледелия связанных с ним работ и постепенное сведение занятых в земледелии рук до незначительного числа — главное условие развития разделения труда (и мануфактуры вообще), условие того, чтобы разделение труда выступало не в отдельных, разбросанных пунктах, а как господствующее явление. {Все это относится к разделу о *накоплении.*}

То же самое население, иначе распределенное, требует не большего запаса жизненных средств, а лишь иного их распределения. Капиталист, применяющий разделение труда и нанимающий поэтому большее число собранных в одном пункте рабочих, выплачивает бо̀льшие суммы заработной платы, чем мастера-ремесленники, нуждается в большем переменном капитале, который в конечном счете сводится к жизненным средст-

* — «свободные руки». *Ред.*

вам; но для этого требуется, чтобы та же самая заработная плата, которая раньше выплачивалась сотней мастеров-ремесленников, [IV—172] теперь выплачивалась одним лицом. Требуется, следовательно, лишь бо̀льшая концентрация — в меньшем количестве рук — переменного капитала, а также жизненных средств, на которые обменивается эта заработная плата. Здесь требуется не *рост*, а только *концентрация* указанных частей капитала; точно так же как требуется не большее население, а бо̀льшая конгломерация населения под командованием одного и того же капитала.

2) *Концентрация орудий труда. Разделение труда ведет к дифференциации и тем самым к упрощению орудий, служащих в качестве средств труда;* а поэтому также и к усовершенствованию этих орудий. Но при разделении труда средство труда попрежнему остается таким орудием труда, таким инструментом, применение которого зависит от индивидуального мастерства отдельного рабочего; орудие труда остается здесь проводником индивидуального умения рабочего, является в действительности искусственным органом, присоединенным к его естественному органу. Для того же самого числа рабочих [в условиях простого разделения труда] требуются более разнообразные орудия, а не большее количество этих орудий. В той мере, в какой фабрика представляет собой конгломерацию рабочих, она предполагает также и конгломерацию орудий. Но во всяком случае эта часть постоянного капитала возрастает лишь в той пропорции, в какой возрастает затрачиваемый на заработную плату переменный капитал, или одновременно занятое тем же самым капиталом число рабочих.

В качестве вновь добавившейся части постоянного капитала могут рассматриваться другие условия труда, в особенности жилые помещения, здания, так как до появления мануфактуры мастерская еще не обрела отдельного от частного дома существования.

За этим исключением, происходит бо̀льшая концентрация состоящей из средств труда части капитала; не обязателен рост этого капитала, и отнюдь не обязателен его относительный рост по сравнению с той его составной частью, которая затрачивается на заработную плату.

3) *Увеличение сырого материала.* Затрачиваемая на сырой материал часть капитала возрастает *абсолютно* по сравнению с частью, затрачиваемой на заработную плату, так как то же самое количество сырого материала поглощает меньшее количество рабочего времени, или то же самое количество рабочего времени овеществляется в большем количестве сырого материала.

Однако *первоначально* это может иметь место также и без абсолютного увеличения сырого материала в какой-либо стране. То же самое количество имеющегося в какой-либо стране сырого материала может поглотить меньше труда, иными словами, в масштабе всей страны меньшее число рабочих может быть занято обработкой этого сырого материала, его превращением в новый продукт, несмотря на то, что это число рабочих, вместо того чтобы, как это было раньше, быть рассеянным на большом пространстве, сосредоточено более или менее значительными группами в отдельных пунктах под командованием отдельных капиталистов.

Таким образом, вообще говоря, для *мануфактуры,* т. е. для фабрики, основанной на разделении труда, не требуется ничего, кроме иного распределения различных составных частей капитала, ничего, кроме концентрации вместо рассеяния. В форме рассеяния эти условия труда еще не существуют как капитал, хотя они и существуют как материальные составные части капитала, точно так же как уже существует работающая часть населения, хотя еще не в качестве наемных рабочих или пролетариев.

Мануфактура (в отличие от механической мастерской, или фабрики) представляет собой специфический, соответствующий разделению труда способ производства или форму промышленности. Самостоятельно, как *наиболее развитая* [для определенной исторической эпохи] форма капиталистического способа производства мануфактура предшествует изобретению собственно системы машин, хотя она уже применяет машины, вообще — основной капитал.

[IV—173] У Петти и у цитировавшегося выше апологета ост-индской торговли (стало быть, у писателей нового времени) в отношении разделения труда с самого начала характерно то, что удешевление товара — уменьшение количества труда, общественно необходимого для производства определенного товара — является основной точкой зрения. У Петти оно упоминается в связи с внешней торговлей. У «ост-индца» — прямо как средство побить конкурентов на мировом рынке, поскольку саму мировую торговлю он трактует как средство достижения того же результата за меньшее количество рабочего времени.

А. Смит в первой главе первой книги, там, где он ex professo * рассматривает разделение труда, в конце главы говорит о том, как исключительно многообразны встречающиеся в различных странах или сосуществующие в какой-либо одной «циви-

* — специально. *Ред.*

лизованной стране» (т. е. там, где продукт повсеместно принимает форму товара) те виды труда, которые сотрудничают, например, для того, чтобы обеспечить обстановкой, одеждой, домашней утварью простого рабочего.

«Взгляните», говорится в конце этой главы, «на домашнюю обстановку простого ремесленника или поденщика цивилизованной и процветающей страны, и вы увидите, что невозможно даже перечислить количество людей, труд которых, в той или другой степени, был затрачен на снабжение их всем необходимым. Шерстяная куртка, например, которую носит поденный рабочий, как бы груба и проста она ни была, представляет собою продукт совокупного труда огромного количества рабочих» и т. д.

А. Смит заканчивает это рассуждение следующими словами:

«Может оказаться, что обстановка какого-нибудь европейского государя не всегда настолько превосходит обстановку трудолюбивого и бережливого крестьянина, насколько обстановка последнего превосходит обстановку какого-либо царька, абсолютного владыки жизни и свободы десятков тысяч нагих дикарей» [*А. Смит.* Цит. соч., стр. 25, 28] [Русский перевод, стр. 25, 26].

Все это место и манера рассуждения заимствованы из работы *Мандевиля* «The Fable of the Bees», впервые опубликованной в 1705 г. в виде поэмы. В 1729 г. вышел в свет второй том, состоящий из шести диалогов (в прозе). В 1714 г. Мандевиль добавил к своей поэме примечания в прозе, составляющие бо̀льшую часть первого тома этого произведения, каким мы знаем его теперь. Там говорится между прочим:

«Если мы проследим историю наиболее процветающих народов вплоть до ее истоков, мы обнаружим, что в самом отдаленном прошлом всякого общества наиболее богатые и наиболее значительные среди людей были в течение долгого времени лишены большого количества жизненных удобств, которыми теперь пользуются самые захудалые и самые несчастные бедняки; так что многие вещи, которые раньше считались предметами роскоши, теперь доступны даже тем, кто до такой степени беден, что становится объектом общественной благотворительности... Человека, который усмотрел бы роскошь в обычной одежде бедняка, состоящей из грубошерстной сельской поддевки и грубой рубашки под ней, подняли бы на смех; а ведь сколько людей, сколько различных профессий и какое разнообразие мастерства и орудий труда требуется для того, чтобы получить самую обыкновенную йоркширскую ткань» и т. д. (*примечание* «Р» к первому тому издания 1724 г., стр. 181—183).

«Какая суматоха должна быть поднята в различных частях света для того, чтобы могла быть произведена нарядная малиновая или алая ткань; какое множество профессий и ремесленников должно быть для этого использовано! Не только те из них, относительно которых это ясно само собой, — такие, как чесальщики, прядильщики, ткачи, суконщики, мойщики, красильщики, установщики, рисовальщики, упаковщики, но также и такие, которые, казалось бы, весьма далеки от этого дела и совершенно чужды ему, такие, как слесарь-монтер, лудильщик, химик, и все-таки все они столь же необходимы здесь, как и большое число других

ремесел, производящих [IV—174] орудия, инструменты и другие принадлежности, относящиеся к названным выше профессиям». Затем Мандевиль переходит к той роли, какую здесь играет морское судоходство, чужеземные страны, одним словом — мировой рынок («Исследование природы общества», приложение ко второму изданию [1723 г.], стр. 411—413).

В этом перечислении различных профессий на самом деле заключается лишь следующее: когда *товар* становится всеобщей формой продукта, или когда производство осуществляется на основе меновой стоимости и, следовательно, обмена товаров, тогда, во-первых, производство каждого индивида становится односторонним, в то время как его потребности многосторонни. Таким образом, необходимо содействие бесконечно большого числа самостоятельных отраслей труда, для того чтобы удовлетворить даже самые простейшие потребности индивида. Во-вторых: весь круг предметных условий, требующихся для производства одного-единственного товара: сырье, орудия, вспомогательные материалы и т. д. — входит в его производство в качестве *товаров;* производство любого товара обусловлено куплей и продажей этих, производимых независимо друг от друга элементарных составных частей товара. Отдельные элементы, требующиеся для производства какого-либо товара, существуют как товары уже до этого и, следовательно, с самого начала входят в эту отдельную отрасль производства из вне как товары, опосредствованные обращением. Это имеет место в тем большей мере, чем больше *товар* становится всеобщей элементарной формой богатства,чем больше производство перестает быть производством непосредственной составной части собственных средств существования индивида и становится trade *, как говорит Стюарт [93], чем больше, следовательно, товар перестает быть формой определенной части продукции индивида, части, выходящей за пределы его потребности, для него избыточной и поэтому им продаваемой. Здесь базисом являются еще продукт как таковой и производство для удовлетворения собственных нужд в жизненных средствах. Товарное производство здесь еще базируется на основе такого производства, главный продукт которого еще не становится товаром и при котором сами средства существования еще не зависят от продажи. Здесь еще нет такого положения, при котором производитель, если он не производит *товар,* вообще не производит *ничего;* быть *товаром* еще не стало всеобщей, элементарной, необходимой формой продукта, которая вообще делает этот продукт элементом буржуазного богатства. Это различие обнаруживается разительным образом, если

* — «коммерческим предприятием». *Ред.*

сравнить крупное современное земледелие с таким земледелием, в котором базисом еще является производство для поддержания собственного существования и которое само создает бо́льшую часть условий своего производства, так что эти условия производства не входят в него в качестве товарных масс, опосредствованных обращением.

Следовательно, указанная точка зрения Мандевиля и других в действительности содержит в себе только то, что всеобщей элементарной формой буржуазного богатства является *товар;* что для производителя решающим моментом является уже не потребительная стоимость, а исключительно меновая стоимость продукта, что потребительная стоимость для него — это всего лишь носитель меновой стоимости; что в действительности он должен производить не просто определенный продукт, а деньги. Подобная предпосылка, — что продукт повсеместно производится как товар и поэтому опосредствуется условиями своего собственного производства в качестве товара, опосредствуется обращением, в которое входят эти условия производства, — предполагает всестороннее разделение общественного труда, или превращение друг друга обусловливающих и дополняющих видов труда в независимые, опосредствованные только обращением товаров (куплей и продажей) отрасли труда. Иначе говоря, одно равнозначно другому, так как всеобщее противостояние продуктов в качестве товаров предполагает противостояние производящих их деятельностей. [................................] *. Подобная точка зрения, следовательно, исторически важна. [. . . . .] *.

[V—175] Напротив, на более высокой ступени развития буржуазного общества, которую уже застал А. Смит, простое воспроизведение им этих размышлений Мандевиля, Харриса и других не лишено примеси педантичного ребячества; в особенности такого рода трактовка вопроса Смитом доказывает, что у него нет ясного и определенного понимания разделения труда как специфически капиталистического способа производства; точно так же как, с другой стороны, то чрезвычайное значение, которое он придает разделению труда в мануфактуре, показывает, что в его время современная фабрика находилась еще в стадии возникновения. *Юр* по этому поводу справедливо замечает:

«Когда А. Смит писал свой бессмертный труд о началах политической экономии, автоматическая система в промышленности была почти неизвестна. Разделение труда с полным основанием представлялось ему великим принципом усовершенствования мануфактуры... Но то, что могло

* Здесь рукопись повреждена. *Ред.*

служить полезным примером во времена доктора Смита, в наши дни годилось бы только для того, чтобы ввести публику в заблуждение относительно действительного принципа современной промышленности... Схоластическая догма разделения труда по различным степеням квалификации была, наконец, отброшена нашими просвещенными промышленниками» (*A. Ure.* Philosophie des Manufactures. Tome I. Paris, 1836, гл. I [стр. 27, 28, 35]. Впервые эта книга вышла в свет в 1835 году) [94].

Это место убедительно показывает, что разделение труда, о котором здесь говорится и о котором, собственно, в действительности идет речь также и у А. Смита, представляет собой не всеобщую категорию, присущую большинству самых разнообразных общественных укладов, а является вполне определенным историческим способом производства, соответствующим определенной исторической ступени развития капитала; способом производства, который даже, в той единственно господствующей и преобладающей форме, в которой он выступает у А. Смита, принадлежал к уже преодоленной и пройденной в его время ступени развития капиталистического производства. [V—175]

* * *

[V—179] *К началу страницы 175-й.* Для такой ступени развития общества, напротив, интереснее рассмотреть по контрасту те условия, при которых отдельная семья сама непосредственно удовлетворяет почти все свои потребности, как, например, об этом сказано у *Дагалда Стюарта* на стр. 327—328 цитированной выше работы:

«В некоторых районах горной Шотландии еще немного лет тому назад каждый крестьянин, согласно *статистическому отчету,* изготовлял свои башмаки из кожи, выделанной им самим. Многие пастухи и крестьяне, со своими женами и детьми, появлялись в церкви в одежде, которой не касались ничьи руки, кроме их собственных, так как для получения этой одежды они стригли собственных овец и сеяли лен на своих полях. Следует добавить, что при изготовлении этих вещей едва ли пользовались каким-либо купленным предметом, за исключением разве шила, иглы, наперстка и очень немногих деталей металлических инструментов, употребляемых в ткачестве. Краски также добывались главным образом женщинами из деревьев, кустарников и трав» (*D. Stewart.* Lectures on Political Economy. Vol. I. In: The Collected Works of D. Stewart. Edited by Sir W. Hamilton. Vol. VIII. Edinburgh, 1855). [V—179]

* * *

[V—175] Юр в приведенном выше месте говорит:

«Он» (А. Смит), «таким образом, приходит к заключению, что к *каждой из этих операций* можно естественным образом приспособить рабочего, заработок которого соответствует его квалификации. В этом *приспособлении* и заключается сущность разделения труда» [там же, стр. 28].

Итак, прежде всего имеет место *приспособление* рабочего к определенной операции, его подчинение ей. Отныне он принадлежит этой операции, которая становится исключительно функцией его рабочей силы, сведенной к некоей абстракции.

Таким образом, во-первых, рабочая сила *приспособлена* к данной особой операции. Но так как, во-вторых, базисом самой операции остается человеческое тело, то получается, что это приспособление становится вместе с тем, как говорит Юр,

«распределением различных работ между различными индивидуальными способностями или, вернее, *адаптацией различных работ* к различным индивидуальным способностям» [там же, стр. 28].

Иными словами, разделение и распределение самих операций происходит с учетом природных и приобретенных способностей рабочего. Это не разложение процесса производства на его механические элементы, [V—176] а разложение его с учетом того, что эти отдельные операции должны выполняться как функции человеческой рабочей силы.

* * *

Ж. Гарнье, в томе примечаний, который он добавляет к своему переводу работы А. Смита, в первом примечании к главе А. Смита о разделении труда высказывается против народного образования, которое противоречило бы разделению труда и вело бы к осуждению

«всей нашей общественной системы» (*А. Смит*. Цит. соч., том V, стр. 2).

Некоторые из замечаний Гарнье здесь стоит отметить.

«Труд, производящий пищу, одежду и кров для всего населения данной страны, представляет собой бремя, наложенное на общество в целом, которое оно, однако, обязательно *перекладывает* лишь на какую-то часть своих членов» (там же).

И чем больше промышленный прогресс общества, тем более возрастают его материальные потребности,

«и тем больше, следовательно, будет затрачено труда, для того чтобы их» (жизненные средства вообще) «производить, приготовлять и доставлять к потребителям. *В то же время*, однако, — *и как следствие того же самого прогресса — класс* людей, свободных от этих видов физического труда, увеличивается по отношению к другому классу. Последнему приходится, таким образом, одновременно и снабжать всем необходимым большее число людей, и доставлять каждому из них более обильные и более обработанные предметы потребления. Вместе с тем, по мере того как общество преуспевает, т. е. развивает свою промышленность, торговлю, увеличивает численность своего населения и т. д., ... у человека, обреченного на работу

в какой-нибудь механической профессии, *остается все меньше времени для досуга.* Чем больше обогащается общество, тем бо́льшую стоимость имеет *время рабочего»* (вернее, тем бо́льшую стоимость оно представляет собою)... «Итак, чем дальше общество шагнет вперед к состоянию блеска и могущества, *тем меньше у рабочего класса будет времени для учебы, умственного труда и размышлений»* (там же, стр. 2—4).

Это означает, что свободное время общества основывается на поглощении времени рабочего его вынужденным трудом и что таким образом рабочий утрачивает пространство, необходимое для духовного развития, ибо этим пространством является время [95].

«С другой стороны, *чем меньше в распоряжении рабочего класса имеется времени, чтобы использовать его для научных занятий, тем больше этого времени остается для другого класса.* Если люди из этого последнего класса в состоянии систематически и усердно предаваться философским размышлениям или литературному творчеству, то только потому, что они свободны от всяких забот о производстве, переработке и транспортировке предметов их повседневного потребления, а это происходит потому, что другие взвалили на себя все заботы об этих механических операциях. Как и все виды разделения труда, тот вид, который относится к разделению труда на труд чисто механический и труд интеллектуальный, проявляется сильнее и резче по мере того, как общество продвигается к состоянию большего изобилия. Этот вид разделения труда, как и все прочие, есть результат предшествовавшего прогресса и причина прогресса грядущего... Должно ли правительство стараться препятствовать этому разделению [V—177] труда и замедлять его естественный ход? Должно ли оно тратить часть общественного дохода на то, чтобы попытаться слить воедино и перемешать два трудовых класса, которые сами собой стремятся к разделению?» (там же, стр. 4, 5).

Масса продукции растет по мере того, как увеличивается производительность труда при том же самом числе рабочих и в то же время возрастают продолжительность и интенсивность рабочего времени. При подобном предположении дальнейший рост массы продукции обусловлен ростом или умножением численности наемных рабочих по отношению к капиталу. Численность рабочих отчасти увеличивается непосредственно капиталом — вследствие того, что прежде самостоятельные ремесленники и т. д. подчиняются капиталистическому способу производства и тем самым превращаются в наемных рабочих, а также вследствие того, что введение машин и т. д. вызывает превращение женщин и детей в наемных рабочих. Тем самым численность рабочих относительно увеличивается, хотя совокупное население остается тем же. Но капитал создает также и абсолютное увеличение численности населения, в первую очередь рабочего класса. Абсолютно — и тем самым независимо от только что упомянутых операций — население может возрастать лишь в том случае, если не только рождается больше детей, но и больше

их вырастает, достигает работоспособного возраста. Развитие производительных сил при господстве капитала увеличивает массу ежегодно производимых жизненных средств и удешевляет их в такой мере, что *средняя заработная плата* может вычисляться на основе большего масштаба воспроизводства рабочих, хотя стоимость заработной платы снижается, представляя собой меньшее количество материализованного рабочего времени (если только величина стоимости заработной платы уменьшается не совсем в той же самой пропорции, в какой возрастает производительная сила труда). Снижается также и жизненный уровень.

С другой стороны, те жизненные условия, в которые капитал ставит рабочий класс, — скученность, отстранение от всяких других наслаждений жизни, полная бесперспективность насчет достижения более высокого общественного положения и поддержания известной благопристойности, бессодержательность всей его жизни, смешение полов на фабрике, одиночество самого рабочего, — все это толкает рабочих к преждевременным бракам. Сокращение и почти полная отмена времени, необходимого для обучения, ранний возраст, в котором дети сами могут выступать в качестве производителей, следовательно, сокращение того времени, в течение которого их должны кормить родители, увеличивает стимул к ускоренному производству людей. Если средний возраст поколения рабочих и снижается, то на рынке труда всегда имеется избыточная и постоянно возрастающая масса людей из поколения с коротким сроком жизни, а это все, что требуется капиталистическому производству.

С одной стороны, можно, следовательно, сказать (см. *Колена* и др.), что страна тем богаче, чем больше в ней насчитывается пролетариев [96], и что рост богатства проявляется в росте бедности. С другой стороны, *относительно возрастает* число людей, не зависящих от ручного труда, и хотя масса рабочих возрастает, в той же пропорции возрастает также и численность тех общественных слоев, материально обеспечивать которые приходится рабочим (*Колен, Сисмонди* и др.). Возрастающая производительность капитала непосредственно выражается в возрастающей массе присваиваемого им прибавочного труда, или в возрастающей массе прибыли, которая представляет собой массу стоимости. Эта масса стоимости не только является возрастающей величиной, но та же самая величина стоимости воплощается в несравненно большей массе потребительных стоимостей.

Таким образом, возрастает доход общества (мы здесь не говорим о заработной плате), та его часть, которая не [V—178]

превращается обратно в капитал, а вместе с тем возрастает и та субстанция, за счет которой живет общественный слой, не принимающий непосредственно участия в материальном производстве. Вместе с тем возрастает и та часть общества, которая занята науками; точно так же как и численность тех, кто занят в сфере обращения (торговлей, денежными операциями), а также праздношатающихся, которые только потребляют. То же самое относится к *прислуживающей части* населения. Например, в Англии она составляет один миллион человек, т. е. больше чем все рабочие, непосредственно занятые на прядильных и ткацких фабриках [97]. При выделении буржуазного общества из феодального эта часть населения значительно уменьшается. На более развитой ступени буржуазного общества это добровольное рабство (см. у *Кенэ* о прислуге) опять необычайно возрастает вместе с ростом роскоши, богатства и выставления богатства напоказ. И эту банду, отделившуюся от самого̀ рабочего класса, он должен кормить и на нее работать, так как сама она в материальном производстве непосредственно не участвует (так же как и армии). [V—178]

[V—179] *К стр. 178-й.*

Хотя численность рабочих абсолютно растет, но относительно она убывает, не только по отношению к постоянному капиталу, поглощающему труд рабочих, но также и по отношению к той части общества, которая не имеет непосредственного отношения к материальному производству или вообще не занята ни в каком производстве.

«На всякой ступени развития общества по мере того, как увеличение народонаселения и усовершенствование технических приспособлений повышают производительность труда отдельного человека, число тех, кто работает, постепенно уменьшается... Собственность вырастает из усовершенствования средств производства; *ее единственное назначение, это — поощрение праздности*. Когда труда каждого человека едва хватает на его собственное содержание, то не будет праздных людей, так как собственность» {капитал} «при таком положении вещей невозможна. Если труд одного человека может содержать пятерых, тогда на одного занятого в производстве человека будет приходиться четыре праздных человека: ведь только таким образом возможно потребить продукт... Стремление общества направлено к тому, чтобы возвеличить праздных людей за счет трудолюбивых, создать силу из изобилия... Труд, который производит, порождает собственность: то, что помогает потреблению, является его, труда, детищем... *Увеличение собственности, увеличение возможности содержать праздных людей и непроизводительный труд — вот что политическая экономия называет капиталом*» (*Piercy Ravenstone, M. A*. Thoughts on the Funding System, and its Effects. London, 1824, стр. 11—13).

«Чем малочисленнее эксплуатирующая часть населения, тем менее она в тягость тем, которых она эксплуатирует» (*Colins*. L'Economie Politique. Source des Révolutions et des Utopies Prétendues Socialistes, Prolétaires et Bourgeois, Tome I. Paris, 1856, стр. 69).

«Если под социальным прогрессом в дурную сторону понимать увеличение бедности как следствие большей численности эксплуатирующего класса и меньшей численности эксплуатируемого класса, то начиная с XV и вплоть до XIX века совершался социальный прогресс в дурную сторону» (там же, стр. 70—71). [V—179]

[V—178] Об отделении науки в той мере, в какой она имеет отношение к самому труду, от этого труда — науки, применением которой стали промышленность и земледелие, — от промышленных и земледельческих рабочих следует сказать в разделе о машинах. (Вообще же, все эти рассуждения относятся к заключительной главе о капитале и труде [98].)

Средневековый мастер есть в то же время и ремесленник, который сам работает. Он мастер в своем ремесле. В мануфактуре, основывающейся на разделении труда, этого уже нет. Помимо торговых операций, которые капиталист осуществляет в качестве покупателя и продавца товаров, деятельность капитала состоит в использовании всех средств для того, чтобы как можно больше эксплуатировать труд, т. е. чтобы сделать его как можно более производительным.

«Класс капиталистов сначала отчасти, а в конце концов и *совершенно освобождается от необходимости физического труда*. Их интерес требует, чтобы *производительная сила применяемых ими рабочих* была возможно более велика. Поэтому их внимание направлено, и притом почти исключительно, на *увеличение этой производительной силы*. Мысль все больше и больше нацеливается на изыскание наилучших средств для достижения всех целей человеческого труда; знания расширяются, увеличивают сферу своего применения и содействуют труду» (*Richard Jones*. Text-book of Lectures on the Political Economy of Nations. Hertford, 1852. Lecture III, стр. 39) [Русский перевод, стр. 316].

«Предприниматель всегда будет стараться экономить время и труд» (*Dugald Stewart*. Lectures on Political Economy. In: The Collected Works of D. Stewart. Edited by Sir W. Hamilton. Vol. VIII. Edinburgh, 1855, стр. 318).

«Эти спекулянты *так экономят на труде рабочих*, который они должны были бы оплачивать» (*J. N. Bidaut*. Du Monopole qui s'établit dans les Arts Industriels et le Commerce. Paris, 1828, стр. 13).

«*Численный рост рабочих* был велик вследствие усилившейся замены труда мужчин трудом женщин, и особенно — труда взрослых трудом детей. Три девочки 13-летнего возраста с заработной платой от 6 до 8 шилл. в неделю повсеместно заменяют одного мужчину зрелого возраста, заработная плата которого колеблется от 18 до 45 шиллингов» (*Th. De Quincey*. The Logic of Political Economy. Edinburgh and London, 1844, примечание к стр. 147). [V—179]

[V—179] «Экономия на издержках производства не может быть чем-либо иным, как только экономией на количестве труда, употребляемого на производство» (*Sismondi*. Etudes sur l'économie politique. Tome I. Bruxelles, 1837, стр. 22).

[V—180] Относительно роста капитала, который служит предпосылкой для разделения труда, вместе с тем увеличи-

вающего *число применяемых рабочих,* А. Смит замечает следующее:

«По мере того как труд продолжает подразделяться, количество материала, которое может переработать одно и то же число лиц, увеличивается в очень большой степени; а так как труд каждого рабочего постепенно становится все более простым, то в результате изобретают множество новых машин для облегчения и сокращения этого труда».

(Странная логика. Так как труд во все большей степени сводится к простому труду, изобретают машины, для того чтобы его облегчить и сократить. Следовательно, машины изобретают потому, что труд облегчен и сокращен разделением труда! Надо было сказать: упрощаются и дифференцируются орудия, из сочетания которых впоследствии возникает машина.)

«Стало быть, по мере развития разделения труда, для того чтобы было постоянно занято то же самое число рабочих, необходимо предварительно накопить такое же количество жизненных средств и больший запас материалов и орудий, чем тот, который был бы необходим в менее развитых условиях. *Однако численность рабочих, вообще говоря, увеличивается в каждой отрасли труда* одновременно с расширением разделения труда, *или, вернее, именно увеличение численности рабочих позволяет им классифицироваться и подразделяться подобным образом»* (*Смит.* Цит. соч., том II, стр. 193—194; введение к книге II) [Русский перевод, стр. 203—204].

Там же А. Смит изображает нам капиталиста, постоянно стремящегося к повышению производительной силы труда. Здесь накопление капитала служит предпосылкой разделения труда и машин (так как разделение труда и машины выступают в качестве капиталистического способа производства) и наоборот, накопление есть результат указанного роста производительных сил. В цитируемом месте Смит говорит следующее:

«В той же мере, в какой труд не может достигнуть этого крупного расширения производительной силы без предварительного накопления капиталов, само накопление капиталов естественным образом приводит к такому расширению. Человек, употребляющий свой капитал на наем рабочего, непременно старается применить его таким образом, чтобы он выполнял максимально возможный объем работы. Поэтому он одновременно постарается установить среди своих рабочих наиболее подходящее разделение труда и снабдить их наилучшими машинами, какие он в состоянии изобрести или достать. Средства для успешного достижения этих двух целей обычно пропорциональны размеру его капитала или количеству рабочих, которое этот капитал может нанять. Таким образом, по мере возрастания *капитала, приводящего в действие труд,* не только увеличивается *количество труда* в стране, но, кроме того, в результате этого возрастания капитала, при том же количестве труда производится значительно больший объем работы» (там же, стр. 194—195) [Русский перевод, стр. 204].

[V—181] «Не более одной четверти всего нашего населения доставляет все то, что потребляется нами всеми» (*Th. Hodgskin.* Popular Political Economy. London, 1827, стр. 14) [Русский перевод, стр. 53].

«Скаредная экономия, с беспокойством следящая за ним» (за рабочим), «осыпает его упреками при малейшем перерыве, который он готов себе позволить, и если он предается минутному отдыху, начинает утверждать, что он ее обкрадывает» (*Linguet*. Théorie des Loix Civiles. Tome II. Londres, 1767, стр. 466).

О последствиях (вредных) разделения труда А. Смит в 1 главе I книги, где он специально рассматривает вопрос о разделении труда, упоминает лишь вскользь; напротив, в V книге, трактующей о государственных доходах, он высказывается о них откровенно в духе Фергюсона. Там говорится (кн. V, гл. 1, отдел III, статья II):

«С развитием *разделения труда* занятия большинства тех, кто живет своим трудом, т. е. основной массы народа ограничиваются весьма небольшим числом простых операций, очень часто одной или двумя. Но умственные способности большинства людей по необходимости складываются в соответствии с их обычными занятиями. Человеку, вся жизнь которого проходит в выполнении немногих простых операций, результаты которых при этом также, быть может, всегда одни и те же или почти одни и те же, не предоставлены условия ни для его умственного развития, ни для тренировки своего воображения в поисках средств, необходимых для устранения затруднений, которых он никогда не встречает. Поэтому он, естественно, теряет навыки к развитию и тренировке своих способностей; он тупеет и становится настолько невежественным, насколько это только может произойти с человеческим существом. Притупление его нравственных качеств... однообразие его неподвижного образа жизни, естественно, портит его характер и подавляет его порывы... Оно даже ослабляет деятельность его тела, которое становится неспособным напрягать свои силы сколько-нибудь продолжительное время для какого-либо иного занятия, кроме того, к которому он приучен. Таким образом, его ловкость и умение в своей специальной профессии представляются приобретенными за счет его умственных, социальных и военных качеств. Но именно в таком состоянии неизбежно должны оказаться трудящиеся бедняки, т. е. главная масса народа в каждом развитом и цивилизованном обществе... Этого не бывает в обществе, которое принято называть *варварским:* в обществе охотничьем, пастушеском и даже земледельческом — на той низкой ступени земледелия, которая предшествует прогрессу мануфактурного производства и расширению внешней торговли. В этих обществах разнообразные занятия каждого индивида вынуждают его упражнять свои способности постоянными усилиями... Хотя [V—182] в первобытном обществе занятия каждого индивида не могут не быть весьма разнообразными, тем не менее в обществе в целом нет большого разнообразия занятий... Напротив, хотя в цивилизованном обществе существует мало разнообразия в занятиях большинства индивидов, в занятиях общества в целом существует почти бесконечное разнообразие» [*Смит*. Цит. соч., т. IV, стр. 181—184] [Русский перевод, стр. 556—558]. [V—182] [99]

[V—183] Что нас поражает в разделении труда, так же как и во всех формах капиталистического производства, — так это характер антагонизма.

[*Во-первых.*] При разделении труда *внутри* фабрики рабочие строго и закономерно распределены численно в определенных

пропорциях по отдельным операциям, как того требует производство в целом, продукт комбинированного труда. Напротив, если мы рассмотрим общество в целом, — общественное разделение труда, — то найдем слишком много производителей то в одной отрасли производства, то в другой. Конкуренция, посредством которой цена товара то поднимается выше его стоимости, то падает ниже ее, постоянно выравнивает указанную неравномерность и устраняет диспропорцию, но столь же постоянно и воспроизводит их. Именно движение товарных цен, опосредствованное конкуренцией и выступающее в качестве регулятора распределения массы производителей между определенными отраслями производства, вызывает постоянный отлив и прилив производителей в отдельных сферах производства — так называемый закон спроса и предложения, который, с одной стороны, определяет цены, а с другой стороны, сам определяется ими. Не вдаваясь здесь по данному вопросу в дальнейшие подробности, следует отметить, что различие между этим анархическим распределением внутри общества и упорядоченным, твердым распределением внутри фабрики само бросается в глаза.

Во-вторых. Внутри общества существует взаимная связь между различными отраслями производства, представляющими собой лишь различные производственные фазы, которые продукт должен пройти, для того чтобы получить свою законченную форму, свою последнюю форму, ту форму, в которой он, его потребительная стоимость являются завершенными, как, например, выращивание льна, льнопрядение, изготовление льняного полотна, так что эти отрасли в конечном счете кооперируются — посредством товарного обращения — для изготовления продукта. Лен выступает в качестве товара [V—184] для прядильщика, пряжа — в качестве товара для ткача. Купля и продажа товаров опосредствуют здесь ту взаимосвязь, которая существует — как внутренне присущая им необходимость — между этими, действующими независимо друг от друга отраслями производства. Разделение же труда внутри мануфактуры предполагает *непосредственную* комбинацию различных операций, создающих *один определенный* продукт. Товаром этот продукт становится лишь как результат этих комбинирующихся операций. Напротив, та часть продукта, которую создает каждая из указанных частичных операций, в товар не превращается. Кооперация опосредствуется здесь не тем путем, что продукт одного процесса производства с самого начала входит в другой процесс производства в качестве товара и таким образом разделенные между собой виды труда дополняют друг друга. Напротив, здесь предполагается *непосредственная* комбинация видов

труда, с тем чтобы их совместный продукт выступал на рынке как товар.

В-третьих.

{После относительной прибавочной стоимости следует рассмотреть абсолютную и относительную прибавочную стоимость в их сочетании. Затем — соотношения повышения и падения прибавочной стоимости. Вслед за этим или, напротив, перед этим — то изменение, которое претерпевает сам способ производства, когда он становится капиталистическим. Уже не просто формальное подчинение процесса труда капиталу. Различные средства, которыми капитал создает относительную прибавочную стоимость, которыми он увеличивает производительные силы и массу продуктов, все это — общественные формы труда, которые, однако, выступают, наоборот, как общественные формы капитала, как формы существования самого капитала внутри процесса производства. Таким образом, показывается не только то, как капитал производит, но и то, как он сам производится — его собственный генезис. Далее обнаруживается также, что та определенная форма общественных производственных отношений, посредством которой прошлый труд становится капиталом, соответствует определенной ступени развития процесса материального производства, определенным материальным, но в свою очередь лишь исторически созданным условиям производства, — условиям производства, исходные пункты которых относятся, естественно, к некоторой докапиталистической ступени общественного производства. Создание и развитие этих условий производства совпадают с генезисом самого капитала, до тех пор пока производство не начинает развиваться на уже созданном капиталистическом базисе, после чего указанные условия производства лишь распространяются вширь и воспроизводятся. В дальнейшем этот генезис капитала одновременно выступает как процесс отчуждения [Entäußerung, Entfremdung] труда, как превращение его собственных общественных форм в чуждые труду силы. Также и по тем размерам, которых требует капиталистическое производство, капитал выступает как общественная форма, а не как форма независимого отдельного труда. Затем следует показать то, в какой мере капитал производителен, и рассмотреть относящийся сюда вопрос о производительном и непроизводительном труде. Далее перед нами выступят заработная плата и прибавочная стоимость в качестве *дохода*, вообще форма *дохода*, которая нам необходима для перехода к накоплению капитала [100].}

Внутри фабрики различные операции систематически разделены в соответствии с планом, и различные рабочие прикреплены

к этим операциям по правилу, которое по отношению к ним выступает как принудительный, чуждый и навязанный им извне закон. Равным образом связь комбинированных видов труда, их единство по отношению к отдельному рабочему выступает как *воля,* как единоначалие, как командование и верховный надзор капиталиста, точно так же как собственная кооперация рабочих представляется им не как их деятельность, не как их собственное общественное существование, а как существование связывающего их воедино капитала, как форма существования [V—185] капитала в самом непосредственном процессе производства, в процессе труда. Напротив, внутри общества разделение труда кажется свободным, что означает здесь — *случайным,* хотя и связанным некоторой внутренней взаимозависимостью, которая, однако, представляется в одинаковой мере и продуктом обстоятельств, и продуктом произвола независимых друг от друга товаропроизводителей. Как ни существенно противостоит разделение труда в качестве специфически капиталистического способа производства, разделение труда внутри фабрики разделению труда в обществе как целом, — оба типа разделения труда взаимно обусловливают друг друга. В действительности это означает лишь то, что как крупная промышленность, так и свободная конкуренция являются взаимно обусловливающими друг друга формами капиталистического производства. Однако здесь нам следует избегать всяких ссылок на конкуренцию, так как она представляет собой действие капиталов друг на друга, следовательно, уже предполагает развернутую трактовку капитала вообще.

Товар как наиболее элементарная форма богатства составлял нашу исходную точку. Товар и деньги представляют собой элементарные формы бытия, формы существования капитала, но они превращаются в капитал лишь при определенных условиях. Образование капитала не может совершаться иначе, как на основе товарного производства и товарного обращения, следовательно, на основе уже данной и до определенной степени развившейся торговли, тогда как, наоборот, товарное производство и товарное обращение (включающее и денежное обращение) отнюдь не предполагают в качестве условия своего существования капиталистическое производство, напротив, они выступают по отношению к нему как необходимо данная историческая предпосылка. Но, с другой стороны, только на основе капиталистического производства товар впервые становится *всеобщей* формой продукта; только на этой основе каждый продукт должен принять форму товара, купля и продажа охватывают не только избыток продукции, но также и самое необхо-

димое для существования, а все различные условия производства сами вступают в процесс производства как товары, через посредство купли и продажи. Поэтому если, с одной стороны, товар выступает как предпосылка образования капитала, то, с другой стороны, *товар,* как *всеобщая* форма продукта, в такой же мере выступает по существу как продукт и результат капитала. При других способах производства продукты лишь частично принимают форму товара. Капитал же с необходимостью производит товар, производит свой продукт в качестве товара — или же он не производит ничего. Поэтому только с развитием капиталистического производства, т. е. только с развитием капитала, впервые осуществляются также и общие законы, сформулированные относительно товара, например, о том, что стоимость товара определяется содержащимся в нем общественно необходимым рабочим временем. Здесь обнаруживается то, каким образом категории, даже принадлежавшие прежним эпохам производства, на основе другого, отличного от прежних способа производства приобретают специфически отличный характер — исторический характер.

Превращение денег — которые сами являются лишь превращенной формой товара — в капитал совершается только тогда, когда рабочая сила (не рабочий) превращается в товар, когда, следовательно, категория товара уже с самого начала овладела целой сферой, в которую раньше ей не было доступа. Только после того как масса работающего населения перестает выступать на рынке как товаропроизводитель и вместо продукта труда начинает продавать самый труд или, вернее, свою рабочую силу, производство во всем своем объеме, во всей своей широте и глубине становится ***товарным производством,*** каждый продукт превращается в товар, и предметные условия каждой отдельной производственной сферы сами вступают в нее как товары. Только на основе капитала, капиталистического производства товар действительно становится всеобщей элементарной формой богатства. Но в этом уже заложено то, [V—186] что развитие разделения труда в обществе, где оно проявляется в случайной форме, и капиталистическое разделение труда внутри фабрики взаимно обусловливают и создают друг друга.

То обстоятельство, что производитель производит только товар, т. е. что потребительная стоимость продукта существует для него лишь как средство обмена, — этот факт означает, что осуществляемое им производство целиком базируется на общественном разделении труда и что, следовательно, своим производством он удовлетворяет лишь одну какую-нибудь совершенно одностороннюю потребность. Однако, с другой стороны, это

всеобщее производство продуктов в качестве товаров совершается только на основе капиталистического производства и по мере расширения последнего. Если, например, капитал еще не овладел земледелием, то значительная часть продукта еще непосредственно будет производиться как средство существования, а не в качестве товара; значительная часть работающего населения еще не будет превращена в наемных рабочих и значительная часть условий труда еще не превратится в капитал.

Капиталистическое производство, а стало быть, регламентированное разделение труда внутри фабрики непосредственно увеличивает свободное разделение труда внутри общества (совершенно независимо от обусловленного массовым производством расширения сферы обмена, мирового рынка), — тем, что оно делает труд определенного числа рабочих более эффективным, следовательно, постоянно высвобождает некоторую часть рабочей силы для новых видов труда и тем самым одновременно развивает дотоле скрытые или не существовавшие потребности и виды труда для удовлетворения этих потребностей. Это достигается также и увеличением населения, удешевлением жизненных средств, необходимых для воспроизводства и возрастания количества рабочей силы; точно так же тем, что прибавочная стоимость, часть которой становится доходом, стремится теперь реализоваться в разнообразнейших потребительных стоимостях.

Там, где *товар* является господствующей формой продукта, а индивиды, для того чтобы вообще что-нибудь производить, должны производить не просто продукты, потребительные стоимости, средства существования, где потребительная стоимость товара служит для них, напротив, лишь вещественным носителем меновой стоимости, средством обмена, потенциальными деньгами; следовательно, там, где индивиды должны производить *товар,* их отношение друг к другу — коль скоро рассматривается вещественный обмен их деятельностями, вообще отношение между ними в сфере производства — представляет собой отношение *товаровладельцев.* Но подобно тому как товар получает свое развитие только в товарообмене, т. е. в товарном обращении, так и товаровладелец получает свое развитие в характерных чертах продавца и покупателя. Продажа и купля, сначала превращение продукта в товар, затем превращение товара в деньги и метаморфоз товара, в котором он последовательно выступает как товар, деньги, снова товар, — это такие движения, посредством которых производство независимых друг от друга индивидов становится *общественным.* Эта *общественная* форма их продукта и их производства, т. е. то общественное

отношение, в которое вступают товаропроизводители как таковые, как раз и есть лишь превращение их продукта в *товар* и *деньги,* а те акты и движения, в которых продукт попеременно принимает эти различные определения, представляют собой продажу и куплю.

Таким образом, какова бы ни была внутренняя, необходимая связь, проистекающая из природы потребностей товаровладельцев и из самого вида деятельностей, производящих различные потребительные стоимости, связь, объединяющая различные потребительные стоимости, а потому и различные виды производящего их и заключенного в них труда, в одно целое, в совокупность, в систему деятельностей и богатства; в каком бы смысле потребительная стоимость одного товара в качестве средства потребления или средства производства ни являлась потребительной стоимостью для другого товаровладельца, — то *общественное* отношение, в которое вступают товаровладельцы, есть превращение их продукта в товар и в деньги и движение, в котором они противостоят друг другу как носители метаморфоза товаров. [V—187] Поэтому, если то обстоятельство, что продукты существуют друг для друга как товары, а индивиды — как товаровладельцы и, в дальнейшем развитии, как продавцы и покупатели, уже само по себе предполагает общественное разделение труда, так как без него индивиды производили бы не товары, а непосредственно потребительные стоимости, средства существования для самих себя, — то оно предполагает, далее, некоторое определенное разделение общественного труда, а именно, такое разделение, которое *формально* является абсолютно случайным и предоставляется свободному усмотрению и образу действий товаропроизводителей.

В той мере, в какой эта свобода ограничена, она ограничена не государственным или каким-либо другим внешним воздействием, а теми условиями существования, теми характерными особенностями, которые делают товар товаром. Товар должен иметь потребительную стоимость для общества, т. е. для покупателей; следовательно, он должен удовлетворять определенные действительные или воображаемые потребности. Такова одна основа, на которую рассчитывает отдельный товаропроизводитель; но будет ли он удовлетворять существующие потребности или вызывать новые производимой им потребительной стоимостью, или же он просчитается и создаст бесполезную вещь, — это его личное дело. Его дело найти покупателя, для которого его товар представляет собой потребительную стоимость. Второе условие, которое он должен соблюдать, состоит в том, чтобы не затрачивать на свой товар больше труда, чем рабочее время,

общественно необходимое для его производства, и это проявляется в том, что для производства своего товара ему не должно требоваться больше рабочего времени, чем его требуется в среднем тем производителям, которые производят тот же товар.

Таким образом, производство продукта в качестве товара, — когда товар является необходимой формой продукта, всеобщей формой производства и когда поэтому и удовлетворение жизненных потребностей опосредствовано продажей и куплей, — обусловливает то или иное общественное разделение труда. Правда, по своему содержанию это общественное разделение труда покоится на базисе [различных] потребностей, взаимной связи [различных] деятельностей и т. д., но формально связь этих деятельностей между собой *опосредствована* только превращением продукта в товар и взаимоотношениями производителей как товаровладельцев, продавцов и покупателей товаров. Следовательно, с одной стороны, взаимосвязь [различных] деятельностей выступает как продукт некоей *скрытой* природной необходимости, проявляющейся в индивидах только как нужда, потребность, способность и т. д., а, с другой стороны, эта же взаимосвязь [различных] деятельностей в такой же мере выступает и как результат их [индивидов] независимого свободного усмотрения, обусловливаемого только лишь сущностью продукта, т. е. тем, что продукту необходимо быть потребительной стоимостью и меновой стоимостью.

Кроме того, продукт лишь там повсеместно принимает форму товара, а отношение производителей друг к другу в качестве продавцов и покупателей лишь там становится господствующей над ними общественной связью, где сама рабочая сила стала товаром для своего владельца, где рабочий поэтому стал наемным рабочим, а деньги стали капиталом. Общественная связь между владельцем денег и рабочим также представляет собой всего лишь связь между товаровладельцами. Вследствие специфической природы того товара, который вынужден продавать рабочий, вследствие того своеобразного способа, каким покупатель потребляет этот товар, а также вследствие той особой цели, ради которой он его покупает, — указанное отношение между владельцем денег и рабочим модифицируется, порождает новые общественные отношения. Помимо прочего, капиталистическое производство приносит с собой разделение труда внутри фабрики, а это разделение труда внутри фабрики принадлежит к числу тех применяемых капиталом методов производства, которые развивают дальше массовость производства, а отсюда безразличие производителя к производимой им потребительной стои-

мости продукта, производство исключительно для продажи, производство продукта исключительно как товара.

[V—188] Таким образом, отсюда получается, что свободное, как кажется, случайное, неконтролируемое, предоставленное произвольным действиям товаропроизводителей *разделение труда внутри общества* соответствует систематическому, планомерному, регламентированному, происходящему под командованием капитала разделению труда внутри фабрики; причем оба типа разделения труда развиваются равномерно друг с другом и порождают друг друга посредством взаимодействия.

Напротив, в тех формах общества, где общественное разделение труда само является жестким законом, внешней нормой, подчинено правилам, — там разделение труда, образующее базис мануфактуры, или вовсе не имеет места или встречается лишь спорадически и только на начальных стадиях. Например, цеховые законы устанавливают очень низкое максимальное число подмастерьев, которых может иметь мастер. Именно это обстоятельство препятствует его развитию в капиталиста. Тем самым разделение труда внутри мастерской само собой исключается. (Это следует изложить несколько подробнее.)

Главный аргумент Платона в пользу разделения труда, заключающийся в том, что если кто-нибудь занимается различными видами труда, т. е. если тот или иной вид труда является для него побочным занятием, то продукт вынужден дожидаться удобного для работника момента, тогда как, по мнению Платона, наоборот, труд должен сообразовываться с требованиями продукта *, — этот аргумент был недавно выдвинут владельцами белилен и красилен против их подчинения фабричным законам. {«Акт о белильнях и красильнях» вступил в силу 1 августа 1861 года.} Дело в том, что согласно фабричным законам, положения которых по данному вопросу были распространены на владельцев белилен и красилен,

«во время перерыва для еды, который может составлять любую часть отведенных для еды полутора часов, никто из детей, подростков или женщин не должен быть занят работой или оставаться в каком бы то ни было помещении, в котором в это время происходит какой-нибудь производственный процесс; и всем подросткам и женщинам должен предоставляться перерыв для еды *в одно и то же время дня*».

[Приведя это требование фабричных законов, фабричный инспектор продолжает:]

«Владельцы белилен жалуются на требуемую законом одновременность обеденного перерыва для их предприятий на том основании, что если

* См. настоящий том, стр. 315—316. *Ред.*

машины на фабриках могут быть без ущерба остановлены в любой момент и в случае остановки лишь уменьшается производство, то ни одна из таких операций, как *опалка*, промывка, отбелка, катание, лощение и окраска, не может быть прекращена в данный момент без риска повредить ткань... Принудительно навязывать один и тот же обеденный час для всех рабочих значит при случае подвергнуть ценное имущество риску порчи от незавершенности тех или иных операций» («Reports of the Inspectors of Factories for the half year ending 31st October 1861». London, 1862, p. 21—22).

(*Один и тот же обеденный час* установлен потому, что иначе вовсе невозможно будет контролировать, предоставляют ли вообще рабочим обеденный перерыв.)

* * *

Различные виды разделения труда.

«У народов, достигших известной ступени цивилизации, мы находим три типа разделения труда: *первый*, который мы назовем *всеобщим*, сводится к разделению производителей на земледельцев, промышленников и торговцев — это разделение соответствует трем основным отраслям национальной экономики; *второй*, который [V—189] можно было бы назвать *специальным*, есть разделение каждого рода производства на виды. Так, например, в *первичных* отраслях производства следует различать профессию земледельца и профессию горняка, и т. д. Наконец, *третий тип разделения* труда, который можно было бы назвать *разделением работы* или *труда* в собственном смысле, *имеет место в пределах отдельных ремесел и профессий* и состоит в том, что несколько рабочих распределяют между собой работу, которую необходимо выполнить для изготовления одного и того же предмета потребления и торговли. При этом каждый из них имеет своей задачей выполнение только одной определенной операции, результатом которой отнюдь не является полное изготовление *производимого предмета*; этот последний результат получается только путем *объединения труда всех рабочих*, занятых изготовлением этого предмета. Таково разделение труда, которое устанавливается в *большинстве мануфактур* и *фабрик*, насчитывающих более или менее значительное число рабочих, занятых производством одного и того же *товара*, причем *все они выполняют различные виды работ*» (*Skarbek, F.* Théorie des Richesses Sociales. 2ème éd. Paris, 1840. Tome I, стр. 84—86).

«Третий тип разделения труда это тот, который имеет место *внутри самих фабрик*... Он устанавливается с того времени, когда появляются как *капиталы, предназначенные* для основания мануфактур, так и *хозяева фабрик*, которые обладают всеми *необходимыми средствами, для того чтобы организовать труд рабочих*, и которые могут, в силу имеющихся у них средств, ждать возмещения издержек, затраченных на изготовление продуктов, поставляемых ими для обмена» (цит. соч., стр. 94—95).

Простая кооперация.

«Следует кроме того заметить, что такое частичное разделение труда может иметь место даже в том случае, если все рабочие заняты одной и той же работой. Например, каменщики, передающие кирпичи из рук в руки на верхние леса стройки, все выполняют одну и ту же работу, и тем не менее между ними существует своего рода разделение труда, которое заключается в том, что каждый из них перемещает кирпич на определенном отрезке

пути и что все они вместе доставляют его на место назначения гораздо быстрее, чем в том случае, если бы каждый из них самостоятельно переносил кирпичи для себя на верхние леса стройки» (*Скарбек.* Цит. соч., стр. 97—98).

γ) МАШИНЫ. ПРИМЕНЕНИЕ ПРИРОДНЫХ СИЛ И НАУКИ (ПАР, ЭЛЕКТРИЧЕСТВО, МЕХАНИЧЕСКИЕ И ХИМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ)

[Предпосылки и последствия капиталистического применения машин]

[V—190] *Джон Стюарт Милль* замечает:

«Сомнительно, чтобы все сделанные до сих пор механические изобретения облегчили тяжелый повседневный труд хотя бы одного человеческого существа» [*J. St. Mill.* Principles of Political Economy. Vol. II. London, 1848, стр. 312; во 2-м издании (1849 г.) — стр. 314].

Он должен был бы сказать: хотя бы одного трудящегося человека. Но в условиях капиталистического производства машины ни в коем случае не преследуют цель облегчить или сократить повседневный труд рабочего.

«Товары дешевы, но они сделаны из человеческой плоти» ([*J. B. Byles.*] Sophisms of Free-Trade. 7th edit. London, 1850, стр. 202).

Целью введения машин является, в самой общей форме, уменьшение стоимости, а стало быть, и цены товара, удешевление его, т. е. сокращение рабочего времени, необходимого для производства единицы товара, но ни в коем случае не сокращение того рабочего времени, в течение которого рабочий занят производством этого подешевевшего товара. В действительности дело здесь идет не о том, чтобы сократить рабочий день, а — как и при всяком развитии производительной силы на капиталистической основе, — о том, чтобы сократить то рабочее время, которое необходимо рабочему для воспроизводства своей рабочей силы, иными словами, для производства своей заработной платы; следовательно, о том, чтобы сократить ту часть рабочего дня, в течение которой он работает для самого себя, *оплаченную* часть его рабочего времени, и посредством сокращения этой части удлинить другую часть рабочего дня, в течение которой он даром работает для капитала, *неоплаченную* часть рабочего дня, его *прибавочное рабочее время*. Вопрос о том, почему вместе с введением машин всюду растет жажда к поглощению чужого рабочего времени, и рабочий день, — до тех пор пока не вынуждено вмешаться законодательство, — вместо того чтобы сокращаться, наоборот, удлиняется за свои естественные

границы, следовательно, увеличивается не только относительное прибавочное рабочее время, но и все совокупное рабочее время, — этот *феномен* мы рассматриваем в 3-й главе [101]. [V—190]

[V—196] *К стр. 190.*

«Однако одновременно с увеличением численности рабочих имело место и увеличение объема выполняемой каждым из них работы. Труд рабочих, занятых в фабричном производстве, в настоящее время *втрое больше,* чем он был при введении таких операций. Нет сомнения в том, что машины выполняют работу, которая потребовала бы напряжения мускулов миллионов людей; но они также *невероятно увеличили* труд тех людей, которых они подчинили своему ужасному движению» («Ten Hours'Factory Bill. The Speech of Lord *Ashley,* M. P. in the House of Commons, on Friday, March 15th, 1844». London, 1844, стр. 6).

«Помощник инспектора Бейкер сообщает («Factory Reports», 1843) о том, что он видел несколько женщин, которым, как он уверен, могло лишь недавно исполниться 18 лет и которые вынуждены были работать с 6 часов утра до 10 часов вечера, с перерывом на еду всего лишь в $1^1/_2$ часа. В других случаях, которые он приводит, женщин заставляли работать всю ночь при температуре от 70 до 80° ... [102]

Я встретил (говорит г-н Хорнер в «Factory Reports», 1843) много молодых женщин, только что достигших 18-летнего возраста, которые работали с $5^1/_2$ часов утра до 8 часов вечера без перерыва, если не считать $^1/_4$ часа на завтрак и $^3/_4$ часа на обед. Можно с уверенностью сказать, что они работали $15^1/_2$ часов в сутки *.

Среди них (говорит г-н Сандерс в «Factory Reports», 1844) есть женщины, которые в течение нескольких недель, с перерывом всего лишь в несколько дней, работали с 6 часов утра до 12 часов ночи, имея на еду менее двух часов; это оставляет им в течение 5 ночей недели по 6 часов из 24-х, для того чтобы совершить путь на фабрику и обратно и отдохнуть в своих постелях» (*Эшли.* Цит. соч., стр. 20—21).

О раннем изнашивании рабочей силы, другими словами, о раннем постарении вследствие насильственного удлинения рабочего времени:

«В 1833 г. мною было получено письмо от г-на Ашуорта, крупного фабриканта в Ланкашире, которое содержало следующие любопытные строки: «Вы, конечно, теперь будете справляться о стариках, которые, как говорят, умирают или становятся негодными для работы, когда они достигают 40-летнего возраста или вскоре после этого». Обратите внимание на употребление выражения «старики» для 40-летних людей» (там же, стр. 12).

«Член правительственной комиссии Макинтош (один из членов комиссии, посланных специально для сбора показаний против материалов комиссии 1832 г.) говорит в своем отчете 1833 года: «Хотя мы и были подготовлены наблюдением подобной эксплуатации детей, все же очень трудно *поверить возрасту* взрослых людей, указанному ими самими, настолько полной является их преждевременная старость»» (там же, стр. 13).

(Эти цитаты относятся к III тетради, стр. *е* после стр. 124-й**.) [V—196]

---

* Должно быть: $13^1/_2$ часов в сутки. *Ред.*

** См. настоящий том, стр. 244—246. *Ред.*

[V—190] Только в единичных случаях капиталист, вводя машины, ставит себе целью *прямое снижение заработной платы*, хотя это постоянно имеет место в тех случаях, когда квалифицированный труд он заменяет простым, труд взрослых мужчин — женским и детским трудом. Стоимость товара определяется содержащимся в нем *общественно необходимым* рабочим временем. При введении новых машин, — до тех пор пока производство в основном еще продолжается на базе старых средств производства, — капиталист может продавать товар *ниже* его общественной стоимости, хотя он и продает его выше его индивидуальной стоимости, т. е. выше того *рабочего времени*, которое ему необходимо для изготовления товара в условиях нового процесса производства. Поэтому здесь дело представляется таким образом, будто прибавочная стоимость возникает для капиталиста из акта продажи, из обмана других товаровладельцев, из взвинчивания цены товара выше его стоимости, а не из уменьшения необходимого рабочего времени и удлинения прибавочного рабочего времени. Но и это всего лишь видимость. Вследствие исключительной производительной силы, которую приобретает здесь труд в отличие от среднего труда в той же отрасли, он по сравнению с последним становится трудом более высокого порядка, так что, например, один рабочий час его равняется $^5/_4$ рабочего часа среднего труда, представляет собой возведенный в степень простой труд. Однако капиталист оплачивает его как средний труд. Меньшее число рабочих часов [при новых условиях труда] становится, таким образом, равным большему числу рабочих часов среднего труда. Капиталист оплачивает труд своих рабочих как средний труд, но продает его как то, чем он на самом деле является, — как труд более высокого порядка, определенное количество которого равно большему количеству среднего труда.

Следовательно, для того чтобы произвести одну и ту же стоимость, рабочему, согласно предположению, достаточно здесь работать меньшее количество времени, чем среднему рабочему. [V—191] Стало быть, в действительности он затрачивает меньше рабочего времени, чем средний рабочий, для того чтобы произвести эквивалент своей заработной платы, т. е. жизненных средств, необходимых для воспроизводства его рабочей силы. Таким образом, он отдает капиталисту большее число рабочих часов в качестве прибавочного труда, а ведь только этот относительный прибавочный труд и дает капиталисту при продаже товара избыток цены товара над его стоимостью. Капиталист реализует это прибавочное рабочее время, — или, что то же самое, эту прибавочную стоимость, — только

при продаже; однако источником этой прибавочной стоимости является не продажа, а сокращение необходимого рабочего времени и вследствие этого относительное увеличение прибавочного рабочего времени. Даже в том случае, когда капиталист, вводящий новые машины, платит заработную плату выше средней, реализуемый им избыток над нормальной прибавочной стоимостью, над прибавочной стоимостью, реализуемой в этой же отрасли производства другими капиталистами, возникает лишь в результате того, что заработная плата увеличивается не *в той же* пропорции, в какой этот труд превосходит средний труд, так что, следовательно, всегда имеет место относительное увеличение прибавочного рабочего времени. Таким образом, этот случай также подпадает под общий закон, согласно которому прибавочная стоимость представляет собой прибавочный труд.

Машины — коль скоро они применяются капиталистически и уже не находятся на своей первоначальной стадии, когда они большей частью были лишь более мощным ремесленным инструментом — предполагают *простую кооперацию,* причем эта последняя, как мы увидим ниже, является для машин гораздо более важным моментом, чем для основанной на разделении труда мануфактуры, где простая кооперация проявляется лишь в проведении принципа кратных соотношений, т. е. в том, что различные операции не только поделены между различными рабочими, но при этом имеют место такие числовые соотношения, в которых определенные группы рабочих распределены между отдельными операциями и каждая такая группа рабочих подчинена одной какой-нибудь операции.

Для *механической фабрики,* этой наиболее развитой формы капиталистического применения машин, существенно то, что многие там делают *одно и то же.* Это даже является ее основным принципом. Далее, применение машин первоначально предполагает в качестве условия своего существования мануфактуру, основанную на разделении труда; ибо *производство* самих *машин,* — а следовательно, и существование машины — покоится на такой фабрике, на которой полностью проведен принцип разделения труда. Лишь на дальнейшей ступени развития производство самих машин совершается на основе применения машин, — на механической фабрике.

«На ранней стадии развития механики машиностроительная фабрика являла собой картину разделения труда на многочисленные последовательные стадии; напильник, сверло, токарный станок имели каждый своего рабочего, применительно к его мастерству. Но умение работающих напильником и сверлом рабочих теперь вытеснено строгальными станками, станками для вырезывания желобков и сверлильными станками, а умение

токарей по металлу вытеснено механическим токарным станком» (*Юр*. Цит. соч., том I, стр. 30—31) [103].

Развившееся в мануфактуре разделение труда, с одной стороны, повторяется, хотя и в весьма уменьшенном масштабе, внутри механической фабрики; с другой стороны, как мы увидим ниже, механическая фабрика отбрасывает прочь наиболее существенные принципы основанной на разделении труда мануфактуры. Наконец, применение машин увеличивает разделение труда внутри общества, умножает число обособленных отраслей производства и независимых производственных сфер.

Основной принцип применения машин заключается в замене квалифицированного труда *простым*, а также, следовательно, в массовом сведѐнии заработной платы до уровня средней заработной платы, или в сведѐнии необходимого труда рабочих до среднего минимума и в сведѐнии издержек производства рабочей силы до уровня издержек производства простой рабочей силы.

[V—192] Увеличение производительной силы посредством простой кооперации и разделения труда ничего не стòит капиталисту. Они являются даровыми природными силами общественного труда в тех определенных формах, которые он принимает при господстве капитала. Применение машин не только приводит в действие производительные силы общественного труда в отличие от труда отдельного индивида. Оно превращает простые силы природы — такие, как вода, ветер, пар, электричество и т. д. — в потенции общественного труда. Это не говоря уже об использовании законов механики, имеющем место в собственно работающей части машины (т. е. в той ее части, которая непосредственно преобразовывает — механически или химически — сырой материал). Однако для указанной формы увеличения производительных сил, а тем самым, стало быть, и [сокращения] необходимого рабочего времени, характерно то, что часть применяемой простой природной силы является в этой своей используемой форме продуктом труда, как, например, при превращении воды в пар. Там, где двигательная сила, как, например, вода, встречается в природе в виде водопада и т. п. {чрезвычайно характерно, между прочим, что французы в течение XVIII столетия заставляли воду действовать горизонтально, немцы же всегда устраивали искусственный водопад}, там посредник, при помощи которого ее движение передается самòй машине, как, например, водяное колесо, является продуктом труда. А целиком и полностью это относится к самим машинам, непосредственно перерабатывающим сырой материал.

Итак, в отличие от простой кооперации и разделения труда в мануфактуре, машина представляет собой произведенную человеком производительную силу. Она имеет стоимость; она вступает в качестве товара (непосредственно как машина или косвенно как товар, который должен быть потреблен, для того чтобы придать двигательной силе требуемую форму) в ту сферу производства, где она действует как машина, как часть постоянного капитала. Как и всякая часть постоянного капитала, она добавляет к продукту ту стоимость, которая содержится в ней самой, т. е. она удорожает продукт на то рабочее время, которое требовалось для ее собственного производства.

Поэтому, хотя в настоящей главе мы рассматриваем исключительно отношение переменного капитала к той стоимостной величине, в виде которой он воспроизводится, — иными словами, отношение необходимого труда, затраченного в какой-либо сфере производства, к прибавочному труду, и по этой причине преднамеренно исключаем рассмотрение отношения прибавочной стоимости к постоянному капиталу и к общей сумме авансированного капитала, — тем не менее, применение машин настоятельно требует рассмотрения, наряду с частью капитала, авансированной на заработную плату, также и других его частей. Дело в том, что тот принцип, в силу которого применение средств, увеличивающих производительную силу, умножает относительное прибавочное время, а тем самым и относительную прибавочную стоимость, — зиждется на том, что в результате тех изобретений, посредством которых увеличивается производительная сила (т. е. то же самое количество рабочих в тот же промежуток времени производит больше потребительных стоимостей), товары удешевляются, и потому рабочее время, необходимое для воспроизводства рабочей силы, сокращается. Однако в случае применения машин этот результат достигается только путем более значительных капиталовложений, путем потребления имеющихся налицо стоимостей, путем введения некоего [нового] элемента, который, стало быть, увеличивает величину стоимости продукта, товара в размере своей собственной стоимости.

Прежде всего, что касается сырого материала, то его стоимость, естественно, остается той же самой, каким бы способом он ни обрабатывался, а именно, она остается той стоимостью, с какой сырой материал входит в процесс производства.

[V—193] Далее, применение машин уменьшает то количество труда, которое поглощается определенным количеством сырого материала, или увеличивает количество сырого материала, который в течение определенного рабочего времени превращается в продукт.

Если рассматривать оба эти элемента, то товар, произведенный с помощью машин, содержит меньше рабочего времени, чем товар, произведенный без них; он представляет собой меньшую стоимостную величину, он сто̀ит дешевле. Однако этот результат достигается только посредством промышленного потребления товара — товара, существующего в виде машин, — стоимость которого входит в продукт.

Следовательно, так как стоимость сырого материала остается той же самой, независимо от того, применяются машины или нет; так как то количество рабочего времени, в течение которого определенное количество сырого материала превращается в продукцию и потому в товар, уменьшается вместе с применением машин, — то удешевление производимых с помощью машин товаров зависит только от одного-единственного обстоятельства: от того, что содержащееся в самой машине рабочее время меньше, чем то рабочее время, которое содержится в замещенной ею рабочей силе; от того, что стоимость машин, которая входит в [стоимость] товара, меньше, — т. е. равна меньшему рабочему времени, — чем стоимость замещаемого ею труда. А эта последняя стоимость равна стоимости рабочей силы, применяемая численность которой вследствие введения машин уменьшается.

По мере того как машины выходят из периода своего младенчества, в той мере, в какой они отличаются от размеров и характера того ремесленного инструмента, который они первоначально замещают, они становятся все более массивными и дорогими, требуют больше рабочего времени для своего производства, повышают свою абсолютную стоимость, хотя относительно они становятся дешевле. Это означает, что эффективная машина в меру своей эффективности сто̀ит меньше, чем менее эффективная, т. е. что то количество рабочего времени, которого сто̀ит ее собственное производство, растет в гораздо меньшей степени, чем то количество рабочего времени, которое она замещает. Но, во всяком случае, ее абсолютная стоимость все время повышается, следовательно, к производимому ею товару она добавляет абсолютно бо̀льшую стоимость, особенно в сравнении с ремесленным инструментом или даже в сравнении с теми простыми и основанными на разделении труда орудиями, которые машина замещает в процессе производства.

Так вот, для того чтобы товар, произведенный при помощи более дорогого орудия производства, был дешевле, чем товар, произведенный без него; для того чтобы содержащееся в самой машине рабочее время было меньше того рабочего времени,

которое она замещает, — для этого требуется выполнение двух условий, зависящих от двух обстоятельств.

1) По мере роста эффективности машины, по мере повышения ею производительной силы труда, в той пропорции, в какой она дает возможность одному рабочему выполнять работу многих рабочих, — растет масса тех потребительных стоимостей, а потому и тех товаров, которые при помощи машины производятся в одно и то же рабочее время. *Тем самым увеличивается количество тех товаров, в которых вновь появляется стоимость машины.*

Совокупная стоимость машин появляется вновь лишь в совокупной массе того товара, в производстве которого они участвовали в качестве средства труда. Эта совокупная стоимость делится на соответственные части между отдельными товарами, из суммы которых состоит их совокупная масса. Таким образом, чем больше эта совокупная масса товаров, тем меньше та часть стоимости машин, которая вновь появляется в единице товара. Несмотря на разницу в стоимости машин и ремесленного инструмента, или простого орудия труда, в товар входит менее значительная часть стоимости машин, чем тех орудий труда и той рабочей силы, которые замещаются машиной, менее значительная в той пропорции, в какой стоимость машины распределяется на бо̀льшую совокупную массу продуктов, товаров.

Прядильная машина, затрачивающая то же самое рабочее время на переработку в пряжу 1 000 фунтов хлопка, появляется вновь в отдельном фунте пряжи в размере лишь $^1/_{1000}$ части ее стоимости, тогда как, если бы за это же время она помогла переработать в пряжу только 100 фунтов хлопка, то в отдельном фунте пряжи появилась бы вновь $^1/_{100}$ стоимости машины. Следовательно, в этом случае фунт пряжи содержал бы в себе в десять раз больше рабочего времени [приходящегося на машину], в десять раз бо̀льшую стоимость, был бы [в этом отношении] в десять раз дороже, чем в первом случае. [V—194] Следовательно, машины могут найти применение (на капиталистической основе) лишь при таких условиях, когда вообще возможно массовое производство, производство в крупном масштабе (см. на стр. 201-й *цитату из Росси*). [V—194]

[V—201] {К началу *стр. 194-й.*

«Разделение труда и применение мощных машин возможны только на предприятиях, дающих достаточное занятие всем группам рабочих и приносящих крупные результаты. Чем значительнее количество продукта, выпускаемого предприятием, тем ниже *соответственные расходы* на орудия и машины. Если две машины одинаковой мощности производят

в один и тот же промежуток времени одна — 100 000 метров, а другая — 200 000 метров одной и той же ткани, то можно сказать, что первая машина обходится вдвое дороже второй, что в первом из этих предприятий применен вдвое больший капитал, чем во втором» (*Rossi*. Cours d'économie politique. Année 1836—1837. In: «Cours d'économie politique». Bruxelles, 1843, стр. 334).} [V—201]

[V—194] 2) Уже в условиях мануфактуры, основанной на разделении труда, равно как и в кустарной промышленности и т. п., имеет место то, что орудия труда (а также и другая часть условий труда, как, например, строения) входят в *процесс труда* в своем *полном объеме,* входят либо непосредственно — как средства труда, либо косвенно — как условия труда (например, строения), необходимые для того, чтобы совершался процесс труда. Но в *процесс образования стоимости* они входят лишь *по частям,* порциями, а именно — лишь в том объеме, в каком они используются в процессе труда, где вместе с их потребительной стоимостью потребляется и их меновая стоимость. Их потребительная стоимость в качестве средства труда целиком входит в процесс труда, но она сохраняется в течение некоторого периода, охватывающего ряд тех процессов труда, в которых они всё снова и снова служат для производства одного и того же вида товара, т. е. постоянно всё снова и снова служат новому труду в качестве средства для переработки нового материала. Их потребительная стоимость в качестве этого рода средства труда изнашивается лишь к концу такого более или менее продолжительного периода, в течение которого тот же самый процесс труда постоянно повторяется вновь. Следовательно, их меновая стоимость целиком появляется вновь лишь в совокупной массе товаров, в производстве которых они служили в течение всего этого периода, с момента их вступления в процесс труда вплоть до их удаления из этого процесса. Поэтому в каждый отдельный товар входит лишь определенная соответственная часть их стоимости. Если орудие служило в течение 90 дней, то в товарах, производимых в течение каждого из этих дней, вновь появляется $^1/_{90}$ часть его стоимости. Здесь по необходимости мысленно производится некий средний расчет, ибо целиком стоимость орудия вновь появляется только на протяжении всего периода тех процессов труда, в которых оно было полностью изношено, — следовательно, вся стоимость орудия целиком появляется вновь только в совокупной массе тех товаров, в производстве которых оно участвовало в течение этого периода. Поэтому расчет ведется исходя из того, что ежедневно в среднем изнашивается такая-то соответственная часть потребительной стоимости орудия (это

является фикцией) и что, стало быть, в продукте, произведенном за один этот день, вновь появляется такая-то соответственная часть стоимости орудия.

С введением машин, в результате которого средства труда приобретают большую стоимостную величину и выражаются в массивных потребительных стоимостях, указанное различие между процессом труда и процессом образования стоимости возрастает и становится существенным моментом в развитии производительной силы и характера производства. Например, на фабрике с механическими ткацкими станками, функционирующими в течение 12 лет, изнашивание машин и т. д. за время однодневного процесса труда незначительно; поэтому относительно незначительна и та доля стоимости машин, которая вновь появляется в единице товара или даже в продукте целого года. Прошлый, овеществленный труд входит здесь в процесс труда в большом количестве, тогда как лишь относительно незначительная доля этой части капитала изнашивается в этом процессе труда, т. е. вступает в процесс образования стоимости и поэтому вновь появляется в продукте как часть стоимости. Поэтому как бы значительна ни была величина стоимости, которую представляют входящие в процесс труда машины и используемые вместе с ними строения и т. д., всегда лишь относительно незначительная — по сравнению с этой совокупной стоимостной величиной — часть ее входит в ежедневный [V—195] процесс образования стоимости, а потому и в стоимость товара; относительно она удорожает товар, но лишь незначительно и в гораздо меньшей степени, чем его удорожал бы замещенный машиной ручной труд. Поэтому также, как бы велика ни была авансированная на машины часть капитала по сравнению с его частью, авансированной на живой труд, которому эти машины служат средством производства, — все же эта пропорция оказывается очень незначительной, если часть стоимости машин, вновь появляющуюся в единице товара, сравнить с поглощенным тем же товаром живым трудом. Часть же стоимости, присоединенная к единице продукта и машинами и трудом, оказывается незначительной по сравнению со стоимостью самого сырого материала.

Только с введением машин общественное производство в крупном масштабе обретает силу для того, чтобы целиком вводить в процесс труда продукты, представляющие большое количество прошлого труда (т. е. большие стоимостные массы), целиком вводить их в процесс труда в качестве средств производства, тогда как всего лишь относительно небольшая соответственная часть их входит в процесс образования стоимости,

происходящий во время отдельного процесса труда. Капитал, входящий в этой форме в каждый отдельный процесс труда, велик, но та пропорция, в которой его потребительная стоимость изнашивается, потребляется во время этого процесса труда и в которой поэтому должна быть возмещена его стоимость, — относительно мала. Машина в качестве средства труда функционирует целиком, однако к продукту она добавляет стоимость лишь в той пропорции, в какой она обесценивается в процессе труда, а это обесценение обусловлено степенью износа ее потребительной стоимости во время процесса труда.

Таким образом, перечисленные под пунктами 1) и 2) условия [капиталистического применения машин], от которых зависит то, что товар, производимый более дорогим орудием, оказывается дешевле товара, производимого более дешевым орудием, или что содержащаяся в самой машине стоимость оказывается меньше стоимости замещаемой ею рабочей силы, сводятся к следующим требованиям. Первое условие — это массовое производство; оно зависит от того, насколько велико количество товаров, которое может произвести один рабочий за *то же самое рабочее время,* по сравнению с тем их количеством, которое он производил бы без машин; другими словами, зависит от того, в какой степени *труд замещается машинами,* т. е. от того, *сокращается* ли в максимально возможной степени количество рабочей силы, используемой для производства данного количества продукта, замещают ли машины максимально возможное количество рабочей силы и оказывается ли авансированная на труд часть капитала относительно небольшой по сравнению с частью капитала, авансированной на машины. А второе условие заключается в том, что как бы велика ни была содержащаяся в машинах часть капитала, та часть стоимости машины, которая вновь появляется в единице товара, т. е. та часть стоимости, которую машины добавляют к единице товара, незначительна по сравнению с содержащимися в том же товаре частями стоимости труда и сырого материала; и это потому, что в какой-либо данный промежуток рабочего времени машина целиком входит в процесс труда, но лишь относительно незначительная часть ее входит в процесс образования стоимости. Машина целиком входит в процесс труда, но [в процесс образования стоимости] входит всегда лишь некая соответственная часть совокупной стоимости машины.

В соответствии с этим необходимо внести поправку в нижеследующую критику в адрес Рикардо:

«Рикардо говорит о содержащейся, например, в паре чулок «части труда машиностроителя, затраченного на производство машины». Между

тем *весь труд,* который производит каждую отдельную пару чулок, если мы говорим об отдельной паре, включает *весь* труд машиностроителя, а не часть его; ибо одна машина производит много пар чулок, и ни одна из этих пар не могла бы быть произведена без любой части машины» («Observations on certain Verbal Disputes in Political Economy». London, 1821, стр. 54). [V—195]

[V—196] [При применении машин] авансируемая на сырой материал часть капитала возрастает по отношению к той его части, которая авансируется на заработную плату, еще несравнимо быстрее, чем при простом разделении труда. Кроме того, сюда еще добавляется новая и сравнительно большая масса капитала, авансируемого на средства труда, машины и т. д. Таким образом, с развитием промышленности вспомогательная [104] часть капитала возрастает по отношению к той его части, которая затрачивается на живой труд.

* * *

[V—197] Одним из первых следствий введения новых машин, прежде чем они станут господствующими в своей отрасли производства, является *удлинение* рабочего времени тех рабочих, которые продолжают работать со старыми, несовершенными средствами производства. Хотя произведенный при помощи машины товар продается *выше* своей индивидуальной стоимости, т. е. выше содержащегося в нем самом рабочего времени, он продается *ниже* прежней общественной, всеобщей стоимости продукта того же рода. Отсюда следует, что *уменьшилось* общественно необходимое рабочее время для производства этого определенного товара, но не рабочее время тех рабочих, которые работают со старыми орудиями производства. Таким образом, если для воспроизводства рабочей силы такого рабочего [теперь] достаточно 10 часов рабочего времени, то произведенный им за 10 часов продукт уже более не содержит *10 часов необходимого рабочего времени* (т. е. того рабочего времени, которое необходимо для создания этого продукта при новых общественных условиях производства), а содержит, быть может, всего лишь 6 часов. Поэтому если он работает 14 часов, то эти его 14 часов представляют лишь *10 часов необходимого рабочего времени,* и в этих 14 часах его труда реализовано только 10 часов необходимого рабочего времени. Поэтому и продукт его труда имеет лишь стоимость продукта 10 часов всеобщего необходимого общественного труда. Если рабочий работает самостоятельно, он должен был бы удлинить свое рабочее время. Если же он работает в качестве наемного рабочего, следовательно, с необходимостью работает также и в течение прибавоч-

ного рабочего времени, то при всяком удлинении абсолютного рабочего времени средний прибавочный труд для капиталиста будет иметь место только в том случае, если заработная плата рабочего упадет ниже прежнего среднего уровня; это означает, что из возросшего числа часов, в течение которых он работает, меньшая доля присваивается им самим не потому, что его труд стал производительнее, а потому, что он стал менее производительным, не потому, что рабочий за меньшее количество рабочего времени создает то же самое количество продукта, а потому, что достающееся на его долю количество продукта уменьшается.

* * *

Прибавочная стоимость, т. е. прибавочный труд, — как абсолютный, так и относительный, — порождаемый капиталом посредством применения машин, проистекает не из той *рабочей силы,* которую машины *замещают,* а из той, которую они применяют.

«По данным Бейнса, первоклассную хлопкопрядильную фабрику нельзя построить, оборудовать машинами, паровыми двигателями и газом, затратив меньше чем 100 000 ф. ст. Паровой двигатель в 100 лошадиных сил приводит в движение 50 000 веретен, которые произведут 62 500 миль тонких хлопчатобумажных ниток за 1 день. На такой фабрике 1 000 рабочих изготовят столько ниток, сколько изготовили бы 250 000 рабочих без машин» (*S. Laing.* National Distress. London, 1844, стр. 75).

В данном случае прибавочная стоимость капитала проистекает не из сбереженного труда 250 рабочих, а из труда одного рабочего, который их замещает; не из труда 250 000 замещенных рабочих, а из труда 1 000 занятых. Именно их прибавочный труд реализуется в прибавочной стоимости. Потребительная стоимость машины, — а замещение ею человеческого труда и есть ее потребительная стоимость, — не определяет ее стоимости, последняя определяется трудом, необходимым для ее собственного производства. И эта ее стоимость, которую машина имеет до ее применения, до того как она вступает в процесс производства, есть единственная стоимость, которую она в качестве машины присоединяет к продукту. Эту стоимость капиталист оплачивает при покупке машины.

Если предположить, что товары продаются по своей стоимости, то *относительная прибавочная стоимость,* которую капитал создает как при посредстве машин, так и путем применения всех других устройств, увеличивающих производительную силу труда и тем самым снижающих цену единицы продукта, состоит исключительно в том, что удешевляются

необходимые для воспроизводства рабочей силы товары, и поэтому рабочее время, необходимое для воспроизводства рабочей силы и составляющее лишь эквивалент рабочего времени, содержащегося в заработной плате, сокращается; поэтому при [V—198] той же самой продолжительности совокупного рабочего дня прибавочное рабочее время удлиняется (при этом имеют место некоторые модифицирующие обстоятельства, о которых ниже). Указанное сокращение необходимого рабочего времени является таким результатом, который идет на пользу всему капиталистическому производству и вообще уменьшает издержки производства рабочей силы, так как, согласно предположению, производимый машинами товар вообще входит в воспроизводство рабочей силы. Однако для отдельного капиталиста не это является мотивом, побуждающим его к введению машин, не этот общий результат, который лично ему особенной пользы не приносит.

Во-первых. Введение машин, замещает ли оно ремесленное производство (как, например, в прядении), следовательно, вообще впервые подчиняет какую-либо отрасль промышленности капиталистическому способу производства; революционизирует ли оно какую-либо мануфактуру, прежде покоившуюся на простом разделении труда (как это имеет место на машиностроительной фабрике); наконец, вытесняет ли оно прежние машины более совершенными или же распространяет применение машин на какой-либо фабрике на ранее неохваченные ими частичные операции, — во всех этих случаях введение машин удлиняет, как было отмечено выше, *необходимое рабочее время* для тех рабочих, которые пока еще подчинены старому способу производства, и удлиняет их совокупный рабочий день.

Однако, с другой стороны, применение машин относительно *сокращает* необходимое рабочее время на таких фабриках, где оно введено впервые. Если после введения механических ткацких станков два рабочих часа ручного ткача стали равны всего лишь одному часу общественно необходимого труда, то теперь один рабочий час ткача, работающего на механическом ткацком станке, до тех пор пока такой станок не будет повсеместно введен в этом виде ткачества, будет больше необходимого рабочего часа. Его продукт имеет более высокую стоимость, чем продукт одного часа труда. Это равносильно тому, как если бы простой труд был возведен в степень, т. е. если бы в этом труде был реализован ткацкий труд более высокого качества. Все это относится к тем масштабам, в которых капиталист, применяющий механический ткацкий станок, хотя и продает продукт одного часа ниже уровня прежнего рабочего

часа, ниже его прежней общественно необходимой стоимости, однако продает его выше его индивидуальной стоимости, т. е. выше того рабочего времени, которое ему самому приходится затрачивать на изготовление этого продукта при помощи механического ткацкого станка. Следовательно, рабочему достаточно работать меньшее количество часов для воспроизводства своей заработной платы; его необходимое рабочее время сократилось в той же мере, в какой его труд в той же самой отрасли стал трудом более высокого качества; таким образом, продукт одного часа этого труда продается, быть может, выше продукта двух часов труда на таких фабриках, где еще господствует старый способ производства. Поэтому если нормальный рабочий день остается тем же самым, днем такой же продолжительности, то здесь возрастает прибавочное рабочее время, так как необходимое рабочее время сократилось. Это имело бы место даже в случае повышения заработной платы, но всегда при предположении, что в новых обстоятельствах рабочий не затрачивает *такую же большую* соответственную часть рабочего дня, как прежде, для возмещения своей заработной платы, или для воспроизводства своей рабочей силы. Конечно, это сокращение необходимого рабочего времени является временным и исчезает, как только более широко распространившееся введение машин в данной отрасли снова сведет стоимость товара к содержащемуся в нем рабочему времени. Но вместе с тем это служит для капиталиста стимулом к тому, чтобы путем введения все новых и новых мелких улучшений поднять рабочее время применяемых им рабочих над уровнем того рабочего времени, которое является общественно необходимым в той же самой сфере производства. Это обстоятельство имеет силу, в какой бы отрасли производства ни применялись машины, и не зависит от того, входят ли производимые ими товары в потребление самого рабочего.

Во-вторых. Из повсеместного опыта известно, что как только машины начинают применяться капиталистически, — т. е. как только они выходят из младенческой стадии своего развития, на которой они первоначально появляются во многих отраслях, а именно, как всего лишь более производительная форма старого ремесленного орудия, которая, однако, при прежнем способе производства применяется еще [V—199] независимыми рабочими и их семьями, — как только эти машины в качестве формы капитала становятся самостоятельной силой, противостоящей рабочему, *абсолютное рабочее время,* т. е. совокупный рабочий день, не сокращается, а удлиняется. Рассмотрение этого положения относится к главе III [105]. Однако здесь следует

указать основные пункты. Здесь надо различать два момента. *Во-первых:* новые условия, в которых оказался рабочий и которые дают капиталисту возможность насильственно удлинять рабочее время. *Во-вторых:* мотивы, побуждающие капитал к этой операции.

К пункту первому. Прежде всего — это изменившаяся форма труда, его кажущаяся легкость, перенесение всех мускульных усилий, так же как и мастерства рабочего, на машину. В связи с облегчением мускульных усилий удлинение рабочего времени на первых порах не наталкивается на физическую невозможность. А в связи с перенесением на машину мастерства рабочего сопротивление рабочего теряет свою силу, так как рабочий в результате утраты им мастерства, которое в условиях мануфактуры имело еще решающее значение, теперь уже не может больше становиться на дыбы, а капитал получает возможность квалифицированных рабочих заменять неквалифицированными и потому более поддающимися его контролю. Затем новая категория рабочих, которая теперь входит [в процесс производства] как один из определяющих элементов, — а именно, женский и детский труд, — изменяет характер всей фабрики и по своей природе является более покорной деспотизму капитала. Если при помощи традиции рабочий день насильственно удлинен, то требуется, как это имело место в Англии, время жизни целых поколений, для того чтобы рабочие оказались в состоянии снова вернуть его в нормальные границы. Таким образом, удлинение рабочего дня за его естественные пределы, ночной труд, есть плод фабричной системы.

«Ясно, что удлинение рабочего времени было вызвано тем обстоятельством, что количество беспризорных детей, доставлявшихся из разных частей страны» (из работных домов), «было настолько велико, что хозяева были независимы от рабочих, и, однажды установив при помощи этих несчастных детей обычай продолжительного труда, они очень легко могли навязать его своим соседям» (*J. Fielden.* The Curse of the Factory System. London, 1836, стр. 11).

««Г-н Э., фабрикант, сообщил мне, что у него на механических ткацких станках заняты исключительно женщины; это наблюдается повсеместно. Он отдает решительное предпочтение замужним женщинам, в особенности таким, у которых дома есть семья, зависящая от их заработка. Они гораздо внимательнее и послушнее, чем незамужние женщины, и вынуждены до крайности напрягать свои силы, чтобы добывать необходимые жизненные средства». Так добродетели, свойственные исключительно женскому характеру, используются во вред женщинам, так чувство долга и мягкость, заложенные в женской натуре, превращаются в средство порабощения женщины, в источник ее страданий» («Ten Hours' Factory Bill. The Speech of Lord Ashley, M. P. in the House of Commons, on Friday, March 15th, 1844». London, 1844, стр. 20),

Цитированный выше Филден говорит:

«По мере совершенствования машин *жадность* хозяев побуждала многих из них к тому, чтобы требовать от своих рабочих больше труда, чем они могли вынести» (там же, стр. 34).

Ненасытная жажда чужого труда (прибавочного труда) не является специфическим свойством владельца машин; она представляет собой движущий мотив всего капиталистического производства. Но так как фабрикант находится теперь в лучшем положении, для того чтобы следовать этому побуждению, то вполне естественно, что он дает волю своей жадности. Необходимо заметить еще следующее: двигательная сила, если она исходит от человека (и даже от животного), [V—200] физически может действовать лишь в течение определенной части дня. Паровой же двигатель и т. д. не нуждается в отдыхе. Он может действовать в течение любого промежутка времени. [V—200]

[V—199] Однако сюда присоединяются еще особые обстоятельства, которые при применении машин придают указанному мотиву исключительную остроту.

[V—200] Машины и т. д. используются в течение более или менее продолжительного периода, во время которого тот же самый процесс труда постоянно повторяется с целью производства нового товара. Этот период определяется на основании среднего расчета, согласно которому совокупная стоимость машин переходит в стоимость продукта. Путем удлинения рабочего времени за пределы нормального рабочего дня сокращается тот период, в течение которого капитал, вложенный в машины, возмещается совокупной продукцией. Предположим, что этот период равен 10 годам при 12-часовом ежедневном труде. Если рабочие будут работать 15 часов в день, т. е. если рабочий день удлинится на $^1/_4$, то в неделю это составит $1^1/_2$ [прежнего] рабочего дня, т. е. 18 рабочих часов. Согласно предположению, полная неделя [при 15-часовом рабочем дне] содержит 90 рабочих часов; $^{18}/_{90}$ составляют $^1/_5$ часть недели. И, таким образом, из 10 лет [возмещения стоимости машин] была бы сэкономлена $^1/_5$ часть, т. е. 2 года. Следовательно, капитал, вложенный в машины, был бы возмещен через 8 лет.

Если за это время машины действительно изнашиваются, то процесс воспроизводства ускоряется, если же нет и машины еще работоспособны, то возрастает отношение переменного капитала к постоянному, так как последний продолжает участвовать в процессе труда, не входя, однако, больше в процесс образования стоимости. В результате возрастает если не прибавочная стоимость (которая вообще уже возросла вследствие

*

удлинеиия рабочего времени), то отношение этой прибавочной стоимости к совокупиой величине аваисированиого капитала, — т. е. возрастает [иорма] прибыли. Сюда присоедиияется еще одно обстоятельство: при введеиии новых машин одно за другим следуют усовершенствования. Тем самым, прежде чем закоичится период обращеиия применяемых капиталистом машин, т. е. прежде чем их стоимость вновь появится в стоимости товаров, зиачительная часть старых машии либо частично обесцеииваегся, либо стаиовится совершенио иепригодиой для дальнейшего [реитабельиого] использоваиия. Чем больше сокращается период их воспроизводства, тем меиьшей стаиовится эта опасность и тем бо̀льшую возможность получает капиталист, после того как стоимость машин вернулась к иему в более короткий срок, ввести новые улучшенные машины и по дешевке продать старые, которые еще могут быть с пользой применены вновь каким-либо другим капиталистом, так как они с самого начала войдут в его продукцию в качестве представителя меиьшей стоимостной величины. (Подробнее об этом — при рассмотреиии *основного капитала,* где следует также привести примеры *Баббеджа.*)

Сказаниое относится не только к машинам, но ко всему осиовному капиталу, который привносится и обусловливается примеиеиием машии.

Одиако для капиталиста речь отнюдь ие идет просто о том, чтобы возможно быстрее вериуть себе аваисированную на осиовной капитал стоимостную величину, предохранить ее от обесценения и вновь располагать ею в свободной форме; прежде всего речь идет о прибыльном применении этого капитала — большого количества капитала, принявшего такую форму, в которой он и в качестве меновой стоимости хиреет, и в качестве потребительной стоимости стаиовится бесполезиым, если только он не приводится в контакт с живым трудом, для которого он образует основной капитал. Так как авансированная на заработную плату часть капитала сильно уменьшилась по отношению к совокупному капиталу, и особенно по отношению к основному капиталу, и так как величина прибавочной стоимости зависит не только от ее нормы, но и от числа одновремеино примеияемых рабочих дией, тогда как прибыль зависит от отношеиия этой прибавочиой стоимости к совокупиому капиталу, то имеет место понижение нормы прибыли. Простейшим средством к тому, чтобы воспрепятствовать этому понижению, является, естественно, удлинение, насколько это возможно, абсолютного прибавочиого труда посредством удлинения рабочего дня и тем самым превращение основного капитала в сред-

ство присвоения максимально возможного количества неоплаченного труда. Если фабрика бездействует, то фабрикант считает, будто рабочий его обкрадывает, так как в основном капитале его капитал получил такую форму, в которой он непосредственно претендует на чужой труд. Все это весьма наивно выражено г-ном Сениором, который еще в 1837 г. был того мнения, [V—201] что с развитием машинного производства рабочий день — а следовательно, абсолютное рабочее время — должен с необходимостью неуклонно расти. Ссылаясь на почтенного Ашуорта как на авторитет, Сениор говорит:

«Существующая повсеместно разница между продолжительностью труда на хлопчатобумажных фабриках и на других предприятиях проистекает из двух причин: 1) преобладание основного капитала над оборотным, которое делает желательным удлинение рабочего дня» (*N. W. Senior.* Letters on the Factory Act, as it affects the Cotton Manufacture. London, 1837, стр. 11).

По мере постоянного роста основного капитала в сравнении с оборотным

«усилятся мотивы к удлинению рабочего времени, как к единственному средству, с помощью которого относительное увеличение основного капитала можно сделать прибыльным. «Когда какой-нибудь чернорабочий, сказал мне г-н Ашуорт, бросает свою лопату, он делает бесполезным на это время капитал, стоящий 18 пенсов. Когда кто-нибудь из наших рабочих уходит с фабрики, он делает бесполезным капитал, который обошелся в 100 000 ф. ст. [106]»» (цит. соч., стр. 14).

Рабочий *делает бесполезным капитал!* Ведь машины как раз на то и существуют, на то и авансирован на них столь крупный капитал, чтобы посредством этого капитала выжимать труд из рабочего. Рабочий при всяком своем уходе из здания фабрики в самом деле совершает большое преступление по отношению к капиталу, который обошелся в 100 000 ф. ст.

Поэтому вначале практиковался ночной труд, впоследствии «на наших фабриках обычно работали 70—80 часов в неделю» (цит. соч., стр. 15).

«Паровая или другого рода машина, которые работают лишь несколько часов в день или несколько дней в неделю, представляют собой потерянные мощности. Если они работают весь день, они произведут больше, но еще больше они произведут, если будут работать днем и ночью» (*J.-G. Courcelle-Seneuil.* Traité théorique et pratique des entreprises industrielles, commerciales et agricoles. 2-ème édition. Paris, 1857, стр. 48). [V—201]

[V—201] «Первые машины для производства тюля были очень дороги и стоили вначале от 1 000 до 1 200 или 1 300 ф. ст. Владельцы этих машин признавали, что они вырабатывают больше, но так как рабочее время рабочих было ограничено 8-ю часами, то в отношении цены продукта они не могли конкурировать со старым способом производства. Этот недостаток объяснялся той значительной суммой, которой стоило первое обзаведение машиной. Вскоре, однако, фабриканты заметили, что при одной и той же первоначальной затрате капитала и небольшой прибавке на оборотный

капитал они могли бы заставить эти машины работать в течение 24 часов в сутки» (*Babbage*. Traité sur l'Economie des Machines et des Manufactures. Paris, 1833, стр. 279). [V—201]

[V—206] *К стр. 201-й.*

«Само собой очевидно, что при приливах и отливах на рынке и при сменяющемся расширении и сокращении спроса постоянно могут встретиться случаи, когда фабрикант может найти применение добавочному оборотному капиталу, не увеличивая находящегося в деле основного капитала, ... если *добавочное количество сырого материала может быть обработано без дополнительных затрат на здания и машины*» (*R. Torrens*. On Wages and Combination. London, 1834, стр. 64).

В этом вообще заключается преимущество, даваемое удлинением рабочего времени: экономия дополнительных расходов на здания и машины. [V—206]

[V—201] *В-третьих.* Коль скоро применение машин сокращает то рабочее время, в течение которого может быть произведен один и тот же товар, оно уменьшает стоимость этого товара и делает труд более производительным, так как этот труд за то же самое время доставляет большее количество продукта. В этом отношении машина влияет только на производительную силу нормального труда. Но определенное количество рабочего времени по-прежнему выражается в той же самой величине стоимости. Поэтому как только конкуренция низвела цену товара, изготовленного посредством машин, до уровня его стоимости, применение машин может увеличить *прибавочную стоимость*, прибыль [V—202] капиталиста лишь в той мере, в какой посредством удешевления товаров уменьшается стоимость заработной платы, или стоимость рабочей силы, т. е. время, необходимое для ее воспроизводства.

Однако здесь имеет место еще одно обстоятельство, в результате которого даже и без удлинения рабочего дня применение машин увеличивает абсолютное рабочее время, а потому и абсолютную прибавочную стоимость. Это совершается, так сказать, путем *конденсирования рабочего времени*, когда каждая частица времени в большей мере наполняется трудом; растет интенсивность труда. В результате применения машин растет не только производительность (следовательно, качество) труда, но и *количество труда*, затрачиваемого в какой-либо данный промежуток времени. Пóры времени уменьшаются путем, так сказать, сжатия труда. Вследствие этого один рабочий час представляет собой, быть может, то же самое количество труда, что и $^6/_4$ рабочего часа в условиях среднего труда, когда вовсе не применяются машины или же применяются не столь совершенные машины.

Суть дела состоит в следующем: там, где машины уже введены, усовершенствования, сокращающие число рабочих по отношению к массе производимых товаров и количеству применяемых машин, сопровождаются тем обстоятельством, что труд отдельного рабочего, заменяющего двух или трех рабочих, при введении усовершенствованных машин возрастает, т. е. что машины дают рабочему возможность делать то, что прежде делали двое или трое рабочих, только тогда, когда они принуждают его увеличивать свой труд и более интенсивно наполнять им каждую частицу времени. Тем самым рабочая сила в течение того же самого рабочего часа изнашивается быстрее.

Посмотрим прежде всего, что̀ в различные периоды составители отчетов о положении фабричных рабочих говорили об увеличении количества труда по мере усовершенствования машин. Это увеличение труда происходит, с одной стороны, вследствие большей скорости машин, за которой должен поспевать рабочий; с другой стороны, вследствие большего количества машинных операций, которые должны контролироваться отдельным рабочим, как, например, в том случае, когда увеличивается число веретен у мюль-машины, да еще применяются двухрядные веретена, или же в том случае, когда один ткач должен контролировать работу не одного, а двух или трех механических ткацких станков.

«Количество труда, затрачиваемого теперь на фабриках, является гораздо бо̀льшим по сравнению с тем, которое затрачивалось 30 или 40 лет тому назад, — вследствие того, что значительно возросшая скорость машин, обслуживание которых поручается детям, требует от рабочего усиленного внимания и большей активности» (*J. Fielden.* The Curse of the Factory System. London, 1836, стр. 32).

Так это было в 1836 году. Джон Филден сам был фабрикантом.

Лорд Эшли (теперь граф Шефтсбери) в своей речи, произнесенной 15 марта 1844 г. по поводу билля о десятичасовом рабочем дне, констатировал следующее:

«Труд лиц, занятых в фабричных процессах, в настоящее время втрое больше, чем он был при введении этих операций. Несомненно, машины выполнили работу, которая потребовала бы физической силы миллионов людей; но вместе с тем они чрезвычайно увеличили труд тех, кого они подчинили своему ужасному движению» (цит. соч., стр. 6). «В 1815 г. труд, состоявший в том, чтобы следить за двумя мюль-машинами, вырабатывающими хлопковую пряжу № 40, — из расчета 12-часового рабочего дня, — был связан с необходимостью пройти 8 миль. В 1832 г. дистанция, которую в течение 12 часов приходилось пройти при контроле за двумя мюль-машинами, вырабатывающими хлопковую пряжу того же номера, составляла 20 миль, а зачастую и больше. Но количество труда, затрачиваемого рабочими, обслуживающими мюль-машины, не ограничивается одной лишь ходь-

бой. Имеется еще очень многое, что должно быть ими сделано. В 1835 г. прядильщик ежедневно производил на каждой из этих мюль-машин по 820 вытягиваний; это составляет для двух мюль-машин 1 640 вытягиваний в течение рабочего дня. В 1832 г. * прядильщик производил на каждой машине 2 200 вытягиваний, что составляет всего 4 400 вытягиваний; в 1844 г., согласно отчету, представленному опытным рабочим-прядильщиком, рабочий производит за тот же промежуток времени 2 400 вытягиваний на каждой мюль-машине, что дает в сумме 4 800 вытягиваний за [V—203] рабочий день, а в некоторых случаях требуемое количество труда бывает даже еще больше» (там же, стр. 6—7).

«Предо мной лежит документ, подписанный 22 манчестерскими рабочими-прядильщиками, в котором они утверждают, что 20 миль являются тем минимальным расстоянием, которое им приходится проходить, причем они уверяют, что обычно оно значительно больше. У меня есть и другой документ, доставленный мне в *1842 г.*, ... констатирующий, что труд *прогрессивно увеличивается*; он увеличивается не только потому, что приходится проходить большее расстояние, но и потому, что увеличивается количество производимого товара, тогда как число рабочих относительно уменьшилось; и, кроме того, потому еще, что в настоящее время часто прядется худший сорт хлопка, который труднее обрабатывать» (там же, стр. 8—9).

«В чесальном отделении также имело место *значительное возрастание количества труда;* теперь одному рабочему приходится выполнять такую работу, которая прежде приходилась на двоих. В ткацком отделении, где занято большое число рабочих, главным образом женщин, ... количество труда увеличилось в течение последних нескольких лет на целых 10%, вследствие увеличения скорости машин. В 1838 г. за неделю производилось 18 000 мотков пряжи; в 1843 г. это число возросло до 21 000. В 1819 г. число ударов челнока механического ткацкого станка составляло 60 в минуту, в 1842 г. оно дошло до 140, что говорит о чрезвычайном увеличении количества труда, так как теперь требуется больше точности и внимания к выполняемой работе» (там же, стр. 9).

{Пока машины дают возможность тому или другому фабриканту продавать свой товар выше его *индивидуальной* стоимости, имеет силу следующее положение, показывающее, что даже и в этом случае прибавочная стоимость проистекает из сокращения необходимого рабочего времени, являясь формой относительной прибавочной стоимости:

«Прибыль человека зависит не от того, что он распоряжается *продуктом* труда других людей, а от того, что он распоряжается *самим трудом*». «Если человек может продать» (при возрастании денежной цены товара) «свои товары по более высокой цене, в то время как заработная плата его рабочих остается без изменения, то он, несомненно, выгадывает от повышения цены, независимо от того, повышаются ли цены других товаров или нет. Менее значительная доля того, что он производит, достаточна теперь для того, чтобы привести в движение этот труд, и потому более значительная доля остается для него самого» («Outlines of Political Economy». London, 1832, стр. 49—50). (Автор этой работы — мальтузианец [107].)}

---

* Так в оригинале. По-видимому должно быть: «В 1839 г.». *Ред.*

Фабричные отчеты показывают, что в тех отраслях промышленности, которые (до апреля 1860 года) были подчинены действию фабричного закона и в которых, следовательно, еженедельное рабочее время было в законном порядке сокращено до 60 часов, заработная плата не понизилась, а, скорее, повысилась (если 1859 год сравнить с 1839), в то время как она несомненно понизилась на тех фабриках, на которых тогда еще

«труд детей, подростков и женщин не был ограничен».

Здесь речь идет о

«ситценабивных, отбельных и красильных фабриках, на которых до 1860 г. рабочее время оставалось таким же, каким оно было 20 лет тому назад, и на которых рабочих, находящихся под защитой фабричных законов, временами заставляли работать 14 и 15 часов в день» («Reports of the Inspectors of Factories for the half year ending 30th April 1860», p. 31—32). [V—203]

[V—204] К стр. 203-й. Нижеследующие данные вообще показывают, что вместе с прогрессом промышленности, имевшим место в течение последних 20 лет, заработная плата в различных отраслях фабричного производства значительно понизилась.

Ситцепечатание, крашение и отбелка
(60 часов в неделю)

	1839	1859
Краскотер	35 шилл.	32 шилл.
Машинный печатник	40 »	38 »
Старший мастер	40 »	40 »
Блокорез	35 »	25 »
Блокопечатник	40 »	28 »
Красильщик	18 »	16 »
Полоскатель и чернорабочий	16 и 15 »	16 и 15 »

Узорное крашение (61 час в неделю)

	1839	1859
Шлихтовщики	18 шилл.	22 шилл.
Отбельщики	21 »	18 »
Красильщики	21 »	16 »
Аппретурщики	21 »	22 »

(см. там же, стр. 32). [V—204]

[V—203] На фабриках первого рода [подчиненных действию фабричного закона] производство увеличилось в относительно большей степени, чем прежде, и одновременно, как об этом свидетельствует быстрое распространение фабрик, увеличилась и прибыль фабрикантов.

«Различного рода крупные усовершенствования, сделанные в машинах, чрезвычайно повысили их производительную силу. Вне всякого сомнения, стимулом для этих усовершенствований, особенно в отношении *повышения скорости машин* в заданное время, послужило сокращение рабочего дня. Эти усовершенствования и *более интенсивный* труд рабочих привели к тому, что... за более короткое время выполняется не меньший объем работы, чем прежде при более продолжительном рабочем дне» («Reports of the Inspectors of Factories for the half year ending 31st October 1858», p. 9, 10. Сравни также «Reports of the Inspectors of Factories for the half year ending 30th April 1860», стр. 30 и следующие).

[V—204] Тот факт, что закон о десятичасовом рабочем дне не уменьшил прибыли английских фабрикантов, несмотря на сокращение рабочего дня, объясняется двумя причинами:

1) Тем, что английский час труда превышает континентальный, относясь к последнему как более сложный вид труда, т. е. объясняется тем, что отношение английского фабриканта к иностранному подобно отношению фабриканта, вводящего новые машины, к своему конкуренту.

«При прочих равных условиях английский фабрикант может в течение данного промежутка времени выполнить значительно большее количество труда, чем иностранный фабрикант, и настолько большее, чтобы компенсировать разницу в величине рабочего дня между 60-часовой неделей у нас и 72- или 80-часовой неделей за границей. К тому же средства транспорта в Англии позволяют фабрикантам передавать свои товары железной дороге почти у самой фабрики, откуда они могут быть почти непосредственно погружены на корабль для экспортирования» («Reports of the Inspectors of Factories for the half year ending 31st October 1855». London, 1856, p. 65).

2) То, что теряется на сокращении абсолютного рабочего времени, выигрывается на его уплотнении, так что в действительности один рабочий час равен теперь $^6/_5$ рабочего часа или более. Подобно тому как абсолютное удлинение рабочего дня за определенные пределы (за его естественные пределы) наталкивается на естественные препятствия, точно так же имеет свои границы и уплотненный рабочий день. Поэтому сомнительно, чтобы вообще возможно было то количество труда, которое выполняется теперь на фабриках в условиях действия закона о десятичасовом рабочем дне, получать, например, в течение 12-часового рабочего дня при такой же интенсивности труда.

«Фактически, фабриканты одной из отраслей промышленности»

(не желая вводить у себя две смены детей моложе 13 лет, работающих по 6 часов),

«фабриканты-шерстопрядильщики теперь редко нанимают детей моложе 13 лет, т. е. таких, которые работают половину рабочего времени. Они

ввели усовершенствованные и новые машины различных видов, которые полностью устраняют необходимость детского труда. Так, например, в качестве иллюстрации: путем добавления к уже существующим машинам некоего аппарата, называемого *сучильной машиной*, труд шести или четырех детей, работающих половину рабочего времени, — в зависимости от особенностей каждой машины — может быть выполнен одним подростком... Система работающих половину рабочего времени в известной мере стимулировала изобретение сучильной машины» («Reports of the Inspectors of Factories for the half year ending 31st October 1858». London, 1858, p. 42—43).

Во всяком случае, этот результат сокращения абсолютного рабочего времени показывает нам, как фабриканты изыскивают средства для того, чтобы удлинить относительное прибавочное рабочее время и сократить необходимое рабочее время. Вместе с тем он показывает нам, как машины не только дают возможность отдельному рабочему выполнять труд многих других рабочих, но также увеличивают требующуюся от него массу труда, придавая таким образом часу его труда более высокую стоимость и относительно уменьшая тем самым время, необходимое самому рабочему для воспроизводства его заработной платы. [V—204]

[V—205] Это происходит, как было сказано, путем увеличения скорости хода машины и увеличения числа работающих машин, которые должен контролировать отдельный рабочий. Отчасти это достигается путем изменения конструкции машин, вырабатывающих двигательную силу, в результате чего машины того же самого веса, при относительно, а часто даже и абсолютно уменьшившихся издержках, приводят в движение, и в движение более быстрое, большее количество машин.

«Таким образом, факты, вскрытые официальным отчетом, свидетельствуют о том, что фабричная система распространяется со стремительной быстротой; что *хотя в расчете на одну лошадиную силу приходится то же самое число рабочих, что и прежде, число рабочих по отношению к машинам сократилось;* что паровой двигатель вследствие экономии энергии и благодаря другим усовершенствованиям в состоянии привести в движение машины большего веса; и что увеличение количества выполняемого труда может быть достигнуто путем усовершенствования машин и методов производства, путем увеличения скорости машин и вследствие множества других причин» («Reports of the Inspectors of Factories for the half year ending 31st October 1856», p. 20).

«В своем отчете за октябрь 1852 г. ... г-н Хорнер цитирует ... письмо Джемса Несмита, выдающегося гражданского инженера из Патрикрофта близ Манчестера, содержащее объяснение природы новейших усовершенствований в паровом двигателе, благодаря которым тот же самый двигатель может производить больше работы при меньшем расходовании топлива... В этом письме, между прочим, говорится: «Не очень-то легко было бы представить точные данные относительно увеличения количества работы, производимой одинаковыми двигателями, в которых были сделаны некоторые или все эти усовершенствования. Однако я уверен, что если бы удалось

получить точный отчет, то результаты показали бы, что машины, приводимые в действие паровым двигателем и обладающие тем же весом, что и прежде, теперь выполняют в среднем по крайней мере на *50%* больше работы, и что... во многих случаях те же самые паровые двигатели, которые во времена предельной скорости в 220 футов в минуту развивали мощность в 50 лошадиных сил, теперь развивают мощность свыше 100 лошадиных сил»» (там же, стр. 14).

«В отчете за 1828 год», — говорит Хорнер («Reports for the half year ending 31st October 1856»), — «указывалось число паровых двигателей и водяных колес, а также их мощность в лошадиных силах. В те времена цифры представляли гораздо более точную оценку действительно используемой мощности, чем цифры в отчетах за *1850* или за *1856* годы. Все данные о мощности двигателей и водяных колес в этих отчетах указаны в *номинальных* лошадиных силах, а не в лошадиных силах, которые действительно используются или могут быть использованы. Современный паровой двигатель в 100 лошадиных сил способен развить значительно бо́льшую мощность, чем прежде, и это происходит благодаря усовершенствованиям в его конструкции, благодаря емкости и конструкции котлов и т. д. Таким образом, номинальная мощность современного фабричного парового двигателя может рассматриваться лишь как условный показатель, отправляясь от которого следует исчислять его действительную мощность» (там же, стр. 11).

В-четвертых. Замена простой кооперации системой машин.

Подобно тому как система машин устранила или революционизировала кооперацию, развившуюся в разделение труда, точно так же она во многих случаях устранила или революционизировала простую кооперацию. Когда, например, такие операции, как жатва, посев и т. д., требуют одновременного применения многих рабочих, то они заменяются сеялкой или жаткой. То же происходит при выжимании виноградного сока, когда выжимательный пресс заменяет выдавливание виноградного сока ногами. То же имеет место, когда паровой двигатель применяется для подъема строительных материалов на верхнюю часть здания или вообще на ту высоту, где они [V—206] должны быть использованы.

«Забастовка ланкаширских строительных рабочих (1833) вызвала к жизни любопытный способ применения парового двигателя. Этот последний применяется теперь в нескольких городах вместо ручного труда для подъема различных строительных материалов на верхнюю часть здания, где они используются по назначению» ([*E. C. Tufnell.*] Character, Object, and Effects of Trades' Unions. London, 1834, стр. 109). [V—206]

[V—206] *В-пятых. Изобретение и применение машин для противодействия забастовкам и т. д., а также требованиям повышения заработной платы.*

Забастовки происходят большей частью либо с целью воспрепятствовать снижению заработной платы, либо с целью принудить к ее повышению, либо с целью установить пределы нормального рабочего дня. При этом всегда (или большей

частью) речь идет здесь о том, чтобы ограничить абсолютную или относительную массу прибавочного рабочего времени, либо передать часть этого прибавочного времени самому рабочему. В противовес этому капиталист вводит машины. Здесь машина непосредственно выступает как средство сокращения необходимого рабочего времени. Вместе с тем она выступает как форма капитала, как его власть *над* трудом, как его средство для подавления всяких притязаний труда на самостоятельность. Здесь машины также и *по своему замыслу вступают в игру как враждебная труду форма капитала*. Сельфакторы в прядении, шерсточесальные машины, так называемый ремешковый делитель вместо вращаемой рукой тростильной машины (также и в шерстопрядении) и т. д., — все эти машины были изобретены с целью подавления забастовок. [V—206]

[V—207] Точно так же

«именно под гнетущим давлением со стороны этих деспотических объединений» (а именно, объединений рабочих) «был изобретен автоматический аппарат для крашения и прополаскивания тканей»

(речь здесь идет о ситцепечатном производстве, где были введены гравированные цилиндры, приводимые в действие силой пара; при помощи таких цилиндров можно одновременно печатать рисунок в 4—6 красок).

В связи с изобретением новой машины для ткачества Юр далее говорит:

«Таким образом, орда недовольных, мнившая себя непобедимой за старыми укреплениями разделения труда, обнаружила, что ее обошли с флангов и что ее средства обороны при современной машинной тактике сделались бесполезными. Ей пришлось сдаться на милость победителя» (*Ure*. Philosophie des manufactures. Bruxelles, 1836, tome II, стр. 141, 142). [V—207]

Результат изобретения этих новых машин заключается в том, чтобы либо сделать прежний вид труда совершенно излишним (как, например, прежний труд прядильщика становится излишним в результате изобретения сельфактора), либо уменьшить число требующихся рабочих, а новый труд упростить по сравнению с прежним (как, например, труд чесальщиков упрощен при помощи чесальной машины).

«Наиболее частой причиной забастовок в хлопчатобумажной промышленности являлось введение усовершенствованных машин и особенно увеличение размеров мюль-машин, вследствие чего число веретен, обслуживаемых одним прядильщиком, непрерывно возрастало... Фабрикант при введении на своем предприятии такой улучшенной машины договаривается со своими рабочими о меньшей оплате единицы продукции, но в такой степени, чтобы вследствие возросшей мощности машины их недельный заработок не понизился, а возрос... Но эта сделка наносит ущерб

хозяевам и рабочим тех фабрик, на которых эта усовершенствованная машина не была введена» ([*E. C. Tufnell.*] Character, Object, and Effects of Trades' Unions. London, 1834, стр. 17—18).

«В 1829 г. вспыхнула серьезная забастовка. Незадолго до этого некоторые фабриканты установили у себя мюль-машины, имеющие по 400—500 веретен; благодаря этим машинам работавшие на них прядильщики, хотя им и платили за выработанное количество продукта только 3/5 прежней суммы, могли зарабатывать *по меньшей мере* столько же, сколько зарабатывали те, кто работал на старых машинах. В результате этой забастовки остановилась 21 фабрика и 10 000 человек оказались без работы в течение 6 месяцев» (там же, стр. 19).

«Забастовка (в 1833 г.) рабочих фирмы Хайндс и Дэрхем (в западной части Йоркшира) явилась причиной изобретения шерсточесальной машины, делавшей совершенно излишним труд той категории людей, которые были главными зачинщиками в этом деле; эта машина нанесла их организации такой удар, от которого она уже никогда не сможет оправиться» (там же, стр. 61—62).

[V—207] Подобным же образом «*применение пара* выступает в качестве *антагониста* силы человека» (*P. Gaskell* (хирург). Artisans and Machinery. London, 1836, стр. 23).

«Избыточное рабочее население дало бы фабрикантам возможность понизить уровень заработной платы; но уверенность в том, что всякое значительное понижение заработной платы сопровождалось бы немедленными огромными убытками вследствие забастовок, крупных перебоев и разных других затруднений, которые возникнут на их пути, заставляет их предпочесть более медленный процесс усовершенствования машин, посредством которого, даже утроив производство, они не будут нуждаться в новых рабочих» (там же, стр. 314).

«Пусть фабричные рабочие не забывают, что их труд представляет собой в действительности очень низкую категорию квалифицированного труда; что никакой другой труд не осваивается легче и, принимая во внимание его качество, не оплачивается лучше; что никакой другой труд нельзя столь быстро и в таком изобилии получить в свое распоряжение посредством непродолжительного обучения даже наименее искусных людей». «Машины хозяина фактически играют гораздо более важную роль в деле производства, чем труд и мастерство рабочих, которым всякий обыкновенный чернорабочий может научиться в течение 6 месяцев» («The Master Spinners and Manufacturers' Defence Fund. Report of the Committee appointed for the Receipt and Apportionment of this Fund, to the Central Association of Master Spinners and Manufacturers». Manchester, 1854, стр. 17, 19).

В связи с «железным человеком» (автоматической мюль-машиной [108]) Юр говорит:

«Завербовав науку себе на службу, капитал постоянно принуждает к покорности мятежные руки труда» [*Юр.* Цит. соч., том II, стр. 140].

«Необходимость увеличивать размеры прядильных машин, необходимость, вызванная постановлениями рабочих ассоциаций, создала недавно необычайный импульс для развития механики... *Удвоив размеры своей мюль-машины,* хозяин может избавиться от нерадивых или строптивых рабочих и вновь стать у себя хозяином, что дает ему большое преимущество» (там же, стр. 134).

Хозяева прядильных предприятий стали прибегать к такому приему:

«Повышать или по крайней мере сохранять на прежнем уровне *заработную плату каждого прядильщика,* но при этом уменьшать *число рабочих, необходимых* для выработки того же самого количества товаров. В результате выходило, что оставшиеся на работе процветали, тогда как масса рабочих бедствовала» (там же, стр. 133—134).

«Железный человек... творение, предназначенное для *восстановления порядка* в рабочих классах» (там же, стр. 138). [V—207]

[V—207] «Первые фабриканты, которым всецело приходилось полагаться на ручной труд, периодически несли тяжелые прямые потери вследствие непокорного духа своих рабочих, которые пользовались для предъявления своих претензий каждым удобным случаем, когда рыночная конъюнктура бывала особенно неблагоприятной... Быстро приближавшийся кризис пресек бы успешное развитие фабричного дела, но пар и его применение в машинном производстве сразу же направили ход событий против рабочих» (*Гаскелл.* Цит. соч., стр. 34—35).

[V—208] *В-шестых. Дерзкое желание рабочих частично присвоить себе плоды производительности своего труда, возросшей благодаря применению машин.*

«Тред-юнионы, руководимые желанием отстаивать заработную плату, *пытаются добиться участия в прибылях, полученных вследствие усовершенствования машин...* Они требуют более высокой заработной платы в связи с сокращением рабочего дня... Другими словами, они стремятся установить *налог на усовершенствования в промышленности»* («On Combinations of Trades». New Edition. London, 1834, стр. 42).

«Принцип регулирования заработной платы предполагаемыми прибылями хозяина, заключающийся в требовании более высокого вознаграждения за труд при улучшении машин, является совершенно неприемлемым. Между тем, применение этого принципа не ограничивается каким-либо одним видом прибыли. Так, 7-го августа 1824 г. забастовали красильщики; они оповестили плакатом, что их хозяева добились повышения цены за крашение *в большем размере,* чем соответствующая прибавка, которой требуют рабочие... Таким образом, заработная плата совершенно меняет свой характер, она либо поглощает прибыль, либо превращается в налог на прибыль» (там же, стр. 43—44).

В-седьмых. Бóльшая непрерывность труда. Использование отходов и т. д. На заключительной стадии можно выработать больше, если при помощи машин доставляется больше сырья.

Непрерывность труда вообще возрастает вместе с применением машин (и вообще основного капитала).

Далее: машина обильнее снабжает материалом труда те отрасли промышленности, для которых продукт этой машины служит сырьем. Например, в XVIII столетии ручные ткачи постоянно страдали из-за невозможности доставить себе материал (пряжу) для его переработки. По этой причине часто происходили большие перерывы в труде, что повергало их в «лишения».

«То, что достигнуто теперь благодаря усовершенствованию прядильной машины, произошло *не вследствие повышения уровня оплаты труда,*

а вследствие обычно недостаточно насыщенного рынка и *постоянного роста производства пряжи, что давало им возможность работать полное рабочее время»* (*Гаскелл.* Цит. соч., стр. 26—27).

Таков один из главных результатов применения машин:

«возможность постоянно работать полное рабочее время в той же отрасли».

Для самостоятельно работающего мелкого хозяина это давало возможность работать полное рабочее время. Для капиталиста это означает возможность заставлять работать полное рабочее время других.

То, что здесь совершила прядильная машина, снабжая ткачей пряжей, совершил изобретенный в 1793 г. Илаем Уитни (из Коннектикута) волокноотделитель, снабжавший прядильщиков хлопком. У плантатора имелось достаточно негров, для того чтобы высевать большое количество хлопка, но недостаточно для того, чтобы отделять волокно от семян. Таким образом, это обстоятельство значительно уменьшало количество производимого сырья и увеличивало стоимость, скажем, одного фунта хлопка.

«Для полного отделения фунта хлопкового волокна от семян в среднем требовался рабочий день... Изобретение Уитни давало возможность владельцам его машины полностью очищать от семян [100] фунтов волокна в день при помощи одного человека; с той поры производительность волокноотделителя еще более повысилась» [109].

[V—209] То же самое имеет место в *Индии*.

«Для Индии другое зло, которое едва ли можно было бы ожидать в стране, экспортирующей больше труда, чем какая-либо другая страна в мире, за исключением разве Китая и Англии, состоит в *невозможности раздобыть достаточное количество рабочих рук для очистки хлопка*. Следствием этого является тот факт, что значительная часть урожая останется несобранной, а другую часть его убирают с земли, после того как хлопок уже осыпался и, естественно, потерял цвет и отчасти сгнил. Таким образом, *вследствие недостатка рабочих рук в надлежащее время* плантатор фактически вынужден лишиться значительной части того урожая, на который с такой жадностью устремлены взоры Англии» («Bengal Hurkaru. Bi-Monthly Overland Summary of News», 22nd July 1861).

«При помощи обыкновенной *чурки* [*Churca*] один мужчина и одна женщина очищали 28 фунтов хлопка в день. При помощи чурки д-ра Форбса двое мужчин и один мальчик ежедневно очищают 250 фунтов хлопка» («Bombay Chamber of Commerce Report for 1859—1860», p. 171). «Шестнадцать таких» (упомянутых выше) «машин, приводимых в движение волами, в состоянии очистить за день одну тонну хлопка, т. е. такое количество хлопка, которое раньше требовало в среднем труда 750 человек» («Paper read by Dr. Watson, Reporter on the Products to the Government of India, before the Society of Arts, on the 17th April 1860»).

Посредством машин можно обрабатывать такие материалы, которые плохо поддаются обработке вручную.

«Спрос на дешевые товары» (шерстяные ткани в западной части Йоркшира) «дал мощный толчок этому виду производства, экономика которого зиждется не столько на усовершенствовании машин и сбережении труда, сколько на применении худших сортов шерстяного волокна и шерстяного тряпья, которые посредством мощных машин вновь превращаются в шерсть первоначального качества, а затем либо перерабатываются в пряжу для низших сортов сукна, либо, с примесью новой шерсти, перерабатываются в пряжу для лучших сортов сукна. Этот вид производства нигде не привился в столь широких размерах, как в Англии, хотя он довольно распространен и в Бельгии» («Reports of the Inspectors of Factories for the half year ending 31st October 1855». London, 1856, p. 64).

«Нередко достигается большая экономия в материалах; это имеет место, например, при переходе от изготовления досок с помощью тесла к изготовлению их с помощью пилы. С другой стороны, работа, совершаемая природными агентами, настолько дешевле, что многие предметы, которые иначе были бы совершенно никчемными, теперь привлекают к себе внимание, так как теперь им не без выгоды можно придать такую форму, в которой они приобретут стоимость» (*F. Wayland.* The Elements of Political Economy. Boston, 1843, стр. 72—73).

Далее, отходы, получающиеся при производстве, ведущемся в крупном масштабе, настолько значительны, что они сами легко могут вновь стать предметами торговли, предназначенными как для сельского хозяйства, так и для других отраслей производства.

[V—210] *В-восьмых. Замена труда.*

«Когда совершенствуются ремесла, дело сводится к открытию новых методов, благодаря которым данная работа может быть выполнена *с меньшим количеством людей* или (что то же самое) *в более короткое время, чем раньше*» (*Galiani.* Della moneta. Scrittori classici italiani di economia politica. Parte moderna. Tomo IV. Milano, 1803, стр. 158—159).

Это в такой же степени относится к простой кооперации и к разделению труда, как и к машинам. Для изготовления продукта «*меньшее количество людей*» и «*более короткое время*» — это одно и то же. Если один человек за один час может сделать столько, сколько он прежде делал за 2 часа, то один человек может теперь за один рабочий день сделать то, что прежде делали двое, и для чего, следовательно, прежде требовалось два одновременных рабочих дня. Таким образом, все те средства, с помощью которых сокращается необходимое рабочее время отдельного рабочего, одновременно ведут к уменьшению количества рабочих, требующегося для того, чтобы произвести тот же самый результат. Имеет ли место при применении машин лишь различие в степени указанного уменьшения числа рабочих, или же сюда присоединяется еще нечто специфическое?

Стюарт (сэр Джемс) в своей работе «An Inquiry into the Principles of Political Oeconomy» (Dublin, 1770) говорит:

«Я рассматриваю машины как метод увеличения (*по их эффективности*) количества работающих без расхода на прокормление дополнительного количества людей» (том I, кн. I, гл. XIX, стр. 123).

Там же он задает вопрос:

«Чем действие машины отличается от действия, вызываемого появлением новых жителей?» (там же, стр. 122).

* * *

{*Цена товара и заработная плата* [110]. О тупоумии Прудона мы поговорим в другом месте. Но то, что ему возразил г-н *Эжен Форкад,* один из лучших критически мыслящих экономистов Франции, столь же ложно и смешно, как и утверждения Прудона. Форкад говорит:

«Если бы возражение Прудона... о том, что «рабочий не может выкупить свой собственный продукт, потому что в него входит процент, присоединяющийся к себестоимости продукта» [111], было правильно, оно касалось бы не только прибылей с капитала, но *уничтожило бы самую возможность существования промышленности.* Если рабочий принужден платить 100 денежных единиц за вещь, за которую он получил всего лишь 80, *если заработная плата в состоянии выкупить в продукте лишь стоимость, вложенную в него ею самой,* то это равносильно утверждению, что рабочий не может ничего выкупить»

{следовательно, рабочий не мог бы ничего выкупить, даже если бы он получил обратно *полную стоимость* того, что он вложил в продукт, т. е. если бы вовсе не существовало прибыли и никакой другой формы прибавочной стоимости, являющейся выражением прибавочного труда. И с таким представлением Форкад полагает, что он что-то смыслит в политической экономии! Тупоумие Прудона заключается в том, что он думает, будто рабочий должен покупать на получаемые им (в качестве заработной платы) деньги товар более высокой стоимости, чем содержится в этих деньгах, т. е. будто товар продается *выше* своей стоимости, так как прибыль и т. д. реализуется при продаже. Но особенно хорош Форкад, который объявляет промышленность *невозможной*, если заработная плата в состоянии оплатить лишь ту часть стоимости продукта, которую вложил в него рабочий. Наоборот, капиталистическая промышленность была бы невозможна, если бы заработная плата была достаточна для того, чтобы оплатить в продукте всю стоимость, вложенную в него рабочим. В этом случае не было бы ни прибавочной стоимости, ни прибыли, ни процента, ни ренты, ни капитала. Фактически замечание Форкада относится не только к «рабочему», но и к производителям вообще},

«что заработная плата ничего не может *оплатить*»,

(Итак, фактически у Форкада имеется следующее общее положение: если *производитель* в состоянии оплатить только ту часть стоимости продукта, которую он в него вложил, то он ничего не может оплатить. А именно, потому, что товар кроме присоединенного труда содержит постоянный капитал.)

«На самом деле *в себестоимости* всегда заключается нечто большее, чем заработная плата [рабочего, а в продажной цене нечто большее, чем прибыль предпринимателя]»

{это уже совсем вульгарно. Форкад хочет сказать, что всегда имеется нечто большее, чем то, что прибавил последний труд и что реализовано в товаре},

«например, *цена сырого материала, часто уплаченная за границей*».

(Даже если цена сырого материала и не уплачена за границей, это ничего не меняет в существе дела. Возражение Форкада, [V—211] основывающееся на грубом непонимании, остается тем же. Вся суть в том, что та часть совокупного продукта, которая оплачивается заработной платой, не содержит ни капли стоимости, имеющей своим источником стоимость сырого материала и т. д., хотя всякий отдельный товар, рассматриваемый сам по себе, состоит из стоимости, присоединенной к нему последним трудом, и из стоимости сырого материала и т. д., независимой от этого труда. То же самое относится и ко всей той части продукта, которая превращается в прибавочную стоимость (в прибыль и т. д.). Что же касается стоимости постоянного капитала, то она возмещается либо сама собою, in natura *, либо путем обмена на другие виды постоянного капитала.)

«Прудон забыл о непрерывном росте национального капитала; он забыл, что этот рост проявляет себя для всех работников, как для предпринимателей, так и для рабочих» («Revue des Deux Mondes». Paris, 1848, tome XXIV, стр. 998—999).

И этой бессмысленной фразой Форкад пытается увильнуть от решения проблемы, а ведь он еще, бесспорно, один из «наиболее критически мыслящих» экономистов!

В этой связи мы намерены тут же рассмотреть и всю прудоновскую белиберду.}

* * *

Издержки на машины, строения и т. д., когда они не используются. В газете «Times» от 26 ноября 1862 года [112] один фабрикант, на хлопкопрядильных фабриках которого занято 800 рабочих и [еженедельно] при полной их загрузке потребляется

* — в натуре, в натуральной форме. *Ред.*

около 150 кип ост-индского или около 130 кип американского хлопка, жалуется на то, что ежегодные издержки, вызываемые перерывами в работе на фабриках, составляют около 6 000 ф. ст. (около 120 ф. ст. в неделю). Он имеет в виду прежде всего такие постоянные издержки, которые здесь нас не интересуют (но на практике очень важны), а именно, *ренту*, являющуюся наиболее значительной постоянной статьей расхода и подлежащую уплате независимо от того, работает машина или же нет (в вышеупомянутом случае рента составляет 2 450 ф. ст.); далее, *страхование* (страхование фабрик и машин от пожара в вышеупомянутом случае обходится в 477 ф. ст., *страхование хлопка, находящегося в процессе производства*, — в 123 ф. ст.); *налоги* на это имущество {налоги на фабрики и машины по данным за 1861 г. (включая налог в пользу бедных) составляют 310 ф. ст.}; далее, *жалованье управляющему, бухгалтеру и комиссионерам* (в вышеуказанном случае оно составляет 625 ф. ст.); затем идет *жалованье привратнику, сторожам, инженеру и рабочим, эпизодически ремонтирующим машины* (250 ф. ст.) (этот *эпизодический* труд по ремонту машин относится к издержкам по их сохранению); далее, *уголь на отопление помещений фабрики* и *на эпизодическую работу парового двигателя* (150 ф. ст.); наконец, *«отчисления на изнашивание машин»* (1 200 ф. ст., так как машины уже сильно изношены).

В отношении последней статьи издержек ланкаширский прядильный фабрикант замечает:

«Многим может казаться, что коль скоро фабрика и машины бездействуют, то они не могут изнашиваться... Здесь речь идет не о покрытии стоимости обычного износа и повреждений, которые ликвидируются посредством ремонта — подобно тому как нож снабжается новым лезвием — бригадой механиков, имеющихся наготове у каждого фабриканта, когда его фабрика работает. Здесь же речь идет о покрытии такого рода износа, который невозможно восстанавливать время от времени и который, в примере с ножом, в конце концов привел бы его в такое состояние, при котором ножовщик сказал бы, что «нож не стоит нового лезвия». *Речь здесь идет также и о покрытии таких потерь*, которые постоянно возникают вследствие замены одних машин другими, новыми и лучшей конструкции, прежде чем старые придут в состояние полной негодности. По этим двум причинам фабричное машинное оборудование, как хорошо известно, полностью обновляется по меньшей мере через каждые 15 или 20 лет. А изобретения не прекращаются и в такие времена, как эти, получая всегда новые стимулы в случае затруднений. Равным образом, погода и естественные разрушительные силы не прекращают своего действия от того, что паровой двигатель остановлен».

Этот же парень говорит:

«Несомненно, что многие фабриканты обладают крупными резервами, к которым они могут прибегнуть, но большинство ланкаширских фабри-

кантов не имеют свободных капиталов. Обычно сразу же, как только они получают свои прибыли, они тратят их на расширение своих фабрик и приобретение машин, и, как правило, у них ощущается скорее недостаток, чем избыток оборотного капитала» («The Times» от 26 ноября 1862 г., стр. 12) *.

[V—212] *Cherbuliez.* Riche ou pauvre. Paris, 1841 (перепечатка с женевского издания).

«Новый капитал	*Старый капитал*
1) Машина	1) Фонд жизненных средств рабочих
2) Годовые расходы на ее содержание	2) Инструмент и расходы на его содержание
3) Сырой материал	3) Сырой материал».

{Разумеется, и для нового капитала имеют место расходы на фонд жизненных средств для рабочих. Шербюлье говорит здесь только о фонде жизненных средств тех рабочих, которые замещаются машиной.}

«В обоих столбцах не следует принимать в расчет число рабочих, необходимых для ухода за машиной и управления ею. Старый капитал увеличивался бы *в прямом отношении* к числу применяемых им рабочих. Если для определенного числа рабочих он составляет 100, то для удвоенного числа рабочих он составит 200. Новый капитал не подчиняется действию тех же законов роста, так как то, что служит в машине для применения используемой ею двигательной силы, не растет численно и по своим размерам пропорционально числу рабочих, труд которых эта машина замещает. Поэтому каково бы ни было превышение величины нового капитала над старым при данном числе рабочих, это превышение имеет свойство превращаться в отставание по величине — в той пропорции, в какой увеличивается число представленных в машине и замещенных ею рабочих. При замещении двух рабочих машина, пожалуй, обходится дороже; при замещении же 4, 10, 20 рабочих она становится все более и более дешевой. Этот благоприятный результат можно получить только при наличии крупной суммы накопленного капитала, достаточного для того, чтобы установить машину, которая заместит требуемое число рабочих, и чтобы запастись количеством сырого материала, соответствующим этому числу. Здесь опять, как и в случае какого-нибудь нового подразделения труда, экономия связана с предшествовавшей реализацией добавочного капитала. *Всякое накопление богатства доставляет средства для ускорения дальнейшего накопления»* (указ. соч., стр. 28—29).

{*Во-первых.* Условия накопления капитала необходимо учитывать при рассмотрении вопроса о превращении прибавочной стоимости в капитал. Здесь следует упомянуть, что подобно тому как накопление является условием капиталистического

* На полях против этого абзаца рукою Маркса написано: «Улучшение машин относится к износу». По-видимому, Маркс имеет здесь в виду то, что позже он назвал «моральным износом». *Ред.*

производства, капиталистическое производство является причиной накопления.

Во-вторых. Машина замещает известное число рабочих либо реально, т. е. заступая их место (это всегда происходит в том случае, когда данный вид труда не является новым и прежде выполнялся без машин), либо же потенциально — тем, что нам потребовалось бы такое-то число рабочих, для того чтобы заменить *эту машину.* Если, например, мы говорим о миллионах рабочих (см. Годскина), необходимых для того, чтобы произвести нынешнюю продукцию хлопчатобумажной промышленности, то речь идет о таком числе рабочих, которое потребовалось бы *для того, чтобы* заместить *машины.* Другое дело, когда мы говорим, что такое-то число ткачей выбрасывается на улицу в результате введения механического ткацкого станка. В этом случае речь идет о тех рабочих, которых *заместила* машина. Это большая разница. Машина, однажды введенная в качестве базиса какой-нибудь отрасли производства (и уже больше не испытывающая конкуренции со стороны мануфактуры), выбрасывает рабочих лишь по мере того как она улучшается. Но производство расширяется на основе некоторого уже достигнутого усовершенствования машин еще до того, как это усовершенствование достигает более высокой степени.

Если, например, на ручных ткацких станках было занято 10 человек, а на механических ткацких станках теперь занято 20 и если один механический ткацкий станок замещает 10 ручных, то эти 20 человек вырабатывают столько же, сколько прежде вырабатывали 200. Но эти 20 человек не вытеснили, не заместили 200. Первый механический ткацкий станок вытеснил 10 ручных [и 9 рабочих]. А на остальных 19 механических ткацких станках работало 19 человек. Поэтому нельзя утверждать, что рост производительной силы привел к замещению 180 человек, на том основании, что без механических ткацких станков [для выполнения нового объема производства] потребовалось бы 200 рабочих. Производительная сила лишь удесятерилась.

Если бы был изобретен новый механический ткацкий станок, на котором 10 человек могли бы сделать столько же, сколько 20 человек на прежних, то 20 человек были бы замещены 10 рабочими, т. е. 10 человек были бы выброшены на мостовую. Если бы число этих механических ткацких станков снова возросло до 20, то при них снова было бы занято 20 человек, а по прежнему масштабу [для выполнения нового объема работы] требовалось бы 40. По первоначальному же масштабу

потребовалось бы 400 рабочих. Но замещены были не 400 человек, которых никогда не существовало. Первый механический ткацкий станок вытеснил 10 ручных, а второй — только 2 [первоначальных механических ткацких станка]. Стало быть, производительная сила возросла в пропорции 20 : 1.

Итак, во всяком случае производительная сила возросла в двадцать раз. Если бы подобное развитие происходило во всех отраслях, то рабочему требовалось бы в двадцать раз меньше времени, для того чтобы воспроизвести свои жизненные средства. Следовательно, если вначале для этого требовалось 11 [из 12] часов, то теперь потребовалось бы $^{11}/_{20}$ часа, и весь его остальной рабочий день, равный $11^{9}/_{20}$ часа, принадлежал бы капиталисту. Однако подобного рода развитие производительной силы не происходит равномерно и повсеместно.

Далее, необходимо заметить следующее: масса прибавочного труда определяется не теми рабочими, которых замещает машина, а теми, которых она применяет. Как раз это и забывает Шербюлье. Производительность машины (и ее дешевизна) определяется не только количеством тех рабочих, которых она замещает, но и количеством тех рабочих, которым она помогает в труде. Или эти выражения в [V—213] известном смысле идентичны.}

{Коль скоро машинный труд сокращает рабочее время, необходимое для производства определенного товара, т. е. увеличивает массу товаров, производимых за *одно и то же* рабочее время, то возможны два случая. [В первом случае] этот товар входит в потребление рабочих. Тогда, помимо того, что изложено выше, увеличивается та масса труда, которая может быть применена для производства товаров, *не* входящих в потребление рабочего, — товаров, в которых, следовательно, может быть представлен прибавочный труд. Расширяется та основа, на которой может вырасти более многочисленный высший класс, а вместе с этим расширяется и потребление этого класса. Однако расширяется и та основа, на которой может вырасти более многочисленный рабочий класс, т. е. расширяется та масса живого материала, на поте и крови которого вырастает высший класс. Если же, во втором случае, указанный товар не входит в потребление рабочих, то либо удешевляется потребление [высшего класса], либо высвобождается труд для новых сфер его приложения.}

Распределение стоимости машин, зданий и т. д. на всю массу произведенных товаров.

Постоянный капитал, в той мере, в какой относительная величина его стоимости входит (пропорционально совокупному

капиталу) как определяющий фактор в норму прибыли, совершенно не следует принимать в расчет при рассмотрении прибавочной стоимости как таковой. Поэтому и в разделе об абсолютной прибавочной стоимости, и в разделе о кооперации, разделении труда и т. д. мы рассматривали его как безразличную величину *C*. Тем не менее, при рассмотрении машин мы вынуждены специально заняться постоянным капиталом. В этом, однако, нет никакой непоследовательности. При этом следует отметить два момента:

1) Относительная прибавочная стоимость может быть создана лишь в той мере, в какой становятся дешевле товары, входящие в потребление рабочих (жизненные средства); т. е. в той мере, в какой уменьшается стоимость этих товаров, или количество требуемого для их производства рабочего времени. Но заключающееся в товаре рабочее время состоит из двух частей: а) из *прошлого рабочего времени*, которое содержится в потребленных при производстве товара средствах труда и в сыром материале, если таковой был; б) из присоединенного последнего *живого труда*, короче говоря, из того труда, который овеществляется при посредстве этих средств труда и в этом сыром материале.

Все методы, направленные на сокращение рабочего времени, необходимого для производства товара, а следовательно, на уменьшение стоимости товара, не затрагивают стоимости входящего в производство сырого материала (самое большее, при увеличении масштаба производства, получается *экономия* на сыром материале). Эта часть входящего в стоимость товара *прошлого труда* здесь, следовательно, нас совершенно не касается. Все указанные методы имеют между собой то общее, что они в большей или меньшей степени сокращают живой труд, воздействующий на прошлый труд.

Таким образом, остается еще рассмотреть только ту часть прошлого труда, которая состоит из орудий труда и условий труда (как, например, зданий и т. д.). Эта часть прошлого труда не увеличивается при простой кооперации и при разделении труда. (Напротив, орудия и условия труда становятся дешевле вследствие их концентрации, вследствие общественного характера их использования.) Однако при применении машин дело обстоит иначе. Здесь появляется некоторое специфическое отношение. Сокращение живого труда основано здесь на революции в рассматриваемой части постоянного капитала; грубо говоря, на место простого и дешевого орудия производства приходит сложное, огромное и дорогостоящее орудие производства. Поэтому если бы в результате введения машин

товар *подорожал* в той же (или еще *большей*) мере, в какой он, с другой стороны, дешевеет вследствие ускорения [процесса производства] и уменьшения присоединяемого [к постоянному капиталу] живого труда, то *стоимость* товара не понизилась бы. Одна составная часть его стоимости понизилась бы именно потому, что другая повысилась бы. В *совокупном количестве* рабочего времени, необходимого для производства товара, уменьшения не произошло бы, *а потому* не произошло бы и [изменения в] производстве *прибавочной стоимости*. Следовательно, так как этот *метод* создания относительной прибавочной стоимости основан на революции в одной определенной части постоянного капитала и этим отличается от других методов, то этот пункт следует здесь рассмотреть особо. Если рассматривать эту проблему в самом общем виде, то она разрешается таким образом, что совокупное количество [V—214] произведенных при помощи машин товаров *так велико*, что на каждую единицу товара приходится меньшая составная часть стоимости (меньшая часть износа) машин, зданий и необходимых для работы машин вспомогательных материалов, чем это было бы в том случае, если бы тот же самый товар производился старым способом, посредством ручного труда и с помощью старых ремесленных орудий. А выполнение указанного условия, в свою очередь, будет зависеть от следующих обстоятельств:

α) от *той массы товаров*, которую отдельный рабочий может произвести при помощи машин в некоторый данный промежуток времени, например, за один рабочий день;

β) от *количества рабочих*, — если дано предыдущее соотношение, — *одновременно* работающих на данных машинах: чем больше это количество рабочих, тем меньше та часть стоимости всех машин, которая приходится на каждого отдельного рабочего;

γ) от различия между тем периодом, когда машины участвуют в процессе труда, и тем периодом, когда они участвуют в процессе образования стоимости. Если, например, машина работает 15 лет, то каждый год в течение этих 15 лет она целиком входит в процесс труда, но лишь $^1/_{15}$ часть ее ежегодно входит в процесс образования стоимости. Следовательно, годовой совокупный продукт в виде товара содержит в себе никак не больше $^1/_{15}$ части стоимости машин.

2) Существует большая разница между вопросом о том, в какой мере постоянный капитал влияет на *норму прибыли* — это есть исследование вопроса об *отношении прибавочной стоимости к стоимости авансированного капитала*, без какого-либо

учета функций его различных частей, — и, с другой стороны, вопросом о том, в какой мере определенная форма постоянного капитала (машины и т. д.) уменьшает *цену отдельного товара*, или *содержащееся* в нем рабочее время (прошлый и настоящий труд). Разумеется, по своему *содержанию* оба вопроса сводятся к одному и тому же. Но одно и то же явление рассматривается здесь с двух совершенно различных точек зрения. В одном случае мы исследуем, каким образом удешевляется товар {а вместе с тем, коль скоро он входит в потребление рабочих, — каким образом удешевляется *рабочая сила*}, т. е. каким образом уменьшается совокупное количество труда — прошлого и живого, — необходимого для его производства. В другом случае мы исследуем, каким образом революция в соотношениях масс и в соотношениях стоимостей конституирующих частей капитала воздействует на отношение прибавочной стоимости ко всему авансированному капиталу (т. е. на норму прибыли). Исследование последнего вопроса предполагает наличие прибавочной стоимости, т. е. предполагает существование всего капиталистического производства (а также процесса обращения). Исследование первого вопроса не предполагает ничего, кроме нашего всеобщего закона о стоимости товаров и вытекающих отсюда законов о стоимости рабочей силы и о соотношении между прибавочной стоимостью и стоимостью рабочей силы.

3) Смешение этих вопросов: уменьшение рабочего времени, требующегося для производства отдельного товара (или массы товаров), и соотношение, с одной стороны, между прибавочным и необходимым трудом, а с другой стороны, между стоимостями и массами различных составных частей капитала, — является источником больших заблуждений.

Прежде всего главное заблуждение. Если вникнуть в сущность капиталистического производства, то отнюдь не покажется противоречием то, что рабочее время, необходимое для производства [единицы] какого-нибудь товара, сокращается, тогда как суммарное время, которое рабочему приходится затрачивать на производство этого подешевевшего товара, удлиняется. Напротив, это является действительно непостижимым противоречием у тех экономистов, которые считают, что машина изобретена и применена не для того, чтобы сократить рабочее время, необходимое рабочему для производства [единицы] какого-нибудь товара, а для того чтобы сократить то рабочее время, которое рабочий вообще должен отдать в качестве эквивалента своей заработной платы. В особенности если, с одной стороны, прибыль объясняют тем, что машины сокращают рабочее время рабочего, а с другой стороны, доказывают

(Сениор и другие), будто применение машин настоятельно требует удлинения этого рабочего времени.

Во-вторых. Что касается рабочего времени самого̀ рабочего, то его оплаченное рабочее время тем самым [в результате удешевления товаров, входящих в потребление рабочего] сокращается, а неоплаченное — удлиняется. Это следует [V—215] уже из того, что количество содержащегося в каком-либо товаре рабочего времени и та пропорция, в которой это рабочее время распределяется между капиталистом и рабочим, представляют собой две совершенно различные вещи. Если капиталист продает какой-нибудь товар дешевле, то отсюда отнюдь не следует, что из-за этого он получает *меньшую прибыль*, реализует меньше прибавочной стоимости. Чаще всего дело обстоит как раз наоборот. К этому надо добавить, что *продуктом капитала* следует считать не *отдельный товар*, а совокупную массу товаров, произведенных за определенный период.

Удлинение абсолютного рабочего времени в условиях фабричной системы.

Развитая организация труда, соответствующая машинному производству на капиталистической основе, представляет собой *фабричную систему*, которая господствует — с бо̀льшими или меньшими модификациями, вызванными специфическими особенностями этой сферы производства, — даже в современном крупном сельском хозяйстве.

Главное заключается в том, что *прибавочная стоимость*, которую получает капиталист, имеет своим источником не тот труд, который *замещается* машиной, а тот, который применяется на основе машинного производства. Размер же прибавочной стоимости определяется двумя моментами: [во-первых,] той нормой, в соответствии с которой эксплуатируется каждый отдельный рабочий, или той массой прибавочного труда, которая приходится на рабочий день отдельного рабочего, а во-вторых, числом одновременно занятых рабочих, эксплуатируемых данным капиталом. Введение машин уменьшает влияние последнего момента, тогда как влияние первого оно усиливает. Оно увеличивает прибавочное рабочее время отдельного рабочего, но оно уменьшает число тех рабочих, которых определенный капитал эксплуатирует одновременно. Таким образом, тот же самый метод, который имеет тенденцию к повышению нормы прибавочной стоимости, одновременно имеет противодействующую тенденцию к ослаблению другого момента, также действующего определяющим образом на массу прибавочной стоимости.

Если 20 рабочих работают по 12 часов в день, из которых 2 часа образуют прибавочную стоимость, то масса прибавочной стоимости равна $2 \times 20 = 40$ рабочим часам (равна трем рабочим дням, продолжительностью в 12 часов каждый, плюс 4 часа). Если 10 рабочих работают по 12 часов в день, из которых 4 часа образуют прибавочный труд, то масса прибавочной стоимости составит, как и раньше, 40 часов. Но 6 рабочих, каждый из которых проработал 6 часов прибавочного труда, создадут только 36 часов прибавочной стоимости. И если бы один и тот же капитал в первом случае применял 20, а во втором случае — 6 рабочих, то масса прибавочной стоимости уменьшилась бы, хотя ее норма возросла.

Эта антагонистическая тенденция эксплуатации, основанной на применении машин, толкает на увеличение абсолютного рабочего времени. Если бы, например, во втором случае рабочие вместо 12 часов работали 14 часов, из которых 8 часов представляли бы собой прибавочный труд, то размер прибавочной стоимости составил бы $6 \times 8 = 48$ часов.

Указанная причина, толкающая на абсолютное удлинение рабочего времени, — на увеличение абсолютного прибавочного труда, на удлинение рабочего дня, — совершенно *не осознана* капиталистами и их истолкователями. Данное явление обнаруживается, как только машинное производство в результате конкуренции достаточно распространяется и развивается для того, чтобы *социальная стоимость*, рыночная стоимость товаров, изготовленных с помощью машин, снизилась до уровня их индивидуальной стоимости, и капиталист, следовательно, уже не мог бы больше присваивать себе эту разницу.

Указанный побудительный мотив [к удлинению рабочего дня в условиях машинного производства] совершенно не зависит от мотива, связанного с реализацией стоимости той части постоянного капитала, которая состоит из машин и строений. Этот последний мотив, как более осязательный, непосредственно присутствует в сознании капиталистов и их истолкователей.

Мотив этот весьма прост и является общим для всякого прибавочного труда, но он приобретает особое значение в тех случаях, когда стоимость и масса капитала, затраченного на средства труда, достигают огромной величины.

Прежде всего, если труд вместо 12 часов в день продолжается 24, то нет необходимости в дополнительных расходах на машины и строения; тогда как, если эти добавочные 12 часов труда поглощаются *одновременно* с первыми 12 часами, то строения, рабочие машины [V—216] и до известной степени те машины, которые производят двигательную силу, должны быть уве-

личены. Также и этим путем достигается удешевление товара, ибо безразлично, распределяется ли стоимость машин *в пространстве* на большее количество труда посредством большего *числа рабочих*, работающих одновременно на этого рода машинах рядом друг с другом, или же это совершается *во времени*, так что одно и то же *число рабочих* работает на одних и тех же машинах в течение не 12, а 24 часов.

Абсолютное время воспроизводства строений остается приблизительно тем же, входят ли они реально в процесс труда как условия производства в течение 12 или 24 часов.

Время воспроизводства самих машин — в отличие от воспроизводства их *стоимости* — сокращается не в той же мере, в какой удлиняется продолжительность их активной службы.

В результате всего этого увеличивается прибыль, получаемая в течение некоторого *данного периода обращения*, да и вообще прибыль исчисляется в соответствии с величиной прибавочной стоимости, реализуемой за некоторый определенный период обращения, например за год.

Вследствие этого вообще уменьшается отношение постоянного капитала к переменному, так как [машины и строения составляют] наиболее значительную часть постоянного капитала.

Все эти последние соображения относятся, стало быть, к учению о прибыли.

Замещение машинами орудий труда.

Здесь следует заметить, что машины замещают не только живой труд, но также и работника и его ремесленные инструменты. Последние, разумеется, могут быть весьма незначительными, например, в том случае, когда швейные машины замещают обыкновенный швейный труд. В большинстве же случаев это вовсе не замещение, ибо собственно рабочее орудие вновь появляется в самой машине, хотя число этих орудий бесконечно увеличивается, а сами они механически более или менее видоизменяются.

Конгломерация рабочих в условиях фабричной системы.

В дальнейшем мы более подробно займемся специфическими особенностями кооперации, как она выступает в условиях фабричной системы в отличие и от простой кооперации, и от мануфактуры, основанной на разделении труда.

Здесь же следует прежде всего заметить, что развитая система машин — система производства, основанная на применении машин, — предполагает конгломерацию рабочих в одном месте, их пространственную концентрацию под руководством капиталиста. Такого рода концентрация является условием машинного производства. (См. цитату из Рейвнстона [113].)

Машины, производящие двигательную силу — так же как и передаточный механизм, который распределяет и передает эту двигательную силу, — становятся относительно дешевле, тем дешевле, чем в большей системе машин они применяются. Точно так же относительно снижаются затраты на строения, отопление, надзор и т. д., короче говоря, на все *совместно* потребляемые массой рабочих, необходимые им объективные условия труда. Системе одновременно работающих машин должна соответствовать армия одновременно занятых рабочих, отчасти для того, чтобы осуществить свойственное системе машин специфическое разделение труда, отчасти для того, чтобы осуществить свойственную ей специфическую систему простой кооперации, одновременную эксплуатацию многих рабочих, выполняющих одну и ту же операцию. Поэтому, хотя число рабочих, приводимых в действие капиталом определенной величины, и число рабочих, требуемых для производства определенной массы товаров, уменьшается, — число рабочих, одновременно занятых под командованием отдельного капиталиста, увеличивается, увеличивается концентрация рабочих, совместно действующих в пространстве и во времени.

Подобно тому как функционирующий в сфере производства капитал в условиях фабричной системы принимает форму крупных *масс общественного богатства* (хотя и принадлежащего отдельному капиталисту), которое не идет ни в какое сравнение с возможной работоспособностью и производительностью отдельного индивида, — точно так же и система совместно действующих рабочих принимает форму крупной общественной комбинации.

[V—217] *Уплотнение труда.*

Если обозначить переменный капитал буквой V, постоянный капитал — буквой C, а содержащийся в продукте прибавочный труд — буквой x, то стоимость товаров, которые производит *капитал определенной величины,* при предположении, что весь постоянный капитал входит в процесс образования стоимости, и при рассмотрении абсолютной прибавочной стоимости, равна $C + V + x$.

Методы, повышающие относительную прибавочную стоимость, не изменяют абсолютно ничего в этой формуле. Иными словами, они *не* повышают *стоимости* совокупного продукта. Постоянный капитал C может расти, так как растет масса, а потому и стоимость сырого материала, а также вследствие того, что растет стоимость машин. Но [в самом процессе производства] *стоимость постоянного капитала C* остается неизменной. Она лишь вновь появляется в продукте. Равным образом не изме-

няется и x. Переменный капитал V обменивается в процессе труда на $V + x$, где V представляет рабочее время, соответствующее переменному капиталу, а x — избыток над ним. $V + x$ представляют совокупный рабочий день. Он не изменяется теми методами, которыми создают относительную прибавочную стоимость. Или, другими словами, как бы посредством этих методов ни увеличивалась масса продуктов, производимых за один рабочий день, их стоимость не увеличивается, хотя вследствие удешевления продуктов, а следовательно, и средств для воспроизводства рабочей силы, изменяется распределение рабочего времени на оплачиваемое и неоплачиваемое. (Стоимость совокупного продукта, производимого, например, за один рабочий день, может увеличиться: например, может быть переработано в пряжу большее количество *хлопка* и т. д.; короче говоря, это происходит потому, что в одно и то же время потребляется больше постоянного капитала.)

Имеется, однако, одно *исключение,* которое развивается лишь в связи с машинным трудом. Это — *уплотнение труда,* или такое явление, когда в результате развития общественной производительной силы труда *интенсивность* труда — заполнение *пор* рабочего времени — доводится до такой исключительной степени и становится настолько постоянным признаком труда в какой-нибудь особой сфере производства, что более интенсивный рабочий час оказывается равным более экстенсивному рабочему часу $+x$. С определенного момента за счет интенсивности труда должно теряться то, что выгадывается за счет его экстенсивности. Но то же самое имеет место также и в обратном случае. И *замещение* в этих случаях количества степенью отнюдь не есть дело беспочвенного отвлеченного умозрения. Там, где налицо указанный факт, имеется вполне экспериментальный путь его проверки. Так бывает, например, тогда, когда рабочий *физически не в состоянии* на протяжении целой недели регулярно в течение 12 часов выполнять [ежечасно] то же самое количество труда, которое он теперь [ежечасно] выполняет в течение 10 или $10^1/_2$ часов. Здесь обнаруживается необходимость сокращения нормального, или совокупного, рабочего дня вследствие возросшего уплотнения труда, включающего в себя бо̀льшую затрату умственной энергии, большее нервное напряжение, а вместе с тем и большее физическое напряжение. С увеличением обоих моментов — скорости и объема (количества) подлежащих обслуживанию машин — с необходимостью появляется *узловой пункт,* в котором интенсивность и продолжительность труда не могут возрастать одновременно; напротив, одно с необходимостью исключает другое. И в этом случае, несмотря на

сокращение абсолютного рабочего времени, прибавочный труд может не только оставаться тем же самым, но и возрастать. А именно, по двум причинам: с одной стороны, потому, что растет производительность труда, т. е. в силу общего закона, вообще определяющего относительную прибавочную стоимость; во-вторых, потому, что *более интенсивный* рабочий час *никогда не учитывается как таковой*, т. е. как такой труд, продукт которого равен, например, стоимостному продукту $1^1/_2$ экстенсивных рабочих часов прежнего способа производства. Более интенсивный рабочий час — являющийся здесь не чем-то случайным и индивидуальным, а общим правилом, общим законом некоторой особой сферы производства, — никогда и не расценивается в качестве того, что он действительно собой представляет, т. е. в качестве *большей массы труда*, в качестве уплотненного рабочего времени, в отличие от более пористого. Пока интенсивность труда растет одновременно с удлинением абсолютного рабочего времени, рабочий не просто перерабатывает, а перерабатывает вдвойне, однако *более интенсивный рабочий час* не считается таковым. Это происходит лишь начиная с того момента, когда возросшая интенсивность труда выступает как реальный, очевидный и объективно данный предел его удлинения.

Этим объясняется, почему с вводом в действие закона о десятичасовом рабочем дне не только возросла производительность в тех отраслях английской промышленности, в которых он был введен, но возросла также и *масса* создаваемой в этих отраслях *стоимости*, и даже заработная плата скорее поднялась, чем [V—218] упала.

Следует, разумеется, всегда иметь в виду, что как только перед нами встает какое-нибудь конкретное экономическое явление, к нему никогда нельзя просто и непосредственно применять общие экономические законы. Например, при рассмотрении упомянутого выше факта необходимо учитывать множество таких обстоятельств, которые далеки от предмета нашего теперешнего исследования и объяснение которых было бы даже невозможно без предвосхищения соображений, касающихся гораздо более конкретных отношений, чем отношения, для нас здесь пока что наличные. Например, возрастание спроса вместе с тем расширением, которое мировой рынок получил со времени открытия калифорнийского и австралийского [золота] и связанных с этим комбинаций; влияние, которое как раз в тот *период*, когда имело место упомянутое явление, оказывали на отдельные отрасли промышленности дешевизна и массовый ввоз сырого материала (хлопка) и т. д.; наконец, то обстоятельство, что мера стоимости, например, хлопка, определяется

не английским часом труда, а временем труда, необходимым в среднем на мировом рынке.

Однако независимо от всего этого английские фабричные отчеты единогласно подтверждают два факта: 1) что со времени введения закона о десятичасовом рабочем дне (с последующей модификацией в виде $10^1/_2$-часового рабочего дня [для первых пяти дней недели]) мелких, частичных улучшений в машинах было несравненно больше и они были более систематическими, чем в какой бы то ни было предшествующий период, и 2) что скорость и количество машин, которые приходится обслуживать отдельному рабочему, вызвали значительно более интенсивное расходование его нервной и мускульной энергии.

Далее, эти же *отчеты* не оставляют никакого сомнения относительно двух других фактов: 1) что без закона о десятичасовом рабочем дне, без ограничения абсолютного рабочего дня указанный крупный переворот в промышленном производстве не наступил бы, что он был *вынужденным* результатом установления в законодательном порядке крайнего предела эксплуатации рабочего; 2) что без уже достигнутого высокого уровня технологического развития, равно как и без тех вспомогательных средств, какими вообще располагает достигнутая ныне ступень развития капиталистического производства, указанный эксперимент был бы невозможен, т. е. не увенчался бы так скоро столь благоприятным успехом.

Если бы все отрасли промышленности подверглись такому же ограничению [продолжительности рабочего дня] и с таким же успехом достигли бы одинакового повышения интенсивности труда, то эта интенсивность считалась бы *всеобщим правилом* и не являлась бы специфической особенностью какой-нибудь определенной отрасли труда. Тогда был бы установлен лишь новый средний нормальный рабочий день. Совокупный рабочий день был бы сокращен, но также были бы сокращены (в среднем) и необходимое рабочее время, и прибавочное рабочее время совокупного рабочего дня в различных отраслях производства. (Английский рабочий день продолжительностью в $10^1/_2$ часов не только производительнее, но и содержит, вероятно, такое же количество труда, как и 24-часовой труд на московских хлопчатобумажных фабриках.)

Капиталистический способ производства вообще уплотняет рабочее время, или увеличивает количество труда, затрачиваемого за определенное время, ту *массу труда*, которая действительно затрачена в течение, например, одного часа или 12 часов. Фактически это равносильно тому, что капиталистический способ производства увеличивает непрерывность труда отдельного

рабочего (именно отдельного рабочего, независимо от непрерывности производственного процесса, т. е. от его регулярного продолжения на протяжении целых периодов времени). Даже формальное подчинение труда капиталу привносит с собой указанную интенсивность труда, совершенно так же как это делает плеть надсмотрщика в условиях способа производства, основанного на рабстве. Эта интенсивность еще более увеличивается посредством кооперации, особенно же путем разделения труда, а еще более посредством машин, когда непрерывная деятельность отдельного индивида связана с деятельностью — и обусловлена деятельностью — единого целого, в котором он является лишь звеном или которое, как это имеет место на механической фабрике, работает с правильной равномерностью и неутомимостью мертвой силы природы, некоего железного механизма. Некоторая определенная средняя степень интенсивности труда — действительная масса труда, выполняемая за данное время, — и притом относительно более высокая степень этой интенсивности {хотя по природе вещей различная в различных отраслях производства}, чем в некапиталистическом или же только формально капиталистическом производстве, вообще является здесь *всеобщей предпосылкой*. Это является предпосылкой для всех рабочих, когда говорят о времени как о мере их труда и о рабочем времени, *необходимом* для производства какого-нибудь товара. Здесь же речь у нас идет не об этом.

Равным образом здесь не идет речь о большей (или различной) эффективности одного и того же труда в одно и то же время, в зависимости от мастерства и т. д., достигаемого путем разделения труда и в результате роста квалификации, или же в зависимости от содействия машин, повышающих выработку тех, кто работает с их помощью. Оба этих последних аспекта относятся к *более высокой производительной силе труда*, причем фактически действительная масса труда остается той же, а (в условиях машинного производства) может до известной степени даже уменьшиться.

[V—219] Здесь речь идет у нас о повышении напряженности труда, сопутствующем развитию производительной силы; так что за одно и то же время не только больше производится, но и *прилагается больше труда*, затрачивается больше рабочей силы [Arbeitskraft], и притом *сверх* средней нормы, — в такой мере, что этот труд повышенной напряженности можно выполнять регулярно, изо дня в день только при ограничении продолжительности рабочего времени. В этом случае создается не только относительная, но и абсолютная прибавочная стоимость, создается до тех пор, пока эта степень интенсивности не станет все-

общей. Последнее, однако, предполагало бы столь же всеобщее сокращение рабочего дня.

Впрочем, как продолжительность, так и интенсивность труда имеют свои пределы, и эти пределы обнаруживаются в том, что на определенной ступени интенсивность может быть повышена вообще только потому, что уменьшается продолжительность труда. Таким образом, если, например, 10 часов составляют нормальный средний рабочий день с соответствующей ему степенью интенсивности труда, или уплотнения рабочего времени, с соответствующей ему массой труда, затрачиваемой в каждый момент времени, то все те изобретения, которые *на этой основе* делают труд *более производительным,* не увеличивая его собственной напряженности, повысят лишь относительную прибавочную стоимость. Если же с этим развитием производительных сил было бы связано новое уплотнение рабочего времени, в результате чего в течение того же самого времени возрастала бы и масса труда, а не только его производительность, то вскоре была бы достигнута та ступень, на которой совокупный рабочий день должен был бы снова сократиться.

Только беззастенчивая и безудержная алчность капитала, чудовищно преступающего природные границы рабочего времени, — причем вместе с развитием производительных сил и труд втихомолку становится интенсивнее и напряженнее, — только эта безмерная алчность капитала вынуждает даже основанное на капиталистическом производстве общество насильственно устанавливать твердые границы для продолжительности нормального рабочего дня (причем главной побудительной причиной к этому является, разумеется, борьба самого́ рабочего класса). Это происходит впервые тогда, когда капиталистическое производство уже вышло из периода своего неразвитого, неотесанного состояния и создало свой собственный материальный базис. На это принудительное ограничение рабочего времени капитал реагирует еще бо̀льшим уплотнением труда, которое, со своей стороны, в определенный момент вновь приводит к сокращению абсолютного рабочего времени. Эта тенденция замещения экстенсивного труда повышением степени его интенсивности появляется лишь на более высокой ступени развития производства. Это замещение является определенным условием общественного прогресса. Таким путем создается свободное время также и для рабочих, и интенсивность в одном определенном виде труда отнюдь не устраняет возможности для деятельности в другом направлении; напротив, такая деятельность может явиться отдыхом, может действовать как отдых. Отсюда чрезвычайно благотворное влияние, которое — как об этом

свидетельствует статистика — указанный процесс [сокращения рабочего дня] оказал на улучшение физического, морального и интеллектуального состояния рабочего класса в Англии [114].

Во всем нашем исследовании мы, как об этом уже неоднократно говорилось, всегда исходим из того, что товары, а следовательно, и рабочая сила, оплачиваются по своей *стоимости*, и рассматриваем изменения в прибавочном труде, исходя исключительно из этого основного положения. Фактические урезывания заработной платы и т. д., обусловленные конкуренцией, здесь поэтому не принимаются во внимание. Так, например, вследствие сверхурочного рабочего времени увеличивается предложение труда без увеличения числа рабочих, или при сверхурочном труде одной части рабочих другая часть их не работает вовсе или же занята лишь наполовину. Так искусственно создается избыточное предложение труда, причем предложение труда безработных, являющееся результатом чрезмерного труда других рабочих, вообще снижает заработную плату (в том числе и заработную плату занятых).

С другой стороны, это есть одна из причин, по которой заработная плата в Англии, в тех отраслях, где действуют фабричные законы, скорее повышалась, чем падала. Так как вследствие расширения мирового рынка спрос на товары возрос, причем, по мнению капиталистов, этот спрос увеличился значительно больше действительного расширения мирового рынка, то поднялся и спрос на труд, который, однако, не мог быть удовлетворен, как прежде, искусственным увеличением предложения труда или влияние которого на заработную плату уже не могло быть парализовано этим искусственным увеличением предложения труда. Предложение рабочих рук очень уменьшилось также отчасти в результате эмиграции из Англии, отчасти вследствие массовой эмиграции ирландцев и массового мора в Ирландии.

* * *

[XIX—1159] * В качестве примера уплотнения труда можно привести из области нефабричного труда портняжное дело в Лондоне. В определенные месяцы года имеет место как максимально возможное удлинение рабочего дня, так и лихорадочная поспешность, с которой осуществляется труд **. В остальное время года рабочие в своей значительной части не заняты со-

* На обложке XIX тетради рукою Маркса помечено: «Январь 1863» и указано, что данная тетрадь представляет собой «продолжение тетради V». *Ред.*

** К этому месту рукою Маркса сделана приписка карандашом: «Во всех *сезонных отраслях*». *Ред.*

вершенно или заняты слабо. *Необходимое рабочее время,* — а тем самым и заработная плата — определяется не рабочим временем в этот период пароксизма труда, а исчисляется, скорее, по среднему рабочему времени, и полученная таким образом [в месяцы уплотненного и удлиненного труда] заработная плата покрывает поэтому также значительную часть всего годового заработка. Здесь уплотнение труда сочетается с удлинением рабочего дня, но весь этот рабочий период ограничивается, например, несколькими месяцами или неделями. Это — одна из ужаснейших форм эксплуатации труда. Периоды лихорадочного труда сменяются хроническим ослаблением его и безработицей.

Разделение труда и механическая фабрика. Орудие и машины

«Под более низкой организацией [животных и растений] я подразумеваю *незначительную дифференциацию органов,* предназначенных для различных специальных функций; ибо причина большой изменчивости органов в тех случаях, *когда один и тот же орган выполняет различные работы,* заключается, быть может, в том, что здесь естественный отбор менее тщательно поддерживает или подавляет каждое мелкое уклонение формы, чем *в тех случаях, когда один и тот же орган предназначен лишь для определенной специальной цели.* На том же основании ножи, предназначенные для того, чтобы резать самые разнообразные вещи, могут в общем быть почти любой одинаковой формы; *но раз инструмент предназначен только для одного какого-либо употребления,* он при переходе к другому употреблению должен изменить и свою форму» (*Darwin, Ch.* On the Origin of Species by means of Natural Selection, or the Preservation of Favoured Races in the Struggle for Life. London, 1859, стр. 149) [Русский перевод, стр. 378—379].

Одним из главных результатов разделения труда является дифференциация, специализация и упрощение инструментов или орудий, принадлежащих к одному типу применения, например, режущих, сверлильных, дробильных инструментов и т. д. Надо только представить себе те бесконечно разнообразные формы, которые получили, например, ножи, когда для каждого особого способа их применения им придается форма, соответствующая лишь этой особой цели и исключительно только ей! Как только один и тот же вид труда, точнее, различные виды труда, сотрудничающие друг с другом для производства определенного продукта, особого товара, распределяются между различными рабочими, то обнаруживается, что легкость выполнения этих различных видов труда зависит от определенных модификаций инструментов, служивших прежде для различных функций. В каком направлении должно происходить такого рода изменение, выясняется из опыта и тех особых трудностей, которые возникают из-за неизменности формы. Эти дифференциация,

специализация и упрощение средств труда происходят, следовательно, стихийно вместе с самим разделением труда, еще не требуя предварительного знания законов механики и т. д. Дарвин (смотри выше) делает аналогичное замечание по поводу специализации и дифференциации органов живых существ.

Дифференциация представляет собой различие форм и упрочение этих форм. *Специализация* состоит в том, что инструмент, служащий мне только для особого употребления, может быть эффективным лишь в руках представителя такого труда, который сам дифференцирован. Как дифференциация, так и специализация включают в себя упрощение инструментов, которые должны теперь служить лишь средством выполнения некоторой простой и однородной операции.

Дифференциация, специализация и упрощение орудий труда, вызванные разделением труда в основанной на этом разделении труда мануфактуре, — их исключительное приспособление к очень простым операциям — являются одной из технологических, материальных предпосылок для развития машин как одного из элементов, революционизирующих способ производства и производственные отношения. [XIX—1160] Поэтому в определенном смысле Баббедж правильно замечает следующее:

«Если в результате разделения труда *каждая отдельная операция была сведена к применению одного простого инструмента,* то *соединение всех этих инструментов,* приводимых в действие одним двигателем, составляет машину» (*Babbage.* Traité sur l'économie des machines et des manufactures. Paris, 1833, стр. 230).

То, что мы здесь особо отмечаем, представляет собой не только сведѐние «каждой отдельной операции к применению одного простого инструмента», но также и то, что̀ это влечет за собой, а именно, вытекающее из разделения труда *создание этих простых инструментов.*

Среди английских механиков, так же как и политико-экономов можно встретить таких, которые считают, что машина не отличается существенно от орудия или инструмента; что орудие есть простая машина, а машина — сложное орудие, или что они отличаются друг от друга лишь как простая машина от сложной. В этом смысле машинами называются даже такие простейшие механизмы, как рычаг, наклонная плоскость, блок, винт, клин, колесо и т. д.

Но Баббедж не в этом смысле в цитированном выше месте называет машиной «соединение всех этих инструментов, приводимых в действие одним двигателем». Здесь речь идет не о простом соединении различных простейших механизмов, подобных только что названным. Нет почти ни одного простого орудия,

которое не было бы соединением нескольких таких механизмов. Баббедж, напротив, говорит здесь об объединении, о соединении всех тех различных инструментов, которые, например, в мануфактурном производстве одного и того же товара используются при различных, обособленных операциях и применяются поэтому различными рабочими, а также о приведении в движение этого комплекса инструментов *одним* двигателем, каким бы ни был этот двигатель: человеческой ли рукой и кулаком, силой ли животных, силами ли неодушевленной природы или автоматом (механической двигательной силой).

Другие, напротив, видят отличие машины от орудия в том, что у последнего двигательной силой является человек, между тем как у машины — сила животного, механическая сила и т. д., вообще чужая (не присущая человеку в качестве его индивидуального свойства) сила природы. Согласно этому взгляду, например, обыкновенный плуг является машиной, тогда как дженни, мюль-машина (за исключением мюль-машин, приводимых в действие автоматическими механизмами), швейная и т. п. машина, а также сложнейшие чулочновязальные станки, механические ткацкие станки не являются машинами, если они приводятся в действие самим человеком.

Прежде всего следует заметить, что здесь речь идет не о точном технологическом разграничении [между орудием и машиной], а о такой революции в применяемых средствах труда, которая преобразует способ производства, а потому и производственные отношения; стало быть, в данном случае о такой революции в применяемых средствах труда, которая характерна именно для капиталистического способа производства.

Исторически необходимо различать две ступени перехода к машинному труду.

Машины отнюдь не везде возникают из мануфактуры, т. е. из аналитического расчленения труда, требующегося для производства определенного товара, на различные ручные операции, распределяемые между различными индивидами. Это является для машин лишь одним из двух исходных пунктов. А во-вторых, машины возникают из таких орудий, которые предполагали ремесленное производство и в период расцвета городской мануфактуры получили, самое большее, такое дальнейшее развитие, что крупные массы этих орудий вместе с приводящими их в действие рабочими сосредоточивались в одном помещении и принимали форму простой кооперации, где удешевление производства происходило главным образом по трем причинам: 1) благодаря дисциплине, которой рабочие были подчинены капиталом; 2) в результате совместного использования таких общих условий

труда, как здания, орудия и т. д.; 3) вследствие закупки в больших количествах сырого материала и т. д.

Двумя классическими примерами машин, возникших указанными различными путями, являются:

С одной стороны — прядильные и ткацкие машины, возникшие из древнейших орудий труда (хотя и подвергшихся с течением времени некоторым усовершенствованиям), без какого-либо дальнейшего разделения труда, которое еще больше расчленило бы выполняемые этими орудиями операции. Когда мы здесь говорим о разделении труда, то имеем в виду такое разделение труда, на котором основана мануфактура, а не деление данной отрасли на различные самостоятельные ремесла. (В этом последнем смысле было сильно разделено, например, ткачество.)

С другой стороны — изготовление самих машин посредством машин. [XIX—1161] Последнее развилось на той же основе, как и создание машин в прядении и т. д. — на основе наиболее совершенного из всех известных нам типов мануфактуры, основанной на разделении труда.

Исторически переворот в промышленности исходит от машин, указанных в первом примере. В природе вещей заложено то, что лишь после того как производство товаров посредством машин достигло определенного масштаба, стала ощутимой потребность сами машины производить посредством машин.

В самопрялках, где движущая сила ноги приводила в действие колесо, а посредством колеса — веретено, та часть орудия, которая непосредственно соприкасалась с материалом, с шерстью, т. е. веретено имело обособленное существование, являлось фактически орудием, отличным от колеса, к которому прилагалась двигательная сила. Трепание шерсти и закручивание ее в нить, т. е., по существу дела, прядение производилось рукой, и только после выполнения этих ручных операций шерсть наматывалась на катушки. Начиная с того момента, когда само орудие взяло на себя операции, выполнявшиеся рукой, т. е. с того момента, когда само орудие стало прясть, когда та же самая двигательная сила, которая приводила в движение колесо, одновременно заставила прясть само орудие, а функция рабочего в результате этого была сведена к тому, чтобы приводить в движение колесо и корректировать осуществляемый орудием процесс прядения (например, соединять оборвавшиеся нити) и наблюдать за ним, — начиная с этого момента самопрялка была превращена в машину, хотя и в ремесленную машину — машину, применяемую в рамках ремесла, т. е. в машину, на которой мог работать одиночка, которая на первых порах еще допускала свое применение в ремесленной мастер-

ской или при надомной работе или в деревенском доме (в качестве побочного промысла земледельческого населения). С этого же момента увеличилось также *число веретен;* правда, *собственно рабочая машина* все еще приводилась в действие силой человека, однако ни способ передачи этой силы, ни непосредственное действие этой части машины, захватывающей материал и видоизменяющей его, не находились больше ни в каком соответствии ни с *физическим* усилием, ни с ловкостью рабочего, с теми операциями, которые должны были совершаться при посредстве его руки, прежде чем их продолжало орудие. Напротив, рука рабочего здесь только лишь исправляла ошибки орудия. Орудие превратилось в прядильщика, и та же самая двигательная сила, которая приводила в движение колесо, сообщала рабочей части машины движение, которое «прядет». Масса продукта больше не находилась ни в каком соответствии с физическим напряжением ноги как двигательной силы, в то время как, с другой стороны, рука приступала к операции post festum*, а не опосредствовала ее. Здесь масса веретен одновременно включалась в процесс прядения. Таким образом, собственно орудие труда представляло собой теперь соединение многих, ранее независимых веретен, приводимых в действие одной и той же двигательной силой. Итак, промышленная революция, характерная для капиталистического способа производства, исходила из переворота именно в той части орудия, которая непосредственно соприкасается с обрабатываемым материалом, и подготовила путь к увеличению числа веретен, приходящихся на одну мюль-машину, с 6 до 1 800. В период самопрялки существовали лишь отдельные виртуозы (удивительные существа), которые могли прясть обеими руками. Усовершенствованной прядильная машина стала лишь после того, как масса такого рода машин, соединение таких машин стало приводиться в движение водой, а впоследствии паром. Организация и комбинация труда, полностью опирающиеся на систему машин, появляются лишь на механической фабрике, где вся эта система приводится в действие одним автоматом.

Однако промышленная революция в первую очередь охватывает ту часть машины, которая выполняет работу. Двигательной силой здесь сначала является еще сам человек. Но такие операции, для выполнения которых прежде требовался виртуоз, играючи орудовавший своим инструментом, *теперь выполняются превращением* движения, вызываемого непосредственно

* — буквально «после праздника»; после того как какое-либо событие произошло; впоследствии. *Ред.*

человеком путем простейшего механического приема (вращения рукоятки, нажимания на педаль колеса), в утонченные движения рабочей машины.

[XIX—1162] Начиная с того момента, когда непосредственное участие человека в процессе производства свелось всего лишь к тому, что он стал действовать в качестве простой *силы*, принцип выполняемой работы стал определяться машинами. Механизм был налицо; двигательная же сила впоследствии могла быть замещена водой, паром и т. п.

После этой первой великой промышленной революции применение парового двигателя в качестве машины, производящей движение, явилось второй революцией.

Если закрывать глаза на это обстоятельство и обращать взор только на двигательную силу, то будет упущено из вида как раз то, что *исторически* явилось поворотным пунктом.

Приручив животных, люди издавна обладали живыми автоматами, и использование животных в качестве силы для перевозки и переноски тяжестей, для верховой езды, для передвижения и т. д. имело место раньше, чем применение человеком большинства ремесленных инструментов. Поэтому если взять это за решающий критерий, то оказалось бы, что у скифов машины были более развиты, чем у греков, так как скифы больше применяли эти живые двигатели, по крайней мере в большем масштабе. В качестве двигательной силы тех рабочих орудий, которые предназначались для осуществления определенного механического изменения в обрабатываемом материале, раньше всего применяли животных — для плуга и лишь много позже воду (а еще значительно позже ветер) — на мельнице. Первая форма была уже свойственна очень ранним ступеням цивилизации, которые еще не развились до мануфактуры, а дошли только лишь до ремесленного производства. Точно так же и водяные мельницы не вызвали промышленной революции; в средние века они уживались рядом с ремесленным производством, а позже — рядом с мануфактурой и т. д. Правда, то, что использование силы воды, приводящей в движение определенный механизм, произвело в качестве особого принципа достаточно сильное впечатление, явствует из того, что появившиеся позднее фабрики стали называться мельницами, как и теперь еще слово «mill» * употребляется в Англии для обозначения фабрик и заводов.

В обоих указанных выше случаях речь идет лишь об одной из самых простейших механических операций — о размельче-

* — буквально «мельница». *Ред.*

нии обрабатываемого материала; о размалывании [зерен] в одном случае и разрыхлении [почвы] в другом.

Если мы рассмотрим те машины, которые заняли место прежних орудий, будь то орудия ремесленного производства или мануфактуры, то увидим, что (за исключением тех машин, сама работа которых состоит в производстве движения, в перемещении, т. е. машин для транспортировки: на железных дорогах, пароходах и т. д.) та специфическая часть машин, которая видоизменяет материал, в очень многих случаях состоит из прежних орудий: из веретен, игл, молота, пилы, рубанка, ножниц, скребка, гребня и т. д., даже в том случае, если они приобрели видоизмененную форму, чтобы действовать как части единого механизма. Главное, что их отличает, заключается либо в том, что орудие, которое прежде являлось самостоятельным, теперь действует лишь как составная часть комплекса подобных орудий, либо в том, что теперь оно получило несравненно более крупные размеры в соответствии с мощностью двигательной силы. А собственная задача всякого механизма всегда состоит лишь в том, чтобы преобразовывать первоначальное движение, вызываемое двигательной силой, превращать его в такую другую форму, которая соответствовала бы преследуемой в данном производстве цели и сообщаемому рабочей машине движению.

«*Ткацкие машины:* в целом они подобны обыкновенному ткацкому станку или, вернее сказать, они состоят из многих ткацких станков, одновременно приводимых в движение. Они только имеют еще особые приспособления для качания берда или ремизки, для прокидывания челнока и для прибивания утка. Те изменения, которые с давних пор претерпел *челнок,* при помощи которого утóчную нить прокидывают через основу, не особенно значительны. Форма в целом осталась той же самой» (*J. H. M. Poppe.* Geschichte der Technologie. Bd. I. Göttingen, 1807, стр. 279, 280).

Мельницы [см. *Поппе.* Цит. соч., т. I, стр. 104—110]:

Первоначально имело место *раздробление* хлебных зерен. Сначала зерна разбивали камнями. Позже стали применять посудину или ступу, в которой зерно толкли пестом. Затем увидели, что лучше *растирать,* чем толочь. Поэтому песту в ступе придали *вращательное движение.* Лучше всего это выполнялось посредством *рукоятки,* укрепленной на стержне песта и *вращаемой* человеком, почти так же как это делается в наших кофейных мельницах. Так была изобретена *ручная мельница.* Вначале молоть поручали рабыням, позже — крепостным. Впоследствии пест сделали значительно более тяжелым, а рукоятку заменили *дышлом,* в которое впрягали лошадей, волов, а также ослов. Эти животные вращали пест,

размалывавший зерно, непрерывно двигаясь по кругу с завязанными глазами. Таким образом, налицо были уже [XIX—1163] *конные мельницы* (molae jumentariae, asinariae *), эффективность которых была больше, чем эффективность ручных мельниц. В дальнейшем конные мельницы совершенствуются; пест получает более целесообразную, вначале шарообразную форму; более удобной становится и ступа, в которой он должен был вращаться. Со временем пест переделали в большой тяжелый *камень цилиндрической формы,* который вращался на другом большом камне и таким образом растирал зерно. Первый, верхний камень называли бегуном, а второй — нижняком. В середине цилиндрического бегуна имелось отверстие, через которое насыпалось зерно, и, оказываясь между поверхностями бегуна и нижняка, оно размалывалось...

Изобретение *водяных мельниц* относится ко временам Митридата, Юлия Цезаря, Цицерона (в Рим эти мельницы попали из Азии). Первые водяные мельницы были построены в Риме на Тибре незадолго до эпохи Августа. *Витрувий* описывает одну из них:

«Зубчатые колеса и привод, соединенные с валом водяного колеса, передают движение этого водяного колеса жернову, размалывающему зерно» (*Поппе.* Цит. соч., т. I, стр. 110).

Плуг вовсе не заключал в себе нового принципа и совершенно не годился для того, чтобы вызвать промышленную революцию. Он полностью соответствовал рамкам мелкого производства. Животные работали здесь так же, как они работали прежде, таская и волоча тяжести, т. е. в качестве живых двигателей. Они, как и человек, обладают свободой движения, а человек уже давно научился подчинять их волю своему руководству. Движение было нерегулярным уже вследствие неровностей почвы, и человеку приходилось не только постоянно управлять им, но и самому помогать животным своими руками, когда, например, телега застревала в грязи. Соединение двигательной силы с рабочей машиной точно так же не заключало в себе нового принципа. Было одинаково легко впрячь вола или лошадь как в плуг, так и в телегу. При простом применении силы животных господствующим остается принцип *произвольного движения;* чисто механическое действие скрыто под покровом произвольного движения и потому не бросается в глаза. Совершенно иначе обстоит дело, например, уже на мельнице, где животных с завязанными глазами водят или гоняют по кругу. Здесь движение выступает уже как *противоестественное* и сводится к регулярной механической линии, к окружности. Крестья-

* — мельницы, приводимые в движение рабочим скотом, ослами. *Ред.*

нину, старому и новому, так же как и господину фон Галлеру в его «Restauration der Staats-Wissenschaft» [1816—1834], животное представляется «*помощником*», а вовсе не механизмом. Животное вообще является одним из древнейших орудий человека, как это хорошо показал уже Тюрго [115]. Паровой плуг предполагает не только земледелие в крупном масштабе, но и нивелировку земли, так же как локомотив предполагает рельсы.

Мельницу же, напротив, можно рассматривать как первое такое *орудие труда*, в котором применен принцип машин. В мельнице применить его было относительно легче, чем в прядильных, ткацких машинах и т. д., так как здесь собственно работающая часть машины, которая преодолевает сопротивление и захватывает подлежащий обработке предмет, с самого начала действовала независимо от руки человека и без его дальнейшего вмешательства. Толкý ли я или растираю просушенное зерно пестом в ступе, рука действует при этом лишь как простая двигательная сила. После того как было открыто, что растирать выгоднее, чем толочь, и, следовательно, что вращательное движение выгоднее движения вверх и вниз, стали постепенно приходить к мысли о том, что пест не обязательно должен непосредственно схватываться рукой, но что между ним и рукой может быть помещено приспособление для вращения песта. С возрастанием объема и тяжести песта к нему должна была быть приложена бóльшая сила, и рукоятка увеличилась в своих размерах и постепенно превратилась в дышло, которое приводилось в движение по кругу сперва людьми, а затем животными. Конечно, вместе с тем изменялись формы песта и ступы, в которой работал пест, но прошло много времени, прежде чем ступа и пест были заменены двумя цилиндрическими камнями, из которых один вращался на другом, и прошло еще больше времени, прежде чем это движение стало вызываться естественным падением воды. С созданием водяной мельницы действительно был в весьма значительной мере осуществлен механический принцип — применение механической двигательной силы и передача ее при помощи механических приспособлений, — ибо водяное колесо, на которое падает вода, его вал, передающий движение жернову посредством системы зубчатых колес и шестерен, охватывали собою целую систему механического движения.

[XIX—1164] Поэтому с этой стороны дела на истории мельницы можно изучать всю историю механики.

Мы находим здесь все виды двигательной силы, которые применялись в определенной последовательности, а длительное время и рядом друг с другом: силу человека, силу животных,

силу воды, корабельные мельницы, ветряные мельницы, мельницы на повозках (мельницы, установленные на повозках и приводившиеся в действие движением повозки, применялись во время войны и т. д.), наконец, паровые мельницы.

Вместе с тем, в истории мельницы мы наблюдаем чрезвычайно медленный процесс развития с тех римских времен (незадолго до эпохи Августа), когда из Азии были завезены первые водяные мельницы, — вплоть до конца XVIII столетия, когда в Соединенных Штатах были построены в большом количестве первые паровые мельницы. Прогресс здесь имел место только благодаря огромному накоплению опыта поколений, причем результаты этого прогресса затем применялись лишь спорадически, не опрокидывая старого способа производства. Развитие отдельных машин в систему машин, когда несколько мельничных поставов приводятся в действие одной и той же двигательной силой, происходило очень медленно, отчасти по самому характеру мукомольных мельниц как деревенских подсобных предприятий, отчасти также вследствие природы продукта. В стране янки впервые получила развитие в крупных масштабах торговля мукой.

В Риме [отмечает Поппе, цит. соч., т. I, стр. 110] водяные мельницы еще представляли собой исключительное явление.

«В настоящее время еще не все ручные и конные мельницы вытеснены водяными мельницами» (там же).

В 536 году при Велизарии появились первые корабельные мельницы. Из Рима водяные мельницы проникли в другие государства [там же, стр. 111, 112].

На истории мельницы можно проследить также и ту особенность развития машин, что та работа, которая раньше была отделена от собственно размола зерна и представляла собой самостоятельную операцию, в дальнейшем стала выполняться той же самой двигательной силой и таким образом оказалась механически соединенной с работой по размолу.

«Об *отделении муки от шелухи или отрубей* в первое время не думали. Впоследствии размолотое зерно просеивали через *ручное сито*. Уже очень давно размолотое зерно, как только оно выходило из-под жерновов, собиралось в особый ящик, названный впоследствии *мукосейной камерой*. Позднее в этих ящиках устанавливались сита и делалось такое устройство, что эти сита посредством кривошипа могли приводиться в движение. Так продолжалось до *начала XVI века*, когда в Германии был изобретен собственно *пеклевальный механизм*, в котором натянутая в форме сита сетка потряхивается самой мельницей. Изобретение *пеклевального механизма* сделало необходимым производство особой ткани, так называемой *волосяной ткани*, которая позднее производилась фабричным способом»,

{Вот пример того, как новое разделение труда внутри общества вызывается введением и усовершенствованием машин.}

«*Ротационное мельничное сито* было изобретено в конце XVIII века Оливером Эвансом в Филадельфии» [*Поппе*. Цит. соч., т. I, стр. 114—119].

«*Ветряные мельницы* были изобретены в X или XI столетии в Германии. Только в XII столетии они получили широкое применение. До того они были редкостью. Начиная с *XVI столетия* Голландия — страна ветряных мельниц, которые были усовершенствованы голландцами и вообще нидерландцами. Прежде в Голландии ветряные крылья служили больше для приведения в движение *черпальных мельниц*, которыми вычерпывали воду из затопляемых мест» [там же, стр. 130—134].

Улучшения:

«Тормозное приспособление, для того чтобы можно было мгновенно остановить работу мельницы... *Мельницы на козлах*, так называемые *немецкие ветряные мельницы* до середины XVI столетия были единственно известным видом ветряных мельниц. Сильные бури могли опрокинуть такую мельницу вместе со станиной. В *середине XVI столетия* один фламандец нашел средство, которое делало это опрокидывание мельницы невозможным. В мельнице он сделал подвижным только верхний поворотный шатер, так что для того чтобы поворачивать крылья по ветру, надо было вращать только верхний шатер, в то время как самый корпус мельницы неподвижно стоял на земле. [Такие ветряные мельницы получили название:] *голландские ветряные мельницы*. В Германии и других странах переняли способ их постройки только *в XVIII столетии*, так как мельницы на козлах были *намного дешевле*. Корпус голландских ветряных мельниц строился, в форме усеченного конуса, не только *из дерева*. Вскоре попробовали, и с успехом, устанавливать их на *каменном* корпусе, которому часто придавали форму башни. Верхний шатер мельницы, установленный на роликах» (его подвижность нужна для того, чтобы его можно было постоянно поворачивать по ветру) [XIX—1165] «либо поворачивается при помощи рычага, приводимого в движение неподвижно установленным домкратом, либо же с помощью рычагов приводят в движение вал с шестерней, которая захватывает зубчатый обод шатра. *Усовершенствования, направленные на более легкое и более целесообразное движение этих машин, были сделаны лишь в XVIII веке*» [там же, стр. 135—137].

(Голландия в XVI и XVII веках была господствующей торговой и колониальной нацией; к тому же ввозился хлеб, велась большая торговля зерном; внутри страны было развито животноводство вместо земледелия; велись гидротехнические работы; господствовала протестантская религия; имели место буржуазное развитие, республиканские свободы.)

«Все части *всех видов мельниц* всё еще нуждались во многих улучшениях; но *до конца XVII века об этом мало заботились*.

Мельницы были весьма основательно усовершенствованы *в XVIII веке*, отчасти в результате лучшего использования *двигательной силы*, отчасти в результате *более целесообразного устройства их внутренних частей*, например, мельничного постава, поклевального прибора и всей системы передач. Были изобретены *новые типы мельниц*, новые части для мельниц и новые *теории* для лучшего их устройства. Часто теория, как и во всем

машиностроении, находилась в открытом противоречии с опытом, была непрактична, неправильна.

Обыкновенные ручные мельницы, какими они были много столетий тому назад и какие еще теперь нередко встречаются в некоторых больших имениях и т. д., обычно снабжены вращающейся рукояткой, которая приводится в действие человеческой силой. С ее помощью такую мельницу могут вращать два человека. Нередко эти мельницы были построены и так, что получали свое движение от *шатуна,* который толкали и тянули люди. Но двигательная сила действовала здесь весьма неравномерно. Этот недостаток был устранен благодаря введению *махового колеса,* поскольку оно продолжает свое движение с одинаковой скоростью, даже если двигательная сила на какое-то время ослабевает. Маховое колесо рекомендовано уже в работах Фаульхабера (1616 и 1625 гг.) и де Ко (1688 г.). Маховое колесо насажено на коленчатом валу, облегчает движение и делает его более равномерным. Исследования *маховых движений* в мельницах были полезны во всех отношениях. Они распространялись не только на собственно маховые колеса и маховые крылья, но также в особенности на жернова, водяные колеса, ветряные крылья и вообще на все те части, которые совершают вращательное движение» [там же, стр. 138—140].

«Изобретение *походных мельниц, мельниц на повозках* или же таких *мельниц, которые приводились в действие силой животных* и которые можно было передвигать на повозках с одного места на другое. Считается, что они изобретены итальянцем *Помпео Таргоне* в конце XVI века для военных нужд. Он был инженером у маркиза Спинолы. В XVIII веке появились более усовершенствованные походные мельницы, бегуны которых приводились в движение от колес самой повозки при ее движении.

Когда мельничное искусство переживало еще период своего детства, главный вал, на который насажено, например, водяное колесо, приводил в движение только один бегун и, следовательно, только один мельничный постав. Впоследствии обнаружилась возможность» (в XVII веке?) «посредством главного вала мельницы, который вращается, например, водяным колесом, приводить в движение два бегуна и, стало быть, два мельничных постава. Необходимо было лишь снабдить вал цилиндрическим зубчатым колесом, для того чтобы он с обеих сторон сцеплялся с шестернями двух валов, расположенных параллельно с главным валом. Надо было, далее, укрепить на каждом из этих валов только одно гребенчатое колесо; таким образом каждое из них посредством перпендикулярно установленной зубчатой передачи могло приводить в движение свой собственный бегун, и в результате получили два мельничных постава. Но теперь дело зависело от *количества воды,* так как этот промежуточный привод и зубчатая передача требуют большей двигательной силы. Мало заботились о том, чтобы снабдить машины такими приспособлениями, которые уменьшили бы, насколько возможно, *трение* и благодаря которым эти машины могли бы приводиться в движение возможно меньшей двигательной силой. Полагались исключительно только на двигательную силу; она должна была преодолевать имевшиеся шероховатости и возмещать недостатки машины. *До конца XVII века учению о трении* не посвящались обстоятельные исследования. В лучшем случае смазывали жиром или маслом отдельные части, сильно трущиеся друг о друга. Благодаря *правильным сведениям, полученным в учении о трении,* были улучшены колеса, цапфы и т. д. *В XVIII веке учение о трении было разработано в достаточной степени.* Для *зубьев зубчатых колес* нашли, далее, *эпициклоидальную форму* ... Зубья, закругленные по этой кривой, обеспечивают одинаковую скорость вращения; [XIX—1166] они не подвергаются толчкам и сотрясениям, вызывают значительно меньшее трение при сцеплении и, следо-

вательно, делают движение значительно более легким и более совершенным» [там же, стр. 145—155].

«В те времена, когда строились первые водяные мельницы, никто не задумывался над тем, нельзя ли более выгодным образом регулировать подачу воды или нельзя ли более целесообразным образом строить и применять самые колеса» (водяные колеса). «*Учение о движении воды*, используемом в водяных мельницах, было разработано *Полени* («De motu aquae», 1717), *Д'Аламбером* («Traité d'équilibre et du mouvement des fluides», 1744), *Боссю* («Traité élémentaire d'Hydrodynamique», 1775) и др., а также *Бернулли, Эйлером* и другими; в особенности все они стремились получить удовлетворительные результаты о *скорости движения воды и его помехах*. Для практического определения *скорости* движения воды в XVIII веке были изобретены также специальные приборы — *гидрометры*. Не менее важным при строительстве мельниц было *нивелирование*, или установление *водяного уровня*, т. е. определение *покатости*, или уклона *дна* реки, канала, ручья и т. п. Только в XVIII веке нивелирование получает падлежащее применение, главным образом при помощи *нивелира*, или *ватерпаса*. *Искусственные* уклоны используются на не очень широких реках. Для того чтобы вода текла быстрее, ее вблизи от водяного колеса направляют в суженное русло. Для этого применяется такое приспособление, как *желоб*. В Германии издавна обычно пускают воду на колесо по более или менее наклонному желобу. Во Франции мельники применяли почти всегда горизонтальный желоб, который, стало быть, не имел *естественного уклона*, т. е. не имел никакой высоты по вертикали между наклонной плоскостью и горизонтальной. Вплоть до *середины XVIII века не существовало подлинной теории* желоба. После этого периода было сделано открытие, что для верхнебойных и среднебойных водяных колес *желоб* лучше всего конструировать по *параболе*... Ньютон, Мариотт, Иоганн и Даниил Бернулли, Д'Аламбер, Эйлер и другие своими исследованиями сильно продвинули вперед учение о *сопротивлении*, или *напоре* воды» [там же, стр. 160—165].

(При нижнебойном водяном колесе вода действует своей *скоростью*, тогда как при среднебойном колесе она вызывает вращение *напором и весом*, а при *верхнебойном* — главным образом только весом. Вопрос о том, какой из упомянутых типов колес является наиболее выгодным, решается в зависимости от количества имеющейся в наличии воды и высоты ее падения.)

«Многие другие ученые в XVIII веке [производили весьма поучительные опыты], чтобы вывести общий закон для определения силы напора воды. Вообще в XVIII веке гидравлика и гидротехника обогатились многими открытиями; большинство из них было весьма полезно также и для мельничного дела, которое, *однако, очень медленно*, особенно в Германии, *следовало за прогрессом в теории*. В особенности *сами водяные колеса* также подверглись с начала XVIII века более тщательному исследованию с целью создания специальной теории, на основе которой их можно было бы строить наиболее целесообразным образом: Паран, Пито, Кассини, де Ла Ир, Мартен, Дю Бост, Уильям Уэйринг, Ф. Уильямс, Депарсьё, Ламберт и другие. Теория водяных колес трудна, поэтому она была оставлена как пустая спекуляция; строители мельниц обращали на нее мало внимания. Вместе с тем в отношении развития теории водяных колес многое еще было оставлено XIX столетию» [там же, стр. 165—171].

«Во *второй половине XVIII века* появляется изобретение англичанина *Баркера: водяная мельница без колеса и без цевочной шестерни.* Эта водяная мельница является результатом так называемой *машины обратного действия,* или *Сегнерова водяного колеса.* Цилиндр, открытый сверху, легко вращается вокруг своей оси. У самого дна в большом количестве вставлены прямые горизонтальные трубки, в которые может поступать вода, находящаяся в цилиндре. [XIX—1167] Наружные концы этих трубок должны быть закрыты, а сбоку, ближе к концу, каждая из трубок снабжена отверстием, через которое вода может вытекать в горизонтальном направлении. Когда вода вытекает из боковых отверстий, цилиндр вращается вокруг своей оси в противоположном направлении. Дело в том, что вода давит на боковые стенки трубок во всех направлениях с одинаковой силой, но в тех местах, где имеются отверстия, вода не встречает сопротивления и поэтому может свободно вытекать. В противолежащих местах давление воды на стенки трубок остается в силе, а так как оно не уничтожается никаким противоположным и равным ему давлением, то оно двигает трубки в эту сторону и приводит цилиндр во вращательное движение. С осью цилиндра Баркер соединил жернов и все связанное с ним устройство, и таким путем у него получилась зерновая мельница...» [там же, стр. 173—174].

«*Мельницы, приводимые в действие паровыми машинами,* были впервые испробованы в Англии. Так в Лондоне возникла так называемая *мельница Альбион, которая имела 20 поставов* и приводилась в движение двумя паровыми машинами. 2 марта 1791 года она сгорела. В XVIII веке паровая мельница еще была редкостью. В Германии в первом десятилетии XIX века она еще не встречается...

В *Виргинии* на реке Оккокуане *Томасом Элликотом* была построена водяная мельница, которая выполняет все работы по размолу сама, почти без помощи человека. Она имеет 3 водяных колеса и 6 поставов. Человеку нет надобности сперва втаскивать зерно вверх по лестнице, чтобы затем высыпать его в мельничную воронку. Мельница делает это при помощи механизма движущегося *Архимедова винта,* подающего зерно горизонтально, и при помощи бесконечной цепи с ковшами, поднимающей его вертикально наверх, на самый чердак и оттуда через мельничную воронку направляющей его к жерновам. Перед засыпкой зерно очищается специальной машиной. После того как мука остынет, машина сама подает ее к тому месту, где стоят бочонки для муки, и сама же засыпает ее в эти бочонки» [там же, стр. 183—186].

В Германии дворяне сначала утверждали, что ветер является их собственностью; но затем против этого выступили епископы, которые объявили ветер собственностью церкви.

«Император Фридрих I в 1159 году отнес водяные мельницы к числу своих прерогатив в отношении водных ресурсов. Исключением из этого в течение некоторого времени были лишь мелкие, несудоходные реки. Прерогативы были распространены даже на воздух. Известно, что уже в XI столетии владетельные князья обязывали своих подданных молоть зерно за определенную плату натурой исключительно только на мельницах своих господ. *Привилегированные, или обязательные мельницы*» [там же, стр. 189—190].

«В *первой половине XVIII столетия* голландцы тоже вводят практическое обучение строительству мельниц» [там же, стр. 192].

* * *

[Итак,] со времен Римской империи, в начале существования которой *водяная мельница* была ввезена в Рим из Малой Азии, мельницы прошли следующие ступени в своем развитии:

Средневековье. Ручные мельницы, мельницы, приводившиеся в движение животными, и *водяные мельницы.* (*Ветряные мельницы* были изобретены в Германии в X или XI веке. Только с XII века их начинают применять широко. До *середины XVI века* употреблялись только они одни.) Характерно, что немецкое дворянство, а затем попы провозгласили ветер своей собственностью. Фридрих I в 1159 году объявил мельницы своей прерогативой, позднее она была распространена на воздух. Господские *привилегированные,* или *обязательные мельницы.* Моисей говорит: Волу, когда он молотит, не следует завязывать морду [116]. Христианско-германские господа, напротив, «крепостным во время работы вешали на шею большие деревянные круги, для того чтобы они не могли рукой подносить муку ко рту».

Единственное усовершенствование водяной мельницы: уже давно мука, как только она выходила из-под жерновов, собиралась в особый ящик; теперь в этом ящике устанавливали *ручные сита* (которыми раньше просеивали размолотое зерно) и делали так, чтобы они могли приводиться в движение посредством кривошипа.

Шестнадцатое столетие. Начало XVI века: натянутая в форме сита сетка, *собственно пеклевальный механизм;* потряхивается самой мельницей.

В Голландии ветряные мельницы были очень распространены в первой половине XVI столетия. Из немецких они превращаются в *голландские ветряные мельницы.* В середине этого столетия голландцы применяли уже ветряные крылья для вычерпывания воды. Подвижная крыша ветряной мельницы. Каменный корпус мельницы. *Тормозное приспособление,* для того чтобы можно было мгновенно остановить работу мельницы. Механические, хотя еще и очень несовершенные приспособления для направления крыши по ветру (*шатер* мельницы). Это делалось следующим образом: поворотом крыши [XIX—1168] крылья направляются по ветру. Установленная на роликах крыша поворачивается (направляется) при помощи рычага и т. д. В конце XVI века для военной службы изобретаются передвижные мельницы, *полевые мельницы, мельницы на повозках* или *мельницы, приводимые в действие силой животных,* т. е.

мельницы, которые можно было перевозить из одного места в другое на повозке, запряженной волом.

Семнадцатое столетие. Некоторые неводяные мельницы *(ручные мельницы)* получали свое движение от *шатуна,* который толкали и тянули люди. Двигательная сила действует здесь на них очень неравномерно. Устанавливается *маховое колесо* (на коленчатом валу), для того чтобы облегчить движение и сделать его более равномерным. Отдельные теоретические исследования относительно маховых колес, маховых крыльев и вообще маховых движений.

Восемнадцатое столетие. Два мельничных постава приводятся в движение одним водяным колесом (это началось уже в XVII веке). А именно, водяное колесо вращает главный вал, который в свою очередь вращает два бегуна, а тем самым приводит в движение два постава; на указанные два бегуна оно воздействует посредством параллельных валов, зубчатой передачи и промежуточного привода (см. выше). Однако теперь уже требуется бо̀льшая двигательная сила. Развивается *учение о трении.* Эпициклоидальная форма зубьев колес, цапф и т. д.

Исследования о лучшем использовании само̀й двигательной силы, воды; ее регулирование. Необходимость определять силу текущей воды; достаточно ли определенное ее количество для данной цели, нужно ли употреблять ее всю или только часть. Теоретические труды de motu aquae *, о его скорости, о помехах для него. *Гидрометр* для определения скорости движения воды. Итак, во-первых, *измерение двигательной силы.*

Далее, признали важным (уже в XVII веке, а практически, пожалуй, еще раньше в несовершенном виде) *нивелирование, или установление водяного уровня* (т. е. определение покатости, или уклона дна реки, ручья, канала и т. д.). В XVIII веке появляется *нивелир, или ватерпас. Искусственный уклон. Желоб.* С середины XVIII века появляется теория *желоба.* Парабола как форма желоба для верхнебойных и среднебойных водяных колес. Вопрос о том, действует ли вода своей скоростью или своим весом. Учение о *сопротивлении, или напоре воды.* Ньютон, Мариотт, семья Бернулли, Д'Аламбер, Эйлер и др. (законы для определения силы напора). Исследования о наиболее целесообразной форме *водяных колес.* Теория водяных колес трудна. Здесь практика лишь медленно следовала за теорией.

Вторая половина XVIII века. Водяная мельница без колеса и без цевочной шестерни, движущаяся посредством легко вращающегося вокруг своей оси цилиндра, открытого сверху;

* — о движении воды. *Ред.*

у дна этого цилиндра в большом количестве вставлены горизонтальные трубки, закрытые на своих наружных концах, а сбоку, ближе к концу, каждая из трубок снабжена отверстием, через которое вода может вытекать в горизонтальном направлении. Принцип здесь такой: равномерное давление воды на стенки трубок. Если вода вытекает с той стороны, где она не встречает сопротивления, то давление на противоположную сторону ничем не уравновешивается и поэтому поворачивает трубку. Принцип au fond * тот же, что и в паровой машине — движение происходит в результате того, что исчезает равновесие двигательной силы.

Мельницы, приводимые в действие паровыми машинами. Вместе с этим здесь возникла система машин. 20 поставов у мельницы Альбион в Лондоне приводились в движение двумя паровыми машинами (в 1791 году мельница Альбион сгорела).

Конец того же *XVIII века. Водяная мельница* как система [машин] — не только посредством комбинации шести поставов, но и посредством автоматической (при помощи Архимедова винта) подачи зерна вверх по лестнице на чердак, ссыпки его оттуда через мельничную воронку к жерновам после его очистки соединенным с мельницей механизмом, а затем, когда мука остынет, машина сама подает ее к тому месту, где стоят бочонки для муки, и сама же засыпает ее туда. Такая мельница построена *Томасом Элликотом* в Виргинии на реке Оккокуане. Теперь автоматическая система мельничных машин была готова.

* * *

[XIX—1169] Отсутствие на реках страны значительных гидравлических уклонов побуждало *голландцев* (отделившихся с 1579 года в качестве Соединенных провинций от Испании) к использованию *силы ветра*. {В Голландии полностью отсутствовали рудники, необходимые для создания настоящих фабрик. Здесь не возникло сколько-нибудь крупных кузниц и металлургических предприятий фабричного типа.} {Из существовавших здесь мануфактур наиболее совершенными были шерстяные, шелковые, льняные мануфактуры, маслобойни и лесопильни, бумажные фабрики и фабрики красок. Почти все эти отрасли производства достигли своего высшего уровня развития уже в конце XVII века. Начиная с этого времени их развитие пошло на убыль.} {Табачные фабрики.}

Соединенные Штаты Америки. Их торговля (в частности, вывоз зерна и муки) с Вест-Индией. Но особенно вывоз зерна и муки

* — в сущности. *Ред.*

в Англию, Францию, Испанию, Португалию и многие другие европейские страны возрос в период *революционной войны* (1793—1807 гг. и т. д.). Спрос на американскую муку [увеличился] (между тем как прежде они должны были снабжать ею только Вест-Индию). В 1791 году из *Соединенных Штатов* было вывезено 619 681, а в 1793 году — 1 074 639 бочек муки. {Здесь, как и прежде у голландцев, первоначально возникли те отрасли производства, которые находились в тесной связи с торговлей и судоходством.} {Торговля зерном, совершенно незначительная в средние века, получает в XVII веке определенное значение, растет в XVIII и XIX веках. Можно сказать, что торговля мукой в масштабе мирового рынка собственно впервые была осуществлена *Соединенными Штатами.*}

Порох, компас, книгопечатание — три великих изобретения, предваряющие буржуазное общество. Порох взрывает на воздух рыцарство, компас открывает мировой рынок и основывает колонии, а книгопечатание становится орудием протестантизма и вообще средством возрождения науки, самым мощным рычагом для создания необходимых предпосылок духовного развития.

А *водяная* (ветряная) *мельница* и *часы* — это те две унаследованные от прошлого машины, развитие которых уже в эпоху мануфактуры подготовляет период машин. Поэтому словом «мельницы» [«Mühlen, mills»] обозначают все приводимые в движение силой природы орудия труда и даже такие более сложные орудия, двигателем которых является рука. В мельнице уже наличествуют друг возле друга в более или менее самостоятельной и развитой форме основные элементы машин: двигательная сила; первичный двигатель, на который воздействует двигательная сила; *передаточный механизм* — колесные передачи, рычаги, зубья и т. д., — находящийся между первичным двигателем и *рабочей машиной.*

Часы порождены художественно-ремесленным производством вместе с ученостью, ознаменовавшей собой зарю буржуазного общества. Они дают идею автомата и автоматического движения, применяемого в производстве. Рука об руку с их историей идет история теории равномерного движения. Что было бы без часов в эпоху, когда решающее значение имеет стоимость товаров, а потому и рабочее время, необходимое для их производства?

* * *

«*Молотильные цепа́* встречаются уже у древних. *Молотильные салазки и молотильные повозки* (молотильные машины) — у финикиян» [*Поппе.* Цит. соч., т. I, стр. 194].

Водяная мельница, сперва предназначавшаяся для размола зерна, могла применяться — разумеется, с модификациями в отношении рабочего инструмента — для любых аналогичных целей и для различного материала. Поэтому в мануфактурный период она применяется во всех мануфактурах, где частично или целиком могла использоваться данная двигательная сила и т. д.

Маслогонные машины. Маслобойни [Oelstampfmühlen]. *Растительные масла.*

«Процесс, посредством которого масла̀ получаются из семян и плодов, иногда представляет собой простое выжимание, но чаще *толчение и размол* семян или плодов и их дальнейшее *выжимание.* Уже древние добывали масло путем выжимания *жомом* или *прессующей машиной.* Много *маслобоен* в Голландии» [там же, стр. 220—227].

Фабрики иголок и булавок, откуда А. Смит берет свой пример [разделения труда], сами являются фабриками, производящими *орудия* труда. *Нюрнберг* — центр основанного на ремесленном производстве изобретения орудий, начиная от часов («нюрнбергское яйцо» [117]) и кончая *станком* для изготовления и насаживания булавочных головок. *Наперстки* также являются нюрнбергским изобретением [см. *Поппе.* Цит. соч., т. II, стр. 4—14, 95].

[XIX—1170] «*Пила* существует с древних времен. Форма современной пилы не очень отличается от древнегреческой. Уже в IV столетии имелись *лесопильни,* которые приводились в движение водой. В Аугсбурге уже в 1387 году существовала *лесопильня.* В 1530 году в *Норвегии* была построена первая лесопильня под названием «Новое искусство». Уже в *XVI столетии* встречаются лесопильни со многими движущимися пилами, которые одновременно распиливали на множество досок одно или несколько деревьев. *Euler.* Sur l'action des scies (1756); *Nancarrow.* Calculations relating to grist and sawmills (1794) (усовершенствованная теория лесопилен)» [там же, стр. 33—42].

«*Сверлильные фабрики* имелись уже в XVI столетии для сверления деревянных труб. *Фанерные фабрики* для тонкой распиловки мореного и редких сортов дерева были изобретены в XVI столетии аугсбуржцем Георгом Реннером (нюрнбержцы и аугсбуржцы — превосходные мастера художественной мебели)» [там же, стр. 43—46].

Бумажные фабрики.

«*Бумага из тряпья (льняного)* изобретена, по-видимому, в Германии в XIV столетии. Вскоре после изобретения тряпичной бумаги стали пользоваться механическими приспособлениями для толчения и растирания тряпья. Первые бумажные *фабрики* приводились в движение *руками* и лишь спустя ряд лет, когда началось производство бумаги в крупном масштабе, появляются *бумажные фабрики,* приводившиеся в движение *водой.* Это имело место в XIV веке в Германии (в Нюрнберге) и в Италии. Только в первой четверти XVIII века в Германии стала известна *машина для резки тряпья.* До конца XVII века тряпье превращалось в кашеобразную массу лишь посредством толчения молотками или пестами. Но вот в Гер-

мании была изобретена *машина для размалывания бумажной массы*, называемая *«голландером»*, или *голландской машиной*. Деревянный цилиндр, обитый многими железными шинами и вращаемый водяным колесом с помощью системы зубчатых колес, размалывает в прочном деревянном чане тряпье, которое поступает туда из корыта. Немцы не оценили полезности этой машины и отвергли ее. Голландцы захватили ее себе. Сперва они вращали ее *руками*, а через некоторое время стали приводить ее в движение при помощи *ветряных крыльев*.

Расцвет бумажных фабрик в Голландии. Голландцы вели свое производство бумаги вполне *фабричным способом*; для каждой отдельной операции на их бумажных фабриках были поставлены особые люди; работали они быстрее и лучше, чем немецкие бумагоделатели, работавшие по большей части лишь ремесленным способом» [там же, стр. 196—222].

Голландские бумажные фабрики XVII и начала XVIII века можно рассматривать как главный пример *мануфактуры*, связанной с машинами, где отдельные работы выполняются машинами, но вся система в целом не составляет системы машин. В то же время здесь имело место весьма значительное разделение труда:

«Сортировка и промывание тряпья. *Осветление воды*. *Отбелка тряпья*... Как только бумажная масса *зачерпнута*, она попадает между *войлоками*, *наслаивается* в виде *кипы* и крепко прессуется. Долгое время на бумажных фабриках так называемый *штанговый или рычажный пресс* приводился в движение людьми. *Сатинирование*. *Подсинивание*» [там же, стр. 205—217].

Соединение механических и химических процессов.

«*Шлифовка стекол*. У древних имелись лишь *зажигательные стекла*. Они ничего не знали о том, что стекла *увеличивают* предметы. Первый след употребления увеличительных стекол мы находим у араба *Ибн аль-Хайсама* в XII веке. *Очки* были изобретены лишь в конце *XIII века (Роджер Бэкон)*. Старинный *шлифовальный станок* впервые был усовершенствован Гуком (1665 г.). *Подзорные трубы или телескопы*. *Лупы или микроскопы* (конец XVI века). Настоящая *подзорная труба* пришла из Голландии лишь в 1609 году. Первый телескоп изготовил *Янсен* в 1590 году. Лишь у *Галилея* Европа научилась делать совершенные телескопы и применять их в астрономии. Затем ими занимался *Кеплер*» [*Поппе*. Цит. соч., т. II, стр. 244—260].

Каретная мануфактура.

«В ней работали различные обособленные ремесленники: каретники, шорники, кузнецы, слесари, медники, токари, позументщики, стекольщики, маляры, лакировщики, позолотчики и т. д. Позже на каретных фабриках эти работники соединились вместе, при этом каждый из них работал в сотрудничестве с другими» [там же, стр. 330].

Самодвижущиеся повозки без упряжи, при помощи зубчатой передачи, появились в XVI и XVII веке у нюрнбержцев [см. там же, стр. 348].

[XIX—1171] *Металлургические заводы*.

Толчеи и кузницы.

«Уже у древних плавлению руд предшествовало их *толчение или размельчение, промывка и отмучивание,* отчасти для того чтобы этим ускорить плавку, отчасти для получения металла с наименьшими, насколько это возможно, потерями. Руду в ступах толкли в [крупный] порошок, который затем мололи на обыкновенных ручных мельницах, для того чтобы его можно было отмутить и промыть. Промывка мелко раздробленных руд производилась *ситами.* В Германии в первые годы *XVI столетия* были изобретены настоящие *дробильные машины* или *толчеи* с трамбовками, которые толкли руду в дробильном чане. А именно, окованные железом трамбовки устанавливались перед валом водяного колеса, и пальцы этого вала во время его вращения поднимали трамбовки кверху. Вначале существовали только *сухие толчеи,* т. е. такие, в которых вода в дробильный чан не подавалась. Однако во время работы этих дробильных машин в результате дробления руды поднималась такая густая пыль, которую рабочие не могли выдержать, да и последующая выплавка металла происходила затем не совсем так, как это было желательно. Поэтому вскоре пришли к мысли *дробить руду мокрым способом, или при смачивании ее водою.* Уже в XVII столетии дробильные песты и чаны были устроены лучше, но особенно они были усовершенствованы только в XVIII столетии» и т. д. и т. п. «*Устройства для промывки руды*» [там же, стр. 380—386].

Устройства для раздувания огня.

«Старейший способ раздувания огня — куском кожи, листьями деревьев или густыми зелеными ветвями. Позднее применялся *тростник,* через который воздух задувался в огонь ртом. *Кожаные воздуходувные мехи,* посредством которых масса воздуха беспрерывно перегонялась из резервуара в сообщающуюся с ним трубку простым давлением руки, очень рано были известны *грекам.* Также и в плавильных печах большие мехи такого рода приводились в движение путем растягивания их рукой. Так было вплоть до *начала XIV столетия.* Примерно в это время появляются первые мехи, приводившиеся в движение водяными колесами. Вместо кожаных мехов стали применяться *деревянные,* которые служат в 10 раз дольше, чем кожаные» и т. д.; «они были изобретены в *Германии,* в Нюрнберге, еще до середины XVI столетия» [там же, стр. 387—390].

«В XIII и XIV веках сооружались *большие кузны* для расковки металла, в особенности железа, меди, латуни и свинца, в *бруски* или в *листы* посредством тяжелых железных молотов, приводимых в действие *пальцами вала водяного колеса.* Вначале, как и все заводы, приводившиеся в действие водяными колесами, они были весьма несовершенными. Лишь *в XVIII столетии* форма пальцев, конструкция водяных колес и т. д. и воздуходувных механизмов значительно совершенствуется, в особенности *шведскими* учеными» [*Поппе.* Цит. соч., т. II, стр. 428].

{*Поппе* (в своей «Geschichte der Technologie» [см. т. I, стр. 10—29]) показывает, как, начиная с XI века, в городах развивается связанное с торговлей и наукой *городское ремесло* (ремесла стали там собственно профессиональным занятием свободных людей), а вместе с ним развиваются цехи, гильдии, союзы ремесленников, короче, промышленные и в то же время политические корпорации. Много *таких «организаций» возникло в XII и XIII веках.* ***Германия*** того времени имела лучших мастеров почти в каждом ремесле. Людовик IX французский

около 1270 года распорядился через посредство Стефана Буало объединить ремесленников в гильдии. Императоры Фридрих I и Фридрих II стремятся вновь упразднить становившиеся непокорными объединения ремесленников. Рост влияния ремесленников в городах. Все старания монархов подавить гильдии ни к чему не приводят. Их значение все больше возрастает. Ремесленники силой требуют не только соучастия в городском управлении, но исключительного права управлять городами. *Расцвет ремесленного производства в Нидерландах.* Важнейшую роль играют здесь ткачи шерстяных тканей. В 1304 году произошло морское сражение между голландцами и фламандцами, в котором первые одержали победу. В *XIV столетии* — борьба между ремесленниками и городскими властями. Гильдии ремесленников постоянно то слабели, то вновь укреплялись. Каждый цех ремесленников даже обзаводился полным боевым снаряжением. В *XIV столетии* было сделано много изобретений и открытий. Весьма усовершенствовались все виды ткачества, металлообработка, производство серебряных и золотых изделий. В *XV столетии* не произошло значительных изменений в организации ремесленного производства. В конце этого столетия *Нюрнберг* стал самым цветущим среди немецких городов. *XVI столетие:* неизменный рост ремесел и искусств. *Германия* снова выделяется своими изобретениями. Испанские Нидерланды. Англия.

«В *XVII и XVIII веках* возникают настоящие мануфактуры и фабрики, особенно в *Англии* и во *Франции*» [там же, стр. 31].

«*Мануфактура и фабрика* — это такие предприятия, в которых множество ремесленников *объединяются* и работают для достижения *одной определенной цели.* Предприятие называется *мануфактурой,* если для производства [XIX—1172] товаров на нем применяются непосредственно рабочие руки или, при недостатке рабочих рук, машины. Если же для производства товаров пользуются огнем и молотом, то предприятие называется *фабрикой.* Некоторые работы не могут выполняться иначе, как в крупном масштабе, например, *изготовление фарфора, стекла* и т. д., *поэтому они никогда не были ремеслами.* Уже в XIII и XIV столетиях некоторые виды труда, такие как ткачество, выполнялись в крупных масштабах» [там же, стр. 31—32].

«В *XVIII столетии* многие ученые усердно взялись за обстоятельное изучение ремесел, мануфактур и фабрик. Некоторые из них сделали эту область предметом своего специального исследования. Лишь в новейшее время надлежащим образом осознана связь механики, физики, химии и т. д. с ремеслом» (следовало сказать: с производством). «В прежнее время в *ремесленных мастерских* предписания и навыки передавались от мастеров подмастерьям и ученикам, и это создавало *консервативную традицию.* Прежде ученым противостояли *предрассудки.* В 1772 году *Бекман* впервые употребляет термин *технология.* Уже в первой половине XVIII века итальянец *Рамаццини* пишет трактат о болезнях ремесленников. Разработке всеобъемлющей технологии положили начало *Реомюр* и *Шоу.* Первый

сообщил свой план французской академии. В результате этого, начиная с 1761 года, стали выходить «Descriptions des Arts et Métiers, faites ou approuvées par Messieurs de l'Académie royale des Sciences». Paris (ин-фолио)» [там же, стр. 62—64, 81—82, 91—92].}

Прядение и ткачество.
1) Шерстяные ткани.

«До *X столетия немецкие* шерстяные мануфактуры были самыми знаменитыми в Европе; они явились питомником для нидерландских мануфактур. Суконные фабрики *Гента* процветали уже в середине XII века. Начиная с XIII века мануфактуры во *Флоренции, Милане, Генуе, Неаполе* были самыми знаменитыми» [там же, стр. 243—244].

«Уже древние не превращали стриженую шерсть в надлежащие нити без ее предварительной обработки. Напротив, шерсть сначала очищали от грубых нечистот и пыли. Для этой цели она *щипалась* и *трепалась* или разрыхлялась и отбивалась, затем *промывалась,* смазывалась оливковым или животным маслом, для того чтобы она стала *более гибкой,* наконец, *расчесывалась,* или *кардовалась.* При *промывании шерсти* древние использовали такое растение, как *мыльник* (struthium). *Трепание* или *отбивка* шерсти *для лучшего разделения волокон* для древних не представляли трудностей. Специальные *шерстотрепальни* появились позднее. Уже в XIII столетии они имелись также и в Нюрнберге. В *начале XVIII века,* а может быть и раньше, шерсть *обрабатывали с помощью машины,* т. е. ее *расщепляли* особой машиной, *волк-машиной.* В Англии эта машина в новейшее время была усовершенствована (Giggingmills, Towningmills, Machines for twiching wool).

Гребни, скребки, карды, т. е. орудия с железными зубьями для *разрыхления, расщепления и подравнивания волокон,* были известны уже Плинию. Такие скребки были затем усовершенствованы, было увеличено число их зубьев и т. д. Тем не менее все еще затрачивалось много времени и требовалось много людей, для того чтобы в шерстяных мануфактурах разрыхлить и прочесать большое количество шерсти. Однако указанными простыми орудиями обходились до второй половины XVIII века. В 1775 году впервые были применены *чесальные* или *кардные машины* (scribbing mills, carding engines), приводившиеся в движение либо водяными колесами, либо паром. Р. Аркрайт первым проложил путь этому изобретению. *50 000 чесальщиков шерсти* выступили против него перед парламентом. Его машина выполняла свою работу лучше, с большей производительностью и дешевле. Машины такого рода состоят из нескольких валов, на которых укреплены гребни, причем всегда одновременно работают две пары валов, гребни которых входят друг в друга...

Расчесанная шерсть посредством *прядения* скручивается в *нить,* превращается *в пряжу.* Для этой цели древние применяли *веретено. Самопрялки* являются изобретением нового времени. Первыми были *ручные самопрялки;* это большие колеса, приводившиеся в движение правой рукой человека, в то время как левая рука вытягивала нить. Только в *1530 году Юргенс* из деревни близ Брауншвейга изобрел маленькую *ножную самопрялку.* В Германии была также изобретена *двойная самопрялка,* или самопрялка с двумя катушками, на которые одновременно наматываются две нити. До этого делались попытки, чтобы *один* человек путем длительного упражнения мог прясть одновременно на двух самопрялках. И это удавалось, однако работа ногой была слишком утомительной. В *середине XVIII века* появились также такие самопрялки, которые

одновременно сматывают, сдваивают и скручивают выпряденную [XIX—1173] нить» [там же, стр. 265—272].

«*Прядильные машины* или *крутильные машины*. Такая машина, приводимая в движение либо рукой человека при помощи вращающейся рукоятки, либо водяными колесами, либо паровым двигателем, одновременно выпрядает 60, 100 и более очень тонких однородных нитей; она может приводиться в движение тем же самым двигателем даже вместе с *трепальной и чесальной* машиной.

Прядильная машина была известна уже в первой четверти XVIII века (она применялась в то время только для прядения овечьей шерсти). Вероятно, раньше всего это имело место в Италии. *Аркрайт* впервые изобрел усовершенствованную машину для прядения хлопка в 1775 году. Затруднения, препятствовавшие введению такого рода машин в Англии, испытывали с начала XVIII века; точно так же и во Франции и даже после изобретения Аркрайта; эти затруднения были преодолены сначала владельцами хлопчатобумажных, а затем владельцами шерстяных мануфактур...

Для *разделения пряжи на связки, мотки или куски* изобрели *мотовило*, или *мотальницу*. Сначала появилось простое *ручное мотовило*, затем *более искусный тип* быстро защелкивающегося или *счетного мотовила*. Еще более искусные его разновидности в XVIII столетии были соединены с самопрялками. Изобрели даже такие мотовила, у которых посредством стрелки на циферблате показывалось число намотанных нитей и связок...

После изобретения стрижки и прессовки сукна ворсование и отделка шерстяных тканей (сукон) стали настолько искусным делом, что могли производиться только квалифицированными *суконщиками* и *стригальщиками сукна*, которые уже в эпоху возрождения наук принадлежали к самым уважаемым ремесленникам. На английских суконных фабриках в XVIII столетии установили особые *ворсовальные* и *стригальные машины*, на которых *кардование* и *стрижка* сукна *не* требовали применения человеческих рук. В 1758 году *Эверет* построил первую, приводившуюся в движение водой, стригальную машину. Сотни рабочих, оставшиеся без работы, сожгли эту машину.

Вместо обычного *катания или раскатывания* в Англии, в особенности во второй половине XVIII века, появились *каландровые* или *цилиндровые машины*.

Валяние применяется для того, чтобы сукно очистить, уплотнить, сделать более прочным; валяние производили уже римские сукновалы посредством топтания сукна ногами. После изобретения *сукновален* очистку сукон отделили от других видов их обработки, от ворсования и аппретирования. Сукновальни существовали уже в конце X века. Они представляют собой *устройства либо по трамбовке, либо по отбивке*. И те, и другие трамбуют сукно» [там же, стр. 273—276, 286—292].

2) *Хлопчатобумажные ткани.*

«Когда *голландцы* вытеснили португальцев из большей части индийских владений, они первыми из европейцев овладели ситцеткацким производством. *В конце XVII века* в Голландии появились первые *хлопчатобумажные мануфактуры*. Собственно говоря, они представляли собой лишь ситценабивные предприятия для обработки белых ситцев, по дешевой цене закупавшихся в Индии. Спустя некоторое время в Голландии появилось также *ситцеткацкое производство*, затем оно появилось в Швейцарии, в Гамбурге, Бремене, Аугсбурге, в Австрии, Саксонии, Лаузице и т. д. *Печатные прессы, печатные машины* для ситцев» [там же, стр. 313—316].

{Как только крупная мануфактура получает определенное развитие, для отдельных простых процессов, таких как *размол, дробление, толчение, валяние, прессовка* и т. д., в ней применяются отдельные машины, у которых, однако, двигательная сила должна преодолевать все несовершенства рабочего механизма.}

«Очистка хлопка легче, чем шерсти. Труднее операция *разделения* хлопковых волокон. Индусы и греки расчленяли или разделяли их лучком для битья шерсти, как это делают шляпники с применяемой ими шерстью. Простые гребни, скребки или карды перестали применяться в массовом масштабе лишь *в середине XVIII века*, когда Аркрайт изобрел свою чесальную машину. *Веретено* для прядения применялось в Древнем мире и в Индии. *В 1775 году* Аркрайт взял патент на свою прядильную машину...

Чесальная машина полностью очищала обработанный хлопок, и теперь очередь была [XIX—1175] * за *ровничной машиной* (rovingmill), которая принимала хлопок и выдавала его в форме толстых, колбасообразных нитей (rovings). Переработка ровницы в пряжу производилась теперь состоящей из многих шпуль *прядильной машиной*, которая схватывала ровницу, вытягивала и скручивала ее. *Ватерная пряжа* (water twist) больше скручена, чем мюльная пряжа (mule twist), а сама прядильная машина, как ее изобрел Аркрайт, была названа мюль-машиной. Вскоро построили специальную машину для *уточной пряжи* (weft), а на мюль-машине стали прясть большей частью только *основу*. Новую машину назвали «*Дженни*». Наконец, путем соединения мюль-машины и «Дженни» была создана третья машина, выпускавшая только мюльную пряжу, которая теперь, однако, нередко использовалась на ткацких станках также и в качестве уточной пряжи. Все эти машины, от чесальной до прядильных, приводятся в движение одним паровым двигателем» [там же, стр. 336—337, 340—342].

3) *Шелк.*

«Во Франции до французской революции ткалось несколько *сот видов шелковых тканей*, из которых только с 1730 года было изобретено 150 видов. Существовавший в Авиньоне закон, по которому каждый ученик имел право посвящать себя только одному роду производства и не мог учиться изготовлять одновременно несколько видов тканей, очень способствовал совершенствованию производства» [там же, стр. 413—414].

4) *Искусство вязания.*

«*Чулочновязальный, или трикотажный, станок* изобретен в Англии; благодаря ему один рабочий без особого труда и сноровки почти в одно мгновение может связать 100 петель. Это *самая искусная* машина из всех существующих. Вся она изготовлена из железа и состоит из более чем 2 500 частей. Много сотен игл одновременно находятся в движении. Изобрел эту машину в конце XVI века (в 1589 году) *Уильям Ли*, магистр колледжа св. Иоанна в Кембридже» [там же, стр. 463—464].

Говоря о хлопкопрядении, *Юр* упоминает *угароочищающую и трепальную машины* для разрыхления и очистки хлопка. Применяются две трепальные машины; вторая из них называется *развесочной холстовой* или *раскладочной машиной*. Затем применя-

* В нумерации Маркса пропущена страница 1174. *Ред.*

ется *чесальная машина*. При тонком прядении применяются сначала *кардная машина для первого прочеса*, а затем кардная машина для последнего прочеса. *Вытягивание* и *сдваивание*. *Вытяжные валики (вытяжная ленточная машина)*. *Приготовление ровницы*. Банкаброш (род ровничной машины). Наконец, *тонкопрядильная машина* [118].

* * *

Прежде всего об источниках механической энергии.

«*Первичный двигатель... великий работник*, без чьей могущественной помощи ручной труд человека мог бы дать только незначительные результаты. Громоздкие машины фабрик были бы бесполезным сооружением, если бы все они не могли приводиться в непрерывное движение. *Первичные двигатели:* паровые двигатели, ветряные мельницы, водяные колеса, машины, работающие нагретым воздухом, электромагнитные двигатели и т. д. Это — механические комбинации, предназначенные для сообщения движения. *Одни из них порождают силу, приводящую их самих в движение, как, например, паровой двигатель, электромагнитный двигатель* и т. д. Другие являются лишь устройствами для получения механической энергии из природного движения либо воды, либо воздуха. Двигатели, принадлежащие ко второй группе, зависят от поступления энергии, которое, будучи по своей природе непостоянным, часто прерывается и которое, если его недостает, не может быть увеличено человеком. Между тем паровой двигатель и связанные с ним машины находятся в полном распоряжении человека, они могут быть поставлены на любой режим работы, могут быть пущены в ход в любое требуемое [XIX—1176] время и могут быть немедленно остановлены» [«The Industry of Nations». Part II. London, 1855, стр. 61—62].

«Паровой двигатель может быть отрегулирован таким образом, чтобы он в совершенстве обслуживал самого себя, питал свои топки, наполнял свои котлы и, вдобавок к этому, управлял скоростью своего движения» [там же, стр. 68].

«*Тепловой двигатель Эриксона*. «Это изобретение, — говорит г-н Эриксон, — заключается в производстве двигательной силы путем применения теплоты к атмосферному воздуху или другим постоянным газам или жидкостям, способным к значительному расширению при повышении температуры. Способ применения теплоты таков: вызвав распространение или расширение, производящее двигательную силу, теплота передается определенным металлическим предметам и через определенные промежутки времени или при каждом последовательном ходе двигателя снова возвращается от них в ту среду, которая служит рабочим агѐнтом. В результате основная подача теплоты становится независимой от сгорания или потребления топлива»... «Одно и то же количество теплоты, которое приводит машину в движение [писал журнал «Athenaeum» [119] 19 февраля 1853 г.], используется в ней все снова и снова для поддержания этого движения; при этом здесь не требуется дополнительного поступления теплоты, за исключением той, которая должна компенсировать небольшую потерю, вызываемую утечкой и излучением»» [там же, стр. 97—98].

Машины, применяемые в обрабатывающей промышленности, замещающие самого человека, занятого промышленным трудом [там же, стр. 120].

«Задача всех великолепных машин, связанных с первой стадией переработки хлопка, предшествующей его превращению в пряжу, заключается в том, чтобы очистить волокна, освободить их от посторонних веществ, сделать их однородными — по возможности ровными, параллельными» [там же, стр. 122].

Новые и первоначальные механические ткацкие станки.

«Старые механические ткацкие станки (лучшие из них) могли производить не больше $^1/_3$ того количества ткани, которое вырабатывается рабочими на новых станках, несмотря на то, что для производства того же самого количества ткани в определенный промежуток времени на старых станках необходимо было затратить вдвое большее количество труда. Опытный рабочий, работая на фабрике по 60 часов в неделю, производит на *двух таких современных станках* 26 кусков набивной ткани шириной в 29 дюймов и длиной в 29 ярдов, имеющей 11 уточных ниток на каждые четверть дюйма. Изготовление таким ткачом каждого куска ткани обходится в $5^1/_8$ пенса. Если бы тот же самый рабочий работал на одном из старых станков, он мог бы изготовить только 4 подобных куска ткани, каждый из которых потребовал бы затрат (на одно только ткачество) в 2 шилл. 9 пенсов» [там же, стр. 156].

Чулочновязальный станок.

Среди наилучших современных (для XIX столетия) чулочновязальных станков последним является

«*кругловязальный станок* кавалера *Клауссена,* приспособленный для изготовления всех видов вязальных изделий путем непрерывного кругового движения. Он может приводиться в действие либо паром, либо вручную. Основное различие между ним и обычным чулочновязальным станком состоит в том, что ряды петель образуются в нем в виде спирали, а не параллельно друг другу; петли образуются также одновременно в различных частях окружности станка. Петли чулок не подвержены «спусканию», происходящему вообще от дефекта или разрыва петель. Движение в кругловязальных станках, являясь непрерывным и совершаясь *только в одном направлении,* а не попеременно вперед и назад, как в обычных вязальных станках, не вызывает потери времени на обратный ход, вследствие чего за данный промежуток времени может быть выполнено большее количество работы. Станок Клауссена демонстрировался на Большой выставке 1851 года [120]. Он имеет 1 200 игл, расположенных на окружности, и может легко делать 80 оборотов в минуту. Количество сделанных петель или стежек будет, следовательно, равно 1 200 × 80, т. е. 96 000 петель в минуту, и это *делается силой руки лишь одного рабочего*» [там же, стр. 164—165].

[XIX—1177] *Шелк. Ткацкий станок Жаккара.*

«Простые ткацкие станки могут производить только гладкую ткань и не способны вырабатывать узорчатые ткани... Для этой цели необходимо специальное приспособление, и те ткацкие станки, в которых оно имеется, называются ткацкими станками Жаккара... Если во время процесса ткачества одна или две нити основы будут подняты или опущены, тогда как другие остаются в прежнем состоянии, то произведенная ткань в тех частях, где находились эти перемещенные нити, будет иметь вид, отличающийся от других частей. Она будет иметь определенные узоры на своей поверхности, и если такое перемещение нитей было регулярным, то эти узоры будут повторяться на некотором расстоянии друг от друга, и таким

образом на ткани будет выполнен определенный рисунок. В этом суть того, что проделывает аппарат Жаккара...

На Большой выставке было показано изобретение *г-на Барлоу*. В его ткацком станке употребляются два» (вместо прежнего одного) «перфорированных цилиндра, и карды расположены на них в порядке чередования, так что когда один цилиндр находится в действии, другой меняет свою карду и подготавливается к работе. Благодаря такому устройству станок может работать со скоростью, превышающей на 40% скорость действия станка обычной конструкции. Равномерность его движения также сильно возросла, а напряжение основы уменьшилось» [там же, стр. 159—160, 162].

Машина для вязания кружев (английский тюль).

«У ткани, производимой на чулочновязальном станке и кругловязальном станке, нет основы или утка. Ткань состоит исключительно из петель и одной непрерывной нити. У кружевовязальной машины основа существенно не отличается от основы обычных ткацких станков; главная особенность заключается в утке и в интереснейшем и остроумнейшем устройстве челноков, называемых в этой машине коклюшками» [там же, стр. 166—167].

Это и есть та самая машина, о которой Юр [121] говорит, что она по осуществленной в ней многообразной изобретательности в области механики стоит настолько же выше искуснейшего хронометра, насколько последний выше простого механического приспособления для поворачивания вертела.

Швейная машина [см. «The Industry of Nations», Part II. London, 1855, стр. 174—176].

* * *

К *первичным двигателям* следует причислить еще *гидравлический пресс*.

«Водяные двигатели в принципе не отличаются от паровых: а именно, они представляют собой столб воды, действующий на поршень, помещенный внутри цилиндра с тем же общим устройством, что и у парового двигателя. Гидравлический пресс способен на столь удивительное разнообразие применения, что может быть применен и для прессования нескольких тюков карманных носовых платков, и для подъема огромных конструкций» [там же, стр. 107—108].

Пример специализации и дифференциации орудий.

«Установлено, что в Бирмингеме изготовляется не менее *300 различных видов молотков,* каждый из которых приспособлен для какого-нибудь специального производства» [там же, стр. 388].

Производство стальных перьев. Вначале разделение труда, затем машинное производство.

«Стальные перья стали применяться около 30 лет назад, и когда они впервые были представлены на одобрение публики, каждое перо стоило

6 пенсов. В настоящее время на эту сумму можно купить 124 пера такого же, если не лучшего качества. В 1820 году первый гросс * стальных перьев был продан за 7 ф. ст. 4 шилл. В 1830 году их цена упала до 8 шилл. за гросс и продолжала постепенно падать, пока не достигла величины в 6 пенсов за гросс, т. е. той величины, которая и является ее нынешним пределом. Одна бирмингемская фабрика производит по 960 000 перьев в день или 289 528 000 перьев в год. Общая продукция бирмингемских фабрикантов составляет по меньшей мере миллиард перьев в год. В процессе изготовления пера структура стали претерпевает удивительнейшие изменения. Сначала она мягка, как свинец, потом она становится хрупкой, как стекло, и наконец, она подвергается термической обработке до состояния эластичности, [XIX—1178] максимально приближающейся к эластичности гусиного пера» [там же, стр. 391—392, 394].

Бирмингемское производство стальных перьев в своем первоначальном состоянии — еще примерно 25 лет тому назад — представляло собой мануфактуру современного типа, базирующуюся на разделении труда. Для отдельных процессов частично применялись машиноподобные орудия, частично машины (как это уже имело место и в первоначальной мануфактуре, когда она достигла определенного уровня), отчасти же механизмы, приводимые в движение паром, однако работавшие с перерывами, во время которых применялся ручной труд.

«Полоса тонкой листовой стали соответствующей ширины и толщины сначала обрабатывается тщательным прокатыванием и отжигом. На этой стадии она готова для *разрезки* на перья при помощи *пресса,* в котором установлены соответствующие штампы для вырезывания «болванки»» (в данном случае «*болванкой*» является «пластинка»). «Пресс применяется здесь для осуществления равномерного давления на приделанные к нему штампы. Эти прессы обслуживаются женщинами, которые настолько проворны, что средняя выработка хорошей работницы составляет 200 гроссов, или 28 000 перьев за десятичасовой рабочий день. Ширина полосы стали позволяет вырезать два пера, широкая часть заготовки образует трубочку, а острие пера вырезается так аккуратно, что отходы совсем незначительны. Теперь «болванки» надо *проколоть,* и тут небольшое центральное отверстие, так же как и боковые щели, вырезается *другим прессом.* Эти наполовину готовые перья помещаются теперь в *отжигательную печь* для их размягчения, после чего они «*маркируются*»: на обратной стороне при помощи *ноги* ставится *штемпель* с указанием имени фабриканта. Затем наполовину законченное маленькое орудие помещается в *желобок* и посредством *машины* принимает, вместо прежней плоской, цилиндрическую форму. Это называется «поднятием» металла. Упакованные в маленькие металлические коробки с крышками, перья снова помещаются в «муфель», где накаляются добела. Затем их извлекают оттуда и сразу же опускают в большой сосуд с маслом, где они становятся настолько хрупкими, что чуть ли не крошатся от прикосновения. Следующий процесс — это «чистка», затем следует «закалка», которая возвращает перьям требуемую эластичность и завершается помещением их в большой *цилиндр из белой жести* с одним открытым концом, вращающийся над огнем таким же способом, как при поджаривании кофе. Нагревание изменяет цвет перьев — сначала они становятся

* — 12 дюжин, т. е. 144 штуки. *Ред.*

серыми, потом соломенного цвета, затем — коричневыми или бронзовыми и, наконец, — синими. Остается еще устранить шероховатость поверхности, для чего перья помещают в *жестяные бачки* с небольшим количеством опилок. Эти бачки устанавливаются горизонтально на раме и при помощи пара приводятся во вращательное движение, перья трутся друг о друга и таким образом очищаются. После процесса «шлифовки» (который состоит в том, что закаленные перья помещаются в железный цилиндр, наполненный толченым тигельным или другим абразивным материалом, цилиндр вращается при помощи какой-либо энергии, и посредством трения перья приобретают блестящую чистую поверхность), они направляются в «точильный цех», где каждое перо в отдельности затачивается с внутренней стороны в двух направлениях, проходящих под прямым углом друг к другу или, вернее, пересекающих друг друга; качество перьев в очень большой степени зависит от этой операции. При помощи *щипцов* девушка поднимает перо, на какое-то мгновение прикасается им к вращающемуся «полировальному кругу», и заточка закончена. Теперь перо направляется в «разрезной цех», где делается *продольный разрез;* перо помещается в пресс, в котором эта операция выполняется мгновенно. Затем перья проверяются и сортируются в соответствии с их качеством, после чего они лакируются раствором камеди и считаются готовыми для продажи» [там же, стр. 392—393].

В общей сложности таких операций больше дюжины, причем к ним еще добавляются переходы от одного процесса к другому. В виде такого рода мануфактуры

«г-н Джиллот основал в Бирмингеме первую большую фабрику стальных перьев, и ведущееся на ней от его имени производство перьев является теперь крупнейшим в мире. На этой фабрике занято свыше 1 000 человек, большинство которых — женщины. За один год, с мая 1850 по май 1851 года, было произведено свыше 180 миллионов перьев, а вес листовой стали, израсходованной на их производство, составил не менее 268 800 фунтов, или 120 тонн» (в одной тонне 2 240 фунтов) [там же, стр. 392].

[XIX—1179] «В течение некоторого времени применение машин в производстве стальных перьев, по-видимому, встречало непреодолимые затруднения, так как, казалось, не было никакой возможности применить в производстве стальных перьев ничего похожего на непрерывный процесс. Однако это затруднение было преодолено, и на Большой выставке» (в 1851 году) «демонстрировалась машина, — получившая в настоящее время широкое распространение, — которая выполняет эту задачу. Машина эта изобретена фирмой «Хинкс, Уэллс и К^0» в Бирмингеме. Она работает совершенно автоматически. Сталь подается к ней в виде плоской ленты, и машина за один ход разрезает, прокалывает и расщепляет два пера, выполняя одновременно шесть процессов» [там же, стр. 393—394].

Автоматическая фабрика.

Бумажная фабрика (современная). Прежде, в XVII и в начале XVIII века, особенно у голландцев, производство бумаги представляло собой весьма развитую мануфактуру в собственном смысле слова, причем частично, для отдельных процессов применялись: сперва ручная, затем водяная или ветряная мельницы [122].

Как раз этот вид производства в его мануфактурной форме вследствие чередования химических и механических процессов отличался большой внутренней разобщенностью.

«*Подготовительные процессы*. Размельчение тряпья, а затем удаление всех инородных веществ, включая красители».

1) [*Первый процесс*.] «Первая машина разрывает тряпье на мелкие лоскуты и одновременно удаляет грязь. Она состоит из большого резервуара, частично наполненного водой, которая постоянно, в течение всего процесса, поступает из крана. Через резервуар проходит вращающийся вал, на котором укреплен деревянный цилиндр, снабженный стальными зубьями, а на дне резервуара находится полый кусок дерева, также имеющий зубья, и эти части машины так пригнаны друг к другу, что когда тряпье проходит между ними, оно захватывается и разрывается в клочья. Снабженный зубьями цилиндр приводится в быстрое вращательное движение с помощью приводного ремня, идущего от главного вала, вращаемого паровым двигателем. Работа машины продолжается до тех пор, пока тряпье не превратится в хорошо размельченную массу, называемую отныне *бумажной массой*. В течение всего времени вода непрерывно протекает через резервуар, но в уменьшающихся количествах, а нечистоты стекают через отверстия с вмонтированными в них ситами. В результате остается одна только чистая бумажная масса и вода. Бумажная масса имеет теперь все еще очень грязный вид».

2) *Второй процесс*. «Удаление окраски и отбелка. Там, где с самого начала используют чистое белое полотняное тряпье, процесс отбеливания является не только бесполезным, но и вредным. Если используют разноцветное тряпье или старую исписанную бумагу и тому подобный материал, тогда процесс отбеливания является необходимым. Через большую трубу, которая сообщается с машиной, производящей бумажную массу, полужидкая масса поступает в резервуар, где она подвергается отбеливанию. Бумажная масса помещается в цистерны и смешивается с раствором хлорной извести. Вскоре окраска сходит, и бумажная масса становится добела отбеленной».

3) *Третий процесс*. «Теперь бумажная масса прессуется на гидравлическом прессе, для того чтобы уменьшился ее объем».

4) *Четвертый процесс*. «Снова промывка с целью удаления хлорной извести» [«The Industry of Nations». Part II. London, 1855, стр. 183—185].

При переходе от мануфактуры или ремесла к машинному производству зачастую весьма увеличивается число подготовительных (к обработке на самой машине) процессов; это вызывается тем, что подлежащий обработке исходный материал, такой, как хлопок, бумажная масса и т. д., чтобы он был пригоден для чисто механического процесса, должен быть превращен в гораздо более однородную массу. Это всегда достигается повторением в различной степени одного и того же процесса.

5) *Пятый процесс*. «Для изготовления бумаги требуется более мелкое дробление материала. Это делается другой измельчающей бумажную массу машиной, называемой роллом. Эта машина отличается от первой только более плотным расположением зубьев и более высокой скоростью вращения цилиндра. Операция дробления продолжается несколько часов, причем выделяется так много скрытой теплоты, что бумажная масса ста-

*

новится ощутимо горячей и в высшей степени размельченной. Достигнув этого состояния, бумажная масса становится пригодной для производства бумаги; теперь она поступает в чан, из которого подается в бумагоделательную машину» [там же, стр. 185].

[XIX—1180] Теперь очередь за *собственно бумагоделательной машиной*. Здесь также предшествует несколько процессов: отмеривание бумажной массы, а затем фильтрование ее [см. там же, стр. 186—187].

Отбеливание, по-видимому, образует самостоятельный процесс, равно как и применение гидравлического пресса. Напротив, собственно бумагоделательная машина вполне является автоматом.

«Два великих принципа, обусловивших успех, полностью воплощены в этом удивительном автомате. Одним из наиболее важных принципов во всех отраслях обрабатывающей промышленности является *непрерывность производства*. Наиболее совершенной и наиболее экономичной машиной, применяемой в обрабатывающей промышленности, является та, которая способна производить *непрерывно*. Там, где обработка материала может идти *без перерыва* (а следовательно, *без задержек*), от первой до последней стадии его машинной обработки, там, по всей вероятности, будет произведен лучший товар и произведен с меньшими затратами, чем в том случае, когда на каждой стадии своей обработки материал должен переноситься с одного места на другое. Ни одна изобретенная до сих пор машина не доказывает этого более разительно, чем описываемая здесь бумагоделательная машина. Она представляет собой *завершенную систему*, так как сырой материал подается в нее с одного конца, а с противоположного конца выходит готовый продукт.

Эта машина демонстрирует свою превосходную конструкцию также и в отношении другого принципа, который заключается в том, что *она действует совершенно автоматически*. Она *не нуждается в помощи человека*, а выполняет возложенную на нее задачу путем *комбинирования и соответствующего функционирования тех частей*, из которых она состоит. Если *содействие со стороны человека* в каком-либо отношении *и необходимо*, то лишь для того, чтобы *устранить случайные трудности*, а не для того, чтобы *оказывать помощь в производстве*. Работа машины отличается также большой *быстротой*; продвижение бумажной массы от первого фильтра до готового рулона бумаги продолжается обычно всего несколько минут» [там же, стр. 190—191] *.

Итак, машина воплощает в себе: *непрерывность производства* (т. е. непрерывность тех фаз, через которые проходит обработка сырого материала); *автоматизм* (человек необходим только для устранения случайных трудностей); *быстроту действия*. *Одновременность операций* также возрастает в результате применения машин, как, например, при изготовлении стальных перьев, когда за один ход машина разрезает, прокалывает и расщепляет стальную «болванку» [см. там же, стр. 392, 394].

* Все эти английские цитаты, не сопровождаемые указанием на автора, взяты из книги: «The Industry of Nations. Part II. A Survey of the existing state of Arts, Machines, and Manufactures», London, 1855.

(Пример того, как одно производство вызывает необходимость других производств:

«В связи с производством стальных перьев возникло значительное производство пеналов, ручек и различных мелких принадлежностей, необходимых при пользовании стальными перьями» [там же, стр. 395].)

* * *

Производство бумаги проходит через следующие завершающие процессы: как только бумажная масса подготовлена для производства бумаги (прошла обработку во *второй машине*), она «поступает в *чан*, из которого подается в бумагоделательную машину» [там же, стр. 185].

Первый процесс. «Бумажная масса поступает сперва в два больших резервуара, снабженных вращающимися стержнями, или мешалками, которые перемешивают массу и предотвращают ее оседание на дно» [там же, стр. 186].

Второй процесс. «Из этих резервуаров бумажная масса отводится в аппарат, носящий название *измерителя бумажной массы*. Этот остроумный аппарат обеспечивает равномерную подачу бумажной массы в следующие отделы машины. Он состоит из системы ковшей, вращающихся в круглом чане; этот чан наполняется бумажной массой, а ковши, погружаясь в нее, забирают определенное количество массы и затем последовательно сливают ее в *желоб*, сообщающийся с первым отделом машины. Во всех процессах, где формируется непрерывная полоса материала, как это имеет место при прочесывании хлопка, шерсти и т. д., для обеспечения однородности получающейся полосы препарируемого материала оказалось существенно важным, чтобы материал поступал в машину определенными отмеренными порциями, а для этой цели он обычно отвешивается и затем подается в машину. Применение этого принципа к бумагоделательной машине является новым» [там же, стр. 186—187].

[XIX—1181] *Третий процесс.* «Затем бумажная масса из измерителя направляется к *фильтру*. Когда она проходит по желобу, к ней добавляется небольшое количество воды из другого механизма, идентичного по своему действию с измерителем массы. Эта вода служит для разжижения бумажной массы до надлежащей консистенции, необходимой для последующих операций. Затем разжиженная масса по отдельному каналу направляется к песочному фильтру» [там же, стр. 187].

Четвертый процесс. «*Песочный фильтр* — это желоб, в котором расположен ряд металлических бороздчатых выступов, через которые бумажная масса течет дальше. При этом своем продвижении более тяжелые грязные компоненты оседают на дне желоба, а чистая бумажная масса, имеющая меньший удельный вес, течет дальше» [там же].

Пятый процесс. «Достигнув конца *песочного фильтра*, бумажная масса стекает в фильтр, называемый *узлоловителем*, конструкция которого существенно отличается от предыдущего. Он представляет собой желоб, содержащий определенное количество латунных полос, расположенных близко друг к другу в продольном направлении и весьма тщательно выровненных и сглаженных. Эти полосы находятся в подвижной раме, которая при помощи рычага приводится в колебательное движение; а так как полосы тесно прилажены друг к другу, то они пропускают только *бумажные*

волокна. Любые *узелки,* которые могли находиться в бумажной массе, задерживаются и оседают на верхней поверхности полос, в то время как бумажная масса *фильтруется и поступает* в приемочный ящик. Узелки же по мере их накопления удаляются обслуживающим машину рабочим» [там же, стр. 187].

Шестой процесс. «Затем бумажная масса снова процеживается, или фильтруется, на этот раз путем *восходящего движения.* Пройдя из предшествующего фильтра вниз в металлический ящик, она проводится в третий желоб, в котором расположены полосы, подобные упомянутым выше, но в перевернутом положении. Бумажная масса фильтруется теперь при движении вверх через эти полосы, и, освободившись от всякой грязи и став однородной, она становится тем самым подготовленной к тому великолепному процессу, которому она будет подвергнута» [там же, стр. 187—188].

Седьмой процесс. «По выходе из последнего фильтра, бумажная масса следует по кожаному лотку в небольшой желоб, содержащий двулопастную *мешалку,* называемую *скребком.* Эта мешалка основательно перемешивает бумажную массу и предотвращает ее оседание на дно. Затем бумажная масса направляется на бесконечную движущуюся сетку» [там же, стр. 188].

Восьмой процесс. «Бесконечная *сетка* сделана из перфорированной латунной проволоки. Здесь бумажная масса *впервые начинает освобождаться от воды,* которая стекает через сетку в помещенный внизу деревянный резервуар. Но эта вода содержит небольшое количество тонких волокон бумажной массы, а это слишком ценный материал, чтобы его выбрасывать. Поэтому вода выпускается из этого резервуара в желоб, отводящий ее обратно в аппарат, используемый для *разжижения* бумажной массы, которая поступает вместе с водой из измерителя. Таким образом, вода, выделяющаяся из бумажной массы, всё снова и снова пускается в дело и, по-видимому, здесь вряд ли возможна потеря какой-нибудь части материала. На проволочную сетку, находящуюся в постоянном поступательном движении, непрерывно поступает бумажная масса, которая вместе с сеткой продвигается вперед. При своем движении вместе с сеткой *боковые края бумажной массы огораживаются и делаются параллельными* при помощи ремней, лежащих на сетке с обеих сторон и носящих название *декельных ремней.* Эти ремни движутся вместе с сеткой, и, в конце концов, бумажная масса отделяется от них, ее края теперь уже несколько отвердели и получили определенную форму. В то время как бумажная масса проходит по сетке, последняя качается, что облегчает отделение воды. По мере увеличения расстояния от фильтров бумажная масса становится все более плотной вследствие постоянного уменьшения количества содержащейся в ней воды, но даже в самом конце проволочной сетки она все еще остается очень мягкой и рыхлой» [там же].

[XIX—1182] *Девятый процесс.* «Теперь, если это требуется, на бумагу должны быть нанесены *знаки,* называемые водяными знаками. Эти знаки представляют собой в сущности изменение расположения части бумажной массы в тех местах, где изготовляемая бумага должна быть наиболее прозрачной, путем прессования бумажной массы, пока она еще мягка, обтянутым проволокой валиком, на поверхность которого нанесены различные выпуклые рисунки. Эти рисунки воспроизводятся на бумажном полотне точно так же, как печать отпечатывается на сургуче. И как бы ни был разнообразен рисунок, мягкая бумажная масса самым точным образом воспринимает и сохраняет его. Это достигается очень простым путем. *Как раз перед тем как бумага покидает проволочную сетку, она проходит под валиком,* обтянутым латунной проволокой; поверхность валика несет

на себе рисунок, сделанный при помощи проволок, и отпечаток этого валика передается на бумагу» [там же, стр. 189].

Десятый процесс. «Для более полного извлечения воды из бумажной массы, перед тем как она покидает проволочную сетку, в машине сделано весьма остроумное приспособление. Оно представляет собой металлический ящик, помещенный под движущейся сеткой и сообщающийся с тремя мощными воздушными насосами. Эти насосы приводятся в движение паровым двигателем и создают в ящике сильное разрежение воздуха, или вакуум. Действие этого приспособления на проходящий над ним слой бумажной массы заключается в *отсасывании воды* и в *максимальном взаимном переплетении волокон;* тем самым весьма существенно повышается прочность бумаги» [там же].

Одиннадцатый процесс. «Теперь бумага, покинув *сетку, на которой она была изготовлена* и которая возвращается за очередной свежей порцией сырья, проходит между *двумя валами, имея под собой войлочную ткань.* Эти валы покрыты войлоком и отжимают значительное количество воды, после чего бумага становится достаточно плотной. Однако вода все еще не удалена полностью, и бумага все еще не вполне суха и прочна» [там же, стр. 189—190].

Двенадцатый процесс. «Еще влажный, но довольно *гладкий* лист поступает на *большой цилиндр, вращающийся на своей оси* и наполненный паром высокого давления. Благодаря сообщенному таким способом теплу влага испаряется, и бумага быстро становится почти совершенно сухой. Однако для того чтобы она была просушена полностью, бумага проходит через ряд других цилиндров, пагреваемых подобным же образом, и, наконец, с последнего из цилиндров сходит великолепная белая, гладкая и непрерывная лента бумаги» [там же, стр. 190].

Побочные или последующие процессы.

Глазирование бумаги. «Если бумагу необходимо глазировать, то она пропускается между полированными и нагретыми цилиндрами, подвергаясь при этом очень высокому давлению» [там же, стр. 191].

Проклеивание и подсинивание бумаги. «Совершенно очевидно, что при подмешивании к бумажной массе таких веществ, как желатин, крахмал или красители, соответственно изменяются качество и цвет получаемой бумаги. Более высокие сорта бумаги обычно пропитываются желатином или клеем после того, как бумага уже изготовлена. Это делается, следовательно, после выхода бумаги из чана, так как в противном случае применяемый в машине войлок портился бы. С другой стороны, проклеивание бумаги в чане дает много преимуществ в тех случаях, когда можно использовать заменители желатина. Таких заменителей имеется несколько видов. В настоящее время *континентальные* фабриканты при проклеивании бумаги в чане широко применяют смесь квасцов и канифоли, предварительно растворенной в соде и смешанной с картофельным крахмалом. Бумага, изготовленная таким способом, менее жирна для письма, но не сохраняет чернила так хорошо, как сорта бумаги, проклеенные желатином. Для производства писчей бумаги в Англии до сих пор предпочитают применять желатин в *последующем процессе* [после того как бумага уже изготовлена] и делают это *при помощи валиков, погружающихся в корыто с клеем.* На фабриках г-на Джойнсона в Кенте *в настоящее время изготовляется* превосходная *писчая бумага,* которая *проклеивается желатином,* высушивается и разрезается на полосы; *в течение одной минуты* производится полоса длиной в 60 футов и шириной в 70 дюймов. На другой крупной бумажной фабрике ежегодно производится 1 400 тонн бумаги. В одной

только Великобритании производится ежегодно 130 миллионов фунтов бумаги» [там же, стр. 191—192].

[XIX—1183] *Производство конвертов* (разновидность машины, *фальцующей бумагу*). Первоначально производство конвертов носило мануфактурный характер.

«При обычных способах производства *фальцовка, склейка* и *выдавливание рисунков*» (т. е. выпуклых рисунков, тисненных изображений на верхнем конце бумаги, закрывающей конверт) «[являются отдельными процессами], и каждая из этих операций на каждом конверте должна была *выполняться отдельно*. В результате введения машин здесь достигается большая экономия. *Разобщенность* различных стадий процесса производства вследствие применения ручного труда в огромной мере увеличивает издержки производства, причем потери происходят главным образом вследствие *простых переходов от одного процесса к другому*. При ручном выдавливании рисунков один подросток, пожалуй, может сделать 8 или 9 тысяч штук в день, но при этом он должен иметь помощника, который отгибал бы назад *верхний угол конверта*, после того как на нем был выдавлен нужный рисунок, и укладывал бы конверты в отдельные пачки» [там же, стр. 200].

При таком ручном труде в условиях мануфактуры

«*фальцовка* конвертов выполнялась при помощи костяной «*фальцевальной палочки*», и одна опытная работница фальцевала около 3 000 конвертов в день. Производительность же машины составляет около 2 700 штук в час» [там же, стр. 198].

Переход от ремесленного производства (как, например, при производстве всех видов тканей, изготовлявшихся даже на искусно сделанных ткацких станках) и от мануфактуры, где господствует разделение труда, к крупной промышленности происходит *беспрестанно*, причем масса новых видов труда, таких, как изготовление иголок, перьев, конвертов и т. д., лишь очень короткое время осуществлялась ремесленным способом, затем мануфактурным, а вскоре после этого — машинным. Разумеется, это не исключает того, что другие отрасли создаются непосредственно на основе машин, — там, где с самого начала требуются крупные поставки товаров (как на транспорте) или где в силу самой природы вещей требуется применение машин (как в телеграфии и т. д.).

В качестве примера *мануфактуры*, основанной на разделении труда, может служить литье литер для печати. Здесь имеют место пять основных операций.

1) *Литье литер*. «Каждый рабочий может изготовить от 400 до 500 литер в час» [там же, стр. 203].

2) *Обламывание литер* (наличие в литье свинца и сурьмы отравляет маленьких мальчиков, выполняющих эту работу). «Литеры подлежат обламыванию, чтобы иметь *одинаковую длину*. При этой операции проворный мальчик может обломать от 2 000 до 3 000 литер в час, хотя здесь следует отметить, что один рабочий, работая с новым шрифтом, лишился

своего большого и указательного пальцев в результате действия металлических ядов» [там же].

3) «*Литеры полируются на плоском камне,* который устраняет все шероховатости или «*заусеницы*» на их гранях и выравнивает их «бородки» и «ножки». Хороший *полировщик* может отделать около 2 000 литер в час» [там же, стр. 204].

4) «Литеры укладываются взрослыми рабочими или мальчиками в особого рода наборную верстатку длиной около ярда; здесь они лежат в ряд сигнатурами кверху; в один час можно уложить таким образом от 3 000 до 4 000 штук» [там же].

5) «*Нижняя поверхность этих литер,* остававшаяся после второго процесса шероховатой, делается гладкой с помощью рубанка. Затем литеры опять переворачиваются сигнатурами кверху, и весь ряд литер тщательно осматривается под микроскопом. Бракованные литеры изымаются, а остальные затем извлекаются из *наборной верстатки* и остаются в виде кучи» [там же, стр. 204].

Итак, если один словолитчик отливает за час 500 литер, а один мальчик обламывает в час 3 000 литер, то на одного мальчика необходимо иметь шесть словолитчиков. А так как один полировщик отделывает в час 2 000 литер, то на четырех словолитчиков приходится один полировщик, и если один укладчик укладывает 4 000 литер в час, то на одного укладчика приходится восемь словолитчиков.

При разделении труда на кратные числа работников необходимо заметить следующее. Предположим, что различные операции расчленяются таким образом, что их число равно трем и что если для 2-й операции требуется один человек, чтобы обработать то, что производится [двумя] во время 1-й операции, то на этой 1-й операции должны быть заняты двое; а если [XIX—1184] 3-я операция требует четверых, чтобы переработать продукт 1-й и 2-й операций, то на ней и должно быть занято четверо. В таком случае должны быть заняты: *на 1-й операции* — двое, *на 2-й операции* — один, *на 3-й операции* — четверо, всего — семь человек. Эти кратные числа образуются на основе принципа разделения труда — с тем, чтобы, несмотря на различное время, которого требуют различные операции, все рабочие одновременно и одинаково долго были заняты исключительно на указанных различных операциях. Чем меньше времени требует определенная операция для изготовления определенного количества продукта, находящегося на соответствующей этой операции стадии процесса производства, или для выполнения определенной работы (такой, как топка, ремонт машин и т. д.), тем больше должно быть количество рабочих, занятых на других операциях, с тем, чтобы указанная работа могла стать исключительным занятием одного человека.

Напротив, если я, соблюдая принцип кратных чисел, применяю большое количество словолитчиков и, следовательно, также

пропорциональное этому количество отбивальщиков, полировщиков, укладчиков, то это есть принцип простой кооперации. Разделение труда вообще может быть проведено только при определенном масштабе производства.

Много попыток, более или менее удачных, предпринималось с целью отливать литеры машинным способом. И им обеспечена удача. Как только какое-либо производство в своем развитии принимает форму мануфактуры, так появляется упорное стремление превратить ее в применяющую машины фабрику.

В результате применения машин, в особенности там, где уже существующие машины совершенствуются и вытесняются новыми, достигается *экономия рабочего помещения,* а следовательно, снижение *издержек производства.*

Механический ткацкий станок.

«Первый механический ткацкий станок был по своей форме весьма неуклюжим». Он был очень похож на старый [ручной] ткацкий станок. «Новый механический ткацкий станок весьма изменен. *Современный механический ткацкий станок»* (для изготовления ткани из обыкновенной пряжи) «*по своим размерам примерно вдвое меньше* громоздкого первоначального станка и изготовляется главным образом из металла, тогда как первые механические станки изготовлялись в основном из дерева. Этот механический ткацкий станок представляет собой более сложный механизм, чем это кажется на первый взгляд. И это не должно нас удивлять, если вспомнить, что он *исполняет все обязанности ткача.* Он пробрасывает челнок, оперирует ремизными нитями, бёрдом и навоями, как если бы его наделили разумом. Он поднимает и опускает каждую вторую из нитей основы, пробрасывает челнок, прибивает каждую уточную нить с помощью бёрда, свивает основу с навоя и наматывает получаемую ткань на товарный ролик. Но еще более примечательно то, что этот станок не работает без утка̀. Для старого станка было, так сказать, безразлично, был ли у него уток или нет. Он функционировал непрерывно, и пустой челнок бегал, как и раньше, но, конечно, не производя никакой ткани, пока рабочий не останавливал его и не связывал нить или не вставлял новую шпульку. А ткацкий станок фирмы *Кенуорси и Баллоу* при подобных обстоятельствах немедленно останавливается. В тот самый момент, когда тонкая нить рвется или уклоняется в сторону от своего обычного места, шумная машина мгновенно останавливается, челнок перестает бегать, а колеса двигаться. Тогда рабочий связывает нити, и работа идет прежним ходом. Благодаря этому искусному механизму значительно улучшилось качество ткани, и от ткача не требуется больших усилий по надзору и бдительности, так как остановка машины немедленно дает рабочему знать о том, что что-то случилось. Этот аппарат называется *самодействующим стопором»* [там же, стр. 154—157].

«Прежде чем поместить *основу* на механическом ткацком станке, она должна быть подготовлена путем разматывания нитей из шпулей и расположения их параллельно друг к другу. Для того чтобы придать нитям основы бо̀льшую прочность, они подвергаются шлихтованию и аппретированию. Обе эти операции [XIX—1185] совершаются машиной при небольшой помощи со стороны рабочих» [там же, стр. 158].

«Среди других экспонатов на выставке 1851 года демонстрировался *бесчелночный механический станок для изготовления лент и бахромы*. Обыкновенный станок, вырабатывающий ленты и другие *узкие изделия*, для хорошей работы челнока требует в три или четыре раза больше пространства, чем его нужно для ткачества. Во всех ткацких станках, сконструированных до сих пор, челнок является их необходимой составной частью. Изобретение фирмы «*Рид*» из Дерби устраняет этот недостаток и *экономит рабочее пространство*» [там же, стр. 162—163].

Машиностроительное производство.

«Конструкция машины, предназначенной для обработки железа, должна существенно отличаться от конструкции машины, предназначенной для обработки мягкого и нежного волокна шелка или хлопка. Для машины первого рода требуется гораздо *большее приложение силы*. Без парового молота, токарного станка и сверлильного станка не могли бы быть произведены такие машины, как печатный станок, механический ткацкий станок и кардочесальная машина» [там же, стр. 221—222].

Первые машины создавались ручным трудом, в условиях *мануфактуры*. Производство машины при помощи машин становится возможным лишь тогда, когда была изобретена машина и, что *здесь* особенно *важно*, — когда была найдена такая энергия, как энергия пара, которой можно было свободно распоряжаться и которую можно было в любой степени использовать для приведения машины в действие. С другой стороны, для того, чтобы можно было производить целый ряд позже изобретенных рабочих машин — таких, как названные выше, — а также философские инструменты [123], нужны были машины. Первые паровые машины *были построены мануфактурным и ремесленным способами*. Такими же способами были построены и первые прядильные и ткацкие машины, мельницы и т. д., приводившиеся в движение паровым двигателем. Улучшение качества продукта в результате применения машин — их влияние на потребительную стоимость — нас здесь непосредственно не касается. Однако это влияние будет вдвойне важно для производственного процесса в двух случаях. 1) Там, где машинной обработке подвергается сырье или полуфабрикат, легкость дальнейшего процесса, следующей фазы отчасти обусловливается степенью совершенства того материала, который подлежит дальнейшей обработке. Его однородность и т. д. является условием дальнейшей его обработки посредством машин. 2) Единообразие, математическая точность формы и т. д. имеют еще большее значение там, где изготовляются элементы машин и философские инструменты. Здесь степень успеха полностью зависит от этого *качества* и от того, что эти вещи производятся уже не ненадежным ручным трудом, а рабочей машиной с ее заранее точно рассчитанной регулярностью действия.

Рабочая машина как часть совокупной машины, отличная от других ее частей, т. е. от первичного двигателя и от передаточного, трансмиссионного механизма.

«Во всех машинах имеются определенные части, *фактически выполняющие ту работу, ради которой строилась машина; механизм* же служит только для того, чтобы *произвести надлежащее движение этих частей по отношению к обрабатываемому ими материалу.* Эти рабочие части представляют собой *орудия, при помощи которых машина работает»* [там же, стр. 222].

Это правильно. Орудия, с помощью которых работал человек, снова появляются в машинах, но теперь они стали такими орудиями, которыми работает машина. Для того чтобы желаемым образом обработать материал или достичь желаемой цели, машина посредством своего механизма совершает такие движения своих орудий, которые прежде производились человеком в отношении его орудий. [XIX—1186] Теперь уже не человек, а созданный человеком механизм управляет орудиями. Человек же следит за действием машины, исправляет случайные ошибки и т. д.

Первое [отличие машины от орудия заключается в том, что] в машине с самого начала появляется *соединение этих орудий,* одновременно приводимых в рабочее движение одним и тем же механизмом, тогда как человек одновременно мог привести в движение лишь одно такое орудие и лишь при исключительной виртуозности — два орудия, так как он имеет всего лишь две руки и две ноги. Одна машина одновременно оперирует множеством орудий. Так, например, в одной прядильной машине одновременно приводятся в движение многие сотни веретен; в одной кардочесальной машине — многие сотни гребней; в одной чулочновязальной машине — более тысячи игл; в одной распилочной машине — множество пил; в одной рубильной машине — сотни ножей и т. д. Точно так же в одном механическом ткацком станке одновременно приводится в движение множество челноков. Это — первый вид *соединения* орудий в машине. Машина, кроме того, с самого начала должна быть соединением указанных рабочих частей машины с механизмом, передающим движение, и с первичным двигателем, который приводит в движение механизм. *Второй вид соединения* заключается в том, что различные машины, через которые должно пройти сырье в следующих друг за другом процессах производства, связаны друг с другом и приводятся в движение одной и той же двигательной силой. Таковы непрерывность процесса производства и *система,* комбинация процессов, осуществляемых в различных своих фазах различными машинами. *Третий*

вид соединения. Множество таких рабочих машин, соединенных на одной фабрике с соответствующими подготовительными машинами, выполняющими предварительные операции, приводятся в движение одной и той же двигательной силой. Здесь принцип простой кооперации применен к машинам и к занятым на них рабочим. Это, наряду с другими моментами, является важнейшей чертой развитого машинного производства. *Прежде всего — в результате* экономии на первичном двигателе и вследствие экономного распределения двигательной силы. *Во-вторых,* подготовительные процессы становятся тем дороже, чем в меньшем масштабе они выполняются. Это касается величины затрат отчасти на самые машины, отчасти на требующихся для подготовительных процессов рабочих, число которых относительно уменьшается по мере увеличения масштаба выполнения этих подготовительных работ. И *промежуточные работы,* — например, перенос продукта от одного процесса к другому, там, где он выполняется рабочими, — уменьшаются с ростом того масштаба, в котором ведется производство. *В-третьих,* как и при простой кооперации, расходы на совместно используемые условия труда, такие, как здания, отопление, надсмотрщики и т. д., уменьшаются в той мере, в какой растет масштаб производства. Далее, сюда присоединяется еще тот вытекающий из разделения труда принцип, что функции управляющего, механика, инженера, истопника и т. д. отчасти могут быть переданы работникам, занимающимся исключительно этой работой, отчасти одинаково необходимы как при большом, так и при малом масштабе производства. Наконец (не говоря уже об использовании отходов), только в результате всего сказанного возможна одновременная эксплуатация многих рабочих, а от этого зависит — если дана ее норма — масса прибавочной стоимости, реализуемой отдельным капиталом.

Второе [отличие машины от орудия заключается в том, что] вместо объединения многих орудий в одной машине эти многие орудия выступают как нечто единое по силе, размерам и сфере действия, как, например, многие молоты воплощены в одном паровом молоте. Здесь, где орудие машины отличается от орудия рабочего по своим размерам, с самого начала требовалась также механическая движущая сила. Поэтому такого рода машины никогда не могут существовать как ремесленные машины, т. е. так, чтобы они могли быть использованы отдельным работником или его семьей или парой подмастерьев вместе с мастером.

Таким образом, вышеизложенным дан ответ также и на вопрос о том, чем машина отличается от орудия. Как только само орудие приводится в действие механизмом, как только оно из

орудия рабочего, из такого его инструмента, производительность которого зависит от его виртуозности и требует приложения его труда как посредника в рабочем процессе, превращается в орудие механизма, — машина становится на место орудия. В этом случае механизм должен был уже достичь такого развития, что, получая свою двигательную силу от человека или животного, короче, от первичных двигателей, обладающих произвольным движением, он был бы способен получать двигательную силу от первичного двигателя, приводимого в движение механически.

[XIX—1187] До тех пор пока имеет место первое, машина выступает всего лишь как машиноподобное ремесленное орудие. По мере роста ее размеров и по мере того, как она готовилась стать системой производства, на место человеческой должна была выступить механическая двигательная сила.

Но в своей первой форме машина (которая вместе с тем выбрасывает за борт массу рабочих, занятых в ремесленных и мануфактурных предприятиях, заставляя одного рабочего производить то, что раньше производили 10 или 20 рабочих) уничтожает основанную на разделении труда мануфактуру и простую кооперацию, и, как это может показаться, снова ставит на их место ремесленное предприятие.

Простая кооперация уничтожается вдвойне, [во-первых,] так как один ткач теперь делает то, что делали многие ткачи, собранные в мануфактуре, и так как выполняется больший объем работы, например, при применении косилки, молотилки, строительных машин, подымающих тяжести; машин, дробящих камни и т. д.; а во-вторых, так как всюду, где простая кооперация должна была создавать необходимую для работы силу, на сцену [вместо многих людей] выступает механическая двигательная сила.

Однако это не исключает того, что 1) машиностроительные предприятия сразу строятся на основе машинного производства, минуя предшествующие этому ступени; 2) что в таких работах, где с самого начала преобладает использование силы, двигательная сила также с самого начала должна быть механической, т. е. не имеющей отношения к мускульной силе человека или животного.

Если машина возникает из *простого ремесла*, например, когда машинное ткачество заменяет ручное ткачество, то одна машина должна одновременно выполнять различные операции, которые прежде выполнял ремесленник. Здесь это выступает не как система процессов, выполняемых соединением различных машин. Самое большее, что здесь имеет место, — это, как в слу-

чае с ткачеством, приготовление основы как предварительный процесс. Теперь это производится также машинным путем. С другой стороны, в случае, например, с прядением те предварительные процессы, которые при ручном прядении являются простыми, при машинном прядении распадаются на ряд процессов.

Если же машина возникает из *мануфактуры, основанной на разделении труда,* то либо одна сложная машина вводится для выполнения отделенных друг от друга операций, как это имеет место при изготовлении конвертов, стальных перьев и т. д., либо система машин выполняет ряд процессов, которыми заменены прежде отделенные друг от друга операции, как это имеет место при шерстопрядении и т. д., а особенно, например, при производстве бумаги.

Утверждение, что машина представляет собой сложное орудие, а орудие — простую машину, ничего не объясняет. Утверждение, что у машины орудие приводится в движение не силой человека, тогда как первичным двигателем орудия является человек, означает, что запряженная собаками тележка или запряженный волами плуг являются машинами, а механический чулочновязальный станок или машина для изготовления тюля и т. д. представляют собой орудия. Такого рода утверждения не содержат ни одного элемента, который бы объяснял происходящие здесь социальные изменения. Они противоречат истории развития машин в целом и истории превращения первых ремесленных предприятий и мануфактур в оснащенные машинами фабрики, — превращения, ежедневно происходящего и поныне. Вообще такого рода утверждения возникли тогда, когда сущность машин еще не была развита настолько, чтобы можно было произвольно применять тот или другой первичный двигатель в зависимости от того масштаба, в котором должна действовать рабочая машина.

Система машинного производства может развиваться дальше, объединяя прежде независимые друг от друга отрасли производства, как, например, на фабриках, где прядение и ткачество объединены и образуют одну непрерывную систему.

В 1861 году (см. *парламентский фабричный отчет* от 11 февраля 1862 года [124]) в Англии и Уэльсе (без Шотландии и Ирландии) насчитывалось всего 2 715 [XIX—1188] фабрик, из которых на 671 занимались и прядением, и ткачеством. На этих [комбинированных] фабриках имелось 13 274 346 веретен, 235 268 механических ткацких станков и работало 215 577 человек (сюда включены все управляющие, конторщики, надсмотрщики, инженеры, механики и все прочие, занятые на фабрике, за

исключением собственников или владельцев-учредителей фирмы).

Если принять во внимание, что общее число веретен, применявшихся одновременно на *всех* английских хлопчатобумажных фабриках, составляло 28 352 125, общее число механических ткацких станков — 368 125, а общее число занятых работников составляло 407 598, то видно, насколько велика доля комбинированного прядения и ткачества. Вышеуказанные 671 фабрика применяли паровую энергию мощностью в 143 947 лошадиных сил и энергию воды мощностью в 3 823 лошадиные силы. Число ткачей, работающих на механических ткацких станках, составляло 99 504.

Число мальчиков моложе 13 лет равнялось 11 289, число девочек моложе 13 лет — 9 224, а всего *детей моложе 13 лет* насчитывалось 20 513. Женщин и девочек старше 13 лет было 115 117. Итак, детей (девочек и мальчиков моложе 13 лет) и женщин было 135 630. Стало быть, число занятых мужчин (в том числе все служащие, занятые в конторах, на складах и т. д., инженеры, механики) составляло 79 947. Число подростков мужского пола в возрасте от 13 до 18 лет равнялось 19 699. Если вычесть это число, включающее еще значительную часть детей, то число мужчин старше 18 лет составит 60 248, из которых по меньшей мере 4 000 человек заняты не на фабричной работе. Таким образом, мужчин старше 18 лет, занятых на фабричной работе, остается около 56 000.

На всех 2 715 английских хлопчатобумажных фабриках, имеющих 28 352 125 веретен, 368 125 механических ткацких станков (149 539 ткачей, работающих на этих механических ткацких станках), применяющих паровую энергию мощностью в 263 136 лошадиных сил и энергию воды мощностью в 9 825 лошадиных сил, было занято 407 598 человек, в том числе детей моложе 13 лет — 39 156. Число женщин старше 13 лет — 216 512. Итак, всего детей моложе 13 лет, девочек старше 13 лет и женщин работало 255 668. Подростков мужского пола в возрасте от 13 до 18 лет насчитывалось 38 210. Итого — 293 878 человек. Мужчин старше 18 лет было 113 720; из этого числа необходимо вычесть по меньшей мере 15 000 человек, работающих не на самих фабриках. Остается около 98 000 человек.

Фабрик, занимающихся только *прядением*, насчитывается 1 079. *Число веретен* на них составляет 15 077 299. Они применяют *паровую энергию* мощностью в 99 976 лошадиных сил и энергию воды мощностью в 4 883 лошадиные силы. Число людей, занятых на этих фабриках, составляет 115 192.

Число фабрик, занимающихся только *ткачеством,* равнялось 722; *механических ткацких станков* на этих фабриках насчитывается 131 544; они применяют *паровую энергию* мощностью в 15 240 лошадиных сил и энергию воды мощностью в 406 лошадиных сил; число людей, занятых на них, составляет 63 160. (Среди общего числа фабрик — 2 715 — имеются 243 фабрики, которые не вошли ни в одну из вышеупомянутых групп.)

Рассмотрим теперь шерстяные и прочие фабрики Англии и Уэльса (см. *тот же отчет за 1861 год*).

Шерстяные фабрики	Число фабрик	Число веретен	Число механич. ткацких станков	Число ворсовальных машин	Паровая энергия в лошадиных силах	Энергия воды в лошадиных силах	Число детей моложе 13 лет		Число подростков-мальчиков от 13 до 18 лет	Число женщин старше 13 лет	Число мужчин старше 18 лет	Всего занято
							муж	жен.				
Фабрики, занятые и прядением, и ткачеством	440	1 086 352	19 277	807	14 313	2 759	1 913	1 815	4 799	21 354	16 969	46 850
Фабрики, занятые прядением .	729	760 498		258	7 690	3 307	1 184	705	3 014	5 465	8 531	18 899
Фабрики, занятые ткачеством	34		1 067	26	268	26	36	37	98	829	409	1 409

Общее число шерстяных фабрик (куда, кроме указанных выше, входят 129 фабрик, занятых аппретированием и шлихтованием, и 120 фабрик, занятых другими процессами, которые не указаны) составляет 1 456. На них имеется 1 846 850 *веретен,* 20 344 *механических ткацких станка,* 2 066 *ворсовальных машин, паровая энергия* мощностью в 25 233 лошадиные силы, *энергия воды* мощностью в 6 675 лошадиных сил и 76 309 занятых работников.

Если мы проанализируем это последнее число, то увидим, что сюда входит 5 931 ребенок моложе 13 лет, в том числе 3 333 мальчика и 2 598 девочек. Далее, *женщин* старше 13 лет, среди которых опять-таки много детей, насчитывается 29 613. Вместе с детьми, указанными выше, это составляет 35 544. *Подростков-мальчиков* в возрасте от 13 до 18 лет, среди которых опять-таки много детей, — 9 811. *Мужчин старше 18-ти лет* — 30 954, из них следует вычесть по меньшей мере 7 060 человек [занятых не на фабричной работе]. Остается 23 894 мужчины.

[XIX—1189]

Камвольные фабрики Англии (1861)

а) *Фабрики, занятые прядением и ткачеством*

Число фабрик	Число веретен	Число механических ткацких станков	Число ткачей	Мощность двигательной энергии		Число детей моложе 13 лет	
				паровой энергии	энергии воды	мальчиков	девочек
125	633 390	25 814	18 106	13 368	781	3 858	3 955

Мальчики от 13 до 18 лет	Женщины старше 13 лет	Мужчины старше 18 лет	Всего занято		
			мужского пола	женского пола	мужчин и женщин вместе
3 793	24 642	10 806	18 457	28 597	47 054

Теперь, однако, будет лучше, если мы сопоставим данные всех родов фабрик, чтобы показать соотношение между комбинированными и остальными фабриками. Такое сопоставление показывает, что вследствие указанного комбинирования [прядения и ткачества] происходит концентрация производства. Для понимания этих данных следует заметить, что превышение совокупного числа фабрик над числом фабрик, указанных в соответствующих рубриках, имеет место потому, что туда включены аппретурные и шлихтовальные фабрики или еще такие фабрики, которые занимаются специальными работами, не подпадающими под общую категорию. Таблицы составлены по данным только для Англии и Уэльса (1861). Трикотажные фабрики и кружевные мануфактуры сюда не включены.

I. *Хлопчатобумажные фабрики*

Число фабрик	Число веретен	Число механических ткацких станков	Число ворсовальных машин	Число ткачей на механических ткацких станках	Энергия в лош. силах	
					паровая	воды
1	2	3	4	5	6	7
а) Прядение и ткачество 671	13 274 346	235 268		99 504	143 947	3 823
б) Только прядение 1 079	15 077 299				99 976	4 883
в) Только ткачество 722		131 544		49 182	15 240	406
г) Общее число фабрик 2 715....	28 352 125	368 125		149 539	263 136	9 825

Дети моложе 13 лет		Подростки-мальчики от 13 до 18 лет	Женщины старше 13 лет	Мужчины старше 18 лет	Общее число занятых		
девочки	мальчики				мужского пола	женского пола	Всего
8	9	10	11	12	13	14	15
11 289	9 224	19 699	115 117	60 248	91 236	124 341	215 577
8 661	6 212	13 003	54 851	32 465	54 129	61 063	115 192
1 623	1 564	4 648	36 794	18 531	24 802	38 358	63 160
21 774	17 382	38 210	216 512	113 720	173 704	233 894	407 598

II. *Шерстяные фабрики*

1	2	3	4	5	6	7
а) Прядение и ткачество 440.	1 086 352	19 277	807	15 009	14 313	2 759
б) Только прядение 729	760 498		258		7 690	3 307
в) Только ткачество 34................		1 067	26	826	268	26
г) Общее количество 1 456	1 846 850	20 344	2 066	15 835	25 233	6 675

8	9	10	11	12	13	14	15
1 913	1 815	4 799	21 354	16 969	23 681	23 169	46 850
1 184	705	3 014	5 465	8 531	12 729	6 170	18 899
36	37	98	829	409	543	866	1 409
3 333	2 598	9 811	29 613	30 954	44 098	32 211	76 309

III. *Камвольные фабрики*

1	2	3	4	5	6	7
а) Прядение и ткачество 125 . . .	633 390	25 814		18 106	13 368	781
б) Только прядение 206	612 136				8 958	786
в) Только ткачество 157		17 154		10 630	2 421	84
г) Общее количество 512	1 245 526	42 968		28 736	25 426	1 667

8	9	10	11	12	13	14	15
3 858	3 955	3 793	24 642	10 806	18 457	28 597	47 054
2 344	2 932	1 946	11 437	3 201	7 491	14 369	21 860
66	19	618	9 238	3 141	3 825	9 257	13 082
6 268	6 906	6 424	45 674	17 700	30 392	52 580	82 972

[XIX—1190]

IV. *Льняные фабрики*

1	2	3	4	5	6	7
а) Прядение и ткачество 14 ...	42 080	766		466	1 707	100
б) Только прядение 89	302 228				6 300	839
в) Только ткачество 27		1 394		1 062	441	37
г) Всего 136	344 308	2 160		1 528	8 505	976

8	9	10	11	12	13	14	15
299	441	294	2 456	701	1 294	2 897	4 191
582	649	1 003	9 618	2 353	3 938	10 267	14 205
5	2	63	1 140	544	612	1 142	1 754
886	1 108	1 383	13 277	3 651	5 920	14 385	20 305

V. *Пеньковые фабрики*

1	2	3	4	5	6	7
а) Прядение и ткачество 1	14	1		1	6	
б) Прядение 2	250				33	
в) Всего 3	264	1		1	39	

8	9	10	11	12	13	14	15
		2	3	1	3	3	6
		31	12	13	44	12	56
		33	15	14	47	15	62

VI. *Джутовые фабрики*

1	2	3	4	5	6	7
а) Прядение и ткачество	Таких нет. Нет и чисто ткацких фабрик					
б) Прядение 3	620				50	
в) Всего 4	620				62	

8	9	10	11	12	13	14	15
		5	73	13	18	73	91
		6	84	17	23	84	107

[XIX—1191] VII. *Шелковые фабрики в Англии*

1	2	3	4	5	6	7
а) Прядение и ткачество 49......	254 426	2 965		2 201	903	109
б) Только прядение 244......... ...	1 051 484				3 760	688
в) Только ткачество 422		7 670		5 007	996	28
г) Всего 761...........	1 305 910	10 635		7 208	5 916	834

1	дети моложе 11 лет		дети от 11 до 13 лет							
	мальчики	девочки	мальчики	девочки						
	8а	8б	9а	9б	10	11	12	13	14	15
а) Прядение и ткачество 49	71	171	193	589	444	6 224	1 859	2 572	6 984	9 556
б) Только прядение 244	589	832	1 146	2 644	2 043	16 079	4 167	7 945	19 555	27 500
в) Только ткачество 422	20	38			584	7 425	3 690	4 294	7 463	11 757
г) Всего 761	702	1 130	1 418	3 543	3 185	31 217	9 996	15 301	35 890	51 191

[XIX—1190] VIII. *Джутовые фабрики в Шотландии*

1	2	3	4	5	6	7
а) Прядение и ткачество 12......	16 680	497		445	981	40
б) Прядение 13	13 858				736	20
в) Ткачество 2......		57		39	20	
г) Всего 27......	30 538	554		484	1 737	60

1	8	9	10	11	12	13	14	15
а) Прядение и ткачество 12	24	54	345	2 248	957	1 326	2 302	3 628
б) Прядение 13			267	1 236	227	494	1 236	1 730
в) Ткачество 2			1	50	9	10	50	60
г) Всего 27	24	54	613	3 534	1 193	1 830	3 588	5 418

[XIX—1191] IX. *Льняные фабрики в Ирландии*

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
а) Прядение и ткачество 19	217 064	2 491		1 868	4 471	383	34	186	1 488	9 423	2 187	3 709	9 609	13 318
б) Прядение 60	375 917				5 751	1 796	192	256	1 997	11 627	3 303	5 492	11 883	17 375
в) Ткачество 15		2 175		1 446	460	141			208	1 825	384	592	1 825	2 417
г) Всего 100	592 981	4 666		3 314	10 710	2 384	226	442	3 761	23 130	5 966	9 953	23 572	33 525

Итак, прежде всего:

1) *Хлопчатобумажные фабрики.* Число комбинированных фабрик здесь равно 671. Число только прядильных и только ткацких фабрик соответственно составляет 1 079 и 722, а всего их 1 801; следовательно, число комбинированных фабрик составляет по отношению к этому последнему числу уже почти $^1/_3$. Только на комбинированных фабриках занято 215 577 человек; в двух остальных группах фабрик, вместе взятых, занято 115 192 + 63 160, т. е. 178 352 человека. Итак, хотя комбинированные фабрики составляют менее $^1/_3$ от общего числа других, тем не менее на них занято на 37 225 человек больше.

Далее, на одну комбинированную фабрику в среднем приходится: *19 782* $^{624}/_{671}$ *веретена,* 350 $^{418}/_{671}$ *механических ткацких станка* и энергия мощностью в *220* $^{150}/_{671}$ лошадиной силы. На одного ткача, занятого на механических ткацких станках, на комбинированной фабрике приходится 2 $^{36260}/_{99504}$ механических ткацких станка. Число прядильщиков отдельно не указано, а сложено с числом лиц, занятых в конторах, на складах и в прочих местах. Но это число мы выясним, рассматривая данные о детях.

[XIX—1192] *На одну комбинированную фабрику приходится: веретен* — 19 782; *механических ткацких станков* — 350; *энергия* — мощностью в 220 лошадиных сил; число *механических ткацких станков на одного ткача* — 2 $^{36260}/_{99504}$; а на одну

комбинированную фабрику приходится более 148 ткачей; *число всех занятых на одной комбинированной фабрике* — более 321.

Напротив, на одну *прядильную* фабрику в среднем приходится: *веретен* — 13 982; *энергия* — мощностью в 97 лошадиных сил; *всех занятых* — 106; *на одного занятого приходится* примерно 130 веретен.

На одну ткацкую фабрику в среднем приходится: механических ткацких станков — 182; *энергия* — мощностью в 22 лошадиные силы; *число механических ткацких станков на одного ткача* — $2^{5530}/_{8197}$.

Согласно соотношению, существующему на чисто прядильных хлопчатобумажных фабриках, в группе (I, *а*) (т. е. на фабриках, занятых и прядением, и ткачеством) надо было бы для имеющихся там 13 274 346 веретен применять примерно 102 110 человек. Далее, согласно соотношению, существующему на чисто ткацких фабриках, в группе (I, *в*), для ткачества на 235 268 механических ткацких станках в группе (I, *а*) надо было бы применять примерно 84 024 человека; следовательно, в целом для ткачества и прядения — 186 134 человека. Применяют же комбинированные фабрики 215 577 человек.

В группе (I, *в*) один ткач приходится на 2,67 механических ткацких станка, а в группе (I, *а*) — на 2,36. Следовательно, в группе (I, *в*), где только ткут, применяется меньше ткачей (чуть-чуть меньше), чем в группе (I, *а*).

На фабриках группы (I, *б*) на одну лошадиную силу энергии приходится 143,7 веретена; на фабриках группы (I, *в*) — соответственно 8,4 ткацких станка.

Согласно соотношению, существующему в группе (I, *б*), фабрики группы (I, *а*) должны были бы для своих веретен применять энергию мощностью в 92 375,4 лошадиной силы, а согласно соотношению, существующему на фабриках группы (I, *в*), они должны были бы применять для своих ткацких станков энергию мощностью в 28 008 лошадиных сил. [Всего — 120 383 лошадиных силы.] Однако они применяют энергии гораздо больше [147 770 лошадиных сил].

Из таблицы I на комбинированных фабриках не видно никакой экономии в отношении рабочих и энергии; не видно и относительного увеличения числа веретен и ткацких станков. Конечно, для того чтобы полностью сравнить положение вещей во всех трех группах таблицы I, следовало бы иметь данные о *продукте* этих групп.

[XIX—1193] На фабриках группы (I, *б*) на 115 192 занятых приходится детей моложе 13 лет — 14 873, подростков-мальчиков в возрасте от 13 до 18 лет — 13 003, женщин старше 13

лет — 54 851. В целом, по-видимому, на комбинированных фабриках группы (I, *а*) женщин и детей занято несколько меньше.

Теперь перейдем к другим таблицам, где, возможно, имеет место еще что-нибудь иное. Из таблицы I мы видим лишь, что концентрация растет: комбинированная фабрика в среднем приводит в движение больше энергии, больше веретен, больше ткацких станков и больше людей, чем некомбинированные фабрики группы (I, *б*) и группы (I, *в*).

Обратимся к таблице II с данными о *шерстяных* фабриках.

Здесь концентрация на комбинированных фабриках намного значительнее, чем в таблице I, т. е. в хлопчатобумажном производстве; это связано с тем, что прядильные и ткацкие шерстяные фабрики не имеют таких размеров, как прядильные и ткацкие хлопчатобумажные фабрики.

Число комбинированных фабрик здесь — 440, а некомбинированных — 763. Соотношение между числом комбинированных и числом некомбинированных фабрик составляет 1 : 1,7, т. е. первых — больше половины вторых. На фабриках группы (II, *а*) занято на 26 542 человека больше, чем на фабриках групп (II, *б*) и (II, *в*), на которых в общей сложности занято всего лишь 20 308 человек; следовательно, количество занятых на фабриках группы (II, *а*) более чем вдвое превышает количество занятых на некомбинированных фабриках. На комбинированных фабриках применяется на 325 854 больше веретен, на 18 210 больше ткацких станков, на 523 больше ворсовальных машин; далее, на 5 781 больше единиц энергии.

На одну фабрику приходится (в среднем):

	Веретен	Ткацких станков	Ворсовальных машин	Энергии	Занятых
(II, *а*)	2 468,9	43,8	1,8	38,8	106,4
(II, *б*)	1 043,2		0,3	15	25,9
(II, *в*)		31,3	0,7	8,6	41,4

Из этих чисел, поскольку средние величины не применимы ни к одной из фабрик, естественно, невозможно выяснить соотношение между числом занятых и потребляемой энергией.

Согласно масштабу группы (II, *б*), фабрики группы (II, *а*) должны были бы потреблять 35,5 единиц энергии для своих веретен (число ворсовальных машин мы во всех трех случаях не принимаем в расчет). И, кроме того, [согласно масштабу группы (II, *в*)] фабрики группы (II, *а*) должны были бы потреблять для своих ткацких станков 12,1 единицы энергии,

следовательно, всего — 47,6 единицы энергии. Применяют же комбинированные фабрики фактически только 38,8 единицы энергии, следовательно, на 8,8 единицы меньше. Таким образом, здесь имеет место экономия, более экономичное, или более интенсивное использование энергии. На фабриках группы (II, *б*) один занятый приходится на 40,2 веретена, или на 760 498 веретен и 258 ворсовальных машин (всего — 760 756) приходится 18 899 занятых. На фабриках группы (II, *в*) на 1 067 ткацких станков и 26 ворсовальных машин (всего — 1 093) приходится 1 409 занятых. Напротив, фабрики группы (II, *а*) применяют 20 084 механических ткацких станков и ворсовальных машин, что в 18,3 раза больше, чем в группе (II, *в*). Согласно соотношению, существующему на фабриках группы (II, *б*), фабрики группы (II, *а*) должны были бы применять для своих веретен 27 023 человека, а согласно соотношению, существующему на фабриках группы (II, *в*), они должны были бы применять для своих ткацких станков и ворсовальных машин несколько больше 26 109 человек, и, следовательно, всего — 53 132 человека. Однако фактически они применяют лишь 46 850 человек, стало быть, на 6 282 человека меньше. Таким образом, в группе комбинированных фабрик имеет место экономия на рабочих по отношению к [XIX—1194] числу применяемых рабочих машин.

Фабрики группы (II, *б*) применяют 18 899 человек, из которых детей моложе 13 лет — 1 889, в том числе 1 184 мальчика и 705 девочек; стало быть, количество работающих детей составляет примерно $^1/_{10}$ общего числа занятых. Юношей в возрасте от 13 до 18 лет здесь насчитывается 3 014 человек, т. е. несколько менее $^1/_6$ общего числа занятых. Женщин старше 13 лет здесь насчитывается 5 465 человек, т. е. почти $^1/_3$ или, точнее, $^6/_{21}$ общего числа занятых. Мужчин старше 18-ти лет здесь применяют 8 531, т. е. менее $^1/_2$ или, точнее, $^5/_{11}$ общего числа занятых. В целом на фабриках этой группы занято 6 170 лиц женского пола, стало быть, менее $^1/_3$, и 12 729 лиц мужского пола, т. е. несколько более $^2/_3$, точнее — $^5/_7$ общего числа занятых. Мы имеем, следовательно, следующие соотношения для (II, *б*).

Доля различных категорий работников в общем числе занятых на фабриках группы (II, *б*):

Дети моложе 13 лет	Юноши от 13 до 18 лет	Женщины старше 13 лет	Мужчины старше 18 лет	Все лица женского пола	Все лица мужского пола
около $^1/_{10}$	несколько менее $^1/_6$	почти $^1/_3$	менее $^1/_2$	менее $^1/_3$	более $^2/_3$

Если мы обратимся теперь к фабрикам группы (II, *в*), то увидим, что здесь 826 ткачей приходятся на 1 067 ткацких станков, или один ткач — на 1,2 станка. Далее, здесь среди 1 409 занятых имеется 73 ребенка моложе 13 лет, что составляет менее $^1/_{19}$ общего числа занятых. Далее, число юношей от 13 до 18 лет равно 98, а по отношению к общему количеству занятых — менее $^1/_{14}$. Женщин старше 13 лет насчитывается 829, т. е. более половины всех занятых. Мужчин старше 18 лет — 409, или менее $^1/_3$. Женщин в целом — 866, или менее $^2/_3$ всех занятых. Наконец, мужчин в целом — 543, или без малого — $^2/_5$ всех занятых.

Доля различных категорий работников в общем числе занятых на фабриках группы (II, *в*):

Отношение числа ткачей к числу ткацких станков	Дети моложе 13 лет	Юноши от 13 до 18 лет	Женщины старше 13 лет	Мужчины старше 18 лет	Все лица женского пола	Все лица мужского пола
1 ткач на 1,2 станка	менее $^1/_{19}$	менее $^1/_{14}$	свыше $^1/_2$	менее $^1/_3$	менее $^2/_3$	без малого $^2/_5$

Перейдем теперь к фабрикам группы (II, *а*); здесь 15 009 ткачей приходится на 19 277 механических ткацких станков. Стало быть, один ткач — на 1,2 станка. *Детей моложе 13 лет* насчитывается 3 728. Следовательно, по отношению к 46 850 занятых это составляет неполную $^1/_{12}$. *Юношей от 13 до 18 лет* имеется 4 799, т. е. менее $^1/_9$ или $^2/_{19}$ общего числа занятых. *Женщин старше 13 лет* — 21 354, что составляет меньше $^1/_2$ или $^{10}/_{21}$ общего числа занятых. *Мужчин старше 18 лет* — 16 969, т. е. более $^1/_3$; доля *всех лиц мужского пола* — более $^1/_2$, [XIX—1195], а *лиц женского пола* — менее $^1/_2$ всех занятых.

Итак, *доля различных категорий работников в общем числе занятых на фабриках группы* (II, *а*):

Отношение числа ткачей к числу ткацких станков	Детей моложе 13 лет	Юношей от 13 до 18 лет	Женщин старше 13 лет	Мужчин старше 18 лет	Мужчин и женщин
1 ткач на 1,2 станка	менее $^1/_{12}$	менее $^1/_9$	менее $^1/_2$	более $^1/_3$	примерно поровну; мужчин несколько больше

По сравнению с фабриками группы (II, *б*) здесь число детей моложе 13 лет и число юношей в возрасте от 13 до 18 лет уменьшилось. Как видно из *отчетов фабричных инспекторов,* это

объясняется упрощением в конструкции машин, которое частично позволяет обходиться без детей и которое было вызвано к жизни тем, что фабриканты нашли для себя обременительным нанимать две смены так называемых half-times *. Наоборот, число женщин старше 13 лет возрастает примерно с $^1/_3$ до $^1/_2$, и таково вообще отношение числа женщин к числу мужчин, если группу (II, *а*) сравнить с группой (II, *б*). Если же сравнить ее с фабриками группы (II, *в*), то указанное отношение определить трудно, так как на ткацких предприятиях число занятых женщин еще больше по сравнению с лицами мужского пола.

Теперь перейдем к таблице III с данными о *камвольных фабриках* **.

Число комбинированных фабрик равно здесь 125, число всех других — 387 [в том числе прядильных и ткацких — 363]; стало быть, первых — около $^1/_3$, однако число занятых на комбинированных фабриках на 12 112 человек больше. Они применяют на 21 254 больше веретен, на 8 660 больше ткацких станков и больше энергии на 1 900 лошадиных сил.

На одну фабрику *в среднем* приходится:

	Веретен	Ткацких станков	Энергии	Занятых
(III, *а*)	5 067 $^3/_{25}$	206,5	113 $^{24}/_{125}$	376 $^{54}/_{125}$
(III, *б*)	2 971 $^{55}/_{103}$		47 $^{31}/_{103}$	106 $^{12}/_{103}$
(III, *в*)		109 $^{41}/_{157}$	15 $^{150}/_{157}$	83 $^{61}/_{157}$

Опустим дроби, хотя от этого наш расчет будет лишь приблизительным.

На фабрике группы (III, *б*) на одного рабочего приходится 28 $^3/_{106}$ веретена; на фабрике группы (III, *в*) на одного рабочего приходится приблизительно $1^{26}/_{83}$ ткацких станка.

Экономии труда [на комбинированных фабриках] в данном случае, по-видимому, нет.

[XIX—1196] VII. *Шелковые фабрики* ***.

Крупное индустриальное производство в шелковой промышленности в Англии относительно молодо (по сравнению с шерстяной и хлопчатобумажной промышленностью, а также с льняной промышленностью в Шотландии, Ирландии и т. д.). Поэтому число фабрик в этой отрасли относительно велико, размер же их,

---

* — рабочих, работающих половину времени. *Ред.*

** См. настоящий том, стр. 448. *Ред.*

*** См. настоящий том, стр. 450. *Ред.*

напротив, относительно мал. Поэтому и доля комбинированных фабрик здесь также менее значительна в сравнении с другими отраслями.

Число комбинированных фабрик здесь равно 49, других фабрик — 666. Стало быть, число первых составляет около $^{2}/_{27}$ общего числа фабрик, но число веретен, применяемых этими комбинированными фабриками, составляет почти $^{1}/_{4}$ числа веретен, применяемых 244 прядильными фабриками; число применяемых ими ткацких станков составляет более $^{1}/_{3}$ числа станков, применяемых на 422 ткацких фабриках, и т. д. Более отчетливо это соотношение видно из следующего:

На одну фабрику в среднем приходится:

	Веретен	Ткацких станков	Энергии	Занятых
(VII, *а*)	5 192 $^{18}/_{49}$	60 $^{25}/_{49}$	20 $^{32}/_{49}$	195 $^{1}/_{49}$
(VII, *б*)	4 309 $^{22}/_{61}$		18 $^{14}/_{61}$	112 $^{43}/_{61}$
(VII, *в*)		18 $^{37}/_{211}$	2 $^{90}/_{211}$	27 $^{363}/_{422}$

Соотношение между количеством потребляемой энергии, числом занятых и количеством машин, как оно выступает в этих средних данных, является абсолютно условным; эти данные должны лишь показать концентрацию производства [на комбинированных фабриках]. Но, с другой стороны, здесь снова налицо неоспоримый факт (и здесь он является еще более значительным, чем в прежних случаях): на комбинированных фабриках в отдельных отраслях имеет место экономия энергии.

Теперь мы приведем еще несколько данных о льняных и джутовых фабриках в Ирландии и Шотландии [125].

[XIX—1197] X. *Льняные фабрики Шотландии (1861)*

Фабрики	Число веретен	Число ткацких станков	Число ткачей на ткацких станках	Мощность потребляемой энергии	
				паровой	воды
а) Прядение и ткачество 24	81 930	2 199	2 061	4 679	176
б) Прядение 84	197 455			5 830	776
в) Ткачество 41		5 767	3 786	1 936	30

Дети до 13 лет		Юноши от 13 до 18 лет	Женщины старше 13 лет	Мужчины старше 18 лет	Общее количество занятых		
мальчики	девочки				мужчины	женщины	всего
33	111	1 017	7 879	1 855	2 905	7 990	10 859
271	454	1 552	10 318	2 374	4 197	10 772	14 969
	8	241	5 894	1 347	1 588	5 902	7 490

Комбинированных фабрик здесь 24, что составляет **немногим** менее $^1/_5$ по отношению к 125 прядильным и ткацким фабрикам и около $^1/_6$ по отношению к общему числу фабрик данной отрасли.

Дальнейшие соотношения видны из следующей таблицы: В среднем на одну фабрику приходится:

	Веретен	Ткацких станков	Энергии	Рабочих
(X, *а*)	$3\,413^3/_4$	$91^5/_8$	$202^7/_{24}$	$452^{11}/_{24}$
(X, *б*)	$2\,350^{55}/_{84}$		$78^{27}/_{42}$	$178^{17}/_{84}$
(X, *в*)		$140^{27}/_{41}$	$47^{39}/_{41}$	$182^{28}/_{41}$

Переходим теперь к таблице VIII: *Джутовые фабрики Шотландии* *.

Это совсем новые фабрики. Они появились лишь со времени англо-русской войны. В Англии их число незначительно. Общее число фабрик — 27; из них комбинированных — 12, почти половина, которая применяет больше веретен и ткацких станков, чем остальные фабрики, вместе взятые.

В среднем на одну фабрику приходится:

	Веретен	Ткацких станков	Энергии	Рабочих
(VIII, *а*)	1 390	$41^5/_{12}$	$85^1/_{12}$	$302^1/_3$
(VIII, *б*)	1 066		$58^2/_{13}$	$133^1/_{13}$
(VIII, *в*)		$28^1/_2$	10	30

[XIX—1198] Наконец: IX. *Льняные фабрики Ирландии* **.

* См. настоящий том, стр. 450. *Ред.*
** См. настоящий том, стр. 451. *Ред.*

Всего 94 фабрики, из которых 19 — комбинированные. В среднем на одну фабрику приходится:

	Веретен	Ткацких станков	Энергии	Рабочих
(IX, *a*)	11 424	$131^2/_{19}$	$255^9/_{19}$	$700^{18}/_{19}$
(IX, *б*)	$6\,265^{17}/_{60}$		$125^{47}/_{60}$	$289^7/_{12}$
(IX, *в*)		145	$40^1/_{15}$	$161^2/_{15}$

* * *

Мануфактура возникает из ремесла двояким путем:

1) *Простая кооперация.* Концентрация в одном помещении многих ремесленников вместе с их орудиями труда, выполняющих одну и ту же работу. Это характерно для старой суконноткацкой мануфактуры и для старой мануфактуры по дальнейшей обработке сукон. Разделение труда здесь почти отсутствует. Самое большее оно имеет место в отношении некоторых подсобных работ, которые отчасти являются подготовительными, а отчасти отделочными. Здесь экономия достигается главным образом благодаря совместному использованию таких общих условий труда, как здание, отопление и т. д., верховный надзор фабриканта (т. е. тот элемент, который вообще свойствен капиталистическому производству).

Во II томе «Philosophie des Manufactures» (Bruxelles, 1836) Юр говорит следующее:

«Следует, однако, отметить, что ручной труд в большей или меньшей степени страдает от перерывов по капризу рабочего и что, следовательно, он *никогда не дает такого среднего, годичного или недельного, продукта,* который можно было бы сравнить с соответствующим продуктом машины, приводимой в движение постоянной и равномерной силой. Поэтому *ткачи, работающие на дому,* редко производят к концу недели больше половины того, что могли бы произвести их станки, если бы они заставляли их действовать беспрерывно по 12—14 часов в день с той же скоростью, которую они им сообщают при усиленном темпе своей работы» (стр. 83—84).

Это, естественно, относится к механической фабрике, противопоставляемой как мануфактуре, так и ремесленному производству. На механической фабрике движение и скорость машины (первичного двигателя) подчиняет себе человеческий труд, в мануфактуре и ремесленном производстве — наоборот. Однако это относится, хотя и в меньшей степени, также и к мануфактуре, противопоставляемой ремеслу. В ремесленном

производстве ремесленник — более или менее человек, который работает, а в мануфактуре он является рабочим, который как таковой, в качестве рабочего принадлежит другому и который этого другого интересует только как рабочая машина.

[XIX—1199] 2) *Объединение множества разрозненных самостоятельных ремесел в фабрику.* В ремесленном производстве уже имеет место разделение труда, но каждое его подразделение ведется как самостоятельное ремесло. Первым делом является здесь уничтожение этой изолированности и самостоятельности. Отличие от ремесла выражается теперь в том, что особый труд производит свой продукт уже не как *особый товар*, а всего лишь как составную часть некоторого *товара*. Обособленный продукт как таковой перестает быть товаром. Раз это объединение прежде разрозненного ремесла произошло, то дальнейшее его разделение развивается на основе такой стихийно возникшей мануфактуры, заставшей свои составные части разрозненными и действующими самостоятельно. Этой комбинации разрозненных ремесел в мануфактуре соответствует в условиях крупной промышленности комбинация фабрик, из которых одна создает полуфабрикат, а другая обрабатывает его как свой сырой материал. Так происходит в прядении и ткачестве. Предпосылкой такого рода комбинации является то, что каждая из этих отраслей в отдельности уже была подчинена машинному способу производства.

Так же как и при последовательной смене различных геологических формаций, при образовании различных экономических общественных формаций не следует верить во внезапно появившиеся, резко отделенные друг от друга периоды. В недрах ремесла развиваются зачатки мануфактуры, а местами, в отдельных сферах и для выполнения отдельных процессов уже имеет место применение машин. В еще большей мере это последнее относится к периоду собственно мануфактуры, которая для отдельных процессов применяет силу воды и ветра (или также силу людей и животных как всего лишь заместителей воды и ветра). Но это имеет место в единичных случаях и не определяет характер господствующего периода, не образует его «стержня», как говорит Фурье [126]. Величайшие открытия — порох, компас и книгопечатание — принадлежат ремесленному периоду, как принадлежат ему также и *часы*, один из самых удивительных автоматов. Подобным же образом гениальнейшие и революционнейшие открытия Коперника и Кеплера в астрономии принадлежат эпохе, когда все механические средства наблюдения находились в стадии младенчества. Точно так же создание прядильной машины и парового двигателя основывалось на

ремесле и мануфактуре, которые строили эти машины, а также на развившейся в указанный период науке механики и т. д.

Всеобщий же *закон*, который здесь действует, состоит в том, что материальная возможность последующей формы [производства] — как технологические условия, так и соответствующая им экономическая структура предприятия — создается в рамках предшествующей формы. Машинный труд как революционизирующий элемент непосредственно вызывается к жизни превышением потребности над возможностью удовлетворить ее прежними средствами производства. А само это превышение спроса [над предложением] возникло в результате открытий, сделанных еще на базе ремесла, а также как следствие основанной в период господства мануфактуры колониальной системы и этой системой до известной степени созданного мирового рынка. Вместе с происшедшей однажды революцией в производительных силах, которая выступает как революция технологическая, совершается также и революция в производственных отношениях.

В той мере, в какой машины применяются мануфактурой, их изготовление соответствует ремесленному или основанному на разделении труда мануфактурному производству. Как только машинное производство становится господствующим, его средства производства — применяемые им машины и орудия — сами должны производиться посредством машин.

[XIX—1200] В той мере, в какой применение животных не носит чисто механический характер, как это имеет место при вращении мельницы, их применение целиком основано на том, что они двигаются произвольно и что на их волю воздействует человеческая воля, — принцип, не имеющий ничего общего с машинным производством. К тому же, в мануфактуре они могут применяться в качестве источника силы лишь в очень незначительной степени, так как их массовое применение потребовало бы огромного пространства.

Г-н *Джон Ч. Мортон* в своем докладе «On the Forces used in Agriculture», прочитанном в Обществе искусств и ремесел [127] 7 декабря 1859 г., обратил особое внимание на вытеснение силы лошади силой пара и на то, что применение машин выгодно только там, где сила животных (как и сила человека) вытесняется более дешевой механической двигательной силой, действующей более продолжительное время и более равномерно:

«Силы, о которых идет речь, — это ... *сила пара, сила лошади* и *ручной труд*... *Чисто механическая сила, производимая паровым двигателем*, может быть использована более широко с каждым улучшением земли, придающим ей *большее единообразие*... *Сила лошади* требуется там, где кривые

изгороди и другие препятствия *делают невозможными единообразные движения*. Такие препятствия с каждым днем всё больше устраняются... В операциях, требующих *большего проявления воли и меньшей действительной силы*, единственно подходящей является сила, *в каждый момент направляемая человеческим умом, — ручной труд*».

Г-н Мортон сводит все указанные силы к

«лошадиной силе (применяемой в качестве единицы измерения мощности паровых двигателей), т. е. к силе, способной потянуть или поднять *за одну минуту 33 000 фунтов на высоту в один фут*. Согласно проведенным расчетам, издержки на одну лошадиную силу при применении парового двигателя составляют 3 пенса в час, тогда как соответствующие издержки при применении лошади составляют $5^1/_2$ пенсов в час и, кроме того, паровая сила может быть применена в течение значительно более *длительных периодов*, чем работа лошади. Таким образом, сила, производимая паровой «лошадиной силой» по 3 пенса в час почти *в два раза* больше, чем сила, являющаяся действительной лошадиной силой» {ибо лошадь можно использовать таким образом лишь в течение 8 часов?} «стоимостью в $5^1/_2$ пенсов в час. И там, где может быть применена паровая сила, *качество* работы, выполняемой с ее помощью», {вследствие единообразия движения} «превосходит качество работы, выполняемой при помощи силы лошади. Это относится к молотьбе, резке соломы (соломорезкой), к *размалыванию* и т. п. (а также к севу и косьбе) и, кажется, в такой же мере применимо к паровой вспашке... При сравнении простой силы ручного труда с двумя другими видами силы установлено, что, для того чтобы выполнить работу парового двигателя, потребовалось бы применить 66 человек с оплатой в 15 шилл. в час, а для того чтобы выполнить работу лошади, потребовалось бы применить 32 человека с оплатой в 8 шилл. в час. Поэтому, очевидно, не может быть и речи о том, чтобы ручной труд конкурировал в качестве силы с паром или с силой лошади... Применяя силу пара при возделывании земли, можно каждую семерку лошадей уменьшить по меньшей мере на три лошади, причем издержки на паровую машину в течение всего года будут не больше, чем издержки на этих замененных лошадей в течение тех трех или четырех месяцев, когда они только и находят себе действительное применение».

Из приведенного выше видно, во-первых, как в одной сфере производства, в сельском хозяйстве, сила пара, сила лошади и ручной труд конкурируют между собой, выявляя свою относительную ценность в смысле эффективности и экономичности; во-вторых, — что плуг не является машиной. Не говоря уже о более старом виде плуга, когда крестьянин позади плуга работал больше, чем лошадь или бык впереди плуга, — применение пара предполагает *ровную* почву, подобно тому как локомотив предполагает рельсы вместо проселочной дороги. Эти условия являются необходимыми для [XIX—1201] применения машины, т. е. такого рабочего механизма, который способен получать свою двигательную силу от чисто механической силы.

Развитие механической фабрики в систему фабрик становится сразу же необходимым в прядении — вследствие того, что сырье в процессах его подготовки должно быть приготовлено меха-

ническим способом, с тем, чтобы и дальше оно могло обрабатываться машинами. А эти подготовительные процессы, в свою очередь, требуют относительно гораздо большего участия ручного труда, когда они осуществляются в небольшом масштабе, чем когда они выполняются в большом масштабе. Поэтому, со своей стороны, система фабрик опять-таки требует комбинации или кооперации большого числа различных рабочих машин, выполняющих подготовительные процессы.

Не может быть ничего более ошибочного, чем рассматривать как нечто «несвободное» средневековые корпорации и цехи, в которых разделение труда между особыми ремеслами в то же время образует основу некоторой социальной и политической организации. Это была та форма, в которой труд освобождался от земельной собственности, и, безусловно, тот период, когда труд в социальном и политическом отношениях находился на самом высоком уровне. Для того чтобы понять подлинный характер этого периода, надо специально изучать германскую историю, так как в Германии королевская власть не блокировалась с зарождавшейся буржуазией против феодалов, как это имело место во Франции. Заглянув в историю, мы найдем, что корпорации и цехи в борьбе с императорской и феодальной властью постоянно терпели поражение и постоянно всё вновь и вновь выступали против нее. Лишь после того как материальная база, технологическая база цеховой организации перестала быть господствующей, после того как она в результате этого утратила свой революционный и прогрессивный характер, после того как она перестала соответствовать своему времени и вступила в борьбу отчасти с мануфактурой, отчасти, позднее, с крупной промышленностью, — она как *реакционный* элемент получила поддержку реакционных правительств и связанных с ними сословий.

* * *

Хлопкоочистительная машина.

Прекрасно проявляют себя гидравлические машины, используемые для превращения болот в обрабатываемые земли.

Шлюпкостроительные машины, начиная от изготовления шлюпок, помещаемых на палубе пароходов, до катеров и самых маленьких речных лодок для переправ. Раньше шлюпки изготовлялись на верфях ремесленным способом при незначительном разделении труда и при использовании машин, самое большее, для строгания. Теперь, первоначально в Америке, они полностью производятся экономичными машинами. Одна компания близ Лондона ныне ведет такое производство в больших масштабах.

*

Мы продолжим теперь рассмотрение английской цитаты, приведенной на *стр. 1185* *.

Поскольку машине предстояло не только в любой степени увеличивать свои размеры, но и развиться в систему машин, стало необходимым иметь двигательную силу и первичный двигатель, пригодные для любого размера машин. Поэтому без парового двигателя стало невозможным развитие машин. Паровой двигатель фактически был изобретен до промышленной революции, но он был несовершенным. Теперь, в связи с его необходимостью для промышленности, была найдена также и требуемая форма двигателя. Отдельные элементы парового двигателя имелись еще до того, как *Уатт* придал ему промышленную форму, применимую в мануфактуре.

[XIX—1202] «*Паровой двигатель* — это машина, способная путем потребления водяного пара производить механическое действие. Первая идея о ней появилась во второй половине XVII века. Для того чтобы посредством пара произвести движение, необходимо не только уметь производить силу пара, но и снова уничтожать ее путем конденсирования пара.

В 1680 г. *Папен* изобрел *предохранительный клапан;* позднее у него появилась также идея заставить пар в цилиндре действовать на своего рода поршень. Для этого он наливал в цилиндр немного воды и, держа цилиндр над огнем, превращал эту воду в пар, с помощью которого поднимал поршень кверху. Посредством удаления огня от цилиндра или цилиндра от огня он вызывал конденсацию пара, так что атмосферный воздух мог действовать на поршень открытого сверху цилиндра и опускать его вниз. Такого рода опыты Папен опубликовал *в 1690 году* в «Acta Lipsiensia» [128].

Севери, английский капитан, пришел примерно в то же самое время к тем же идеям и практически создал несколько машин еще до того, как *в 1696 году* издал их описание. Машина Севери по своему принципу отличалась от машины Папена тем, что в ней для действия пара не применялся поршень, а также тем, что она могла осуществлять *конденсацию пара* намного удобнее и быстрее. Севери принадлежит честь постройки первого крупного *парового двигателя.* Позднее Севери применил предохранительный клапан Папена. Паровой двигатель Севери применялся для *поднятия* воды. Он расходовал исключительно большое количество горючего, и его было трудно построить в очень больших размерах. С его помощью можно было поднимать воду лишь на незначительную высоту. Много работали над его усовершенствованием, в особенности над осуществлением в нем первоначальной идеи Папена насчет поршневого двигателя. Это *полностью* удалось сперва двум англичанам:

кузнецу *Томасу Ньюкомену* и

стекольщику *Джону Коули;* их и следует считать изобретателями парового двигателя, действующего посредством поршня. Так как Севери, благодаря своему патенту, обладал исключительным правом на создание зоны разреженного воздуха посредством конденсации пара, то Ньюкомен и Коули объединились с ним, и в *1705 году* все трое получили патент на то, «чтобы конденсировать вводимый *под* поршень пар и производить переменное движение благодаря соединению поршня с рычагом». Устройство

* См. настоящий том, стр. 439—440. *Ред.*

этого «атмосферного» двигателя, названного позднее одним лишь именем Ньюкомена, имело не только то преимущество, что пар совершенно не соприкасался с водой, когда с помощью этой машины хотели поднимать воду, но и то преимущество, что она вместе с тем *давала возможность производить любое движение»* [129].

Такого рода применение механической силы, как в ветряных и водяных мельницах в период мануфактуры, имело место там, где было необходимо большое приложение силы (штамповка, вращение, поднятие тяжестей) и где человеческий труд фактически действовал как автоматический первичный двигатель, производящий собственную силу, тогда как рабочее орудие приводилось в движение, будучи непосредственно связано не с рукой, а с трансмиссионным механизмом, дышлом, валом и т. д.

«Позднее *Ньюкомен* усовершенствовал машину тем, что конденсационная вода стала не наливаться снаружи, а разбрызгиваться в цилиндрах. *Поворачивание кранов и парового золотника* вначале производилось рукой, и это имело место до тех пор, пока мальчик *Хемфри Поттер*, приставленный следить за такой машиной, не догадался посредством шнуров соединить с балансиром рукоятки кранов и золотник и таким образом обеспечить их движение.

[XIX—1203] Двигатель *Ньюкомена* был еще весьма несовершенным, особенно в части конденсации воды в цилиндре машины, вследствие чего пропадала значительная часть тепла, а внутри цилиндра не достигалось полного охлаждения. Все попытки устранить этот коренной недостаток оставались бесплодными, и устройство парового двигателя пребывало неизменным *на протяжении почти семидесяти лет*. Тут появился *Уатт*.

В первых двигателях Уатта пар производил только опускание поршня; это были двигатели *одностороннего действия*; подъем же поршня достигался тем, что когда поршень доходил до дна цилиндра, приток пара прекращался, а затем ранее введенный пар пускался на поршень и под него, и таким образом давление на одну сторону поршня компенсировалось давлением на другую сторону. Присоединенный к другому концу балансира противовес вместе с находящимся там же штоком насоса для поднятия воды, мог поэтому легко произвести подъем поршня... Как ни целесообразен еще и сегодня уаттовский двигатель *одностороннего действия* для *подъема воды* и *соляного рассола*, он почти совершенно непригоден для выполнения других механических работ».

Таким образом, первый *уаттовский двигатель* одностороннего действия в действительности представлял собой лишь усовершенствованный паровой двигатель; он был не универсальным первичным двигателем, а лишь водоподъемной машиной с ее первоначальной специальной функцией, присущей периоду мануфактуры.

«Часто в промышленных целях оказывается необходимым прямолинейное движение поршня превращать в круговое, что, правда, возможно и для двигателя одностороннего действия, но в тех случаях, когда получаемое движение должно быть весьма равномерным, это может быть достигнуто только тем путем, что в круговое движение приводят также исклю-

чительно большую инертную массу (маховое колесо). Но для того чтобы привести в движение такую массу, двигатель неизбежно теряет большое количество энергии, которая в противном случае могла бы быть применена для выполнения полезной работы, не говоря уже о происходящем при этом большем изнашивании шипов вала и подшипников.

Эти обстоятельства привели Уатта к изобретению *парового двигателя двойного действия,* у которого *пар осуществляет как подъем, так и спуск поршня,* противовес становится совершенно излишним, а маховое колесо, необходимое для обеспечения равномерного движения, теперь могло быть гораздо меньшего веса. В *1782 году* Уатт получил патент на двигатель двойного действия, и с этого времени паровой двигатель выступает в качестве двигателя, *пригодного для всех отраслей промышленности.*

Усовершенствования *парового двигателя двойного действия,* сделанные после Уатта, в большинстве своем касались второстепенных вещей. Особенно старались так сконструировать двигатель, чтобы *он занимал как можно меньшее пространство.* С этой целью главным образом делались попытки устранить балансир и *непосредственно* соединить направляющий стержень кривошипа со штоком поршня... Двигатели без конденсационных, воздушных и накачивающих холодную воду насосов, использующие только расширение пара. *Двигатели Вулфа*».

Итак, паровой двигатель предполагает наличие следующих частей:

1) паровой котел с его приспособлениями для топки, заправки и т. д. и т. п.;

[XIX—1204] 2) *паровой цилиндр* с поршнем, поршневым штоком и сальником;

3) *приспособление для распределения пара* (вентиль), а именно, внутренняя и внешняя его части; и

4) у конденсационного двигателя — *конденсатор* с воздушным и *водяным насосом.*

Таким образом, паровой двигатель является продуктом мануфактурного периода. Здесь он использовался не как универсальный первичный двигатель, а только для особой цели — для *подъема воды.* Первоначально он не был также и автоматическим, так как открывание и закрывание кранов как для введения воды в котел, так и для охлаждения цилиндра и конденсирования пара, а также открывание и закрывание парового золотника на конце трубы между котлом и цилиндром (на конце, обращенном к котлу) первоначально производилось рукой. Он не был также и такой машиной, в которой действовал только пар; для него было существенно (ведь Уатт впервые закрыл сверху цилиндр. Но у его первого двигателя еще имелся *противовес,* присоединенный к другому концу балансира, расположенному у насоса. Именно этот противовес своим *весом* вызывал движение поршня вверх) *давление атмосферного* воздуха, которое действовало после того, как пар в результате опрыскивания цилиндра холодной водой конденсировался, и тем самым

создавалась зона разреженного воздуха. Первый двигатель Уатта сам был всего лишь усовершенствованной паровой водоподъемной машиной мануфактурного периода. Только свою вторую машину — двигатель *двойного действия* Уатт превратил в универсальный *первичный двигатель* для промышленности вообще.

Железные дороги.

И здесь начало было положено в мануфактурный период.

«Самые первые рельсы изготовлялись из дерева и в таком виде применялись уже 200 лет тому назад в *каменоломнях и рудниках* Англии и Германии. При этом на основании опыта было установлено, что лошадь могла тащить по рельсам в четыре с лишним раза больше груза, чем она возила по обыкновенной дороге; это привело к появлению в *1738 году* первой дороги с чугунными рельсами для всевозможных *транспортных* целей. На первых железных дорогах для перевозок использовались исключительно лошади. Первая мысль применить паровой двигатель также и для передвижения колесных повозок возникла в *1759 году у доктора Робисона из Глазго. В 1761 году Уатт,* а после него в *1786 году* гениальный *Оливер Эванс* в Северной Америке развили эту идею. Но лишь в 1802 году англичане Тревитик и Вивиан создали настоящий паровоз, который мог тащить по железной дороге груз весом *в 10 тонн со скоростью пять английских миль в час.* Затем последовали всевозможные опыты. Имел место *теоретический* предрассудок, будто трение колес на гладком пути будет недостаточно велико для того, чтобы предотвратить их простое скольжение, вращение на месте и тем самым дать им возможность тащить более тяжелые грузы. В *1814 году Стефенсон* сконструировал первый действительно годный паровоз для Стоктон-Дарлингтонской дороги. Эти паровозы предназначались лишь для *товарных перевозок.* В октябре 1829 года *локомотив Стефенсона* получил *приз* на состязании по железной дороге Ливерпуль — Манчестер. Условия состязания: при скорости в 10 английских миль в час локомотив должен был тащить груз, в три раза превышающий его собственный вес. А в *1839 году* на той же дороге локомотив «Святой Георг», весивший 13 тонн, тянул груз в $135^1/_2$ тонны со средней скоростью в *21* $^4/_5$ английской мили в час» [130].

«*В 1851 году Большая Западная железнодорожная компания* [демонстрировала на Лондонской промышленной выставке используемый ею паровоз]. С 1847 года для нее строились такие паровозы, которые тянут пассажирский поезд весом в *120* тонн со средней скоростью *60* миль в час. Парообразование во время работы котла на полную мощность равно 1 000 лошадиных сил, по 33 000 фунтов на лошадиную силу, причем практическая мощность, измеряемая динамометром, равна 743 лошадиным силам. Вес [XIX—1205] пустой машины составляет 31 тонну; кокс и вода весят 4 тонны, машина в рабочем состоянии — 35 тонн.

После того как паровой двигатель нашел широкое применение у владельцев шахт, у фабрикантов и судовладельцев, он еще долгое время не применялся для передвижения по суше» [131].

«Первый *пароход Фултона* (и Ливингстона) «Клермонт» начал строиться в Нью-Йорке в 1806 году. В 1807 году он впервые прошел (первое путешествие из Нью-Йорка в Олбани) 145 миль со скоростью 5 миль в час».

{Относительно железных дорог необходимо отметить еще следующее:

«В Англии рельсовые дороги появились раньше, чем искусственные каналы, служившие средством сообщения между отдаленными местностями. Рельсы сначала делались из дерева и прокладывались для облегчения перевозки угля из угольных копей Ньюкасла. В некоторых других местах в колеи дорог вкладывались длинные бревна, *для того чтобы предотвратить превращение этих дорог в непроходимые.* До недавнего времени рельсовые дороги рассматривались *как дополнение к каналам,* используемое для перевозок на короткие расстояния или же там, где характер местности не позволял пользоваться внутренними водными путями... 50 или 60 лет тому назад» (это написано в 1846 году) «железные рельсы начали постепенно вытеснять на рельсовых дорогах деревянные рельсы... Рельсовые дороги считались пригодными только для перевозок тяжелых грузов, таких, как уголь, железо или камни. О паровозе как о движущей силе на рельсовых дорогах в то время еще не думали, хотя Уатт в своем патенте описывает схему сконструированной им *повозки с паровым двигателем,* которую, однако, он так и не осуществил на практике. Его ученик *Мёрдок,* инженер, был первым, кто, работая на заводе Болтона и Уатта, действительно построил в Англии в *1782 году* повозку с паровым двигателем... Первыми, кто практически применили паровой двигатель для тяги вагонов, были Тревитик и Вивиан, которые получили патент на свое изобретение в 1812 году... Они построили искусную повозку с паровым двигателем для *обычных дорог* и демонстрировали ее на выставке в Лондоне. Но *общее неудовлетворительное состояние дорог* заставило обладателей патента отказаться от применения своего изобретения... Железные дороги постепенно получили широкое распространение и на угольных предприятиях Северной Англии. Это давало большие выгоды... 15 сентября 1830 года была открыта железная дорога Манчестер — Ливерпуль проходом восьми паровозов; все они были построены Стефенсоном и К°; к паровозам было прицеплено 28 вагонов. К 1836 году относится первый железнодорожный ажиотаж; он был превзойден в 1843—1848 годах» [132].}

«Затем *Генри Белл,* шотландец, в течение многих лет работавший плотником на строительстве домов, в январе 1812 года установил *первое* английское пароходное сообщение между Глазго и Хеленсбургом (курортом на Клайде). Этот Белл разорился и дошел до нищеты. Наконец, *Дэвид Нейпир* изобрел судно новой и более совершенной конструкции. В *1818 году* он построил пароход «Роб Рой» весом около 98 тонн для курсирования между Гриноком и Белфастом. До 1818 года пароходы только изредка отваживались выходить за пределы рек и узких морских заливов, да и то только в хорошую погоду. Приблизительно в 1836—1837 годах впервые был реализован проект пересечения Атлантического океана. «*Сириус*» был первым паровым судном, [XIX—1206] совершившим это. Была признана необходимой помощь правительства. *Кьюнӑрд* (канадец) первым получил от Британского правительства субсидию на учреждение линии для движения почтовых пароходов между Ливерпулем и Бостоном. И в дальнейшем правительство оказывало поддержку при учреждении все новых и новых линий.

Вест-Индская компания; Тихоокеанская компания; Кейпское Пароходное Общество винтовых пакетботов; Полуостровная и Восточная компания; Восточно-индийская компания, обслуживающая линию *Суэц — Бомбей*» [133].

Теперь возвратимся назад к странице 1185 *.

* См. настоящий том, стр. 439—440. Приводимая далее цитата является непосредственным продолжением цитаты о рабочей машине, приведенной на стр. 440. настоящего тома. *Ред.*

В какой мере рабочая машина отличается от машины в целом, обнаруживается также и при ее изготовлении, поскольку изготовление этой рабочей машины происходит в различных отраслях промышленности.

«Таким образом, в прядильных машинах и в машинах для подготовительных к прядению процессов, во всякого рода ткацких машинах и в бумагоделательных машинах имеется *множество таких рабочих орудий*, как, например, веретена и банкаброши, рифленые ролики, гребни и всевозможные виды кардного оборудования, ткацкие шпульки и челноки, проволочные сетки, употребляемые изготовителями бумаги, и т. д. *Изготовление каждого из этих предметов составляет задачу различных отраслей промышленности* и выполняется *рабочими других специальностей, чем рабочие, строящие машины*. Ибо машиностроители, монтируя свои машины для продажи, обычно *покупают эти предметы у их производителей*. Существуют искусно устроенные (и даже автоматические) *машины для изготовления этих рабочих частей или орудий* машин; например: кардонаборная машина, машина для изготовления кардоленты и т. д., а также автоматические машины для изготовления веретен. Имеются также различные очень умные машины для изготовления *ремизок* для ткацких станков и автоматические машины, изготовляющие зубья, применяемые в ткачестве. Однако, как правило, указанные рабочие части машины производятся вручную рабочими, специализировавшимися исключительно в этой области» [«The Industry of Nations». London, 1855. Part II, стр. 222—223].

«Среди *машин, применяемых в машиностроении, — паровой молот Несмита*, способный как превратить в порошок глыбу гранита, так и разбить ореховую скорлупу, не повредив ядра. Патент на него был взят в 1842 году. На крупных машиностроительных заводах иногда употребляются три-четыре таких молота весом в 30, 15, 5 и т. д. центнеров * для различных видов работ. Для обслуживания парового молота требуется *всего лишь один человек*. Самая большая машина этого рода имеется на крупных заводах г-д Мэйр: молот весом в шесть тонн, с ходом в 6 футов. Этот огромный молот называется «*Тор*». Им выковывают вал гребного колеса для двух судовых двигателей весом в 16 $^1/_2$ тонн, длиной в 27 футов 9 дюймов. Сварка и ковка этой огромной массы с помощью мощного крана делается такой же простой и легкой, как ковка лошадиной подковы деревенским кузнецом. На выставке 1851 года демонстрировался такой молот, наковальня которого весила 8 тонн. Сам молот весил полторы тонны и был подвешен к поршневому штоку; диаметр поршня, который ходит в цилиндре, помещенном в верхней части машины, равен 16 дюймам, а максимальное *падение молота* (называемое в паровых двигателях *ходом*) равно 42 дюймам; применяемое обычно давление пара равно 40 фунтам на квадратный дюйм. Так как молот сконструирован по принципу автоматического действия, то на нем можно получить удар любой силы, начиная от той, которая нужна, чтобы раздавить яичную скорлупу, до той, какая требуется при максимальном давлении в 500 тонн. Путем введения пара под поршень молот поднимается до желаемой высоты, а вследствие собственной тяжести молот падает, но при желании это падение может быть мгновенно ослаблено путем введения определенного количества пара, соответствующего требуемой силе удара. При обычных работах производится 70 ударов в минуту. Молот применяется на *предприятиях, строящих металлические суда, при производстве якорей*,

* В Англии один центнер (hundredweight) равен 50,8 кг. *Ред.*

на крупных машиностроительных заводах и на главных предприятиях, занимающихся сооружением железных дорог; этот молот применяется также при производстве железа либо из железного лома, старых рельсов, обручей либо из металлической стружки» [там же, стр. 223—226].

[XIX—1207] «До введения этого помощника кузнеца ковка валов для крупных судовых двигателей была не только тяжелым, но и ненадежным процессом; и многие несчастные случаи, которые происходили с океанскими пароходами, следует объяснять несовершенной ковкой железа, так как без ударов достаточной силы невозможно удалить *шлаки* из пучков железных стержней, которые, как это имело место в Соединенных Штатах, пытались сваривать вместе для изготовления главных валов» [там же, стр. 226].

«Кроме этих тяжелого рода работ, паровой молот применяется для штамповки посудных крышек, а также для формовки и изготовления серебряной посуды. *Уатт* в своем патенте, взятом в апреле *1784 года,* уже упоминает о таком применении парового двигателя. Он намекает на вероятность применения поршневого штока парового двигателя в соединении с тяжелым молотом или штампом для ковки железа и других металлов» [там же, стр. 227].

Величие Уатта заключается именно в том, что в своем патенте, взятом в апреле 1784 года, он предвидит все возможные применения парового двигателя и указывает на возможность его использования для построения локомотивов, для ковки металлов и т. д.

«Для железоделательного завода в *Даулесе* * был построен еще более мощный паровой молот весом в 6 тонн, его точно перпендикулярное падение равно 7 футам, наковальня представляет собой одну цельную массу в 36 тонн. Работа молота контролируется настолько хорошо, что он может вбить гвоздь в мягкое дерево последовательным рядом самых слабых ударов. Этот чудовищный молот применяется для нанесения 6—8 страшных ударов по металлической массе, называемой «болванкой», из которой прокатываются железнодорожные рельсы; этими ударами болванки соединяются вместе в одну цельную массу, прежде чем они вытягиваются в рельсы. Это изобретение применяется также для *забивки свай*» [там же, стр. 227—228].

«Для *ковки* обычно употребляется инструмент, называемый *хвостовым молотом.* Он представляет собой тяжелую массу металла в три-четыре тонны; головка молота лежит на наковальне, которая вкапывается в землю, тогда как ствол установлен на шкворнях, покоящихся на прочной раме. Для поднятия этого молота близ его головки имеется большое колесо, по окружности которого сделаны выступы или *зубья.* При вращении колеса зубья захватывают один за другим головку молота, поднимают его до известной высоты и затем отпускают его; молот падает на предмет, положенный на наковальню. Сила, с которой он ударяет — это только сила, создаваемая его собственным весом; к ней добавляется сила, порождаемая падением молота. Но высота, до которой такой молот может быть поднят, *весьма ограничена,* и по своей реальной мощности он значительно уступает молоту Несмита. Движущей силой хвостового молота может быть пар, применяемый посредством шкивов и приводных валов, или энергия воды, получаемая от водяного колеса и используемая таким же образом» [там же, стр. 228—229].

* — населенный пункт в Уэльсе. *Ред.*

Всё это — *ковочные машины.*

«*Ковочная машина, созданная по патенту Райдера,* у которой одновременно действуют 5 и более молотов, опускающихся и поднимающихся 700 раз в минуту, применяется главным образом для ковки *веретен прядильных машин* хлопчатобумажной промышленности, нарезных болтов, напильников. Эта машина *меньше* и сложнее. В ней большая скорость сочетается с мощным ударом (хотя масштабность ее значительно меньше, чем у упомянутых выше машин)» [там же, стр. 229—231].

«*Клепальные машины.* Как в этих, так и в ковочных машинах железо обычно подвергается воздействию в горячем состоянии. Ковочная машина придает металлу требуемую форму и переделывает ее по воле рабочего. Клепальная машина [XIX—1208] просто сдавливает раскаленный докрасна болт и таким путем неразрывно соединяет между собой два железных листа.

Первым применил машину для заклепывания железных листов г-н *Фэрберн* из Манчестера. Вот что он сам говорит об этом: «Изобретение клепальной машины вызвано происшедшей около 15 лет тому назад забастовкой котлостроителей, работавших в нашей фирме. Тогда была сделана попытка склепать два листа посредством сдавливания раскаленных докрасна заклепок обыкновенным штамповальным прессом. Успех этого эксперимента немедленно привел к созданию первой машины, в которой подвижной штамп направляется к заклепке посредством мощного рычага, приводимого в движение кулачком. Непродолжительный опыт доказал, что эта первая машина не соответствовала многочисленным требованиям котлостроения, и поэтому восемь лет тому назад была создана клепальная машина в ее нынешней форме». Эта машина портативна и может передвигаться по рельсам. Благодаря этой машине количество продукции, производимой за определенное время, возросло в 12 раз и был сэкономлен труд одного рабочего. Клепка производится без шума» [там же, стр. 231—234].

«Можно с уверенностью утверждать, что без этой машины было бы почти невозможно осуществить строительство железных мостов из трубчатых элементов. Изобретение этой машины, подобно изобретению некоторых других машин, применяемых в производстве, являющееся результатом «забастовки» рабочих, дает только лишнее доказательство безумия такого рода действий. Целью введения докрасна раскаленных заклепок в отверстия труб крупных мостов является обеспечение последующего сильного сжатия металла при охлаждении, в результате чего листы металла соединяются с исключительной силой» [там же, стр. 234].

Это рассуждение относительно забастовок великолепно. Машины благоприятствуют рабочим, когда фабрикант вводит их без содействия рабочих, но они не благоприятствуют им, когда фабрикант побуждается к этому самими рабочими. С другой стороны, как раз вследствие забастовок рабочих были созданы такие значительные машины, как сельфактор, клепальная машина Фэрберна (без которой строительство железных мостов из трубчатых элементов было бы почти неосуществимо) и т. д. Следовательно, введение машин хорошо; тем более, что оно вообще хорошо для фабриканта. Но когда речь идет о забастовках, машины изображаются как нечто плохое для рабочих. Рабочий, мол, не должен торопить свою неотвратимую судьбу.

«Другая — *стационарная* — клепальная машина г-на Гарфорта из Манчестера забивает 360 заклепок в час и обслуживается одним рабочим и тремя мальчиками. В этой машине сила, необходимая для забивки заклепок, создается исключительно напором поршневого штока, приводимого в движение паром высокого давления» [там же, стр. 234—235].

«*Дыропробивная машина* применяется для пробивки отверстий. Машины, применяемые на Вулиджской верфи, действуют совершенно автоматически. Для пробивки отверстия в железном листе толщиной в 0,08 дюйма посредством пробойника диаметром в полдюйма требуется сила давления в 6 025 фунтов, а для пробивки отверстия в железном листе толщиной в 0,24 дюйма требуется сила в 17 100 фунтов» [там же, стр. 236—237].

«*Листорезная машина* обычно соединяется с дыропробивной машиной и помещается на противоположной от пробойника стороне или за ним — в зависимости от того, как удобнее. Ее режущая часть представляет собой плоскую стальную полосу с режущей кромкой, действующей против сходной режущей кромки внизу — нечто вроде *ножниц. Побывать в одном из крупных механических цехов* в Манчестере, *посмотреть на работу этих чудовищных машин,* слышать звон металла, когда в нем пробивается дыра за дырой, видеть, как его режут подобно листу бумаги и придают ему требуемую форму, чувствовать, как массивный пол сотрясается под действием этих *циклопических орудий — все это представляет собой чудесное зрелище... Дыропробивная и листорезная машины для машиностроителя* то же самое, что ножницы для портного и *бурав* [XIX—1209] *для плотника. Они являются элементарными орудиями производства в машиностроении* и составляют самую необходимую *принадлежность железообрабатывающего завода»* [там же, стр. 237].

Таковы, следовательно, основные циклопические орудия производства в машиностроении.

Кроме огромного количества потребляемой здесь энергии, машиностроение делает необходимыми величайшую математическую точность отдельных частей машин и их производство en masse * с применением большого количества рабочих машин.

Применение автоматических машин при создании более точных машин.

«Очень важно отметить почти математическую правильность и точность, с которой изготовляются *формы различных деталей* машин, как самых тонких, так и самых массивных. Произвести *детали машин* столь совершенным образом лишь благодаря ловкости ручного труда» (а производство часов?) «едва ли было бы возможно; а если бы и было возможно, то повлекло бы за собой такие огромные расходы, что ни по количеству продукции, ни по ее ценам никаким увеличением количества машин и квалифицированных рабочих мы не могли бы угнаться за *тем спросом, который явился следствием возросших совершенства и легкости производства, достигнутых благодаря улучшениям производственного механизма.*

Всего лишь 60 лет тому назад почти каждая часть машины изготовлялась и отделывалась до получения требуемой *формы исключительно посредством ручного труда,* т. е. в отношении правильности и точности изготовления деталей машин мы целиком зависели от ловкости рук и точности глаз рабочего. С усовершенствованием механических процессов производ-

* — в массовом масштабе. *Ред.*

ства, введенных Уаттом, Аркрайтом, Кромптоном, Брюнелем, Дидо и Жаккаром, *внезапно* возник *спрос на машины необычной точности,* в то время как *количество имевшихся тогда квалифицированных рабочих* ни численно, ни по уровню своего мастерства не могло удовлетворить потребности времени. Около сорока лет тому назад» (приблизительно в 1810 или 1814 году) «*г-н Генри Модсли* ввел *принцип скольжения* в орудиях и машинах, применяемых в машиностроении. Без введения этого принципа мы никогда не достигли бы той высокой ступени в развитии машиностроения, на какой мы сейчас находимся.

Упоминаемый здесь принцип воплощен в *механическом приспособлении, которое заменило собой человеческую руку, державшую резец, прилагавшую его к поверхности обтачиваемого предмета и направлявшую движение резца. Посредством этого механического приспособления мы в состоянии заставить лезвие резца двигаться вдоль или поперек поверхности предмета* с такой абсолютной точностью, что почти без всякого мускульного усилия рабочий может изготовить любую из элементарных геометрических форм — линии, плоскости, круги, цилиндры, конусы и шары — с такой степенью легкости, точности и быстроты, которую прежде не смогла бы обеспечить и самая опытная рука искуснейшего рабочего. Принцип скольжения воплощен в *суппорте,* который в настоящее время стал частью любого токарного станка и в модифицированной форме применяется в расточном, строгальном, долбежном, сверлильном и других станках. Каким бы простым и на первый взгляд незначительным ни казался этот придаток к токарным станкам, думается, не будет слишком большим преувеличением утверждение, что его *влияние на усовершенствование и более широкое применение машин* было так же велико, как влияние *усовершенствований, произведенных Уаттом в самом паровом двигателе.* Введение суппорта сразу же стало способствовать улучшению всех машин, удешевлению их и стимулированию новых изобретений и усовершенствований. *Вскоре после введения суппорта он был сделан автоматическим,* т. е. его движение вдоль и поперек поверхности, к которой прилагался закрепленный на суппорте резец, стало независимым от внимания рабочего, обслуживающего станок» [там же, стр. 238—239].

Следовательно, *суппорт* вообще заменил *человеческую руку.*

«Посредством *расточного станка* вырезаются и шлифуются изнутри цилиндры паровых двигателей, гидравлических прессов и других машин. В этих машинах растачиваемый цилиндр прочно закрепляется на приспособленной для этого раме, а режущий инструмент винтом постепенно вводится внутрь цилиндра; вращаясь там, резцы постепенно срезают и удаляют металл, пока не просверлят весь цилиндр. В лучших конструкциях таких станков [XIX—1210] движение сверла полностью автоматизировано. Расточный станок в общих чертах можно охарактеризовать как механизм для *работы сверла или резца, который,* будучи приложен к любому материалу, *посредством вращательного движения вокруг своей оси высверливает полый цилиндр.*

Цилиндры паровых двигателей и гидравлических прессов должны высверливаться с наибольшей точностью и тщательностью, так как любая погрешность в диаметре цилиндра, при *высоком давлении* пара на работающий в нем поршень, несомненно, вызвала бы *большую утечку* пара. Только с помощью этого станка мы получаем наши первичные двигатели; ибо можно с уверенностью сказать, что без помощи расточного станка нельзя было бы произвести парового двигателя любых рабочих размеров. Этот станок применяется также и при изготовлении других машин, таких, как насосы и т. д.» [там же, стр. 239—241].

Токарный станок.

«Едва ли существует какая-либо деталь машины, для изготовления которой не нужен был бы в той или иной мере токарный станок. Он является инструментом универсального значения» [там же, стр. 241].

«Конструкция *простого ножного токарного станка* по существу та же, что и у токарного станка, приводимого в движение паром. Здесь нет лишь таких частей, как ось и маховик, так как они здесь не нужны ввиду того, что вращательное движение передается с вала посредством приводного ремня, а сам вал приводится в движение паровым двигателем. Однако в тяжелых видах работ, да и во всех механических токарных станках, представляющих определенную ценность, введен *принцип автоматизма* и созданы приспособления, обеспечивающие осуществление этого принципа. Применение токарного станка в обрабатывающей промышленности по необходимости ограничивается, как правило, изготовлением *цилиндрических тел или приданием отдельным деталям машин круглой формы*» [там же, стр. 241—243].

Поперечно-строгальный станок (долбежный станок). (Гораздо более современное изобретение, чем токарный станок.)

«Принцип, на основе которого работает этот станок, такой же, как и у вертикального *долота,* движущегося вверх и вниз и режущего металл при движении вниз. Посредством искусного расположения зубьев станина способна передвигаться вместе с остальной частью станка, и в результате этого еще необработанная поверхность болванки постоянно подставляется под резец. Чрезвычайно интересно наблюдать за этими железными рабочими, которые без какой-либо помощи со стороны человека строгают весьма твердые предметы, придавая им определенную форму. Легко понять, что любая машина, способная резать в вертикальном направлении, может быть использована для придания куску металла определенной формы. Посредством этого станка под наблюдением рабочего, в чьих руках он становится, фактически, мощным ножом, режущим как раз так, как он считает нужным, может быть произведена любая угловая фигура» [там же, стр. 244—245].

«*Строгальный станок.* Это железный плотник, так как все, что плотник выполняет над деревом, работая своими рубанками, *станок совершает посредством своих орудий.* Точность и мощность. С помощью этого станка могут быть сделаны самые гладкие поверхности, так как станок не может работать неправильно, и поэтому поверхность предмета, обработанного на станке, гораздо выше по качеству, чем поверхность предмета, обработанного искусным рабочим с помощью *напильника.* В самом лучшем изделии, произведенном вручную, всегда можно заметить некоторое отклонение от абсолютно прямолинейного движения. Этот станок отличается от поперечно-строгального станка тем, что здесь движется обрабатываемая деталь, а режущее орудие, напротив, находится в неподвижном положении. Правда, *резец может двигаться в сторону и в вертикальном направлении,* но это делается только для того, чтобы подвести под него новую деталь, точно так же как это происходит в [XIX—1211] суппорте токарного станка. Предмет, который надо обстрогать, прочно укрепляется на станине станка, которая способна совершать поступательное и обратное движение. Резец помещается в крепких зажимах поперек длины машины; поступательное движение станины станка с изделием на ней приводит это изделие в соприкосновение с резцом, который строгает или, вернее, бороздит поверхность,

срезая железную стружку, когда обрабатываемый предмет проходит под ним» [там же, стр. 245—247].

«*Сверлильный станок*. Это вертикальный токарный станок, отличающийся лишь тем, что здесь изделие неподвижно, тогда как резец вращается» [там же, стр. 247].

«*Измерительные приборы*. Они измеряют с точностью до 0,0001 и 0,000001 долей дюйма» [там же, стр. 248].

«*Все это машины, главным образом, нынешнего* [XIX] *столетия*. Все они» (за исключением измерительных приборов) «используются для обработки железа» (и меди) [там же, стр. 249].

«*Машины*, употребляемые *для обработки дерева, не менее искусны*. Это машины, главным образом, *американского* происхождения. В этой стране машины для обработки дерева используются даже в более широком масштабе, чем в Англии, и прокладывают себе дорогу даже в небольшие мастерские. Ручной труд в этой стране гораздо дороже... поэтому стараются как можно меньше работ делать вручную... уделяют больше внимания экономии времени и труда, а также получению быстрых результатов при наименьших затратах, чем достижению большей прочности и лучшей отделки. Там, где многочисленные естественные препятствия приходится преодолевать разбросанному населению, имеет место не столько изящество отделки, сколько смелость замысла» [там же, стр. 249—250].

Насос является машиной, в которой вместо человеческой силы применяется исключительно сила пара. Этим способом в 1836—1837 годах посредством колоссальных паровых двигателей, соединенных с поршневыми штоками одиннадцати насосов, [в Голландии] было выкачано Гарлемское озеро (около миллиарда тонн воды).

«Едва ли можно найти более поразительный пример использования *обычного насоса*. Этот колоссальный аппарат своим насосным механизмом по существу не отличается от обычных всасывающих насосов» [там же, стр. 252—254].

{«До 1836 года голландцы для осушения своей страны, расположенной в низменной местности, обычно использовали машины, приводившиеся в движение, главным образом, силой ветра. Для того, чтобы предотвратить превращение двух третей королевства Голландии в болота и озера, от которых оно было некогда избавлено, требовалось 12 000 ветряных мельниц с общей мощностью в 60 000 лошадиных сил» (*следовательно, по 5 лошадиных сил на каждую мельницу*) (это показывает, в каких небольших масштабах можно использовать силу ветра). «Применялось также несколько небольших паровых двигателей» [там же, стр. 253].}

«*В Англии осушение* с помощью парового двигателя производилось в широких масштабах, в особенности г-ном Герни. Не менее 680 000 акров земель, некогда представлявших собой болота (топи Линкольншира и Кембриджшира), теперь богаты зерном и скотом. Машины, применявшиеся г-ном Герни для подъема воды, во всех случаях имели ряд колес с ковшами. Они в известной мере похожи на подливное водяное колесо, но вместо того чтобы получать движение от воды, они ее поднимают, а сами приводятся в движение силой пара. Количество воды, вычерпываемое машиной мощностью в 80 лошадиных сил, составляет приблизительно 5 тонн в секунду, или около 16 200 тонн в час» [там же, стр. 254—255].

[XIX—1212] *Центробежные насосы*. «(Машина Эпполда демонстрировалась на выставке 1851 года. Ранее центробежные насосы применялись

в Америке и во Франции.) Обычный насос самой лучшей конструкции производит лишь 45% [полезной] работы, остальная часть потребляемой машиной энергии теряется вследствие недостатков в ее устройстве. Некоторые из худших видов насосов производят только 18% [полезной] работы, а 72% энергии уходит на преодоление сопротивления, трения и т. д. Насос Эпполда делает 600 оборотов в минуту, и при таком темпе количество производимой им [полезной] работы равно в среднем 70% всей примененной энергии» [там же, стр. 255, 257, 259].

Различные другие центробежные насосы [там же, стр. 260—263].

Стиральные и сушильные машины [там же, стр. 266].

«В промышленности для различных целей необходим *быстро движущийся поток воздуха*. Например, целый ряд литейных операций, шлифовка стали, опаливание кружев, сушка основы и т. д. — для всех этих процессов абсолютно необходима струя воздуха.

Обычные мехи устроены на весьма ошибочных принципах и, конечно, совершенно непригодны для нужд промышленников. Один из их главных недостатков состоит в *прерывном характере их действия*, вследствие чего они неспособны регулярно и постоянно подавать струю воздуха. Для достижения этой цели необходимо новое устройство некоторых их частей. *Сопло* должно сообщаться со *второй камерой*, в которой воздух может накапливаться под давлением, а насосная часть мехов, их нижняя часть, должна вытеснять воздух в *резервуар*, а не прямо через сопло, как в обычных мехах.

Кузнечные мехи представляют собой более совершенную машину. Здесь имеется резервуар для воздуха, и его поток является постоянным, а не прерывающимся. Посредством *соединения* рукоятки, воздействующей на кузнечные мехи, с кривошипом парового двигателя или водяного колеса *получается механический воздушный насос простого типа;* такого рода машины часто применяются там, где нельзя достать лучших. Однако тот *объем воздуха*, который здесь может быть выдан, очень невелик; здесь также не может быть получена *сколько-нибудь высокая скорость воздушной струи*. Но то давление, которое может быть создано в резервуаре, является его преимуществом, так как в результате этого может быть получена небольшая, но очень мощная струя воздуха.

Воздуходувные машины фактически могут быть отнесены к тому же самому классу машин, что и гидравлические насосы. Некоторые из них построены по принципу насосов, а другие — по принципу центрифуги. Мехи принадлежат к классу насосов. В небольших кузницах, так же как и в механических мастерских для изготовления небольших деталей машин, строятся кузнечные мехи усовершенствованного типа. Аппарат *Анфера* является важным усовершенствованием кузнечных мехов.

Подобно тому как в гидравлике установлено, что насос является единственной машиной, которая может успешно применяться для выкачивания воды под высоким давлением, и что центробежные машины пригодны только для низких подъемов и больших количеств воды, так центробежная воздуходувная машина оказывается мало приспособленной к нуждам кузнечного дела, где больше требуется *плотная и сильная струя воздуха*, чем *широкий его поток*» [там же, стр. 272—274].

Воздуходувка (приводится в действие также и силой пара). {Воздуходувка, приводимая в движение рукояткой и используемая в небольших масштабах, есть точный тип ее.}

«Воздуходувки постоянно [XIX—1213] применяются на чугунолитейных заводах. Воздух вгоняется в отверстия вокруг оси машины, затем проходит вдоль лопастей и с их концов поступает в трубу, соединенную с аппаратом» [там же, стр. 274—276].

«*Воздушный насос.* Это — философский инструмент [134], но он имеет первостепенное значение при конструировании парового двигателя низкого давления, для поддержания вакуума в конденсационной камере, в производстве сахара и т. д. В широком масштабе он применяется при *сушке лесоматериалов.* Лесоматериал помещается в большую железную камеру, наполовину наполненную высушивающим раствором; все это затем герметически закрывается, и воздух выкачивается *воздушным насосом,* приводимым в движение паровым двигателем. Таким образом создается вакуум, и *воздух удаляется из клеток дерева;* затем в камеру вновь впускается воздух, и *вследствие его давления на поверхность раствор* вгоняется в дерево, проникая в каждую пору» [там же, стр. 276—277].

Зерновые мельницы.

«Обнаружено, что сильное трение и давление, необходимые для превращения зерна в муку, так сильно нагревают зерно, что оно делается весьма подверженным разложению. Единственным способом предотвращения этого является введение между жерновами потока воздуха и тем самым сохранение муки в холодном состоянии.

Одной из самых великолепных мукомольных мельниц является мельница в Королевском доке в Плимуте. Здание мельницы имеет 240 футов длины и 70 футов высоты. В центре находятся два паровых двигателя мощностью в 45 лошадиных сил. На каждой стороне помещается по 12 пар жерновов, каждая пара совершает 123 оборота в минуту и перемалывает 5 бушелей зерна в час, так что, когда мельница на полном ходу, за один час перемалывается 120 бушелей зерна, а затем мука провеивается 8-ю машинами. Зерно складывается на верхнем этаже и затем по желобам проходит сначала в сортировальные аппараты или цилиндрические сита, устроенные наподобие Архимедова винта. На пути к жерновам зерно очищается от песка и пыли, попадает в воронку, а оттуда по желобам проходит к мельничным жерновам. Затем мука очищается от отрубей. Машины, обычно применяемые для этого, состоят из своего рода цилиндров, сделанных из *проволочной сетки.* Мука поступает в такой цилиндр и с помощью щеток просеивается через сетку. Иногда мука просеивается через сетку с помощью приспособленных для быстрого вращения веялок, которые таким образом продувают муку сквозь сетку. Употребляемая при этом проволочная сетка крайне тонка. На выставке 1851 года демонстрировались образцы сеток с 22 500 отверстиями на квадратный дюйм. Проволока длиной свыше 3 900 футов, из которой сделана сетка, весила не более одной унции» [там же, стр. 278—279].

«*Философские инструменты.* Вначале они изготовлялись очень грубо и были весьма простой конструкции. Нечувствительность химических весов, недостатки в конструкции линз, неточная градуировка термометра или неправильное деление окружности теодолита портят все исследования, в которых применяются эти инструменты. Поэтому точность философских инструментов имеет в высшей степени важное значение для научного прогресса. С другой стороны, изобретение *парового двигателя и телеграфа»* (а в значительной мере и часов) «имеет своим источником исключительно физическую науку... Старинные микроскопы и телескопы давали лишь неправильную информацию» [там же, стр. 288—290].

Свет. Дагер умер в 1851 году [там же, стр. 291].
[XIX—1214] *Электромагнетизм*.

«Железо приобретает магнитные свойства при прохождении гальванического электричества через моток медной проволоки, которым оно обернуто.

Проф. *Эрстед* первым открыл, что *магнитная игла*, помещенная в область влияния *электрического тока*, проходящего через виток проволоки, немедленно приобретает тенденцию *отклоняться* в сторону. В этом состоит принцип обычной модели электрического телеграфа, применяемого в Англии. Далее, Эрстед открыл, что *магнитные свойства* индуцируются в бруске мягкого железа при циркуляции вокруг него электрического тока. Таким образом, путем порождения и уничтожения магнитной силы можно передавать на любое расстояние серию сигналов. На этом принципе основан телеграф в Соединенных Штатах» [там же, стр. 328—329].

* * *

СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ КОЛИЧЕСТВОМ ДЕТЕЙ, МУЖЧИН И ЖЕНЩИН, ЗАНЯТЫХ НА ФАБРИКАХ СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА [135]

Число фабрик	Дети моложе 13 лет		Подростки-мальчики от 13 до 18 лет	Женщины старше 13 лет	Мужчины старше 18 лет	Всего		
	мальчики	девочки				мужчины	женщины	общее число
1	2	3	4	5	6	7	8	9
[XIX—1215]			I. *Хлопчатобумажные фабрики*					
а) Англия и Уэльс 2 715	21 774	17 382	38 210	216 512	113 720	173 704	233 894	407 598
б) Шотландия 163....	307	325	2 661	32 884	5 060	8 028	33 209	41 237
в) Ирландия 9			336	1 910	488	824	1 910	2 734
г) Всего 2 887..........	22 081	17 707	41 207	251 306	119 268	182 556	269 013	451 569
			II. *Шерстяные фабрики*					
а) 1 456	3 333	2 598	9 811	29 613	30 954	44 098	32 211	76 309
б) 184	29	9	1 327	4 592	3 855	5 211	4 601	9 812
в) 39			75	417	370	445	417	862
г) 1 679	3 362	2 607	11 213	34 622	35 179	49 754	37 229	86 983
			III. *Камвольные фабрики*					
а) 512	6 268	6 906	6 424	45 674	17 700	30 392	52 580	82 972
б) 17			178	1 839	895	1 073	1 843	2 916
в) 3			12	139	24	36	139	175
г) 532	6 268	6 910	6 614	47 652	18 619	31 501	54 562	86 063

[XIX—1216]

IV. *Льняные фабрики*

1		2	3	4	5	6	7	8	9
а)	136	886	1 108	1 383	13 277	3 651	5 920	14 385	20 305
б)	163	304	573	2 833	24 283	5 606	8 743	24 856	33 599
в)	100	226	442	3 761	23 130	5 966	9 953	23 572	33 525
г)	399	1 416	2 123	7 977	60 690	15 223	24 616	62 813	87 429

V. *Пеньковые фабрики*

1		2	3	4	5	6	7	8	9
а)	3			33	15	14	47	15	62
б)	2			15	487	43	58	487	545
в)									
г)	5			48	502	57	105	502	607

VI. *Джутовые фабрики*

1		2	3	4	5	6	7	8	9
а)	4			6	84	17	23	84	107
б)	27	24	54	613	3 534	1 193	1 830	3 588	5 418
в)	5	10	17	10	229	176	196	246	442
г)	36	31	71	629	3 847	1 386	2 049	3 918	5 967

VII. *Шелковые фабрики*

		Дети моложе 11 лет		Дети от 11 до 13 лет							
		мальчики	девочки	мальчики	девочки						
1		2а	3а	2б	3б	4	5	6	7	8	9
а)	761	702	1 130	1 418	3 543	3 185	31 217	9 996	15 301	35 890	51 191
б)	8			17	176	26	735	150	193	911	1 104
в)	2			7	21	13	77	16	36	98	134
г)	771	702	1 130	1 442	3 740	3 224	32 029	10 162	15 530	36 899	52 429

[XIX — 1217] VIII. *Трикотажные фабрики* (частично использующие в качестве двигательной силы силу руки, частично — энергию пара)

1		2	3	4	5	6	7	8	9
а)	65			411	2 108	1 544	1 955	2 108	4 063
б)	4			9	217	198	207	217	424
в)									
г)	69			420	2 325	1 742	2 162	2 325	4 487

Общий итог

Фабрики	Число веретен	Число механических ткацких станков	Число ткачей на механических ткацких станках	Количество энергии		Дети моложе 13 лет	
				пара	воды	мальчики	девочки
Англия и Уэльс 5 652	33 095 603	444 233	202 847	328 747	20 003	34 381	32 667
Шотландия 568	2 615 220	40 073	23 294	34 609	5 960	681	1 141
Ирландия 158	739 205	6 560	4 423	11 938	3 376	243	480
Соединенное Королевство 6 378	36 450 028	490 866	230 564	375 294	29 339	35 305	34 288

Подростки-мальчики от 13 до 18 лет	Женщины старше 13 лет	Мужчины старше 18 лет	Общее количество занятых		
			Мужчины	Женщины	Всего
59 463	338 500	177 596	271 440	371 167	642 607
7 662	68 571	17 000	25 343	69 712	95 055
4 207	25 902	7 040	11 490	26 382	37 872
71 332	432 973	201 636	308 273	467 261	775 534

Женщины составляют приблизительно $^5/_8$, а мужчины — $^3/_8$ общего числа занятых. Последнее число станет еще меньше, если на 6 378 фабриках из общего числа занятых мужчин вычесть по 5 человек, не работающих на самих фабриках. Тогда

общее число мужчин уменьшится на 31 890 или, скажем, на 30 000.

[XIX—1218] Число детей моложе 13 лет составляет 69 593 человека, почти $^1/_{11}$ часть общего числа занятых. Указать общее количество детей невозможно, так как мальчики в возрасте от 13 до 18 лет входят в группу лиц мужского пола, а девочки старше 13 лет входят в группу лиц женского пола.

Число мужчин старше 18 лет составляет только 201 636 человек; из этого числа следует вычесть более 31 000 человек, скажем, 31 000. Остается 170 636 человек. Если мы возьмем число мужчин, как оно дано в фабричном отчете, то доля мужчин старше 18 лет составит около $^5/_{19}$, т. е. несколько меньше $^1/_3$ всех занятых. Если же возьмем число мужчин старше 18 лет и вычтем из него 31 000 человек, то указанная доля будет менее $^1/_4$.

На 490 866 ткацких станков приходится 230 564 ткача, т. е. приблизительно 2,1 ткацких станка на одного ткача.

Вычислить количество рабочих, обслуживающих веретена, труднее. Во-первых, [из общего числа занятых] мы должны вычесть число рабочих, занятых на ткацких станках. Во-вторых, следует вычесть вообще всех занятых вне фабрики, тех, кто не занят непосредственно фабричным трудом. Сюда входят, следовательно, еще инженеры, пожарники, механики и т. д. Они составляют в среднем, по крайней мере, 8 человек на фабрику. Если из общего числа занятых вычесть число ткачей, то остается 544 970 человек, а если, далее, вычесть по 8 человек с каждой из 6 378 фабрик, то получится 493 946 человек. Но здесь есть еще затруднения: 1) мы не знаем, сколько рабочих, помимо указанных, занято ткачеством, 2) ворсовальные машины не выделены особо (за исключением шерстяной промышленности).

Однако общее число ворсовальных машин составляет только 2 163, следовательно, ими можно пренебречь. Но на тех фабриках, которые занимаются только ткачеством (еще необходимо вычесть занятых на упоминавшихся выше трикотажных фабриках, а именно — 4 487 человек; остается 489 459 человек), имеется приблизительно 113 308 занятых, среди них насчитывается 81 049 ткачей, т. е. на одного ткача приходится больше, чем 1,3 рабочего [136]. Все же в другом месте указано, сколько веретен приходится на одного человека.

Суммарная мощность расходуемой энергии — 404 633 лошадиные силы. Если вычесть число людей, занятых не на фабрике, то получится, что на одного рабочего приходится почти две единицы энергии. Однако все эти данные следует использовать

только ради *соотношения занятых по полу и возрасту,* так как все, что касается других пунктов, изложено в другом месте.

По данным на *1861 год* в Соединенном Королевстве на 2 887 *хлопчатобумажных фабриках* было занято 451 569 человек, т. е. более 156 человек на каждой фабрике. В *1836 году* на 1 250 хлопчатобумажных фабриках работало 193 544 человека, т. е. на каждую фабрику приходилось менее 175 человек.

В 1861 году работало: *мужчин* — 182 556, *женщин* — 269 013; соотношение между ними составляло примерно 1 : 1,4; в 1836 году было занято: *мужчин* — 100 258, *женщин* — 119 124; соотношение между ними равнялось примерно 1 : 1,1.

Данные об энергии и количестве веретен не могут быть сопоставлены ввиду отсутствия последних за 1836 год.

Далее: в *1861 году* насчитывалось 2 211 *шерстяных* и *камвольных* фабрик с числом занятых 173 046 человек, т. е. на каждой фабрике работало более 78 человек; в *1836 году* насчитывалось 1 315 фабрик, на которых работало 158 484 человека, т. е. более 120 человек на каждой фабрике.

В *1861 году* на этих фабриках работало 81 255 *мужчин* и 91 791 *женщина*; соотношение между ними было 1 : 1,1; в *1836 году* было: *мужчин* — 39 360; *женщин* — 27 569; соотношение равно 1,4 : 1.

[XIX—1219] А на *льняных фабриках*:

В *1861 году* имелось 399 фабрик с числом занятых 87 429 человек, т. е. более 219 человек на каждой фабрике; в *1836 году* было 352 фабрики с 32 868 работниками, т. е. на каждой фабрике — более 93 человек.

В *1861 году* среди занятых было 24 616 *мужчин* и 62 813 *женщин*; соотношение — 1 : 2,5; в *1836 году* было: *мужчин* — 10 342, *женщин* — 22 526; соотношение 1 : 2,1.

Наконец, на *шелковых фабриках*:

В *1861 году* насчитывалась 771 фабрика с числом занятых 52 429 человек, т. е. 68 человек на каждой фабрике; в *1836 году*: 237 фабрик с числом занятых 30 407 человек, т. е. более 128 человек на каждой фабрике.

В *1861 году* на этих фабриках работало 15 530 *мужчин* и 36 899 *женщин*; соотношение составляло 1 : 2,3; в *1836 году* было: *мужчин* 9 969; *женщин* 20 438; соотношение было равно 1 : 2,05.

В *1861 году* в хлопчатобумажной, *шерстяной, камвольной, льняной и шелковой промышленности* имелось: *фабрик* 6 268; *мужчин старше 18 лет* 198 351. *Общее число занятых* 664 473 человека; в *1836 году: фабрик* 3 154; *мужчин старше 18 лет* 88 859. *Общее число занятых* 344 623 человека. В *1861 году*

[XIX—1220] [к стр. 484] *Соединенное Королевство*

Число фабрик

Фабрики	1838	1850	1856	1861
Хлопчатобумажные	1 819	1 932	2 210	2 887
Шерстяные	1 322	1 497	1 505	1 679
Камвольные	416	501	525	532
Льняные	392	393	417	399
Шелковые	268	277	460	771
Всего:	4 217	4 600	5 117	6 268

Число используемых лошадиных сил

Фабрики	1838	1850	1856	1861
Хлопчатобумажные	59 803	82 555	97 132	294 100
Шерстяные	20 617	22 144	25 901	36 477
Камвольные	7 176	11 515	14 904	28 204
Льняные	11 089	14 292	18 322	46 081
Шелковые	3 834	3 711	5 176	7 050
Всего:	102 069	134 217	161 435	411 912

Число механических ткацких станков

Фабрики	1836	1850	1856	1861
Хлопчатобумажные	108 751	249 627	298 847	399 992
Шерстяные	2 150	9 439	14 453	21 770
Камвольные	2 969	32 617	38 956	43 048
Шелковые	1 714	6 092	9 260	10 709
Льняные	209	3 670	7 689	14 792
Всего:	115 801	301 445	369 205	490 311

отношение *мужчин старше 18 лет* к общему числу занятых составляло 1 : 3,3, а в *1836 году* 1 : 3,8.

На одну лошадиную силу энергии приходится в среднем *четыре человека* («Reports of the Inspectors of Factories for the half year ending 31st October 1856». London, 1857, p. 9).

По решению парламента *общие отчеты* были сделаны в 1835, 1838, 1850, 1856 и 1861 годах [см. таблицы на стр. 483].

[XIX — 1221] *Число веретен, используемых в Соединенном Королевстве*

1850	1856	1861
25 638 716	33 503 580	36 450 028

Число веретен, приходящееся в среднем на одну фабрику в Соединенном Королевстве

Фабрики	1850	1856	1861
Хлопчатобумажные	14 000	17 000	около 17 000 (немного меньше)
Камвольные	2 200	3 400	более 3 725
Льняные	2 700	3 700	более 4 195

Число веретен, приходящееся в среднем на одну лошадиную силу в Соединенном Королевстве

Фабрики	1850	1856	1861
Хлопчатобумажные	275	315	146(?)
Камвольные	86	102	?

[XIX — 1222] *Общее количество людей, занятых на фабриках в Соединенном Королевстве*

Фабрики	1835	1838	1850	1856	1861
Хлопчатобумажные	219 386	259 104	330 924	379 213	451 569
Шерстяные	55 461	54 808	74 443	79 091	86 983
Камвольные	15 880	31 628	79 737	87 794	86 063
Льняные	33 212	43 557	68 434	80 262	87 420
Шелковые	30 745	34 303	42 544	56 137	52 429
Всего:	354 684	423 400	596 082	682 497	775 534

Итак, *имеет место абсолютное сокращение* [в период 1856—1861 гг.] *числа лиц, занятых на камвольных и шелковых фабриках.*

Число детей моложе 13 лет

Фабрики	1835	1838	1850	1856	1861
Хлопчатобумажные	28 673	12 327	14 993	24 648	39 788
Шерстяные	9 451	6 203	7 094	6 703	5 969
Камвольные	3 959	4 534	9 956	11 228	13 178
Льняные	5 290	1 767	1 581	1 806	3 539
Шелковые	9 082	4 452	1 498	1 686	5 182
Всего:	56 455	29 283	35 122	46 071	67 656

Следует отметить, что в 1835 году свыше $^2/_3$ общего числа детей еще работали полный рабочий день (17 147 детей работали только 8 часов и посещали школу). С 1838 года дети работали только половину рабочего дня, а в шелковой промышленности дети в возрасте от 8 до 11 лет (а не от 11 до 13 лет) работали половину рабочего дня и посещали школу.

Подростки-мальчики в возрасте от 13 до 18 лет

Фабрики	1835	1838	1850	1856	1861
Хлопчатобумажные	27 339	41 046	37 059	38 941	41 207
Шерстяные	8 042	11 018	11 884	11 134	11 213
Камвольные	2 081	3 753	7 695	7 116	6 614
Льняные	3 457	5 953	8 012	8 950	7 977
Шелковые	2 654	4 739	4 951	6 059	3 224
Всего:	44 573	66 509	67 864	72 220	70 235

[XIX — 1223] *Число женщин старше 13 лет*

Фабрики	1835	1838	1850	1856	1861
Хлопчатобумажные	105 545	141 184	183 912	211 742	251 306
Шерстяные	19 150	18 833	26 810	30 579	35 179
Камвольные	8 136	20 321	46 901	51 371	47 652
Льняные	19 961	29 828	46 843	55 863	60 690
Шелковые	14 904	20 806	29 027	38 271	32 029
Всего:	167 696	230 972	333 493	387 826	426 856

Число мужчин старше 18 лет

Фабрики	1835	1838	1850	1856	1861
Хлопчатобумажные	57 829	64 547	94 960	103 882	119 268
Шерстяные	18 818	18 754	28 655	30 675	35 179
Камвольные	1 704	3 020	15 185	18 079	31 501
Льняные	4 504	6 009	11 998	13 643	15 222
Шелковые	4 105	4 306	7 068	10 121	10 162
Всего:	86 960	96 636	157 866	176 400	211 332

Рассматривая *увеличение числа занятых на фабриках рабочих*, всегда следует различать следующие три его причины: это увеличение происходит а) либо вследствие *расширения* уже существующей промышленности, применяющей машины (как, например, хлопкопрядильных фабрик); б) либо вследствие превращения предприятий ремесленного типа в *предприятия, применяющие машины* (особенно, когда машинное производство охватывает один вид производства, например, хлопчатобумажное прядение или ткачество, и постепенно распространяется на все виды прядения и ткачества); в) либо, наконец, вследствие *включения* в фабричное производство определенных отраслей машинного производства, — отраслей, которые до этого *не относились к фабрике* и работали ремесленным способом. Так, в «Reports of the Inspectors of Factories» (от 31 октября 1856 года, стр. 16) в связи с приведенными выше * таблицами

* См. настоящий том, стр. 484. *Ред.*

(в этих «Reports», естественно, нет данных за 1861 год) говорится следующее:

[XIX—1224] «Увеличение числа механических ткацких станков в хлопчатобумажной промышленности» (после 1836 года) «явилось следствием *расширения производства,* а не результатом применения механической энергии при производстве какой-либо ткани, которая раньше производилась исключительно вручную» (это, стало быть, служит иллюстрацией к пункту *а*); «однако на других фабриках мы найдем, что механическая энергия теперь применяется к *ткацким станкам, производящим ковры, ленты и полотна;* такое *применение* механической энергии до сих пор было *чрезвычайно ограничено.* Для этих трех видов изделий *потребовались сложные* и *тщательно продуманные изменения, для того чтобы приспособить ткацкие станки к применению паровой энергии»* (это последнее замечание является иллюстрацией к пункту *б*).

«*Применение механической энергии* к *процессу чесания шерсти...,* весьма распространенное со времени введения «*чесальной машины*», особенно «машины *Листера*»..., несомненно, привело огромное число людей к лишению работы. Раньше шерсть чесалась вручную, чаще всего *в хижине чесальщика.* В настоящее время весьма *распространено чесание шерсти на фабрике,* и ручной труд вытеснен, за исключением некоторых особых видов производства, в которых ручному чесанию шерсти все еще оказывается предпочтение. Многие ручные чесальщики нашли себе работу на фабриках, однако *производительность ручного чесальщика так незначительна по сравнению с производительностью машины,* что *очень большое число чесальщиков навсегда потеряло работу»* (стр. 16).

«*Увеличение числа мужчин, занятых на камвольных фабриках,* несомненно, в известной мере объясняется тем, что процесс «чесания шерсти» ныне, с введением чесальных машин, весьма широко совершается *на фабриках»* (это, следовательно, служит иллюстрацией к пункту *в*); «а большой процент мужчин, занятых на *шерстяных фабриках,* объясняется тяжестью материала и, следовательно, трудностью работы в *аппретурном и отделочном цехах фабрики»* (там же, стр. 19—20).

«Цифры показывают», — говорится в том же отчете, — «что с 1835 года число детей весьма значительно уменьшилось на *шерстяных* и *льняных* фабриках, в то время как на камвольных фабриках оно постепенно увеличивалось. Уменьшение числа детей на шерстяных и льняных фабриках следует объяснить *введением машин, которое теперь быстро распространяется, совершенно вытесняя детский труд»* (это *результат* закона о десятичасовом рабочем дне). «Увеличение числа детей, занятых в настоящее время на *камвольных* фабриках, является не следствием *повышенного спроса* на труд несовершеннолетних, а результатом *огромного развития камвольного производства* в течение последних двадцати лет... Наибольшее количество детей занято на камвольных фабриках — здесь их вдвое больше, чем на хлопчатобумажных фабриках, — а наименьшее их количество на льняных фабриках» (там же, стр. 19).

Так как *шелковые* и *камвольные* фабрики являются единственными, на которых мы при сопоставлении данных за 1856 и 1861 годы находим *абсолютное* (а не только *относительное*) сокращение числа занятых рабочих, то этот факт стоит рассмотреть подробнее.

Однако прежде чем мы это сделаем, приведем из *упомянутого выше отчета* еще следующее замечание относительно *распрост-*

ранения машин или, вернее, машин, приводимых в движение механической энергией.

«*Применение механической энергии к машинам*, которые до этого *приводились в движение рукой, происходит почти ежедневно... Незначительные усовершенствования в машинах*, имеющие своей целью *экономию энергии*, улучшение качества продукции, *увеличение производства продукции за единицу времени* или *замещение труда ребенка, женщины или мужчины, имеют место* [XIX—1225] *постоянно;* и хотя порой они кажутся не заслуживающими внимания, тем не менее приводят к довольно значительным результатам» (там же, стр. 15).

Там же мы читаем:

«Ни одно *механическое изобретение* последних лет не вызвало столь большого *переворота в способе производства* [mode of manufacture] и, *в конечном счете, в жизненном укладе рабочих, как создание прядильной машины «Дженни» и гребённой прядильной машины»* (там же).

Здесь правильно выражена действительная связь. «Механическое изобретение». Им вызван «переворот в *способе производства*» (Produktionsweise) и отсюда — в производственных отношениях, следовательно, — в социальных отношениях и, «в конечном счете», — «в *жизненном укладе* рабочих».

«*Применение механической энергии к ткацкому станку* явилось причиной наибольшего отклонения труда от своего старого русла, — отклонения, к которому в последнее время привлечено общественное внимание. Страдания ткачей, работающих на ручных ткацких станках, сделались объектом специального обследования королевской комиссией, но улучшение условий их жизни, несмотря на то что их крайняя нищета была подтверждена и вызвала сожаление, было предоставлено — и, вероятно, это было неизбежно — воле случая и ходу времени, которое, как можно теперь надеяться, *почти* устранило эту нищету и, весьма возможно, именно благодаря *широкому распространению в настоящее время механического ткацкого станка*. Точно установить число ручных ткацких станков никогда не было возможным, но имеется оценка, согласно которой число ткачей, работающих на ручных ткацких станках, вместе с их семьями составляло в 1838 году около 800 000 человек. К этому времени *паровая энергия применялась почти исключительно* для *хлопчатобумажных* ткацких станков или на фабриках, работающих на сырье, смешанном с хлопком. Но непосредственно вслед за этим наступил быстрый рост числа механических ткацких станков для производства всех тканей: шерстяных, камвольных, льняных и шелковых, и этот рост продолжается вплоть до настоящего времени» (там же).

Об *увеличении числа фабрик* (по данным, приводимым в том же отчете от 31 октября 1856 года, к которым я добавляю данные за период 1856—1861 годов) говорится следующее:

«Среднегодовой рост числа фабрик с 1838 по 1850 год» (12 лет) «составлял 32, тогда как с 1850 по 1856 год он равнялся 86» (а с 1856 по 1861 год {*исключая* только что возникшие пеньковые и джутовые фабрики, а также «механические» трикотажные фабрики} — *230*). «В первый период» (1838—1850 годы) «имело место увеличение числа только фабрик, производивших

хлопчатобумажные, шерстяные и *камвольные* ткани, и притом в следующих размерах: *хлопчатобумажных фабрик* — на 6%, *шерстяных фабрик* — на 13%, *камвольных фабрик* — на 20%. В период между 1850 и 1856 годом происходило *увеличение* числа, *главным образом, хлопчатобумажных* и *шелковых* фабрик. Общее увеличение *хлопчатобумажных фабрик* произошло на 14,2%, *шерстяных* — на 5%, *камвольных* — на 4,7%, *льняных* — на 6,1%, *шелковых* — на 66,0%» (там же, стр. 12).

[XIX—1226] В период с 1856 по 1861 год имел место следующий рост числа фабрик: *хлопчатобумажных* — на 13%, *шерстяных* — на 11%, *камвольных* — на 1%; число *льняных* фабрик уменьшилось на 5%, а *шелковых* возросло на 67%.

Таким образом, заслуживает внимания то, что 1) *число льняных фабрик* за период с 1856 по 1861 год сократилось приблизительно на 5%, или на 18 фабрик за 5 лет (сокращение в среднем имело место ежегодно). Это свидетельствует о *концентрации*. С другой стороны, 2) в *шелковой* промышленности, в которой имел место наибольший рост числа фабрик, мы видим *уменьшение численности рабочих;* та же картина на *камвольных* предприятиях.

Льняные фабрики

	Число фабрик	Число веретен	Число ткацких станков	Энергия	Число занятых
1850	393	1 061 100*	3 670	14 292	68 434
1856	417	1 542 900*	7 689	18 322	80 262
1861	399	1 216 674	14 792	36 081	87 429

Число веретен подлежит *проверке*. Здесь, таким образом, имеет место огромная концентрация. Количество используемой энергии за 5 лет [1856—1861 гг.] почти удвоилось, т. е. возросло почти на 100%. Число же занятых рабочих возросло приблизительно на 8%. Число фабрик сократилось.

В *камвольной* промышленности рост числа фабрик весьма незначителен (на 1%) и имеет место сокращение числа рабочих.

Камвольные фабрики

	Число фабрик	Число веретен	Число ткацких станков	Энергия	Число занятых
1850	501		32 617	11 515	79 737
1856	525		38 956	14 904	87 794
1861	532	1 289 172	43 048	28 204	86 063

* Это число в рукописи зачеркнуто. *Ред.*

Эти цифры служат очень хорошей иллюстрацией. Совершенно такой же, какую представляют данные о льняных фабриках.

Шелковые фабрики

	Число фабрик	Число веретен	Число ткацких станков	Энергия	Число занятых
1850	277		6 092	3 711	42 544
1856	460		9 260	5 176	56 137
1861	771	1 338 544	10 709	7 050	52 429

Эта иллюстрация очень хороша.

[XIX—1227] *Концентрация.*

«Теперь» (в 1856 году) «имеется лишь на 8 шерстяных фабрик больше, чем в 1850 году, и тем не менее количество энергии, используемой на шерстяных фабриках, увеличилось за тот же самый период на 3 757 лошадиных сил» (там же, стр. 13).

Экономия энергии. В том же отчете фабричных инспекторов от 31 октября 1856 года читаем:

«Как ни значителен рост используемой [согласно отчетам] энергии — на 59 366 л. с. за время с 1838 по 1856 год, — все же он намного меньше действительной добавочной энергии, пригодной для использования и фактически используемой для целей производства. В отчете за 1838 год число паровых двигателей и водяных колес указано вместе с количеством применяемых лошадиных сил. В те времена такого рода сведения давали значительно более точную оценку действительно используемой энергии, чем соответствующие цифры в отчетах за 1850 или 1856 год. Все цифры, приводимые в этих последних отчетах, указывают *номинальную* мощность паровых двигателей и водяных колес, а не мощность, фактически используемую или могущую быть использованной. Современный паровой двигатель в 100 лошадиных сил способен *развивать гораздо бо́льшую мощность, чем прежний, благодаря усовершенствованиям в его конструкции, благодаря емкости и конструкции котлов* и т. д.; таким образом, номинальная мощность современного фабричного парового двигателя может служить не больше, чем показателем, дающим возможность исчислить его действительную мощность» (стр. 13—14).

В отчете за октябрь 1852 года г-н Хорнер цитирует письмо *Джемса Несмита,* знаменитого гражданского инженера из Патрикрофта близ Манчестера, в котором довольно подробно излагается характер *новейших усовершенствований в паровом двигателе,* благодаря которым *тот же двигатель можно заставить выполнять большее количество работы при уменьшенном потреблении топлива.* В конце письма говорится:

«Не очень легко было бы получить точные данные об увеличении мощности или работы тех двигателей, к которым были применены некоторые

или все упомянутые усовершенствования; но я уверен в том, что если бы мы обладали этими точными данными, то было бы видно, что в настоящее время мы получаем от паровых двигателей того же самого веса в среднем *по меньшей мере* на 50% больше работы, чем раньше, и что во многих случаях, как уже было упомянуто, *одинаковые паровые двигатели*, совершавшие во времена предельной скорости в 220 футов в минуту полезную работу мощностью в 50 лошадиных сил, теперь дают свыше 100» (там же, стр. 14) [137].

Далее, в отчете от *31 октября 1856 года* читаем:

«Тот факт, что номинальная мощность парового двигателя, выраженная в лошадиных силах, представляет собой не более как показатель ее действительной мощности, становится еще более очевидным при сопоставлении энергии и машинного оборудования, использованных в 1850 и в 1856 году. В 1850 году на фабриках Соединенного Королевства применялось 134 217 номинальных лошадиных сил энергии, приводившей в движение 25 638 716 веретен и 301 445 ткацких станков. В 1856 году число веретен и ткацких станков составляло соответственно 33 503 580 и 369 205; если бы на одну номинальную лошадиную силу в 1856 году приходилось столько же веретен и ткацких станков, как в 1850 году, то в 1856 году потребовалась бы энергия мощностью в 175 000 лошадиных сил, тогда как фактическая энергия, указанная в отчете за 1856 год, составляет 161 435 лошадиных сил, т. е. на *10 000 л. с.* с лишним меньше, чем ее требовалось бы для фабрик в 1856 году на основе расчетов по данным 1850 года. Число занятых, приходящееся на одну номинальную лошадиную силу, является точно таким же, как в 1838 и в 1850 году, [XIX—1228] т. е. составляет 4 человека» (там же, стр. 14—15).

Отчет фабричных инспекторов *от 31 октября 1856 года* подытоживает общий обзор следующими словами:

«Таким образом, факты, приведенные в отчете, дают основание заключить, что фабричная система находится в процессе быстрого развития; что хотя в настоящее время на одну лошадиную силу приходится то же самое число рабочих, что и в прежние периоды, количество рабочих рук по сравнению с машинами уменьшилось; что *паровой двигатель* благодаря экономии энергии и другим методам *способен теперь привести в движение возросшую по весу массу машин* и что в результате *усовершенствований машин* и методов производства, благодаря увеличению *скорости хода машин* и множеству других причин *может быть выполнено возросшее количество работы*» (там же, стр. 20).

Детский труд.

«*Статьи фабричного закона, касающиеся обучения*, встречают у владельцев фабрик враждебное отношение» («Reports of the Inspectors of Factories for the half year ending 31st October 1856», p. 66, отчет *сэра Джона Кинкейда*).

(Нужно прочитать эти отчеты, чтобы убедиться, в какой «гротескной» форме выполняются статьи фабричного закона о школьном обучении, предписывающие ежедневное обучение в школе в течение нескольких часов.)

«Дети, работающие на хлопчатобумажных, шерстяных, камвольных и льняных фабриках, обязаны посещать школу с 8-летнего возраста

и до 13 лет. Дети же, работающие на шелковых фабриках и занимающиеся кручением шелка, освобождаются от посещения школы в 11-летнем возрасте и с этого возраста работают полный рабочий день. Даже это весьма умеренное применение системы работы в течение половины рабочего дня было установлено только фабричным законом 1844 года, а до этого времени фабриканты практически были полностью освобождены от каких бы то ни было ограничений в применении детского труда» (там же, стр. 77, отчет г-на *Александра Редгрейва*).

«Так называемые статьи об обучении, имеющиеся в фабричных законах, требуют лишь того, чтобы дети посещали школу... До издания закона 1844 года нередко встречались удостоверения о посещении школы, на которых учитель или учительница вместо подписи ставили крестик, потому что сами не умели писать. При моем посещении одной так называемой школы, выдающей такие свидетельства, я до того был поражен невежеством учителя, что спросил его: «Простите, сэр, Вы умеете читать?» — «*В общем, да*», — был его ответ. В обоснование своего права выдавать удостоверения он добавил: «Во всяком случае я знаю больше, чем мои ученики». Когда разрабатывался закон 1844 года, фабричные инспектора не преминули нарисовать картину того позорного состояния, в котором находились так называемые школы, чьи удостоверения они должны были принимать в качестве доказательства выполнения закона. Но всё, чего они добились, заключалось в том, что после вступления в силу закона 1844 года цифры в школьных удостоверениях должны были быть написаны *рукой учителя, который также должен был их подписывать своим полным именем и фамилией*» («Reports of the Inspectors of Factories for the half year ending 31st October 1855», р. 18—19, отчет *Леонарда Хорнера*).

[XIX—1229] Жалкий апологет *Маколей* в своей «The History of England» (Vol. I. Tenth edition. London, 1854, стр. 417) говорит следующее:

«Обычай преждевременно засаживать детей за работу... господствовал в XVII веке в степени, почти невероятной для *тогдашнего состояния промышленности*. В Норидже, главном центре суконной промышленности, маленькое существо шести лет считалось способным к труду. Различные авторы того времени — а среди них многие почитались в высшей степени благомыслящими — с восторгом упоминают о том, что в одном этом городе трудом малолетних детей создается богатство, составляющее сверх их собственного содержания 12 000 ф. ст. в год. Чем обстоятельнее изучаем мы историю прошлого, тем более оснований находим не соглашаться с мнением тех, кто считает, что наш век плодовит новыми социальными бедствиями. На самом деле все эти бедствия, за небольшим исключением, стары. Что ново, так это образованность, вскрывающая эти бедствия, да гуманность, исцеляющая их».

«Обвинять приходится только законодательную власть, потому что она издала *обманчивый закон*, который, заботясь для вида об *образовании* детей, занятых на фабриках, не содержит ни одного положения, обеспечивающего достижение этой цели. Он не предписывает ничего, кроме того чтобы в определенные дни недели дети были заперты на определенное число часов» (на 3 часа) «в день в четырех стенах помещения, именуемого школой, и чтобы хозяин ребенка еженедельно получал удостоверение об исполнении этого от лица, которое подписывается в качестве учителя или учительницы» («Reports of the Inspectors of Factories for the half year ending 31st October 1857», р. 17, отчет *Леонарда Хорнера*).

В том же самом отчете (стр. 17 и 18) Хорнер пишет следующее:

«Однако подобная практика, при которой дети получают школьные удостоверения, но не получают никакого образования, наблюдается не только в таких жалких углах, — существует много школ с достаточно подготовленными учителями, но их усилия приносят мало пользы вследствие умопомрачительного смешения детей всех возрастов, начиная с трехлетнего. Материальное положение учителя, в лучшем случае нищенское, всецело зависит от тех грошей, которые он получает от своих учеников, и он получает их тем больше, чем больше детей удается набить в одну комнату. К этому присоединяется скудная школьная обстановка, недостаток книг и других учебных пособий и удручающее действие спертого и отвратительного воздуха на бедных детей. Я побывал во многих таких школах, видел множество детей, которые абсолютно ничего не делали; и это удостоверяется как посещение школы, и такие дети фигурируют в официальной статистике как получающие образование».

«Система половинного рабочего дня [для детей] привела, по-видимому, к тому, что фабриканты стали применять минимальное количество таких детей, на которых она должна была бы распространяться» (там же, стр. 87, отчет *г-на Александра Редгрейва* от 30 июня 1857 г.).

Вот прекрасная иллюстрация состояния образования на *ситценабивных фабриках* (до того как эти фабрики были полностью подчинены фабричному закону, т. е. до 1861 года?).

[XIX—1230] «Посещение школ детьми, работающими на ситценабивных фабриках, организовано следующим образом: каждый ребенок перед поступлением на фабрику должен посещать школу по меньшей мере в течение 30 дней и не меньше 150 часов в течение 6 месяцев, непосредственно предшествовавших дню его поступления на фабрику. За время своей работы на фабрике он также должен посещать школу в течение 30 дней, или 150 часов в каждое полугодие, начиная с первого дня его поступления на работу. Посещение школы должно происходить между 8 часами утра и 6 часами вечера. Посещение, продолжавшееся менее $2^1/_2$ часов или сверх пяти часов в течение одного дня, не засчитывается в эти 150 часов. При обычных обстоятельствах дети посещают школу утром и вечером в течение 30 дней, по 5 часов в день, и по истечении 30 дней, набрав установленные 150 часов и — как выражаются они сами — «покончив со своей книгой», опять возвращаются на фабрику, где продолжают работать в течение шести месяцев, пока не наступит новый период обязательного посещения школы, и тогда они опять ходят в школу, пока снова не покончат со своей книгой... Очень многие дети, посещавшие школу на протяжении предписанных 150 часов, по истечении шести месяцев работы на фабрике возвращаются в школу с такими же знаниями, с какими они впервые пришли в школу как фабричные мальчики... Они забывают все, что приобрели за время своего предыдущего посещения школы» («Reports of the Inspectors of Factories for the half year ending 31st October 1857», p. 41—42, отчет *Александра Редгрейва*).

«На других ситценабивных фабриках посещение школы поставлено в полную зависимость от хода дел на фабрике, от ее потребностей. Требуемое количество часов посещения школы за каждый полугодичный период образуется суммированием 3—5-часовых посещений, которые распределяются, быть может, на все полугодие... Например, один день ребенок посещает школу с 8 до 11 часов утра, другой день — с 1 до 4 часов дня, затем в течение нескольких дней ребенок вовсе не появляется в школе, после

чего снова приходит туда и сидит, скажем, с 3 до 6 часов вечера. После этого он три-четыре дня или неделю подряд ходит в школу, затем не появляется там в течение трех недель или месяца и затем снова возвращается в школу на несколько часов в те дни и часы, когда предприниматель случайно в нем не нуждается. И таким образом ребенка, так сказать, швыряют то туда, то сюда, из школы на фабрику, с фабрики в школу, пока не наберутся требуемые 150 часов» (там же, стр. 42—43).

Влияние закона о десятичасовом рабочем дне на повышение интенсивности труда.

«Крупные усовершенствования, сделанные во всякого рода машинах, значительно повысили их производительную силу; стимулом для этих усовершенствований, *в особенности тех из них, которые были направлены на увеличение числа оборотов машин в единицу времени,* несомненно, *послужило ограничение рабочего времени.* Эти усовершенствования [XIX—1231] *и более интенсивный труд, ставший возможным для рабочих,* имели своим результатом то..., что в течение более короткого рабочего дня выполняется тот же объем работы, который обыкновенно выполнялся в течение более продолжительного рабочего времени» («Reports of the Inspectors of Factories for the half year ending 31st October 1858», p. 10, *отчет Л. Хорнера*).

«*Комиссия по обследованию условий детского труда,* отчеты которой публиковались в течение нескольких лет, обнаружила много ужасающих фактов, *и притом таких, которые еще продолжают иметь место;* некоторые из них значительно хуже, чем те, в которых когда-либо обвиняли ситценабивные и другие фабрики» (там же).

Концентрация.

По данным парламентских отчетов *главная отрасль шотландской промышленности* в течение 20 лет, между 1835 и 1857 годом, развивалась следующим образом:

Льняные фабрики

Годы	Число фабрик	Число работающих		
		Мужчины	Женщины	Всего
1835	170	3 392	10 017	13 409
1857	168	8 331	23 391	31 722

«Приведенные данные по льняной промышленности показывают сокращение числа фабрик на две единицы при большом увеличении числа занятых рабочих — на 18 313; это свидетельствует о масштабах вытеснения мелких фабрик более крупными в течение указанного периода» (там же, стр. 30, *отчет сэра Джона Кинкейда*).

В том же самом отчете Кинкейд рассказывает об одной школе:

«Школьное помещение имело около 15 футов в длину и 10 футов в ширину, и на этом пространстве мы насчитали 75 детей, которые во всю глотку кричали что-то непонятное» (там же, стр. 32).

Возраст детей и те хитрости, к которым прибегают, чтобы отделаться от двух смен по половине рабочего дня.

«Владелец фабрики нуждается в детском труде и получает его в соответствии с предписаниями закона. Вопрос о *действительном возрасте* ребенка является одним из тех, которые мало волнуют его. В детских руках его интересует лишь *сила*, позволяющая им выполнять соответствующую работу. Если ребенок обладает такой силой, то вопрос возникает не о том, достиг ли он такого возраста, при котором закон освобождает нанимателя от обязанности посылать его в школу и ограничивать часы его работы половиной рабочего дня. Вопрос возникает лишь о том, согласится ли врач, выдающий удостоверения, признать его достаточно взрослым по внешнему виду и выдать удостоверение, разрешающее нанимать его на фабрику на полный рабочий день... Мое внимание привлекло объявление, появившееся в местной газете одного из значительных промышленных городов в моем округе. Вот копия этого объявления: «Требуется 12—20 мальчиков в таком возрасте, *чтобы они могли сойти* за 13-летних... Заработная плата 4 шиллинга в неделю. Обратиться к ...»» (там же, стр. 40—41, отчет [XIX—1232] *Александра Редгрейва*).

«Таким образом, здесь часто встречаются два противника системы школьного обучения, основанной на работе в течение половины рабочего дня: родители, которые стараются, чтобы их дети получали заработную плату за полный рабочий день, и фабрикант, который ищет рабочих на целый день. Большинство фабрикантов, если характер работы позволяет это и если имеется достаточное предложение со стороны взрослых рабочих, предпочитает обходиться без детей, работающих половину рабочего времени, т. е. без детей моложе 13 лет... *Владельцы текстильных фабрик* были, так сказать, выделены в особую группу среди всех прочих фабрикантов, применяющих у себя детский труд» (там же, стр. 42).

{Ибо на этих фабриках раньше, чем где-либо, развилась фабричная система со всеми своими отвратительными сторонами. *Комиссия по обследованию условий детского труда* была создана, собственно говоря, по настоянию этих фабрикантов, желавших доказать, что в других отраслях промышленности — в каменноугольной, стекольной, фарфоровой и т. д. — царят такие же и еще большие гнусности.}

«Предприниматели без необходимости не станут сохранять две смены детей, не достигших 13-летнего возраста, если бы они могли получить достаточное количество пригодных для нужной им работы детей старше 13 лет. И в самом деле, фабриканты одной отрасли — шерстопрядильщики — теперь редко применяют труд детей моложе 13 лет, т. е. детей, *работающих половину рабочего дня [half-times]*».

(Хороший способ выражения: рабочие рассматриваются только с точки зрения времени: рабочие, работающие полный день, или рабочие, работающие половину рабочего дня [full-times oder half-times].)

«*Они ввели* усовершенствованные и новые машины различных видов, полностью устраняющие необходимость применения детского труда; в качестве примера я упомяну один процесс..., в котором в результате

*

присоединения к существующим машинам аппарата, называемого *сучильной машиной,* труд 6 или 4 — в зависимости от особенностей каждой машины — детей, работающих половину рабочего дня, *может быть выполнен одним подростком. Усовершенствование машин* имеет своей целью сократить применение ручного труда, обеспечить выполнение той или иной операции или завершение того или иного звена производственного процесса не человеческим аппаратом, а аппаратом, сделанным из железа; и несомненно, система половинного рабочего времени в известной мере стимулировала изобретение «сучильной машины»» (там же, стр. 42—43).

Бейнс (из Блэкберна, в то время — в 1857 году — мэр этого города) говорит в одной из своих лекций 1857 года о статистике хлопчатобумажной промышленности:

«Каждая реальная механическая лошадиная сила [138] приводит в движение 450 автоматических мюльных веретен с соответствующим подготовительным оборудованием, или 200 ватерных веретен, или 15 механических ткацких станков для 40-дюймовой ткани вместе с мотальным, сновальным и шлихтовальным оборудованием. Каждая лошадиная сила в прядильной промышленности дает занятие $2^1/_2$ рабочим, а в ткацкой промышленности — 10 рабочим, каждый из которых получает в среднем 10 шилл. 6 пенсов в неделю, считая мужчин, женщин и детей, в том числе детей, работающих половину рабочего дня... В среднем *в прядильном производстве получается по 13 унций пряжи на веретено...*» [*Baynes.* The Cotton Trade. Blackburn — London, 1857, стр. 48—49].

Энергия воды и энергия пара.

«В первый период существования текстильных предприятий их местонахождение зависело от наличия потока воды с достаточно сильным падением, чтобы вращать водяное колесо, и *хотя устройство таких фабрик, использующих энергию падающей воды, явилось началом разрушения домашней системы промышленности,* тем не менее эти фабрики, по необходимости расположенные около водных потоков и нередко на значительном расстоянии одна от другой, представляли элементы *скорее сельской, чем городской системы;* и только [XIX—1233] когда сила пара заменила силу воды, *фабрики стали сосредоточиваться в городах и в тех местностях,* где в достаточном количестве имелись уголь и вода, необходимые для производства пара. *Паровой двигатель породил промышленные города,* и потому быстрый рост некоторых городов и возникновение других относятся к сравнительно недавнему времени» («Reports of the Inspectors of Factories for the half year ending 30th April 1860», p. 36, отчет *Александра Редгрейва*).

На *прядильной фабрике* выполняются многие процессы,

«начиная с первоначальной сортировки сырья и до окончательного изготовления пряжи: чесание, трощение, вытягивание, скручивание, прядение, присучивание и т. д. Напротив, в ткацком производстве *все выполняется в одном процессе* — в ткачестве, которое к тому же требует *рабочих только одной категории*» [139].

Закон 1860 года о белильнях и красильнях (вступил в силу с 1 апреля 1861 года).

«*На большинстве хлопчатобумажных, камвольных и шелковых фабрик истощающее состояние возбужденности, необходимой* для работы у *ма-*

щин; движение которых за последние несколько лет чрезвычайно ускорилось, было, по-видимому, одной из причин *увеличения смертности от легочных болезней,* на которое указал д-р Гринхау в своем последнем замечательном отчете» («Reports of the Inspectors of Factories for the half year ending 31st October 1861», p. 25—26, отчет *Роберта Бейкера*).

На основе данных отчета д-ра Гринхау можно сопоставить смертность от легочных болезней, существующую в районах шелковой промышленности, прочих текстильных и других отраслей промышленности, где широко применяется труд женщин и детей, со смертностью в нормальных для здоровья (сельских) округах Англии:

Процент взрослых мужчин, занятых в промышленности	Смертность от легочных заболеваний на каждые 100 000 мужчин	Название округов	Смертность от легочных заболеваний на каждые 100 000 женщин	Процент взрослых женщин, занятых в промышленности	Род занятий женщин
14,9	598	Уиган	644	18,0	Хлопчатобумажные ткани
42,6	708	Блэкберн	734	34,9	То же
37,3	547	Галифакс	564	20,4	Камвольные ткани
41,9	611	Брадфорд	603	30,0	То же
31,0	691	Маклсфилд	804	26,0	Шелковые ткани
14,9	588	Лик	705	17,2	То же
36,6	721	Сток-на-Тренте	665	19,3	Гончарные изделия
30,4	726	Вулстантон	727	13,9	То же
	305	Восемь округов с нормальным уровнем здоровья	340		

[XIX—1234] «Из этой таблицы видно, что в каждом промышленном округе и в каждой отрасли промышленности средняя смертность как мужчин, так и женщин более чем в два раза выше средней смертности в восьми округах с нормальным уровнем здоровья... По-видимому, этот результат не может быть объяснен ни моральными, ни климатическими причинами, и, таким образом, подтверждается мнение, высказанное д-ром Гринхау и другими обследователями, — о том, что скученность рабочих серьезно влияет на состояние их здоровья и в конечном счете ведет к росту смертности» (там же, стр. 28).

«*В шелковой промышленности* в период 1844—1850 годов ежедневное рабочее время детей в возрасте свыше 11 лет» (от 11 до 13 лет) «было

ограничено, за исключением субботы, 10 часами, а *до* этого времени» (с 1833 года) «9 часами; законом 1850 года для детей старше 11 лет, занятых на наматывании и кручении шелка, рабочий день устанавливался в $10^1/_2$ часов. Это — под тем предлогом, что труд в шелковой промышленности якобы легче» и т. д. [там же, стр. 26].

«Но одно, по-видимому, совершенно ясно, а именно, что утверждение, сделанное в 1850 году относительно шелковой промышленности, которая будто бы является более здоровым видом труда, нежели труд на других текстильных фабриках, — не только совершенно бездоказательно, но имеются доказательства как раз обратного» (там же, стр. 27).

В *1833 году* труд женщин и детей был ограничен *12 часами в день,* причем для полного применения этого закона по отношению к детям был установлен срок в *три года.*

Квартальный отчет о движении браков, рождений и смертей, зарегистрированных в областях, графствах и округах Англии, опубликованный за подписью генерального регистратора *28 октября* 1857 года, содержит следующий абзац:

«Г-н Ли из подрайона Динзгейт делает следующие рассудительные замечания, которые заслуживают пристального внимания со стороны жителей *Манчестера. Весьма печальна там жизнь ребенка.* Число рождений — 266, смертей — 254. Общее число смертей, за исключением насильственных и скоропостижных, составляет 224, и из этого числа 156 приходится на детей, не достигших пятилетнего возраста; так что смертность у взрослых составляла только 68. Такого большого удельного веса детской смертности я никогда не знал. Очевидно, что в то время как обычные обстоятельства, затрагивающие жизнь взрослых, пока что в значительной мере не проявляли своего действия, обстоятельства, влияющие на существование самых юных, ополчились против них активнейшим образом. Из общего числа умерших детей не менее 76 умерли от поноса, 14 — от коклюша, 6 — от скарлатины, 6 — от кори и 1 — от оспы. 87 из этих детей умерли в возрасте до одного года. Запущенный понос, душная теснота в плохо проветриваемых комнатах при коклюше, отсутствие должного питания и *свободное применение опиумной настойки,* ведущее к общему истощению и припадкам, а также к водянке головного мозга и кровоизлиянию в мозг, — все это должно объяснить, почему с уменьшением числа причин, вызывающих болезни среди взрослых людей, смертность в целом все еще так высока» («Quarterly Return of the Marriages, Births, and Deaths», № 35, р. 6).

* * *

[XIX—1235] При исследовании относительной прибавочной стоимости речь идет о том, как посредством увеличения производительности труда сокращается необходимое рабочее время и тем самым увеличивается прибавочное рабочее время и, следовательно, достающаяся капиталу прибавочная стоимость. Возросшая производительность труда означает удешевление товаров, которые входят в потребление рабочих и стоимостью которых определяется стоимость рабочей силы. В условиях применения машин сюда присоединяется еще то, что вместо дешевых

средств труда появляются дорогие. Таким образом, здесь должен быть рассмотрен, учтен постоянный капитал, так как здесь в него входит новый элемент (входящий также и в процесс образования стоимости). Силы природы не стоят ничего; они входят в процесс труда, не входя в процесс образования стоимости; но первичные двигатели, на которые воздействуют силы природы или посредством которых они становятся пригодными для процесса труда, имеют стоимость. Содержащийся в постоянном капитале прошлый труд точно так же образует часть стоимости товара, как и живой труд, полученный в обмен на переменный капитал. Если бы, с одной стороны, необходимое (живое) рабочее время было сокращено посредством увеличения производительности живого труда, в то время как, с другой стороны, часть стоимости товара, присоединенная в результате применения машин, возросла бы в той же самой или в большей мере, то товар вздорожал бы вместо того чтобы подешеветь, и, таким образом, несмотря на более высокую производительность живого труда, никакой добавочной прибавочной стоимости создано не было бы; напротив, прибавочная стоимость уменьшилась бы. Поэтому уже здесь [в разделе об относительной прибавочной стоимости] необходимо в определенной степени рассмотреть вопрос о том, *какова* в совокупной стоимости товара *доля* присоединяемой к товару, к продукту стоимости машин.

С другой стороны, в случае повышения производительной силы труда, вызванного *простой кооперацией* и *разделением труда*, ясно, во-первых, что постоянный капитал *не* увеличивается по отношению к товару; во-вторых, что, помимо более высокой производительности живого труда и проистекающего отсюда уменьшения стоимости единицы продукта, имеет место *также удешевление товара* вследствие *экономии* постоянного капитала (а именно, вследствие совместного использования постоянного капитала, такие части которого, как здания, отопление, освещение и т. д., не растут по своей массе так, как растет масса живого труда, которой они одновременно служат в качестве общих вещественных условий труда). Коль скоро в результате этого товар удешевляется (помимо его удешевления, проистекающего из более высокой производительности живого труда самой по себе), указанное обстоятельство может быть здесь упомянуто, хотя подробнее мы рассмотрим его лишь в разделе о капитале и прибыли.

Для капиталистического производства характерно как раз то, что если даже *общественные* черты труда, повышающие его производительную силу, выступают как *чуждая* по отношению к самому труду сила, как вне его находящиеся *условия*, как

свойства и условия не самого труда — ибо рабочий противостоит капиталу всегда как обособленный рабочий, находящийся вне общественной связи со своими товарищами по работе, — то это в еще большей мере верно prima facie * относительно *вещественных* условий этого общественного труда. Следовательно, рассмотрение их с капиталистической точки зрения представляется как рассмотрение *обстоятельств,* касающихся только капитала, проистекающих из него и заключенных в нем; *обстоятельств, которые* совершенно не касаются рабочего, хотя только эта *общественная* форма самого труда превращает указанные внешние условия из таких, которые существуют разрозненно для отдельного рабочего, в общественные, в концентрированные, которые в результате концентрации в пространстве и во времени и *совместного* применения их кооперированными рабочими могут применяться *более экономично.* Только благодаря этому они могут использоваться так, что их более высокая эффективность в процессе труда сопровождается меньшими издержками на них, т. е. меньшим потреблением их стоимости, меньшим вхождением их в процесс образования стоимости.

При рассмотрении применения машин особенно наглядно обнаруживается то, как отчужденность между этими условиями труда и характером самого труда фиксируется в *сознании капиталиста* и делается фактором, направленным против рабочего.

Но это есть лишь дальнейшее следствие и дальнейшая реализация того *антагонизма,* который составляет сущность [XIX—1236] капиталистического производства и который поэтому был охарактеризован уже при рассмотрении абсолютной прибавочной стоимости.

Для капиталистического производства характерно вообще то, что условия труда противостоят живому труду как нечто самостоятельное, персонифицированное, что не рабочий применяет условия труда, а условия труда применяют рабочего. Именно поэтому последние становятся *капиталом,* а товаровладелец, которому они принадлежат, противостоит рабочему как *капиталист.* В действительном процессе труда эта обособленность условий труда по отношению к живому труду, конечно, прекращается, но совокупный процесс труда есть процесс капитала, процесс, заключенный в капитале. Поскольку рабочий выступает в этом процессе как *труд,* он сам является моментом капитала. [XIX—1236]

* — прежде всего. *Ред.*

* * *

[V—175 *a*] Животворная природная сила труда проявляется в том, что, используя, расходуя материал и орудие, она их сохраняет в той или иной форме, а стало быть, сохраняет также и овеществленный в них труд, их меновую стоимость; как и всякая природная или общественная сила труда, не являющаяся продуктом прошлого труда, или же продуктом такого прошлого труда, который должен быть повторен, она (как, например, историческое развитие рабочего и т. д.) становится *силой капитала,* а не труда. Поэтому она и не оплачивается капиталом, как не оплачивается рабочий за то, что он умеет думать.

Специфическое свойство, которым обладает труд и которое заключается в том, чтобы путем добавления нового количества труда к уже овеществленному труду сохранять его качество как овеществленного труда, — труду не оплачивается, и точно так же ничего не стоит рабочему, так как является природным свойством труда. В *процессе производства* отделение труда от его предметных факторов, от материала и орудия, *прекращается.* На этом отделении покоится существование капитала и наемного труда. Устранение этого отделения, которое действительно совершается в *реальном* процессе производства, капиталистом не оплачивается. К тому же, это устранение происходит не посредством обмена между капиталистом и рабочим, а посредством *самого труда в процессе производства.* Но в качестве такого, *совершаемого в настоящее время* труда труд этот уже сам включен в состав капитала, является его моментом. Эта сохраняющая сила труда выступает, следовательно, как *сила самосохранения капитала.* Рабочий присоединил только лишь новый труд; прошлый труд, в виде которого существует капитал, обладает вечным существованием в качестве *стоимости,* совершенно независимо от его вещественного бытия. Так представляется дело капиталу и рабочему.

«*Источником* прибыли является тот закон материального мира, в силу которого щедрость природы, если ей содействуют и ею управляют труд и искусство человека, вознаграждает труд нации столь богатыми результатами, что он доставляет *избыток продуктов* над тем, что абсолютно необходимо для *возмещения в натуральной форме* потребленного основного капитала» (под которым Рамсей понимает сырье и орудие труда) «и для *увековечивания расы занятых в производстве рабочих*... Достаточно валовому продукту хотя бы чуть-чуть превысить то, что безусловно необходимо для вышеназванных целей, и уже становится возможным отделение от общей массы продукта особого дохода *под названием прибыли, который принадлежит другому классу людей*» (*Ramsay*. An Essay on the Distribution of Wealth. Edinburgh, 1836, стр. 205). [V—175*a*]

* * *

[XIX—1236] При формальном подчинении труда капиталу условия труда не претерпевают дальнейших изменений; они остаются — если рассматривать их вещественную сторону — материалом труда и средством труда. Но при новом способе производства, при той революции в способе производства, которую осуществляет капиталистическое производство, облик этих условий труда изменяется. Они получают новые определения вследствие того, что служат общественно сотрудничающим рабочим в качестве условий. При простой кооперации и в основанной на разделении труда мануфактуре указанная модификация распространяется только на общие условия труда, которые могут использоваться совместно, как, например, здания и т. д. На механической фабрике, основанной на применении машин, она охватывает собственно орудие труда. Так же как при формальном подчинении труда капиталу эти условия труда, а потому и их измененный облик — измененный общественной формой самого труда — остаются для рабочих *чуждым обстоятельством.* В условиях применения машин эта противоположность или даже отчуждение развиваются, как мы позже увидим, в *антагонистическое противоречие.*

Другой вопрос, который мы еще должны здесь разрешить, состоит в следующем: когда мы рассматриваем эти условия труда с точки зрения их *удешевления* при общественной форме труда, то мы это делаем в аспекте удешевления тех *товаров,* которые входят в потребление рабочего, причем это удешевление идентично относительному *обесценению* рабочей силы. Здесь важно то, что совокупное количество труда, входящего в единицу продукта — сумма входящего в него прошлого труда и труда, выполняемого в настоящий момент, — *уменьшается.* В условиях кооперации и разделения труда обнаруживается, что живой труд становится производительнее, что он производит то же самое за более короткое время, причем здесь eo ipso * подразумевается, что проистекающая из постоянного капитала часть стоимости товара не увеличивается. В условиях применения машин это должно быть доказано и доказывается. Но характерное во всех этих трех случаях, коль скоро рассматривается относительная прибавочная стоимость, заключается здесь в том, что живой труд требует *меньше времени* для производства того же самого товара.

Наоборот, в разделе о капитале и прибыли речь не идет ни об *увеличении прибавочной стоимости,* прибавочного рабо-

* — тем самым, само собой. *Ред.*

чего времени, которое, напротив, предполагается как данное, ни об *уменьшении суммы входящего в товар прошлого и живого труда,* а речь идет о том, как *экономия* в применении постоянного капитала влияет на *отношение прибавочной стоимости к стоимости всего авансированного капитала,* в особенности на отношение между затраченными количествами живого и прошлого труда. Эта экономия становится возможной лишь благодаря тем общественным формам, которые труд получает в условиях капиталистического способа производства; напротив, она исключена в условиях разрозненного труда независимых ремесленников или в мелком сельском хозяйстве. Таково различие, возникающее из рассмотрения одних и тех же обстоятельств с разных точек зрения.

* * *

Если мы теперь снова вернемся к машинам, то окажется, что соответствующий им способ производства свое наиболее чистое и наиболее классическое выражение находит в *автоматической фабрике,* где применение машин выступает как применение взаимосвязанной системы машин, как совокупность образующих различные фазы механических процессов, причем все они в качестве совместного двигателя имеют первичный двигатель, приводимый в действие механическим способом посредством сил природы. Во многих сферах производства выступает отдельная [XIX—1237] машина, — либо вместо прежних отдельных ремесленных орудий, либо вместо таких видов труда, которые прежде выполнялись посредством кооперации работников; в последнем случае это, например, земледельческие машины, такие, как сеялки, косилки, молотилки и т. д. Особенно в первом случае [в случае применения отдельной машины вместо прежних ремесленных орудий] вновь выступает ремесленное производство, основанное теперь уже на применении машин, как, например, в случае первоначальной прядильной машины, многих видов ткацких станков, швейной машины и т. д. Однако это основанное на применении машины ремесленное производство теперь выступает лишь как *переход* к крупной промышленности. Или же в условиях основанной на разделении труда мануфактуры (и земледелия) машины вводятся для выполнения отдельных процессов, тогда как другие процессы (хотя и взаимосвязанные с первыми), образуя перерыв в процессе машинного производства, нуждаются в человеческом труде не для контроля за каким-либо механическим процессом, а для осуществления самого производства. Именно таковы мануфактура и крупное земледелие, вновь появившиеся в измененном виде в машинный период.

Автоматическая же фабрика представляет собой завершенный способ производства, соответствующий системе машин, и она является тем более завершенной, чем более совершенную систему механизмов она образует, чем меньше выполнение отдельных процессов (как это имеет место на механических прядильных фабриках, не работающих на сельфакторах) еще нуждается в опосредствовании человеческим трудом.

Машины оказывают *отрицательное* воздействие на способ производства, основанный на *разделении труда* в мануфактуре, и на *создаваемые* на основе этого разделения труда различные *специализации рабочей силы*. Они обесценивают специализировавшуюся таким путем рабочую силу отчасти путем сведения ее к простой, абстрактной рабочей силе, отчасти же путем создания на своей собственной базе новой ее специализации, характерная черта которой состоит в *пассивном подчинении* рабочего движению самого механизма, в полном приспособлении рабочего к потребностям и требованиям этого механизма.

{Пример *Рикардо* (см. «On the Principles of Political Economy, and Taxation», 3rd edition, London, 1821, стр. 469 и следующие) [Русский перевод, том I, стр. 320 и следующие] заключается в следующем:

Предположим, что капиталист применяет капитал стоимостью в 20 000 ф. ст. Из этого капитала 7 000 ф. ст. вложены в основной капитал, а 13 000 ф. ст. применяются как оборотный капитал на содержание труда. Теперь к основному капиталу в 7 000 ф. ст. прибавляются машины на сумму в 7 500 ф. ст. Таким образом, совокупный основной капитал теперь равен 7 000 + 7 500 = 14 500 ф. ст. Следовательно, на оборотный капитал остается 20 000—14 500, т. е. 5 500 ф. ст. Раньше валовой продукт был равен 15 000 ф. ст., следовательно, прибыль составляла 2 000 ф. ст., что равно $^1/_{10}$, или 10% от 20 000 ф. ст.

«Весь тот труд, который раньше применялся при помощи 7 500 ф. ст., теперь оказался бы избыточным» (стр. 471) [Русский перевод, т. I, стр. 321].

Далее Рикардо продолжает:

«*Уменьшенное количество труда*, которое может теперь применить капиталист, должно, конечно, при помощи машины и после вычета издержек по ее ремонту произвести стоимость, равную 7 500 ф. ст., оно должно возместить оборотный капитал с прибылью в 2 000 ф. ст. на весь капитал» (там же).

Иными словами, масса прибавочной стоимости, а потому и норма прибыли (10%) на капитал в 20 000 ф. ст., остается совершенно той же самой, хотя теперь *не применяется и половины прежнего количества труда*. Раньше переменный капитал

был равен 13 000 ф. ст., теперь он составляет только 5 500 ф. ст. Слова «при помощи машины» здесь ничего не значат, так как Рикардо сам разъясняет Сэю, что машина присоединяет к продукту только свою собственную *стоимость* (в меру ее годового износа), но не прибавляет никакой прибавочной стоимости. Рикардо не исследует того, как этот «факт» согласуется с теорией стоимости, которой он *prima facie* * противоречит.}

«*Машина*, или *двигатель*, есть всякое механическое орудие, предназначенное для приведения тел в движение и представляющее собой *сочетание механических сил. Механические силы* — это некоторые *простые орудия*, обычно применяемые для подъема бо̀льших грузов или для преодоления бо̀льших сопротивлений, чем это могло бы быть достигнуто без них с помощью природной силы. Обычно насчитывают шесть такого рода простых орудий, а именно: рычаг, ворот, блок, наклонная плоскость, клин и винт» (*Hutton*. A Course of Mathematics, стр. 174—175).

Механическая фабрика приходит на смену: 1) мануфактуре, основанной на разделении труда; 2) самостоятельному ремесленному предприятию.

Несмотря на то что механическая фабрика: 1) *отрицает* простую кооперацию, коль скоро создаваемую кооперацией силу она заменяет машиной; 2) отрицает *разделение труда*, коль скоро она уничтожает основанную на разделении труда кооперацию, или мануфактуру, — тем не менее в ней самой имеют место как кооперация, так и разделение труда. Первая не требует никакого дальнейшего разъяснения. Необходимо лишь заметить, что поскольку система машин представляет собой материальную основу механической фабрики, простая кооперация играет здесь гораздо более важную роль, чем разделение труда.

[XIX—1238] Но в данном случае речь идет главным образом о том, какого рода разделение труда господствует на механической фабрике в отличие от того разделения труда, которое является характерным для мануфактуры?

Здесь надо различать два случая:

a) Либо, как это имеет место в прядении, в производстве бумаги и т. д., машины развились в систему машин, выполняющих различные процессы, из которых один является определенной фазой для другого. Здесь, естественно, появляется *новое разделение труда*, которое присуще механической фабрике и должно быть рассмотрено особо.

b) Либо *система машин* не имеет места; ведь под такого рода системой мы понимаем не взаимосвязь между двигательной силой, трансмиссионным механизмом и рабочей машиной.

* — на первый взгляд. *Ред.*

Такая взаимосвязь имеет место на *всех* без исключения механических фабриках. Здесь [в случае *b*] опять-таки возможны два случая:

α) Либо ремесленный станок заменяется машиной, как, например, ручной ткацкий станок заменяется механическим ткацким станком или ручной токарный станок — механическим токарным станком. Здесь механическая фабрика прямо заменяет ремесленное предприятие, а такого рода машины могут также вызвать к жизни [для своего производства] некоторое новое ремесленное предприятие. Как только эти машины в своем развитии превратятся в механическую фабрику, так характерной ее чертой становится *кооперация*. Многие из этих машин (приводимые в движение одним и тем же двигателем и связанными с ним трансмиссионными механизмами) работают сообща в одном и том же месте и в одно и то же время, и поэтому им придается масса людей — подручных этих машин, работающих одновременно рядом друг с другом. Будет ли единичная машина такого рода применяться мелким хозяйчиком, имеющим несколько помощников, или же масса таких машин будет работать в одном предприятии, — в обоих случаях место ремесленника, который выполнял различные операции и труд которого представлял собой бо̀льшую или меньшую совокупность работ, заступает одна-единственная машина, одновременно выполняющая эти операции. Место упомянутого ремесленника заступает простой подручный машины. То же самое имеет место на механической фабрике, объединяющей много таких машин. Различие заключается только в том, что в первом случае еще функционировала мускульная сила [человека], поскольку также и при этой машине человек еще оставался первичным двигателем, тогда как на фабрике его заменяет автомат, механический двигатель. Здесь не было никакого разделения труда в нашем понимании. Оно поэтому и не уничтожалось. [В результате применения машин] уничтожается более сложный труд, охватывающий различные виды деятельности, и на место этого более сложного труда ставится *простой машинный труд*. Под *простым машинным трудом* мы понимаем те вспомогательные операции, которые должен выполнять человек, обслуживающий рабочую машину.

β) Если же подобного рода машина замещает мануфактуру, основанную на разделении труда, как это мы показали на вышеприведенных примерах, то это замещение прямо базируется на *отрицании разделения труда*. Та специализация, которой рабочая сила достигла благодаря разделению труда, уничтожается, а рабочая сила тем самым *обесценивается*, поскольку

мануфактура как система требовала иерархии рабочих сил, чтобы более простому труду в одном пункте соответствовал более сложный труд в другом. [В результате применения машин] еще более простой труд замещает такой простой труд, который тем не менее был специфицирован и потому в своей специфицированности, какой бы жалкой она ни была, достигал виртуозности. Мануфактурное предприятие может здесь снова превратиться в ремесленное, т. е. вестись независимыми мелкими хозяйчиками с несколькими помощниками, что, однако, следует все же рассматривать только как *переходную ступень* к механической фабрике.

В той мере, в какой здесь имеет место разделение труда, оно проистекает только из общей структуры механической фабрики; стало быть, прежде всего — из различия между первичным двигателем и рабочей машиной. Первый требует истопников, снабжающих первичный двигатель углем, водой и т. п., а также уборщиков золы и т. д. Занятые такими делами рабочие, число которых ограничено общим количеством работающих на фабрике первичных двигателей, являются всего лишь подсобными рабочими. Принцип разделения труда заключается здесь не в том, что развивается *некая особая* специальность, а в том, что определенные простые операции могут выполняться одним для многих одинаково хорошо как в большом масштабе, так и в малом; например, одна печь одинаково топится как для многих, так и для немногих. Во-вторых, принцип разделения труда проистекает здесь из *машины* как таковой, из тех обслуживающих машину операций, которые имеют своей целью поддерживать ее в постоянной исправности. Следовательно, речь идет о тех рабочих, которым, например, поручена заточка [XIX—1239] кардных машин, или о *прикрепленных* к фабрике механиках и инженерах. Отдельные лица могут быть прикреплены к фабрике в качестве механиков или инженеров только потому, что количество одновременно работающих на фабрике машин велико и, следовательно, постоянно имеется что-то, требующее починки, устранения трения и т. д., так что все рабочее время человека может быть использовано продуктивно. Конечно, это всего лишь несколько человек, которые не выполняют никакого «машинного труда», а прикреплены к фабрике из кругов вспомогательных работников, требующихся для ремонта ее оборудования (машиностроители, мастеровые и т. д.).

Наконец, подсобные рабочие, которые должны выметать мусор, удалять экскременты фабрики и т. д. Это основной вид труда детей («детей» в смысле английских фабричных законов). Эта работа не имеет ничего общего с действительным машинным

трудом. Это всего лишь подсобный труд; здесь нельзя говорить о развитии особой специальности, а только лишь о подсобных операциях, которые не требуют большой силы и не предполагают развития какой-либо специализации. {На *кружевовязальной машине* женщины и дети выполняют машинный труд.} Эти категории рабочих имеются на любой фабрике (механической), а отчасти и в мануфактуре.

Что же касается тех рабочих, которые действительно следят за операциями машины, т. е. составляют подлинный костяк фабрики, то все они выполняют одну и ту же работу, так что здесь нет никакого разделения труда в собственном смысле, а есть простая кооперация, действие которой, однако, в качестве своей экономической основы имеет здесь не кооперацию людей, а то обстоятельство, что для большого количества однородных машин экономия достигается в результате применения общего двигателя и общего передаточного механизма (не говоря уже об экономии на строениях и т. д., свойственной также и мануфактуре, базирующейся на простой кооперации).

И, наконец, коль скоро здесь требуются, во-первых, дети для совершенно простых подсобных работ, затем подростки обоего пола и женщины для собственно машинного труда, то возникает новое разделение труда, которое уже встречается в ремесленном производстве и в условиях покоящегося на кооперации рабского труда, а именно, *надсмотрщики и собственно* рабочие. Это разделение труда возникает из необходимости дисциплины и надзора в армиях рабочих, точно так же как это необходимо и в других армиях, и оно не имеет ничего общего с развитием специализации, разве что специализации по части надзора, командования, придирчивости. В действительности эти надсмотрщики по отношению к рабочим представляют капиталиста. У мелкого ремесленника-хозяйчика, работающего с несколькими подмастерьями, указанный труд по надзору и командованию, дисциплинарная власть неразрывно связаны с его собственным трудом, выполняемым совместно с его подмастерьями. У промышленного капиталиста этот «его» *труд по надзору* выполняется [специальными] работниками в качестве его представителей. Это унтер-офицеры фабрики. По сути дела именно *надсмотрщики*, а не капиталисты осуществляют действительный *труд по надзору*. Такого рода отношения подчинения, субординации вообще характеризуют механическую фабрику, совершенно так же как отношения между неграми-рабами, которые подгоняют рабов, и неграми-рабами, которые работают, характеризуют господствующую тут форму кооперации. Это есть труд по эксплуатации труда.

Как в только что рассмотренном типе механической фабрики, так и в таком ее типе, который основан на той или иной системе машин, — все равно, приходят ли эти фабрики того и другого типа на смену самостоятельному ремеслу или на смену мануфактуре, — часто весьма искусный труд замещается простым машинным трудом, свойственным механической фабрике, и во всех случаях уничтожается специальность.

Теперь мы рассмотрим механическую фабрику, покоящуюся на той или иной *системе машин* [пункт *a* *]. Здесь, конечно, имеет место разделение труда. {Те свойства, которые у данного типа механической фабрики общи с вышерассмотренным типом, которые, следовательно, присущи *механической фабрике вообще*, здесь нет необходимости разбирать повторно.} Материальную основу этого разделения труда составляют различные специализированные машины, которые выполняют особые фазы производственного процесса и к которым поэтому приставлены специально подготовленные и предназначенные исключительно для их обслуживания группы рабочих. Здесь также постоянно формируется основной костяк рабочих [данного предприятия], состоящий из тех рабочих, которые заняты на основной заключительной операции, а не из тех, которые заняты на подготовительных работах или на работах по доделке изделия. На долю детей здесь приходится новый вид подсобной работы, а именно, в том случае, когда переход предмета труда от одной машины к другой осуществляется не самой машиной, [XIX—1240] а носильщиками, которые в сущности представляют собой лишь разносчиков, ноги и руки, опосредствующие переход материала от одной машины к другой. Различия возраста и пола играют здесь главную роль, поскольку выполнение отдельных операций требует несколько большей силы, большего роста и т. д. и, смотря по подлежащему обработке материалу, большей ловкости пальцев, умелости или, особенно при твердых материалах и т. д., большей выносливости.

В мануфактуре работы распределяются в соответствии с иерархической лестницей способностей и сил, смотря по тому, в какой мере они требуются для того, чтобы *пользоваться* орудиями труда, и какая — легче или труднее приобретаемая — степень виртуозности необходима при этом. Определенные телесные и духовные свойства индивидов *используются* здесь таким образом, чтобы посредством их одностороннего развития создать в мануфактуре совокупный механизм, образуемый из самих людей. Здесь же, на механической фабрике остов

* См. настоящий том, стр. 505. *Ред.*

этого совокупного механизма состоит из самих машин различного типа, каждая из которых выполняет особые, следующие друг за другом отдельные процессы, необходимые для совокупного процесса производства. Здесь дело обстоит не так, что особым образом развитая рабочая сила, как виртуоз, пользуется особым орудием труда, а так, что самодействующее орудие нуждается в особых и постоянно к нему прикрепленных слугах. Там [в условиях мануфактуры] рабочий *пользуется* особым орудием труда, здесь особые группы рабочих *обслуживают* различные машины, выполняющие особые процессы. Та иерархия способностей, которая в большей или меньшей степени характеризует мануфактуру, здесь ликвидируется.

Что отличает эту механическую фабрику, так это, напротив, всеобщее *нивелирование* рабочих функций, так что переход рабочих, действительно занятых машинным трудом, от одной машины к другой может быть осуществлен в весьма короткое время и без больших приготовлений. В мануфактуре разделение труда вызывается тем, что особые *операции*, подлежащие выполнению, могут выполняться только особо *специализированной* рабочей силой; следовательно, здесь должно иметь место не только распределение, но и действительное *разделение* труда по группам этих специальностей. На механической фабрике, напротив, *специализируются* именно машины, а одновременно производимая ими работа, хотя и направлена на выполнение последовательных фаз одного и того же совокупного процесса, требует *распределения* между ними особых групп рабочих, каждой из которых постоянно поручаются одни и те же, одинаково простые функции. Это скорее распределение рабочих между *специализированными машинами*, чем разделение труда между *специализированными рабочими силами*. В одном случае специализируется *рабочая сила*, использующая особые орудия труда; в другом случае *специализируются машины*, которые обслуживаются особыми группами рабочих. Не говоря о ранее упомянутых и здесь вновь встречающихся простых подсобных рабочих, главное различие между рабочими состоит здесь в *силе* и *ловкости*. Но когда тут необходимо применять силу, она представляет собой лишь *среднюю силу*, которой обладает каждый *взрослый мужчина* в отличие от женщин и детей. Указанное различие в силе сводится, следовательно, к простому различию пола и возраста. Требуемые же *ловкость* и натренированность пальцев, так же как и быстрая реакция, вообще напряженная внимательность, — обусловлены тем, что скорость обслуживающей машину деятельности рабочего приспосабливается к ее собственной скорости и что несколько таких машин и многие опера-

ции одной машины должны обслуживаться одновременно; например, при связывании нитей. В значительной степени этот род ловкости, — отвлекаясь от того, что главное здесь в тренировке, в привычке, — опять-таки требует не особой специальности, а, например, старательности, свойственной определенным возрастам и присущей неразвитому (юношескому) организму в большей мере, чем организму вполне развившемуся. Все эти действия, выполняемые занятым у машины рабочим, примечательны своей *пассивностью,* своей приспособленностью к операциям и движениям самой машины, подчинением ей. Эта *специализация пассивности,* т. е. уничтожение самой специализации как таковой, является характерной чертой машинного труда. *Усовершенствования внутри самой механической фабрики* направлены на то, чтобы по возможности удалить всякую виртуозность, снова и снова возникающую на ее собственном базисе. Это, следовательно, совсем простой труд, характеризующийся однообразием, бессодержательностью и подчинением машине; мертвящий труд, который, [XIX—1241] как это имеет место и при разделении труда в мануфактуре, требует полного подчинения себе со стороны индивида. Он препятствует развитию специальности, но сам же вновь и вновь специализирует это отсутствие специализации. Здесь отпадает последняя самоудовлетворенность рабочего своим трудом, здесь имеет место абсолютное безразличие, обусловленное самой бессодержательностью этого труда.

В мануфактуре труд является непрерывным. На механической фабрике непрерывным является внимание к работе машины, так же как и обусловленное ее движениями движение рабочего (там, где рабочему приходится вместе с машиной двигаться вперед и назад). Напротив, его действительное вмешательство является случайным, зависящим от того, совершила машина ошибку или нет. Следовательно, подчиненность машине рабочего, как слуги этой машины, является здесь постоянной, тогда как в мануфактуре роль слуги всегда остается за орудием.

В мануфактуре, рассматриваемой как целое, отдельный рабочий образует живую часть совокупной машины, т. е. такой фабрики, которая сама представляет собой состоящий из людей механизм. Напротив, на механической фабрике (т. е. на рассматриваемой здесь фабрике, развившейся в систему машин) человек есть живая принадлежность совокупного организма, существующего вне его в виде машины и автоматической системы машин. Но совокупная система машин состоит из машин, составляющих ее части. Люди здесь всего лишь живая принадлежность, всего лишь сознательные придатки

бессознательной, но единообразно действующей системы машин.

Кооперация (простая) и распределение кооперируемых рабочих по *различным частям* большого совокупного автомата в качестве его подвижных принадлежностей и слуг, подчинение рабочего движениям и операциям машины, к которой он прикован как к своей судьбе, нивелирование различных видов труда и пассивность, отсутствие специализации или, самое большее, развитие в специальности простых различий пола и возраста — все это характеризует механическую фабрику. Дисциплина и субординация вытекают здесь не только из кооперации, но также из подчинения рабочих совокупной системе машин.

Тот самый *Юр*, который как бесстыдный апологет фабричной системы был отвергнут даже в Англии, все же имеет ту заслугу, что впервые правильно понял дух фабричной системы и метко охарактеризовал *различие* и *противоположность* между автоматической фабрикой и покоящейся на разделении труда мануфактурой, рассматривавшейся А. Смитом в качестве основы основ (впоследствии процитировать соответствующие места). Уничтожение иерархии способностей, ломка утвердившихся за спиной «разделения труда» специальностей и тем самым пассивное подчинение — так же как и связанная с этим абсолютная дисциплина, субординация, подчинение часовой стрелке и фабричным законам, — все это Юр очень правильно отметил, как мы это увидим сейчас из нескольких выдержек. Вновь обретенная *всеобщность* рабочего существует в этой системе лишь *an sich* *, поскольку рабочий безразличен к своему труду, содержание которого находится вне его, и поскольку [в процессе этого труда] он не развивает никакой специальности. Однако в действительности здесь происходит развитие некоторой *бессодержательной специальности*.

[XX—1242] ** В то время как в ремесленном производстве и даже в мануфактуре движение орудия определяется движением человека, на механической фабрике, наоборот, движение человека определяется движением машин. Сэр Д. Барри говорит:

«1) Безусловная необходимость» (для рабочих) «приноравливать свою физическую и духовную деятельность к движению машины, приводимой в действие равномерной и постоянной силой. 2) Необходимость оставаться в стоячем положении в течение непомерно долгих и слишком быстро следующих один за другим промежутков времени... Сюда присоединяется

* — *«в себе»*, в возможности, в скрытом виде, потенциально. *Ред.*

** На обложке XX тетради рукой Маркса написано: *«Март 1863»*, а затем добавлено: «апрель, май». *Ред.*

еще влияние низких, тесных, пыльных или сырых мастерских, засоренная, перегретая атмосфера и непрестанное потение» (см. *F. Engels.* Die Lage der arbeitenden Klasse in England, Leipzig, 1845, стр. 193) [см. настоящее издание, том 2, стр. 385—386].

«Цепи рабства, которыми буржуазия сковала пролетариат, нигде не выступают так ясно, как в фабричной системе. Здесь исчезает юридически и фактически всякая свобода. В половине шестого утра рабочий должен быть на фабрике. Если он опаздывает на несколько минут, его ждет штраф, а если он опаздывает на десять минут, его уже не пропускают, пока не кончится перерыв на завтрак, и он теряет заработную плату за четверть дня... Он должен есть, пить и спать по команде... *Деспотический колокол* отрывает его от сна, от завтрака, от обеда.

А что делается на самой фабрике! Здесь фабрикант — абсолютный законодатель. Он издает фабричные правила, как ему заблагорассудится; он изменяет и дополняет свой кодекс, как ему вздумается; и хотя бы он внес в этот кодекс полную бессмыслицу, суды говорят рабочему: ...поскольку вы добровольно заключили этот договор, вы обязаны его выполнять» (там же, стр. 217—218) [настоящее издание, том 2, стр. 405].

Все это законодательство сводится к денежным штрафам, или к вычетам из заработной платы. Энгельс приводит выдержку из одного правила:

«6) Рабочий, уличенный в том, что он *разговаривал, пел* или *свистел,* платит 6 пенсов штрафа; кто во время работы отошел со своего рабочего места, тоже платит 6 пенсов штрафа».

«Мне возразят, что такого рода правила необходимы для обеспечения на крупной благоустроенной фабрике должной согласованности различных манипуляций, что такая строгая дисциплина здесь не менее необходима, чем в армии. Что же это за социальный строй, который без такой позорной тирании не может существовать?.. Кто был солдатом, тот знает, что значит хотя бы короткое время подчиняться военной дисциплине. А эти рабочие обречены на то, чтобы с девятилетнего возраста до самой смерти физически и духовно жить под палкой» (там же, стр. 219) [настоящее издание, том 2, стр. 406].

«Но, пожалуй, еще более позорно то, что по *всеобщему* свидетельству рабочих многие фабриканты с самой бессердечной строгостью взыскивают с рабочих наложенные на них денежные штрафы, чтобы увеличить свою прибыль за счет грошей, вырванных у неимущих пролетариев» (там же, стр. 220) [настоящее издание, том 2, стр. 407].

Это единственное в мире законодательство — единственный кодекс (по крайней мере, рабовладелец обходится без этой пародии на законодательство), откровенной целью которого является не что иное, как максимально возможное — за счет своих подданных — «обогащение» законодателя, имеющего в виду только свою частную выгоду, только выжимание денег.

И как раз *апологеты фабричной системы,* такие, как *Юр,* апологеты этого полнейшего обезличения труда, казарменного режима, военной дисциплины, порабощения рабочих машинами, управления людьми при помощи удара колокола, надзора со стороны погонщиков рабочих, полнейшего уничтожения

возможности какого бы то ни было развития духовной и физической деятельности — являются теми, кто при малейшем государственном вмешательстве кричат о нарушении личной свободы и *свободного* движения труда.

«Чрезмерный труд из-под палки» (*Энгельс.* Цит. соч., стр. 151) [настоящее издание, том 2, стр. 352].

«Если добровольная производительная деятельность является высшим из известных нам наслаждений, то работа из-под палки — самое жестокое, самое унизительное мучение» (там же, стр. 149) [настоящее издание, том 2, стр. 351].

Машины «работают» «*во вред,* а не *на пользу* рабочим» (там же, стр. 173) [настоящее издание, том 2, стр. 370].

Объединение в одном рабочем помещении *работников обоих полов и всех возрастов;* неизбежное сближение между ними; *скопление массы людей,* которым не было дано никакого интеллектуального и нравственного воспитания; [XX—1243] скопление относительно «необразованных» людей в одном помещении — все это является характерным для механической фабрики.

«*Полное рабочее время*», «*половина рабочего времени*» — эти обозначения для взрослых рабочих, работающих полный рабочий день, и для детей, работающих только половину рабочего дня, употребляются не только английскими фабрикантами, но встречаются в *официальных* фабричных отчетах; для фабричной системы они являются еще более характерными, чем различие между хозяевами и «руками». Здесь рабочий является всего лишь персонифицированным *рабочим временем,* здесь в чистом виде выступает характер капиталистического производства. Возрастные различия сводятся к *полному времени* и *половине времени,* к $10\,^1/_2$ и 6 часам. Рабочие являются лишь персонифицированными рабочими часами.

«То время, которое должно было бы посвящаться исключительно физическому и духовному воспитанию *детей*», приносится в жертву «алчности бесчувственной буржуазии: детей лишают школы и чистого воздуха, чтобы выжимать из них прибыль для господ фабрикантов» (там же, стр. 187) [настоящее издание, том 2, стр. 380].

Не подлежит никакому сомнению то, что фабричная система более, чем какая-либо другая система, приносит в жертву женщин и детей. При этом преобладание женщин и детей на механических фабриках ломает *сопротивление* и присовокупляет пассивный элемент, обрекающий также и взрослых мужчин на рабство, на безвольное подчинение.

«Послушаем, как они («гуманные буржуа») вели дело, когда фабричный инспектор еще не стоял у фабрикантов над душой. Пусть изобличит их свидетельство, авторитет которого они сами признают, — отчет фабрич-

ной комиссии 1833 года» (там же, стр. 187) [настоящее издание, том 2, стр. 381].

В 1817 году имели место петиции Оуэна (в то время фабриканта из Нью-Ланарка) о законодательной охране здоровья рабочих, особенно детей. Из законов, принятых в 1818, 1825 и 1831 годах,

«два первых совсем не соблюдались, а последний соблюдался лишь отчасти. Закон *1831 года,* принятый на основе предложения сэра Дж. К. Хобхауза, запрещает использование на хлопчатобумажных фабриках рабочих моложе 21 года для работы ночью, т. е. между половиной восьмого вечера и половиной шестого утра; кроме того он устанавливает на всех фабриках для рабочих моложе 18 лет рабочее время не более 12 часов ежедневно и 9 часов по субботам» (там же, стр. 208) [настоящее издание, том 2, стр. 397].

Введение *детского труда* приводит к тому, что рабочий вместо продажи своего собственного труда продает труд своих *детей,* следовательно, *продает своих детей* и тем самым занимается работорговлей. Отсюда проистекает существенное изменение в отношении между капиталистом и рабочим, ибо теперь *покупателю рабочей силы* противостоит уже не *продавец* своего собственного труда, а *продавец чужого труда,* продавец несовершеннолетней и юридически недееспособной рабочей силы. То, что взрослый рабочий теряет вследствие конкуренции со стороны детского труда, то женатый рабочий пытается возместить *продажей своих детей.* Здесь отсутствует даже форма *договора,* характеризующая отношение между капиталом и трудом, нет даже формальной свободы обоих контрагентов, ибо не дети заключают договоры, а родители, делающие это за них. Один английский автор, тори, говорит по этому поводу:

«Детский труд был мобилизован на помощь им» (взрослым рабочим) «и даже для того, чтобы дети зарабатывали им их *собственный* хлеб насущный; не имея сил выдержать такой непомерный труд, не имея подготовки, необходимой для направления своей дальнейшей жизни, они были поставлены в положение, оскверняющее их морально и физически!.. Еврейский историк по поводу разрушения Иерусалима Титом заметил, что не было ничего удивительного в том, что городу суждено было подвергнуться такому полнейшему разорению, раз *одна* бесчеловечная мать пожертвовала своим собственным ребенком для утоления мук ужасного голода» («Public Economy Concentrated». Carlisle, 1833, стр. 66).

[XX—1244] Фабричная система включает в себя *продажу* родителями своих детей; одновременно с этим происходит уничтожение в *зародыше,* т. е. в *детском возрасте,* физического и духовного развития рабочих.

Здесь всюду мы исходим из предположения, что стоимость рабочей силы оплачивается. Поэтому нам нет необходимости рассматривать здесь *действительное* движение заработной

платы. Однако из определений *средней стоимости* заработной платы следует, что стоимость рабочей силы включает в себя заработок, достаточный для содержания семьи рабочего. В результате того, что фабричная система превращает женщин и детей в наемных рабочих, вынужденных *зарабатывать* себе средства существования, *стоимость* рабочей силы тем самым понижается, и не только потому, что женщины и дети выступают в качестве конкурентов по отношению к другим рабочим, но также и потому, что теперь эта *средняя стоимость* выплачивается путем *распределения* ее между всеми членами семьи. Один из последователей Рикардо, *Де Квинси* правильно замечает по этому поводу:

«*Рост численности рабочих* был велик вследствие усилившейся замены труда мужчин трудом женщин и особенно труда взрослых трудом детей. Три девочки 13-летнего возраста, с заработком от 6 до 8 шилл. в неделю» {слишком высокий заработок!}, «в массовом масштабе заменяют *одного взрослого мужчину,* заработная плата которого колеблется между 18 и 45 шиллингами» (*Thomas De Quincey*. The Logic of Political Economy. Edinburgh and London, 1844, стр. 147, примечание).

Не подлежит, следовательно, никакому сомнению то, что в результате применения женского и детского труда средняя стоимость *рабочей силы* снижается, обесценивается; или то, что это является прямым следствием механической фабрики, не требующей ни мускульной силы, ни такого труда, обучение которому начинается лишь в более зрелом возрасте и который затем лишь долголетним ученичеством может быть доведен до виртуозности. Одним из первых *следствий* фабричной системы было *уничтожение ученичества.*

Фабричный закон 1833 года явился продуктом комиссии, учрежденной самой английской буржуазией. Он

«запретил применять труд детей моложе 9 лет (за исключением шелковых фабрик); установил рабочее время для детей *от 9 до 13 лет* в 48 часов в неделю или не более девяти часов в день, а рабочее время для подростков *от 14 до 18 лет* в 69 часов в неделю, или не более двенадцати часов в день, ввел обязательные перерывы для еды общей продолжительностью не менее полутора часов в день и подтвердил запрещение ночного труда для всех рабочих и работниц моложе 18 лет. Одновременно вводилось обязательное посещение школы в течение двух часов в день для всех детей моложе 14 лет, причем фабриканту под угрозой штрафа запрещалось принимать на работу детей без справки от фабричного врача о возрасте ребенка и без справки от учителя о посещении им школы... Кроме того были назначены фабричные врачи и инспектора» (*Энгельс.* Цит. соч., стр. 211) [настоящее издание, том 2, стр. 399—400].

В какой мере эта система базируется на *обесценении рабочей силы,* показывает ее имманентная полемика против воспитания, примеры которой приведены выше. Фабричная система в ка-

честве условия требует отсутствия развития у этой производственной машины!

В 1844 году при правительстве Пиля был установлен $6^1/_2$-часовой рабочий день для детей в возрасте от 8 до 13 лет и 12-часовой (с 6 часов утра до 6 часов вечера, включая перерывы для еды) для рабочих старше 13 лет.

Только бы выколачивать «прибавочную стоимость», хотя бы путем

«варварского обращения с рабочими, разрушения здоровья, пренебрежения к социальному, физическому и духовному развитию целых поколений» (там же, стр. 215) [настоящее издание, том 2, стр. 403].

Фабричная система отличается тем, что в ней обнаруживается истинная природа *прибавочной стоимости.* Здесь *прибавочный труд,* а следовательно, и вопрос *рабочего времени* становится решающим. Но *время* фактически является активным бытием человека. Оно не только мера его жизни, оно — пространство его развития. И вместе с вторжением сюда капитала прибавочное рабочее время есть присвоение духовной и физической *жизни* рабочего.

[XX—1245] Машинный труд устраняет многостороннее напряжение мускулов, не дает никакого простора физической деятельности, но точно так же и умственной. Он мешает

«рабочему думать о другом» (там же, стр. 216) [настоящее издание, том 2, стр. 404]

и, кроме того, подчиняет себе его ум и тело еще в *незрелом* состоянии.

Это —

«*не* настоящий *труд,* а сплошное однообразие — самое убийственное, самое утомительное, что только можно придумать» (там же).

«Паровая машина работает целый день, колеса, ремни и веретена непрерывно гудят и стучат у рабочего над ухом, и если он хочет хоть минуту передохнуть, у него за спиной немедленно появляется надсмотрщик со штрафной книгой... Неумолимая необходимость — заживо похоронить себя на фабрике, неотрывно следить за неутомимой машиной, является тягчайшей пыткой» (там же).

«Унылое однообразие бесконечной муки труда, при котором все снова и снова совершается один и тот же механический процесс, похоже на муки Сизифа: тяжесть труда, подобно огромному камню, все снова и снова падает на изнуренного рабочего. При постоянной работе одних и тех же мышц ум не приобретает ни знаний, ни способности мыслить» (слова д-ра Дж. Ф. Кея) (там же, стр. 217, примечание) [настоящее издание, том 2, стр. 405].

Обе книги — д-ра Юра и Фридриха Энгельса — безусловно *лучшие* из работ о фабричной системе; обе они идентичны по содержанию, только с одной разницей: *Юр* высказывает как

слуга этой системы, как находящийся в плену этой системы слуга, то, что Энгельс высказывает как ее свободный критик.

По поводу мелких хозяев в Бирмингеме *Энгельс* замечает, что здесь положение рабочих еще хуже.

«Регулируемая конкуренцией прибыль, которая при других условиях попадает в руки одного крупного фабриканта, делится здесь между многими мелкими мастерами, дела которых поэтому идут неважно» (там же, стр. 241) [настоящее издание, том 2, стр. 424].

То же самое имеет место вообще при падении нормы прибыли, неразрывно связанном с крупной промышленностью. Мелкие хозяева, распределяющие между собой ту прибыль, которую в других случаях присваивает себе *один* капиталист, находятся в столь стесненных обстоятельствах, что они сами вынуждены урезывать заработную плату до ненормально низких размеров.

В лондонских *модных мастерских* занято около 15 000 молодых девушек, которые 4 месяца в году, во время сезона, работают по 15—18 часов ежедневно. В большинстве мастерских девушки никогда не спят больше 6 часов, часто лишь 3 или 4 часа, а порой только 2 часа в течение суток, — если им не приходится работать всю ночь напролет. Единственным пределом продолжительности их работы является полнейшая физическая невозможность дольше держать иголку в руках.

«Случается, что эти беспомощные существа по девять дней подряд не раздеваются и спят только урывками на матраце; пищу им дают мелко нарезанную, чтобы они как можно скорее могли проглотить ее. Одним словом, при помощи морального кнута, удерживающего их в рабстве, — угрозы расчета, — этих несчастных девушек принуждают к такой продолжительной и непрерывной работе, какой не мог бы выдержать и крепкий мужчина, а тем более не выдерживает хрупкая девушка в возрасте от 14 до 20 лет» (там же, стр. 253) [настоящее издание, том 2, стр. 434].

Так же обстоит дело с лондонскими *портнихами.*

[XX—1246] Система крупной *промышленности* осуществляется:

1) на фабриках в собственном смысле этого слова;

2) в мануфактурах, которые теперь все частично применяют машины;

3) в сельском хозяйстве.

Во всех этих *системах производства* производство ведется *в крупном масштабе.* Во всех этих сферах производства, вместе взятых, число применяемых рабочих по отношению к производимому ими *продукту относительно невелико.* Поэтому множество рабочих, и в особенности детей и женщин, подвергается неприкрытой эксплуатации у себя на чердаках, где создаваемая

ими *прибавочная стоимость* и масса производимых ими продуктов покоятся не на действительном развитии производительности труда, а только на чрезмерном труде и нищенском уровне жизни работающих. Это и есть *высвобожденный* великой системой человеческий материал, вынужденный подчиняться любым условиям, при которых ужасные последствия системы проявляются с еще большей силой, чем непосредственно в ней самой; избыток населения выбрасывается прежде всего, естественно, в родственные фабрике *ремесленные предприятия*, а затем вообще в старые сферы труда, которые капитал эксплуатирует *формально*, не создавая в них *капиталистического способа производства*, хотя последний в конце концов неизбежно должен проникнуть в такие производства, как портновское, швейное, хлебобулочное, художественная вышивка, кружевное и т. д., причем в этом случае он и в самом деле еще выступает как прогресс и облегчение положения! Апологеты этой системы, такие, как Юр, указывают поэтому на ужасы системы труда, порожденной фабричной системой *вне* ее самой, будь то на предприятиях мелких хозяйчиков или на предприятиях, являющихся капиталистическими лишь по форме, — для того чтобы доказать *относительные прелести и преимущества* самой системы! Они забывают только, что указанные отрасли труда являются, так сказать, лишь *внешним департаментом* системы и ее прямым порождением и следствием!

«*Рабочий класс* впервые выступил против буржуазии тогда, когда он *силой* воспротивился введению машин, что произошло в самом начале промышленного переворота» (там же, стр. 259) [настоящее издание, том 2, стр. 439].

«Фабрикант есть «капитал», а рабочий — «труд»» (там же, стр. 329) [настоящее издание, том 2, стр. 497].

По данным «Daily News» (1862 г.), в Лондоне ежемесячно насчитывалось в среднем около 15 случаев голодной смерти.

А теперь послушаем, что говорит нам о сущности механической фабрики в I томе своей «The Philosophy of Manufactures» господин Юр, этот Пиндар фабричной системы.

О различии между ремесленником, применяющим орудие труда, и системой машин, применяющей рабочих:

«Говорят, что паровой двигатель приводит механические ткацкие станки в такое быстрое движение, что *принуждает* занятых на них рабочих *поспевать за ними* с той же быстротой; ткачи же, работающие на дому, *не подчинены непрерывному действию этого автоматического двигателя*, они *вольны* бросать челнок и приводить педали в движение, как им заблагорассудится» (франц. изд., т. I, стр. 10—11).

Это высказывание было сделано сэром Р. Пилем, который, впрочем, еще воображал, что живет в добрые старые времена своего отца-ткача, а именно,

«что ткачи, работающие на обыкновенных ручных станках, являются большей частью мелкими фермерами» [там же, стр. 11].

Юр в противовес этому цитирует д-ра Карбета из Манчестера:

«Нет ничего более ошибочного; они живут или, вернее, прозябают самым жалким образом в *городских подвалах и на чердаках*, работая от 16 до 18 часов в сутки за самое скудное жалованье» [там же].

Но что, как не конкуренция машин, загнало их в подвалы и на чердаки и обрекло на 16—18-часовой труд?

[XX—1247] «Эта категория рабочих, хотя и *работающих на фабриках, но в сущности не являющихся фабричными рабочими, поскольку они не зависят от автоматического механизма*, и явилась главным источником того сурового осуждения, которому подверглись хлопчатобумажные и другие фабрики» (там же, стр. 13).

Этими рабочими отчасти являются упоминавшиеся выше подсобные рабочие (о которых здесь говорит Юр), отчасти унтер-офицеры (надсмотрщики), отчасти механик и машинист, которые подключены сюда.

Что же представляет собой классическая, или *механическая, фабрика* [factory, Atelier]?

Она «означает... *кооперацию* различных *категорий рабочих, взрослых и несовершеннолетних*, которые с искусством и прилежанием присматривают за *системой производительных механизмов, непрерывно приводимых в действие центральным двигателем*... Это понятие исключает всякую фабрику, механизм которой не образует *непрерывную систему*, или *не обслуживается одним и тем же* двигателем... Этот термин» (фабрика) «в строгом смысле слова вызывает представление об *огромном автомате, составленном из многочисленных механических и сознательных органов, действующих согласованно и без перерыва для производства одного и того же предмета*, причем все эти органы *подчинены одной двигательной силе*, которая сама приводит себя в движение» (там же, стр. 18—19).

Таковы главные характерные черты механической фабрики. Она представляет собой огромный автомат, систему взаимосвязанных производительных механизмов, получающих свою двигательную силу от одного центрального двигателя, который сам приводит себя в движение. Эта система машин с ее автоматическим первичным двигателем образует корпус, расчлененное тело механической фабрики, кооперацию различных *категорий* рабочих, главное различие между которыми состоит в том, что они являются взрослыми и несовершеннолетними, представляет

собой различие по возрасту и полу. Сами эти рабочие выступают только в качестве сознательных органов машин (а не машины — в качестве их органов), которые отличаются от мертвых органов наличием сознания, вместе с ними действуют «согласованно» и «без перерыва», в одинаковой мере подчинены двигательной силе, — точно так же, как и мертвые машины.

Сырой материал подвергается различным метаморфозам, которым соответствуют различные машины в системе машин.

Главная трудность на механической фабрике заключалась в обеспечении

«*дисциплины*, необходимой для того, чтобы заставить людей отказаться от их привычной беспорядочности в труде и *уподобить* их действия *неизменной регулярности громадного автомата*. Но изобрести и с успехом применить фабричный дисциплинарный кодекс, соответствующий потребностям и быстроте автоматической системы, — этот Геркулесов подвиг был благородным делом Аркрайта» (там же, стр. 22).

Далее Юр продолжает:

«Даже в настоящее время, когда эта система организована во всей ее полноте и когда труд облегчен» (!) «насколько это вообще выполнимо, *почти невозможно* среди рабочих, уже *достигших зрелого возраста* (все равно, занимались ли они в прошлом земледелием или различными ремеслами), найти полезных помощников для автоматической системы» (там же).

Здесь *Юр* признаёт, что хотя для работы на фабриках и не требуется никакого специального обучения и т. д., необходимо с юных лет трудиться на этой смягченной каторге, как называет фабрики Фурье [140], для того чтобы быть в состоянии в течение всего дня подчиняться «дисциплине» и «неизменной регулярности громадного автомата». Этот автомат здесь является автократом.

«Когда А. Смит писал свой бессмертный труд о началах политической экономии, автоматическая система в промышленности была почти неизвестна. *Разделение труда* с полным основанием представлялось ему великим принципом усовершенствования *мануфактуры*. Он видел, что согласно этому принципу в каждой отрасли производства одни операции... выполняются всё с большей и большей легкостью, [XX—1248] другие же... являются относительно более трудными; из этого он заключил, что к каждой из этих операций можно естественным образом приставить такого рабочего, который оплачивается в соответствии с его умением» (там же, стр. 27—28).

«Но то, что могло служить полезным примером во времена доктора Смита, в наши дни годилось бы только для того, чтобы ввести публику в заблуждение относительно действительного принципа современной промышленности. Действительно, *распределение* или, скорее, *приспособление видов труда к различным индивидуальным способностям* вовсе *не* предусматривается операционным планом автоматических фабрик; *наоборот, во всех случаях, когда известная операция требует большого*

искусства и уверенной руки, ее стараются по возможности быстрее изъять из рук слишком искусного и часто склонного ко всяческой беспорядочности *рабочего* и передать особому механизму, автоматическое действие которого так хорошо *отрегулировано*, что присматривать за ним может даже ребенок» (там же, стр. 28—29).

{И Юр еще удивляется тому, что эти рабочие не выражают благодарности «особому механизму», обесценивающему их рабочую силу и их специальность!}

(Юр говорит также о «подданных» своего автократа или автомата:

«На этих огромных фабриках благодетельная *сила* пара собирает вокруг себя *мириады своих подданных*» (там же, стр. 26).)

«Принцип автоматической системы состоит, таким образом, в замене *ручного труда механическим искусством* и в *замене разделения труда между ремесленниками разложением производственного процесса на составляющие его элементы*. Если при *системе ручного труда* рабочие руки обычно составляли наибольшую часть издержек по изготовлению какого-нибудь продукта: materiem superabat opus *, — то при *автоматической системе талант работника все больше и больше заменяется простыми подручными при машинах*» (там же, стр. 29—30).

{И вот за такое превращение из таланта в простого подручного рабочий еще должен быть благодарен!}

«Такова уж слабость человеческой природы, что *чем искуснее рабочий*, тем он становится своевольнее и несговорчивее, а следовательно, — менее пригодным для механической системы в целом» (где он *сам должен быть автоматом*), «которой он своими капризными выходками может сильно повредить. Поэтому для современного фабриканта *самое важное* состоит в том, чтобы посредством *соединения науки со своими капиталами свести* задачу своих рабочих к проявлению ими *бдительности и проворства, качеств, которые можно быстро развить в юности, если фиксировать их на одной точке*» (там же, стр. 30).

(Здесь господин Юр признаётся в том, что автоматическая система, так же как и разделение труда, фиксирует деятельность *на одной точке*, — надо только в юности сломить неразвившегося человека, превратив его в «орган автомата».)

«На ранней стадии развития механики машиностроительная фабрика являла собой картину *разделения труда на многочисленные последовательные стадии*; напильник, сверло, токарный станок имели каждый своего рабочего, *применительно к его мастерству*. Но *умение работающих напильником и сверлом рабочих* теперь вытеснено машинами и т. д., а умение токарей по металлу вытеснено механическим токарным станком с автоматическим суппортом. Г-н Антони Стратт, заведующий механической частью крупных хлопчатобумажных фабрик Белпера и Милфорда, настолько отошел от традиций старой школы, *что не желает принимать на работу никого из тех, кто прошел курс обычного ученичества*» (там же, стр. 30—31).

* — «материал превзошло мастерство» (Овидий, «Метаморфозы»). *Ред.*

(Вскоре после введения машин законы об ученичестве и впрямь пришлось отменить.)

Вместо различных градаций в специализации видов труда характерным для автоматической системы становится

«*нивелирование труда соответственно автоматической системе*». «В соответствии с упомянутыми *градациями труда* должно пройти *несколько лет ученичества*, прежде чем глаз и рука приучатся в достаточной мере к выполнению некоторых механических приемов; [XX—1249] а при той системе, которая разлагает производственный процесс, сводя его к его составным элементам, и подчиняет все его части действию автоматической машины, можно поручить эти самые элементарные операции отдельному рабочему, обладающему самыми заурядными способностями, *предварительно подвергнув его кратковременному испытанию*. В экстренных случаях можно даже, по усмотрению директора фабрики, переводить его с одной машины на другую. Подобные перемены находятся в противоречии со старой рутиной, которая требует разделения труда и которая одному рабочему поручает отделывать булавочные головки, а другому обтачивать острие» (там же, стр. 32).

Преисполненный гордости великий Юр говорит о том, что

«это стеснение возможностей, эта ограниченность идей, это состояние связанности тела — все это моралисты не без оснований приписывали разделению труда» (там же, стр. 33).

«*Неизменная цель* и *тенденция* всякого усовершенствования в машинах действительно сводится к *полному устранению человеческого труда* или же *к снижению его цены путем замены труда взрослых рабочих трудом женщин и детей* или труда *искусного ремесленника — трудом неквалифицированного рабочего*. В большинстве прядилен с непрерывным процессом производства, по-английски именуемых *throstle mills*, труд по прядению полностью выполнялся девушками 16 лет и старше. Замена обычной мюль-дженни автоматической привела к увольнению большинства прядильщиков; оставлены были дети и подростки. Владелец одной *фабрики* возле Стокпорта заявил в своем показании членам парламентской комиссии, что путем подобной замены он сэкономит 50 ф. ст. в неделю на заработной плате, если уволит около 40 прядильщиков, получающих в среднем по 25 шилл. Эта тенденция оставлять на работе только *детей* с проворными взглядами и ловкими пальцами»

{эти проворные взгляды и ловкие пальцы должны быть вовремя использованы для пополнения карманов фабрикантов},

«вместо *рабочих, обладающих продолжительным опытом*, показывает, что *схоластическая догма разделения труда по различным степеням квалификации* была, наконец, *использована*»

{в английском издании книги сказано: *отброшена;* во французском переводе получилась хорошенькая двусмысленность}

«нашими просвещенными промышленниками» (там же, стр. 34—35).

После того как Юр столь правильно обрисовал «тенденцию» и «неизменную цель»: вытеснение труда, подчинение рабочего «автомату-автократу», снижение цены труда путем замены труда

взрослых мужчин женским и детским трудом и труда искусных рабочих трудом необученных, — после того как все это он представил как сущность автоматической фабрики, он упрекает рабочих в том, что они своими забастовками ускоряют ход развития этой превосходной системы! Так как эта система является для них самой лучшей, то что же они могут придумать более разумное, чем «форсировать» ее развитие!

Преобладающая роль, которую женщины и дети играют на автоматической фабрике, конечно, лучше всего доказывает, насколько существенно эта фабрика отличается от основанной на разделении труда мануфактуры, которая требует «рабочих, обладающих продолжительным опытом».

В связи с применением «*физики*» в фабричной системе *Юр* говорит о том, что в ней мы находим

«*золотые плоды, принесенные тысячами теорем,* которые в недрах колледжей долгое время оставались бесплодными» (там же, стр. 36).

«Лошадь может работать при полной нагрузке не больше 8 часов из 24» (там же, стр. 42).

(А дети могут работать 12 часов?)

Для парового двигателя не существует никаких пределов подобного рода.

«Годовой расход на один двигатель в 60 лошадиных сил при 8 часах работы в день составляет 1 565 ф. ст., около $^1/_5$ того, чего стоило бы содержание лошадей в течение того же самого времени» [там же, стр. 43].

«Существует много машин» (паровых двигателей), «изготовленных фирмой «Болтон и Уатт», которые непрерывно работают в течение 40 лет и еще не подвергались почти никакому ремонту» (там же, стр. 44).

[XX—1250] «Паровые двигатели дают возможность окупить расходы не только по своему содержанию, но еще и по их распространению. Они расходуют большое количество топлива, но в то же время они своими мощными руками выкачивают стоячие воды и поднимают уголь из шахт; они дают заработок множеству горняков, инженеров, кораблестроителей и матросов и вызывают необходимость в постройке каналов и железных дорог» (там же, стр. 44—45).

О преимуществах машин Юр говорит следующее:

«Они позволяют рабочему выполнять большее количество работы, чем прежде; при этом «*время*», «*труд*»» (??) «и качество продукта постоянно остаются теми же» (там же, стр. 45).

При таком изложении дела исключено прежде всего абсолютное удлинение рабочего времени; во-вторых, возросшая интенсивность труда, в той мере, в какой это связано с его непрерывностью. Указанное положение, как оно здесь высказано Юром, следует считать нормальным, поскольку стоимость возросшей массы продукта тоже остается *постоянной* в отличие

от роста интенсивности труда, принятого нами во внимание в другом месте.

«Паровой двигатель никогда не нуждается в отдыхе» (там же, стр. 42).

«Философия фабрики превосходно развертывается в области экономии энергии» (стр. 41). Прежде всего имеет место экономия на первичном двигателе (стр. 42 и след.). *Экономия* на передаточных механизмах (стр. 55, 56, 57). Экономия на рабочих машинах (стр. 58 и след.).

«Почти все *орудия труда* в настоящее время более или менее автоматизированы и выполняют свою работу дешевле и с гораздо большей точностью, чем ее могли бы выполнять руки рабочего» (там же, стр. 57).

«*Применение автоматических орудий* не только увеличило точность и ускорило создание необходимых фабрике машин, но также очень заметно *снизило издержки* их производства и повысило их *подвижность*» (там же, стр. 61 и след.).

Господин *Юр* сам признаёт, что,

«*какими бы просвещенными* ни были собственники английских фабрик», они «в производственной сфере своей отрасли» разбираются отнюдь «не так хорошо, как в коммерческой» (там же, стр. 65).

На стр. 66-й Юр говорит о «невежестве» фабрикантов в вопросах «конструкции хорошей машины». (Поэтому они зависят от «*управляющих*».) Впрочем, эти «*управляющие*» *в отличие от «собственников» фабрик,* по словам Юра, являются

«душой нашей фабричной системы» (там же, стр. 67).

Раньше Юр говорил нам о том, что фабричный рабочий глубоко проникает в сущность прикладной механики и физики. Теперь относительно фабрикантов он признаёт:

«Можно было бы предположить, что всего легче приобрести подобные знания, находясь *в самом центре системы машин,* но, как показывает опыт, это заблуждение» (там же, стр. 67).

Он очень правильно говорит о

«*коммерческой точке зрения* фабриканта» (в противовес технической точке зрения) (там же, стр. 66).

Автоматическая шлихтовальная машина (см. у Энгельса [141]) как следствие забастовок.

«Это пример, который должен отучить рабочих от какого бы то ни было бунта и который показывает им, что *наука в союзе с капиталом неизбежно расстраивает все козни, затеваемые рабочими*» (там же, стр. 63).

[XX—1251] Впоследствии выписать то, что необходимо, из II тома книги Юра.

Теперь прежде всего займемся рассмотрением вопроса о замещении труда машинами.

Замена труда машинами

{См. *стр. 138а в IV тетради* *. Упомянутые там моменты относятся к тому пункту, к которому мы переходим только теперь, а именно к соотношению между *заработной платой и прибавочной стоимостью.* К отмеченному там положению о том, что собственно все это касается относительной прибавочной стоимости и поэтому предполагает данной величину совокупного рабочего дня, все же следует сделать два дополнения.

[Во-первых,] машины уменьшают число рабочих, применяемых данным капиталом. Поэтому если они, с одной стороны, повышают норму прибавочной стоимости, то, с другой стороны, они уменьшают ее массу, так как уменьшается число рабочих, одновременно применяемых данным капиталом.

Во-вторых, увеличение производительной силы, а следовательно, падение цен товаров и обесценение рабочей силы, позволяет *тому же самому капиталу* покупать больше рабочей силы. Таким образом, увеличивается не только норма прибавочной стоимости (приходящейся на одного рабочего), но и число рабочих, одновременно эксплуатируемых одним и тем же капиталом. Это относится ко всем средствам (следовательно, также и к машинам), увеличивающим производительную силу труда.

Прибавочная стоимость (мы не имеем здесь дело с *прибылью*) всегда равна *прибавочному труду. Норма прибавочной стоимости,* т. е. отношение прибавочного труда отдельного рабочего к его необходимому труду, равна отношению *совокупной прибавочной стоимости,* производимой капиталом, к переменному капиталу. Ибо переменный капитал равен заработной плате отдельного рабочего, помноженной на число одновременно занятых этим капиталом рабочих.

Предположим, что заработная плата отдельного рабочего равна 10, число рабочих равно x; тогда переменный капитал (равный сумме выплаченной заработной платы) составляет $10x$. Если прибавочная стоимость, которую создает отдельный рабочий, равна 2, то прибавочная стоимость, создаваемая x рабочими, равна $2x$. А отношение $^{2x}/_{10x}$, т. е. отношение совокупной прибавочной стоимости к переменному капиталу, остается тем же, равным $^{2}/_{10}$, т. е. норме прибавочной стоимости, создаваемой отдельным рабочим. Таким образом, $^{2}/_{10} = {}^{1}/_{5}$, из чего вытекает, что прибавочное рабочее время равно $^{1}/_{5}$ необходимого рабочего времени. Отсюда следует, что норма

* См. настоящий том, стр. 279—281. *Ред.*

прибавочной стоимости может повышаться или понижаться только в обратной пропорции к необходимому труду и что *норма* прибавочной стоимости всегда равна норме прибавочного труда. *

Однако при рассмотрении абсолютной прибавочной стоимости было показано, что ее масса зависит не только от ее нормы, но и от *числа* одновременно занятых рабочих. Так вот, развитие производительной силы увеличивает количество рабочих, которых одновременно может занять *переменный капитал* данной величины. Если заработная плата равна a, а число рабочих равно x, то переменный капитал равен ax. Допустим, что ax является постоянной величиной, равной v (переменный капитал); тогда ясно, что чем меньше a, тем больше x, число рабочих, и чем больше a, тем меньше x. Количество рабочей силы, которое может быть куплено данным переменным капиталом v, зависит, очевидно, от стоимости этой рабочей силы, оно увеличивается и уменьшается вместе с нею. Следовательно, в той мере, в какой увеличение производительных сил труда обесценивает рабочую силу, оно увеличивает количество одновременно занятых рабочих сил, которое может купить v. Таким образом, те же самые средства, которые повышают норму *относительной прибавочной стоимости,* или уменьшают необходимое рабочее время, — увеличивают массу прибавочной стоимости, и не только потому, что они повышают *норму эксплуатации* отдельного рабочего, но и потому, что одним и тем же капиталом v при этой же норме может быть подвергнуто эксплуатации большее количество рабочих. Следовательно, увеличение *прибавочной стоимости* имеет место не только потому, что повышается норма прибавочной стоимости, но и потому, что растет *масса* рабочих, эксплуатируемых тем же самым капиталом v. Поэтому относительная прибавочная стоимость является результатом не только уменьшения необходимого рабочего времени, но одновременно и увеличения числа рабочих, эксплуатируемых одним и тем же капиталом v. Постольку *повышение относительной прибавочной стоимости* не просто тождественно с *понижением нормы* необходимого рабочего времени, так как здесь одновременно затрагиваются оба фактора, определяющие прибавочную стоимость, — как [XX—1252] норма прибавочной стоимости, так и число рабочих, эксплуатируемых капиталом v той же самой стоимости.

Это обстоятельство ни в коем случае не противоречит тому закону, согласно которому с развитием производительных сил, а следовательно, и капиталистического производства, отношение переменного, т. е. авансируемого на заработную плату капитала

*

к совокупному капиталу уменьшается, так как уменьшается его отношение к постоянному капиталу, — положение, составляющее главный аспект при рассмотрении прибыли. Точно так же указанное обстоятельство не противоречит и тому положению, в особенности обнаруживающемуся при рассмотрении машин, согласно которому *тот же самый* капитал (совокупный капитал) сокращает число занятых им рабочих.

Допустим, что совокупный капитал равен 500; пусть первоначально отношение $v : c$ (переменного капитала к постоянному) равно 400 : 100, т. е. $^4/_5$ авансированного капитала приходится на v и $^1/_5$ — на c. Пусть в ходе капиталистического развития постоянный капитал увеличился со 100 до 400. Это же самое развитие может привести не только к тому, что капитал, авансируемый на заработную плату, уменьшится с 400 до 100, так как в 4 раза сокращается число применяемых капиталом рабочих, но также и к тому, что это сокращенное до $^1/_4$ количество рабочих может в силу тех же обстоятельств вместо 100 стоить лишь 50. Тот же переменный капитал, равный 400, привел бы теперь в движение вдвое большее число рабочих, а переменный капитал, уменьшившийся до 50, в действительности приводит теперь в движение — соответственно своей величине — вдвое большее число рабочих, чем прежде. *Число рабочих, приводимых в движение переменным капиталом, относительно* увеличилось, хотя этот переменный капитал, а тем самым и абсолютное число занятых рабочих уменьшились.

Абсолютная прибавочная стоимость, предполагающая определенную ступень производительности труда, лишь в той мере может увеличить *число одновременно занятых рабочих,* а поэтому и массу прибавочной стоимости при данной ее норме, в какой *растет капитал,* или в какой вообще применяется больший капитал; увеличение прибавочной стоимости, само собой разумеется, способствует этому росту капитала, поскольку вместе с ее увеличением — каким бы способом оно ни достигалось — возрастает обратное превращение прибавочной стоимости в капитал, т. е. накопление капитала. Относительная же прибавочная стоимость непосредственно увеличивает *норму неоплаченного труда* и сокращает абсолютную величину заработной платы, следовательно, позволяет с тем же переменным капиталом одновременно эксплуатировать большее число рабочих при повышенной норме эксплуатации. Она позволяет (также и посредством привлечения женского и детского труда) той же самой величиной заработной платы применять большее количество *рабочей силы;* таким путем она воздействует на абсолютную величину населения (так же как она постоянно увеличивает

его относительно, беспрерывно создавая избыток труда в той или иной отрасли) и тем самым увеличивает живую массу рабочей силы, составляющую для капитала основу эксплуатации, тот живой материал, из которого извлекается прибавочная стоимость.}

Если в результате применения машин в какой-либо *одной* отрасли сокращается масса занятых рабочих при одновременном сокращении их заработной платы вследствие удешевления товаров, входящих в круг потребления рабочих, — то одновременно сокращается заработная плата во всех остальных отраслях капиталистического производства, в которых не произошло указанного переворота; заработная плата в этих остальных отраслях уменьшается потому, что понизилась стоимость одного из образующих ее элементов. Здесь применяется то же самое количество труда, что и прежде, но меньшим капиталом. Следовательно, часть капитала, прежде авансировавшаяся на заработную плату, высвобождается.

Высвобожденный таким образом капитал может быть использован для расширения *тех же самых* отраслей производства или вложен в новые. А так как машины захватывают то одну, то другую отрасль (мы уже не говорим здесь о том, что увеличивается потребительная стоимость дохода, что, следовательно, значительная часть последнего может быть обратно превращена в капитал), то таким способом капитал высвобождается постоянно. Этот результат, естественно, наступает медленнее, чем вытеснение рабочих машинами. С другой стороны, прекращается или падает спрос на лишившихся работы рабочих. Следовательно, капиталы, частично извлекавшие свой доход из потребления этих лишившихся работы рабочих, частично обесцениваются, если их владельцы не могут продать на внешних рынках высвободившуюся таким образом часть своего продукта. Но переменный капитал, превратившийся теперь в постоянный, уже не создает больше нового спроса на труд. Даже тот труд, который первоначально приводится в движение этим превратившимся из переменного в постоянный капиталом (машиностроительные рабочие и т. д.), никогда не бывает так велик, как тот, который им увольняется, так как эта часть капитала, например 1 000, авансированная на машины, теперь представляет уже не только заработную плату машиностроительных рабочих, но вместе с тем и прибыль машиностроительных капиталистов, тогда как прежде она представляла только заработную плату (см. *Рикардо* [142]).

[XX—1253] Бесконечно стремясь к обогащению, капитал стремится к бесконечному увеличению производительных сил.

С другой стороны, каждое увеличение производительных сил труда — не говоря уже о том, что оно увеличивает потребительные стоимости для капитала — представляет собой увеличение производительной силы капитала, и производительная сила труда является таковой лишь в той мере, в какой она является производительной силой капитала.

* * *

Накопление.

Поскольку при рассмотрении процесса воспроизводства совокупного капитала речь идет о воспроизводстве процесса в прежнем масштабе, мы в другом месте показали, как закономерно обусловлены различные моменты этого процесса и как в действительности происходит обмен между *прибавочной стоимостью* производителей постоянного капитала и *постоянным* капиталом производителей жизненных средств, и т. д. Далее, мы видели, как часть этой прибавочной стоимости всех классов обменивается на новое золото и серебро производителей благородных металлов [143]. Но коль скоро процесс воспроизводства *непосредственно* представляет собой процесс накопления, т. е. превращение прибавочной стоимости (дохода) в капитал, то указанная взаимная связь не имеет места. Здесь возникает возможность того, что часть [прибавочной стоимости], представленная либо в виде товаров, входящих в постоянный капитал, или образующих постоянный капитал, либо в виде таких товаров, которые входят в переменный капитал, окончательно обменивается на *деньги* — либо на скопленные про запас деньги, либо на вновь ввезенное золото и серебро — и что у одной стороны избыток в этой форме денег осел в качестве *скрытого капитала*. В этой форме он представляет собой *чек на будущий труд*. В качестве такого чека для капитала безразлично, существует ли он в форме кредитных билетов, долговых обязательств и т. д. Такой капитал может быть заменен любым титулом. Подобно тому как кредитор государства в виде своих купонов, каждый капиталист в виде своей вновь приобретенной стоимости обладает чеком на будущий труд и посредством присвоения труда, выполняемого в настоящее время, уже присвоил себе будущий труд. Накопление капитала в денежной форме ни в коем случае не является материальным накоплением материальных условий труда, а представляет собой *накопление титулов собственности на труд*.

Существует различие в том, как переменный капитал участвует в производстве абсолютной и относительной прибавочной стоимости. В первом случае v может нанять только n рабочих,

например, 100 талерами нанять 100 рабочих. *Стоимость переменного* капитала и *число одновременно занятых рабочих* составляют здесь *постоянное соотношение*. Правда, когда рабочий день абсолютно удлиняется, 100 рабочих, работающих по 16 часов в день (их продукт составляет 1 600 рабочих часов), заменяют $133^1/_3$ рабочего, работающих только по 12 часов в день (ибо $12 \times 133^1/_3 = 1\,600$ рабочим часам). Иными словами, путем удлинения рабочего времени на 4 часа достигается та же цель, как если бы число рабочих увеличилось на $33^1/_3$ и они по-прежнему работали 12 часов в день. При этом здесь получается экономия на орудиях труда, размерах помещений и т. д., необходимых для этих $33^1/_3$ рабочего, и эта экономия имеет место даже тогда, когда 4 часа прибавочного труда оплачиваются в том же соотношении, как и 12 часов, следовательно, присваиваются капиталистом не совсем безвозмездно. Здесь имеет место положительная экономия на авансированном постоянном капитале, который не должен здесь возрастать в той же мере, в какой растет количество эксплуатируемого труда. Если часть постоянного капитала (орудия труда, здания и т. д.) изнашивается быстрее, то, во-первых, это происходит не в той же степени (и в отношении орудия труда и тем более в отношении зданий), в какой растет производительное использование этих условий труда. Во-вторых, это не прибавляет ни одной частицы добавочной стоимости к производимым товарам, так как отношение этих условий труда к труду в худшем случае остается постоянным, а в действительности уменьшается. В-третьих, ускоренный оборот, сразу возмещающий большее количество авансированного капитала, представляет собой прямую прибыль для капиталиста. Отдельный капиталист всегда может располагать капиталом лишь определенного размера. Всякое ускорение оборота, позволяющее ему с *меньшей затратой капитала*, — так как быстрота оборота уменьшает величину подлежащего авансированию капитала и делает возможным с меньшим [XX—1254] капиталом выполнять те же операции, что и с бо́льшим, — эксплуатировать такое же количество труда, уменьшает связанные с эксплуатацией издержки производства и повышает способность капиталиста маневрировать своим капиталом. Однако все эти соображения относятся к рассмотрению прибыли, где исследуется отношение прибавочной стоимости к совокупной величине авансированного капитала.

Что же касается *переменного капитала*, то капиталист должен 100 рабочим платить столько же, сколько $133^1/_3$ рабочего, если 4 часа добавочного рабочего времени он оплачивает в той же пропорции, что и прежние 12 часов; иными словами,

если эти 4 часа распадаются на необходимый труд и прибавочный труд в таком же соотношении, как и прежние 12 часов. В этом случае с переменным капиталом не произошло бы никаких изменений. Если же имеет место обратное и, как только рабочий день увеличивается с 12 до 16 часов, так вообще безвозмездно присваивается больше прибавочного труда (простоты ради, скажем, что присваивается весь прибавочный труд в количестве четырех часов), — то, конечно, сберегается переменный капитал в $33^1/_3$ талера, который должен был бы быть авансирован для того, чтобы произвести ту же самую величину стоимости при 12-часовом рабочем дне. Тем не менее 100 рабочих могут быть наняты только на 100 талеров. Авансированный на них переменный капитал остается неизменным по отношению к занятому им числу рабочих, хотя *относительно*, в сравнении с приводимым им в движение *количеством прибавочного труда* и поэтому в сравнении с тем *возросшим* числом рабочих, которое при других обстоятельствах должно было бы быть оплачено, — он уменьшился.

Напротив, в результате увеличения производительных сил [труда] и вызванного им относительного *обесценения* рабочей силы соотношение между *стоимостью переменного капитала* и *числом* занятых рабочих изменяется. Чтобы нанять тех же 100 рабочих, теперь требуется, быть может, только 70 талеров. И тем самым, не говоря уже об увеличении относительного прибавочного труда, высвобождается часть переменного капитала, равная 30 талерам. То же самое число рабочих производит больше товаров и доставляет бо̀льшую прибавочную стоимость. Однако норма прибавочной стоимости возрастает здесь потому, что падает заработная плата, а следовательно, уменьшается также *стоимость* переменного капитала по отношению к приводимому им в движение числу рабочих. Отсюда видно, что *отношение переменного капитала к постоянному*, его уменьшение или увеличение по сравнению с постоянным капиталом не совпадает с вопросом об изменении соотношения между *стоимостью переменного капитала* и *количеством* покупаемой им рабочей силы.

Так как прибавочная стоимость, производимая определенным переменным капиталом, определяется двумя моментами: нормой прибавочной стоимости и числом одновременно занятых рабочих, то, следовательно, при рассмотрении относительной прибавочной стоимости необходимо выяснить, как развитие производительной силы, а потому и развитие *реального капиталистического производства* воздействует на оба эти момента.

При разделении труда и простой кооперации в большей мере выступает то, что число рабочих остается тем же или даже увеличивается, но приводится в движение, представляется переменным капиталом относительно меньшей стоимости. При машинном производстве *количество* занятых рабочих сокращается, а вместе с тем относительно, по отношению к *количеству* рабочих, уменьшается и *стоимость переменного капитала*, так что если, например, вместо 100 рабочих теперь занято 50, то переменный капитал, приводящий в движение этих 50 рабочих, меньше того, который по старому масштабу приводил в движение $^{100}/_{2}$, или 50 рабочих.

По поводу *экономии труда* посредством машин Лодердель замечает, что не это является для них характерным, так как посредством машин труд производит такие вещи, которые без них он не мог бы произвести [144]. Однако последнее относится только к *потребительной стоимости* машины и не имеет ничего общего с *меновой стоимостью* произведенных ею товаров, а следовательно, не имеет никакого отношения и к *прибавочной стоимости*.

Более высокая производительность труда выражается в том, что для создания *той же самой* стоимости и *большего* количества потребительных стоимостей капиталу приходится покупать меньшее количество необходимого труда. Следовательно, рост производительных сил [труда] предполагает — если *совокупная стоимость капитала остается той же самой*, иными словами, для капитала *данной* величины, — что его постоянная часть непрерывно растет по отношению к переменной, т. е. по отношению к той части капитала, которая расходуется на живой труд, образует фонд заработной платы. Вместе с тем это выражается в том, что меньшее количество труда приводит в движение большее количество капитала.

При создании абсолютной прибавочной стоимости, если рабочее время удлиняется, то должно увеличиваться количество сырого материала. Однако количество труда и количество постоянного капитала (в той мере, в какой последний вообще возрастает, следовательно, только та его часть, которая составляет сырой материал) остаются между собой в *постоянном* соотношении и возрастают [XX—1255] тоже в постоянном соотношении (хотя количество *оплаченного* труда растет не в той же пропорции, в какой растет постоянный капитал. Но *количество рабочих* остается тем же самым). Если здесь дана величина совокупного рабочего дня, то соотношение между постоянным и переменным капиталом остается *тем же самым*.

Хотя при рассмотрении *прибавочной стоимости* мы должны иметь в виду лишь отношение прибавочного труда к переменному капиталу, а не отношение прибавочной стоимости к совокупному капиталу, тем не менее уже при рассмотрении относительной прибавочной стоимости непременно следует констатировать тот выявляющийся здесь результат, что *развитие производительных сил* [труда], обусловливающее увеличение относительной прибавочной стоимости, предполагает или влечет за собой два обстоятельства:

1) *Концентрацию капитала,* т. е. абсолютное увеличение той массы стоимости, которая должна находиться в руках отдельного капиталиста; ибо здесь предполагается производство в *крупном масштабе.* Имеет место, следовательно, возрастание *совокупных масс капитала,* выступающих как собственность отдельных капиталистов. Эти массы капитала должны, стало быть, концентрироваться в руках отдельных лиц.

2) Одновременно с тем, как абсолютные *массы капитала* увеличиваются в руках отдельного капиталиста и по своим размерам приобретают характер *общественного* капитала, происходит изменение в строении капиталов. Переменный капитал относительно уменьшается по сравнению с постоянным капиталом и образует всё более уменьшающуюся составную часть совокупного капитала.

{Спрашивается, не следует ли все это вместе рассмотреть в нижеследующем параграфе δ, где мы сформулируем результаты, вытекающие из характерных черт капиталистического производства.} [145]

Если совокупная стоимость капитала, вступающего в процесс производства, увеличивается, то рабочий фонд — переменный капитал — должен относительно уменьшиться по сравнению с прежним соотношением, при котором производительная сила труда оставалась той же самой. Если указанное соотношение изменяется так, что из 100 [единиц авансированного капитала] на труд вместо $^1/_2$ расходуется только $^1/_4$, следовательно, если оно теперь составляет $75\ c + 25\ v$, то капитал, чтобы применить прежнее число рабочих, должен был бы возрасти со 100 до 200, т. е. должен был бы составлять $150\ c + 50\ v$.

Двумя моментами, определяющими прибавочную стоимость, являются ее норма, то прибавочное время, в течение которого работает отдельный рабочий, и число одновременно занятых рабочих; следовательно, если рассматривать совокупный капитал, то прибавочная стоимость определяется как прибавочный труд отдельного рабочего, умноженный на число одновременно занятых рабочих, или на *рабочее население.* Если величина по-

следнего дана, то прибавочная стоимость может возрастать лишь путем относительного увеличения прибавочного труда и абсолютного уменьшения необходимого рабочего времени. Если дана норма, то прибавочная стоимость может возрастать лишь путем роста населения.

Соотношение между *нормой прибавочной стоимости* и *числом* одновременно эксплуатируемых рабочих претерпевает специфическую модификацию вместе с развитием производительных сил, в особенности благодаря применению машин, короче — вместе с действительным развитием капиталистического производства.

Отношение той части отдельного рабочего дня (если его предел достигнут), которая приходится на *прибавочный труд*, к той его части, которая состоит из необходимого рабочего времени, в результате развития производительных сил модифицируется таким образом, что необходимый труд ограничивается все меньшей долей рабочего дня. То же самое, однако, относится также и к населению. Рабочее население численностью, скажем, в 6 млн. человек может рассматриваться как один рабочий день из 6×12, т. е. из 72 млн. рабочих часов, так что здесь применимы *те же самые* законы. Но все это получает свое развитие лишь с применением машин.

Капитал может создавать прибавочный труд лишь путем полагания необходимого труда, т. е. путем обмена с рабочим. Отсюда его тенденция создавать как можно больше труда, точно так же как и его тенденция сводить к минимуму необходимый труд. Поэтому тенденцией капитала является в одинаковой степени как увеличение рабочего населения, так и превращение части последнего в избыточное население, т. е. в такое население, которое бесполезно до тех пор, пока капитал не в состоянии его использовать. (Избыточное население и избыточный капитал.) Капитал так же имеет тенденцию делать человеческий труд излишним, как и сверх всякой меры приводить его в движение. Ему необходимо увеличивать число одновременных рабочих дней, для того чтобы увеличивать прибавочную стоимость, но точно так же ему необходимо уничтожать их в качестве необходимого труда, для того чтобы превращать их в прибавочный труд. В самом деле, мы видим, что сокращение необходимого труда предполагает массовый совместный труд, следовательно, рабочий материал в массовом количестве, и, таким образом, само население является средством создания избыточного населения, так же как и, с другой стороны, — при данной норме прибавочного труда — оно является пределом того количества рабочих, которое может эксплуатироваться одновременно.

Если рассматривать отдельный рабочий день, то процесс [производства прибавочной стоимости] заключается в том, чтобы 1) удлинять рабочий день до физически возможного предела, 2) все больше сокращать его необходимую часть.

Тот же самый процесс, посредством которого сокращается необходимый труд, дает возможность вводить в действие новый необходимый труд; иными словами, *производство рабочих* становится дешевле, в одно и то же время может быть произведено больше рабочих, если уменьшается мера необходимого рабочего времени, или сокращается то время, которое требуется для *производства живой рабочей силы*. И это — без учета того, что увеличение населения увеличивает производительную силу труда тем, что оно делает возможными разделение труда, кооперацию и т. д. [XX—1254*a*]* Увеличение населения является *природной силой* труда, которая не оплачивается.

С другой стороны, — как и прежде в отношении *отдельного* рабочего дня, — капитал точно так же имеет тенденцию сводить к минимуму теперь уже число одновременных рабочих дней (которые, поскольку речь идет только о *стоимости*, могут рассматриваться как *один рабочий день*), т. е. возможно большее количество их превращать в *не необходимые* рабочие дни и, как прежде в отношении отдельного рабочего дня капитал стремился сокращать число необходимых рабочих часов, так теперь он стремится сокращать *необходимые рабочие дни* по отношению к совокупному овеществляемому рабочему времени. Если раньше необходимо было иметь 6 рабочих для получения 12 прибавочных рабочих часов, то капитал стремится к тому, чтобы теперь их нужно было для этой цели всего лишь 4; $6 \times 2 = 4 \times 3$. Таким образом, 4 рабочих, работающих по 3 прибавочных часа, производят столько же прибавочной стоимости, сколько 6 рабочих, каждый из которых работает только 2 прибавочных часа. Иначе говоря, 6 рабочих дней равны [совокупному] рабочему дню в 72 часа. Из них прибавочный труд был равен 12 часам, а, следовательно, необходимый труд — 60 часам. Если необходимое рабочее время удастся уменьшить на 24 часа (т. е. на 2 рабочих дня, или на 2 рабочих), то совокупный рабочий день составит $60—24 + 12 = 36 + 12 = 48$ часов, 12 из которых являются прибавочным рабочим временем. С другой стороны, вновь создаваемый добавочный капитал может в качестве такового увеличить свою стоимость опять-таки лишь путем обмена на живой труд. Отсюда проистекает тенденция капитала как к постоянному увеличению рабочего населения,

* Между страницами 1255 и 1256 находятся пронумерованные Марксом страницы 1254*a* и 1255*a*. *Ред.*

так и к постоянному уменьшению его необходимой части, т. е. к тому, чтобы часть населения превращать в избыточное население, вызывать перенаселение. Оно является резервом. Au fond * это — лишь применение того, что было сказано *при рассмотрении отдельного рабочего дня.* Таким образом, здесь уже имеются в скрытом виде все высказываемые в современной теории населения, но не понятые противоречия.

У *Рикардо* в связи с машинами правильно говорится о том, что капитал *создает избыток* населения [146]. Капитал в одинаковой мере имеет тенденцию абсолютно увеличивать население и все возрастающую его часть превращать в избыточное население.

Разделение труда и его комбинирование в процессе производства представляют собой такой механизм, который ничего не стоит капиталисту. Капиталист оплачивает лишь отдельные рабочие силы, а не их комбинацию, не общественную силу труда. Другой производительной силой, которая также ничего не стоит капиталисту, является сила науки. Далее, рост населения тоже является такой производительной силой, которая ему ничего не стоит. Но только в результате обладания капиталом — и особенно в форме системы машин — капиталист может присваивать себе эти даровые производительные силы: как скрытые природные богатства и природные силы, так и все общественные силы труда, развивающиеся вместе с ростом населения и историческим развитием общества.

Уменьшение необходимого труда по отношению к прибавочному, если рассматривать отдельный рабочий день, выражается в том, что капитал присваивает себе более значительную часть рабочего дня. Применяемый живой труд остается здесь таким же. Допустим, что в результате применения машин 3 рабочих из 6 стали излишними. Если бы эти 6 рабочих сами владели машинами, то каждый из них отныне работал бы только половину рабочего дня (при предположении, что это новое соотношение является всеобщим, так что потребительная стоимость, стоимость которой теперь составляет 6 часов, выполняет ту же службу, какую раньше выполняла потребительная стоимость, обладавшая стоимостью в 12 часов). Однако в действительности теперь 3 рабочих ежедневно всю неделю работают в течение полного рабочего дня.

Допустим, что необходимый труд раньше составлял 10 часов, прибавочный труд — 2 часа, так что прибавочный труд 6 рабочих составлял 2 × 6 часов, т. е. 1 рабочий день, а если брать

* — В сущности. *Ред.*

неделю — недельный прибавочный труд *одного* рабочего. Каждый рабочий один день в неделю работал даром. Это — то же самое, как если бы 5 рабочих всю неделю работали только на себя, а 6-й — даром. Один рабочий из шести ничего не стоит капиталисту. 5 рабочих представляют *необходимый труд*. Если бы число последних можно было сократить до 4 и если бы один рабочий по-прежнему работал даром, то относительная прибавочная стоимость возросла бы. Прежде она выражалась отношением 1 : 6, а теперь выражается отношением 1 : 5. Если каждый [из 5 оставшихся рабочих] вместо 10 часов необходимого рабочего времени работает только $9^3/_5$ часа и, значит, вместо 2 прибавочных часов доставляет $2^2/_5$ часа, то [прибавочный труд 5 рабочих будет равен] $2^2/_5 \times 5 = 12$ рабочим часам, или одному целому рабочему дню, и это было бы то же самое, как если бы один из 5 рабочих представлял совокупный прибавочный труд, а четверо рабочих — необходимое рабочее время для самих себя и для пятого. Переменный капитал с $6x$ (x — заработная плата) уменьшился бы до $5x$. Переменный капитал $6x$ соответствовал необходимому труду в течение 5 дней недели, а теперь переменный капитал $5x$ соответствует небходимому труду в течение 4 дней недели, однако он приносит ту же самую прибавочную стоимость. Следовательно, норма прибавочной стоимости возросла. С меньшим переменным капиталом выколачивается то же самое количество прибавочного труда.

Если капитал имеет возможность использовать по *новой* норме 6 рабочих, то прибавочная стоимость возрастет не только относительно, по отношению к авансированному переменному капиталу, но и абсолютно. Ибо теперь работают 6 рабочих, каждый из которых $2^2/_5$ часа в день работает даром. Это составляет $2^2/_5 \times 6 = {}^{72}/_5 = 14^2/_5$ часа. Раньше прибавочный труд был равен только 12 часам. Разумеется, $2^2/_5$, умноженное на 6, больше, чем $2^2/_5$, умноженное на 5.

[XX—1255 *a*] Если дана эта новая норма прибавочной стоимости, то интересы капитала вновь требуют применения по этой норме возможно большего числа рабочих — отчасти в соответствии с законом, сформулированным при рассмотрении абсолютной прибавочной стоимости и гласящим, что при данной величине нормы прибавочной стоимости масса последней может возрастать лишь пропорционально числу одновременно занятых рабочих; отчасти потому, что вместе с числом одновременно занятых рабочих растут преимущества, вытекающие из комбинирования и разделения труда.

Тенденция капитала состоит, разумеется, в том, чтобы соединить абсолютную прибавочную стоимость с относительной,

максимальное удлинение рабочего дня — с максимальным числом одновременно занятых рабочих, и вместе с тем сократить до минимума необходимое рабочее время и поэтому ограничить до минимума необходимое число рабочих. Заложенные здесь противоречия выступают как такой процесс, в котором противоречивые условия сменяют друг друга во времени. Необходимым следствием этого является *максимально возможное увеличение многообразия потребительной стоимости труда* — или отраслей производства, — так что производство капитала стремится, с одной стороны, к развитию и *повышению интенсивности производительной силы*, а с другой стороны, к *неограниченному разнообразию отраслей труда*, т. е. к всесторонности содержания производства, подчиняя последнему все области природы.

* * *

α) *Прежде всего*, здесь следует оставить в стороне всякие соображения относительно прибыли. Замещение машинами работников, работавших либо как самостоятельные ремесленники, либо как рабочие в мануфактуре, основанной на разделении труда, может произойти во всех тех случаях, когда от этого уменьшается *цена товара*, а это имеет место каждый раз, когда *доля стоимости*, переносимая на единицу товара в качестве возмещения износа машин, оказывается *меньше* той стоимости, которая добавлялась к товару трудом, замененным машиной. Ибо коль скоро машина заменяет труд, то само собой разумеется, что на единицу товара приходится меньшее количество живого труда, или меньшее количество живого труда производит такую же или бо̀льшую, чем прежде, массу товара. Таким образом, при этих обстоятельствах цена единицы товара понижается, так как она равна стоимости, переносимой на нее используемыми машинами, плюс стоимость, добавленная трудом, которая тем меньше, чем больше количество потребительных стоимостей, производимых данным количеством живого труда. О стоимости сырого материала здесь говорить не приходится, так как она постоянна для обоих видов производства, старого и нового. И в тот и в другой сырье входит как стоимость данной величины.

Но совокупное количество товаров, произведенных дешевле, [по своей стоимости] не больше совокупного количества товаров, произведенных дороже. Иными словами, если труд той же самой продолжительности (овеществленный плюс живой труд) производит теперь вдвое большее количество товара, чем раньше, то это вдвое большее количество товара имеет теперь лишь

такую стоимость, какую раньше имела половина этого количества. Достигаемое посредством машин удешевление товаров само по себе не создает никакой прибавочной стоимости. Прибавочная стоимость, как и прежде, остается равной избытку прибавочного труда над необходимым. Но так как — вследствие применения машин — сократилось *число* рабочих, приводимых в движение капиталом данной величины, то сократилось также и совокупное количество живого труда, приводимое в движение этим капиталом. Таким образом, для того чтобы прибавочная стоимость оставалась той же самой, она должна относительно возрастать, т. е. бо̀льшая, чем прежде, доля меньшего совокупного количества труда должна составлять прибавочный труд, или, что то же самое, меньшее число рабочих должно доставлять такое же количество прибавочного труда, какое раньше доставлялось бо̀льшим их числом. Прибавочная стоимость оставалась бы тогда *той же самой*, но относительно она все-таки возросла бы, так как понизилась бы заработная плата, а потому и переменный капитал. Ибо то обстоятельство, что прибавочный труд составляет теперь бо̀льшую долю меньшего совокупного количества труда, означает не что иное как то, что необходимый труд, труд, необходимый для воспроизводства рабочей силы, сокращается. Отсюда сокращение заработной платы. Несмотря на этот *относительный* рост прибавочной стоимости и снижение заработной платы капиталист положил бы себе в карман не больше прибавочной стоимости, чем прежде, потому что норма прибавочной стоимости возросла лишь в той же самой пропорции, в какой сократилось число рабочих; поэтому масса прибавочной стоимости, равная произведению числа рабочих на норму прибавочной стоимости, осталась *той же самой*. Таким образом, для того чтобы применение машин принесло капиталисту больше прибавочной стоимости на данный капитал, прибавочная стоимость должна была бы возрасти абсолютно, т. е. уменьшенное число рабочих должно было бы выполнять не только такое же, но большее количество прибавочного труда, чем раньше выполняло большее число рабочих.

Но (если не говорить о том, что введение машин сводит квалифицированный труд к простому труду) заработная плата падает лишь постольку, поскольку произведенные при помощи машин более дешевые товары входят в потребление рабочего и тем самым удешевляется воспроизводство рабочей силы; т. е. лишь постольку, поскольку стоимость рабочей силы уменьшается и поэтому выражается в меньшей заработной плате.

[XX—1256] Но тут, во-первых, ясно, что *это* связанное с машинами понижение заработной платы происходит не одновременно с их введением, а лишь постепенно; однако как только производимые при помощи машин товары повсеместно понизятся в стоимости, прибавочная стоимость возрастет не только в той отрасли, в которой введены машины, но во *всех* отраслях производства, так как произошло всеобщее уменьшение величины одного из элементов стоимости рабочей силы. Прибавочная стоимость даже в большей степени повышается в тех отраслях, где не введены машины, потому что эти отрасли применяют такое же число рабочих, как и раньше, но платят за них меньше. Это, следовательно, не может служить мотивом для вводящей машины отрасли производства.

Во-вторых, в какой-либо особой отрасли производства машины удешевляют только свой особый продукт; этот последний, однако, входит в стоимость рабочей силы, или в потребление рабочего, лишь как особая статья и уменьшает эту стоимость лишь соответственно той пропорции, в которой он образует элемент жизненных средств рабочих. Проистекающее отсюда обесценение рабочей силы — или являющаяся результатом этого прибавочная стоимость — не находится, следовательно, в однозначной зависимости от того отношения, в котором машины увеличили производительную силу труда, или уменьшили число рабочих, необходимых для производства определенного количества потребительных стоимостей.

В-третьих, однако, ясно, что тот прибавочный труд, который в результате введения машин, — следовательно, в тех отраслях производства, где введены машины, — доставляется меньшим числом рабочих, может абсолютно возрастать только до известных пределов или даже может оказаться равным прибавочному труду, доставлявшемуся до введения машин бо̀льшим числом рабочих. Например, если рабочий день равен 12 часам, а машина замещает 24 рабочих двумя и если прибавочный труд прежде составлял один час, то масса прибавочного труда, доставлявшегося 24 рабочими, была равна 24 часам, или двум рабочим дням; следовательно, она была равна тому совокупному количеству труда, которое теперь доставляют двое рабочих, необходимого и прибавочного труда вместе. Чѐм в большей степени машины сокращают число рабочих, приводимых в движение данным капиталом, тем все более невозможным становится то, чтобы остающаяся часть рабочих доставляла бо̀льшую или такую же массу прибавочного труда, какую доставляли вытесненные рабочие, как бы ни возрастало при этом

относительное прибавочное рабочее время, в течение которого они работают.

Но *стоимость* товара определяется *рабочим временем, необходимым* для его изготовления при всеобщих условиях производства. Те капиталисты, которые первыми вводят машины в особых отраслях производства, производят товар за более короткое рабочее время, чем *общественно необходимое*. Поэтому *индивидуальная* стоимость их товара *ниже* его общественной стоимости. Следовательно, до тех пор пока машины не стали господствовать повсюду в данной отрасли производства, капиталисты, первыми применившие машины, могут продавать свой товар *выше* его индивидуальной стоимости даже в том случае, когда они продают его *ниже общественной* стоимости. Иными словами, до тех пор труд их рабочих выступает как более высокий труд, стоящий выше среднего уровня, продукт которого имеет поэтому более высокую стоимость. И, таким образом, фактически для капиталиста, вводящего машины, меньшее число рабочих производит *бо́льшую прибавочную стоимость*, чем та, которую производило большее число рабочих.

Допустим, что 2 рабочих заменили 12. Эти 2 рабочих производят столько же, сколько производили 12 рабочих. Каждый из 12 рабочих должен был работать 1 час прибавочного времени, следовательно, всего прибавочного рабочего времени — 12 часов. Если капиталист продает теперь свой продукт за 24 часа прежнего совокупного рабочего времени (из которого 22 часа приходились на необходимый и 2 часа — на прибавочный труд) плюс 10 часов совокупного прибавочного времени десяти вытесненных рабочих, то величина стоимости сырья в продукте остается той же самой. Пусть ежегодный износ машин, входящий в стоимость продукта (при этом для сопоставления необходимо еще учесть износ старого ремесленного орудия), равен $^1/_{10}$ стоимости машин, вытеснивших 10 рабочих [147]. Стоимость продуктов, произведенных до введения машин, была равна $12 \times 12 = 144$ часам + сырой материал + износ старого ремесленного орудия. Стоимость продуктов, произведенных с помощью машин, равна 24 часам + сырой материал + 10 часов + + $^{120}/_{10}$, что [без стоимости сырья] составляет 46 часов. Следовательно, цена единицы товара сильно понизилась. Сырой материал в обоих случаях мы можем не принимать в расчет. Итак, из 24 часов совокупного рабочего времени капиталист получает 12 часов прибавочной стоимости [148]. Иначе говоря, каждый из 2 рабочих доставляет капиталисту столько прибавочной стоимости, сколько прежде доставляли 6 рабочих. Получается то же самое, как если бы он сократил необходимое рабочее время до

6 часов и за *стоимость* продукта половины рабочего дня покупал целый рабочий день.

С другой стороны, не подлежит никакому сомнению то, что из происходящего вследствие введения машин сокращения числа рабочих, приводимых в движение данным капиталом, а следовательно, из уменьшения одного из факторов, конституирующих прибавочную стоимость, отчасти проистекает тенденция, характерная именно для механической фабрики, тенденция к удлинению абсолютного рабочего времени, т. е. к тому, чтобы заставить двух рабочих работать, например, 16 или 17 часов, если прежде они работали только 12 часов в день. В силу характера машинного производства осуществление этой тенденции облегчается всевозможными способами, и кроме уже указанного мотива она влечет за собой еще новые мотивы (связанные с прибылью и определяемые отношением переменного капитала к постоянному), которые необходимо исследовать в дальнейшем, при рассмотрении прибыли.

[XX—1257] Как только машины повсеместно введены в данной отрасли, и, стало быть, исчезает разница между индивидуальной и общественной стоимостью производимых ими товаров, то, естественно, возрастает указанная тенденция к увеличению, путем *абсолютного удлинения* рабочего дня, массы прибавочной стоимости, уменьшившейся вследствие уменьшения численности рабочих, и тем самым — к увеличению абсолютной массы труда, выжимаемого из этого уменьшившегося числа рабочих.

Как только этой тенденции были положены определенные границы и был установлен нормальный рабочий день, возникает тенденция к увеличению *интенсивности* труда и к использованию этого более интенсивного труда в качестве труда, превышающего уровень простого труда. Об этом говорилось раньше.

В той мере, в какой машины вызывают прямое понижение заработной платы занятых ими самими рабочих, — например, путем спроса [на труд] со стороны вытесненных ими рабочих они сокращают заработную плату занятых рабочих, — рассмотрение этого вопроса не входит в нашу задачу, а относится к учению о заработной плате. Здесь в нашем исследовании мы исходим из того, что *стоимость рабочей силы* оплачивается, следовательно, заработная плата уменьшается лишь в результате обесценения этой рабочей силы, или, что то же самое, в результате удешевления жизненных средств, входящих в потребление рабочих. Напротив, в указанном выше случае речь идет не о понижении *стоимости* средней заработной платы, а лишь о понижении ее по сравнению с ее прежним средним уровнем

(выраженным в количестве потребительных стоимостей), об уменьшении самого среднего уровня, или о падении цены труда ниже его стоимости.

Но сюда, конечно, относится следующее:

Первое. То, что посредством прямой эксплуатации труда женщин и детей, вынужденных самим себе зарабатывать средства к жизни, в результате чего капиталу достается, следовательно, бо́льшая масса труда всей семьи рабочего, — *во-первых,* растет *совокупная масса подвергающегося эксплуатации труда*, предоставляемая капиталу данным количеством населения, а следовательно, растет также и масса выжимаемого из этого рабочего населения прибавочного труда; *во-вторых,* обесценивается рабочая сила *взрослого* рабочего. Раньше его заработной платы должно было хватать для содержания его самого и его семьи. Его жена работала на свой дом, а не на капиталиста, а дети лишь в более позднем возрасте начинали сами зарабатывать эквивалент того, что они потребляли. Заработной платы взрослого отца семейства должно было не только хватать на их пропитание *без дополнительного труда* с их стороны, но также и на издержки по развитию их рабочей силы, которое в результате введения машин сводится почти к нулю.

Напротив, теперь женщины и дети не только воспроизводят эквивалент того, что они потребляют, но вместе с тем и производят прибавочную стоимость. Таким образом, вся семья вынуждена доставлять бо́льшую массу труда, — как необходимого, так и прибавочного труда, — вынуждена доставлять больше прибавочного труда, для того чтобы выколотить для всей семьи ту же самую *среднюю заработную плату*.

Второе. Поскольку машины на место искусного самостоятельного ремесленника и на место специализации труда, развившейся благодаря разделению труда, ставят нивелированный простой труд, дифференцированный самое большее по различиям возраста и пола, — они сводят всякую рабочую силу к *простой* рабочей силе и всякий труд к простому труду, в результате чего совокупная масса рабочей силы обесценивается.

Все это относится к рабочим, работающим при посредстве машин. В дальнейшем мы вернемся к тем рабочим, которым приходится конкурировать с новыми машинными рабочими или с рабочими, работающими на усовершенствованных машинах.

β) Теперь нам необходимо исследовать еще два вопроса. *Во-первых,* насколько результаты действия машин отличаются от результатов действия разделения труда и простой кооперации, и, *во-вторых,* каковы результаты действия машин на выброшенных, вытесненных ими рабочих.

Характерной чертой всех *общественных форм* и комбинаций труда, развивающихся в рамках капиталистического производства, является то, что они сокращают время, необходимое для производства товара, а, стало быть, также уменьшают массу рабочих, требующихся для производства определенного количества товара (а также *прибавочной стоимости*). Однако лишь при *машинном* производстве и на *механической фабрике*, основанной на применении машин, развившихся в систему машин, имеет место *замещение рабочих* частью постоянного капитала (той частью продукта труда, которая снова становится средством труда) и вообще происходит *образование избытка рабочих* как *явно выраженная и сознательная тенденция* и как *тенденция, действующая в крупном масштабе*. Прошлый труд выступает здесь как средство замещения живого труда или уменьшения численности рабочих. Это вытеснение человеческого труда выступает здесь как *капиталистическая спекуляция*, как средство увеличения прибавочной стоимости.

(В действительности это может произойти лишь в той мере, в какой произведенные машинами товары в качестве жизненных средств входят в потребление рабочего, или образуют элементы воспроизводства рабочей силы. Однако, поскольку *индивидуальная стоимость* товаров, произведенных машинами, на первых порах, до всеобщего введения машин, [XX—1258] отличается от их общественной стоимости и поскольку отдельный капиталист кладет себе в карман часть этой разницы, — *всеобщая* тенденция капиталистического производства заключается в том, чтобы во всех отраслях производства заменять человеческий труд машинами.)

Лишь в условиях применения *машин* происходит также и то, что рабочий начинает вести прямую борьбу с развиваемой капиталом производительной силой как с принципом, антагонистичным по отношению к нему самому, к живому труду. *Разрушение машин*, и вообще выступление рабочих против введения машин, представляет собой первое объявление войны способу производства и средствам производства, которые были развиты капиталистическим производством. Подобных явлений не наблюдается при простой кооперации и разделении труда. Напротив, разделение труда в рамках мануфактуры до некоторой степени воспроизводит разделение труда между различными ремеслами. Единственная оппозиция, которую мы здесь находим со стороны цеха и средневековой организации труда, заключалась в том, что отдельному мастеру запрещалось применять *превышающее установленный максимум количество рабочих*, а простому *купцу*, не являвшемуся мастером, вообще

запрещалось применять рабочих. Эта оппозиция была *инстинктивно* направлена против той всеобщей основы, на которой только и может произойти переход от ремесленного к капиталистическому способу производства, — а именно, путем кооперации многих рабочих под руководством *одного* мастера, — так же как она была направлена против *массового производства,* хотя здесь еще нельзя было осознать те общественные силы труда, которые развивает это массовое производство, и то обесценение живого труда или даже его замещение продуктом прошлого труда, которые связаны с этим процессом.

Разделение труда и простая кооперация никогда не основываются *непосредственно* на замещении труда, или на создании избытка рабочих, так как их основой являются, с одной стороны, скопление рабочих, а с другой стороны, образование, путем такого скопления рабочих, живых механизмов или системы машин. Правда, таким путем создается *относительный* излишек труда. Например, если основанная на разделении труда мануфактура, в которой работают 30 рабочих, производит в x раз больше замкòв, чем их смогли бы произвести 30 самостоятельно работающих слесарей, то не только будут вытеснены самостоятельно работающие слесари — там, где им приходится конкурировать с мануфактурой, — но и рост производства замкòв уже не предполагает больше, как это было прежде, пропорциональное увеличение количества слесарей. Однако это выступает скорее как вытеснение цеховых мастеров и их подмастерьев и превращение их в капиталистов и наемных рабочих, нежели как вытеснение самих наемных рабочих в результате применения капитала и науки. Эта последняя форма встречается тем реже, что мануфактуры, когда они возникают *до* изобретения машин, появляются лишь *спорадически,* никоим образом не охватывают все отрасли и к тому же совпадают с началом развития промышленного труда в крупном масштабе и основанных на нем потребностей. Более поздние мануфактуры, развивающиеся рука об руку с машинами, предполагают их, даже если они могут применять машины еще только частично. Их предпосылкой является избыточное население, создаваемое и постоянно возобновляемое машинным производством.

Поэтому А. Смит еще мог рассматривать разделение труда в мануфактуре и увеличение числа рабочих как идентичные выражения (смотри соответствующее место [149]).

Основной формой здесь [в условиях мануфактуры] всегда остается то, что *число рабочих,* требующееся для производства определенного количества товара, *относительно* уменьшается,

так как уменьшается количество труда, или же что *то же самое число рабочих* производит *больше* (следовательно, что относительно падает также и спрос на труд для расширения производства), но что вместе с тем, для того чтобы вызвать это *относительное* увеличение производительной силы, необходимо применить *большее число рабочих.* Как осязаемая, зримая форма здесь выступает *относительное уменьшение необходимого* рабочего времени, но не *абсолютное* уменьшение *применяемого труда,* так как основой здесь всегда остается живой рабочий и *число одновременно занятых рабочих.* Тем более, что это возникновение мануфактуры приходится на такое время, когда потребности, масса поступающих в обмен товаров и внешняя торговля (фактически *относительный мировой рынок*) внезапно колоссально расширяются. Поэтому мы видим мануфактуру в борьбе лишь с ремесленным производством, но отнюдь не с самим *наемным трудом,* который (в городах) впервые получает широкое распространение только с развитием этого способа производства.

Необходимое рабочее время здесь изменяется, но лишь в результате того, что растет число одновременно занятых рабочих и что вообще промышленный труд в качестве наемного труда отделяется от ремесленного и сельского патриархального производства. Но это развитие производительной силы неизменно основывается здесь на рабочем и на совершенствовании его специфической искусности. Разумеется, в *ведущемся в крупном масштабе сельском хозяйстве,* которое развивается одновременно с мануфактурой, дело обстоит иначе. Такое сельское хозяйство с самого начала вызывает те же последствия, что и машинное производство [в промышленности], но это происходит по существу только потому, что здесь, как при превращении пахотной земли в пастбище для скота, так и при применении лучших орудий и *лошадей, прошлый труд,* как и в машинном производстве, выступает как средство замещения или уменьшения *живого* труда.

[XX—1259] *Машины, напротив:*

Там, где на основе машин создаются *новые отрасли производства,* там, конечно, не может быть и речи о замещении рабочих машинами. Но подобный случай вообще может иметь место только тогда, когда машины уже получили распространение, — в более развитый период основанного на машинах способа производства, но даже в этот период всегда лишь в ничтожно малых масштабах, будем ли мы сравнивать продукты этих новых отраслей с теми товарами, в производстве которых человеческий труд вытесняется машинами, или с теми

товарами, которые замещают товары, ранее производившиеся одним только ручным трудом.

Самым первым всегда является *применение машин* в таких отраслях, в которых до этого производство велось ремесленным или мануфактурным способом. Тем самым машина выступает как исходящее из капиталистического способа производства *революционизирующее* начало в способе производства вообще. Как только была основана *механическая фабрика,* целью становятся постоянные *усовершенствования машин;* эти усовершенствования либо подчиняют системе машин те звенья фабрики, которые пока еще не были ей подчинены, либо уменьшают число занятых рабочих, либо труд взрослых рабочих замещают женским и детским трудом, либо, наконец, в большей степени, чем в мануфактуре (и потому это непосредственно ощущается рабочими), увеличивают производительную силу одного и того же количества рабочих и поэтому *относительно* уменьшают число рабочих, требуемое для производства определенной массы товаров.

Формула применения машин заключается не в относительном уменьшении *отдельного рабочего дня,* его необходимой части, а в сокращении *числа рабочих,* т. е. совокупного рабочего дня, составленного из многих одновременных рабочих дней, его необходимой части; иными словами, в том, чтобы выбросить, ликвидировать определенное число рабочих как излишних для производства прибавочного труда, не говоря уже об уничтожении развившейся благодаря разделению труда специализации и о происходящем в результате этого обесценении рабочей силы. Прошлый труд — и общественная комбинация труда — сознательно используются здесь как средства делать живой труд излишним. В условиях другой формы необходимое рабочее время есть та основа, на которой развивается прибавочный труд. Здесь же, напротив, высчитывают, как, обладая определенным количеством необходимого труда, можно получить определенное количество прибавочного труда.

Противоположность между капиталом и наемным трудом развивается здесь до полного противоречия, так как капитал выступает не только как средство обесценения живой рабочей силы, но также и как средство превращения ее в *излишнюю:* либо — для определенных процессов — в полностью излишнюю, либо же — как общий случай — *сокращая ее до минимального количества.* Необходимый труд непосредственно превращается здесь в излишний — в *перенаселение,* — коль скоро он не требуется для того, чтобы доставлять прибавочный труд.

Раньше[150] уже было показано, как тем самым капитал фактически — против своей воли — уменьшает массу прибавочного труда, которую может произвести определенный капитал *. И отсюда опять проистекает противоположная тенденция — к тому, чтобы заставить сравнительно небольшое число действительно занятых у машин рабочих выполнять *максимальное количество абсолютного прибавочного труда,* т. е. увеличивать абсолютный рабочий день.

Поэтому-то экономисты периода великого промышленного переворота высказываются против господствовавшего еще в мануфактурный период предрассудка, будто бы в интересах государства — т. е. в данном случае класса капиталистов — занимать максимальное *число рабочих.* Напротив, задача здесь состоит в том, чтобы по возможности уменьшить требующееся для производства прибавочного труда число рабочих и создать избыточное население.

γ) Для рабочего речь здесь идет не только об уничтожении его специальности и обесценении его рабочей силы, но и об уничтожении у постоянно меняющейся по своей величине части рабочих их единственного товара — *рабочей силы,* которая в качестве излишней замещается машинами; замещается либо в результате того, что часть работы полностью выполняется машиной, либо в результате того, что весьма значительно уменьшается число рабочих, обслуживающих машины, а рабочие, конкурирующие с машинами и принадлежащие прежнему способу производства, разоряются. То рабочее время, которое *для них* является *рабочим временем,* индивидуально *необходимым* для производства товара, не является больше общественно необходимым рабочим временем. Их труд в течение 16—18 часов создает только такую [XX—1260] стоимость, для создания которой труду в условиях машинного производства

* [XX—1241*a*][151] Капитал (C) первоначально равняется c (постоянный капитал)+ + v (переменный капитал).

Продукт P, или C', т. е. реализованный капитал (ибо капитал реализуется лишь после того как он полагает себя в качестве возрастающей стоимости, в качестве первоначальной стоимости плюс прибавочная стоимость) равняется постоянному капиталу, переменному капиталу плюс прибавочная стоимость, равная x.

Мы имеем поэтому следующие уравнения:

1) $C = c + v$.

2) C', или $P = c + (v + x)$.

Если в этом втором уравнении мы предположим, что $x = 0$, то C', или $P = c + v$, равно C. Это означает, что в данном случае стоимость продукта не отличается от стоимости первоначального капитала; поэтому капитал не реализовался как капитал.

Если мы имеем уравнение $y = f(x)$, где f представляет собой некоторую функцию от x, и если x превращается в $x + h$, то из $y = f(x)$ получается $Y = f(x + h)$.

«Очевидно, что если при $Y = f(x + h)$, h становится равным нулю, то Y превращается в y» (*Francoeur.* Calcul Differentiel)[152]. [XX—1241*a*]

требуется лишь 6 или 8 часов. В результате удлинения рабочего времени сверх всяких нормальных границ и одновременного ухудшения его оплаты, — так как стоимость регулируется стоимостью товаров, произведенных машинами, — эти рабочие вступают тогда в борьбу с машинами и ведут ее до тех пор, пока не погибают окончательно. (См. в добавочной тетради пример с *ткачами* [153].)

Итак, если, с одной стороны, машинам присуща тенденция к *постоянному выбрасыванию рабочих,* будь то из самой механической фабрики или из ремесленного предприятия, то, с другой стороны, им присуща тенденция к постоянному *привлечению* рабочих, так как на данной определенной ступени развития производительной силы *прибавочная стоимость* может быть увеличена лишь путем возрастания числа одновременно занятых рабочих. Такое притяжение и отталкивание рабочих являются характерными и, следовательно, характерными являются постоянные *колебания в существовании рабочего.*

В *забастовках* проявляется также то обстоятельство, что машины применяются и изобретаются прямо в противовес притязаниям живого труда и служат средством подавить и сломить его. (Смотри у *Рикардо* о постоянном антагонизме между машинами и живым трудом [154].)

Тут, следовательно, тем более налицо отчуждение объективных условий труда — отчуждение прошлого труда — от живого труда, превращающее объективные условия труда в антагонистическую противоположность живого труда, так что прошлый труд, включая сюда всеобщие общественные силы труда, силы природы и науку, непосредственно выступает в качестве оружия, которое служит отчасти для того, чтобы выбросить рабочего на мостовую, превратить его в *лишнего человека,* отчасти для того, чтобы лишить его специальности и покончить с основанными на ней притязаниями, отчасти для того, чтобы подчинить его детально разработанной на фабрике деспотии и военной дисциплине капитала.

В этой форме поэтому проистекающие из *общественной производительной силы* труда и самим трудом созданные *общественные условия* труда самым решительным образом выступают не только как чуждые рабочему, принадлежащие *капиталу* силы, но и как силы, враждебные рабочим, подавляющие их, направленные в интересах капиталиста против каждого отдельного рабочего. Вместе с тем мы видели, что капиталистический способ производства не только приводит к формальным изменениям, но совершает переворот во всех общественных и технологических условиях процесса труда; и что капитал

здесь уже не только выступает как *не принадлежащие* рабочему материальные условия труда — сырой материал и средства труда, — но выступает как *воплощение* противостоящих каждому отдельному рабочему *общественных сил и форм* выполняемого им совместно с другими рабочими труда.

Здесь же прошлый труд — в автомате и в приводимых им в движение машинах — выступает, как может показаться, самостоятельно и независимо от [живого] труда; вместо того чтобы подчиняться [живому] труду, он подчиняет его себе; железный человек выступает против человека из плоти и крови. Подчинение труда рабочего капиталу, всасывание капиталом его труда, заложенное в понятии капиталистического производства, выступает здесь как технологический факт. *Краеугольный камень* готов. Налицо приведенный в движение мертвый труд и живой труд в качестве всего лишь одного из его сознательных органов. Уже не кооперация лежит здесь в основе *живой взаимосвязи* всей фабрики, а система машин образует приводимое в движение первичным двигателем и охватывающее всю фабрику единство, которому затем подчинена живая фабрика, поскольку она состоит из рабочих. *Единство* этих рабочих получило таким путем явно независимую от них и самостоятельную по отношению к ним форму.

Теперь еще остается привести, во-первых, соответствующие места из Юра и других, а во-вторых, — кое-что о науке и силах природы.

Основанная на системе машин фабрика постоянно отталкивает рабочих в качестве *необходимых* и вновь притягивает вытолкнутых рабочих к функциям, установленным самой машиной. Если, например, из 50 рабочих 40 вытолкнуто, то решительно ничто не мешает тому, чтобы 40 рабочих вновь были притянуты, но теперь уже на основе нового уровня производства. Однако более подробное рассмотрение этого касается соотношений между переменным и постоянным капиталом, которые здесь не подлежат разбору. Странный страх экономистов перед тем, чтобы показать, что *в конце концов* базирующаяся на применении машин крупная промышленность все снова и снова поглощает избыточное население, является комичным. Они хотят сначала доказать, что машины хороши, так как они сберегают труд, а затем — что они опять-таки хороши, так как не сберегают его, а тот ручной труд, который они замещают в одном месте, они вновь вызывают к жизни в качестве ручного труда в другом месте. [XX—1261] Буржуазная политическая экономия в утешение рабочих ссылается в особенности на такие вспомогательные работы, которые не выполняются

машинами, но становятся необходимыми в результате применения машин. Утешение, стало быть, заключается в том, что машины лишь по видимости устраняют тяжелый труд, а в действительности наряду со старыми создают лишь новые формы этого труда. Иными словами, поскольку речь идет о рабочих, занятых на самой механической фабрике, это утешение заключается в том, что несмотря на машины — и несмотря на увеличившуюся в результате применения машин мучительность труда отдельного [машинного] рабочего — количество рабочих, обреченных на вышеупомянутый тяжелый труд, увеличивается. Впрочем, здесь не место более подробно рассматривать этот вопрос, так как он предполагает исследования относительно реального движения капитала, которые здесь еще невозможны. Однако приведенные мною выше примеры достаточно ярко иллюстрируют то обстоятельство, что машины могут действовать в обоих направлениях. Точно так же здесь нет необходимости подробнее показывать, каким образом в земледелии должна преобладать тенденция машин к тому, чтобы делать население избыточным не только временно, но также и абсолютно.

Вместе с системой машин — и основанной на ней механической фабрикой — господство прошлого труда над живым становится не только социальной истиной, выраженной в отношении между капиталистом и рабочим, но и, так сказать, *технологической* истиной.

Можно было бы спросить, как это вообще мыслимо, чтобы применение машин — не говоря о высвобождении капитала и труда — непосредственно делало возможным новый и увеличенный труд, если весь труд от начала до конца, как выполняемый непосредственно машинами, так и предполагаемый ими труд, должен быть меньше той массы труда, которая содержится в товарах, произведенных раньше, без применения машин. Но хотя, например, то количество труда, которое содержится в одном аршине полотна машинного производства, меньше, чем его содержится в одном аршине полотна, произведенного без применения машин, — тем не менее отсюда вовсе не следует, что если при помощи машин теперь вырабатывается 1 000 аршин полотна там, где прежде вырабатывался один аршин, то труд, — затрачиваемый на выращивание льна, его транспортировку и на выполнение всяких промежуточных работ, — совсем не увеличивается. Его увеличение касается не того количества труда, которое содержится в *одном* аршине, а независимого от самого ткачества большего количества предварительных работ, требующихся для 1 000 аршин

в отличие от одного, будь то в процессе предварительного труда, будь то в процессе обращения (транспортировка). Каждый аршин благодаря машинному труду стал бы дешевле, хотя тысяча аршин приводит в движение в тысячу раз больше побочного труда, чем прежде один аршин.

Массовое производство — кооперация в крупных масштабах с применением машин — впервые в крупных масштабах подчиняет непосредственному процессу производства *силы природы:* ветер, воду, пар, электричество, превращает их в *агентов общественного труда.* (В земледелии, в его докапиталистических формах, человеческий труд выступает скорее лишь как помощник природного процесса, который им не контролируется.) Эти силы природы как таковые *ничего не стоят.* Они не являются продуктом человеческого труда. Но их *присвоение* происходит лишь при посредстве машин, которые имеют стоимость, сами являются продуктом прошлого труда. Поэтому силы природы в качестве агентов процесса труда присваиваются лишь посредством машин и лишь владельцами машин.

Так как эти природные агенты ничего не стоят, то они входят в процесс труда, не входя в процесс образования стоимости. Они делают труд более производительным, не повышая *стоимости продукта,* не увеличивая стоимости товара. Напротив, они *уменьшают* [стоимость] единицы товара — тем, что увеличивают *массу* товаров, производимых за *то же самое рабочее время,* а следовательно, уменьшают *стоимость* каждой соответственной части этой массы. В той мере, в какой эти товары входят в воспроизводство рабочей силы, в результате этого уменьшается и стоимость рабочей силы, или сокращается рабочее время, необходимое для воспроизводства заработной платы, а прибавочный труд увеличивается. Постольку, следовательно, силы природы сами присваиваются капиталом — не тем путем, что они повышают стоимость товаров, а тем, что они ее понижают, что они входят в процесс труда, не входя в процесс образования стоимости. Применение этих сил природы в широком масштабе возможно лишь там, где в широком масштабе применяются машины, где, следовательно, применяются также соответствующая им конгломерация рабочих и кооперация этих подчиненных капиталу рабочих.

Применение *природных агентов* — в известной степени включение их в состав капитала — совпадает с развитием *науки* как самостоятельного фактора процесса производства. Если процесс производства становится *применением науки,* то наука, наоборот, становится фактором, так сказать, функцией процесса производства. Каждое открытие становится основой для нового

изобретения или для новых усовершенствованных методов производства. Только капиталистический способ производства впервые ставит естественные науки [XX—1262] на службу непосредственному процессу производства, в то время как, наоборот, развитие производства предоставляет средства для теоретического покорения природы. Наука получает призвание быть средством производства богатства, средством обогащения.

Только при этом способе производства впервые возникают такие практические проблемы, которые могут быть разрешены лишь научным путем. Только теперь опыт и наблюдения — и настоятельные потребности самого процесса производства — впервые достигли такого масштаба, который допускает и делает необходимым применение науки. Имеет место *эксплуатация науки*, теоретического прогресса человечества. Капитал не создает науки, но он эксплуатирует ее, присваивает ее для нужд процесса производства. Тем самым одновременно происходит *отделение науки* как *науки, примененной* к производству, от *непосредственного труда*, в то время как на прежних ступенях производства ограниченный объем знаний и опыта был непосредственно связан с самим трудом, не развивался в качестве отделенной от него самостоятельной силы и поэтому в целом никогда не выходил за пределы традиционно пополняемого и лишь очень медленно и понемногу расширяемого собирания рецептов. (Эмпирическое овладение тайнами каждого ремесла.) Рука и голова не были отделены друг от друга.

Г-н *Хауэлл* (один из фабричных инспекторов) говорит («Reports of the Inspectors of Factories for the half year ending 31st October 1856», стр. 53—54):

«Согласно лучшим авторитетам в таких делах, по-видимому, *работа на фабрике есть разновидность тяжелой работы*, требующей небольшого развития умственных способностей»,

и он приводит следующие высказывания самих *хозяев:*

«Пусть фабричные рабочие не забывают, что их труд представляет собой в действительности очень низкую категорию квалифицированного труда; что никакой другой труд не осваивается легче и, принимая во внимание его качество, не оплачивается лучше; что никакой другой труд нельзя столь быстро и в таком изобилии получить в свое распоряжение посредством непродолжительного обучения даже наименее искусных людей». «*Машины хозяина фактически играют гораздо более важную роль в деле производства, чем труд и мастерство рабочих*, которым всякий обыкновенный чернорабочий может научиться в течение 6 месяцев» («The Master Spinners and Manufacturers' Defence Fund. Report of the Committee appointed for the Receipt and Apportionment of this Fund, to the Central Association of Master Spinners and Manufacturers», Manchester, 1854, стр. 17, 19).

(Относительно слова *фабрика* в разъяснительной статье фабричного закона 1844 года (принятого на 7 году царствования Виктории, глава 15, статья 73) говорится следующее:

«Под словом *фабрика*... следует подразумевать все здания и помещения.., в которых или на дворе которых пар, вода или всякая иная механическая сила могут быть использованы для приведения в движение или действие машин, применяемых для предварительной очистки, обработки или отделки, или в любом процессе, связанном с обработкой хлопка и т. д.».

То обстоятельство, что здесь при определении фабрики в качестве *объекта* взяты хлопок, шерсть, волос, шелк, лен, конопля, джут или пакля представляет собой, конечно, частный случай, имеющий местное значение и не связанный с сущностью фабрики.)

Подобно тому, как машины характеризуются здесь как «машины хозяина», а их функция — как *его* функция в *процессе производства* (в «деле производства»), точно так же обстоит дело и с *наукой*, которая воплощена в этих машинах или в методах производства, в химических процессах и т. д. Наука выступает как *чуждая, враждебная* по отношению к труду и *господствующая* над ним *сила*, а ее применение — с одной стороны, концентрация, с другой стороны, развитие в науку (для анализа процесса производства) традиционных сведений, наблюдений, профессиональных секретов, полученных экспериментальным путем, — это ее применение в качестве применения естественных наук к материальному процессу производства точно так же покоится на отделении духовных потенций этого процесса от знаний, сведений и умения отдельного рабочего, как концентрация и развитие [материальных] условий производства и их превращение в капитал покоятся на лишении рабочего этих условий, на отделении его от них. Более того, работа на фабрике оставляет рабочему лишь знание некоторых приемов; поэтому вместе с распространением фабричного труда и были отменены законы об ученичестве, а борьба государства и т. д. за то, чтобы фабричные дети, по крайней мере, учились писать и читать, показывает, как упомянутое применение науки к процессу производства совпадает с подавлением всякого умственного развития в ходе этого процесса. Правда, при этом образуется небольшая группа рабочих более высокой квалификации, однако их число не идет ни в какое сравнение с массой «лишенных знаний» [«entkenntnißten»] рабочих.

[XX—1263] С другой стороны, ясны также следующие два обстоятельства:

Развитие самих естественных наук {а они образуют основу всякого знания}, так же как и всякого знания, имеющего отношение к процессу производства, само происходит опять-таки на основе капиталистического производства, которое в значительной степени впервые создает для естественных наук материальные средства исследования, наблюдения, экспериментирования. Люди науки — поскольку естественные науки используются капиталом в качестве средства обогащения и таким путем сами становятся средством обогащения для тех, кто развивает науку, — конкурируют друг с другом в поисках *практических применений* этих наук. С другой стороны, *изобретение* становится особой профессией. Поэтому вместе с распространением капиталистического производства *научный фактор* впервые сознательно и широко развивается, применяется и вызывается к жизни в таких масштабах, о которых предшествующие эпохи не имели никакого понятия.

«Это изобретение» (железного человека [155]) «подтверждает уже изложенную нами теорию, а именно: *завербовав науку себе на службу, капитал постоянно принуждает к покорности мятежные руки труда*» (*Ure*. Philosophie des Manufactures. Tome II. Paris, 1836, стр. 140).

Очень мило, что тот же самый *Юр*, который говорит нам здесь о том, что наука на службе у капитала порабощает мятежные руки труда — как это особенно наглядно показывают, согласно его изложению, изобретения, вызванные к жизни забастовками, — взывает к рабочему:

«Насколько иной была бы его судьба, если бы он мирно следовал прогрессу усовершенствования, которому провидение предназначило освободить его *животные функции* от работы скота и дать его умственным способностям досуг для дум о его бессмертных интересах» (там же, стр. 143).

Тот же самый Юр, который здесь нам напрямик заявляет, что наука, завербованная на службу капиталу, подчиняет ему труд, говорит:

«Благодеяниям, которые физико-механическая наука распространила на общество, и средствам, которые она еще держит в запасе для улучшения участи человеческого рода, оказывалось слишком мало внимания; между тем как, с другой стороны, эту науку *обвиняли* в том, что она отдает себя в распоряжение богатых капиталистов, служит орудием подавления неимущего класса и требует от рабочего чрезмерной быстроты труда» (там же, том I, стр. 10).

{Так как из официальных лиц *Юр* фактически наиболее верно выразил дух фабричной системы, вообще современной промышленности, мы хотим здесь вкратце сопоставить его собственные противоречия.

«Эта категория рабочих, хотя и работающих на фабриках, но в сущности не являющихся фабричными рабочими, поскольку они не зависят от автоматического механизма, и явилась главным источником того сурового осуждения, которому подверглись хлопчатобумажные и другие фабрики» (там же, стр. 13).

Как будто бы эти подручные собственно машинных рабочих не были необходимым плодом фабричной системы.

«Такова уж слабость человеческой природы, что чем искуснее рабочий, тем он становится своевольнее и несговорчивее, а следовательно, — менее пригодным для механической системы в целом, которой он своими капризными выходками может сильно повредить. Поэтому для современного фабриканта *самое важное* состоит в том, чтобы *посредством соединения науки со своими капиталами* свести задачу своих рабочих к проявлению ими *бдительности и проворства,* качеств, которые можно быстро развить в юности, *если фиксировать их на одной точке*» (там же, стр. 30).

«*Таким образом,* это стеснение возможностей, эта ограниченность идей, это состояние связанности тела — которые моралисты не без основания приписывали *разделению труда,* — при обычных обстоятельствах *не могут* иметь место в условиях равномерного распределения труда» (там же, стр. 33).

«*Неизменная цель и тенденция всякого усовершенствования в машинах* действительно сводится к полному устранению *человеческого труда* или же *к снижению его цены* путем *замены труда взрослых рабочих трудом женщин и детей* или *труда искусного ремесленника — трудом неквалифицированного рабочего*» (там же, стр. 34).

«Принцип автоматической системы состоит, таким образом, в замене [XX—1264] *ручного труда механическим искусством* и в замене разделения труда между ремесленниками разложением производственного процесса на составляющие его элементы» (там же, стр. 29—30).

«В соответствии с системой градаций труда должно пройти несколько лет ученичества, прежде чем глаз и рука приучатся в достаточной мере к выполнению некоторых механических приемов; а при той системе, которая разлагает производственный процесс, сводя его к его составным элементам, и подчиняет все его части действию автоматической машины, можно поручить эти самые элементарные операции отдельному рабочему, обладающему самыми заурядными способностями, предварительно подвергнув его кратковременному испытанию. В экстренных случаях можно даже, по усмотрению директора фабрики, переводить его с одной машины на другую» (там же, стр. 32).

А после того как Юр нам сказал, что постоянной целью применения машин является обесценение труда и вытеснение искусного труда неквалифицированным {в результате того, что искусность переносится теперь на машину и вместо познаний отдельных рабочих выступает *применение механического искусства*}, он среди преимуществ машин указывает то, что

«труд, почти лишенный искусства, они *замещают* трудом, приобретающим большое совершенство» (там же, стр. 45—46) [156].

В том же месте говорится:

«Они позволяют рабочему выполнять большее количество работы, чем прежде; при этом время» {т. е. не то время, в течение которого

рабочий должен работать, а время, необходимое для выполнения большего количества работы}, «*труд*» {это неверно: труд становится более интенсивным по мере увеличения скорости машин} «и качество продукта постоянно остаются теми же» (там же, стр. 45).

Машины навязывают рабочему *непрерывность труда:*

«Нужно также, чтобы он отказался от своей прежней привилегии приостанавливать ее» (работу), «когда ему заблагорассудится, так как эта приостановка нарушила бы ход всего предприятия» (там же, том II, стр. 4).

После того как *Юр* сказал нам, что тенденция машинного производства заключается в том, чтобы делать труд излишним или обесценивать его, он продолжает:

«Вместо того чтобы роптать, как они это делали, против процветания своих *хозяев* и прибегать к крайним мерам, чтобы остановить его развитие, они должны были бы, из признательности и в своих собственных интересах, радоваться успеху, которому они способствовали... Без столкновений и насильственных перерывов, причиненных ошибочными взглядами рабочих, *промышленная система развивалась бы еще быстрее* и с бо́льшими выгодами для всех заинтересованных сторон, чем до сих пор» (там же, стр. 5—6).

Таким образом, своими забастовками и т. д. рабочие навредили сами себе, так как они мешали *механической фабрике развиваться еще быстрее.* С другой стороны, Юр упрекает рабочих, *наоборот,* в том, что они своими забастовками, объединениями и т. д. вызвали к жизни изобретения и расширение фабричной системы, *ускорили* ее *развитие* и этим сами себе навредили. (Выше он говорил, что рабочий должен отказаться «от привилегии приостанавливать свою работу». Теперь он заявляет, что это ложь, «будто работа *фабрики непрерывна*» (там же, стр. 49), считая, что труд по наблюдению за машинами не является трудом, что трудом являются лишь те моменты, когда рабочему приходится оперировать пальцами.)

«К счастью для населения промышленных городов Великобритании, *усовершенствования в машинах появляются постепенно* или, по крайней мере, лишь постепенно их использование удается сделать всеобщим» (там же, стр. 68).

С одной стороны, Юр превозносит изобретения, порожденные объединениями и забастовками рабочих, отмечая, что они чрезвычайно развили фабричную систему — производительную силу — и одновременно усовершенствовали ее. Так, например, он превозносит *железного человека* как

«творение, предназначенное для *восстановления порядка в рабочих классах* и для *сохранения* за Великобританией *господства* в хлопчатобумажной промышленности» (там же, стр. 138).

Точно так же в случае применения машин на ситценабивных фабриках (для печатания красок и т. д.):

«Наконец, капиталисты попытались освободиться от этого невыносимого рабства, *пользуясь средствами науки,* и вскоре они были *восстановлены в своих законных правах,* — в *правах головы над другими частями тела*» (там же, стр. 141).

(Отсутствие головы и воли у рабочих, их существование только лишь как *членов* фабричного тела является *законным правом* капитала, который только в результате этого существует как *голова.*)

Юр обстоятельно разъясняет, что своими возмущениями рабочие «ускорили» развитие фабричной системы и таким путем сами себя разорили.

«Подобные пертурбации показывают нам [XX—1265] человеческое ослепление в его наиболее достойном презрения виде — в виде человека, который *становится своим собственным палачом.* Насколько иной была бы его судьба, если бы он мирно следовал прогрессу усовершенствования» (там же, стр. 142—143).

Юр доказывает также, что наука, *завербованная капиталом,* не применяется для подавления «угнетенного класса», когда во всех конфликтах между капиталом и трудом эта «наука, завербованная на службу капиталу», вынуждает рабочих «*сдаться на милость победителя*» (там же, стр. 142) и обеспечивает капиталу его «законное право» быть *головой* фабрики и низводить рабочих до положения ее обезглавленных и безвольных членов.

Только капиталистическое производство впервые превращает материальный процесс производства в применение *науки к производству* — в науку, внедренную в практику, — но только путем подчинения рабочего капиталу и путем *подавления* его собственного умственного и профессионального развития.

Но посмотрим далее, как *Юр* оправдывает *вытеснение труда* машинами, выбрасывание рабочих на мостовую и *связанное* с этим *обесценение* труда, а с другой стороны, как он изображает *обратное привлечение* труда; ибо это отталкивание и притяжение образуют характерную черту фабричной системы.

{В качестве преимущества более быстрого развития фабричной системы *Юр* указывает на то, что при этом еще несколько рабочих стали бы унтер-офицерами капитала и противостояли бы своему собственному классу или же умножились бы примеры рабочих-выскочек, которые сами превратились в эксплуататоров рабочих. Но особенно Юр указывает на то, что это привело бы к *увеличению числа фабричных рабочих:*

*

«Хорошие рабочие получили бы места надзирателей, управляющих и компаньонов в новых предприятиях и доставили бы занятие *большому числу* своих товарищей» (там же, стр. 5).

«Система... *чаще* доставляла бы *примеры* искусных рабочих, ставших богатыми собственниками» (там же, стр. 6).}

{Юр признаёт, что регулирование *рабочего дня* со стороны государства, законы о 12 и 10-часовом рабочем дне и т. д., обязано своим существованием исключительно «возмущениям» рабочих, их *союзам* («конфедерациям», как он их *полемически* называет):

«Именно вслед за этими возмущениями, за этими жалобами» {союза прядильщиков в период 1818 года} «в 1818 году был опубликован закон сэра Роберта Пиля о регламентировании рабочих часов на фабриках. Ввиду дальнейшего проявления того же духа непокорности в 1825 году был обнародован второй закон, а в 1831 году — третий, под именем закона Дж. К. Хобхауза» (там же, стр. 19).}

{«*Союзу прядильщиков* вполне удалось одурачить простаков, изображая романтические картины *рабства белых* и гекатомбы детей, ежегодно приносимых в жертву на грудах ситца, воздвигнутых Мамоне» (там же, стр. 39—40).}

«Усовершенствованные машины не только не требуют *применения прежнего числа взрослых рабочих* для достижения определенного результата, но они еще и замещают одну *категорию индивидов другой; более искусных — менее ловкими,* взрослых — детьми, мужчин — женщинами. Все эти изменения вызывают новые колебания в уровне заработной платы. Говорят, что они уменьшают *сумму рабочих дней взрослых рабочих,* вытесняя часть взрослых рабочих, в результате чего их количество теперь превосходит потребность в труде. Но, несомненно, *наблюдается увеличение применения детского труда,* и заработки детей от этого только увеличиваются» (там же, стр. 67).

«Если бы хлопчатобумажная промышленность потерпела какую-нибудь неудачу в своем развитии или *даже* если бы *ее постоянного расширения* было недостаточно для того, чтобы *вновь дать занятие тем самым взрослым рабочим,* которых она *беспрерывно выбрасывает,* тогда можно было бы сказать, что усовершенствования, вносимые в машины, ведут к уменьшению заработной платы» (там же).

Процесс описан здесь правильно. Машинное производство *беспрерывно выбрасывает* взрослых рабочих, для того чтобы затем «вновь дать им занятие», вновь привлечь их к труду, — и уже для одного этого машинное производство нуждается в *постоянном расширении.*

Усовершенствования в машинах осуществляются постепенно или лишь постепенно их использование удается сделать всеобщим. В то же время постоянно и постепенно возрастает

«*размер спроса* [на промышленные товары], потому что вытекающее отсюда удешевление их беспрестанно делает цены доступными большему числу потребителей, и *таким образом поддерживает необходимость применять взрослых рабочих.* Этим уравновешивается результат усовершенствования машин, который вел бы к отталкиванию взрослых рабочих

и который до [XX—1266] сих пор не вызвал *заметного уменьшения в их заработной плате»* (там же, стр. 68—69).

«В настоящее время в хлопкопрядении можно было бы снизить заработную плату, ввиду того, что со времени увеличения размеров мюль-машин имеется всегда достаточно рабочих рук... Прядильщики, предвидя, что большое количество рабочих рук неминуемо снизит их заработную плату, устраивают складчину, чтобы посылать своих безработных товарищей в Америку... *Рабочие союзы* обязуются, согласно своим уставам, выплачивать известные суммы для поддержания своих безработных членов, чтобы те не оказались вынужденными работать за слишком низкую плату» (там же, стр. 74—75).

«Главной причиной столь высокого уровня этой заработной платы» {на механической фабрике} «является то, что она составляет *небольшую часть стоимости произведенного продукта»* (и это вообще относится к тому труду, который присоединен к материалу). «Чем меньше *доля заработной платы в стоимости товаров,* тем, вообще говоря, выше цена труда» (там же, стр. 78).

Юр рассказывает, как фабриканты в борьбе с рабочими *увеличили* размеры прядильных машин (мюль-дженни), умножили число веретен и т. д. Этому приему

«рабочие не могли благопристойным образом сопротивляться, ибо непосредственно он повышал или по крайней мере *сохранял на прежнем уровне заработную плату каждого прядильщика,* но при этом *уменьшал число рабочих, необходимых для выработки того же самого количества товаров.* В результате выходило, что оставшиеся на работе процветали, тогда как масса рабочих бедствовала» (там же, стр. 133—134).

(Впрочем, *Юр* здесь (стр. 134) признаёт, что

«увеличение длины мюль-машины вызывает некоторое возрастание количества труда».)

Разделение труда и механическая фабрика. По поводу изобретения *шлихтовальной* машины Юр говорит следующее:

«Таким образом, орда недовольных, *мнивших себя непобедимыми за старыми укреплениями разделения труда,* обнаружила, что ее обошли с флангов и что ее оборонительные сооружения при *современной машинной тактике* сделались бесполезными. Ей пришлось сдаться на милость победителя» (там же, стр. 142).

{Возможно, что заработная плата, например, в Англии выше, чем на континенте, но *относительно,* по отношению к производительности труда, — ниже[157]. *Юр* сам цитирует из дополнения к фабричному отчету (предисловия к таблицам составлены г-ном *Дж. У. Кауэллом*):

«Г-н Кауэлл, который очень тщательно исследовал прядильное производство, в своем дополнительном отчете пытается доказать, что заработная плата в Англии для капиталиста *по существу* ниже, хотя для рабочего она, быть может, и выше, чем на европейском континенте, ввиду того что количество работы, ежедневно выполняемое каждой машиной, [с избытком] компенсирует более высокую заработную плату [машинных рабочих]» (там же, стр. 57—58).}

{Об определении *минимума и вообще заработной платы при сдельной работе Юр* говорит следующее:

«Прядильщику выдается столько-то хлопка и по истечении известного времени он должен вернуть взамен такое-то количество ниток или пряжи определенной степени тонкости, причем он получает определенную плату за каждый доставленный им фунт продукта. Если произведенный им продукт плохого качества, на него налагается штраф; *если по количеству он меньше минимума, установленного для данного промежутка времени, рабочий увольняется* и замещается более искусным рабочим. *Производительная сила прядильной машины, на которой работает прядильщик, точно измеряется, и размер платы за выполненную на этой машине работу уменьшается с увеличением производительной силы машины,* хотя и не пропорционально этому увеличению» (там же, стр. 60—61).

Последнее — смягчающее — обстоятельство имеет место в том случае, если цена произведенного продукта не падает пропорционально его уменьшившейся стоимости и если спрос на труд так велик, что рабочий может присвоить себе часть возросшей производительности. Или — если с увеличением производительности машины возрастает также *интенсивность труда,* если, следовательно, труд *не* остается *тем же самым* в течение данного промежутка времени. И, кроме того, господин *Юр сам* говорит о том, что с увеличением производительности прядильной машины возрастает число применяемых при этом детей, которых должен оплачивать прядильщик, и что тем самым *кажущееся увеличение заработной платы прядильщика,* демонстрируемое сравнительными таблицами, исчезает и, вероятно, даже превращается в уменьшение. Если, например, число веретен прядильной машины увеличивается с 500 до 600, то:

«Этот прирост увеличит производительную силу машины на одну пятую. В этом случае поштучная заработная плата прядильщика понизится; но так как она понизится не на одну пятую, то усовершенствование прядильной машины увеличит его заработок, приходящийся на *то же самое данное количество часов.* Вся вытекающая из этого выгода оказывается *разделенной* между хозяином и рабочим. Прибыль одного и заработная плата другого от этого одновременно увеличиваются. В предыдущем расчете надо *сделать определенную поправку...,* а именно ту, что прядильщик несет дополнительные издержки, [XX—1267] которые надо вычесть из его добавочных 6 пенсов ввиду того, что он вынужден *увеличить число своих малолетних подручных.* Этот вычет надо иметь в виду» (там же, стр. 66—67).

(И, как дальше признаёт сам Юр, это увеличение малолетних подручных сопровождается «вытеснением» части взрослых рабочих и т. д.)}

Приводимые *Юром* для утешения фабричных рабочих доводы состоят фактически в том, что положение сельскохозяйственных рабочих в *крупном земледелии,* возникшем из той же самой фабричной системы, еще хуже; что детский труд в руд-

никах и в обрабатывающей промышленности, еще не развившейся до уровня механической фабрики, еще тяжелее; и особенно, что рабочие в тех отраслях, которые *разорены машинами* или вынуждены с ними конкурировать, а также в тех отраслях, в которые выбрасывается излишек рабочих, вытесненных машинами, — находятся в еще более тяжелом положении, чем рабочие, *непосредственно* занятые на механической фабрике. И это, по Юру, должно доказать, что фабричная система благоприятна для рабочего класса!

«Говорят, например, что паровой двигатель приводит механические ткацкие станки в такое быстрое движение, что принуждает занятых на них рабочих поспевать за ними с той же быстротой; ткачи же, работающие на дому, не подчинены непрерывному действию этого автоматического двигателя, они вольны бросать челнок и приводить педали в движение, как им заблагорассудится» (там же, том I, стр. 10—11).

Юр цитирует *д-ра Карбета* из Манчестера:

«Что касается недавнего утверждения сэра Роберта Пиля о том, что ткачи, работающие на обыкновенных ручных станках, являются большей частью мелкими фермерами, то нет ничего более ошибочного; они живут или, вернее, прозябают самым жалким образом в городских подвалах и на чердаках, работая *от 16 до 18 часов* в сутки за самое скудное жалованье» (там же, стр. 11).

«*Текстильные фабрики* делятся на два различных класса: операции одних производятся посредством множества независимых маленьких машин, которые» (не всегда и всё в меньшей степени) «являются собственностью рабочих; другие приводятся в движение посредством целой системы машин, принадлежащих хозяевам. Станки для вязания чулок и для изготовления муслина являются примером первого класса машин; прядильные машины и механические ткацкие станки относятся ко второму классу. Рабочие первой категории, будучи *рассеяны на обширном пространстве страны* и *соперничая между собой в труде и в заработной плате,* не могут *объединиться,* для того чтобы успешно действовать сообща против своих хозяев. Но допуская даже, что это им до некоторой степени удалось бы, они причинили бы столько же вреда своему собственному капиталу, сколько капиталу своих хозяев, т. е. они *потеряли бы столько же процентов дохода вследствие бездействия своих станков и своих рабочих помещений, сколько их хозяин потерял бы на своем капитале, вложенном в авансируемый этим рабочим материал.* Рабочие же второй категории *неизбежно объединяются в значительные массы;* к тому же они не вкладывали капитал ни в станки, ни в рабочие помещения. Если они хотят бунтовать, им легко сговориться, и от произвольной приостановки своего труда они *страдают только из-за потери своей заработной платы в течение некоторого промежутка времени; однако* своим хозяевам они причиняют *значительную потерю процентов на их капиталы* и на уплачиваемые ими налоги, не *считая вреда, причиняемого бездействием машин* их подвижным и чувствительным металлическим частям в таком сыром климате, как наш... Если прибавить к потере этих процентов *потерю той прибыли, которую должен был бы принести этот капитал,* то можно будет оценить... размеры вреда, причиняемого гибельной крамолой рабочих хозяевам фабрик» (там же, том II, стр. 7—9).

*

(Потеря «процентов» и «прибыли», являющихся результатом присвоения прибавочного труда, рассматривается здесь так, как будто у этих молодчиков крадут *их собственность* и ее природные плоды.)}

{«Трудно раскрыть мотив, побуждающий рабочих, труд которых облегчается водяным или паровым двигателем, *не желать работать более десяти часов.* Они сравнивают свой труд с трудом *низших* классов ремесленников, таких, как плотники, каменщики и т. д., которые, говорят они, работают с 6 часов утра до 6 часов вечера с двумя перерывами для отдыха по одному часу каждый. Этот класс рабочих совершенно отличается от большинства фабричных рабочих тем, что их труд выполняется только силой рук и что они проходят долгое и весьма дорогостоящее ученичество. Но что эти фабричные рабочие сказали бы о многочисленных классах производителей чулок или кружев, ручных ткачей, чесальщиков шерсти и бесконечного количества других, *работающих от 12 до 16 часов в день,* чтобы обеспечить себе жалкое существование... Эти *заинтересованные»* (капиталисты, разумеется, интересов не имеют!) «*резонеры*» (Юр—не резонер!) «*не принимают* [XX—1268] во внимание то, что, *сокращая часы труда,* а *следовательно,* и средства существования, доставляемые наиболее выгодными занятиями, *они вызывают рост конкуренции для наиболее тяжелых видов труда* и что они *причинили бы ущерб всей совокупности рабочих,* легкомысленно отказываясь от крупных преимуществ своего собственного труда» (там же, стр. 76—77).

Это «резонерство» идет даже дальше того, чего можно было бы ожидать от Юра. Итак, если рабочие работают 10 часов вместо 12, то (предполагая, что производительность остается той же и не увеличивается в результате новых изобретений) капиталисты, для того чтобы продолжать производство в том же масштабе, *не* должны *одновременно* применять *больше рабочих,* так, чтобы избыточное население, состоящее из незанятых рабочих, а вместе с этим и вообще конкуренция среди рабочих — уменьшились. *Напротив, одновременно* будет занято *меньше* рабочих, и тем самым конкуренция будет усилена! Если 6 рабочих ежедневно выполняют 2 часа добавочного труда, работая 12 часов вместо 10, то ежедневно они замещают одного рабочего, а еженедельно — 6. По Юру же, наоборот, в этом случае *применялось бы на 6 рабочих больше, потому что 6 рабочих замещаются!*}

{«Ручной (домашний) труд в большей или меньшей степени страдает от *перерывов* по капризу рабочего, и, следовательно, он никогда не дает такого среднего, годичного или недельного, продукта, который можно было бы сравнить с соответствующим продуктом машины, приводимой в движение постоянной и равномерной силой. Поэтому ткачи, работающие на дому, редко производят к концу недели больше половины того, что могли бы произвести их станки, если бы они заставляли их действовать *беспрерывно по 12—14 часов в день с той же скоростью,* которую они им сообщают при усиленном темпе своей работы» (там же, стр. 83—84).

«Ныне чистый заработок вязальщика хлопчатобумажных чулок составляет от 4 до 7 шилл. в неделю; но большинство не доходит даже до меньшего из этих двух заработков... Рабочие, производящие чулки, в общем все люди работящие и порядочного поведения... Их заработная плата в среднем не поднималась *выше 6 шилл. 6 пенсов в неделю*. Этой суммы должно было хватать для потребностей мужчины, его жены и детей. Таким образом, большое число этих рабочих находилось в ужасающей нищете, не будучи в состоянии обеспечить себя даже самым необходимым... Вышивание тюля — другой специальный вид труда, выполняемый не на фабриках и дающий столь же мучительный результат. Более 150 000 работниц в Великобритании, почти все молодые девушки, зарабатывают на свою жизнь этим занятием. Этот труд целиком выполняется на дому; и хотя он требует большей ловкости и является более тяжелым, чем какая-либо другая часть производства кружев, он оплачивается хуже... Они принимаются за работу с раннего утра и работают до позднего вечера; и во время своего продолжительного рабочего дня они постоянно находятся в согнутом положении над станком, подающим тюль» и т. д.... «Они приобретают предрасположение к болезни легких и к деформации членов тела, наряду с общим ослаблением организма» и т. д. «Именно их отвращение к *непрерывному труду* на фабрике, их отвращение к регламентации этого труда вместе с претензией казаться принадлежащими к более высокому классу — все это, в числе прочих причин, заставляет их жертвовать своим благополучием и здоровьем, занимаясь на дому вышиванием тюля. «Я предпочитаю этот труд труду на фабрике, хотя мы и не зарабатываем столько (говорила на опросе одна молодая девушка); у себя дома мы *свободны*, и какова бы ни была наша пища, *мы едим ее по своему усмотрению*»» (там же, стр. 86—88).

Как это последнее ни лестно для фабричной системы, пошлым является то, что Юр пытается отсюда делать обобщающие выводы. Какое расширение потребовалось бы, например, в хлопчатобумажной промышленности, для того чтобы поглотить еще 150 000 девушек, учитывая, что в 1860 году, следовательно, почти через 30 лет после появления книги Юра, на всех хлопчатобумажных фабриках Соединенного Королевства работало всего лишь 269 013 женщин всех возрастов! Вот какую ерунду болтает этот субъект. Если бы эти 150 000 девушек захотели работать только на фабриках, а на *всех* фабриках всех отраслей промышленности в 1860 году работали лишь 467 261 женщина всех возрастов! Впрочем, заслугой Юра было то, что в целях расхваливания фабричного труда он отмечал и подчеркивал еще более тяжелое положение рабочих, остающихся за воротами фабрики, — рабочих, которые в этом своем положении сами являются результатом фабричной системы. Так, он *подчеркивает* чрезвычайную нищету ручных ткачей, как если бы эта нищета не была результатом машинного ткачества и тех капиталистов, которые в свою очередь сами эксплуатируют эту нищету.

«Между этими бедняками нет никакой связи. Они работают порознь, в сырых подвалах, столько времени, сколько это позволяет им день;

[XX—1269] каждый приносит плод своего труда *собственнику сырья, который, конечно, принимает наиболее дешевое предложение*» (там же, стр. 92).

«Всякий беспристрастный судья будет вынужден признать, что самый тяжелый труд в самом неудобном цехе самой плохой хлопчатобумажной фабрики менее тяжел, менее жесток и менее унизителен, чем труд на наилучшей каменноугольной шахте» (там же, стр. 90).

«Я не буду приводить подробностей дурного обращения и грубости, которые там имеют место. Это позор для хозяев этих шахт» (там же).

Об *объединении прядения и ткачества* Юр говорит следующее:

«Такая фабрика может меньше опасаться конкуренции, так как *ее капиталы и ее производство крупнее*» (там же, стр. 78—79).

«Континентальным нациям понадобятся продолжительное ученичество, совершенное спокойствие и большие капиталы, прежде чем они смогут дойти до создания и использования хорошей системы ватер-машин, сельфакторов, мюль-машин и механических ткацких станков» (там же, стр. 81).

«С другой стороны, те отрасли производства, которые не принадлежат фабрикам и которые можно сконцентрировать на одном-единственном станке или на одной машине, приводимой в движение вручную, доступны ремесленникам всех смежных стран; прибыли в этих отраслях скоро сократятся до *минимума*, совместимого с величиной вложенного в них капитала; а заработки не будут больше, чем в тех странах, где *жизнь* дешевле. Изготовление чулок дает тому печальный пример» (там же, стр. 82).

Таковы высказывания Юра.}

* * *

Успехи в области кораблестроения, судоходства, географии, астрономии и т. д. привели к снижению цены фунта чая с 6—10 ф. ст. до 1—3 шилл. *(Годскин)*.

«Природный фактор» (как, например, сила воды, уголь и т. д.) «не имеет ничего такого, чем бы он не обладал 40 или 400 лет тому назад, но капитал сделал его энергию производительной» (*Carey*. Principles of Political Economy. Part I. Philadelphia, 1837).

В XIII столетии (и отчасти в XIV) английское земледелие находилось

«в весьма плачевном состоянии: *суеверие* так сильно действовало на фермера, что он не хотел сеять в некоторые несчастливые дни» и т. д.; «сельскохозяйственные орудия тоже были в общем *неэффективны* для ведения хорошего фермерского хозяйства; результатом этого были неважные урожаи, часто *не более 6 бушелей с акра*» (*J. D. Tuckett*. A History of the Past and Present State of the Labouring Population. Vol. I. London, 1846, стр. 49).

(В настоящее время средний урожай составляет 3 квартера, или 24 бушеля.)

Умножение и улучшение средств сообщения, естественно, оказывают воздействие на производительную силу труда: *уменьшают рабочее время,* требующееся для производства одного и того же товара, и создают то общение, которое необходимо для духовного и торгового развития. Они воздействуют на производительную силу труда совершенно так же, как улучшенные методы земледелия, прогресс химии, геологии и т. д., а также общее просвещение (смотри выше относительно *суеверия*), правовое обеспечение и т. д. Еще при Георге II

«наши столбовые дороги обычно ремонтировались *принудительным трудом* приходской бедноты или, где это не удавалось, на основании *статута о принудительном труде* различных хозяйств церковного прихода» (там же [стр. 266]).

«Там, где нет порядочных дорог, там едва ли можно говорить о наличии общества: без дорог люди ничего не могут иметь сообща» (там же [стр. 270]).

«Теперь произведены такие улучшения в способах и приемах фермерского хозяйства, что 8 или 10 рабочих доставляют необходимые жизненные средства для 100 человек, тогда как 20 лет тому назад для этого требовалось 35 человек, а 100 лет назад — столько, сколько теперь в Италии — 75—85 человек. В результате часть сельскохозяйственных рабочих вытесняется в фабричные города» (там же, том II, стр. 527).

[XX—1270] В *земледелии* (в Англии) самым разительным образом обнаруживается, что с ростом производительной силы труда средняя заработная плата не только не повышается, но понижается. В среднем положение сельскохозяйственных рабочих в Англии ухудшилось в той же мере, в какой улучшилось сельское хозяйство.

{Статья паршивого Поттера (члена парламента, бывшего председателя Манчестерской торговой палаты) в газете «Times»[158] будет рассмотрена ниже. *Ферранд* (в своем предложении по поводу хлопкового голода, внесенном *27 апреля 1863 года в палате общин*) говорит об этой статье:

«Это письмо можно рассматривать как *манифест фабрикантов*»[159].

Ферранд был уполномочен рабочими, избранными в 16 округах (27 делегатами из различных мест Ланкашира и Чешира), рассказать в парламенте об их положении; он получил от них информацию, которую не опроверг никто из присутствовавших в палате общин фабрикантов. Приведем здесь наиболее важные места из этой речи:

Интенсивность труда.

«Рабочие сообщили ему, что в связи с усовершенствованием машин труд на фабриках непрерывно возрастает. Например, когда впервые был введен механический ткацкий станок, один рабочий работал на двух станках; теперь один рабочий работает без помощника на трех станках,

причем вовсе не является необычным делом, когда один человек работает на четырех станках. Имело место также большое увеличение числа кидок челнока. Так, например, в 1825 г. число кидок челнока в минуту составляло 85, а теперь оно в среднем равно 160; со времени принятия закона о десятичасовом рабочем дне число кидок в минуту увеличилось на 50. Как выяснилось далее, в результате повышения скорости машин после 1847 г. за один рабочий день *теперь вместо 10-часовой работы выполняется 12-часовая работа*. Таким образом, уважаемые члены палаты общин наглядно видят, насколько возрос труд фабричных рабочих за последние годы».

Превратности хлопчатобумажной промышленности.

«Хлопчатобумажная промышленность Англии существует 90 лет. В течение первой половины этого периода наши фабриканты имели мировую монополию... Она существовала на протяжении жизни *трех поколений* английского народа... Она *истребила девять поколений самих рабочих хлопчатобумажной промышленности*. С 1815 по 1830 г. хлопчатобумажная промышленность Англии вынуждена была бороться против хлопчатобумажной промышленности континентальной Европы и Соединенных Штатов Америки. В 1833 г. открылись двери для торговли с Китаем и Индией, и за последние 30 лет она широко распространилась на Востоке, *истребляя человеческий род*. В 1790 году, когда была произведена первая перепись рабов в Соединенных Штатах, их число составляло 697 000. В 1861 году их число было равно приблизительно 3 500 000.

С *1815* по *1821 год* хлопчатобумажная промышленность находилась в состоянии депрессии; *1822* и *1823* — годы процветания; *1824 г.* — отмена законов об объединениях рабочих, часты значительные забастовки, фабрики стоят неделями; *1825 г.* — денежный кризис и ослабление торговли и промышленной деятельности; *1826 г.* — сильное расстройство дел, волнения; *1827 г.* — некоторое улучшение; *1828 г.* — сильный рост числа механических ткацких станков и экспорта; *1829 г.* — экспорт превысил размеры любого из прежних лет, особенно экспорт в Индию; *1830 г.* — сильное расстройство дел, переполненные рынки; *1831—1833 гг.* — продолжающееся расстройство дел, но в *1833 г.* широко раскрылись двери для торговли с Востоком; *1834 г.* — сильный рост числа фабрик и машин.

В конце концов, когда фабрики были построены и заполнены машинами, обнаружилось, что в фабричных округах не хватает людей для работы на этих машинах. Тогда фабриканты предложили исполнителям закона о бедных, чтобы они направили избыточное население из земледельческих округов на север и *чтобы фабриканты поглотили и потребили его*. Таковы были подлинные слова, высказанные владельцами хлопчатобумажных фабрик. В городе Манчестере были назначены агенты; с согласия исполнителей закона о бедных были составлены списки рабочих и посланы этим агентам. Фабриканты [XX—1271] приходили в бюро этих агентов и отбирали тех, кто им подходил, а затем с юга присылались семьи. Их отправляли по накладным, словно тюки товара, по каналам и на подводах, иные приходили пешком, а многие были найдены в фабричных округах покинутыми и почти умирающими от голода. Это превратилось в регулярную торговлю. Палата общин едва ли поверит, что эта регулярная торговля, эта торговля человеческим мясом продолжалась и дальше, что манчестерские агенты покупали и продавали этих людей владельцам хлопчатобумажных фабрик столь же регулярно, как в южных штатах продавали рабов производителям хлопка.

1835 г. — снова процветание. Вытеснение ручных ткачей механическими ткацкими станками; многие из ткачей умерли от голода, иные из них вместе со своими семьями существовали на $2^1/_4$ пенса в день; *1836 г.* — процветание; *1837 и 1838 гг.* — состояние депрессии; *1839 г.* — оживление хлопчатобумажной промышленности; первое предложение *Вильерса* об отмене хлебных законов; *1840 г.* — сильная депрессия, имели место беспорядки, усмиренные военной силой; *1841* и *1842 гг.* — ужасные страдания. В *1842 г.* фабриканты объявили локаут своим фабричным рабочим, для того чтобы навязать отмену хлебных законов. Десятки тысяч рабочих толпами устремились в Йоркшир, были водворены обратно военной силой, а их руководители предстали перед судом в Ланкастере; *1843 г.* — сильное расстройство дел; *1844 г.* — оживление дел; *1845 г.* — сильное процветание; *1846 г.* — отмена хлебных законов; *1847 г.* — расстройство дел; заработная плата снижена вопреки обязательству хозяев, что она будет повышена; *1848 г.* — все еще депрессия, Манчестер под охраной войск; *1849 г.* — оживление; *1850 г.* — процветание; *1851 г.* — падение цен, низкая заработная плата и частые забастовки; *1852 г.* — некоторое улучшение, забастовки продолжаются, вносится предложение о завозе иностранных рабочих для работы на фабриках; *1853 г.* — сильное расстройство дел в Стокпорте; восьмимесячная забастовка в Престоне с целью восстановить *десятипроцентную надбавку*, которая *была отнята у рабочих после отмены хлебных законов; 1854 г.* — рынки переполнены; *1855 г.* — частые банкротства в Соединенных Штатах, Канаде и на восточных рынках вследствие переполнения рынков; *1856 г.* — средняя степень процветания торговли».

1857 г. — осенью *кризис* (однако хлопчатобумажная промышленность затронута лишь поверхностно).

«*1858 г.* — улучшение состояния хлопчатобумажной промышленности; *1859 г.* — сильное процветание; рост числа фабрик; *1860 г.* — хлопчатобумажная промышленность находилась в своем зените; индийские и прочие рынки переполнены хлопчатобумажными тканями».

Еще в *1863 г.* переполнение этих рынков было устранено не полностью. Вначале [XX—1272] американский кризис был очень выгоден для фабрикантов [160].

«В том же *1860 году* приобрел силу закона [торговый] договор с Францией. *Огромный рост числа фабрик и машин в Ланкашире вызвал потребность в рабочих руках.* Владельцы фабрик обратились к поставщикам человеческого мяса, которые обшарили холмы Дорсета, поляны Девона и равнины Уилтса, но *избыточное население уже было использовано.* Газета «*Bury Guardian*» [161] на основании имевшихся подсчетов утверждала, что в Ланкашире для выполнения договора [с Францией] могло быть дополнительно *поглощено* 10 000 рабочих рук и что их потребовалось бы еще 30 000—40 000. После того как в 1860 г. агенты и субагенты обрыскали земледельческие округа и обнаружили, что избыточное население уже поглощено, депутация хлопчатобумажных фабрикантов посетила председателя Совета попечительства о бедных (Вильерса) с просьбой вновь снабдить их бедными сиротами из работных домов.

1861 г. — произведена перепись. Установлено, что избыточное население в земледельческих округах сократилось; *1862 г.* — фабрики работали неполное время, и большое количество рабочих не было занято; *1863 г.* — дела в состоянии развала, происходили волнения.

В период между 1770 и 1815 гг. хлопчатобумажная промышленность 5 лет находилась в состоянии депрессии или застоя и 40 лет в состоянии оживления или процветания.

В период между 1815 и 1863 гг. она 28 лет находилась в состоянии депрессии или застоя и 20 лет в состоянии [оживления или] процветания.

После 1846 г., со времени отмены хлебных законов, хлопчатобумажная промышленность 9 лет находилась в состоянии застоя или депрессии и 8 лет в состоянии оживления [или процветания].

В 1834—1835 гг. — несчастье, причиненное индийским ручным ткачам, было ужасно.

Генерал-губернатор Индии говорил:

«Этому бедствию едва ли найдется аналогия в истории промышленности и торговли». «Равнины Индии, — говорит тот же генерал-губернатор, — белеют костями ручных ткачей».

В 1834 г. был принят новый закон о бедных, который благоприятствовал перемещению рабочих рук из земледельческих округов в фабричные» [«The Times» от 28 апреля 1863 г., стр. 8—9].

Письмо *Эдмунда Поттера*, на которое ссылается Ферранд, опубликовано в «*Times*» *24 марта 1863 г.* В нем этот рупор фабрикантов среди прочего говорит следующее:

«Рабочим хлопчатобумажного производства могут сказать, что предложение их труда слишком велико.., что его следует уменьшить, быть может, на одну треть, чтобы затем мог установиться здоровый спрос на остальные две трети... Общественное мнение настаивает на *эмиграции*... *Хозяин* не может добровольно согласиться на то, чтобы *предложение рабочих рук было уменьшено;* он придерживается — и, пожалуй, справедливо — того взгляда, что это столь же дурно, сколь и ошибочно... Если эмиграция поддерживается за счет общественных фондов, он имеет право на то, чтобы его выслушали, и, *быть может, протестовать*».

В своей апологии хлопчатобумажной промышленности тот же Поттер пишет:

«Правда, законодательная власть *вмешивалась в дела хлопчатобумажной промышленности, регулировала ее, обязывала* ее обеспечивать *определенный объем образования для детей* и *ограничивать рабочие часы для женщин*, что оказалось особенно благотворным для всего населения... Рост хлопчатобумажной промышленности и ее значение, несомненно, оттянули избыточное население из Ирландии и многих [английских] земледельческих округов».

Поттер считает, что *через несколько лет* хлопчатобумажная промышленность снова вступит на свой старый путь подъема, в частности, посредством расширения азиатского рынка и особенно — *индийского*.

«Должны ли мы в таком случае... *уничтожать самый механизм ее снабжения?*»

Он приводит данные об *экспорте товаров хлопчатобумажной промышленности:*

1830 г. — 19 418 885 ф. ст.	*1855 г.* — 34 779 141 ф. ст.
1840 г. — 24 654 293 ф. ст.	*1860 г.* — 51 959 185 ф. ст.
1850 г. — 28 257 401 ф. ст.	*1861 г.* — 45 978 272 ф. ст.

[XX—1273] «Находясь в зените, она» (хлопчатобумажная промышленность) «составляла $^5/_{13}$ нашего экспорта... Никто не утверждает, что эта отрасль достигнет своих прежних размеров только после того, как сырье будет производиться по определенной цене, скажем, по 6 пенсов за фунт; возможно, пройдет еще некоторое время, прежде чем предложение хлопка будет увеличено в достаточной мере, для того чтобы довести его до этой цены, но никто не отрицает того, что время — *это может быть один, два или три года* — создаст соответствующее количество... Я[162] хотел бы поэтому поставить вопрос, *не достойна ли эта промышленность того, чтобы ее сохранить? Не стóит ли труда содержать в порядке машины*[163] *и не является ли величайшей глупостью мысль расстаться с ними?* Я думаю, что это так. *Я готов согласиться, что рабочие не собственность, не собственность Ланкашира или хозяев, но они сила их обоих; они — интеллектуальная и обученная сила, которую нельзя заместить в течение жизни одного поколения; напротив, другие машины, — те, на которых они работают, — можно в значительной их части с выгодой заместить и даже улучшить в течение двенадцати месяцев. Если эмиграция рабочей силы* [*the working power*] *будет поощряться или даже просто разрешаться, то что станется с капиталистом?* Он тоже эмигрирует. *Снимите сливки рабочих, — и основной капитал будет в значительной степени обесценен, а оборотный капитал не выдержит борьбы при недостаточном предложении труда ухудшенного сорта.* Я не буду входить в рассмотрение вопроса о том, куда переправить 150 000 рабочих и их семьи. На этот вопрос, по моему мнению, так же трудно ответить, как и на тот вопрос, который пытаются выдать за решение проблемы, — т. е. на вопрос об *эмиграции. Нам говорят, что рабочие желают эмигрировать. Это вполне естественно с их стороны...* Сократите, сожмите хлопчатобумажную промышленность, отняв у нее ее рабочую силу [working power] и уменьшив, скажем на $^1/_3$, или на пять миллионов, сумму выплачиваемых ее рабочим заработных плат, и что станет тогда с ближайшим классом, стоящим над рабочими, с мелкими лавочниками? Что станет с рентами, с квартирной платой за коттеджи, со сбережениями и с собственностью, принадлежащей в известной мере самим рабочим или тем, кто стоит непосредственно над ними? Что станет с размером арендной платы, если $^1/_3$ была бы без работы? В настоящее время каждый мужчина, каждая женщина и каждый ребенок из числа нашего рабочего населения платит за жилье по 20 шиллингов с человека в год. Проследите соответствующее воздействие — снизу вверх — на мелких фермеров, на более состоятельных квартиронанимателей и, в последнюю очередь и в наименьшей степени, на земельного собственника, и скажите, может ли быть более самоубийственный план для всех классов страны, чем этот проект ослабления нации путем экспорта ее лучших фабричных рабочих и разрушения стоимости части ее наиболее производительного капитала и богатства.

В самом худшем случае пять или шесть миллионов фунтов стерлингов в форме достаточно обеспеченного займа, предоставляемого и расходуемого разумно с государственной точки зрения, могли бы сохранить и в конечном счете оживить такую промышленность, которая больше сделала для морального и физического процветания нации, чем что бы то ни было в истории человечества... Я рекомендую, таким образом, заем (не подаяние, не благотворительность, за исключением тех частных пожертвований, которые будут иметь место и впредь), растянутый во времени, быть может, на два или три года; деньги должны расходоваться под наблюдением особых комиссаров, прикомандированных к органам попечительства о бедных в хлопчатобумажных округах; это дело должно регулироваться специальным законом, предусматривающим известный

принудительный труд как средство для поддержания по крайней мере морального уровня рабочих, получающих ссуду. Как государственным деятелям, так и работодателям и ланкаширским собственникам теперь придется встретиться и бороться с трудностями; в нынешних условиях это их обязанность, не терпящая отлагательства. Мне могут сказать, что все это очень ненадежно, очень необычно. Возможно, что это так. Но может ли быть что-либо худшее для земельных собственников и хозяев, чем лишиться своих лучших рабочих и посеять деморализацию и разочарованность среди остальных в результате широкой опустошительной эмиграции и опустошения капитала и стоимости, можно сказать, в целой провинции, насчитывающей 2 000 000 душ или, если взять Ланкашир вместе с прилегающими районами Чешира, почти 3 000 000 душ» [«The Times» от 24 марта 1863 г., стр. 12].

В том же номере от 24 марта 1863 г. газета «Times» должным образом отчитывает напрямик Эдмунда Поттера, этого рупора хлопчатобумажных фабрикантов. Вот соответствующие выдержки из этой [редакционной] статьи:

[XX—1274] «Г-н Эдмунд Поттер в другом отделе нашей газеты пространно доказывает, что ланкаширские и чеширские рабочие хлопчатобумажной промышленности должны жить в праздности и изобилии за счет национальных займов, для того чтобы хлопчатобумажная промышленность могла вновь возродиться в определенном будущем... Г-н Поттер полагает, что магнаты хлопчатобумажной промышленности оказывают стране великую милость тем, что накопляют для самих себя огромные состояния... Когда нам говорят, что не будь хлопчатобумажной промышленности, нравственность и образованность во всей Англии стояли бы на более низком уровне, то мы отвечаем, что склонны видеть в подобном утверждении самомнение невежественной плутократии. Когда нам говорят о законных прибылях хозяев и тут же о «людях, обязанных всем только себе, и о капиталистах», вышедших в столь беспримерном количестве из рабочих хлопчатобумажных округов, то мы затрудняемся согласовать эти несовместимые между собой утверждения.

Если мы заглянем в какой-нибудь статистический справочник, например, такой, как справочник *Мак-Куллоха* [164], мы увидим, что хлопчатобумажная промышленность непосредственно обеспечивает существование около полумиллиона рабочих, а непосредственно и косвенно — около 1 200 000 мужчин, женщин и детей. Считают, что она располагает капиталом в 8 000 000 ф. ст., постоянно обращающимся в виде заработной платы и приносящим фабрикантам годовую прибыль в 13 000 000 фунтов стерлингов. За последние несколько лет чрезвычайного развития хлопчатобумажной промышленности эти цифры, несомненно, увеличились, но они представляют собой средние величины в этой отрасли промышленности согласно новейшим непредвзятым оценкам...

Эдмунд Поттер рассуждает иначе. Он настолько проникся сознанием чрезвычайной и абсолютной важности хозяев хлопчатобумажных предприятий, что для сохранения этого класса и увековечения его профессии он готов насильственно запереть полмиллиона рабочих в огромный моральный работный дом. «Достойна ли эта промышленность того, чтобы ее поддерживать?» — спрашивает г-н Поттер. «Конечно, — отвечаем мы, — всеми честными средствами». «Стóит ли труда содержать в порядке машины?» — снова спрашивает г-н Поттер. Тут мы останавливаемся в недоумении. Под «машинами» г-н Поттер разумеет здесь человеческие машины,

относительно которых он уверяет, что *не предполагает использовать их как безусловную собственность хозяина.* Мы должны сознаться, что не считаем «стоящим труда» или даже возможным содержать человеческие машины в порядке, т. е. запирать их и смазывать, пока они не понадобятся. Человеческие машины *имеют свойство* ржаветь от бездействия, сколько бы их ни смазывали и ни чистили. К тому же, человеческие машины, как мы только что видели, способны самопроизвольно разводить пары и бесчинствовать или неистовствовать на улицах наших больших городов. Может быть, г-н Поттер и прав, утверждая, что для *воспроизводства рабочих* требуется определенное время, но, имея под руками механиков и капиталистов, мы *всегда найдем достаточно умеренных, упорных, трудолюбивых людей, из которых можно сфабриковать больше фабричных мастеров, чем даже может потребоваться.* Однако консервировать класс рабочих — дело для нас невозможное...

Г-н Поттер говорит о новом оживлении хлопчатобумажной промышленности «через один, два или три года» и требует от нас «не поощрять и не *разрешать* (!) эмиграцию рабочей силы». Что рабочие желают эмигрировать, это, по его мнению, вполне естественно; но он полагает, что нация должна запереть полмиллиона этих рабочих и 700 000 членов их семей, *вопреки их желанию,* в хлопчатобумажных округах; и, как необходимое следствие этого, он, разумеется, неизбежно считает, что нация

[К стр. 574] *Количество хлопка, ввезенного в Соединенное Королевство (в фунтах)*

Годы	Ввезено	Вновь вывезено	Остается (потребление хлопка в Соединенном Королевстве, после вычета вновь вывезенного хлопка)
1846	467 856 274	588 667	467 267 607
1847	474 707 615	669 235	474 038 380
1848	713 020 161	660 891	712 359 270
1849	755 469 012	882 978	754 586 034
1850	663 576 861	914 908	662 661 953
1851	757 379 749	999 825	756 379 924
1852	929 782 448	998 967	928 783 481
1853	859 278 749	1 326 515	857 952 234
1854	887 333 149	1 101 126	886 232 023
1855	891 751 952	1 110 430	890 641 522
1856	1 023 886 304	1 309 472	1 022 576 832
1857	969 318 896	1 177 925	968 140 971
1858	1 034 342 176	1 335 790	1 033 006 386
1859	1 225 989 072	1 563 778	1 224 425 294
1860	1 390 938 752	2 235 970	1 388 702 782

должна подавлять силой их недовольство и поддерживать их существование раздачей милостыни, — и все это в расчете на тот случай, что может наступить день, когда они снова понадобятся хлопчатобумажным фабрикантам... Даже и пятьдесят отраслей, подобных хлопчатобумажной промышленности, не оправдали бы нас в бездумной пауперизации и деморализации миллиона наших соотечественников; даже и тысяча таких отраслей не окупила бы ужасной необходимости убивать наш народ в гражданских потасовках. Настало время, когда великое общественное мнение этих островов должно сделать что-нибудь, чтобы спасти эту «рабочую силу» от тех, кто хочет обращаться с ней так, как обращаются с железом, углем и хлопком» [«The Times» от 24 марта 1863 г., стр. 9].}

[XX—1275] В заключение приведем еще из «*Statistical Abstract for the United Kingdom* 1861» — официального, изданного парламентом справочника — данные относительно хлопка, шерсти, шелка, льна и т. д., которые следует сопоставить с прежними данными о развитии фабрик [см. табл. на стр. 573].

Сопоставим теперь извлеченные из того же статистического сборника данные об экспорте хлопчатобумажных товаров, как по количеству, так и по стоимости.

[XX—1276] *Хлопчатобумажное производство*

Годы	Хлопчатобумажные ткани		Хлопчатобумажная нить и пряжа	
	объявленная стоимость (ф. ст.)	количество (в ярдах)	объявленная стоимость (ф. ст.)	количество (в фунтах)
1846	17 717 778	1 062 091 758	7 882 048	161 892 750
1847	17 375 245	937 229 489	5 957 980	120 270 741
1848	16 753 369	1 091 373 930	5 927 831	135 831 162
1849	20 071 046	1 327 448 640	6 704 089	149 502 281
1850	21 873 697	1 347 756 877	6 383 704	131 370 368
1851	23 454 810	1 536 101 929	6 634 026	143 966 106
1852	23 223 432	1 517 513 916	6 654 655	145 478 302
1853	25 817 249	1 584 727 106	6 895 653	147 539 302
1854	25 054 527	1 685 668 960	6 691 330	141 128 498
1855	27 578 746	1 929 941 646	7 200 395	165 493 598
1856	30 204 166	2 023 738 543	8 028 575	181 495 805
1857	30 372 831	1 968 056 485	8 700 589	176 821 338
1858	33 421 843	2 314 205 042	9 579 479	200 016 902
1859	38 744 113	2 551 909 929	9 458 112	192 206 643
1860	42 141 505	2 765 337 818	9 870 875	197 343 655

* * *

Теперь мы вернемся к странице 1269 *.

[XX—1277] «Пока в полной мере господствовал тот предрассудок, согласно которому труд рассматривался как нечто унизительное, физики, естествоиспытатели, механики, математики занимались изучением наук, не претендуя на материальное вознаграждение. Им было бы стыдно заставить дочерей муз служить низменной наживе; они изучали свойства материи или чисел ради самих этих свойств. Самое большее, что они себе иногда позволяли, это найти применение науки в предпринимаемых государством строительных работах или в деле сохранения здоровья... Ныне во всех университетах существуют кафедры химии, физики, механики в их применении к различным практическим целям. Все ученые стараются подтвердить полезность своих работ и своих открытий, указывая на ту выгоду, которую можно из них извлечь для облегчения труда, для обогащения рынков и для предоставления наслаждений потребителям» (*Sismondi.* Études sur l'Économie Politique. Tome I. Bruxelles, 1837, стр. 38).

{Господин Мак-Куллох в своей книге «The Principles of Political Economy» (London, 1825, стр. 165) говорит:

«Предполагаемые плохие последствия неограниченного распространения и усовершенствования машин в такой же мере явились бы результатом беспрерывного повышения мастерства и ловкости рабочего».

В той мере, в какой это мастерство покоится на разделении труда, т. е. на развитии мануфактуры в отличие от ремесла, — сказанное отчасти правильно. Но даже и в этом случае Мак-Куллох неправ, ибо *Юр* справедливо замечает, что чем выше мастерство рабочего, тем парень «капризнее» и т. д. Существует очень большая разница, не замечаемая разве только таким автором, как Мак-Куллох, выступает ли прогресс в мастерстве и ловкости как *личная* виртуозность рабочего или же *наоборот,* — как это имеет место при капиталистическом применении машин, — как *свойство капитала в противоположность рабочему* и *за счет рабочего.*}

«Теперь только *его*» (капиталиста) «*собственности,* служит ли она для выплаты заработной платы или же состоит в полезных орудиях, приписывается вся та огромная помощь, которая оказывается труду знанием и мастерством, воплощенными в машинах... Производительная сила этого мастерства» (комбинированного труда многих рабочих) «приписывается *его видимому продукту, орудиям труда,* причем те, кто является лишь собственниками последних, не производящими и не применяющими их, воображают себя в высшей степени производительными людьми» (*Th. Hodgskin.* Popular Political Economy. London, 1827, стр. 250—251) [Русский перевод, стр. 203—205].

В промышленности рабочие выбрасываются на улицу временами, а в земледелии — постоянно.

* См. настоящий том, стр. 566—567. *Ред.*

Джонс говорит о современном земледелии следующее:

«Благодаря прогрессу земледелия все то, — а быть может, и еще более значительное — количество капитала и труда, которое некогда употреблялось на обширном участке в 500 акров, теперь концентрируется для более совершенной обработки 100 акров» (*R. Jones*. An Essay on the Distribution of Wealth. London, 1831, стр. 191) [Русский перевод, стр. 131].

«С того времени, как дорогие машины приобрели всеобщее распространение, человека принудили работать значительно выше его средних сил» (*R. Owen*. Observations on the Effect of the Manufacturing System. 2nd ed. London, 1817, [стр. 16]).

К применяемым в земледелии машинам относятся также и лошади, рабочий скот и т. д. Машины этого рода (в отличие от машин, потребляющих только уголь) сами потребляют такие товары, которые в ином случае потреблялись бы рабочими.

Господа *Сениор* и *Торренс*, как и другие, утверждают, что машины, применяемые для производства товаров, потребляемых рабочими, всегда должны повышать заработную плату. *Сениор* говорит:

«Только в двух случаях *общий уровень заработной платы* может понизиться в результате введения машин: [во-первых,] когда для создания машин используется такой труд, который в ином случае использовался бы для производства товаров, потребляемых рабочими, и, во-вторых, когда сама машина (такая, как лошадь, рабочий скот и т. д.) потребляет такие товары, которые в ином случае потреблялись бы рабочими, и *при этом* потребляет их в большем количестве, чем сама производит» (*Senior*. Three Lectures on the Rate of Wages. London, 1830, стр. 40).

[XX—1278] *Торренс*, в свою очередь, говорит:

«Машины работают, но не едят. Вытесняя труд и устраняя необходимость в нем, они одновременно вытесняют, устраняют необходимость в той *реальной заработной плате*, пище и одежде, на которую он существовал. *Общий фонд для поддержания труда* от этого не уменьшился» (*Torrens*. On Wages and Combination. London, 1834, стр. 39).

Все это рассуждение основано на неправильном представлении о *переменном капитале*. Этот последний, рассматриваемый по своему вещественному содержанию, в самом деле сводится к *товарам, входящим в потребление рабочих, к жизненным средствам*. Из этого никоим образом не следует обратное, — что эти товары, или жизненные средства, обязательно должны входить в потребление рабочих, или составлять переменный капитал, как если бы существовало раз навсегда установленное соотношение между числом рабочих, с одной стороны, и массой жизненных средств, с другой. (Даже Рикардо при случае допускает эту нелепую ошибку.) Упомянутые жизненные средства проедаются также и другими классами и могут проедаться

ими в еще большем количестве. Они могут проедаться непроизводительными работниками (солдатами, слугами и т. д.). Они могут экспортироваться и обмениваться на предметы роскоши. Чем *производительнее отрасли промышленности, создающие необходимые, а потому и входящие в потребление рабочих жизненные средства, тем большей может быть та часть рабочих, которая производит жизненные средства, совершенно не входящие в потребление рабочих, и чем больше в этих отраслях машины вытесняют рабочих, тем в большей мере возрастает их конкуренция между собой, а потому также падает их заработная плата в других отраслях.*

«Прежде 5—6 ф. ст. *на акр* земли были достаточны для того, чтобы капитал мог ее возделывать, но современный высокий уровень сельского хозяйства требует почти вдвое большей суммы» (*W. Johnston*. England as it is. Tome I, London, 1851, стр. 14).

Мак-Куллох в цитированной выше книге («The Principles of Political Economy», London, 1825, стр. 166) говорит:

«Если выгодно все более и более развивать мастерство рабочего, так, чтобы он был способен производить все увеличивающееся количество товаров, затрачивая прежнее или меньшее количество труда, то не менее выгодно должно быть то, чтобы он *пользовался* помощью таких машин, которые наиболее эффективным образом содействуют ему в достижении этого результата».

Господин Мак-Куллох *предполагает* здесь, что машина *принадлежит* рабочему.

«На фабрике... удельный вес капитала и земли гораздо больше, чем удельный вес труда и мастерства; и чистый доход, достающийся собственникам капитала и земли, тоже гораздо больше. Но самое это преобладание машин, или капитала, порождает необходимость соответствующего превышения труда и мастерства *в других процессах*, а именно, в процессах по ремонту фабрик и машин, а также по созданию новых фабрик и машин» и т. д... «*Труд и мастерство* преобладают почти в каждой отрасли, занятой созданием производительного капитала... А если мы взглянем на средства, употребляемые для изготовления *дорогих украшений* и *прочих предметов роскоши, спрос на которые порождается прибылями на капитал*, то обнаружим, что их стоимость почти исключительно состоит из услуг, оказываемых трудом и мастерством... Преобладание (в услугах и в доходах) мастерства в одном процессе производства порождает необходимость соответствующего превышения труда в другом или в нескольких других процессах, и vice versa *... *Возросшая прибыль на капитал*[165]*, давая волю большему количеству желаний*, увеличивает спрос и создание стоимости в формах, пригодных к потреблению» (*G. Opdyke*. A Treatise on Political Economy. New York, 1851, стр. 98—104).

Частично это правильно. Крупное производство позволяет направить значительную часть труда отчасти на производство

* — наоборот. *Ред.*

предметов роскоши (где он иногда оплачивается еще хуже), отчасти на производство основного капитала (железные дороги и т. д.), где требуется большое количество неквалифицированного труда.

Различная производительность в земледелии.

«В Великобритании производство пшеницы составляет около 32 бушелей с акра; во Франции, по официальным отчетам, оно составляет в среднем лишь 14 бушелей и редко превышает 20. Следовательно, во Франции при затрате вдвое большего количества труда производится в два раза меньше продукции, чем в Великобритании. Приблизительно так же, как в Ирландии» («Economist» от 8 ноября 1851 г. [стр. 1231]).

В Англии $^1/_7$ земледельцев — самостоятельные крестьяне и коттеры *, $^1/_7$ — арендаторы, $^5/_7$ — сельскохозяйственные рабочие. В Ирландии $^1/_{13}$ [занятых в земледелии] нанимает рабочих, $^6/_{13}$ — коттеры и $^6/_{13}$ — рабочие. В Англии 28% [XX—1279] населения занято производством продовольствия, в Ирландии — 63%. Но в Ирландии продукция, получаемая с одного акра, составляет лишь половину того, что в Англии («Irish Poor Law Comission». 3. Report, 1838).

Стало быть, в Ирландии занято вдвое больше людей, для того чтобы производить вдвое меньше продовольствия, чем в Англии. Производительность труда в Ирландии составляет лишь $^1/_4$ производительности труда в Англии (см. «Economist», 1848).

«Труд без *знаний* — ничто. При подразделении профессий и самого труда в развитых обществах знания... настолько отделяются от труда, что их следует рассматривать отдельно» (*W. Thompson*. An Inquiry into the Principles of the Distribution of Wealth. London, 1824, стр. 272).

«Шансы будущего развития науки увеличиваются в точном соответствии с ее распространением» (там же, стр. 275).

«На более ранних ступенях развития общества труд и наука сопровождают друг друга, потому что оба они просты» (там же).

«Человек науки отделяется от производительного рабочего целой пропастью, и наука, вместо того чтобы оставаться помощником труда, служить в руках рабочего средством для увеличения его собственной производительной силы,.. почти везде противопоставляет себя труду... Обладатели знания и обладатели власти повсюду старались выдвинуть на передний план свои частные интересы... *Знание* является *таким орудием*, которое легко может быть отделено от труда и направлено против него» (там же, стр. 274).

Это *обособление науки в самостоятельную силу*, противостоящую труду и находящуюся на службе у капитала, вообще

* — батраки, получавшие от земельного собственника или фермера-арендатора, на которого они работали, небольшой деревенский домик (коттедж) и клочок земли возле него. *Ред.*

относится к категории *обособления условий производства* от труда. Именно это отделение и обособление науки, на первых порах идущее на пользу одному только капиталу, вместе с тем является *условием для развития потенций науки* и знания.

«Союз рабочих с предпринимателем-промышленником представляет собой истинную *ассоциацию*» (*Le Comte A. de Laborde*. De l'Esprit d'Association. Paris, 1818, стр. 131).

Этот Лаборд и является подлинным изобретателем экономических гармоний. Парень не задается вопросом: *какого рода* эта *ассоциация*? [166]

«Десять крестьянских семейств изгнаны, для того чтобы в новой системе уступить место фермеру, не являющемуся крестьянином. Он участвует в производстве лишь путем применения своих капиталов и своих знаний; но чем лучше становится положение богатого фермера, тем более ухудшается положение людей, выполняющих для него полевые работы. Первый сохраняет за собой применение воли, выбора, знаний; а это означает, что он отказывает в них своим рабочим и слугам. С них он не спрашивает ничего, кроме затраты их мускульной силы, и, насколько может, низводит их до уровня машин» (*Sismondi*. Études sur l'Économie Politique. Tome I. Bruxelles, 1837, стр. 130—131).

«*Знание* материального мира и умение применять его в процессе труда являются источниками богатства» («Economist» от 30 августа 1851 г. [стр. 953—954]).

В XVIII веке открытия и прогресс в области математики, механики, химии происходили почти в одинаковой мере как в Англии, так и во Франции, в Швеции, в Германии. Точно так же и *изобретения*, например, во Франции. Но их капиталистическое применение в то время имело место лишь в Англии, так как только там экономические отношения были развиты настолько, что допускали эксплуатацию научного прогресса капиталом. (При этом решающее значение имели в особенности ее сельскохозяйственные отношения и колониальные владения.)

«Все, что создает или устраняет препятствия применению капитала и труда» {следовательно, также и гражданские учреждения, обеспечение безопасности, транспортные средства и т. д.}, «должно воздействовать на производство, хотя бы число [XX—1280] рабочих и количество капитала оставались теми же» ([*S. Bailey*.] Money and its Vicissitudes. London, 1837, стр. 55).

При системе мелкого производства производителям в их труде помогают

«лишь *то знание* и то количество механической силы, какие могут находиться в распоряжении людей, работающих при помощи собственных рук для поддержания своего собственного существования» (*R. Jones*.

Text-book of Lectures on the Political Economy of Nations. Hertford, 1852, стр. 43) [Русский перевод, стр. 319].

«В течение двух [последних] веков произошло поразительное изменение в прогрессе науки и в применяемых ею инструментах» («The Industry of Nations». Part II. London, 1855, стр. 286).

«В самом деле, вплоть до определенного пункта и особенно в химических исследованиях дорогая и сложная аппаратура не является безусловной необходимостью. Ибо многое зависит тут от собственных способностей исследователя к наблюдению и обобщению. Но за этими пределами ученый в очень большой степени становится зависимым от своих инструментов» (там же, стр. 288).

«Нечувствительность химических весов, недостатки в конструкции линз, неточная градуировка термометра или неправильное деление окружности теодолита портят все исследования, в которых применяются эти инструменты... То обстоятельство, что физическая наука достигла в наши дни выдающегося положения и продолжает прогрессировать, следует в значительной степени отнести на счет поразительной тщательности и технического мастерства, которые проявляются при производстве философских инструментов» [167] (там же, стр. 289).

С другой стороны, физическая наука оказывает влияние на производство.

«Ей мы обязаны созданием парового двигателя и электрического телеграфа — изобретениями, целиком порожденными физической наукой» (там же, стр. 290).

Считается, что на молотилках потеря зерна на $2^1/_2$% меньше, чем при обычной ручной молотьбе. По поводу почти всех машин можно сказать, что из одного и того же сырья в результате более искусной его обработки они производят большее количество продукта, чем ручной труд при помощи несовершенных орудий. (Использование отходов, обратное превращение тряпья и т. д. в сырой материал.)

Улучшенные методы в сельском хозяйстве. Так, введение травосеяния вместо оставления земли под паром, введение в крупных масштабах свекловодства, начало которому (в Англии) было положено при Георге II. С тех пор песчаные почвы и бесполезные пустыри превратились в превосходные пшеничные и ячменные поля, производство зерна на тощей почве утроилось и в то же время был получен превосходный зеленый корм для крупного рогатого скота и овец. Увеличение поголовья скота и улучшение животноводства путем скрещивания различных пород, применение улучшенных методов орошения и осушения, более целесообразное чередование культур, применение костяной муки в качестве удобрения и т. д.

Мальтус считает, что средняя урожайность в странах европейской системы государств составляет сам-четыре, в Венгрии и примыкающих к ней странах — сам-восемь и сам-десять,

в тропических районах Америки — даже сам-двенадцать — сам-двадцать.

	Сельскохозяйственная площадь (млн. гектаров)	Число рабочих (млн. чел.)	Произведено зерна (млн. гектолитров)	Поголовье (млн. голов)		
				лошадей	быков	овец
Великобритания	13	5,2	56	0,17	1,25	10,2
Франция	40	22—24	153	0,04	0,8	5,2

{«Система свободной конкуренции, эта система бессистемности, сама по себе имеет лишь отрицательное значение. Она означает *уничтожение прежних* форм соединения материальной и человеческой силы, как это имело место в более крупных имениях и в тесных узах между помещиками и крестьянами, а также в цеховых корпорациях с их точно установленными отношениями между мастерами, подмастерьями и учениками» (*W. Schulz*. Die Bewegung der Produktion. Zürich, 1843, стр. 57—58).

[XX—1281] «Все статистически документированные утверждения о том, что заработная плата увеличилась, или во всяком случае не уменьшилась по отношению к необходимым жизненным средствам, являются в лучшем случае всего лишь абстрактной истиной, которая при сопоставлении ее с действительностью оказывается чистым обманом. Утверждать можно только то, что занятия, требующие специфических способностей или более продолжительной предварительной к ним подготовки, в общем стали доходнее, а относительная заработная плата за механически однообразную деятельность, к которой быстро и легко может приспособиться каждый, при росте конкуренции пала и неизбежно должна была пасть. Но именно *этот* вид труда — при нынешнем состоянии организации труда — наиболее распространен. Таким образом, если рабочий первой категории зарабатывает теперь в 7 раз больше, а рабочий второй категории столько же, сколько 50 лет тому назад, то *в среднем* оба зарабатывают, конечно, в 4 раза больше прежнего. Однако если в какой-нибудь стране к первой категории рабочих принадлежат только 1 000, ко второй же — миллион человек, то 999 000 человек живут не лучше, чем им жилось 50 лет тому назад, а если одновременно с этим цены на предметы первой необходимости возросли, то им живется *хуже* прежнего» (там же, стр. 65).

«Однако даже если бы утверждение, что средний доход *всех* классов общества возрос, было настолько же верным, насколько оно в действительности является ошибочным, то все же могли бы увеличиться различия и *относительное* отставание одних доходов от других и в результате этого могла бы резче выступить противоположность между богатством и бедностью. Ибо именно *в силу того, что* вся продукция возрастает, и в меру ее роста растут и потребности, вожделения и притязания, а следовательно может возрастать *относительная* бедность, в то время как *абсолютная* бедность уменьшается. Самоед, потребляющий тюлений жир и прогорклую рыбу, не беден, потому что в *его* замкнутом обществе у всех имеются одинаковые потребности. Но в *прогрессирующем* государстве, где за какой-нибудь десяток лет совокупная продукция пропорционально к численности населения увеличилась на одну треть, рабочий, зарабаты-

вающий столько же, как и 10 лет тому назад, не остался на прежнем уровне благосостояния, а сделался беднее на одну треть. Именно это и происходит в наше время» (там же, стр. 65—66).

«Чтобы народ развивался свободнее в духовном отношении, он не должен быть больше рабом своих физических потребностей, крепостным своего тела. Ему необходимо, следовательно, иметь прежде всего *досуг* для духовной деятельности и духовных наслаждений. Прогресс в деле организации труда дает возможность выкроить для этого время... Если затрата времени и человеческой силы, необходимая для удовлетворения некоторого количества материальных потребностей, уменьшилась вдвое, то одновременно с этим, без ущерба для физического благосостояния, в той же мере увеличился досуг для духовной деятельности и духовного наслаждения... Но и в отношении распределения *той* добычи, которая отвоевывается нами у старого Кроноса даже в его собственнейшей области, по-прежнему все зависит от слепого несправедливого случая... По крайней мере, несомненно то, что несмотря на экономию времени, достигаемую совершенствованием машин, продолжительность рабского труда на фабриках для многочисленного населения лишь возросла. И все же выигрыш большего количества свободного времени представляет собой приобретение обществом национальной силы» (там же, стр. 67—68).

«*Период мануфактуры*... является периодом наибольшего *расчленения ремесленной* деятельности, которая вместе с тем есть совместная деятельность для *одной и той же* цели производства» (там же, стр. 37).

«Продолжающееся разделение труда ведет, наконец, к применению более совершенных *машин* и тем самым к четвертой ступени» {сначала ручной труд, потом ремесленный труд, затем мануфактура, затем фабричное производство}, «к собственно машинному *производству*» (там же).

[XX—1282] При фабричном производстве

«человек... становится разумным, занятым больше умственной, чем физической деятельностью управителем и руководителем сил природы. Тем самым он вступает, следовательно, в совершенно другие условия деятельности, так как теперь он только лишь устанавливает связь между материалами, подлежащими подчинению целям производства, и внешними силами природы, так что и результат их действия, или продукт, оказывается уже несоизмеримым с его собственным *физическим* усилием» (там же, стр. 38).

(Уже в условиях мануфактуры и простой кооперации продукт несоизмерим с *индивидуальными* усилиями человека.)

«Торговля, имеющая своей целью повышение стоимости товара посредством его транспортировки, является лишь одной из отраслей промышленности и по существу подчиняется тому же самому закону развития. Первый и простейший вид торговли есть обмен товаров *из рук в руки*. В дальнейшем она создает себе сначала лишь простые орудия и средства сообщения, такие как вьючные животные для перевозок или мелкие суда, для управления и передвижения которых человеку в качестве *ручного орудия* еще служит весло. Можно отметить также дальнейшее *распределение деятельностей, направленных к общей* цели общения, как, например, в более многочисленной команде крупных гребных судов, где множество людей, *подобно* машинам, все еще занято выполнением однообразно повторяющихся, но в то же время скоординированных между собой операций. Наконец, достигается более высокая ступень развития, когда в парусных

судах, пароходах, паровозах и т. п. сила ветра и пара не только заменяет силу человека, но, повинуясь его воле, *увеличивает ее во много раз*... Таким образом, и торговля, подобно сельскому хозяйству и промышленности, имеет свои периоды ручного труда, ремесла, мануфактуры и применения машин» (там же, стр. 38—39).

Мы видели, что древние рассматривали *разделение труда* с качественной стороны — как улучшение труда и создаваемой им потребительной стоимости. Применение машин в собственном смысле слова к производству имело место прежде всего в водяной мельнице. Стихотворение *Антипатра*, современника Цицерона, посвященное введению водяных мельниц в Риме, вновь свидетельствует о их точке зрения, совершенно отличной от современной. (См. в греческой антологии.) Поэт обращается к рабыням, которым поручалось размалывание зерна; теперь они могут долго спать:

«Дайте рукам отдохнуть, мукомолки; спокойно дремлите,
Хоть бы про близкий рассвет громко петух голосил:
Нимфам пучины речной ваш труд поручила Деметра;
Как зарезвились они, обод крутя колеса!
Видите? Ось завертелась, а оси крученые спицы
С рокотом движут глухим тяжесть двух пар жерновов.
Снова нам век наступил золотой: без труда и усилий
Начали снова вкушать дар мы Деметры святой» [168].

Единственной руководящей точкой зрения здесь является сбережение труда *для* самого работника, а не *сбережение цены труда*.}

ГЛАВА 4

ОТНОСИТЕЛЬНАЯ И АБСОЛЮТНАЯ ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ [169]

[XX—1283] Мы рассмотрели абсолютную и относительную прибавочную стоимость порознь. В капиталистическом производстве они связаны. И именно в процессе развития современной промышленности обнаруживается то, каким образом они выступают одновременно: рабочий день удлиняется в той же мере, в какой уменьшается необходимое рабочее время благодаря развитию общественных производительных сил труда. Тенденция капитала заключается в том, чтобы одновременно развивать прибавочную стоимость в ее обеих формах. Тем самым она одновременно вызывает охарактеризованную выше борьбу за *нормированный рабочий день* и насильственное установление его в качестве закона, навязываемого ей государством. Указанная тенденция капиталистического производства ясно обнаруживается, если сравнить государственное вмешательство на заре буржуазной промышленности (как оно выступает, например, в рабочих статутах XIV века) с современным фабричным законодательством. Там величина рабочего времени фиксируется для того, чтобы заставить рабочих доставлять своим нанимателям определенное количество прибавочного труда (или же труда вообще) — заставить их выполнять абсолютный прибавочный труд. Напротив, здесь величина рабочего времени фиксируется для того, чтобы так же насильственно установить тот предел, за который капиталист не имеет права удлинять абсолютное рабочее время, т. е. чтобы воспрепятствовать удлинению рабочего времени за определенные границы. Вместе с тем необходимость подобного государственного вмешательства, которая в первую очередь проявляется в Англии, на

родине крупной промышленности, и необходимость его постепенного распространения на новые отрасли промышленности — по мере того как ими овладевает капиталистическое производство, доказывает, с одной стороны, что капиталистическое производство не знает пределов в присвоении чужого рабочего времени и что, с другой стороны, в сложившихся условиях капиталистического производства рабочие сами по себе не в состоянии — если они как класс не будут воздействовать на государство и через государство на капитал — вырвать из хищных когтей капитала даже то свободное время, которое необходимо для их физического существования.

Во Франции продолжительность рабочего времени детей и взрослых составляет *12 часов*. Согласно закону *1833 г.*, который предшествовал закону о десятичасовом рабочем дне, начиная с 1835 г. рабочий день в Англии для детей моложе 12 лет (а с 1836 г. также и для детей моложе 13 лет) продолжался *9* часов, а для молодых людей моложе 18 лет — *12 часов* (не позднее половины девятого вечера и не раньше половины шестого утра); $1^1/_2$ часа отводилось на еду, но это время не включается в девять или двенадцать часов труда. (Вместе с тем закон 1833 г. предусматривал двухчасовое принудительное посещение школы.) (Еще в 1844 г. в тех отраслях, где можно было обойтись без детей или же где они могли быть замещены оставшимися без работы взрослыми рабочими, фабриканты заставляли работать по 14—16 часов в день.)

В *мае 1844 г.* был установлен 12-часовой рабочий день для взрослых и $6^1/_2$-часовой рабочий день для детей (в 12 часов включаются перерывы: полчаса на завтрак и один час на обед).

В *1672 г.* Петти написал свою работу «The Political Anatomy of Ireland». В ней [170] он говорит:

«Рабочие [171] работают по *10 часов* в день и едят 20 раз в неделю, а именно, три раза по рабочим дням» (теперь только два раза) «и два по воскресеньям; отсюда ясно, что если бы они захотели поститься вечером в пятницу и *обедать в течение полутора часов*» (теперь завтрак и обед вместе продолжаются всего лишь $1^1/_2$ часа), «в то время как они затрачивают на него два часа, с *одиннадцати до часу*, т. е. если бы они работали на $^1/_{20}$ времени больше, а теряли бы на $^1/_{20}$ времени меньше, то этого было бы достаточно для того, чтобы покрыть упомянутую выше $^1/_{10}$» {предназначенную для уплаты налога} (*W. Petty*. The Political Anatomy of Ireland. 1672. To which is added Verbum Sapienti. London, 1691, стр. 10) [Русский перевод, стр. 83].

Из приведенной цитаты следует, что рабочее время взрослых рабочих было в те времена не больше, чем номинальное рабочее время детей старше 13 лет в настоящее время, и что у рабочих

было больше пищи. И столь же благоприятное положение для рабочих мы находим в Англии уже в XV веке.

«Из статута 1496 года следует, что расход на пищу считался эквивалентным $^1/_3$ дохода ремесленника и $^1/_2$ дохода [сельскохозяйственного] рабочего, что свидетельствует о большей независимости рабочего класса, чем в настоящее время, когда пища рабочих и ремесленников составляет более крупную часть их заработной платы. *Время, которое отводилось для принятия пищи и для отдыха,* было более продолжительным, чем в наши дни. Например, в период с марта до сентября оно составляло 1 час на завтрак, $1^1/_2$ часа на обед и $^1/_2$ часа на полдник, стало быть, 3 часа. Зимой работали с 5 часов утра до наступления темноты. Напротив, в настоящее время на фабриках только $^1/_2$ часа отводится на завтрак и 1 час — на обед, т. е. как раз вдвое меньше того времени, которое отводилось в XV столетии» (*John Wade.* History of the Middle and Working Classes. 3rd edition. London, 1835, стр. 24—25 и 577—578).

[XX—1284] Абсолютный прибавочный труд, получаемый путем удлинения рабочего дня, является, естественно, той основой, из которой исходит каждый отдельный капиталист, так как увеличение производительности труда ведет к относительному уменьшению заработной платы, выплачиваемой этим отдельным капиталистом, лишь в той мере, в какой он способен продавать продукт труда выше его индивидуальной стоимости. Даже если производимый им товар входит в потребление рабочего, воздействие [роста производительности труда], за исключением решающих предметов потребления, [во-первых,] не бывает внезапным, а во-вторых, является общим для всех капиталистов, независимо от того, они или их собратья-капиталисты вызвали это изменение в стоимости жизненных средств. Однако у отдельных капиталистов (там, где применяется поштучная заработная плата) можно видеть, что с усовершенствованием машин, как это признает даже *Юр,* поштучная заработная плата понижается в той же самой степени или — если конъюнктура этого не позволяет — приблизительно в той же степени, в какой растет производительная сила труда, хотя *цена продукта* на первых порах стоит выше его стоимости, т. е. понижается не пропорционально уменьшению того количества труда, которого стоит продукт. Убедительным примером, который имеет общее значение, может служить то, что непосредственно после *отмены хлебных законов* фабриканты почти всюду снизили заработную плату *на 10%,* что еще в 1853 г. вызвало восьмимесячную забастовку в Престоне[172]. Позднее заработная плата поднялась из-за конъюнктурных обстоятельств, которые вызвали *необычный* спрос на труд и совершенно не зависели от общих законов *средней заработной платы.*

Теперь мы должны рассмотреть вопрос о *соотношении* между заработной платой и прибавочной стоимостью.

Предположим сначала, что *рабочий день* — величина данная. В этом случае *стоимость* продукта рабочего дня — или та сумма стоимости, одна часть которой образует заработную плату, а другая прибавочную стоимость — является постоянной. Ясно, что величины стоимости обеих частей и изменения в их стоимости находятся в *обратном* отношении друг к другу. Чем больше одна часть, тем меньше другая, и vice versa *. Далее, так как мы видели, что норма прибавочной стоимости, вообще говоря, представляет собой лишь отношение прибавочного труда к необходимому, или, что то же самое, отношение прибавочной стоимости к переменному капиталу, то отсюда следует, что только в результате изменения величины переменного капитала, или, что то же самое, величины необходимого рабочего времени, или величины заработной платы, — вообще может произойти изменение стоимостного соотношения между заработной платой и прибавочной стоимостью. Если вследствие возросшей производительной силы труда уменьшается *стоимость рабочей силы,* то увеличивается та часть стоимости продукта, которая представляет неоплаченный труд, или прибавочную стоимость. Наоборот, если бы производительность труда упала, например вследствие плохих урожаев и т. д., то прибавочная стоимость уменьшилась бы; ибо не следует забывать, что соотношение между *необходимым рабочим временем* и *прибавочным рабочим временем* определяется не производительностью той отрасли производства, где работает данный рабочий, а производительностью всех тех отраслей, результаты которых входят в процесс его воспроизводства. При всех обстоятельствах увеличение или уменьшение прибавочной стоимости может происходить здесь только вследствие изменения стоимости рабочей силы, а эта стоимость зависит от производительности труда и находится к ней в *обратном* отношении.

При этом предполагается, что оплачивается *стоимость* рабочей силы, т. е. *средняя заработная плата;* другими словами, что не имеет места ни возрастание заработной платы сверх ее среднего уровня, ни ее падение ниже этого уровня. Если продолжительность рабочего дня дана, то ясно, что чем производительнее труд, тем короче та часть рабочего дня, в течение которой рабочий работает на себя, и тем длиннее та часть, в течение которой он работает на капитал, и vice versa.

---

* — наоборот. *Ред.*

Но даже повышение заработной платы выше *среднего уровня* ничего не изменило бы в этом законе. Прибавочная стоимость могла бы возрастать всегда лишь в той мере, в какой падала бы *стоимость* рабочей силы, а потому и заработная плата, и могла бы падать лишь по противоположной причине.

Средняя заработная плата, или *стоимость рабочей силы*, не является, как было сказано выше, постоянной величиной, поскольку речь идет о меновой стоимости. Однако она выражает некоторую постоянную массу потребительных стоимостей, некоторую постоянную массу товаров для удовлетворения потребностей, или жизненных средств. *Стоимость* этого количества потребительных стоимостей зависит от общей производительности всех тех отраслей производства, продукты которых входят в необходимое потребление рабочего.

Допустим теперь, что промышленность становится более производительной. Тогда возможны следующие случаи. Рабочий *получает то же самое количество* потребительных стоимостей, что и прежде. В этом случае *стоимость* его рабочей силы или его *заработной платы* падает, так как упала *стоимость* этого, оставшегося неизменным, количества потребительных стоимостей. Рабочему нужно работать в течение меньшего количества рабочего времени, для того чтобы оплатить эквивалент своей заработной платы. Таким образом, более значительная часть рабочего дня достанется капиталу. Доля рабочего в стоимости продукта его рабочего дня уменьшилась, неоплаченное же рабочее время, или *доля стоимости*, достающаяся капиталу, *прибавочная стоимость* увеличилась. Поэтому *относительная заработная плата*, ее *доля* уменьшилась.

[XX—1285] Предположим, во-вторых, что масса жизненных средств, их *количество*, а потому и *средняя заработная плата* возрастает, но что она возрастает не в той же самой пропорции, в которой труд стал более производительным. В этом случае *уменьшается стоимость* рабочей силы и в той же пропорции увеличивается прибавочная стоимость. Ибо хотя рабочий получает бо̀льшую массу товаров, чем прежде, они представляют собой продукт меньшей, чем прежде, части его рабочего дня. Его оплаченное рабочее время уменьшилось, неоплаченное — увеличилось. Хотя его *реальная* заработная плата (если ее реально выразить в потребительной стоимости) возросла, ее *стоимость*, а потому и относительная заработная плата рабочего — то отношение, в котором стоимость его продукта делится между ним и капиталом, — уменьшилась.

Наконец, *третий случай:* рабочий, по-прежнему, получает ту же самую *стоимость*, или овеществление той же самой части

рабочего дня, что и прежде. В этом случае, поскольку увеличилась производительность труда, возросло количество получаемых им потребительных стоимостей, возросла его реальная заработная плата; однако *стоимость* последней осталась неизменной, так как она по-прежнему выражает то же самое количество овеществленного рабочего времени. Но в этом случае прибавочная стоимость, соотношение между заработной платой и прибавочной стоимостью, а потому и *относительная заработная плата* — также остаются неизменными.

Указанные случаи можно резюмировать следующим образом: количество остается тем же, пропорция уменьшается; количество растет, пропорция уменьшается; пропорция остается той же, количество растет. Но во всех этих случаях прибавочная стоимость, норма прибавочной стоимости, ее отношение к авансированному на заработную плату капиталу, — могут *возрастать* лишь в результате того, что *стоимость* заработной платы падает; они могут возрастать только в противоположном отношении к заработной плате и только вследствие тех изменений, которые происходят в стоимости заработной платы как результат изменений в производительности труда. (Наоборот, если бы промышленность стала менее производительной, то при том же самом количестве [жизненных средств] стоимость заработной платы, относительная заработная плата — увеличились бы, а поэтому прибавочная стоимость, отношение прибавочной стоимости к переменному капиталу — уменьшились бы.)

Возьмем то соотношение, при котором заработная плата по своей *стоимости* остается постоянной, хотя производительность труда возросла, а стало быть, возросла также и та масса товаров, в которых воплощается эта стоимость; тогда не произошло бы никакого изменения в *прибавочной стоимости*, хотя она, так же как и заработная плата, представляла бы бо̀льшую, чем прежде, массу потребительных стоимостей. Следовательно, возможен тот случай, при котором обе они, — заработная плата и прибавочная стоимость, рассматриваемые как потребительная стоимость, как выражаемое ими количество товаров, — *могут* увеличиваться в одинаковой пропорции, но невозможен тот случай, при котором одна из них увеличивалась бы по своей *меновой стоимости* без уменьшения меновой стоимости другой.

Если промышленность становится менее производительной, а заработная плата не падает ниже ее среднего уровня, то ее *стоимость* возрастает. *Количество остается тем же, пропорция увеличивается.* Если реальная заработная плата умень-

шается, но так, что она все же выражает большее количество рабочего времени, чем прежде, то *пропорция возрастает, хотя количество уменьшается. Пропорция остается той же самой, количество уменьшается,* если рабочий получает лишь продукт того количества часов, которое считалось нормальным до изменения производительной силы.

«Когда имеет место изменение в производительности промышленности и данным количеством труда и капитала производится либо больше, либо меньше продукта, чем раньше, относительная величина заработной платы может заметно изменяться, в то время как количество продуктов, представляемое этой относительной величиной, остается тем же самым; или же может меняться количество продуктов, в то время как относительная величина заработной платы остается неизменной» ([*Cazenove.*] Outlines of Political Economy. London, 1832, стр. 67).

«В стране, где валовой продукт мал, *более значительная доля всего продукта* может предоставить в распоряжение рабочего меньше жизненных средств, чем *менее значительная доля всего продукта* в других странах, где валовой продукт больше» (*Ramsay.* Distribution of Wealth. Edinburgh, 1836, стр. 178).

То, что Рикардо говорит о соотношении между прибылью и заработной платой, — верно для соотношения между заработной платой и прибавочной стоимостью.

«Чем меньше присваивается в качестве заработной платы, тем больше присваивается в качестве прибыли, и vice versa» (*Ricardo.* On the Principles of Political Economy, and Taxation. Third edition. London, 1821, стр. 500) [Русский перевод, том I, стр. 338].

«Не прогресс в механике, а *социальный строй* повинен в том, что рабочий, получив возможность делать за два часа то, что раньше он делал за двенадцать, не становится от этого богаче» (*Sismondi.* Nouveaux Principes d'Économie Politique. Tome I. Paris, 1827, стр. 349) [Русский перевод, том I, стр. 308].

[XX—1286] «Весьма примечательный результат философской истории человека состоит в том, что прогресс общества в отношении населения, промышленности и просвещения всегда происходит за счет здоровья, умелости и умственного развития огромной массы народа... *Личное благополучие огромного количества людей приносится в жертву счастью небольшого числа индивидов,* и можно было бы сомневаться, какое из этих двух состояний — варварство или процветание — заслуживает предпочтения, если бы необеспеченность существования, связанная с первым, не склоняла чашу весов в пользу второго» (*H. Storch.* Cours d'Économie Politique. Avec des notes explicatives et critiques par J. B. Say. Tome III. Paris, 1823, стр. 342—343).

«*Тред-юнионы,* стараясь поддерживать определенный уровень заработной платы, *стремятся добиться участия в прибыли, проистекающей от улучшения машин...* Они требуют повышения заработной платы на том основании, что *труд сокращается...* Другими словами: они стремятся обложить налогом промышленные усовершенствования» («On Combinations of Trades». New Edition. London, 1834, стр. 42).

В рассмотренном случае верно положение Рикардо о том, что сумма заработной платы и прибыли представляет собой

постоянную величину стоимости, поскольку они вместе всегда выражают *одно и то же количество рабочего времени*.

Теперь мы переходим ко второму случаю, к *удлинению рабочего дня*, причем ради упрощения мы предполагаем здесь, что производительная сила труда остается той же самой.

Фактически здесь подлежат исследованию лишь два случая.

1) *Прибавочное рабочее время увеличивается* без повышения заработной платы, без присвоения рабочим некоторой части этого добавочного времени. Это имело место главным образом в течение всего периода, когда фабричная система безмерно увеличивала прибавочное время в своей собственной и в других (находившихся вне ее) сферах. (Пример с *трудом пекарей* в Лондоне.) (Здесь выясняется также, что относительно заработная плата увеличивалась в большей мере в тех отраслях, на которые распространялся закон о десятичасовом рабочем дне, чем в тех, где нормальный рабочий день не был установлен законом.) (Их перечень смотри выше.) По видимости стоимость рабочей силы остается здесь той же самой, в то время как прибавочная стоимость возрастает. Другими словами, так как *прибавочная стоимость* увеличивается, *стоимость* рабочей силы падает здесь *относительно*, хотя *абсолютно* она остается *той же самой*. Прибавочный труд увеличивается не потому, что абсолютно уменьшается необходимый труд, но необходимый труд уменьшается по сравнению с прибавочным потому, что последний увеличивается абсолютно. Если мы здесь сравним величины стоимости рабочей силы, или заработной платы, и прибавочной стоимости, — или оплаченную и неоплаченную части рабочего дня, — то оказывается, что последняя часть абсолютно увеличилась и *поэтому* первая относительно уменьшилась, между тем как в первом случае (где изменение [соотношения между стоимостью рабочей силы и прибавочной стоимостью] вызывалось изменением производительности труда) всякое увеличение или уменьшение прибавочной стоимости происходило только в результате *прямого изменения стоимости* рабочей силы, или величины необходимого рабочего времени. Также и в рассматриваемом нами теперь случае увеличению прибавочной стоимости соответствует *относительное* падение заработной платы, но это такое относительное падение, которое вызвано независимым от необходимого рабочего времени, или от стоимости рабочей силы, движением — изменением в прибавочном труде.

Однако здесь следует сделать два замечания.

Если указанное удлинение рабочего времени не является временным, а наоборот, удлиненный и удлиняющийся рабочий

день устанавливается в качестве нормального, если это удлинение закрепляется как нормальное, — как это было прежде во всех ныне подчиненных закону о десятичасовом рабочем дне отраслях труда и как это еще бывает в очень большой части пока не подчиненных ему сфер производства, — то и это уменьшение относительной заработной платы также основано на абсолютном обесценении рабочей силы, на падении стоимости последней. Ибо, как мы видели, дневная, недельная средняя заработная плата рабочего предполагает некоторое нормальное число лет жизни рабочего, охватывающее его активное существование, а потому и активное существование его рабочей силы. Вследствие удлинения рабочего времени эта нормальная жизнь рабочего укорачивается. Если, например, указанное время равно двадцати годам, то совокупная стоимость рабочей силы за 20 лет, при предположении, что дневная необходимая заработная плата равна x, составит $365 \times 20 \times x$.

[XX—1287] Если же вследствие чрезмерного труда жизненный цикл рабочей силы сократится с 20 до 15 лет, то [совокупная] стоимость рабочей силы понизится с $(365 \times 20 \times x)$ до $(365 \times 15 \times x)$, с 4 до 3, или с 1 до $^3/_4$, следовательно, — на $^1/_4$. Если бы при ускоренном потреблении рабочей силы ее дневная стоимость оставалась прежней, то x должен был бы быть изменен на y, т. е. должно было бы иметь место следующее уравнение: $365 \times 15 \times y = 365 \times 20 \times x$; $y = (365 \times 20 \times x) : (365 \times 15)$; $y = {}^4/_3 x$; $y = (1 + {}^1/_3)\, x$. Иными словами, *необходимая заработная плата*, для того чтобы остаться той же самой, должна была бы теперь увеличиться на $^1/_3$.

Предположим, например, что недельная заработная плата равна 10 шилл. В году примерно 52 недели. Годовая заработная плата составляет 520 шилл., или 26 ф. ст., а за 20 лет — 520×20, т. е. 10 400 шилл., или 520 ф. ст. Следовательно, если стоимость рабочей силы должна остаться неизменной, в то время как продолжительность ее существования вследствие чрезмерного труда сокращается с 20 до 15 лет, то годовая заработная плата должна была бы быть равна $^{520}/_{15}$ ф. ст., или $34^2/_3$ ф. ст., а недельная заработная плата должна была бы составлять $520 : (52 \times 15)$ ф. ст., т. е. $^{10}/_{15}$ ф. ст., или $13\,^1/_3$ шилл. Таким образом, для того чтобы *стоимость дневной рабочей силы* осталась *неизменной* не только номинально, но и реально, рабочий должен был бы из совокупного рабочего дня присваивать себе в качестве необходимого рабочего времени на $^1/_3$ больше.

Однако при всех обстоятельствах здесь надо иметь в виду (это важно для дальнейшего исследования) следующее: когда

мы рассматриваем *стоимость продукта,* в котором овеществлен совокупный рабочий день, то эта стоимость, конечно, всегда равна заработной плате плюс прибавочная стоимость, alias * необходимому рабочему времени плюс прибавочное рабочее время; однако, с другой стороны, было бы ошибкой сделать здесь тот обратный вывод, который был справедлив в первом случае, и сказать, что *суммы заработной платы и прибавочной стоимости* всегда *представляют одну и ту же постоянную сумму стоимости, так как они представляют одно и то же рабочее время.* Напротив, они представляют изменяющееся рабочее время, а потому и *изменяющуюся* сумму стоимости.

Остроумное заявление Ферранда в цитировавшейся выше ** речи, произнесенной в палате общин *27 апреля 1863 г.,* отнюдь не представляет собой contradictio in adjecto ***:

«Хлопчатобумажная промышленность Англии существует в течение 90 лет. Она существовала на протяжении жизни *трех поколений английского народа,* и он полагает, что может с уверенностью сказать, что *в течение этого периода она истребила девять поколений фабричных рабочих».*

То, что *профессор Кернс* говорит в своей работе «The Slave Power» (London, 1862), в еще большей мере относится к фабрикантам, ибо им даже не приходится оплачивать безусловное право собственности на нанимаемых ими рабочих.

«Какое бы фатально-разрушительное влияние ни оказывали рисовые поля Джорджии или болота Миссисипи на человеческий организм, это разрушение человеческой жизни не настолько велико, чтобы его нельзя было возместить из обильных «заповедников» в Виргинии и Кентукки»

(читай: в Ирландии и сельскохозяйственных районах Англии, пока их избыточное население еще не было потреблено или загублено в самом зародыше).

«Экономические соображения, которые могли бы служить известной гарантией человеческого обращения с рабом, поскольку они отождествляют интерес хозяина с сохранением раба, при развитой торговле невольниками превращаются, наоборот, в причину самого беспощадного отношения к рабу, так как, *если его тотчас же можно заместить новым рабом, привезенным из чужих негритянских «заповедников», продолжительность его жизни* становится менее важной, *чем его производительность при жизни.* Поэтому правило рабовладельческого хозяйства тех стран, в которые ввозятся рабы, таково: *самая действенная экономия заключается в том,* чтобы выжать из [XX—1288] человеческого скота *возможно бо́льшую массу труда в возможно меньший промежуток времени.* Как раз в странах тропических культур, в которых годовая прибыль часто

* — иначе говоря. *Ред.*

** См. настоящий том, стр. 567—570. *Ред.*

*** — «противоречие в определении»; внутреннее противоречие, логическая нелепость. *Ред.*

равняется всему капиталу плантаций, жизнь негров приносится в жертву наиболее беспощадным образом. Земледелие Вест-Индии, уже в течение нескольких столетий колыбель баснословных богатств, поглотило миллионы людей африканской расы. И в наше время на Кубе, где доходы исчисляются миллионами, где плантаторы являются князьями, мы видим, что класс рабов питается самой грубой пищей, обречен на самый изнурительный и непрестанный труд, а значительная часть его даже прямо уничтожается из года в год *в результате медленной пытки чрезмерного труда и недостатка сна и отдыха*» (стр. 110—111).

Рассмотрение приведенного выше обстоятельства приводит нас, далее, к другому способу выражения *стоимости* рабочей силы, который в нашем анализе капитала не имеет большого значения, но, напротив, будет очень важным при специальном рассмотрении заработной платы.

«*Цена труда* есть сумма, уплаченная за данное *количество труда; заработная плата* есть сумма, зарабатываемая рабочим... *Заработная плата* зависит *от цены труда* и от *количества* выполненного *труда*» (*Sir Edward West.* Price of Corn and Wages of Labour. London, 1826, стр. 67—68).

«*Увеличение заработной платы* не связано необходимым образом с *возрастанием цены труда*. При более полной занятости и при большем напряжении *заработная плата может значительно* возрасти, несмотря на то что *цена труда продолжает оставаться той же самой*» (там же, стр. 112).

{Утверждение Мальтуса о том, что *стоимость труда* постоянна, а изменяется лишь стоимость тех товаров, которыми он оплачивается, — утверждение, которое, как и все прочее, мы находим в различных местах также у А. Смита, — основано на следующем, самим Мальтусом совершенно неосознанном, ходе мысли. Предположим, что продолжительность рабочего дня дана и равна, например, 12 часам. Пусть на определенной ступени развития производительной силы необходимый труд равен 10, а прибавочный труд — 2 часам. Если общая производительность труда растет и результаты этого роста отражаются на необходимых жизненных средствах рабочего, то указанное соотношение изменится и составит 9 часов необходимого и 3 часа прибавочного труда. Если общая производительность труда уменьшится, то указанное соотношение изменилось бы и составило бы 11 часов необходимого и 1 час прибавочного труда. Если мы встанем здесь на точку зрения рабочего, то его заработная плата постоянно стóит ему двенадцати часов труда, хотя те товары, на которые она расходуется, представляют собой попеременно стоимость 10, 9 и 11 часов, в зависимости от различной производительности труда, и в соответствии с этим его прибавочный труд равен 2, 3 и 1 часу; следовательно, прибыль совершенно различна.

Но утверждать — на том основании, что рабочий, для того чтобы получить продукт 9, 10, 11 часов, должен проработать определенное число часов, например, двенадцать часов (если предположить, что рабочий день есть величина данная), — что *стоимость* труда является величиной *постоянной* и потому представляет собой *мерило стоимости,* было бы чистейшей фантазией. Наоборот, одно и то же количество труда выступает здесь в совершенно отличном от своего продукта и меняющемся выражении. Подобное утверждение, как правильно говорит Бейли[173], было бы равносильно тому, что ярд сукна объявили бы мерилом стоимости на том основании, что этот ярд сукна всегда остается тем же самым, стóит ли он 5 или 1 или 6 шиллингов.}

До сих пор мы никогда не говорили о *стоимости труда,* а только о *стоимости рабочей силы,* ибо закон обмена товаров противоречит непосредственному обмену большего количества труда на меньшее его количество; при этом совершенно безразлично, является ли труд активным или овеществленным, и это тем более безразлично, что стоимость определенного количества *овеществленного* труда измеряется не тем количеством труда, которое в нем *овеществлено,* а тем количеством *живого труда,* которое требуется в среднем, чтобы воспроизвести тот же самый товар. С другой стороны, само по себе понятие товара — т. е. *стоимость* товара — исключает труд как процесс; труд как процесс, in actu *, есть субстанция и мера стоимости, а не стоимость. Таковой он является лишь в качестве *овеществленного* труда. Поэтому при рассмотрении капитала вообще, — где предполагается, что товары обмениваются по их *стоимости,* — труд тоже может функционировать лишь как *рабочая сила,* которая сама есть *овеществленная* форма труда.

Однако в процессе производства это опосредствование исчезает. Если мы абстрагируемся от формального процесса обмена [XX—1289] между капиталом и трудом и будем рассматривать то, что действительно происходит *в* процессе производства и выступает как результат процесса производства, то можно сказать, что определенное количество живого труда обменивается на меньшее количество овеществленного труда, а в заключение процесса определенное количество овеществленного труда обменивается на меньшее количество овеществленного труда. Например, рабочий день в двенадцать часов рабочий обменивает на продукт (12—2) часов, или на продукт 10 часов, если прибавочный труд равен 2 часам.

* = в действии, *Ред.*

Таким образом, в результате получается так, что товар стоимостью в 10 часов равен стоимости рабочей силы, стоимости *проявления этой рабочей силы* в течение 12 часов, т. е. двенадцатичасовому труду. В действительности рабочему воспроизводство его рабочей силы, равной 10 часам труда, сто̀ит 12 часов. Он вынужден работать 12 часов, доставить продукт, в котором овеществлено 12 часов труда, для того чтобы получить товары, в которых овеществлено 10 часов труда. *Стоимость его рабочей силы,* определяемая десятью часами рабочего времени, которые требуются для ее ежедневного воспроизводства, является тем *эквивалентом,* который рабочий получает за 12 часов труда и который, таким образом, *выступает* в качестве стоимости *двенадцатичасового рабочего дня.*

Цена в первую очередь есть всего лишь денежное выражение стоимости. Предположим, следовательно, что то количество денег, которое может быть произведено за один час, равно 6 пенсам; тогда за 12 часов труда будет произведено (6×12) пенсов, или 6 шиллингов. Если теперь необходимое рабочее время равно 6 часам, то *цена рабочей силы* (ее стоимость, выраженная в деньгах) равна 3 шилл., и эти 3 шиллинга — *стоимость или цена рабочей силы* — выступают как *стоимость или цена* рабочего дня продолжительностью в 12 часов.

В действительности они являются той ценой или той массой стоимости, которую рабочий получает в качестве эквивалента за 12 часов труда. В этом смысле говорится о *стоимости* или *цене* труда {опять-таки в отличие от рыночных цен труда, которые, как и цены всякого другого товара, стоя̀т то выше, то ниже этой стоимости}. И это на самом деле есть та форма, в которой *являет себя* отношение [между трудом и капиталом]. Для нашего исследования необходимо фиксировать внимание на существе дела. Поэтому когда мы говорим о *стоимости* (или о выраженной в деньгах *цене*) *труда,* то под этим всегда следует понимать *стоимость рабочей силы.* Но так как в действительности эта *стоимость рабочей силы* (ее дневная, недельная и т. д. стоимость) образует заработную плату, стало быть, ту сумму денег, которую рабочий получает в виде платы за весь свой рабочий день, то эта *цена,* в которой овеществляется лишь *оплаченная часть* рабочего дня, выступает как *цена или стоимость совокупного рабочего дня.* И, таким образом, 3 шилл. выступают в качестве *стоимости одного* двенадцатичасового *рабочего дня,* хотя они являются продуктом лишь шестичасового труда. В этой форме *стоимость, цена труда есть* специфическое выражение, непосредственно противоречащее понятию стоимости. Но это противоречие *существует.* Оно опо-

средствовано рядом промежуточных звеньев, которые мы уже рассмотрели. В действительности указанное отношение выступает в неопосредствованном виде, и поэтому заработная плата выступает как *стоимость или цена* определенного количества живого труда. При рассмотрении *заработной платы* в ее действительном движении эта *форма* приобретает важное значение. Она, далее, важна для понимания многих недоразумений в теории. Здесь, в этом разделе [XX—1290] мы рассматриваем ее лишь попутно, в связи с приведенной выше цитатой из Уэста и с тем случаем, который мы тут исследуем.

Таким образом, мы видим, что на первый взгляд правильное положение Уэста:

«*цена труда* есть *сумма,* уплаченная за данное *количество труда*»,

— представляет собой лишенную понятия форму, в которой выступает *стоимость труда* (т. е. рабочей силы). Из этой «уплаченной суммы» мы с самого же начала не видим, каково *различие,* существующее между тем трудом, который выполняется рабочим, и тем трудом, который требуется для производства его заработной платы. Возьмем приведенный выше пример. Один час рабочего времени овеществляется в 6 пенсах, а 12 часов — в 6 шиллингах. Так как рабочий за 12 часов труда получает только 3 шилл., то отношение его прибавочного труда к его необходимому труду равно 100 : 100; иными словами, таково различие между *стоимостью* его *рабочей силы,* которую он получает в виде заработной платы, и *использованием этой рабочей силы,* в результате которого образуется прибавочная стоимость для капиталиста. Однако это невозможно распознать в выражении, согласно которому стоимость одного рабочего дня в 12 часов равна 3 шиллингам *. Но даже эта *форма* позволяет сделать определенные выводы, касающиеся рассматриваемого нами случая.

Предположим, что совокупный рабочий день равен 10 часам; предположим, далее, что необходимое рабочее время равно 6 часам; наконец, предположим, что один рабочий час овеществляется в 6 пенсах. За десять часов труда рабочий получает продукт 6 часов, равный 36 пенсам, или 3 шиллингам. Следовательно, *цена или стоимость* одного часа (*стоимость* или

* Предположим, что товар продается по своей цене производства [Produktionspreis] [174]. Если из его стоимости вычесть стоимость содержащегося в нем постоянного капитала, а также находящуюся в нем часть заработной платы, то можно было бы думать, что остаток представляет собой прибавочную стоимость, и таким образом по заработной плате можно было бы исчислять разницу между стоимостью рабочей силы и результатом использования этой рабочей силы. Что дело обстоит не так, мы увидим позже.

цена в рассмотренном выше смысле) составляет $^3/_{10}$ шилл., или $3^3/_5$ пенса, а прибавочная стоимость равна $2^2/_5$ пенса в час. $2^2/_5 : 3^3/_5 = 2 : 3$; или, наоборот, $3^3/_5 : 2^2/_5 = 3 : 2$. В самом деле, совокупный прибавочный труд, равный 4 часам, относится к 6 часам необходимого рабочего времени как $^2/_3 : 1$.

Совокупный рабочий день равен десяти часам, из которых шесть часов составляют необходимый труд ($^6/_{10} = {}^3/_5$). Из десяти часов $^3/_5$ времени рабочий работает на себя и $^2/_5$ на своего капиталиста. (Это опять-таки дает отношение 3 : 2 или 2 : 3, смотря по тому, будем ли мы рассматривать отношение необходимого труда к прибавочному, или наоборот.) И, таким образом, из каждого часа рабочий $^3/_5$ времени работает на себя и $^2/_5$ на своего капиталиста, или 36 минут на себя и 24 минуты на капитал. И эти 36 минут представлены в виде $3^3/_5$ пенса, а 24 минуты в виде $2^2/_5$ пенса. Если теперь прибавочное время удлинится с 4 до 6 часов, т. е. на 2 часа, то стоимость рабочего дня, равная стоимости рабочей силы, по-прежнему составит 3 шилл. Цена одного часа рабочего времени составляет теперь всего лишь $^3/_{12}$ шилл., или 3 пенса; следовательно, она упала с $3^3/_5$ до 3 пенсов, или на $^3/_5$ пенса, в то время как прибавочная стоимость возросла с $2^2/_5$ до 3 пенсов, или на $^3/_5$ пенса. Прежде рабочий из каждого часа 36 минут работал на себя и 24 минуты на капиталиста, теперь он работает (36 — 6) минут на себя и (24 + 6) минут на капиталиста. Таким образом, это изменение в соотношении между необходимым трудом и прибавочным трудом, вызванное *абсолютным удлинением* рабочего дня, выражается в падении *цены или стоимости* определенного количества труда, в данном случае — одного рабочего часа. Оно выступает здесь как *абсолютное* (а не как всего лишь относительное) падение. (Но оно включает в себя также, как мы видели, действительное обесценение рабочей силы, поскольку двенадцатичасовой рабочий день предполагает изменившуюся *продолжительность* функционирования рабочей силы по сравнению с десятичасовым.)

[2)] * Теперь предположим обратное, а именно, что рабочий за 2 добавочных часа получил ту же самую цену, что и за предыдущие 10; следовательно, он получил $2 \times (3^3/_5)$ пенса, или $7^1/_5$ пенса. Прибавочная стоимость за эти два часа тогда составит $2 \times (2^2/_5)$ пенса, или $4^4/_5$ пенса. Теперь в целом за 12 часов будет произведена стоимость, равная 6 шиллингам. Из этих 6 шилл. рабочий получает 3 шилл. $7^1/_5$ пенса, в то время как капиталист получает 2 шилл. $4^4/_5$ пенса. В рассмат-

---

* См. настоящий том, стр. 591. *Ред.*

риваемом случае *стоимость труда* возросла с 3 шилл. до 3 шилл. $7^{1}/_{5}$ пенса, а *прибавочная стоимость* — с 2 шилл. до 2 шилл. $4^{4}/_{5}$ пенса. Это *одновременное* повышение *стоимости* труда и *прибавочной стоимости* возможно только при абсолютном удлинении рабочего дня. {За исключением того случая, когда рабочее время становится более интенсивным, что может иметь место лишь в отдельных отраслях труда; если же эта возросшая интенсивность становится всеобщей, то она представляет собой нормальную интенсивность труда, и если, предположим, речь идет об одном рабочем часе, то *более интенсивный* рабочий час является теперь *нормальным* рабочим часом.} Указанное увеличение *заработной платы* (ее стоимости) имеет место без повышения *цены* [*часа*] *труда* или *стоимости* [*часа*] *труда*. Оно свидетельствует лишь о том, что рабочее время удлиняется и что это абсолютное удлинение рабочего дня совершается не совсем даром для капиталиста. Здесь, следовательно, обнаруживается правильность [XX—1291] дальнейшего [приведенного выше] замечания Уэста:

«*Заработная плата* есть сумма, зарабатываемая рабочим... *Заработная плата* зависит от цены труда и от количества выполненного труда... *Увеличение заработной платы* не связано необходимым образом с *возрастанием цены труда*... Заработная плата может *значительно возрасти*, несмотря на то что *цена труда продолжает оставаться той же самой*».

Таким образом, ошибочным является вывод, что повышение меновой стоимости заработной платы означает возрастание *стоимости или цены* труда, коль скоро это повышение связано с ростом *количества* труда или с *удлинением рабочего дня*.

В этом случае *возросла прибавочная стоимость*, но не ее норма, так как переменный капитал увеличился пропорционально росту прибавочной стоимости.

До тех пор пока рабочие работали десять часов, капитал платил 3 шилл. (или 36 пенсов) заработной платы и получал 2 шилл. прибавочной стоимости. Таким образом, норма прибавочной стоимости составляет $^{2}/_{3}$, или $66^{2}/_{3}$%. Когда же рабочие работают двенадцать часов, капитал платит 3 шилл. $7^{1}/_{5}$ пенса (или $43^{1}/_{5}$ пенса) заработной платы, а прибавочная стоимость равна 2 шилл. $4^{4}/_{5}$ пенса (или $28^{4}/_{5}$ пенса). Следовательно, отношение прибавочной стоимости к переменному капиталу теперь равно $28^{4}/_{5} : 43^{1}/_{5} = 66^{2}/_{3} : 100$.

Таким образом, здесь имеет место *возрастание стоимости* заработной платы и *возрастание прибавочной стоимости* при неизменном *соотношении* между ними и, следовательно, при неизменной *относительной прибавочной стоимости* или *отно-*

*

сительной заработной плате *. Но в этом случае возрастание *стоимости заработной платы* не сопровождается ростом *цены или стоимости труда*, понимаемой как такая сумма, которая уплачивается за *данное количество рабочего времени*.

В данном случае из 12 часов рабочий $7^1/_5$ часа работает на себя и $4^4/_5$ часа — на капитал. Раньше он 6 часов работал на себя и 4 часа — на капитал. Однако отношение $7^1/_5 : 4^4/_5$ равно отношению 6 : 4, т. е. отношение оплаченного рабочего времени к неоплаченному осталось неизменным. Но так как 6 часов необходимого рабочего времени раньше шли на воспроизводство рабочей силы, то теперь дело выглядит так, будто заработная плата действительно повысилась сверх этого минимума, стала выше *стоимости рабочей силы*. Однако же стоимость этой рабочей силы исчислялась, исходя из ее ежедневного десятичасового потребления. При двенадцатичасовом ее потреблении *продолжительность* ее существования, а потому и *совокупная стоимость* этой рабочей силы изменяются, если только заработная плата не возрастает в той же самой пропорции, в какой уменьшается возможность использования — продолжительность использования — рабочей силы. Целиком от обстоятельств зависит — не произойдет ли при удлинении рабочего дня и при сохранении той же самой *цены труда*, а следовательно, при *увеличившейся заработной плате*, *действительного обесценения рабочей силы*, которое, однако, не обнаруживается никаким изменением в *цене труда* и даже сопровождается ростом *стоимости заработной платы*.

Мы рассмотрели: 1) тот случай, когда удлинение абсолютного рабочего времени целиком присваивается капиталом; 2) тот случай, когда при удлинении рабочего времени *соотношение* между оплаченным и неоплаченным трудом остается тем же самым. Мы переходим: 3) к тому случаю, когда добавочное время распределяется между капиталистом и рабочим, но не *в той же самой* пропорции, которая существовала прежде между оплаченным и неоплаченным рабочим временем.

До тех пор пока рабочий день продолжался 10 часов, рабочий 6 часов работал на себя (3 шилл.) и 4 часа — на капиталиста (2 шилл.). Коль скоро рабочий день составляет 12 часов, рабочий должен за один [добавочный] час получить 6 пенсов, а один [добавочный] час работать на капиталиста (6 пенсов). Совокупное рабочее время, в течение которого рабочий теперь работает на себя, равно 7 часам, а то рабочее время,

---

* Напротив, *прибыль* в указанном случае увеличилась бы также и *относительно*, вследствие причин, которые могут быть рассмотрены лишь позднее.

в течение которого он работает на капиталиста, равно 5 часам. Раньше это соотношение составляло $^4/_6$ ($^2/_3$), теперь оно составляет $^5/_7$. ($^2/_3$ это $^{14}/_{21}$, а $^5/_7$ это $^{15}/_{21}$.) Теперь рабочий за 12 часов получает 3 шилл. 6 пенсов, что за один час составляет $3^1/_2$ пенса, вместо прежних $3^3/_5$ пенса. Следовательно, *цена труда* упала на $^1/_{10}$ пенса, а *заработная плата* поднялась с 3 шилл. до 3 шилл. 6 пенсов. [XX—1292] Таким образом, здесь имеет место (если абстрагироваться от обесценения рабочей силы вследствие ее ускоренного потребления) возрастание заработной платы при понижающейся цене труда, а прибавочная стоимость увеличивается в той же пропорции, в какой падает цена труда. Капиталист затрачивал 3 шилл., а получал 2, [норма прибавочной стоимости] была равна $^2/_3$. Теперь он затрачивает 3 шилл. 6 пенсов, а получает 2 шилл. 6 пенсов, т. е. он затрачивает 42 пенса, а получает 30, [норма прибавочной стоимости] равна $^{30}/_{42}$, т. е. $^5/_7$. Норма прибавочной стоимости, следовательно, возросла с $^2/_3$ до $^5/_7$, т. е. с $^{14}/_{21}$ до $^{15}/_{21}$, или на $^1/_{21}$.

Если бы, напротив, рабочий из 2 [добавочных] часов получал полтора, т. е. 9 пенсов, то рассматриваемое нами соотношение было бы следующим: его заработная плата теперь равна 3 шилл. 9 пенсам, т. е. 45 пенсам, что за один час составляет $3^3/_4$ пенса, в то время как прежде рабочий получал только $3^3/_5$ пенса. ($^3/_4 - ^3/_5 = ^{15}/_{20} - ^{12}/_{20} = ^3/_{20}$.) В этом случае рост заработной платы сопровождается ростом *цены труда*, которому соответствовало бы *падение нормы прибавочной стоимости*. Капиталист затрачивает 3 шилл. 9 пенсов, ему достается, стало быть, 2 шилл. 3 пенса; 3 шилл. 9 пенсов = 45 пенсам, а 2 шилл. 3 пенса = 27 пенсам. [Норма прибавочной стоимости составляет] $^{27}/_{45}$, т. е. 60%. Прежде она была равна $66^2/_3$%. Уменьшение на 10%. Позднее мы увидим, что даже в этом случае, когда растет масса прибавочной стоимости, хотя ее норма падает, *относительная величина прибыли* могла бы увеличиться.

Таким образом, *увеличение заработной платы*, рассматриваемое с точки зрения *меновой стоимости*, а не *потребительной стоимости*, — при отсутствии изменений в производительности труда, которое вообще предполагается в этой части нашего исследования, — может иметь место при остающейся неизменной *цене труда*, вместе с возможным здесь обесценением рабочей силы. Увеличение заработной платы может иметь место и при *понижающейся цене труда*, при обесценении рабочей силы, вместе с не только абсолютным, но также и относительным возрастанием прибавочной стоимости.

Для того чтобы решить определенные проблемы, связанные с движениями заработной платы, необходимо указанным образом расчленить эту форму *стоимости труда* или *цены труда,* в которой практически и в непосредственном явлении выступает *стоимость рабочей силы.* При рассмотрении всеобщего отношения [между трудом и капиталом] нам лишь в виде исключения приходится ссылаться на эту превратную форму, в которой выступает стоимость рабочей силы. Но она выступает в этой превратной форме и в реальном процессе конкуренции, в котором все представляется в превратном виде, и в сознании как рабочих, так и капиталистов.

Выше мы видели, что если продолжительность рабочего дня дана, то (до тех пор пока речь идет не о падении заработной платы *ниже* определенного минимума или о ее повышении *сверх* этого минимума, т. е. до тех пор пока речь идет не о таких *колебаниях цен,* которые не затрагивают самой *стоимости*) все изменения [в соотношении между необходимым и прибавочным трудом] могут происходить только вследствие изменений в производительности труда. Итак, предположим, что необходимые жизненные средства (например, продукты земледелия) возрастают в цене вследствие уменьшившейся производительности земледелия; тогда — если все прочие условия остаются без изменений, стало быть, если, например, жизненные средства, не являющиеся продуктом земледелия, не падают в цене настолько, чтобы уравновесить указанное повышение цен на земледельческие продукты — *стоимость рабочей силы* должна была бы возрасти, необходимое рабочее время — увеличиться за счет прибавочного рабочего времени, а прибавочная стоимость — уменьшиться. Несмотря на возросшую стоимость рабочей силы, количество получаемых рабочим жизненных средств осталось бы неизменным. Если же нет, если бы их количество уменьшилось, то — несмотря на увеличившуюся стоимость рабочей силы и на то, что в результате этого возросла относительная заработная плата, а относительная прибавочная стоимость уменьшилась, — *уровень заработной платы* понизился бы, или заработная плата стала бы ниже своего обычного минимума. Но этот закон совершенно не имеет силы, коль скоро рабочий день функционирует не в качестве постоянной, а в качестве переменной величины, т. е. если он удлиняется за его прежние нормальные пределы. Если тем самым удлиняется абсолютный прибавочный труд, то несмотря на *возрастание стоимости рабочей силы,* относительная прибавочная стоимость может не только оставаться прежней, но и расти. Это бесспорно имело место, например, в Англии в период

1800—1815 гг., когда подорожали продукты земледелия, но одновременно это был главный период *удлинения нормального рабочего дня* *.

[XX—1293] Мы видели, что норма прибавочной стоимости должна исчисляться просто по отношению к величине переменного капитала, или, что то же самое, она должна выражаться как отношение: $\frac{\text{прибавочный труд}}{\text{необходимый труд}}$. В первом выражении отношение: $\frac{\text{прибавочная стоимость}}{\text{переменный капитал}}$ выражает отношение прибавочной стоимости к тому капиталу, изменением которого она является; это есть отношение стоимостей. В отношении прибавочного труда к необходимому труду обе стоимости — переменный капитал и прибавочный труд — сведены к основному отношению, которое измеряет их обе, так как это отношение двух стоимостей определяется содержащимся в них рабочим временем, в результате чего указанные стоимости относятся друг к другу как количества содержащегося в них рабочего времени. Отношения: $\frac{\text{прибавочная стоимость}}{\text{переменный капитал}}$ и $\frac{\text{прибавочный труд}}{\text{необходимый труд}}$, или $\frac{\text{неоплаченный труд}^{**}}{\text{оплаченный труд}}$ — всё это первоначальные, понятийные выражения одного и того же отношения.

Это же самое отношение может быть выражено также и в других, производных, формах, которые, однако, не характеризуют его понятийное содержание с такой же строгостью.

Сумма необходимого труда и прибавочного труда составляет совокупный рабочий день. Предположим, что необходимый труд равен 8 часам, а прибавочный труд — 4; тогда отношение прибавочного труда к необходимому, составляющее $^1/_2$, или 50%, есть отношение эксплуатации труда. Совокупный рабочий день равен 12 часам (необходимый труд плюс прибавочный труд). Необходимое рабочее время равно $12 \times {}^2/_3$, а прибавочное рабочее время равно $^{12}/_3$. Оба они могут быть вы-

* В указанный период присоединились еще и другие обстоятельства, вызывавшие не только относительное, но и абсолютное понижение средней заработной платы. Одним из таких обстоятельств было постоянное обесценение денег, а, как известно, в периоды обесценения денег номинальная заработная плата растет в той же самой пропорции, в какой обесцениваются деньги. Во всем нашем исследовании стоимость денег предполагается постоянной.

** Выражение $\frac{\text{оплаченный труд}}{\text{неоплаченный труд}}$ я уже употреблял при первоначальном рассмотрении нормы прибавочной стоимости. Этого не следует делать, ибо оно предполагает, что *оплачиваются количества труда*, а не *рабочая сила*. «*Неоплаченный труд*» — термин, встречающийся у самих буржуа для обозначения *добавочного времени*, выходящего за пределы всяких норм [175].

ражены как соответственные части совокупного рабочего дня, и если мы сравним эти выражения, то получится то же самое отношение: $12 \times {}^2/_3 : {}^{12}/_3 = 8 : 4$. Однако непосредственно отношение эксплуатации в этом выражении не дано. Если, например, прибавочный труд составляет 50% необходимого труда, то он равен $^1/_3$, или $33^1/_3$% совокупного рабочего дня. Эти $33^1/_3$% непосредственно не выражают — подобно 50% — отношения эксплуатации. Хотя эта производная форма пригодна для определенных исследований, она может привести к совершенно ложным выводам.

Предположим, например, что необходимый труд равен 6 часам, прибавочный труд — 6 часам; тогда норма прибавочной стоимости, или отношение эксплуатации, равна 100%. Допустим теперь, что необходимый труд равен 4 часам, прибавочный труд — 8 часам; тогда норма прибавочной стоимости, или отношение эксплуатации, равна 200%. Напротив, ясно, что отношение $\frac{\text{прибавочный труд}}{\text{совокупный рабочий день}}$ никогда не может быть равно 100%, ибо оно всегда равно отношению $\frac{\text{совокупный рабочий день — необходимый труд}}{\text{совокупный рабочий день}}$; другими словами, прибавочный труд всегда составляет некоторую дробную часть совокупного рабочего дня, он всегда меньше, чем совокупный рабочий день; следовательно, он никогда не может быть равен отношению $\frac{100}{100}$, точно так же как и отношению $\frac{100+x}{100}$. Совокупный рабочий день есть тот предел, которого никогда не может достигнуть прибавочный труд, как бы сильно ни сокращался необходимый труд *. Так как прибавочный труд равен совокупному рабочему дню минус необходимый труд, то он будет расти в том же [арифметическом] отношении, в каком будет уменьшаться необходимый труд. Но если бы последний стал равен нулю, то и прибавочный труд также стал бы равным нулю, так как он является лишь функцией необходимого труда. Исходя иэ этого, различные авторы-экономисты (часть которых кроме того еще смешивает прибыль с прибавочной стоимостью) приходили к неверному выводу, будто *норма прибавочной стоимости никогда не может составлять 100% (Родбертус)* [176]. При этом производное выражение, которое непосредственно не выражает отношения эксплуатации, они принимают за непосредственное выражение этого отношения. Здесь сна-

* Это относится к рабочему, поскольку он работает. Для *совокупного дня*, составленного из многих *одновременных рабочих дней*, день отдельного рабочего может исчезнуть.

чала должно иметь место обратное превращение, для того чтобы можно было найти действительное отношение.

Если, например, мы имеем отношение прибавочного труда к совокупному рабочему дню, т. е. отношение $\frac{\text{прибавочный труд}}{\text{совокупный рабочий день}}$, то из него следует, что необходимый труд равен совокупному рабочему дню минус прибавочный труд. А стало быть, отсюда следует также и отношение необходимого рабочего времени к совокупному рабочему дню. Оба отношения: $\frac{\text{необходимый труд}}{\text{совокупный рабочий день}}$ и $\frac{\text{прибавочный труд}}{\text{совокупный рабочий день}}$ приводят к отношению $\frac{\text{прибавочный труд}}{\text{необходимый труд}}$, и только в нем выражено действительное отношение эксплуатации, которое может составлять 100 и более процентов.

[XX—1294] Совершенно так же как выражение необходимого труда и прибавочного труда в качестве долей совокупного рабочего дня представляет собой производные формы отношения $\frac{\text{прибавочный труд}}{\text{необходимый труд}}$, или $\frac{\text{оплаченный труд}}{\text{неоплаченный труд}}$, выражение заработной платы и прибавочной стоимости в качестве долей *совокупного продукта* (т. е. стоимости совокупного продукта) представляет собой производную форму понятийного отношения $\frac{\text{прибавочная стоимость}}{\text{переменный капитал}}$. Стоимость продукта = постоянный капитал + (переменный капитал + прибавочная стоимость). Если мы предположим, что постоянный капитал равен 0, т. е. абстрагируемся от его стоимости, которая не влияет на соотношение между прибавочной стоимостью и переменным капиталом, т. е. не затрагивает той стоимости, которую вновь присоединенный труд придал продукту, то стоимость совокупного продукта равна стоимости переменного капитала плюс прибавочная стоимость, равна заработной плате плюс прибавочная стоимость. Поэтому — коль скоро процесс производства угас в своем результате, в продукте, коль скоро живой труд, обмененный на овеществленный труд, снова овеществился, — заработная плата и прибавочная стоимость могут быть выражены в качестве долей стоимости, в качестве пропорциональных частей совокупной стоимости продукта. Так, если переменный капитал в 8 ф. ст. воспроизводится в виде 8 ф. ст., и, кроме того, прибавочный труд овеществился в 4 ф. ст., то стоимость продукта составляет 8 + 4, т. е. 12 ф. ст. Стоимости в 8 ф. ст. и 4 ф. ст., в которых овеществлены соответственно необходимый труд и прибавочный труд, могут быть выражены как пропорциональные части совокупного продукта в 12 ф. ст.

Это производное отношение имеет, во-первых, тот же недостаток, что и рассмотренная выше производная формула. Оно непосредственно не выражает отношения эксплуатации. Во-вторых, так как готовый продукт всегда выражает рабочее время определенной величины, то в этой форме исчезают все отношения, проистекающие из изменения рабочего дня, из абсолютного прибавочного труда. Поэтому у тех авторов-экономистов, которые особенно пользуются этим производным отношением, мы действительно находим, что сумма необходимого времени и прибавочного времени, т. е. совокупный рабочий день, рассматривается как постоянная величина, а потому и совокупная стоимость продукта, в которой выражается совокупный рабочий день, также рассматривается только как постоянная величина. И, наконец, эта формула, если ее рассматривать как исходную, затушевывает и фальсифицирует *качественный характер* отношения обмена между капиталистом и рабочим, обмена *живого труда* на *овеществленный,* действительно происходящего в процессе производства, — тем, что она имеет дело *только* с овеществленным трудом, с трудом, овеществленным в продукте. Существенное отношение, в соответствии с которым рабочий не имеет никакой доли в продукте, а его обмен с капиталистом, вместо того чтобы привлечь его к участию в продукте, отстраняет его от всякого участия в продукте как таковом, — этот *решающий момент* всего отношения исчезает, и вместо него создается обманчивая видимость, будто капиталист и наемный рабочий основали некое товарищество и делят между собой продукт пропорционально тем различным факторам, которыми они участвуют в его производстве. Поэтому именно она является излюбленной формулой буржуазных апологетов *капиталистического отношения.*

Тем не менее эта производная формула представляет собой выражение, проистекающее из результата самого процесса производства, в котором и заработная плата, и прибавочная стоимость в конечном счете выступают как части стоимости продукта, вместе образующие общую сумму овеществленного труда. Позднее — при рассмотрении накопления — мы познакомимся с истинным значением этой формулы для анализа капиталистического отношения. Эта формула становится тем более важной, что деньги фигурируют здесь в качестве средства платежа, так что труд оплачивается лишь тогда, когда он овеществлен, когда, следовательно, он уже сам перешел из формы процесса в форму покоя, из формы созидающей стоимость деятельности в стоимость.

Стоимость или *цена труда* (выраженная в деньгах) представляет собой ту *непосредственную форму,* в которой выступает *стоимость рабочей силы.* Рабочему дело представляется таким образом, что за определенную сумму денег он продает свой *труд,* а капиталисту дело тоже представляется таким образом, что за определенную сумму денег он покупает этот товар. Затем эта цена, так же как и цена всякого другого товара, регулируется законами спроса и предложения труда. Однако в таком случае спрашивается, что̀ именно регулирует закон спроса и предложения? Иными словами, в связи с этим товаром (трудом), как и в связи со всяким другим товаром, спрашивается, что̀ регулирует его стоимость или соответствующую его стоимости цену? Или его цену, если спрос и предложение покрывают друг друга? Здесь по отношению к труду как таковому в отличие от всех других товаров обнаруживается то, что непосредственно он не подчиняется закону стоимости, ибо стоимость или соответствующая стоимости товаров цена определяется количеством [XX—1295] содержащегося в них труда или овеществленного в них рабочего времени. Было бы глупо говорить о количестве труда, содержащегося в некотором количестве живого труда, или об определении, например, двенадцатичасового труда двенадцатичасовым трудом. Здесь обнаруживается, что стоимость [труда] может быть определена лишь в той мере, — что вообще речь может идти о *стоимости труда* лишь в той мере, — в какой эта стоимость труда представляет собой производную форму *стоимости рабочей силы.*

Рассмотрим сначала *понятийное выражение,* а затем его *превращенную форму,* как она выступает на поверхности — на рынке. Сравнение их разъясняет вместе с тем соотношение между обоими выражениями.

Предположим, что *дневная стоимость* рабочей силы равна 6 часам труда. Один час труда реализуется в *6 пенсах;* иными словами, 6 пенсов представляют собой денежное выражение одного часа труда. Рабочий продает капиталисту свою рабочую силу за 6 × 6 = 36 пенсов, т. е. за 3 шилл. В этом случае он продал свою рабочую силу по ее стоимости. Действительное потребление этого товара капиталистом состоит в труде рабочего. Но рабочая сила продана лишь за определенную часть совокупного рабочего дня. Предположим, что нормальный рабочий день составляет 12 часов; стоимость продукта, в котором реализуется двенадцатичасовой рабочий день, равна 12 часам. Первые 6 часов, в которых она реализуется, представляют собой лишь эквивалент заработной платы. Стоимость продукта (12 часов) минус стоимость рабочей силы (6 часов),

разность между той стоимостью, в которой реализуется рабочий день, и стоимостью рабочей силы образует прибавочную стоимость. Иными словами, разность между совокупным рабочим днем и необходимым рабочим временем равна прибавочному труду.

Та стоимость, в которой реализуется совокупный рабочий день, равна 6 шилл.; та стоимость, которая возмещает стоимость рабочей силы или ее цену, равна 3 шилл. Прибавочная стоимость равна 6 — 3, т. е. 3 шиллингам, или прибавочный труд равен 12 — 6, т. е. 6 часам. Прибавочная стоимость непосредственно выступает здесь как разность между совокупной стоимостью, в которой реализуется рабочий день, и стоимостью, в которой реализуется та часть рабочего дня, которая лишь возмещает заработную плату, стоимость рабочей силы; иными словами, прибавочная стоимость выступает как разность между совокупным рабочим днем и оплаченной частью рабочего дня.

Но, как отмечалось выше, рабочая сила принадлежит к тому виду товаров, при [обмене] которых деньги фигурируют как средство платежа, а значит, фигурируют дважды: сначала как покупательное средство — при продаже, затем как средство платежа, — когда продажа реализована, после того как потребительная стоимость товара перешла во владение покупателя. Рабочий получает плату, например дневную или недельную, лишь после того как капиталист заставил его рабочую силу работать, например, в течение недели по двенадцать часов ежедневно. Тот эквивалент, который получает рабочий, *выступает,* таким образом, в качестве эквивалента его двенадцатичасового труда. Кроме того, свою рабочую силу, следовательно, ее потребление рабочий продал на определенное время. Однако это осуществляемое капиталистом в течение определенного времени потребление рабочей силы — со стороны рабочего представляет собой определенное, измеряемое временем количество его собственной деятельности, т. е. его труда, следовательно, например, представляет собой ежедневную продажу его двенадцатичасового труда. А та *цена,* та сумма денег, которую получает рабочий, опять-таки выступает для него, так же как и для капиталиста, в виде *цены* или *эквивалента его двенадцатичасового труда.* Это тем более естественно, что этот *действительный результат процесса,* — а именно, то, что *определенное количество труда* куплено и продано за определенное количество денег, — также и для капиталиста выступает как содержание сделки, ибо его во всей сделке интересует только *это содержание.*

Что же являет себя в этой форме *стоимости труда* или *цены труда,* которые образуют *границы* рыночных цен (их пределы)?

Как раз *стоимость рабочей силы* или та *денежная сумма,* в которой овеществляется необходимый труд. Если 12 часов представляют собой нормальный рабочий день, а 6 часов — необходимое рабочее время, то 3 шилл. (результат 6 часов труда) выступают в виде *стоимости двенадцатичасового* рабочего дня. Те цены, которые стоят выше или ниже этой величины, являются ценами [труда], отклоняющимися от *стоимости труда* и колеблющимися вокруг нее как вокруг своего центра. При этих обстоятельствах 3 пенса выступают, следовательно, в виде стоимости одного часа труда. Выше уже было показано, что эта стоимость одного часа труда выразилась бы в более значительной сумме, если бы нормальный рабочий день был меньше 12 часов, и в менее значительной сумме, если бы он был больше 12 часов. Однако здесь мы не хотим возвращаться к этому ходу мыслей. Здесь речь идет о другой, *качественной* стороне вопроса. (Заработная плата за определенный промежуток времени, за определенное количество труда (например, за один рабочий час) определяется здесь соотношением между необходимым трудом и совокупным рабочим днем. И заработная плата выступает в виде такой суммы, которая выплачивается за совокупный рабочий день. При неизменной цене труда заработная плата может здесь возрастать, если удлиняется рабочее время; при неизменной заработной плате цена труда может падать, если удлиняется рабочее время; равным образом при падающей цене труда заработная плата может возрастать, если рабочее время [XX—1296] удлиняется.)

Итак, та стоимость, в которой реализуется необходимое рабочее время, выступает в виде *стоимости дня труда,* равного необходимому рабочему времени плюс прибавочное рабочее время. Таким образом, при упомянутом выше предположении 3 шилл. выступают в виде стоимости *двенадцатичасового рабочего дня*, хотя двенадцатичасовой рабочий день овеществляется в 6 шиллингах. Следовательно, *стоимость рабочего дня* в этом примере оказывается вдвое меньшей, чем *стоимость того продукта,* в котором овеществлен этот рабочий день. (Смотри первый выпуск «Zur Kritik der Politischen Oekonomie» (Berlin, 1859, стр. 40), где я заявляю, что при рассмотрении капитала должна быть решена следующая проблема:

> «Каким образом производство на базе меновой стоимости, определяемой исключительно рабочим временем, приводит к тому результату, что меновая стоимость труда меньше, чем меновая стоимость его продукта?» [настоящее издание, том 13, стр. 48].)

Если необходимое рабочее время равно x, совокупный рабочий день равен y, или $x + z$, и если x реализуется в стоимости

x', между тем как y реализуется в стоимости $x' + z'$, то x' выступает в виде стоимости $x + z$.

Таким образом, *стоимость труда* (или рабочего дня), выступая в этой лишенной понятия форме, представляет собой нечто совершенно отличное от *стоимости товара*, определяемой величиной рабочего дня.

Еще два замечания, прежде чем идти дальше.

Первое замечание. При сделанном выше предположении стоимость часа труда равна 3 пенсам, и она такова именно потому, что стоимость рабочей силы, или та стоимость, в которой реализуется необходимый труд, равна 6 часам, а стоимость, создаваемая каждым часом труда, равна 6 пенсам; следовательно, та стоимость, в которой реализуются 6 часов, равна 36 пенсам. Эти 36 пенсов (или стоимость рабочей силы — стоимость тех товаров, в которых реализуется необходимое рабочее время), деленные на 12 — на число часов, образующих совокупный рабочий день, распадающийся на необходимый и на прибавочный труд, выступают здесь в виде стоимости одного часа труда. Если бы совокупный рабочий день составлял только 10 часов, то стоимость одного часа труда была бы равна $^{36}/_{10}$ пенса; если бы он составлял 18 часов, то стоимость одного часа труда была бы равна $^{36}/_{18}$ пенса. Постоянным фактором является здесь стоимость рабочей силы, или та стоимость, в которой реализуется необходимый труд. Но *цена определенного количества труда*, например, одного часа, определяется отношением необходимого рабочего времени к совокупному рабочему дню, т. е. к сумме необходимого и прибавочного труда.

Поэтому ясно, что если при упомянутом выше предположении 3 пенса в час устанавливаются в качестве средней стоимости одного часа труда, то это имеет место не только при той предпосылке, что совокупный рабочий день в два раза больше, чем необходимое рабочее время (12 вместо 6 часов), но и при той, что рабочий ежедневно занят 12 часов, т. е. что его средняя занятость в течение года составляет 12 часов в день. Ибо только в том случае, если он ежедневно работает по 12 часов, он в состоянии воспроизвести стоимость своей собственной рабочей силы и тем самым продолжать свое существование в качестве рабочего при тех же самых средних условиях. Иными словами, только в том случае, если рабочий работает 12 часов, он в состоянии произвести для самого себя дневную стоимость в 6 часов — стоимость своей рабочей силы. Если бы рабочий был занят, например, только в течение 10 часов в день при *цене одного часа* [труда] в 3 пенса, то он получал бы только 30 пенсов, т. е.

2 шилл. 6 пенсов в день — такую заработную плату, которая упала бы ниже дневной стоимости рабочей силы, а потому и ниже средней заработной платы. Если бы рабочий был занят только в течение 6 часов, то он получал бы ровно половину той заработной платы, которая требуется для его обычной жизни. Такого рода явления имеют место, когда рабочие работают только в течение половины, $^{3}/_{4}$ рабочего времени и т. д. Именно по *этой причине* лондонские строительные рабочие во время своей забастовки в 1861 и следующем году специально выступили против *почасовой оплаты,* вводившейся предпринимателями вместо оплаты рабочего дня или рабочей недели. Это же обстоятельство составляет важный момент при определении [заработной платы] *сезонного рабочего* и т. д., когда рабочий, быть может, 3 месяца работает чрезмерно много, а остальную часть года занят только наполовину или на $^{1}/_{3}$.

Второе замечание вызывается особой природой *добавочного времени.* При исчислении цены или стоимости одного [рабочего] часа здесь [в условиях нормального рабочего дня] всегда предполагается, что рабочий занят дольше, чем шесть часов, т. е. что в течение своего необходимого рабочего времени он работает на самого себя. В условиях добавочного времени такой границы нет. При нормальном рабочем дне предполагается не только то, что рабочий $^{1}/_{2}$ часа работает на себя и $^{1}/_{2}$ часа — на своего хозяина, но и то, что в течение дня он $^{12}/_{2}$ часа работает на себя. Это в действительности является пределом. Если бы хозяин разрешил ему работать только шесть часов, то необходимая заработная плата должна была бы равняться ($^{36}/_{6} \times 6$) пенсам, т. е. 3 шилл.; это означало бы, что стоимость труда равна стоимости продукта труда, а прибавочный труд и потому также прибавочная стоимость равны нулю. Если бы совокупный рабочий день составлял только 7 часов, то хозяин получил бы только один прибавочный час, только 6 пенсов прибавочной стоимости, в которых выражается стоимость, создаваемая одним прибавочным часом. Если же теперь он заставляет рабочего работать сверх нормального рабочего времени, равного 12 часам, и даже если при этом он платит за 2 сверхурочных часа заработную плату в 6 пенсов, то здесь нет больше соотношения между необходимым и прибавочным трудом. Хозяин может получить добавочный прибавочный час, не заставляя для этого рабочего работать шесть необходимых часов.

[XX—1291 *a*][177] В указанных выражениях «*стоимость труда*» или «*цена рабочего времени*» понятие стоимости не только совершенно исчезло, но и превратилось в нечто такое, что ему прямо противоречит. Та стоимость, в которой воплощается

некоторая часть нормального рабочего дня (а именно, та часть, которая необходима для воспроизводства рабочей силы), выступает как *стоимость совокупного* рабочего дня. Так, *стоимость* 12 часов труда равна 3 шилл., хотя стоимость того *товара*, который произведен двенадцатичасовым трудом, равна 6 шиллингам, и равна им именно потому, что 12 часов труда уже представляют 6 шиллингов. Следовательно, это есть некое иррациональное выражение, как, например, $\sqrt{-2}$ в алгебре. Но это есть такое выражение, которое с необходимостью проистекает из процесса производства, представляя собой необходимую *форму проявления* стоимости рабочей силы. Оно заключено уже в самих словах *заработная плата* [или: *плата за труд — Arbeitslohn*], из которых следует, что плата за труд равна цене труда, равна стоимости труда. Эта лишенная понятия форма, существующая, однако, в сознании как рабочих, так и капиталистов (ибо она представляет собой форму, непосредственно проявляющуюся в действительности), является поэтому такой формой, за которую упорно держится вульгарная политическая экономия, полагающая специфическое отличие науки политической экономии от всех других наук в том, что последние стремятся выяснить скрытую за обыденными явлениями и, как правило, по своей форме противоречащую обыденному явлению (такому, например, как движение Солнца вокруг Земли) сущность, в то время как первая объявляет истинным делом науки простой перевод обыденных явлений в столь же обыденные представления. В этой превратной и производной форме, в которой *стоимость рабочей силы* выступает на поверхности буржуазного общества, получая свое обыденное выражение (свою экзотерическую форму) в виде *стоимости* или выраженной в деньгах *цены* труда, совершенно исчезло различие между *оплаченным* и *неоплаченным* трудом, так как ведь заработная плата является оплатой *рабочего дня* и его эквивалентом — фактически эквивалентом его продукта. Поэтому содержащуюся в продукте прибавочную стоимость фактически приходится объяснять каким-то невидимым, мистическим качеством, выводить из постоянного капитала. Это выражение создает различие между наемным и барщинным трудом, порождает *иллюзию у самого рабочего*.

* * *

Прежде чем идти дальше, приведем еще некоторые цитаты и рассуждения, относящиеся ко всему изложенному выше отделу I [178]. [XX—1291*a*]

ПРИМЕЧАНИЯ
УКАЗАТЕЛИ

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Материал раздела о процессе производства капитала содержится в тетрадях I—V, XIX—XXII рукописи 1861—1863 годов. На обложке I тетради рукой Маркса помечено: «*Август. 1861*». Здесь же Маркс записал перечень содержания I тетради рукописи:

I) *Процесс производства капитала.*

1) *Превращение денег в капитал.*

a) Наиболее общая форма капитала. b) Трудности. c) Обмен между капиталом и рабочей силой. d) Стоимость рабочей силы. e) Процесс труда. f) Процесс увеличения стоимости. g) *Капиталистическое производство.*

По всей вероятности этот перечень был составлен Марксом уже после заполнения I тетради. — *3.*

2 Маркс имеет в виду первый выпуск «К критике политической экономии». См. настоящее издание, т. 13, стр. 71—81. — *3.*

3 В рукописи «Критика политической экономии» (1857—1858 гг.) Маркс указывает на то, что «меновая стоимость выражает собой *социальную форму* стоимости, тогда как потребительная стоимость вовсе не является экономической формой стоимости, а выражает лишь бытие продукта и т. д. для человека вообще» (настоящее издание, т. 46, ч. II, стр. 384). См. также настоящее издание, т. 23, стр. 70; т. 26, ч. III, стр. 307—308. — *5.*

4 См. настоящее издание, т. 26, ч. III, стр. 55—57. — *9.*

5 Маркс цитирует здесь работу Джемса Стюарта «An Inquiry into the Principles of Political Oeconomy», впервые вышедшую в двух томах в Лондоне в 1767 году. — *11.*

6 Aristoteles. «De Republica», liber I, caput 9. In: Aristotelis Opera ex recensione I. Bekkeri. Tomus X, Oxonii, 1837, стр. 13—16. Ср. настоящее издание, т. 13, стр. 119; т. 23, стр. 163, 175; т. 46, ч. II, стр. 472. — *14.*

[7] Ср. настоящее издание, т. 46, ч. I, стр. 207 и далее. — *15*.

[8] Имеется в виду первый выпуск «К критике политической экономии». См. настоящее издание, т. 13, стр. 25. — *21*.

[9] См. настоящее издание, т. 26, ч. III, гл. XIX, в особенности стр. 10—15, 33—46. — *24*.

[10] Цитату из Франклина Маркс приводит сначала в оригинале, а затем в переводе на немецкий язык. — *25*.

[11] Маркс имеет в виду следующее место из работы Энгельса: «В основе различия между реальной стоимостью и меновой стоимостью лежит тот именно факт, что стоимость вещи отлична от так называемого эквивалента, даваемого за нее в торговле, т. е. что этот эквивалент не является эквивалентом» (настоящее издание, т. 1, стр. 553). Ср. также настоящее издание, т. 23, стр. 175, и т. 20, стр. 321. — *27*.

[12] Первоначально греческое слово κεφάλαιον означало «главное», «основное»; в дальнейшем: «денежная сумма», «капитал». Этимологические замечания о слове «капитал» Маркс взял из 2-го тома словаря Дюканжа: «Glossarium mediae et infimae latinitatis». Tomus II. Parisiis, 1842, стр. 139—141. См. также настоящее издание, т. 46, ч. I, стр. 505—506. — *27*.

[13] Подробное исследование капитала, приносящего проценты, дано Марксом в той части рукописи 1861—1863 годов, которая относится к «Теориям прибавочной стоимости» (см. настоящее издание, т. 26, ч. III, стр. 471—568). — *27*.

[14] В оригинале: «Arbeitsvermögen». В рукописи 1861—1863 годов Маркс несколько раз употребляет термин «Arbeitskraft» (один раз этот термин встречается уже в «Наемном труде и капитале»; см. настоящее издание, т. 6, стр. 444), но, как правило, пользуется термином «Arbeitsvermögen». В I томе «Капитала» эти два термина употребляются Марксом как равнозначные: «Unter Arbeitskraft oder Arbeitsvermögen verstehen wir den Inbegriff der physischen und geistigen Fähigkeiten, die in der Leiblichkeit, der lebendigen Persönlichkeit eines Menschen existieren und die er in Bewegung setzt, so oft er Gebrauchswerte irgend einer Art produziert» (4-е нем. изд., стр. 130). Русский перевод этого места гласит: «Под рабочей силой, или способностью к труду, мы понимаем совокупность физических и духовных способностей, которыми обладает организм, живая личность человека, и которые пускаются им в ход всякий раз, когда он производит какие-либо потребительные стоимости» (настоящее издание, т. 23, стр. 178).

Русское выражение «способность к труду» не передает с достаточной точностью немецкий термин «Arbeitsvermögen». Немецкое слово «Vermögen» переводится на русский язык также и словом «сила». Термин «рабочая сила» вообще более точно, чем выражение «способность к труду», передает смысл слова «Arbeitsvermögen». Поэтому в настоящем томе термин «Arbeitsvermögen», как правило, переводится термином «рабочая сила», а там, где Маркс употребляет термин «Arbeitskraft», этот термин дается в квадратных скобках вслед за русским термином «рабочая сила», — *30*.

15 Имеется в виду первый выпуск «К критике политической экономии» (настоящее издание, т. 13, стр. 97—99). — *31.*

16 *Для-себя-бытие, для-себя-сущее* (Fürsichsein, Fürsichseiendes) — термины гегелевской философии, обозначающие всякое качество в его фиксированности, в его относительной замкнутости. — *37.*

17 См. первый выпуск «К критике политической экономии» (настоящее издание, т. 13, стр. 13—14). — *37.*

18 Маркс имеет в виду книгу Бенджамина Томпсона (он же граф Румфорд) «Essays, political, economical, and philosophical», том I (Лондон, 1796), стр. 294. — *41.*

19 Впоследствии это место из работы Маколея «The History of England from the accession of James the Second» (Vol. I, tenth edition, London, 1854, стр. 417) Маркс привел в I томе «Капитала». См. настоящее издание, т. 23, стр. 283. — *45.*

20 См. первый выпуск «К критике политической экономии» (настоящее издание, т. 13, стр. 35—36). — *53.*

21 См. настоящее издание, т. 23, стр. 192. — *67.*

22 Подробную критику проводимого вульгарными экономистами расчленения предмета исследования на производство, распределение, обмен и потребление Маркс дал в экономических рукописях 1857—1859 годов (см. настоящее издание, т. 46, ч. I, стр. 17—36). См. также т. 26, ч. III, стр. 86. — *71.*

23 Маркс имеет в виду так называемую теорию колонизации Уэйкфилда, рассмотрению которой впоследствии, в I томе «Капитала», он посвятил специальную главу. См. настоящее издание, т. 23, стр. 774—784; ср. там же, стр. 596. — *77.*

24 О взглядах А. Смита на буржуазное богатство см. настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 48—51. Ср. также т. 23, стр. 544. — *99.*

25 См. настоящее издание, т. 26, ч. II, стр. 442. — *101.*

26 Ср. настоящее издание, т. 23, стр. 255. — *102.*

27 Маркс имеет в виду работу Тюрго «Réflexions sur la Formation et la Distribution des Richesses» (1766). *Turgot.* Oeuvres, édition Daire. Tome I, Paris, 1844, стр. 34—35 (русский перевод, стр. 123—124). См. также настоящее издание, т. 23, стр. 190; т. 26, ч. I, стр. 30. — *104.*

28 Данное Франклином определение человека как «животного, делающего орудия» («a tool-making animal») приводится в книге Джемса Босуэлла «The Life of Samuel Johnson». In three volumes. The second edition, revised and augmented. Volume the third. London, 1793, стр. 25. — *104.*

29 Маркс ссылается на одну из своих тетрадей с выписками из прочитанной им литературы. На стр. 153—154 VII тетради, начатой 28 февраля 1859 г., Маркс сделал выписки из I и III томов трехтомной работы

Колена «L'Économie Politique» (Paris, 1856—1857). См. также настоящее издание, т. 23, стр. 782. — *104*.

80 Впоследствии, в I томе «Капитала» (настоящее издание, т. 23, стр. 564) Маркс привел соответствующее место из книги Юра «The Philosophy of manufactures» (London, 1835). — *111*.

81 Ср. настоящее издание, т. 46, ч. I, стр. 243—244. — *113*.

82 Гёте. «Фауст», часть I, сцена пятая («Погреб Аузрбаха в Лейпциге»). Ср. настоящее издание, т. 23, стр. 206; т. 46, ч. II, стр. 212. — *121*.

83 См. настоящее издание, т. 46, ч. I, стр. 277—278. — *124*.

84 См. настоящее издание, т. 23, гл. XXV; т. 46, ч. I, стр. 281—282. — *125*.

85 Маркс имеет в виду работу У. Т. Торнтона «Over-population and its Remedy». London, 1846. См. настоящее издание, т. 23, стр. 182. — *126*.

86 Критический разбор взглядов Росси дан Марксом в рукописи «Критика политической экономии» и в «Теориях прибавочной стоимости» (см. настоящее издание, т. 46, ч. II, стр. 87—91; т. 26, ч. I, стр. 287—295). — *147*.

87 Рассмотрению взглядов Рамсея посвящена гл. XXII «Теорий прибавочной стоимости» (см. настоящее издание, т. 26, ч. III). — *152*.

88 P. Rossi. «Cours d'économie politique. Année 1836—1837 (Contenant les deux volumes de l'édition de Paris)». In: «Cours d'économie politique». Bruxelles, 1843. — *154*.

89 См. настоящее издание, т. 46, ч. I, стр. 3—16 и особенно стр. 277—278. — *162*.

90 Это место (начиная со слов: «Процесс труда (процесс производства капитала)») Маркс с небольшими изменениями переписал из своей рукописи «Критика политической экономии» (1857—1858 гг.). Дополнительное изучение этой рукописи позволило уточнить расшифровку одного слова: вместо «vorgeht» нужно читать «vergeht» (см. *K. Marx*. Grundrisse der Kritik der politischen Oekonomie. Moskau, 1939, стр. 210, строка 33). Соответственно этому уточнению следует изменить и русский перевод: вместо «Вот эту-то именно сторону — которая не представляет собой всего лишь произвольную абстракцию, а является абстракцией, совершающейся в само́м процессе производства —» (настоящее издание, т. 46, ч. I, стр. 255, строки 16—13 снизу) должно быть: «Вот эту-то именно сторону — которая представляет собой не только произвольную абстракцию, но и абстракцию, исчезающую в само́м процессе производства —». — *166*.

91 Ср. настоящее издание, т. 46, ч. I, стр. 213—215. — *170*.

92 Ср. настоящее издание, т. 23, стр. 547. — *170*.

93 См. J. B. Say. «Traité d'économie politique», Troisième édition, Tome II, Paris, 1817, стр. 484, 464, 480. — *170*.

44 Маркс ссылается здесь на набросок плана третьей главы «К критике политической экономии» (см. настоящее издание, т. 46, ч. II, стр. 517—518), составленный им, по всей вероятности, летом 1861 г., а не в феврале—марте 1859 г., как это предполагалось ранее. Проблему «так называемого первоначального накопления» Маркс исследовал на стр. 1395—1397 и 1403—1406 XXII тетради рукописи 1861—1863 годов (см. настоящее издание, т. 48), при этом им в значительной мере был использован раздел о «первоначальном накоплении капитала» рукописи «Критика политической экономии» (см. настоящее издание, т. 46, ч. I, стр. 447—461; ч. II, стр. 517—518). — *175.*

45 Нижеследующий материал Маркс заимствовал из III тетради своей рукописи «Критика политической экономии» (см. настоящее издание, т. 46, ч. I, стр. 259—269). — *176.*

46 Так как в течение 12 000 рабочих часов создается стоимость в 1 500 ф. ст., то для создания стоимости в 100 ф. ст. требуется 800 рабочих часов. — *185.*

47 Гёте. «К Зулейке» (цикл «Западно-Восточный Диван»). Ср. настоящее издание, т. 9, стр. 136, и т. 23, стр. 279—280. — *186.*

48 Ср. настоящее издание, т. 46, ч. I, стр. 259—260 и 246—247; см. также примечание 45. — *188.*

49 Подробнее см. «Архив Маркса и Энгельса», т. II (VII). М., 1933, стр. 7—11 (настоящее издание, т. 49). — *190.*

50 См. настоящий том, стр. 382—383. См. также настоящее издание, т. 25, ч. II, стр. 412—413. — *199.*

51 Ср. настоящее издание, т. 23, стр. 247—250. — *200.*

52 См. настоящее издание, т. 23, стр. 279. — *204.*

53 По-видимому, Маркс имеет в виду раздел о накоплении капитала. На страницах 1353—1371 XXII тетради рукописи 1861—1863 гг. (см. настоящее издание, т. 48) исследуется «Обратное превращение прибавочной стоимости в капитал», однако этот раздел помечен римской цифрой IV. — *209.*

54 См. настоящее издание, т. 46, ч. I, стр. 371—372. — *213.*

55 J. Steuart. «An Inquiry into the Principles of Political Oeconomy». Vol. I, Dublin, 1770, стр. 40, 396. См. настоящее издание, т. 25, ч. II, стр. 348; т. 26, ч. I, стр. 19; ч. II, стр. 614; т. 46, ч. I, стр. 457; ч. II, стр. 295. — *214.*

56 Подробная критика принадлежащей Сениору апологетической теории «последнего часа» дана Марксом в VII главе первого тома «Капитала» (настоящее издание, т. 23, стр. 235—240). — *214.*

57 См. W. Jacob. «A Letter to S. Whitbread, Esq. M. P. being a sequel to Considerations on the Protection required by British Agriculture». London, 1815, стр. 33; см. настоящее издание, т. 23, стр. 231—232. — *220.*

58 Этот и некоторые другие расчеты из книги Саймонса Маркс приводит также в рукописи 1857—1858 гг. (см. настоящее издание, т. 46, ч. II, стр. 343—345). — *222.*

59 См. настоящее издание, т. 23, стр. 556—558. — *223.*

60 Под *«стоимостью капитала»* («the value of capital») автор памфлета «The Source and Remedy of the National Difficulties» понимает отношение того количества прибавочного труда, которое присваивает себе владелец капитала, к величине применяемого им капитала. См. настоящее издание, т. 26, ч. III, стр. 245—266. — *226.*

61 Приводимые в дальнейшем тексте данные о валашских и молдавских крестьянах взяты Марксом из книги E. Regnault. «Histoire politique et sociale des principautés danubiennes». Paris, 1855, стр. 304—311. См. также настоящее издание, т. 23, стр. 248—250. — *229.*

62 Имеется в виду фабричный акт 1850 г., устанавливавший средненедельный 10-часовой рабочий день. См. настоящее издание, т. 23, стр. 251. — *231.*

63 Маркс имеет в виду «British Association for the Advancement of Science» («Британскую ассоциацию содействия прогрессу науки»), основанную в 1831 г. и проводившую ежегодные съезды в различных городах Великобритании. — *231.*

64 Нижеследующая цитата сначала дается Марксом в немецком переводе, а затем еще раз — в оригинале. См. также настоящее издание, т. 23, стр. 255. — *232.*

65 На 9-й странице своего отчета от 30 апреля 1859 г. (которую цитирует Маркс) Хорнер пишет, что этот отчет будет, по всей вероятности, его последним отчетом. Но Хорнеру удалось продолжить свою деятельность фабричного инспектора и опубликовать еще один отчет — за полугодие, закончившееся 31 октября 1859 г. См. письмо Маркса Энгельсу от 11 января 1860 г. (настоящее издание, т. 30, стр. 5). — *239.*

66 Цитата из книги Баббеджа приведена Марксом по французскому переводу этой книги (*Ch. Babbage.* Traité sur l'économie des machines et des manufactures. Traduit par Biot. Paris, 1833, стр. 279). — *246.*

67 Маркс имеет в виду сформулированную им в самом начале раздела «a» зависимость массы прибавочной стоимости от прибавочного труда отдельного рабочего и числа одновременно применяемых рабочих. — *250.*

68 См. настоящее издание, т. 23, стр. 630, 661—662. — *257.*

69 *Флюксии и флюенты* — понятия разработанного И. Ньютоном исчисления флюксий — наиболее ранней формы дифференциального и интегрального исчисления. Систему величин x, y, z, ..., одновременно изменяющихся непрерывно в зависимости от времени, И. Ньютон назвал флюентами (от латинского fluens — текущий), а скорости, с которыми изменяются флюенты, — флюксиями (от латинского fluxio — истечение), которые он обозначил $\dot{x}$, $\dot{y}$, $\dot{z}$, ... Таким образом, флюксии являются производными флюент по времени. — *258.*

70 Соответствующее место из работы Рамсея «An Essay on the Distribution of wealth» (Edinburgh, 1836) Маркс впоследствии привел в I томе «Капитала» (см. настоящее издание, т. 23, стр. 326). — *262.*

71 Маркс, по всей вероятности, имеет в виду Джона Стюарта Милля, который в своей книге «Essays on some unsettled questions of political economy» (London, 1844), рассматривая вопрос о соотношении между нормой прибыли и заработной платой, исходит из предположения, что «рабочему платят тем же продуктом, который он производит» (см. настоящее издание, т. 26, ч. III, стр. 200). — *264*.

72 Пагинацию IV тетради своей рукописи 1861—1863 гг. Маркс по ошибке начал со 138-й страницы (вместо 132-й). — *273*.

73 Рукою Маркса здесь вписано между строками ранее написанного текста: «(должно быть 40%, смотри на следующей странице)». Однако никакой ошибки в тексте рукописи нет, так как понижение доли необходимого рабочего времени с $^5/_6$ до $^3/_6$ рабочего дня означает, что стоимость рабочей силы уменьшилась на 40% и составила 60% первоначальной величины. — *274*.

74 См. примечание 73. — *276*.

75 В рукописи «Критика политической экономии» (1857—1858 гг.), откуда Маркс частично заимствовал состоящее из трех пунктов резюме о соотношении между ростом производительной силы труда и величиной относительной прибавочной стоимости (см. настоящее издание, т. 46, ч. I, стр. 298—300), начало пункта второго сформулировано более подробно: «Прибавочная стоимость капитала увеличивается не пропорционально множителю производительной силы, т. е. тому числу, на которое умножается производительная сила (взятая как исходная величина, как множимое), а соответственно избытку той составной части живого рабочего дня, которая первоначально представляла необходимый труд, над этой же самой составной частью, деленной на множитель производительной силы». — *280*.

76 К этому месту рукой Маркса сделана приписка «При рабовладельческом производстве (*ср. Кернса*)». Маркс имеет в виду книгу Кернса «The Slave Power» (London, 1862), которую он неоднократно цитирует в I и III томах «Капитала». Так как IV тетрадь рукописи 1861—1863 годов была написана в конце 1861 г., а книга Кернса вышла в свет в 1862 г., то указанная приписка, по-видимому, была сделана Марксом позднее. — *285*.

77 Ср. настоящее издание, т. 23, стр. 346. — *286*.

78 Характеристику этого принципа соотношений кратных количеств Маркс дал в I томе «Капитала» (см. настоящее издание, т. 23, стр. 358—359). — *286*.

79 См. настоящее издание, т. 23, стр. 345. — *287*.

80 См. примечание 76, а также настоящее издание, т. 23, стр. 344. — *293*.

81 Маркс имеет в виду первый выпуск «К критике политической экономии» (см. настоящее издание, т. 13, стр. 38 и др.). — *296*.

82 См. первый выпуск «К критике политической экономии», особенно главу вторую «Деньги, или простое обращение». — *297*.

83 См. настоящее издание, т. 23, стр. 349. — *301.*

84 В I томе «Капитала» Маркс отмечает, что «более ранние авторы, как, например, Петти или анонимный автор «Advantages of the East-India Trade» и т. д., определеннее, чем А. Смит, указывают на капиталистический характер мануфактурного разделения труда» (настоящее издание, т. 23, стр. 377). — *303.*

85 Маркс имеет в виду, вероятно, Бержье, переведшего книгу Фергюсона на французский язык и написавшего к ней предисловие. — *308.*

86 Эта и дальнейшие цитаты из древнегреческих источников приводятся в рукописи Маркса на древнегреческом языке. — *313.*

87 Ср. настоящее издание, т. 23, стр. 378. — *313.*

88 Цитируемые Марксом отрывки из «Государства» Платона находятся на страницах 369—374 парижского издания Стефана (1578 г.). — *317.*

89 Ср. настоящее издание, т. 23, стр. 349. — *319.*

90 См. настоящее издание, т. 4, стр. 149. — *327.*

91 Приведенные здесь Марксом цитаты из «Нищеты философии» см. в 4-м томе настоящего издания, стр. 153—156. — *328.*

92 См. примечание 55. — *328.*

93 См. настоящее издание, т. 46, ч. II, стр. 294, где Маркс цитирует соответствующие места из книги Стюарта. — *332.*

94 Русский перевод этой цитаты из книги Юра уточнен по английскому оригиналу: *A. Ure.* The Philosophy of Manufactures. 2nd edition, London, 1835. Впоследствии Маркс сам обратил внимание на расхождение между английским и французским текстом книги Юра (см. настоящий том, стр. 523). — *334.*

95 См. также настоящий том, стр. 211, 517; настоящее издание, т. 16, стр. 147; т. 26, ч. III, стр. 264; т. 46, ч. II, стр. 216—217. — *336.*

96 См. настоящее издание, т. 23, стр. 628. — *337.*

97 Ср. настоящее издание, т. 23, стр. 456—457 и т. 26, ч. I, стр. 186. — *338.*

98 В XVIII тетради рукописи 1861—1863 годов содержатся наброски планов I и III теоретических частей «Капитала», написанные Марксом в январе 1863 г. (см. настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 424—426). В наброске плана III части «Капитала» («Капитал и прибыль») под номером 12-м фигурирует «Заключение. Капитал и наемный труд». Ср. также настоящее издание, т. 46, ч. II, стр. 518.—*339.*

99 Далее (на страницах 182—183 в V тетради рукописи 1861—1863 гг.) содержится «*Отступление* (о производительном труде)», которое по своему содержанию относится к «Теориям прибавочной стоимости» и помещено в 26-м томе (часть I, стр. 393—395) настоящего издания. — *341.*

100 В наброске плана I части «Капитала», написанном Марксом в январе 1863 г. (XVIII тетрадь рукописи 1861—1863 гг.), приведенные здесь наметки Маркса резюмированы в 5-м и 6-м пунктах плана следующим образом: «5) Сочетание абсолютной и относительной прибавочной стоимости. Соотношения (пропорция) между наемным трудом и прибавочной стоимостью. Формальное и реальное подчинение труда капиталу.

Производительность капитала. Производительный и непроизводительный труд. 6) Обратное превращение прибавочной стоимости в капитал» (настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 424). Ср. настоящее издание, т. 46, ч. II, стр. 517—518, 520. — *343.*

101 Под «3-й главой» (drittes Kapitel) Маркс здесь имеет в виду третью часть своего исследования о «капитале вообще» — «Единство процесса производства и процесса обращения капитала, или Капитал и прибыль». Первый набросок этой главы содержится уже в рукописи 1857—1858 гг. (см. настоящее издание, т. 46, ч. II, стр. 258—392), где он фигурирует как «третий отдел» (dritter Abschnitt) «Главы о капитале». В дальнейшем Маркс вместо «третьей главы» снова употребляет выражение «третий отдел» или «третья часть» (см. настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 257, 425; ч. II, стр. 182). Еще позднее он стал называть эту третью главу «третьей книгой» (см. настоящее издание, т. 31, стр. 111). Более подробное и систематическое изложение начала «третьей главы» исследования о «капитале вообще» дано Марксом в XVI тетради рукописи 1861—1863 гг. (см. настоящее издание, т. 48). Вопрос об удлинении рабочего дня в результате капиталистического применения машин Маркс впоследствии рассмотрел в тринадцатой главе I тома и в пятой главе III тома «Капитала». — *352.*

102 Температура, равная 70—80° по Фаренгейту, соответствует 21—27° по Цельсию. — *352.*

103 Русский перевод этой цитаты из книги Юра уточнен по английскому оригиналу. — *355.*

104 Маркс здесь для обозначения постоянного капитала пользуется термином Ричарда Джонса «auxiliary capital» («вспомогательный капитал»). Ср. настоящее издание, т. 26, ч. III, стр. 426. — *362.*

105 См. примечание 101. — *365.*

106 У Сениора здесь фигурирует не общая сумма авансированного капитала, равная 100 000 ф. ст. (см. стр. 12 цитируемой Марксом работы), а сумма в 100 ф. ст., приходящаяся, по-видимому, на одного рабочего. — *369.*

107 Подробный разбор этой анонимной работы, автором которой является мальтузианец Джон Кейзнов, содержится в «Теориях прибавочной стоимости» (настоящее издание, т. 26, ч. III, стр. 59—64). — *372.*

108 Речь идет о сельфакторе (правильнее: селф-акторе), изобретенном английским инженером Ричардом Робертсом в 1825 году. Рабочие называли эту прядильную машину «*железным человеком*» потому, что она автоматически выполняла многие из тех операций, которые до того выполнялись рабочим-прядильщиком вручную. — *378.*

109 Источник этой английской цитаты не установлен. Цифра «100» перед словом «фунтов» добавлена на основании аналогичного места из XIII главы I тома «Капитала», где Маркс своими словами говорит об изобретенном Илаем Уитни волокноотделителе (см. настоящее издание, т. 23, стр. 403). — *380.*

110 К разбору рассматриваемых здесь взглядов Прудона и Форкада Маркс впоследствии вернулся в III томе «Капитала». См. настоящее издание, т. 25, ч. II, стр. 412—413. См. также т. 26, ч. I, стр. 89. — *382*.

111 См. P. J. Proudhon. «Qu'est-ce que la propriété?». Paris, 1840, chapitre IV, § 5, и «Gratuité du Crédit. Discussion entre M. Fr. Bastiat et M. Proudhon». Paris, 1850, стр. 207—208. — *382*.

112 Приводимая здесь Марксом обширная выдержка из статьи, напечатанной в лондонской газете «The Times» от 26 ноября 1862 г., свидетельствует о том, что последние страницы V тетради рукописи 1861—1863 гг. (страницы 211—219, а может быть, и нижняя половина страницы 210-й) были написаны не раньше последних чисел ноября 1862 года, — уже после того как Маркс написал основной текст «Теорий прибавочной стоимости», содержащийся в тетрадях VI—XV.

В письмах к Энгельсу от 24 и 28 января 1863 г. Маркс сообщает о продолжении своей работы над разделом о машинах. «Я вношу некоторые добавления в раздел о машинах, — пишет Маркс 28 января. — Там есть ряд любопытных вопросов, которые я обошел при первой обработке» (настоящее издание, т. 30, стр. 261). — *383*.

113 Маркс имеет в виду следующее место из книги Рейвнстона «Thoughts on the Funding System, and its Effects» (London, 1824, стр. 45): «Редко можно с успехом воспользоваться машинами для того, чтобы уменьшить труд отдельного человека; постройка машины потребовала бы больше времени, чем будет сбережено ее применением. С действительной пользой она может применяться только в том случае, если действует в крупном масштабе, если одна машина может помогать труду тысяч». Эту цитату Маркс приводит в своей рукописи 1857—1858 гг. (см. настоящее издание, т. 46, ч. I, стр. 371). — *393*.

114 Ср. настоящее издание, т. 16, стр. 8. — *400*.

115 См. Turgot. «Réflexions sur la formation et la distribution des richesses» (1766). In: Oeuvres de Turgot. Nouvelle édition par E. Daire. Tome premier. Paris, 1844, стр. 34—35 (русский перевод, стр. 123—124). — *409*.

116 Библия. 5-я книга Моисея, гл. 25, стих 4. — *415*.

117 *«Нюрнбергское яйцо»* — такое название получили благодаря своей овально-круглой форме первые карманные часы со стальной спиральной пружиной, созданные нюрнбергским слесарем Хенлейном в самом начале XVI века. — *419*.

118 В этом абзаце Маркс кратко резюмирует содержание статьи «Baumwollspinnerei» («Хлопкопрядение») в немецком издании «Технического словаря» Эндрью Юра: *Dr. Andreas Ure*. Technisches Wörterbuch. Bearbeitet von K. Kramarsch und Dr. F. Heeren. Erster Band. Prag, 1843. Конспект первого тома этого словаря, так же как и конспект трехтомной «Истории технологии» Поппе, содержится в XV эксцерптной тетради Маркса, составленной в Лондоне приблизительно в сентябре—октябре 1851 г. и перечитанной Марксом в начале 1863 года. — *426*.

119 *«Athenaeum»* — сокращенное название английского еженедельного литературно-критического журнала «The Athenaeum, Journal of Lite-

rature, Science, and the Fine Arts» («Атенеум. Журнал по вопросам литературы, науки и искусства»); выходил в Лондоне в 1828—1921 годах. — *426*.

120 Имеется в виду посещавшаяся Марксом Лондонская промышленная выставка — первая всемирная торгово-промышленная выставка, которая происходила в мае-октябре 1851 года. Анонимный труд «The Industry of Nations» написан на основе анализа представленных на этой выставке экспонатов. — *427*.

121 Имеется в виду статья «Bobbinnet» («Английский тюль») в первом томе немецкого издания «Технического словаря» Эндрью Юра. См. примечание 118. — *428*.

122 См. *Poppe*. Geschichte der Technologie. Band II. Göttingen, 1810, стр. 198, 203. — *430*.

123 «*Философским инструментам*» («philosophical instruments», «the instruments of philosophy») в книге «The Industry of Nations». Part II. London, 1855, посвящена целая глава (глава VII, стр. 286—349). Под этим названием анонимный автор книги понимает такие научные приборы, как точные весы, термометры, барометры, гидрометры, теодолиты, телескопы, микроскопы и т. д. Выражение «философские инструменты» возникло в связи с термином «натуральная философия» («philosophia naturalis», «Natural Philosophy»), долгое время употреблявшимся в Англии для обозначения теоретической физики в самом широком смысле, охватывавшем, кроме физики в узком смысле, также небесную механику, астрономию, космогонию и т. д., а иногда также и химию и другие естественные науки. — *439*.

124 Имеется в виду парламентский документ: «Factories. Return to an Address of the Honourable The House of Commons, dated 24 April 1861. Ordered, by The House of Commons, to be Printed, 11 February 1862». — *443*.

125 Из того же парламентского документа. — *457*.

126 См. настоящее издание, т. 23, стр. 395. — *460*.

127 *Общество искусств и ремесел* (Society of Arts) — буржуазно-просветительное и филантропическое общество, основанное в Лондоне в 1754 году. Доклад Мортона был напечатан в еженедельнике Общества «Journal of the Society of Arts» в номере от 9 декабря 1859 г. — *461*.

128 «*Acta Lipsiensia*» («Лейпцигские записки») — неофициальное название «Ученых записок» («Acta Eruditorum»), первого в Германии научного журнала, выходившего в Лейпциге с 1682 по 1782 год (на латинском языке). — *464*.

129 Все эти сведения о паровом двигателе и истории его изобретения, а также дальнейшие цитаты на эту тему представляют собой несколько сокращенные выписки из статьи «Dampfmaschine» («Паровая машина», «Паровой двигатель») в первом томе немецкого издания «Технического словаря» Эндрью Юра (см. примечание 118). — *465*.

130 Маркс здесь цитирует в сокращенном виде статью «Eisenbahnen» («Железные дороги») из первого тома немецкого издания «Технического словаря» Эндрью Юра. — *467*.

131 Здесь Маркс вновь обращается к книге «The Industry of Nations». Part II. London, 1855, и цитирует отдельные места со страниц 86, 88 и 83. — *467*.

132 Источник этой английской цитаты не установлен. — *468*.

133 Источник этих двух английских цитат о возникновении и развитии пароходства (первая цитата — до заключенной в фигурные скобки вставки, вторая — после нее) не установлен. — *468*.

134 См. примечание 123. — *477*.

135 Маркс здесь возвращается к статистическим материалам, содержащимся в парламентском документе: «Factories. Return to an Address of the Honourable The House of Commons, dated 24 April 1861. Ordered, by The House of Commons, to be Printed, 11 February 1862». См. настоящий том, стр. 443 и 457. — *478*.

136 Этот расчет остался незаконченным. Далее следуют слова: «приблизительно это составляет». — *481*.

137 Отрывок из письма Джемса Несмита, впервые опубликованного в отчете от 31 октября 1852 г., Маркс цитирует по отчету от 31 октября 1856 года. — *491*.

138 См. примечание Энгельса к этой цитате, сделанное им в третьем издании I тома «Капитала» (настоящее издание, т. 23, стр. 400). — *496*.

139 Источник этой английской цитаты не установлен. — *496*.

140 См. настоящее издание, т. 23, стр. 437. — *521*.

141 См. настоящее издание, т. 2, стр. 448. — *525*.

142 Подробный разбор взглядов Рикардо на вытеснение рабочих машинами Маркс дал в «Теориях прибавочной стоимости» (см. настоящее издание, т. 26, ч. II, стр. 611—639). — *529*.

143 См. настоящее издание, т. 46, ч. I, стр. 417—434; т. 26, ч. I, стр. 83—132, 171—183, 219—243, ч. III, стр. 254—260. — *530*.

144 См. настоящее издание, т. 46, ч. I, стр. 358; т. 26, ч. I, стр. 257. — *533*.

145 По всей вероятности, Маркс имеет в виду раздел «Результат процесса производства», который должен был составить одну из последних глав отдела о «Процессе производства капитала» (см. настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 424). — *534*.

146 См. настоящее издание, т. 26, ч. II, стр. 627; т. 23, стр. 442. — *537*.

147 Маркс исходит из того, что стоимость машин равна величине совокупного рабочего времени 10 вытесненных рабочих, т. е. равна 120 часам. Следовательно, ежегодный износ этих машин равен 12 часам. — *542*.

148 Это прибавочное рабочее время складывается из 2-х прибавочных часов, доставляемых 2-мя рабочими, и из 10 прибавочных часов 10 вытесненных рабочих. Эти 10 прибавочных часов капиталист, первым применивший машины, присоединяет к стоимости своего продукта на том основа-

нии, что индивидуальная стоимость этого продукта ниже его общественной стоимости. — *542.*

149 См. настоящее издание, т. 26, ч. I, стр. 251—252. — *546.*

150 См. настоящее издание, т. 46, ч. I, стр. 291—300. — *549.*

151 Числом 1241*a* здесь обозначена обложка XX тетради рукописи 1861—1863 гг., не имеющая никакой нумерации. — *549.*

152 См. настоящее издание, т. 30, стр. 329, а также *К. Маркс.* Математические рукописи. М., 1968, стр. 61, 63. — *549.*

153 Маркс имеет в виду одну из своих «Добавочных тетрадей» (Beihefte) к рукописи 1861—1863 гг., в которых он весной 1863 г. «делал выписки по истории литературы, относящейся к обработанной уже... части политической экономии», как он сообщал об этом Энгельсу 29 мая 1863 года. До нас дошли Beihefte *A*, *B*, *C*, *D*, *E*, *F*, *G*, *H*. Пример, относящийся к вытеснению английских и индийских ручных хлопчатобумажных ткачей машинами, Маркс впоследствии привел в I томе «Капитала» (см. настоящее издание, т. 23, стр. 441—442). — *550.*

154 «Машины и труд находятся в постоянной конкуренции» (*Ricardo.* Principles of Political Economy. 3rd ed. London, 1821, стр. 479) (русский перевод, т. I, стр. 325). — *550.*

155 См. примечание 108. — *556.*

156 В английском оригинале сказано наоборот: «Машины осуществляют замену более квалифицированного труда трудом сравнительно неквалифицированным» (*Ure.* The Philosophy of Manufactures. 2nd edition. London, 1835, стр. 30). — *557.*

157 Ср. настоящее издание, т. 26, ч. II, стр. 4—7. — *561.*

158 Статья манчестерского фабриканта Эдмунда Поттера была опубликована в газете «Times» от 24 марта 1863 г. под заголовком «Хлопчатобумажные округа и эмиграция» в виде письма к редактору «Times» с датой «20 марта». — *567.*

159 Из отчета о заседании палаты общин от 27 апреля 1863 г., опубликованного в газете «Times» от 28 апреля 1863 г. Дальнейшие выдержки из речи Ферранда взяты из того же отчета. — *567.*

160 Маркс здесь резюмирует следующее место из речи Ферранда: «Фабриканты, у которых фабрики были на замке, а рабочие оставались без работы, получали огромные прибыли от экспорта сырья». Речь идет о «хлопковом голоде», вызванном Гражданской войной в США 1861—1865 гг. — *569.*

161 «*The Bury Guardian*» («Страж Бэри») — ежедневная газета, выходила в городе Бэри в Ланкашире с 1857 года. Имеется в виду номер от 12 мая 1860 г. — *569.*

162 Содержащийся на страницах 1273 и 1274 рукописи текст почти целиком представляет собой вырезки из газеты «Times» от 24 марта 1863 г., наклеенные на эти страницы. — *571.*

163 В I томе «Капитала», где приводится это место, Маркс в скобках замечает: «имеются в виду живые рабочие машины» (настоящее издание, т. 23, стр. 588). — *571.*

164 *MacCulloch, J. R.* A Dictionary, Practical, Theoretical, and Historical, of Commerce and Commercial Navigation. London, 1847. — *572.*

165 У Опдайка здесь вместо слов «the augmented profits of capital» («возросшая прибыль на капитал») стоят слова «the augmented profits of industry» («A Treatise on Political Economy». New York, 1851, стр. 103), причем под «industry» Опдайк понимает (как он указывает на стр. 99 своей книги) соединение труда (labor) и мастерства (skill), а под «profits» все виды доходов. — *577.*

166 Ср. настоящее издание, т. 23, стр. 542. — *579.*

167 См. примечание 123. — *580.*

168 Маркс приводит отрывок из стихотворения Антипатра в собственном (прозаическом) переводе на немецкий язык. В настоящем томе эти стихи приведены в переводе с греческого по книге «Греческие эпиграммы». М. — Л., 1935. См. также настоящее издание, т. 23, стр. 419. — *583.*

169 На обложке XX тетради рукописи рукою Маркса записано: «4) *Относительная и абсолютная прибавочная стоимость. Соотношения между заработной платой и прибавочной стоимостью.* Превращенная форма *стоимости рабочей силы* в виде *стоимости* или *цены* труда. Производные формулы отношения прибавочной стоимости к переменному капиталу или прибавочного труда к необходимому труду». — *584.*

170 Цитируемое Марксом место содержится в работе У. Петти «Verbum Sapienti», напечатанной в виде приложения к упомянутой в тексте работе «The Political Anatomy of Ireland». — *585.*

171 В I томе «Капитала», где цитируется это место из работы У. Петти, Маркс в скобках замечает: «в то время собственно сельскохозяйственные рабочие» (настоящее издание, т. 23, стр. 282). — *585.*

172 См. настоящее издание, т. 10, стр. 235 и 674. — *586.*

173 См. настоящее издание, т. 26, ч. III, стр. 20—21. — *595.*

174 Определение «цены производства» дано Марксом в XII тетради рукописи 1861—1863 гг. (см. настоящее издание, т. 26, ч. II, стр. 386). — *597.*

175 Это примечание вписано Марксом дополнительно в верхнем углу страницы. — *603.*

176 См. настоящее издание, т. 23, стр. 541. — *604.*

177 После стр. 1296-й в рукописи следуют пронумерованные Марксом страницы 1291*a*, 1292*a*, 1293*a*, 1294*a*, которыми и завершается XX тетрадь. — *611.*

178 Далее на страницах 1291*a* — 1294*a* XX тетради и на страницах 1300—1301 XXI тетради рукописи следует текст, по своему содержанию относящийся к «Теориям прибавочной стоимости» (к этому тексту относится запись Маркса на обложке XX тетради: «*Интермеццо.* Юм и Масси. *Процент*») и опубликованный в 26 томе настоящего издания (часть I, стр. 355, 368—371, 378—382). — *612.*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

В

Г

Л

М

Н

У

Ф

Э

Ю

Я

ЛИТЕРАТУРНЫЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ

УКАЗАТЕЛЬ ЦИТИРУЕМОЙ И УПОМИНАЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ *

The Advantages of the East-India trade to England. London, 1720 (Выгоды ост-индской торговли для Англии. Лондон, 1720). — 303, 319, 320, 330.

**Aristoteles*. De republica libri VIII. In: *Aristotelis* opera ex recensione I. Bekkeri. Tomus X. Oxonii, 1837 (*Аристотель*. Политика (восемь книг). В книге: *Аристотель*. Сочинения. Издание И. Беккера. Том X. Оксфорд, 1837). — 14.

Ashley, Lord. Ten hours' factory bill. The speech in the House of Commons, on Friday, March 15th, 1844. London, 1844 (*Эшли*, лорд. Билль о десятичасовом рабочем дне на фабриках. Речь в палате общин в пятницу 15 марта 1844 года. Лондон, 1844). — 245, 352, 366, 371, 372.

Babbage, Ch. On the economy of machinery and manufactures. London, 1832 (*Баббедж, Ч.* Об экономике машин и промышленности. Лондон, 1832). — 246, 321.

Babbage, Ch. Traité sur l'économie des machines et des manufactures. Traduit de l'anglais sur la troisième édition, par Ed. Biot. Paris, 1833 (*Баббедж, Ч.* Трактат об экономике машин и промышленности. Перевод с третьего английского издания, выполненный Эд. Био. Париж, 1833). Первое английское издание вышло в Лондоне в 1832 году. — 246, 369, 370, 402.

[Bailey, S.] A Critical dissertation on the nature, measures, and causes of value; chiefly in reference to the writings of Mr. Ricardo and his followers. By the author of Essays on the formation and publication of opinions. London, 1825 (*[Бейли, С.]* Критическое исследование о природе, мерах и причинах стоимости; главным образом в связи с работами г-на Рикардо и его последователей. Сочинение автора «Очерков о формировании и опубликовании мнений». Лондон, 1825). — 19, 46, 107, 108.

[Bailey, S.] Money and its vicissitudes in value; as they affect national industry and pecuniary

* В тех случаях, когда не удалось установить с достоверностью, каким изданием той или иной книги пользовался Маркс, в данном указателе приводится ее первое издание.

В квадратные скобки заключены выявленные имена авторов книг, вышедших анонимно. Звездочкой отмечены работы, переведенные на русский язык.

contracts; with a postscript on joint-stock banks. London, 1837 (*[Бейли, С.]* Деньги и изменения их стоимости; влияние этих изменений на национальную промышленность и денежные обязательства; с приложением об акционерных банках. Лондон, 1837). — 579.

Bastiat, Fr. Gratuité du crédit. Discussion entre M. Fr. Bastiat et M. Proudhon. Paris, 1850 (*Бастиа, Фр.* Безвозмездность кредита. Дискуссия между г-ном Фр. Бастиа и г-ном Прудоном. Париж, 1850). — 168, 169, 382.

Baynes, J. The Cotton trade. Two lectures on the above subject, delivered before the members of the Blackburn literary, scientific and mechanics' institution. Blackburn — London, 1857 (*Бейнс, Дж.* Хлопчатобумажная промышленность. Две лекции по этому вопросу, прочитанные членам Блэкбернского общества литературы, наукп и механики. Блэкберн — Лондон, 1857). — 496.

Beccaria, C. Elementi di economia pubblica. In: Scrittori classici italiani di economia politica. Parte moderna. Tomo XI. Milano, 1804 (*Беккариа, Ч.* Основы общественной экономики. В книге: Итальянские классики политической экономии. Современные экономисты. Том XI. Милан, 1804). — 319.

Bidaut, J. N. Du monopole qui s' établit dans les arts industriels et le commerce, au moyen des grands appareils de fabrication. Deuxième livraison. Du monopole de la fabrication et de la vente. Paris, 1828 (*Бидо, Ж. Н.* О монополии, которая возникает в промышленности и торговле благодаря крупным орудиям производства. Второй выпуск. О монополии производства и продажи. Париж, 1828). — 339.

Blanqui, J. A. Des classes ouvrières en France, pendant l'année 1848. Parties I et II. In: Petits traités publiés par l'Académie des Sciences morales et politiques. Paris, 1849 (*Бланки, Ж. А.* Трудящиеся классы Франции в 1848 году. Части I и II. В книге: Небольшие трактаты, опубликованные Академией моральных и политических наук. Париж, 1849). — 236.

Blanqui, J. A. Cours d'économie industrielle. Recueilli et annoté par Ad. Blaise. Paris, 1838—1839 (*Бланки, Ж. А.* Курс промышленной экономики. Составленный и аннотированный Ад. Блезом. Париж, 1838—1839). — 318, 319.

Bossut, Ch. Traité élémentaire d'hydrodynamique. Tomes I—II. Paris, 1775 (*Бюссю, Ш.* Трактат об основных началах гидродинамики. Тома I—II. Париж, 1775). Первое издание вышло в Париже в 1772 году. — 413.

Boswell, J. The Life of Samuel Johnson. In three volumes. The second edition, revised and augmented. Volume the third. London, 1793 (*Босуэлл, Дж.* Жизнь Самюэла Джонсона. В трех томах. Издание второе, исправленное и дополненное. Том третий. Лондон, 1793). Первое издание вышло в 1791 году. — 104.

Büsch, I. G. Abhandlung von dem Geldumlauf in anhaltender Rücksicht auf die Staatswirtschaft und Handlung. Erster Teil. Zweite vermehrte und verbesserte Auflage. Hamburg und Kiel, 1800 (*Бюш, И. Г.* Трактат о денежном обращении в связи с государственным хозяйством и торговлей. Часть первая. Издание второе, дополненное и исправленное. Гамбург и Киль, 1800). — 254.

[Byles, J. B.] Sophisms of free-trade and popular political economy examined. By a barrister. Seventh edition: with corrections and additions. London, 1850 (*[Байлс, Дж. Б.]* Софизмы фритредерства и популярная политическая экономия. Сочинение адвоката. Издание седьмое, с исправлениями и дополнениями. Лондон, 1850). — 243, 351.

Cairnes, J. E. The Slave power: its character, career, and probable desings. London, 1862 (*Кернс, Дж. Э.* Рабовладение: его характер, путь и вероятные перспективы. Лондон, 1862). — 285, 293, 593, 594.

Carey, H. C. Principles of political economy. Part the first: of the laws of the production and distribution of wealth. Philadelphia, 1837 (*Кэри, Г. Ч.* Начала политической экономии. Часть первая: о законах производства и распределения богатства. Филадельфия, 1837). — 167, 566.

Carli, G.-R. Annotazioni. In: *Verri, P.* Meditazioni sulla economia politica con annotazioni di Gian-Rinaldo Carli (1771). In: Scrittori classici italiani di economia politica. Parte moderna. Tomo XV. Milano, 1804 (*Карли, Д.-Р.* Примечания к работе: *Верри, П.* Размышления о политической экономии, с примечаниями Джана-Ринальдо Карли (1771). В издании: Итальянские классики политической экономии. Современные экономисты. Том XV. Милан, 1804). — 288.

[Cazenove, J.] Outlines of political economy; being a plain and short view of the laws relating to the production, distribution, and consumption of wealth. London, 1832 (*[Кейзнов, Дж.]* Очерки политической экономии, представляющие собой общепонятный и краткий обзор законов, относящихся к производству, распределению и потреблению богатства. Лондон, 1832). — 96, 372, 590.

Chalmers, Th. On political economy in connexion with the moral state and moral prospects of society. Second edition. Glasgow, Edinburgh, Dublin and London, 1832 (*Чалмерс, Т.* О политической экономии в ее связи с нравственным состоянием и нравственными перспективами общества. Издание второе. Глазго, Эдинбург, Дублин и Лондон, 1832). Первое издание вышло там же в том же 1832 году. — 107, 167.

Cherbuliez, A. Richesse ou pauvreté. Paris, 1841 (*Шербюлье, А.* Богатство или бедность. Париж, 1841). Первое издание вышло в Париже и Женеве в 1840 году под названием «Riche ou pauvre» — «Богатый или бедный». — 167, 173, 174, 385.

Colins, J. G. L'économie politique. Source des révolutions et des utopies prétendues socialistes. Prolétaires et bourgeois. Tome I. Paris, 1856 (*Колен, Ж. Г.* Политическая экономия. Источник революций и так называемых социалистических утопий. Пролетарии и буржуа. Том I. Париж, 1856). — 104, 338, 339.

Colins, J. G. L'économie politique. Source des révolutions et des utopies prétendues socialistes. Tome III. Paris, 1857 (*Колен, Ж. Г.* Политическая экономия. Источник революций и так называемых социалистических утопий. Том III. Париж, 1857). — 104, 250.

Courcelle-Seneuil, J.-G. Traité théorique et pratique des entreprises industrielles, commerciales et agricoles ou Manuel des affaires. Deuxième édition. Paris, 1857 (*Курсель-Сеней, Ж.-Г.* Руководство к теоретическому и практическому изучению промышленных, торговых и земледельческих предприятий, или Справочник делового человека. Издание второе. Париж, 1857). — 255, 369.

D'Alembert, J. Traité d'équilibre et du mouvement des fluides pour servir de supplément au traité de dynamique. Paris, 1744 (*Д'Аламбер, Ж.* Трактат о равновесии и движении жидкостей, являющийся дополнением к труду о динамике. Париж, 1744). — 413.

**Darwin, Ch.* On the origin of species by means of natural selection, or the Preservation of favoured races in the struggle for life. London, 1859 (*Дарвин, Ч.* О происхождении видов путем естественного отбора, или Сохранение

благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь. Лондон, 1859). — 401.

De Quincey, Th. The Logic of political economy. Edinburgh and London, 1844 (*Де Квинси, Т.* Логика политической экономии. Эдинбург и Лондон, 1844). — 339, 516.

Descriptions des Arts et Métiers, faites ou approuvées par Messieurs de l'Académie royale des Sciences. Paris (Описания искусств и ремесел, составленные или одобренные членами королевской Академии наук. Париж). Издание начало выходить в 1761 году. — 423.

Destutt de Tracy, A. L. C. Élémens d'idéologie. IV-e et V-e parties: Traité de la volonté et de ses effets. Paris, 1826 (*Дестют де Траси, А. Л. К.* Элементы идеологии. Части IV и V: Трактат о воле и ее действиях. Париж, 1826). Первое издание вышло в Париже в 1815 году. В 1823 г. IV часть «Элементов идеологии» вышла в Париже отдельным изданием под заглавием «Traité d'économie politique» («Трактат по политической экономии»). — 17, 294.

**Diodorus Siculus.* Historische Bibliothek, übersetzt von J. F. Wurm. Bändchen I—XIX. Stuttgart, 1828—1840. Erstes Buch (*Диодор Сицилийский.* Историческая библиотека. Перевод Ю. Ф. Вурма. Выпуски I—XIX. Штутгарт, 1828—1840. Книга первая). — 282, 317.

Ducange, Ch. D. Glossarium mediae et infimae latinitatis, conditum a Carolo Dufresne Domino Du Cange. Cum supplementis integris monachorum Ordinis S. Benedicti, D. P. Carpenterii, Adelungii, aliorum, suisque digessit G. A. L. Henschel. Tomus secundus. Parisiis, 1842 (*Дюканж, Ш. Д.* Словарь средневековой и самой поздней латыни, основанный Шарлем дю Френом господином Дюканжем. Со всеми дополнениями монахов ордена св. Бенедикта, господина св. отца Карпентье, Аделунга, других авторов и со своими собственными добавлениями издал Г. А. Л.順шель. Том второй. Париж, 1842). Первое издание словаря Дюканжа вышло в Париже в 1678 году. — 27.

Eden, F. M. The State of the poor: or, an History of the labouring classes in England, from the Conquest to the present period. In three volumes. London, 1797 (*Иден, Ф. М.* Положение бедных, или История трудящихся классов Англии со времени завоевания по настоящий период. В трех томах. Лондон, 1797). — 44, 102, 257.

**Engels, F.* Die Lage der arbeitenden Klasse in England. Nach eigner Anschauung und authentischen Quellen. Leipzig, 1845 (*Энгельс, Ф.* Положение рабочего класса в Англии. По собственным наблюдениям и достоверным источникам. Лейпциг, 1845). — 231, 512—519, 525.

**Engels, F.* Umrisse zu einer Kritik der Nationaloekonomie. In: «Deutsch-Französische Jahrbücher» herausgegeben von Arnold Ruge und Karl Marx. 1-ste und 2-te Lieferung. Paris, 1844 (*Энгельс, Ф.* Наброски к критике политической экономии. В журнале: «Немецко-французский ежегодник», издаваемом Арнольдом Руге и Карлом Марксом. 1-й и 2-й выпуск. Париж, 1844). — 27.

Euler, L. Sur l'action des scies (1756) (*Эйлер, Л.* О действии пил (1756 г.)). — 419.

**Ferguson, A.* An Essay on the history of civil society. Edinburgh, 1767 (*Фергюсон, А.* Опыт истории гражданского общества. Эдинбург, 1767). — 309.

Ferguson, A. Essai sur l'histoire de la société civile. Traduction par M. Bergier. T. I—II. Paris, 1783 (*Фергюсон, А.* Опыт истории гражданского общества. Перевод г-на Бержье. Тома I—II. Париж, 1783). — 306—308.

Fielden, J. The Curse of the factory system; or, a Short account of the origin of factory cruelties. London, 1836 (*Филден, Дж.* Проклятие фабричной системы, или Краткая справка о происхождении фабричных жестокостей. Лондон, 1836). — 366, 367, 371.

Francoeur. Calcul differentiel (*Франкёр.* Дифференциальное исчисление). Первое издание вышло в 1809 году. — 549.

Franklin, B. Positions to be examined, concerning national wealth. In: The Works of *B. Franklin.* By Sparks. Volume II. Boston, 1836 (*Франклин, Б.* Подлежащие исследованию вопросы национального богатства. В книге: Сочинения *Б. Франклина.* Издание Спаркса. Том II. Бостон, 1836). — 24, 25.

Galiani, F. Della moneta. Libri I—V (1750). In: Scrittori classici italiani di economia politica. Parte moderna. Tomi III—IV. Milano, 1803 (*Галиани, Ф.* О деньгах. Книги I—V (1750). В издании: Итальянские классики политической экономии. Современные экономисты. Тома III—IV. Милан, 1803). — 18, 257, 381.

**Garnier, G.* Notes du traducteur. In: *Smith, A.* Recherches sur la nature et les causes de la richesse des nations. Traduction nouvelle, avec des notes et observations, par Germain Garnier. Tome cinquième. Paris, 1802 (*Гарнье, Ж.* Примечания переводчика. В книге: *Смит, А.* Исследования о природе и причинах богатства народов. Новый перевод Жермена Гарнье, с примечаниями и замечаниями переводчика. Том пятый. Париж, 1802). — 335, 336.

Gaskell, P. Artisans and machinery: the moral and physical condition of the manufacturing population considered with reference to mechanical substitutes for human labour. London, 1836 (*Гаскелл, П.* Рабочие и машины: моральное и физическое положение промышленного населения в связи с заменой человеческого труда машинами. Лондон, 1836). — 378—380.

Haller, C. L. Restauration der Staats-Wissenschaft oder Theorie des natürlich-geselligen Zustands, der Chimäre des künstlich-bürgerlichen entgegengesetzt (*Галлер, К. Л.* Реставрация науки о государстве, или Теория естественно-общественного состояния, противопоставленная химере искусственно-гражданского состояния). Первое издание вышло в 1816—1834 годах. — 409.

Harris, J. Three treatises. The third edition revised and corrected. London, 1772 (*Харрис, Дж.* Три трактата. Издание третье, просмотренное и исправленное. Лондон, 1772). Первое издание вышло в Лондоне в 1744 году. — 314.

**[Hodgskin, Th.]* Labour defended against the claims of capital; or, the Unproductiveness of capital proved. With reference to the present combinations amongst journeymen. By a labourer. London, 1825 (*[Годскин, Т.]* Защита труда от притязаний капитала, или Доказательство непроизводительности капитала. С замечаниями о нынешних объединениях среди наемных рабочих. Сочинение рабочего. Лондон, 1825). — 324.

**Hodgskin, Th.* Popular political economy. Four lectures delivered at the London Mechanics' Institution. London, 1827 (*Годскин, Т.* Народная политическая экономия. Четыре лекции, прочитанные в Лондонской рабочей школе. Лондон, 1827). — 180—182, 219, 323, 326, 340, 575.

Horner, L. A Letter to Mr. Senior. In: *Senior, N. W.* Letters on the Factory Act, as it affects the cotton manufacture. To which are appended, a Letter to Mr. Senior from L. Horner, and Minutes of a conversation between Mr. E. Ashworth, Mr. Thomson and Mr. Senior. London, 1837 (*Хорнер, Л.* Письмо г-ну Сениору. В книге: *Сениор, Н. У.* Пись-

ма о влиянии фабричного акта на хлопчатобумажную промышленность. С приложением письма Л. Хорнера г-ну Сениору и записи беседы между г-ном Э. Ашуортом, г-ном Томсоном и г-ном Сениором. Лондон, 1837). — 215.

Hutton, Ch. A Course of mathematics (*Хаттон, Ч.* Курс математики). Первое издание вышло в 1798—1801 годах. — 505.

The Industry of nations. Part II. A Survey of the existing state of arts, machines, and manufactures. London, 1855 (Промышленность народов. Часть II. Обзор существующего уровня искусств и ремесел, машин и промышленного производства. Лондон, 1855). — 426—440, 467, 469—478, 580.

An Inquiry into those principles, respecting the nature of demand and the necessity of consumption, lately advocated by Mr. Malthus, from which it is concluded, that taxation and the maintenance of unproductive consumers can be conducive to the progress of wealth. London, 1821 (Исследование недавно защищавшихся г-ном Мальтусом принципов, которые касаются природы спроса и необходимости потребления и из которых делается вывод, что налоги и содержание непроизводительных потребителей могут способствовать росту богатства. Лондон, 1821). — 9, 150, 172, 220, 255.

Jacob, W. A Letter to Samuel Whitbread, Esq. M. P. being a sequel to considerations on the protection required by british agriculture. London, 1815 (*Джейкоб, У.* Письмо Самюэлу Уитбреду, эсквайру, члену парламента, в связи с обсуждением протекционистских мер, которые были продиктованы интересами британского сельского хозяйства. Лондон, 1815). — 220.

**Jones, R.* An Essay on the distribution of wealth, and on the sources of taxation. Part I: Rent. London, 1831 (*Джонс, Р.* Опыт о распределении богатства и об источниках налогов. Часть I: Рента. Лондон, 1831). «Часть первая» так и осталась единственной частью «Опыта» Джонса. — 187, 214, 226, 576.

**Jones, R.* Text-book of lectures on the political economy of nations, delivered at the East India College, Haileybury. Hertford, 1852 (*Джонс, Р.* Лекции по политической экономии народов, прочитанные в Ост-индском колледже в Хейлибери. Хартфорд, 1852). — 289, 290, 339, 579, 580.

Johnston, W. England as it is, political, social, and industrial, in the middle of the nineteenth century. In two volumes. London, 1851 (*Джонстон, У.* Англия, какова она есть в политическом, социальном и промышленном отношениях, в середине девятнадцатого столетия. В двух томах. Лондон, 1851). — 577.

Laborde, A. De l'esprit d'association dans tous les intérêts de la communauté. Paris, 1818 (*Лаборд, А.* О духе ассоциации во всех сферах общественной жизни. Париж, 1818). — 579.

Laing, S. National distress; its causes and remedies. London, 1844 (*Ленг, С.* Национальное бедствие; его причины и средства к его устранению. Лондон, 1844). — 363.

Lemontey, P. Influence morale de la division du travail. In: *Lemontey, P.* Oeuvres complètes. Tome I. Paris, 1840 (*Лемонте, П.* Моральное влияние разделения труда. В книге: *Лемонте, П.* Полное собрание сочинений. Том I. Париж, 1840). — 327.

[Linguet, N.] Théorie des loix civiles, ou Principes fondamentaux de la société. Tomes I—II. Londres, 1767 (*[Ленге, Н.]* Теория гражданских законов, или Основные начала общества. Тома I—II. Лондон, 1767). — 341.

**Macaulay, Th. B.* The History of England from the accession of James the Second. Volume I.

Tenth edition. London, 1854 (*Маколей, Т. Б.* История Англии со времени восшествия на престол Якова II. Том I. Издание десятое. Лондон, 1854). — 45, 238, 492.

MacCulloch, J. R. A Dictionary, practical, theoretical, and historical, of commerce and commercial navigation. A new edition, corrected, enlarged, and improved. London, 1847 (*Мак-Куллох, Дж. Р.* Практический, теоретический и исторический словарь-справочник по торговле и торговому судоходству. Новое издание, исправленное, расширенное и улучшенное. Лондон, 1847). Первое издание вышло в Лондоне в 1832 году. — 572.

MacCulloch, J. R. The Principles of political economy. Edinburgh and London, 1825 (*Мак-Куллох, Дж. Р.* Начала политической экономии. Эдинбург и Лондон, 1825). — 222, 575, 577.

Macleod, H. D. The Theory and practice of banking: with the elementary principles of currency; prices; credit; and exchanges. Volume I. London, 1855 (*Маклеод, Г. Д.* Теория и практика банкового дела с основными началами средств обращения, цен, кредита и вексельных курсов. Том I. Лондон, 1855). — 7.

Macnab, H. G. Examen impartial des nouvelles vues de M. Robert Owen, et de ses établissements à New-Lanark en Ecosse. Traduit par Laffon de Ladébat. Paris, 1821 (*Макнаб, Г. Г.* Беспристрастное исследование новых взглядов г-на Роберта Оуэна и его предприятия в Нью-Ланарке в Шотландии. Перевод Лаффона де Ладеба. Париж, 1821). Первое издание вышло в Лондоне в 1819 году. — 246, 247.

Malthus, Th. R. Definitions in political economy. A new edition, with a preface, notes, and supplementary remarks by John Cazenove. London, 1853 (*Мальтус, Т. Р.* Определения в политической экономии. Новое издание, с предисловием, примечаниями и дополнительными заметками Джона Кейзнова. Лондон, 1853). Первое издание вышло в Лондоне в 1827 году. — 152, 167.

Malthus, Th. R. Principles of political economy considered with a view to their practical application. 2nd edition with considerable additions from the author's own manuscript and an original memoir. London, 1836 (*Мальтус, Т. Р.* Начала политической экономии, рассматриваемые в расчете на их практическое применение. Издание второе, со значительными добавлениями из собственной рукописи автора и с краткой биографией автора. Лондон, 1836). Первое издание вышло в Лондоне в 1820 году. — 43.

[Mandeville, B.] The Fable of the bees: or, Private vices, publick benefits. London, 1714 (*[Мандевиль, Б.]* Басня о пчелах, или Частные пороки — общественные выгоды. Лондон, 1714). Первое издание в виде поэмы вышло в Лондоне в 1705 году. — 331.

Idem. A Search into the nature of society. Appended to the second edition. London, 1723 (*То же.* Исследование природы общества. Приложение ко второму изданию. Лондон, 1723). — 331, 332.

Idem. The third edition. London, 1724 (*То же.* Издание третье. Лондон, 1724). — 331.

Idem. Part II. London, 1729 (*То же.* Том II. Лондон, 1729). — 331.

**Marx, K.* Misère de la philosophie. Réponse à la philosophie de la misère de M. Proudhon. Paris — Bruxelles, 1847 (*Маркс, К.* Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона. Париж — Брюссель, 1847). — 327, 328.

**Marx, K.* Zur Kritik der politischen Oekonomie. Erstes Heft. Berlin, 1859 (*Маркс, К.* К критике политической экономии. Выпуск первый. Берлин, 1859). — 3, 21, 31, 37, 53, 296, 297, 609.

Mill, J. Elements of political economy. London, 1821 (*Милль, Дж.* Основы политической экономии. Лондон, 1821). — 7, 105, 166, 255, 324.

Mill, J. Elémens d'économie politique. Traduits de l'anglais par J. T. Parisot. Paris, 1823 (*Милль, Дж.* Основы политической экономии. Перевод с английского Ж. Т. Паризо. Париж, 1823). — 323.

Mill, J. St. Essays on some unsettled questions of political economy. London, 1844 (*Милль, Дж. Ст.* Очерки о некоторых нерешенных вопросах политической экономии. Лондон, 1844). — 165, 256, 264.

**Mill, J. St.* Principles of political economy with some of their applications to social philosophy. In two volumes. London, 1848 (*Милль, Дж. Ст.* Начала политической экономии с некоторыми из их применений к социальной философии. В двух томах. Лондон, 1848). Второе издание вышло в свет в 1849 году. — 351.

Morton, J. Ch. On the forces used in agriculture. In: «The Journal of the Society of Arts» (London), No. 368, vol. VII, December 9, 1859 (*Мортон, Дж. Ч.* О силах, используемых в земледелии. В еженедельнике «Журнал Общества искусств и ремесел» (Лондон), № 368, том VII, 9 декабря 1859 г.). — 461, 462.

Nancarrow, J. Calculations relating to grist and sawmills (1794) (*Нанкарроу, Дж.* Расчеты, касающиеся мельниц и лесопилен). — 419.

Newman, F. W. Lectures on political economy. London, 1851 (*Ньюмен, Ф. У.* Лекции по политической экономии. Лондон, 1851). — 221.

Newman, S. Ph. Elements of political economy. Andover and New York, 1835 (*Ньюмен, С. Ф.* Основы политической экономии. Эндавер и Нью-Йорк, 1835). — 172, 325.

Observations on certain verbal disputes in political economy, particularly relating to value, and to demand and supply. London, 1821 (Замечания по поводу некоторых споров о словах в политической экономии, особенно по поводу тех, которые относятся к стоимости и к спросу и предложению. Лондон, 1821). — 174, 283, 361, 362.

On combinations of trades. New edition. London, 1834 (О профессиональных союзах. Новое издание. Лондон, 1834). Первое издание вышло в 1831 году. — 379, 590.

Opdyke, G. A Treatise on political economy. New York, 1851 (*Опдайк, Дж.* Трактат по политической экономии. Нью-Йорк, 1851). — 26, 577.

Ortes, G. Della economia nazionale. Libri sei (1774). In: Scrittori classici italiani di economia politica. Parte moderna. Tomi XXI—XXII. Milano, 1804 (*Ортес, Дж.* Политическая экономия. Шесть книг (1774). В издании: Итальянские классики политической экономии. Современные экономисты. Тома XXI—XXII. Милан, 1804). — 257.

**Owen, R.* Observations on the effect of the manufacturing system: with hints for the improvement of those parts of it which are most injurious to health and morals. The second edition. London, 1817 (*Оуэн, Р.* Замечания о влиянии промышленной системы с указаниями, как улучшить те части ее, которые наиболее вредны для здоровья и нравственности. Издание второе. Лондон, 1817). — 576.

**Petty, W.* An Essay concerning the multiplication of mankind (1682). The third edition revised and enlarged. London, 1698. In.: *Petty, W.* Several essays in political arithmetick. London, 1699 (*Петти, У.* Опыт об увеличении численности рода человеческого (1682). Издание третье, исправ-

ленное и дополненное. Лондон, 1698. В книге: *Петти, У.* Очерки из области политической арифметики. Лондон, 1699). — 319.

**Petty, W.* The Political anatomy of Ireland (1672). To which is added Verbum sapienti. London, 1691 (*Петти, У.* Политическая анатомия Ирландии (1672). С приложением: Слово, достаточное для понимающего. Лондон, 1691). — 585.

**Plato.* Res publica. In: *Platonis* opera omnia. Recognoverunt I. G. Baiterus, I. C. Orellius, A. G. Winckelmannus. Vol. XIII. Turici, 1839 (*Платон.* Государство. В книге: *Платон.* Полное собрание сочинений. Издание И. Г. Байтера, И. К. Орелли, А. Г. Винкельмана. Том XIII. Цюрих, 1839). — 314—317.

Polent, G. De motu aquae mixto. Padovae, 1717 (*Полени, Дж.* О смешанном движении воды. Падуя, 1717). — 413.

Poppe, J. H. M. Geschichte der Technologie, seit der Wiederherstellung der Wissenschaften bis an das Ende des achtzehnten Jahrhunderts. Bände I—III. Göttingen, 1807—1811 (*Поппе, И. Г. М.* История технологии со времени возрождения наук до конца восемнадцатого столетия. Тома I—III. Гёттинген, 1807—1811). — 407, 408, 410—414, 418—425, 430.

Potter, A. Political economy: its objects, uses, and principles: considered with reference to the condition of the american people. New-York, 1841 (*Поттер, А.* Политическая экономия: ее предмет, назначение и начала, рассмотренные применительно к условиям жизни американского народа. Нью-Йорк, 1841). — 308, 309.

Proudhon, P. J. Gratuité du crédit — см. *Bastiat, Fr.* Gratuité du crédit. Discussion entre M. Fr. Bastiat et M. Proudhon.

**Proudhon, P. J.* Qu'est-ce que la propriété? ou Recherches sur le principe du droit et du gouvernement. Paris, 1840 (*Прудон, П. Ж.* Что такое собственность? или Исследование о принципе права и власти. Париж, 1840). — 382.

Public economy concentrated; or, a Connected view of currency, agriculture, and manufactures. Carlisle, 1833 (Сжатое изложение общественной экономии, или Рассмотрение средств обращения, сельского хозяйства и промышленности. Карлайл, 1833). — 515.

Ramsay, G. An Essay on the distribution of wealth. Edinburgh, 1836 (*Рамсей, Дж.* Опыт о распределении богатства. Эдинбург, 1836).— 23, 152, 153, 178, 182, 219, 262, 281, 501, 590.

Ravenstone, P. Thoughts on the funding system, and its effects. London, 1824 (*Рейвнстон, П.* Мысли о системе государственных долгов и ее последствиях. Лондон, 1824). — 281, 338, 393.

Regnault, E. Histoire politique et sociale des principautés danubiennes. Paris, 1855 (*Реньо, Э.* Политическая и социальная история дунайских княжеств. Париж, 1855). — 229—231.

**Ricardo, D.* On the principles of political economy, and taxation. Third edition. London, 1821 (*Рикардо, Д.* О началах политической экономии и налогового обложения. Издание третье. Лондон, 1821). Первое издание вышло в Лондоне в 1817 году. — 43, 166, 283, 504, 550, 590.

Rossi, P. Cours d'économie politique. Année 1836—1837 (Contenant les deux volumes de l'édition de Paris). In: Cours d'économie politique. Bruxelles, 1843 (*Росси, П.* Курс политической экономии. Читан в 1836/37 году (содержит оба тома парижского издания). В сборнике: Курс политической экономии. Брюссель, 1843). Первое издание книги Росси вышло в Париже в двух томах в 1840—1841 годах. — 154, 155, 159, 160, 163, 164, 167, 358, 359.

Rossi. De la méthode en économie politique. De la nature et défi-

nition du travail. In: Economie politique. Recueil de monographies; examen de questions sociales, agricoles, manufacturières et commerciales. Année 1844. Tome I. Bruxelles, 1844 (*Росси*. О методе политической экономии. О природе и определении труда. В книге: Политическая экономия. Сборник монографий; рассмотрение социальных вопросов, касающихся сельского хозяйства, промышленности и торговли. Год 1844. Том I. Брюссель, 1844). — 159.

Sadler, M. Th. The Law of population. Volumes I—II. London, 1830 (*Садлер, М. Т.* Закон народонаселения. Тома I—II. Лондон, 1830). — 290.

Saint-Germain-Leduc. Sir Richard Arkwright, ou naissance de l'industrie cotonnière dans la Grande-Bretagne (1760 à 1792). Paris, 1841 (*Сен-Жермен-Ледюк.* Сэр Ричард Аркрайт, или зарождение хлопчатобумажной промышленности в Великобритании (1760—1792 гг.). Париж, 1841). — 246.

Say, J. B. Cours complet d'économie politique pratique. Seconde édition. Tomes I—II. Paris, 1840 (*Сэй, Ж. Б.* Полный курс практической политической экономии. Издание второе. Тома I—II. Париж, 1840). Первое издание вышло в Париже в 1828—1829 годах. — 103.

Say, J. B. Lettres à M. Malthus, sur différens sujets d'économie politique, notamment sur les causes de la stagnation générale du commerce. Paris — Londres, 1820 (*Сэй, Ж. Б.* Письма г-ну Мальтусу по различным вопросам политической экономии, особенно о причинах всеобщего застоя в торговле. Париж — Лондон, 1820). — 150.

**Say, J. B.* Traité d'économie politique. Troisième édition. Tomes I—II. Paris, 1817 (*Сэй, Ж. Б.* Трактат по политической экономии. Издание третье. Тома I—II. Париж, 1817). Первое издание вышло в Париже в 1803 году. — 7, 20, 21, 165, 170.

Schouw, J. F. Die Erde, die Pflanzen und der Mensch. Aus dem Dänischen von Zeise. Zweite Auflage. Leipzig, 1854 (*Шау, И. Ф.* Земля, растения и человек. Перевод с датского Цейзе. Издание второе. Лейпциг, 1854). — 247.

Schulz, W. Die Bewegung der Produktion. Eine geschichtlich-statistische Abhandlung zur Grundlegung einer neuen Wissenschaft des Staats und der Gesellschaft. Zürich und Winterthur, 1843 (*Шульц, В.* Движение производства. Историко-статистическое исследование для обоснования новой науки о государстве и обществе. Цюрих и Винтертур, 1843). — 581—583.

Scrope, G. The Principles of political economy. London, 1833 (*Скроп, Дж.* Начала политической экономии. Лондон, 1833). — 308.

Senior, N. W. Letters on the Factory Act, as it affects the cotton manufacture. To which are appended, a Letter to Mr. Senior from L. Horner, and Minutes of a conversation between Mr. E. Ashworth, Mr. Thomson and Mr. Senior. London, 1837 (*Сениор, Н. У.* Письма о влиянии фабричного акта на хлопчатобумажную промышленность. С приложением письма Л. Хорнера г-ну Сениору и записи беседы между г-ном Э. Ашуортом, г-ном Томсоном и г-ном Сениором. Лондон, 1837). — 214, 215, 369.

Senior, N. W. Three lectures on the rate of wages. With a preface on the causes and remedies of the present disturbances. London, 1830 (*Сениор, Н. У.* Три лекции об уровне заработной платы. С предисловием о причинах и мерах по устранению имеющихся извращений. Лондон, 1830). — 576.

Sextus Empiricus. Adversus mathematicos (*Секст Эмпирик.* Против математиков). — 313.

Sismondi, J. Ch. L. Simonde de. Etudes sur l'économie politique.

Tomes I—II. Bruxelles, 1837—1838 (*Сисмонди, Ж. Ш. Л. Симонд де.* Очерки политической экономии. Тома I—II. Брюссель, 1837—1838). — 165, 324, 339, 575, 579.

**Sismondi, J. Ch. L. Simonde de.* Nouveaux principes d'économie politique, ou De la richesse dans ses rapports avec la population. Seconde édition. Tomes I—II. Paris, 1827 (*Сисмонди, Ж. Ш. Л. Симонд де.* Новые начала политической экономии, или О богатстве в его отношении к народонаселению. Издание второе. Тома I—II. Париж, 1827). Первое издание вышло в Париже в 1819 году. — 6, 165, 173, 174, 255, 257, 322, 590.

Skarbek, F. Théorie des richesses sociales. Seconde édition. Tome premier. Paris, 1839 (*Скарбек, Ф.* Теория общественного богатства. Издание второе. Том первый. Париж, 1839).— 350, 351.

**Smith, A.* An Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. With a commentary, by the author of «England and America» [E. G. Wakefield]. Volumes I—IV. London, 1835—1839 (*Смит, А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. С комментариями автора книги «Англия и Америка» [Э. Г. Уэйкфилда]. Тома I—IV. Лондон, 1835—1839). — 167, 325.

**Smith, A.* Recherches sur la nature et les causes de la richesse des nations. Traduction nouvelle, avec des notes et observations, par Germain Garnier.Tomes I—IV.Paris, 1802 (*Смит, А.* Исследования о природе и причинах богатства народов. Новый перевод Жермена Гарнье, с примечаниями и замечаниями переводчика. Тома I—IV. Париж, 1802). — 299, 300, 304—307, 322, 323, 326, 327, 330, 331, 340, 341.

The Source and remedy of the national difficulties, deduced from principles of political economy, in a letter to Lord John Russell. London, 1821 (Источник и разрешение национальных трудностей, выводимые из основных положений политической экономии. Письмо лорду Джону Расселу. Лондон, 1821). — 219, 226, 254.

Steuart, J. An Inquiry into the principles of political oeconomy. In three volumes. Vol. I. Dublin, 1770 (*Стюарт, Дж.* Исследование о началах политической экономии. В трех томах. Том I. Дублин, 1770). Первое издание вышло в Лондоне в 1767 г. в двух томах. — 214, 328, 332, 381, 382.

Idem. In: The Works of Sir James Steuart, collected by General Sir James Steuart, his son. In six volumes. Vol. I. London, 1805 (*То же.* В книге: Сочинения сэра Джемса Стюарта, собранные его сыном генералом сэром Джемсом Стюартом. В шести томах. Том I. Лондон, 1805). — 11.

Stewart, D. Lectures on political economy. In: The collected works of D. Stewart. Edited by Sir W. Hamilton. Vol. VIII. Edinburgh, 1855 (*Стюарт, Д.* Лекции по политической экономии. В книге: Собрание сочинений Д. Стюарта. Издание сэра У. Гамильтона. Том VIII. Эдинбург, 1855). — 256, 309, 312, 313, 334, 339.

**Storch, H.* Cours d'économie politique, ou Exposition des principes qui déterminent la prospérité des nations. Avec des notes explicatives et critiques par J. B. Say. Tomes I—IV. Paris, 1823 (*Шторх, А.* Курс политической экономии, или Изложение начал, определяющих благоденствие народов. С пояснительными и критическими примечаниями Ж. Б. Сэя. Тома I—IV. Париж, 1823). Первое издание вышло в С.-Петербурге в 1815 году. — 167, 17?, 257, 325, 590.

Symons, J. C. Arts and artisans at home and abroad. Edinburgh, 1839 (*Саймонс, Дж. К.* Промышленные отрасли и промышленные рабочие в Англии и за границей. Эдинбург, 1839). — 221, 222.

Thompson, B., Count of *Rumford*. Essays, political, economical, and philosophical. Vols. I—III. London, 1796—1802. Vol. I. London, 1796 (*Томпсон, Б.*, граф *Румфорд*. Политические, экономические и философские очерки. Тома I—III. Лондон, 1796—1802. Том I. Лондон, 1796). — 44.

Thompson, W. An Inquiry into the principles of the distribution of wealth most conducive to human happiness. London, 1824 (*Томпсон, У.* Исследование принципов распределения богатства, наиболее способствующих человеческому счастью. Лондон, 1824). — 578.

Thornton, W. Th. Over-population and its remedy. London, 1846 (*Торнтон, У. Т.* Перенаселение и средства к его устранению. Лондон, 1846). — 126.

* *Thucydides.* De bello Peloponnesiaco libri octo (*Фукидид.* О Пелопонесской войне. Восемь книг). — 313.

Tooke, Th.; Newmarch, W. A History of prices, and of the state of the circulation, during the nine years 1848—1856. In two volumes; forming the fifth and sixth volumes of the History of prices from 1792 to the present time. London, 1857 (*Тук, Т.; Ньюмарч, У.* История цен и состояния обращения за девять лет с 1848 по 1856 г. В двух томах, составляющих пятый и шестой тома труда об истории цен за период с 1792 г. по настоящее время. Лондон, 1857). — 231.

Torrens, R. An Essay on the production of wealth. London, 1821 (*Торренс, Р.* Опыт о производстве богатства. Лондон, 1821). — 23, 166, 167.

Torrens, R. On Wages and combination. London, 1834 (*Торренс, Р.* О заработной плате и рабочих союзах. Лондон, 1834). — 370, 576.

[Townsend, J.] A Dissertation on the poor laws. By a well-wisher to mankind (1786). Republished. London, 1817 (*[Таунсенд, Дж.]* Рассуждение по поводу законов о бедных. Сочинение человека, желающего людям добра (1786). Переиздано в Лондоне, 1817). Первое издание вышло в Лондоне в 1786 году. — 256, 257.

Tuckett, J. D. A History of the past and present state of the labouring population, including the progress of agriculture, manufactures, and commerce. In two volumes. London, 1846 (*Такет, Дж. Д.* История положения трудящегося населения в прошлом и настоящем, включая развитие сельского хозяйства, промышленности и торговли. В двух томах. Лондон, 1846). — 566, 567.

[Tufnell, E. C.] Character, object, and effects of trades' unions; with some remarks on the law concerning them. London, 1834 (*[Тафнелл.]* Характер, цель и результаты деятельности тред-юнионов, с некоторыми замечаниями по поводу относящегося к ним законодательства. Лондон, 1834). — 376—378.

* *Turgot.* Réflexions sur la formation et la distribution des richesses (1766). In: Oeuvres de *Turgot*. Nouvelle édition par E. Daire. Tome premier. Paris, 1844 (*Тюрго.* Размышления о создании и распределении богатств (1766). В книге: Сочинения *Тюрго*. Новое издание Э. Дэра. Том первый. Париж, 1844). — 25, 44, 45, 104, 409.

Ure, A. The Philosophy of manufactures: or, an Exposition of the scientific, moral, and commercial economy of the factory system of Great Britain. London, 1835 (*Юр, Э.* Философия фабрики, или Изложение научной, нравственной и коммерческой стороны экономики фабричной системы Великобритании. Лондон, 1835). — 111, 519.

Idem. Second edition, corrected. London, 1835 (*То же.* Издание второе, исправленное. Лондон, 1835). — 333, 334, 354, 355, 557.

Ure, A. Philosophie des manufactures. Traduit sous les yeux de l'auteur. Tomes I—II. Bruxelles, 1836 (*Юр, Э.* Философия фабрики. Переведено под наблюдением автора. Тома I—II. Брюссель, 1836). — 320, 321, 333—335, 354, 355, 377—379, 459, 519—525, 556—566.

Ure, A. Technisches Wörterbuch. Erster Band. Prag, 1843 (*Юр, Э.* Технический словарь. Том первый. Прага, 1843). — 425, 426, 428, 464—467.

Verri, P. Meditazioni sulla economia politica con annotazioni di Gian-Rinaldo Carli (1771). In: Scrittori classici italiani di economia politica. Parte moderna. Tomo XV. Milano, 1804 (*Верри, П.* Размышления о политической экономии, с примечаниями Джана-Ринальдо Карли (1771). В издании: Итальянские классики политической экономии. Современные экономисты. Том XV. Милан, 1804). — 171, 172, 178, 288.

Wade, J. History of the middle and working classes. Third edition. London, 1835 (*Уэйд, Дж.* История среднего и рабочего классов. Издание третье. Лондон, 1835). Первое издание вышло в Лондоне в 1833 году. — 102, 172, 240, 243, 586.

[Wakefield, E. G.] A Commentary to Smith's Wealth of nations — см. *Smith, A.* An Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. With a commentary, by the author of «England and America».

Wakefield, E. G. A View of the art of colonization. London, 1849 (*Уэйкфилд, Э. Г.* Взгляд на искусство колонизации. Лондон, 1849). — 286, 287.

Watson, J. F. Paper read by Dr. *Watson,* reporter on the products to the government of India, before the Society of Arts, on the 17th April 1860 (*Уотсон, Дж. Ф.* Доклад, прочитанный 17 апреля 1860 г. в Обществе искусств и ремесел д-ром *Уотсоном,* референтом правительства Индии по вопросам производства). Опубликован в «The Journal of the Society of Arts». Volume VIII. London, 1860. — 380.

Wayland, Fr. The Elements of political economy. Boston, 1843 (*Уэйленд, Фр.* Основы политической экономии. Бостон, 1843). — 22, 124, 170, 322—324, 381.

West, E. Price of corn and wages of labour, with observations upon Dr. Smith's, Mr. Ricardo's, and Mr. Malthus's doctrines upon those subjects. London, 1826 (*Уэст, Э.* Цена хлеба и заработная плата рабочих, с замечаниями о доктринах д-ра Смита, г-на Рикардо и г-на Мальтуса по этим вопросам. Лондон, 1826). — 594, 597, 599.

**Xenophon.* Cyri disciplina. Edidit Ern. Poppo. Lipsiae, 1821 (*Ксенофонт.* Киропедия. Издал Э. Поппо. Лейпциг, 1821). — 314.

ПАРЛАМЕНТСКИЕ ОТЧЕТЫ И ДРУГИЕ ОФИЦИАЛЬНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Bombay chamber of commerce report for 1859—1860 (Отчет Бомбейской торговой палаты за 1859—1860 гг.). — 380.

Factories. Return to an adress of the honourable the House of Commons, dated 24 April 1861. Ordered, by the House of Commons, to be printed, 11 February 1862 (Фабрики. Отчет, представленный по запросу высокочтимой палаты общин от 24 апреля 1861 г. Опубликовано по распоряжению палаты общин от 11 февраля 1862 г.). — 443, 445, 457, 478.

Factories regulation acts. Ordered, by the House of Commons, to be printed, 9 August 1859 (Фабричные законы. Публикуются по распоряжению палаты общин от 9 августа 1859 г.). — 233.

Factory reports, 1843 (Фабричные отчеты за 1843 г.). — 352.

Factory reports, 1844 (Фабричные отчеты за 1844 г.). — 352.
Irish poor law comission. 3. Report, 1838 (Ирландская комиссия по закону о бедных. Третий отчет, 1838 г.). — 578.
The Master spinners and manufacturers' defence fund. Report of the committee appointed for the receipt and apportionment of this fund, to the central association of master spinners and manufacturers. Manchester, 1854 (Фонд защиты хозяев-прядильщиков и фабрикантов. Отчет комитета по получению и распределению этого фонда, представленный центральной ассоциации хозяев-прядильщиков и фабрикантов. Манчестер, 1854). — 378, 554.
Quarterly return of the marriages, births, and deaths, registered in England (1857, N 35). By authority of the registrar general (Квартальный отчет о браках, рождениях и смертях, зарегистрированных в Англии (1857, № 35). Публикуется по распоряжению генерального регистратора). — 232, 233, 498.
Reports of the inspectors of factories to Her Majesty's Principal Secretary of State for the Home Department (Отчеты фабричных инспекторов министру внутренних дел ее величества).
— for the half year ending 31st October 1852. London, 1852 (за полугодие, истекшее 31 октября 1852 г. Лондон, 1852). — 490.
— for the half year ending 30th April 1855. London, 1855 (за полугодие, истекшее 30 апреля 1855 г. Лондон, 1855). — 238.
— for the half year ending 31st October 1855. London, 1856 (за полугодие, истекшее 31 октября 1855 г. Лондон, 1856). — 235, 237, 238, 374, 381, 492.
— for the half year ending 31st October 1856. London, 1857 (за полугодие, истекшее 31 октября 1856 г. Лондон, 1857). — 233—235, 375, 376, 484, 486—492, 554.
— for the half year ending 31st October 1857. London, 1857 (за полугодие, истекшее 31 октября 1857 г. Лондон, 1857). — 234, 492—494.
— for the half year ending 30th April 1858. London, 1858 (за полугодие, истекшее 30 апреля 1858 г. Лондон, 1858). — 234, 235.
— for the half year ending 31st October 1858. London, 1858 (за полугодие, истекшее 31 октября 1858 г. Лондон, 1858). — 240, 374, 375, 494—496.
— for the half year ending 30th April 1859. London, 1859 (за полугодие, истекшее 30 апреля 1859 г. Лондон, 1859). — 238, 239.
— for the half year ending 31st October 1859. London, 1860 (за полугодие, истекшее 31 октября 1859 г. Лондон, 1860). — 188, 240.
— for the half year ending 30th April 1860. London, 1860 (за полугодие, истекшее 30 апреля 1860 г. Лондон, 1860). — 239, 240, 373, 374, 496.
— for the half year ending 31st October 1860. London, 1860 (за полугодие, истекшее 31 октября 1860 г. Лондон, 1860). — 240—242.
— for the half year ending 31st October 1861. London, 1862 (за полугодие, истекшее 31 октября 1861 г. Лондон, 1862). — 244, 349, 350, 496—498.
Statistical abstract for the United Kingdom in each of the last fifteen years, from 1846 to 1860. London, 1861 (Статистический справочник Соединенного королевства за каждый год из последних пятнадцати лет с 1846 по 1860 годы. Лондон, 1861). — 574.
Twenty-second annual report of the registrar-general of births, deaths, and marriages in England. London, 1861 (Двадцать

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

* * *

УКАЗАТЕЛЬ РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ ЦИТИРУЕМЫХ КНИГ*

Годскин, Т. Сочинения: I. Защита труда против притязаний капитала. II. Популярная политическая экономия. М., 1938.

Дарвин, Ч. Происхождение видов путем естественного отбора. Под редакцией А. Д. Некрасова. М. — Л., 1939 (*Дарвин.* Сочинения, том 3).

Джонс, Р. Экономические сочинения. Перевод с английского. Соцэкгиз, Ленинградское отделение, 1937.

Петти, В. Экономические и статистические работы. Перевод под редакцией М. Смит. М., 1940.

Рикардо, Д. Начала политической экономии и налогового обложения. М., 1955 (*Рикардо, Д.* Сочинения. Перевод под редакцией М. Н. Смит. Том I).

Сисмонди, Ж. Симонд де. Новые начала политической экономии, или О богатстве в его отношении к народонаселению. Тома I—II. М., 1937.

Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962.

Тюрго, А. Р. Избранные экономические произведения. М., 1961.

---

* Настоящий указатель содержит только те русские переводы цитируемых Марксом книг, на которые в тексте тома, в квадратных скобках, даны ссылки с указанием страниц русского издания (самый перевод цитируемых Марксом мест, даваемый в тексте тома, в необходимых случаях уточнен и исправлен).

СОДЕРЖАНИЕ

Том подготовлен к печати
В. С. Выгодским

Помощник подготовителя
И. А. Дмитриева

Редактор *В. К. Брушлинский*

Технический редактор *А. П. Агафошина*

Корректоры *Т. И. Андрианова, Е. Н. Балабаева*

★

Сдано в набор 3 января 1973 г. Подписано в печать 29 мая 1973 г. Формат 60×92[1]/16. Бумага типографская № 1. Усл. печ. л. 42,5. Уч.-изд. л. 45,13. Тираж 45 тыс. экз. Заказ № 635. Цена 1 руб.

★

Издательство политической литературы, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

★

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, Ленинград, Гатчинская ул., 26.

